F246
54

6/54

РУССКАЯ

ХРИСТОМАТІЯ,

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ.

ДЛЯ ВЫСШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

СОСТАВИЛЪ

Андрей Филоновъ.

1025

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

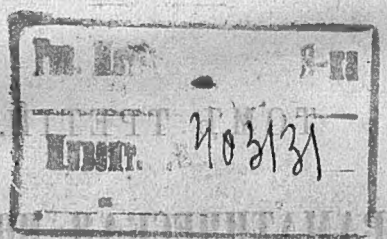
ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1863.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 ноября 1863 года.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Третій томъ «Русской Христоматіи» составленъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ первый и второй томы.

Главное наше желаніе — напечатать хоть одну древнюю классическую трагедію, вполнѣ, безъ малѣйшихъ исключеній — исполнено. Въ предлагаемомъ томѣ трагедія Софокла «Эдипъ въ Колонѣ» напечатана, съ согласія переводчика, цѣликомъ, для того вопервыхъ, чтобы ученики могли составить себѣ ясное и полное понятіе о древней классической трагедіи, а вовторыхъ для того, чтобы они имѣли возможность сравнить ее съ трагедіею Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ».

Въ первый разъ въ «Русской Христоматіи» напечатаны отрывки изъ классическихъ сочиненій Карла Отфрида Миллера и Гервинуса.

Одинъ замѣчательный пробѣлъ находится въ III томѣ «Русской Христоматіи», это — отсутствіе образцевъ трагедіи и комедіи Французской. Но мы откровенно сознаемся, что въ своей подагогической практикѣ не имѣли времени читать съ учениками творенія Корнелля, Расина, Вольтера и Мольера, а потому и не помѣстили отрывковъ изъ произведеній этихъ писателей.

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ПОЭЗІЯ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Происхожденіе драматической поэзіи. — Слова Карла Отфрида Миллера: «Такъ какъ духъ вѣка вообще отражается въ поэзіи гораздо отчетливѣе и вѣрнѣе, нежели въ какомъ бы то ни было родѣ прозаическаго изложенія, то въ трехъ главныхъ вѣтвяхъ поэзіи Грековъ вполнѣ выражается характеръ трехъ различныхъ періодовъ образованія этого народа. Эпическая поэзія процвѣтала въ то время, когда, при продолжающемся монархическомъ правленіи, умы были вполнѣ объяты миѳическимъ міромъ, завѣщаннымъ древностью, когда въ немъ одномъ и мысль и творчество находили себѣ полное удовлетвореніе. Элегія, ямбы и лирика въ собственномъ смыслѣ возникли въ періодъ болѣе возбужденной духовной жизни, сопровождавшей развитіе республиканскихъ началъ, въ которыхъ каждый индивидуумъ даетъ просторъ своимъ личнымъ наклонностямъ и стремленіямъ, а поэтическое воодушевленіе раскрываетъ всѣ тайники человѣческаго сердца. Далѣе, если мы видимъ, что на высшей точкѣ Греческаго образованія, въ эпоху процвѣтанія свободы и могущества Аѳинъ, новый родъ поэзіи возвышается до степени органа идей и ощущеній, властвующихъ надъ временемъ, а всѣ другіе, ранѣе развившіеся, роды поэзіи, отступаютъ передъ новою на задній планъ, такъ что ихъ произведенія становятся почти незначительными, — то ближайшимъ вопросомъ должно быть: чѣмъ драматическая поэзія въ столь значительной мѣрѣ соотвѣтствовала духу этого вѣка, что опередила своихъ сестеръ въ борьбѣ за расположеніе къ себѣ публики?

«Драматическая поэзія, какъ и самое Греческое названіе ея совершенно просто показываетъ, основывается на дѣйствіяхъ, которыя уже не разсказываются только, какъ въ эпической поэзіи, но какъ бы совершаются предъ глазами зрителей. Однако существенное различіе между драмою и эпосомъ не можетъ заключаться въ

этомъ внѣшнемъ совершеніи дѣйствій, потому что дѣйствія не происходятъ на самомъ дѣлѣ въ моментъ представленія и если поэтъ изображаетъ намъ, что такія-то и такія лица говорятъ и дѣйствуютъ передъ нами, то это есть только вымыселъ поэта, лишь въ случаѣ успѣха (удачи) обращающійся въ очарованіе, въ иллюзію для зрителей. Тогда все различіе между эпосомъ и драмой основывалось бы только на обольщеніи или произволѣ. Сущность драматической поэзіи лежитъ глубже,—въ цѣломъ состояніи духа поэта, когда въ немъ зарождаются образы и онъ постоянно проясняетъ или объектируетъ ихъ. Ясно, что сущность дѣла состоитъ въ томъ, что эпическій писатель ставитъ разсказываемыя дѣйствія въ извѣстномъ отдаленіи, какъ предметъ спокойнаго созерцанія или изумленія, сознавая большой промежутокъ, отдѣляющій его во всѣхъ отношеніяхъ отъ этого предмета; тогда какъ напротивъ драматикъ совершенно погружается въ положеніе человѣческой жизни, такъ что, разработывая свое твореніе, онъ дѣйствительно переживаетъ это положеніе самъ. Онъ переживаетъ его дважды: во первыхъ тогда, когда драматическія дѣйствія, въ ихъ возникновеніи изъ глубины человѣческой души, начиная отъ неяснаго желанія до зрѣлаго рѣшенія и обдуманнаго выполненія, представляются ему такъ полно и сообразно природѣ, какъ будто бы они выростали изъ нашего собственнаго нутра [1]), и во вторыхъ тогда, когда вліяніе дѣйствій или судебъ лицъ на сочувствующій духъ обнаруживается въ самой драмѣ и выполняется черезъ нее такъ, что слушатели чувствуютъ себя принужденными принимать участіе въ ней и могущественно вовлеченными въ кругъ драматическихъ событій. Сей второй способъ нагляднаго изображенія дѣйствій былъ гораздо важнѣе перваго въ періодъ развитія этого рода поэзіи, потому-то въ драмахъ того времени и необходимъ былъ хоръ, какъ соучастникъ судебъ главныхъ лицъ; съ чѣмъ и было связано то обстоятельство, что драма, при ея образованіи у Грековъ, примкнула не къ повѣствовательной поэзіи, но развилась отъ одного изъ родовъ лирики. Подробнѣе объ этомъ мы скажемъ впослѣдствіи; теперь же мы остановимся на выводѣ, что драматическая поэзія обнимаетъ человѣческую жизнь съ такою силою и глубиною, какая недоступна иному роду поэзіи. Мы говоримъ: *человѣческую жизнь*, потому, что только она одна можетъ быть драматически излагаема, между тѣмъ какъ природа можетъ быть воспроизведена лишь въ лирѣ и эпосѣ.

«Перенесемся мыслію изъ нашей эпохи, когда драматическая поэзія стала обыденною, въ тотъ вѣкъ, для котораго былъ совер-

---

[1]) Innern.

шенно незнакомъ этотъ родъ поэзіи и мы должны сознаться, что въ этомъ творчествѣ проявляется особенная смѣлость духа. Доселѣ Аодъ (пѣснопѣвецъ) пѣлъ, по одному лишь преданію, о богахъ и геройхъ, какъ о болѣе возвышенныхъ существахъ, и вдругъ онъ самъ выступаетъ передъ толпою и называетъ себя богомъ или героемъ: — нѣтъ сомнѣнія, что это могло произойти лишь по особеннымъ и необычайнымъ обстоятельствамъ у такого народа, какъ Греки, которые даже въ самыхъ забавахъ строго держались опредѣленныхъ обычаевъ. Конечно, въ природѣ человѣка есть много такого, что его влечетъ къ драмѣ: напр. общая всѣмъ людямъ склонность къ подражанію, такъ охотно перенимающая внѣшніе пріемы другаго; дѣтская живость, вслѣдствіе которой разсказчикъ, увлеченный своимъ предметомъ, приводитъ слышанную или даже воображаемую рѣчь кого-либо, именно такъ, какъ будто она дѣйствительно въ ту минуту говорится; однако отъ этихъ разбросанныхъ элементовъ драмы до дѣйствительной драмы еще остается большой шагъ; и кажется, что ни одинъ народъ не сдѣлалъ его ранѣе Грековъ и кромѣ Грековъ. Въ литературѣ Ветхаго Завѣта есть разсказы, приводящіе цѣликомъ рѣчи и разговоры, какъ напр. въ книгѣ Іова; есть лирическія произведенія въ Пѣсни Пѣсней, состоящія между собою въ драматической связи; но о драмѣ, собственно такъ называемой, въ этой литературѣ еще нѣтъ и помину. Драматическая поэзія Индійцевъ принадлежитъ уже къ тому времени, когда Греческая культура пришла въ тѣсную связь съ Индійскою, а такъ называемыя мистеріи среднихъ вѣковъ основаны, хотя и на потускнѣвшемъ, но все же сохранившемся преданіи древности. Въ самой древности, драматическая поэзія, въ особенности трагедія, созрѣла въ единственномъ городѣ—Аѳинахъ, и здѣсь она проявляется лишь на немногихъ празднествахъ одного божества Діониса, тогда какъ эпическія рапсодіи и лирическія пѣсни раздавались при различныхъ случаяхъ. Все бы это было непостижимо, еслибы драматическая поэзія исходила только отъ прихоти и произвола людей. Еслибы ея причина заключалась въ желаніи подражать и охотѣ скрывать подъ маскою дѣйствительное лице, тогда драма была бы столь же обыкновенна въ народной жизни, какъ и самыя эти качества въ людяхъ.

«Удовлетворительное разрѣшеніе вопроса о происхожденіи драмы должно находиться въ ея связи съ богослуженіемъ и, въ особенности—почитаніемъ Бахуса. Греческое богослуженіе содержитъ вообще множество драматическихъ элементовъ. Боговъ воображали живущими въ своихъ храмахъ и принимающими участіе въ посвященныхъ ихъ имени празднествахъ; представлять ихъ дѣйствія въ человѣческихъ лицахъ не казалось непристойною дерзостію. Такъ

благородный Дельфійскій мальчикъ представлялъ Аполлона въ бою съ дракономъ и въ слѣдующихъ затѣмъ—бѣгствѣ и примиреніи; такъ въ Самосѣ, во время главнаго празднества богини Геры, жрицами и жрецами былъ представленъ бракъ ея съ Зевесомъ; самыя Елевзинскія таинства были, по выраженію одного изъ древнихъ писателей [1]) «мистическою драмою,» въ которой исторія Деметры и Коры представлялась жрецами и жрицами, какъ трагедія; но вѣроятно только посредствомъ пантомимъ, поясняемыхъ изрѣдка отдѣльными символическими изрѣченіями и гимнами, пѣтыми въ промежуткахъ. И служеніе Бахусу заключаетъ въ себѣ такія мимическія представленія; такъ при Аѳинскихъ антестеріяхъ, жена втораго архонта, носившая титулъ царицы, обручалась въ таинственномъ торжествѣ Діонису, какъ жениху, и самъ богъ въ публичныхъ шествіяхъ олицетворялся человѣкомъ [2]). Въ Віотійскомъ торжествѣ агріоній, Діонисъ предполагался бѣжавшимъ, его искали въ горахъ, а одинъ изъ жрецовъ,—изображавшій существо враждебное Діонису,—преслѣдовалъ съ сѣкирою въ рукахъ дѣву, представлявшую одну изъ нимфъ, сопровождавшихъ бога. Этотъ обрядъ торжества, часто упоминаемый Плутархомъ, послужилъ зародышемъ миѳу о преслѣдованіи Діониса и его кормилицъ бѣшенымъ Ликургомъ, о которомъ говоритъ еще Гомеръ. Но служеніе Бахусу имѣло отличительную черту, вслѣдствіе которой оно могло, болѣе всякаго другаго, сдѣлаться колыбелью драмы и въ особенности трагедіи, это—связанное съ нимъ поэтическое вдохновеніе. Оно беретъ свое начало въ поклоненіи явленіямъ природы, тѣсно связаннымъ съ перемѣною временъ года, и въ особенности—въ борьбѣ, которую выдерживаетъ природа съ зимою, послѣ которой весною она возрождается въ обновленномъ, цвѣтущемъ состояніи: потому-то всѣ праздники этого божества, какъ въ Аѳинахъ такъ и въ другихъ мѣстахъ, справлялись въ тѣ мѣсяцы, когда день достигаетъ своей кратчайшей мѣры [3]). Первоначальное значеніе этихъ празднествъ было таково, что вдохновленные поклонники дѣйствительно вѣрили, что въ событіяхъ природы они могутъ видѣть бога умершаго или близ-

---

[1]) Климента Александрійскаго.

[2]) Одинъ прекрасный рабъ Никіаса представлялъ въ подобномъ случаѣ Діониса. Плутархъ, Никіасъ 3. Сравни съ описаніемъ великаго торжества Бахуса при Птоломеѣ Филадельфѣ у Атенея V, стр. 196.

[3]) Въ Аѳинахъ эти мѣсяцы были: Посейдеонъ, Гамеліонъ (раньше Ленеонъ), Антестеріонъ, Елафеболіонъ; по неопровержимымъ доводамъ Бёка, въ нихъ справлялись слѣдующія торжества: Малыя или сельскія Діонисіи, Ленеи, Антестеріи, Великія или городскія Діонисіи. Въ Дельфахъ три зимніе мѣсяцы были посвящены Діонису (Плутархъ de El. ap. Delphos. стр. 9) и на Парнассѣ во время кратчайшихъ дней справлялось великое празднество Тритерики,

каго къ смерти, находящагося въ бѣгствѣ и спасеннаго, снова оживающаго или возвращающагося, побѣдителя и владыку, и участники въ торжествѣ ощущали всѣ эти печальныя и радостныя событія такъ живо, какъ будто они сами непосредственно все это испытывали на себѣ. Конечно, потомъ вслѣдствіе великихъ измѣненій, которымъ Греческая религія подвергнулась одновременно съ развитіемъ народа, исчезло изъ умовъ сознаніе, что оплакиваемыя и торжествуемыя страданія и отрады совершались въ природѣ предъ глазами людей; въ Бахусѣ тогда стали видѣть существо личное, человѣкообразное, имѣющее бытіе для самого себя; но все же осталось вдохновленное участіе къ Діонису и его судьбамъ, какъ современнымъ событіямъ.

«Рой второстепенныхъ существъ, окружавшихъ Бахуса, сатировъ, пановъ, нимфъ, въ которыхъ бытіе бога природы какъ бы развѣтвляется въ царствахъ растительномъ и животномъ и проявляется во многоразличныхъ прекрасныхъ и странныхъ формахъ, всегда остался присущимъ Греческой фантазіи, и для того, чтобы въ обыкновенномъ лѣсу или скалистой странѣ, увидѣть, какъ бы глазами, пляски прелестныхъ нимфъ съ дерзкими сатирами и мысленно вмѣшаться самому въ ихъ среду,—не нужно было даже слишкомъ выходить изъ предѣловъ обыкновеннаго круга представленій. Душевное стремленіе бороться, страдать и побѣдить вмѣстѣ съ богомъ, стремленіе, наполнявшее души всѣхъ поклонниковъ Бахуса, находило въ этихъ второстепенныхъ существахъ удобную ступень для того, чтобы приблизиться къ богу. Распространенный обычай надѣвать костюмъ сатировъ во время торжествъ Бахуса происходитъ именно отъ этого стремленія, а не изъ простаго желанія свободнѣе скрыть свой неистовый восторгъ подъ маскою; въ этомъ послѣднемъ случаѣ серьезная и патетическая трагедія не произошла бы отъ хоровъ сатировъ. Нѣтъ! трагедія — это есть стремленіе выйдти изъ самого себя, стать себѣ чуждымъ и сожительствовать въ чудномъ мірѣ фантазіи,—стремленіе, проявляющееся въ тысячѣ внѣшнихъ знаковъ во время празднествъ Бахуса, въ окраскѣ тѣла гипсомъ, сажею, сурикомъ и всевозможными красными и зелеными растительными соками, въ обкладываніи бедръ козьею и козульею шкурою, въ обвѣшиваніи лица большими листьями растеній вмѣсто бороды, наконецъ въ надѣваніи правильныхъ масокъ изъ дерева, древесной коры и другихъ матеріаловъ и полнаго костюма, соотвѣтствующаго роли, придуманной роскошнымъ воображеніемъ.

«Мы полагаемъ, что такъ становится понятно, какимъ образомъ драма могла возникнуть изъ восторженнаго поклоненія Бахусу, какъ часть торжественнаго почитанія его, безъ всякаго произвольнаго вымысла. Мы хотимъ теперь яснѣе и ближе опредѣлить спо-

собъ образованія трагедіи на основаніи опредѣленныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ. По общему преданію старыхъ ученыхъ, трагедія также какъ и комедія была прежде хоромъ [1]). Самый важный фактъ для исторіи драматической поэзіи тотъ, что лирическій элементъ, хорное пѣніе, былъ первоначальною, основною частью трагедіи. Самое происшествіе, судьба бога, было представляемо, или же символически выражено жертвеннымъ обрядомъ; а хоръ высказывалъ свои впечатлѣнія о немъ. Это хорное пѣніе принадлежитъ къ разряду дифирамбовъ; Аристотель говоритъ, что трагедія произошла отъ запѣвалъ дифирамба. Дифирамбъ, какъ мы уже видѣли выше, былъ вдохновенный гимнъ Діонису, сперва пѣтый безъ строгаго порядка веселыми гостями торжественнаго пиршества, но со времени Аріона (около 40 Олимпіады) онъ былъ правильно выполняемъ хоромъ. Дифирамбъ могъ выразить столько различныхъ состояній и ощущеній духа, сколько требовало ихъ поклоненіе Бахусу; были дифирамбы веселые, торжественные, прославлявшіе начало весны, но отъ нихъ не могла произойти трагедія, по причинѣ ея строгаго, мрачнаго характера. Дифирамбъ, изъ котораго развилась трагедія, пѣлъ о страданіяхъ Діониса, какъ ясно видно изъ замѣчательнаго разсказа Геродота, который говоритъ, что трагическіе хоры существовали въ Сикіонѣ во время тирана Клисфена (около 40 Олимпіады, 600 лѣтъ до Р. Х.) и прославляли вмѣсто Діониса, героя Адраста за его страданія. Клисфенъ возвратилъ эти хоры поклоненію Діониса. Отсюда мы видимъ, что въ это время не только были уже трагическіе хоры, но что ихъ распѣванія уже переходили отъ Діониса на героевъ, въ особенности тѣхъ, которые вслѣдствіе своихъ тяжкихъ страданій и бѣдствій, годились для этого.—Здѣсь же виднѣется причина, почему иногда дифирамбы, а впослѣдствіи и правильная трагедія, были переносимы отъ Діониса на героевъ, а не на другія божества Греческаго Олимпа, именно что послѣднія стоятъ выше перемѣнъ судьбы и превратностей счастія, горя и радостей, тогда какъ Діонисъ и герои одинаково имъ подвержены. Съ хронологическимъ показаніемъ Геродота весьма согласно свидѣтельство древнихъ грамматиковъ о томъ, что знаменитый сочинитель дифирамбовъ Аріонъ (около 40 Олимпіады, 580 лѣтъ до Р. Х.) изобрѣлъ «трагическій образъ», (*τραγικὸσ τρόποσ*), подъ которымъ очевидно подразумѣвается водоизмѣненіе дифирамба въ Сикіонѣ, во времена Клисфена. Этимъ также подтверждается преданіе о древнемъ Сикіонскомъ трагикѣ Епигенѣ, предшествен-

---

[1]) Одно мѣсто изъ многихъ: Evanthius de tragoedia et comoedia c. 2. Comoedia fere vetus, ut ipsa quoque olim tragoedia, simplex carmen fuit, quod chorus circa aras fumantes nunc spatiatus nunc consistens nunc revolvens gyros cum tibicine concinebat.

никѣ Аѳинскихъ драматиковъ того времени. По запутаннымъ и отчасти искаженнымъ сказаніямъ о немъ, можно догадаться, что вѣроятно онъ первый перенесъ трагедію съ Діониса на другія лица.

«Если мы задумаемъ составить себѣ болѣе близкое понятіе объ этой древней трагедіи, вполнѣ еще принадлежавшей поклоненію Бахуса, то на основаніи словъ Аристотеля, что «трагедія произошла отъ запѣвалъ дифирамбовъ,» мы можемъ допустить, что здѣсь особенно выдавались пѣвцы, управлявшіе хоромъ. Они, или какъ представители самаго Діониса, или какъ вѣстники изъ свиты бога, разсказывали объ опасностяхъ, угрожавшихъ богу, или побѣдѣ надъ ними, а хоръ заявляетъ свои впечатлѣнія о всемъ этомъ, какъ о предметѣ дѣйствительно существующемъ. Самъ хоръ смотрѣлъ на себя, какъ на свиту, принадлежащую Діонису и вслѣдствіе этого самого бралъ на себя роль сатировъ, участвовавшихъ не только въ веселыхъ приключеніяхъ Діониса, но и во всѣхъ его борьбахъ и превратностяхъ. Такимъ образомъ ему было свойственно выражать боязнь и опасеніе, также какъ веселость и удовольствіе. Въ томъ, что древнѣйшая трагедія имѣла характеръ игры сатировъ, удостовѣряетъ насъ Аристотель и многіе грамматики; а введеніе сатировъ въ этотъ родъ поэтическаго творчества прямо приписывается Аріону, изобрѣтателю трагическаго дифирамба.

«Уже въ древности самое имя трагедія, или пѣснь трагоса, производили отъ того, что пѣвцы, также какъ и сатиры, имѣли сходство съ козлами. Но едва ли названіе этого рода поэзіи могло составиться только вслѣдствіе случайнаго сходства въ образованіи словъ, обозначающихъ далеко несходные предметы сатировъ и козловъ; гораздо вѣроятнѣе предположить, что этотъ родъ дифирамбовъ выполнялся первоначально у пылающей жертвы козла, а разъясненіе связи этого жертвоприношенія съ содержаніемъ трагедіи, предоставимъ болѣе глубокимъ мѳологическимъ изслѣдованіямъ.

«Таково было состояніе трагедіи еще у Дорянъ, считавшихъ себя изобрѣтателями этого рода поэзіи; все дальнѣйшее развитіе ея принадлежитъ Аѳинянамъ. У Дорянъ между тѣмъ, какъ кажется, долго еще удержался лирическій характеръ трагедіи. Безъ сомнѣнія и въ Аѳинахъ пѣлись въ продолженіи нѣкотораго времени трагическіе дифирамбы того же рода, какъ Коринфскіе и Сикіонскіе въ святилищѣ Бахуса Ленеонѣ и при праздникѣ Ленеевъ: это видно изъ всѣхъ вѣрныхъ преданій о началѣ трагедіи [1]). Са-

[1]) Мы совершенно устраняемъ при этомъ мнѣнія объ изобрѣтеніи комедіи при собираніи винограда, принятыя многими и даже Гораціемъ, о лицахъ, вымазанныхъ дрожжами, о повозкѣ, на которой обвозили около Аттики Фесписа и т. д., потому что все это основано на смѣшиваніи происхожденія комедіи съ происхожденіемъ трагедіи. Первая дѣйствительно развилась во время сельскихъ Діонисій

мые Ленеи праздновались именно въ то самое время, когда въ въ остальныхъ частяхъ Греціи оплакивались страданія Діониса. Потому впослѣдствіи, когда драматическія игры были связаны съ тремя годовыми празднествами Бахуса, трагедія, при Ленеяхъ, предшествовала комедіи и слѣдовала непосредственно за торжественнымъ шествіемъ, а при Большихъ Діонисіяхъ, также какъ и при Малыхъ, первою была комедія, слѣдовавшая за большимъ пиромъ, а трагедія шла за ней. Въ ней, какъ кажется, еще до нововведеній Фесписа, такъ какъ хоръ устанавливался вокругъ Діонисова жертвенника, одинъ изъ пѣвцовъ отвѣчалъ хору съ жертвеннаго стола (ἐλεός), стоящаго близъ жертвенника, т. е. передавалъ ему пѣніемъ то, что возбуждало и руководило впечатлѣніями, которыя выражались въ пѣсняхъ хора.

«Однако всѣ древніе согласны въ томъ, что лишь при Фесписѣ трагедія дѣлается драмою и то весьма простою. Во времена Пизистрата (Олимп. 61, 536 до Р. Х.) Фесписъ сильно подвинулъ впередъ драматическія представленія, до сихъ поръ состоявшія рѣшительно изъ одного хора, гдѣ допускался разговоръ только въ пѣсняхъ. Фесписъ ввелъ въ нихъ разговоръ, отличающійся отъ обыкновенной рѣчи только метрическою связностью и болѣе высокимъ стилемъ; и для этой цѣли прибавилъ къ хору отдѣльнаго одного актера. Конечно по тѣмъ понятіямъ о драмѣ, которыя сложились съ развитіемъ драматическаго искусства, одинъ актеръ тоже, что ни одного; но принявъ во вниманіе то обстоятельство, что въ древней драмѣ единственный актеръ въ той же самой піэсѣ выполнялъ одну за другою нѣсколько различныхъ ролей, чему помогали полотняныя маски, которыя ввелъ въ употребленіе Фесписъ и, что хоръ, стоя напротивъ этого единственнаго актера, чрезъ своихъ руководителей вступалъ съ нимъ въ разговоръ, — то легко убѣдиться, что посредствомъ этихъ рѣчей, вставленныхъ между пѣснями хора, заводилось, велось и доводилось до заключенія все драматическое дѣйствіе. Возьмемъ одну изъ піэсъ, заглавіе которыхъ дошло до насъ [1]), напр. Пентея; въ ней этотъ единствен-

---

или праздника собиранія винограда. Аристофанъ называетъ своихъ сотоварищей по искусству, дрожжевыми пѣвцами (τρυγῳδούς), но никогда не называетъ такъ трагическихъ сочинителей или актеровъ; повозки не идутъ къ дифирамбу, воспѣваемому стоящимъ хоромъ, но къ поѣзду, бывавшему при древнѣйшихъ комедіяхъ; также при многихъ праздникахъ имѣли обыкновеніе, произносить съ повозокъ насмѣшки и ругательства (σκώμματα ἐξ ἁμαξῶν). Только вполнѣ устраняя это заблужденіе, такъ какъ оно основано на удобопонятномъ перемѣшиваніи, возможно согласовать исторію трагической драмы съ лучшими указаніями, въ особенности съ тѣми изъ нихъ, которыя принадлежатъ Аристотелю.

[1]) Погребеніе Пелія или Форба, Жрецы, Юноши, Пентей.

ный актеръ, являясь на сцену поочередно въ лицахъ Діониса, царя Пентея, вѣстника и Агавы (матери Пентея), высказываетъ то намѣренія и рѣшимости, то повѣствуетъ о путешествіяхъ, недоступныхъ непосредственному сценическому изображенію, какъ напр. убійство Пентея несчастною матерью, то торжественную радость о совершенномъ дѣлѣ; и дѣйствительно, онъ не могъ выразить безъ трогательныхъ сценъ существенное содержаніе миѳа, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ въ Бакхахъ Еврипида. Здѣсь всегда играли важную роль вѣстники и герольды, что встрѣчается и въ болѣе современныхъ трагедіяхъ, гдѣ они все еще лица значительныя, только рѣчь ихъ въ сравненіи съ пѣснями хора, которымъ она служила мотивомъ, бывала короче.

«Вѣроятно въ представленіяхъ Фесписа лица хора часто представляли сатировъ и другихъ лицъ; потому что, до тѣхъ поръ, пока сатиричная драма не сдѣлалась самостоятельнымъ видомъ драмы, она нигдѣ не отличалась отъ трагедіи. Притомъ же одною изъ главныхъ частей драматическихъ представленій были тогда танцы хора; такъ отъ древнихъ трагиковъ требовалось, чтобы они были столь же хорошими танцовальными учителями, или по нашему — балетмейстерами, сколько поэтами и музыкантами. Во время Аристофана, когда еще изрѣдка ставили на сцену піэсы Фесписа, танцы его выполнялись съ особенною любовію любителями стараго стиля въ оркестикѣ [1]). Съ этимъ находится въ связи то обстоятельство, что, по замѣчанію Аристотеля, древніе трагики чаще употребляли для діалоговъ долгій трохейскій стихъ (тетраметръ trochaicus), нежели ямбическій триметръ; первый былъ въ особенности свойственъ оживленнымъ танцеобразнымъ тѣлодвиженіямъ. Впрочемъ трагедія не изобрѣла двухъ указанныхъ размѣровъ стиховъ, но усвоила ихъ отъ Архилоха, Солона и другихъ сочинителей этого разряда и придала имъ посредствомъ нѣкоторой обдѣлки необходимый характеръ. Вѣроятно въ первое время трагедія приняла оживленный, полный нѣги, трохейскій стихъ; а комедія—мощный, быстрый, созданный для насмѣшки и спора—ямбъ; и послѣдній лишь постепенно принималъ ту форму, которая придана ему въ особенности Эсхиломъ, — форму, какъ кажется, соотвѣтствующую важной, сановитой рѣчи героевъ.

«Даже при Фринихѣ, сынѣ Полифрадмона изъ Аѳинъ, который съ 1 г. 67. Ол., 512 л. до Р. Х. славился на Аттической сценѣ, лирическій элементъ сильно превозмогаетъ драматическій. И при немъ игралъ единственный актеръ, введенный Писписомъ, по крайней мѣрѣ до той эпохи, когда Эсхилъ заслужилъ одобреніе за свои

[1]) Аристофанъ. Осы 1479.

нововведенія; разумѣется, этотъ актеръ выполнялъ различныя роли — одну за другою, даже женскія. Фринихъ первый поставилъ на сцену женскія роли, которыя, по нравамъ древнихъ, должны были выполняться мужчинами; въ этомъ фактѣ есть указаніе и на характеръ его поэзіи. Главныя заслуги Фриниха касались въ особенности оркестики, музыки и лирики; еслибы до насъ дошли его творенія, то мы могли бы видѣть въ немъ болѣе задушевнаго лирика, питомца Эолической лирической школы, нежели искуснаго драматика. Его милыя, сладкія, часто даже скорбныя пѣсни были любимы еще во время Пелопонезской войны, въ особенности людьми стараго покроя. Разумѣется, и у него хоръ занималъ важное мѣсто; и единственный актеръ скорѣе служилъ для того, чтобы давать хору сюжетъ для выраженія его чувствованій и мыслей, нежели хоръ былъ назначенъ для поддержки дѣйствій на сценѣ. Сдается даже, что Фринихъ раздѣлялъ большой драматическій хоръ, соотвѣтствовавшій первоначально дифирамбическому, на различныя отдѣленія, и назначилъ имъ различныя роли, чтобы ввести въ эту большую лирическую массу перемѣны и контрасты. Такъ въ знаменитѣйшей піэсѣ Фриниха «Финикіянахъ», поставленной имъ на сцену, кажется въ 4-й годъ 75 Олим., 476 г. до Р. Х., въ которой онъ прославлялъ подвиги Аѳинъ въ Персидскихъ войнахъ [1]), хоръ состоялъ съ одной стороны, какъ указываетъ имя піэсы, изъ Финикіянокъ — дѣвушекъ изъ Сидона и другихъ городовъ страны, присланныхъ къ Персидскому двору, а съ другой—изъ именитыхъ Персовъ, совѣщающихся въ отсутствіи царя о благѣ государства. Мы знаемъ, что въ началѣ этой драмы, очень сходной съ Эсхиловыми Персами, входилъ царскій слуга и разстилатель ковровъ, приготовлявшій сѣдалища для этого высокаго совѣта и возвѣщавшій объ его появленіяхъ. Усердныя заботы старца и горькія жалобы Финикіянокъ, похищенныхъ въ морскомъ сраженіи у ихъ отцовъ и братьевъ, составляютъ контрастъ, главную черту этой піэсы. Замѣчательно, что Фринихъ многократно сходилъ съ миѳическихъ сюжетовъ на сюжеты изъ современной исторіи; еще ранѣе въ своемъ завоеваніи Милета онъ выставилъ сцену бѣдствій, постигшихъ Милетъ, сына и союзника Аѳинъ, во время завоеванія Персами по возмущеніи Іонянъ (3 г. 70 Олим., 498 л. до Р. Х.). Геродотъ разсказываетъ, что весь театръ заливался слезами при представленіи; но не смотря на это, народъ наказалъ автора зна-

---

[1]) Извѣстно по преданію, что въ 4 г. 75 Олим. Фринихъ сочинилъ піэсу для трагическаго хора, устроеннаго Ѳемистокломъ, какъ хорегомъ. Бентлей предполагаетъ весьма вѣроятно, что это были Финикіяне, въ которыхъ Фринихъ выставляетъ въ особенности заслуги Ѳемистокла.

чительною пенею «за то, что онъ представилъ на сценѣ постигшее его несчастье.» Замѣчательный приговоръ Аѳинянъ о поэтическомъ твореніи! Этимъ приговоромъ они явно высказывали желаніе быть выставленными въ высокомъ свѣтѣ и не вспоминать о превратностяхъ настоящаго.

«Вмѣстѣ съ Фринихомъ писалъ для трагической сцены Херилъ, писатель плодовитый и искусный; онъ выступилъ на свое поприще около 64 Олим. (524 г. до Р. Х.) и держался не только при Эсхилѣ, но даже нѣсколько лѣтъ при Софоклѣ. Онъ былъ особенно замѣчателенъ своимъ величіемъ даже въ сатирическихъ піэсахъ, которыя тогда вѣроятно уже отдѣлились отъ трагедіи. Причиною этого отдѣленія было то, что трагедія все болѣе и болѣе оставляла сюжеты изъ круга Діониса и переходила на героическіе миѳы и что смѣшной манеръ древней Бакхической игры уступилъ мѣсто изложенію болѣе строгому и важному. Но такъ какъ въ Греціи старались удерживать и обработывать всякую древнюю форму, имѣющую что-либо своеобразнаго и характеристичнаго, при другихъ видахъ драмы отъ нея происшедшихъ; то при трагедіи и въ связи съ нею развилась отдѣльная сатирическая драма — или драма сатириконъ, которая, составляя одно цѣлое въ трагедіи, служила для нея заключеніемъ. Теперь эта сатирическая піэса ничто иное, какъ комедія, но одинъ изъ древнихъ писателей называетъ ее мѣтче—шутливою трагедіею; она, какъ и трагедія, выбирала свои сюжеты изъ того же круга преданій о приключеніяхъ Бахуса и героевъ; но переносила ихъ въ область суровой природы, такъ что присутствіе и участіе сельскихъ шаловливыхъ сатировъ казалось совершенно умѣстно. Вслѣдствіе этого къ сатирической драмѣ принадлежатъ сцены свободной, дикой природы, увеселенія нѣсколько рѣзкаго характера, въ которыхъ дикіе колдуны и лютые тираны миѳологіи, поражаются смѣлыми героями и изобрѣтательными хитрецами; при чемъ сатиры могли выражать совершенно свободно и наивно всѣ многообразныя ощущенія ужаса и веселости, отвращенія и удовольствія, свойственныя этимъ дѣтямъ природы. Такимъ образомъ, разумѣется, не всѣ миѳы и миѳическія лица подходятъ къ сатирической драмѣ; лице же болѣе всего подходящее къ ней это—разумномощный ство- и питіе любящій герой Геркулесъ, не пренебрегающій кушаньями на пиршествахъ и не избѣгающій шутокъ въ веселомъ обществѣ; потому что, когда онъ бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, то совершенно спокойно позволялъ увеселять себя шаловливыми насмѣшками сатировъ и иныхъ его сотоварищей и нечистыхъ духовъ.

«Это отдѣленіе и особенный складъ сатирическихъ піэсъ приписывается древними грамматиками Пратину Флійскому, значитъ

Дорійцу изъ Пелопонеса, который сталъ въ Аѳинахъ противникомъ Херила и Эсхила около 70 Олимп., 500 г. до Р. Х., а можетъ быть и еще ранѣе. Онъ былъ также лирическимъ писателемъ по части гипорхемы, бывшей въ близкомъ сродствѣ съ сатирическою драмою. Онъ писалъ также и трагедіи; но самостоятельный талантъ его проявлялся въ драмѣ — сатириконъ, при развитіи которой онъ основывался вѣроятно на туземныхъ потѣхахъ. Флій былъ сосѣдомъ Коринфа и Сикіона, гдѣ царила исполненная сатировъ трагедія Аріона и Епигена. Онъ передалъ свое искусство въ наслѣдство сыну своему Аристею, который, при той же обстановкѣ какъ отецъ, будучи чужестранцомъ или ищущимъ покровительства въ Аѳинахъ, заслужилъ громкую славу на Аѳинской сценѣ при Софоклѣ. Сатирическія піэсы обоихъ Фліасовъ считались даже лучше Есхиловыхъ.

«Такимъ образомъ мы дошли до той точки развитія трагедіи, на которой Эсхилъ принялъ трагедію, въ возрастѣ мощно-цвѣтущаго дитяти, чтобы воспитать изъ него благороднаго мужа. Онъ доставилъ надлежащее развитіе драматическому элементу прибавленіемъ втораго актера и вмѣстѣ съ тѣмъ придалъ цѣлой игрѣ все то значеніе и возвышенность, которыя она способна была принять.» (Переведено изъ Исторіи Греческой литературы Карла Отфрида Миллера: Karl Otfried Müller's «Geschichte der Griechischen Literatur.» Zweiter Band. Breslau. 1841, стр. 22—40 «Ursprünge der dramatischen Poesie»).

Древне-Греческій театръ.—Греческій театръ состоялъ изъ трехъ частей: собственно *театра*, гдѣ сидѣли зрители, *орхестры*, гдѣ танцевалъ и пѣлъ хоръ и *сцены*.

Театра, — мѣсто, гдѣ сидѣли зрители, — большею частію нельзя назвать *зданіемъ*. Театры строились на отлогостяхъ горъ, мѣста для зрителей выдѣлывались въ горѣ же полугруглыми уступами. Театры были открытые и несравненно обширнѣе нашихъ: иные вмѣщали въ себѣ болѣе 40,000 зрителей. Въ театрѣ Мегалополитанскомъ помѣщалось 44,000 человѣкъ. По свидѣтельству Витрувія, Греческіе театры столько были пространны, что самые ближайшіе зрители находились отъ сцены на сто футовъ, т. е. на цѣлое протяженіе оркестра; прочія же мѣста отстояли болѣе нежели на двѣсти футовъ.

Греки, замѣтивъ, что голосъ актера не можетъ быть слышенъ въ такомъ отдаленіи, старались пособить ему искусствомъ. На сей конецъ устроили они мѣдные сосуды, похожіе на колоколъ, дали имъ всѣ тоны голоса отъ низшаго до высшаго и расположили ихъ подъ ступенями театра.

Орхестра была площадка посреди уступовъ; *сцена* — зданіе въ нѣсколько этажей. Большая часть зрителей видѣли мѣстность, открывающуюся за сценой — волны Егейскаго моря. Въ орхестрѣ находился помостъ съ олтаремъ Діониса. Тамъ же устроивались проточныя трубы для того, чтобы отводить воду и чтобы освѣжать зрителей. Въ орхестрѣ Мегалополитанскаго театра до сихъ поръ бьетъ ключъ.

Сообразно значенію своему, Греческая драма подлежала непосредственно

завѣдываніе государства. Поэтъ, желавшій поставить піэсу на сцену, долженъ былъ заблаговременно объявить о томъ архонту-царю.

Богатые граждане охотно брали на себя издержки на постановку піэсы, а правительство, видя въ представленіяхъ самое рѣшительное средство къ образованію народа, давало бѣднымъ возможность присутствовать на нихъ. Такъ Периклъ постановилъ выдавать бѣднымъ по два обола (7 копѣекъ серебромъ) на театръ, потомъ сталъ выдавать деньги на театръ всѣмъ гражданамъ и кромѣ того кормить и поить на счетъ казны.

Драматическія представленія давались три раза въ году, по нѣсколько дней сряду, начиная съ утра.

Не только женскія роли играпись мужчинами, но даже одинъ и тотъ же актеръ въ одной піэсѣ игралъ по нѣсколько ролей. Причиною всему то, что сценическія представленія у Грековъ не служили къ пустому развлеченію, и были дѣломъ религіознымъ, важнымъ. Оттого они давались только во время праздниковъ, установленныхъ въ честь Діониса.

Достойны замѣчанія театральныя украшенія Грековъ. Златошвейная, великолѣпная одежда ихъ актеровъ развѣвалась и влеклась краями по землѣ; бѣлые и высокіе котурны не что иное были какъ древняя обувь царей; трагическія маски въ чертахъ лица изображали бѣшенство, во взорѣ угрозы и ярость; на головѣ всклоченные волосы; большой и отверстый ротъ довершалъ трагическую маску.

Поэтъ, получившій первую награду, выходилъ къ зрителямъ, увѣнчанный плющемъ, какъ жрецъ Діониса, — плющъ посвященъ Діонису. Отличившійся передъ другими *хорегъ* получалъ право поставить треножникъ. Одна изъ великолѣпнѣйшихъ улицъ Аѳинскихъ, ведшая къ храму Діониса, была уставлена изящными мѣдными треножниками хореговъ въ честь богу — покровителю сценическаго искусства. На основаніи треножника надписывалось имя архонта, при которомъ была одержана побѣда и имена — хорега побѣдителя, поэта и перваго актера. По этимъ надписямъ составлялись лѣтописи драматическаго искусства.

Греки страстно любили театръ. Постановка трехъ трагедій Софокла стоила дороже всѣхъ издержекъ Пелопонесской войны. Въ театрѣ Аѳинскомъ бывало до 30 тысячъ зрителей, а число всѣхъ гражданъ Аттики никогда не доходило до 30 тысячъ.

Вліяніе драматической поэзіи было самое благотворное. Ѳукидидъ утверждаетъ, что представленіе трагедій Эсхила сильнѣе рѣчей Димосѳена воспламеняло молодыхъ Аѳинянъ на отечественную войну.

О Древне-Греческомъ театрѣ. Ордынскаго. Соврем. 1851, № 2. — Театръ древнихъ Грековъ. Кн. А. Шаховскаго. Пантеонъ 1840, ч. 2. — Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Гарусова. М. 1862. — Лучшее сочиненіе на иностранномъ языкѣ о театрѣ древнихъ Грековъ принадлежитъ извѣстному архитектору Штраку, который на девяти листахъ представилъ планы всѣхъ сохранившихся до нашего времени Греч. театровъ, реставрированный видъ театровъ въ Егестѣ, въ Патарѣ, въ Помпеѣ, планы обыкновеннаго Греческаго и Римскаго театровъ, и пр. Сочиненіе Штрака носитъ слѣд. названіе: Die altgriechieschen Theatergebäude. Nach sämmtlichen bekannten Ueberresten dargestellt auf neun Tafeln von I. H. Strack, Baumeister, Professor der königlichen Akademie der Künste, Lehrer der königlichen vereinigten Artillerie-und Ingenieur-Schule zu Berlin und Mitglied des royal Institute of britisch Architects. Potsdam. 1843.

ТРАГЕДІЯ.

Что такое трагическое? — Слова Бѣлинскаго: «Что̀ разумѣлъ Грекъ подъ трагическимъ?—Не печальную судьбу человѣка, вслѣдствіе противорѣчащихъ условій жизни, или вслѣдствіе случайности. Человѣкъ, попавшійся на встрѣчу дикому звѣрю и растерзанный имъ, не могъ быть героемъ Греческой трагедіи. Трагическое Грековъ заключалось или въ борьбѣ долга съ влеченіемъ сердца, воли со страстями, или въ борьбѣ разумнаго, двигательнаго начала съ общественнымъ мнѣніемъ; результатомъ борьбы всегда была гибель героя, которою онъ, въ случаѣ побѣды, запечатлѣвалъ торжество божественной идеи надъ массами, и которою, въ случаѣ паденія героя, божественная истина запечатлѣвала свое торжество надъ ограниченностію человѣческой личности. Въ обоихъ случаяхъ, источникъ борьбы былъ внутренній и заключался въ духовной натурѣ героя трагедіи, которымъ могъ быть только великій человѣкъ, созданный дѣйствовать на аренѣ исторіи, предназначенный осуществить собою какое-либо нравственное начало, быть представителемъ какой-либо идеи. Такъ въ «Антигонѣ» Софокла героями являются: Антигона, какъ поборница закона родственности, веледушно жертвующая своею жизнію для выполненія того, что̀ она считала своимъ долгомъ, и невыполненіе чего унизило бы ее въ собственныхъ глазахъ и было бы ей горше смерти,—и Креонъ, какъ представитель непреложной власти закона въ гражданскомъ обществѣ. И потому, вся трагедія эта есть не что иное, какъ трагическая ошибка двухъ равно разумныхъ и великихъ, но на этотъ разъ враждебныхъ началъ. Люди погибли, подобно воинамъ, храбро сражавшимся за правое дѣло: сердце наше скорбитъ о ихъ гибели; но, благословляя падшихъ, мы уже не клянемъ судьбы, ибо видимъ въ гибели героевъ не случайность, но добровольное самопожертвованіе. Антигона могла бы легко спастись отъ гибели,

оставивъ свое великодушное намѣреніе похоронить убитаго брата; но тогда она не была бы великою женщиною, не была бы героинею, и не было бы трагедіи. Вотъ почему трагедія есть высшій родъ поэзіи; вотъ почему такъ возвышаетъ нашу душу ея окровавленный кинжалъ, ея устланный трупами благороднѣйшихъ жертвъ помостъ... Герой есть высочайшее и благороднѣйшее явленіе духа міровой жизни; его личность есть апоѳеоза человѣчества, которое воздвигаетъ ему вѣковѣчные памятники изъ мрамора и мѣди, какъ-бы поклоняясь себѣ въ этихъ гигантскихъ образахъ; герой возбуждаетъ все удивленіе, весь восторгъ, всю любовь человѣчества; образъ его поддерживаетъ въ человѣчествѣ возвышенную вѣру въ великое, истинное и доблестное жизни, во мракѣ ежедневности и случайности поддерживаетъ вѣчный свѣтъ разума... Но почему же герой есть — герой? что дѣлаетъ человѣка героемъ? — Неизмѣнная возможность трагической гибели, этотъ паѳосъ къ идеѣ, простирающійся до веледушной готовности смертію запечатлѣть ея торжество, принести ей въ жертву то, что дается на землѣ только разъ и никогда не возвращается, и чего, слѣдовательно, нѣтъ драгоцѣннѣе — жизнь, и иногда жизнь во цвѣтѣ, въ порѣ надеждъ, въ виду милаго, ласкающаго призрака счастія... И такъ, возможность трагическаго заключается въ условіяхъ ограниченности нашей личности, которой бытіе отдѣляется отъ небытія едва замѣтною и слабою нитью, волосомъ, готовымъ порваться отъ дуновенія вѣтра, и порваться невозвратно... Насъ огорчаетъ и ужасаетъ эта невозвратность однажды утраченнаго счастія, однажды полученной жизни, однажды пріобрѣтеннаго друга, или милой сердца: но уничтожьте эту возможность въ одну минуту потерять данное цѣлою жизнію — и гдѣ же величіе и святость жизни, гдѣ доблесть души, гдѣ истина и правда?... О, безъ трагедіи жизнь была бы водевилемъ, мишурною игрою мелкихъ страстей и страстишекъ, ничтожныхъ интересовъ, грошевыхъ и копѣечныхъ помысловъ... Трагическое, это — Божія гроза, освѣжающая сферу жизни послѣ зноя и удушья продолжительной засухи... Грекъ понималъ его своею высокою душою — и, умѣя наслаждаться жизнію, умѣлъ и быть достойнымъ ея наслажденій. Безпечно веселиться на пиру и твердо умирать гдѣ и когда велитъ судьба, — вотъ что было для Грека идеаломъ разумной жизни». (Соч. Бѣлинскаго. Ч. VI, стр. 117).

Слова Н. Г. Чернышевскаго: «Трагическое обыкновенно признаютъ высшимъ, глубочайшимъ родомъ возвышеннаго. Господствующія нынѣ въ наукѣ понятія о трагическомъ играютъ очень важную роль не только въ эстетикѣ, но и во многихъ другихъ наукахъ (напр. въ исторіи), даже сливаются съ обиходными понятіями о жизни. Поэтому я считаю неизлишнимъ довольно подробно

изложить ихъ, чтобы дать основаніе своей критикѣ. Въ изложеніи буду я строго слѣдовать Фишеру, котораго эстетика нынѣ считается наилучшею въ Германіи.

«Субъектъ по своей природѣ существо дѣятельное. Дѣйствуя, онъ переноситъ во внѣшній міръ свою волю и тѣмъ самымъ приходитъ въ столкновеніе съ закономъ необходимости, владычествующимъ во внѣшнемъ мірѣ. Но дѣйствіе субъекта необходимо запечатлѣно индивидуальною ограниченностью и потому нарушаетъ абсолютное единство объективной связи міра. Это оскорбленіе есть вина (die Schuld), и отзывается въ субъектѣ тѣмъ, что связанный узами единства внѣшній міръ весь какъ одно цѣлое взволновывается дѣйствіемъ субъекта, и чрезъ это отдѣльный поступокъ субъекта влечетъ за собою необозримый и непредусмотримый рядъ послѣдствій, въ которыхъ субъектъ уже не узнаетъ своего поступка и своей воли; тѣмъ не менѣе онъ долженъ признавать необходимую связь всѣхъ этихъ послѣдующихъ явленій со своимъ поступкомъ и чувствовать себя въ отвѣтственности за нихъ. Отвѣтственность за то, чего не хотѣлъ, и что однако сдѣлалъ онъ, имѣетъ для субъекта послѣдствіемъ страданіе, — т. е. выраженіе противодѣйствія отъ нарушеннаго хода вещей во внѣшнемъ мірѣ нарушившему ихъ дѣйствію. Необходимость этого противодѣйствія и страданія усиливается тѣмъ, что угрожаемый субъектъ предвидитъ послѣдствія, предвидитъ зло себѣ, но подвергается ему черезъ тѣ самыя средства, которыми хотѣлъ избѣжать его. Страданіе можетъ усилиться до погибели субъекта и его дѣла. Но дѣло субъекта погибаетъ только по видимому, погибаетъ не совершенно: объективный рядъ послѣдствій переживаетъ погибель субъекта и, мало по малу сливаясь со всеобщимъ единствомъ, очищается отъ своей индивидуальной ограниченности, полученной отъ субъекта. Если субъектъ, погибая, усвояетъ себѣ это сознаніе правдивости своего страданія и того, что дѣло его не погибаетъ, а очищается и торжествуетъ его погибелью, то примиреніе полно, и самъ субъектъ просвѣтленнымъ образомъ переживаетъ себя въ своемъ очищающемся и торжествующемъ дѣлѣ. Все это движеніе называется судьбою или «трагическимъ». Трагическое бываетъ различныхъ родовъ. Первая форма его та, когда субъектъ является не фактически, а только въ возможности виновнымъ, и когда поэтому сила, его губящая, является слѣпою силою природы, которая на отдѣльномъ субъектѣ, отличающемся болѣе внѣшнимъ блескомъ богатства и т. п., нежели внутренними достоинствами, показываетъ примѣръ, что индивидуальное должно погибнуть потому, что оно индивидуальное. Погибель субъекта исходитъ здѣсь не отъ нравственнаго закона, а отъ случая, который однако находитъ себѣ объясненіе и оправда-

ніе въ примиряющей мысли, что смерть — всеобщая необходимость. Въ трагическомъ простой вины (die einfache Schuld) возможность вины переходитъ въ дѣйствительную вину. Но вина лежитъ не въ необходимомъ объективномъ противорѣчіи, а въ какой-нибудь запутанности, связанной съ дѣйствіемъ субъекта. Вина эта нарушаетъ въ чемъ-нибудь нравственную цѣлость міра. Черезъ нее страдаютъ другіе субъекты, и, такъ какъ вина здѣсь на одной сторонѣ, то сначала кажется, что они страдаютъ невинно. Но въ такомъ случаѣ субъекты были бы чистымъ объектомъ для другаго субъекта, что противорѣчитъ значенію субъективности. Потому они должны открыть въ себѣ слабую сторону какою-нибудь ошибкою, находящеюся въ связи съ ихъ сильными сторонами и погибать черезъ эту слабую сторону; страданіе главнаго субъекта, какъ обратная сторона его поступка, истекаетъ силою оскорбленнаго нравственнаго порядка изъ самой вины. Орудіемъ наказанія могутъ быть или оскорбленные субъекты, или самъ преступникъ, сознающій свою вину. Наконецъ высшая форма трагическаго — трагическое нравственнаго столкновенія. Общій нравственный законъ дробится на частныя требованія, которыя часто могутъ находиться въ противоположности между собою, такъ что, удовлетворяя одному, человѣкъ необходимо оскорбляетъ другое. Борьба эта, истекающая изъ внутренней необходимости, а не изъ случайностей, можетъ оставаться внутреннею борьбою въ сердцѣ одного человѣка. Такова борьба въ сердцѣ Антигоны у Софокла. Но какъ искусство олицетворяетъ все въ отдѣльныхъ образахъ, то обыкновенно борьба двухъ требованій нравственнаго закона представляется въ искусствѣ борьбою двухъ лицъ. Одно изъ двухъ противорѣчащихъ стремленій справедливѣе и потому сильнѣе другаго; оно сначала побѣждаетъ все, ему сопротивляющееся, и тѣмъ самымъ становится уже несправедливо, подавляя справедливое право противоположнаго стремленія. Теперь справедливость на сторонѣ, которая сначала была побѣждена, и стремленіе, въ сущности болѣе справедливое, погибаетъ подъ тяжестью собственной несправедливости отъ ударовъ противоположнаго стремленія, которое, будучи оскорблено въ своемъ правѣ, имѣетъ за собой, въ началѣ противодѣйствія, всю силу истины и справедливости, но, побѣждая, впадаетъ само точно такимъ же образомъ въ несправедливость, влекущую за собой погибель или страданіе. Прекрасно весь этотъ родъ трагическаго развивается въ «Юліѣ Цезарѣ» Шекспира: Римъ стремится къ монархической формѣ правленія; представителемъ этого стремленія является Юлій Цезарь; оно справедливѣе и потому сильнѣе противоположнаго направленія, стремящагося сохранить издавна установившееся устройство Рима; Юлій Цезарь побѣждаетъ Помпея. Но

существующее издавна также имѣетъ право существовать, оно возстаетъ противъ своего побѣдителя въ лицѣ Брута. Цезарь погибаетъ; но заговорщики сами мучатся сознаніемъ того, что Цезарь, погибшій отъ нихъ, выше ихъ, и сила, которой онъ самъ былъ представителемъ, воскресаетъ въ лицѣ Тріумвировъ. Брутъ и Кассій погибаютъ; но на гробѣ Брута Антоній и Октавій высказываютъ свое сожалѣніе о немъ. Такъ совершается наконецъ примиреніе противоположныхъ стремленій, изъ которыхъ каждое и справедливо и несправедливо въ своей односторонности, которая постепенно сглаживается паденіемъ каждаго изъ нихъ; изъ борьбы и погибели возникаетъ единство и новая жизнь.

«Изъ этого изложенія видно, что понятіе трагическаго въ Нѣмецкой эстетикѣ соединяется съ понятіемъ судьбы, такъ что трагическая участь человѣка представляется обыкновенно какъ «столкновеніе человѣка съ судьбою», какъ слѣдствіе «вмѣшательства судьбы». Понятіе судьбы обыкновенно искажается въ новыхъ Европейскихъ книгахъ, старающихся объяснить его нашими научными понятіями, даже связать съ ними; потому необходимо представить его во всей чистотѣ и наготѣ. Оно черезъ это избавится отъ несообразнаго смѣшенія съ понятіями науки, въ сущности ему противорѣчащими, и выкажетъ всю свою неосновательность, которая прячется при новѣйшихъ передѣлкахъ его на наши нравы. Живое и неподдѣльное понятіе о судьбѣ было у старинныхъ Грековъ (т. е. у Грековъ до появленія у нихъ философіи) и до сихъ поръ живетъ у многихъ восточныхъ народовъ; оно господствуетъ въ разсказахъ Геродота, въ Греческихъ миѳахъ, въ Индійскихъ поэмахъ, сказкахъ Тысячи и Одной ночи и проч. Что касается позднѣйшихъ превращеній этого основнаго воззрѣнія подъ вліяніемъ понятій о мірѣ, доставленныхъ наукою, эти видоизмѣненія мы считаемъ лишнимъ исчислять, и еще менѣе находимъ нужды подвергать ихъ особенной критикѣ, потому что всѣ они, подобно понятію новѣйшихъ эстетиковъ о трагическомъ, представляясь слѣдствіемъ стремленія согласить непримиримое — фантастическія представленія полудикаго и научныя понятія — страждутъ такою же несостоятельностью, какъ и понятіе новѣйшихъ эстетиковъ о трагическомъ: различіе только то, что натянутость соединенія противоположныхъ началъ въ предшествующихъ попыткахъ сближенія была очевиднѣе, нежели въ понятіи о трагическомъ, которое составлено съ чрезвычайнымъ діалектическимъ глубокомысліемъ. Поэтому не считаемъ за нужное излагать всѣ эти искаженныя понятія о судьбѣ, считая достаточнымъ показать, какъ угловато виднѣется первоначальная основа даже изъ подпослѣдней и искуснѣйшей діалектической одежды, ко-

торою облеклась она въ господствующемъ нынѣ эстетическомъ воззрѣніи на трагическое.

«Вотъ какъ понимаютъ ходъ жизни человѣческой народы, имѣющіе неподдѣльное понятіе о судьбѣ: если я не буду принимать никакихъ предосторожностей противъ несчастія, я могу уцѣлѣть, и почти всегда уцѣлѣю; но если я прійму предосторожности, я непремѣнно погибну, и погибну именно отъ того, въ чемъ искалъ спасенія. Я собираюсь въ дорогу, и принимаю всѣ предосторожности противъ несчастій, могущихъ случиться въ дорогѣ; между прочимъ, зная, что не вездѣ можно найти медицинскія пособія, беру съ собой нѣсколько флакончиковъ съ нужнѣйшими лекарствами и прячу ихъ въ боковой карманъ экипажа. Что необходимо должно выйти изъ этого по понятіямъ старинныхъ Грековъ? То, что экипажъ мой опрокидывается въ дорогѣ, флакончики летятъ изъ кармана; опрокидываясь самъ, я попадаю виском на одинъ изъ флакончиковъ, раздавливаю его, осколокъ стекла врѣзывается въ мой високъ и я умираю. Если бы не взято было мною предосторожностей, не было бы мнѣ никакой бѣды; но я захотѣлъ принять мѣры противъ несчастія и погибъ отъ того самаго, въ чемъ искалъ безопасности. Подобный взглядъ на человѣческую жизнь такъ мало подходитъ къ нашимъ понятіямъ, что имѣетъ для насъ интересъ только фантастическаго; трагедія, основанная на идеѣ восточной или старинной Греческой судьбы, для насъ будетъ имѣть значеніе сказки, обезображенной передѣлкою. А между тѣмъ, все представленное нами изложеніе понятій о трагическомъ въ Нѣмецкой эстетикѣ есть только опытъ привести понятіе о судьбѣ въ согласіе съ понятіями современной науки. Это введеніе понятія о судьбѣ въ науку посредствомъ эстетическаго воззрѣнія на сущность трагическаго было сдѣлано съ чрезвычайнымъ глубокомысліемъ, свидѣтельствующимъ о великой силѣ умовъ, трудившихся надъ примиреніемъ чуждыхъ наукѣ воззрѣній на жизнь съ понятіями науки; но эта глубокомысленная попытка служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ того, что подобныя стремленія никогда не могутъ быть успѣшны: наука можетъ только объяснить происхожденіе фантастическихъ мнѣній полудикаго человѣка, но не примирить ихъ съ истиною. Понятіе о судьбѣ родилось и развилось слѣдующимъ образомъ.

«Одно изъ дѣйствій образованности на человѣка состоитъ въ томъ, что она, разширяя кругъ его зрѣнія, даетъ ему возможность понимать въ истинномъ смыслѣ явленія, несходныя съ ближайшими къ нему, которыя одни только кажутся удобопонятными для необразованнаго ума, непостигающаго явленій чуждыхъ непосредственной сферѣ его жизненныхъ отправленій. Наука даетъ человѣку

понятіе о томъ, что жизнь природы, жизнь растеній и животныхъ совершенно отлична отъ человѣческой жизни. Дикарь или полудикій человѣкъ не представляетъ себѣ жизни иной, какъ та, которую знаетъ онъ непосредственно, какъ человѣческая жизнь; ему кажется, что дерево говоритъ, чувствуетъ, наслаждается и страдаетъ, подобно человѣку; что животныя дѣйствуютъ также сознательно, какъ человѣкъ — у нихъ свой языкъ; даже на человѣческомъ языкѣ не говорятъ они только потому, что хитры, и надѣются выиграть молчаніемъ больше, нежели разговорами. Точно также онъ воображаетъ себѣ жизнь рѣки, скалы: скала — это окаменѣвшій богатырь, сохранившій чувства и мысль; рѣка — это наяда, русалка, водяной. Землетрясенія Сициліи происходятъ оттого, что гигантъ, заваленный этимъ островомъ, старается сбросить тяжесть, которая лежитъ на его членахъ. Во всей природѣ видитъ дикарь человѣкоподобную жизнь, всѣ явленія природы производитъ отъ сознательнаго дѣйствія человѣкообразныхъ существъ. Какъ онъ очеловѣчиваетъ вѣтеръ, холодъ, жаръ (припомнимъ нашу сказку о томъ, какъ спорили мужикъ - вѣтеръ, мужикъ - морозъ, мужикъ-солнце, кто изъ нихъ сильнѣе), болѣзни (разсказы о холерѣ, о двѣнадцати сестрахъ-лихорадкахъ, о цынгѣ—послѣдній между Шпицбергенскими промышленниками), точно такъ же очеловѣчиваетъ онъ и силу случая. Приписывать его дѣйствія произволу человѣкообразнаго существа еще легче, нежели объяснить подобнымъ образомъ другія явленія природы и жизни; потому что именно дѣйствія случая скорѣе, нежели явленія другихъ силъ, могутъ пробудить мысль о капризѣ, произволѣ, о всѣхъ тѣхъ качествахъ, которыя составляютъ исключительную принадлежность человѣческой личности. Посмотримъ же, какимъ образомъ изъ воззрѣнія на случай какъ на дѣло человѣкообразнаго существа, развиваются всѣ качества, приписываемыя судьбѣ дикими и полудикими народами. Чѣмъ важнѣе дѣло, задуманное человѣкомъ, тѣмъ болѣе нужно условій, чтобы оно исполнилось именно такъ, какъ задумано; почти никогда всѣ условія не встрѣтятся такъ, какъ человѣкъ разсчитывалъ; и потому почти никогда важное дѣло не дѣлается именно такъ, какъ предполагалъ человѣкъ. Эта случайность, разстраивающая наши планы, кажется полудикому человѣку, какъ мы сказали, дѣломъ человѣкообразнаго существа, судьбы; изъ этого основнаго характера, замѣчаемаго въ случаѣ, или судьбѣ, сами собою слѣдуютъ всѣ качества, придаваемыя судьбѣ современными дикарями, очень многими восточными народами и старинными Греками. Ясно, что самыя важныя дѣла именно и служатъ игралищемъ судьбы (потому, какъ мы сказали, что чѣмъ важнѣе дѣло, тѣмъ отъ большаго числа условій оно зависитъ, и слѣдовательно тѣмъ обширнѣе

въ немъ поле для случайностей); идемъ далѣе. Случай уничтожаетъ наши разсчеты — значитъ судьба любитъ уничтожать наши разсчеты, любитъ посмѣяться надъ человѣкомъ и его разсчетами; случай невозможно предусмотрѣть, невозможно сказать, почему случилось такъ, а не иначе — слѣдовательно судьба капризна, своенравна; случай часто пагубенъ для человѣка — слѣдовательно судьба любитъ вредить человѣку, судьба зла; и въ самомъ дѣлѣ, у Грековъ судьба человѣконенавистница; злой и сильный человѣкъ любитъ вредить именно самымъ лучшимъ, самымъ умнымъ, самымъ счастливымъ людямъ — ихъ преимущественно любитъ губить и судьба; злобный, капризный и очень сильный человѣкъ любитъ выказать свое могущество, говоря напередъ тому, кого хочетъ уничтожить: «я хочу сдѣлать съ тобою вотъ - что; попробуй бороться со мною» — такъ и судьба объявляетъ впередъ свои рѣшенія, чтобъ имѣть злую радость доказать намъ наше безсиліе передъ нею и посмѣяться надъ нашими слабыми, безуспѣшными попытками бороться съ нею, избѣжать ея. Странными кажутся намъ теперь подобныя мнѣнія. Но посмотримъ, какъ они отразились въ эстетической теоріи трагическаго.

«Она говоритъ: свободное дѣйствіе человѣка возмущаетъ естественный ходъ природы; природа и ея законы возстаютъ противъ оскорбителя своихъ правъ; слѣдствіемъ этого бываетъ страданіе и погибель дѣйствующаго лица, если дѣйствіе было такъ могущественно, что вызванное имъ противодѣйствіе было серьезно: «потому все великое подлежитъ трагической участи.» Природа здѣсь представляется живымъ существомъ, чрезвычайно раздражительнымъ, чрезвычайно щекотливымъ насчетъ своей неприкосновенности. Неужели въ самомъ дѣлѣ природа оскорбляется? неужели въ самомъ дѣлѣ природа мститъ? нѣтъ; она продолжаетъ вѣчно дѣйствовать по своимъ законамъ, она не знаетъ о человѣкѣ и его дѣлахъ, о его счастіи и его погибели; ея законы могутъ имѣть и часто имѣютъ пагубное для человѣка и его дѣлъ дѣйствіе; но на нихъ же опирается всякое человѣческое дѣйствіе. Природа безстрастна къ человѣку; она не врагъ и не другъ ему: она — то удобное, то неудобное поприще для его дѣятельности. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что всякое важное дѣло человѣка требуетъ сильной борьбы съ природою или съ другими людьми; но почему это такъ? потому только, что какъ бы ни было само по себѣ важно дѣло, мы привыкли не считать его важнымъ, если оно совершается безъ сильной борьбы. Такъ дыханіе важнѣе всего въ жизни человѣка; но мы не обращаемъ и вниманія на него, потому что ему обыкновенно не противостоятъ никакія препятствія; для дикаря, питающагося даромъ ему достающимися плодами хлѣбнаго дерева,

и для Европейца, которому хлѣбъ достается только черезъ тяжелую работу земледѣлія, пища одинаково важна; но собираніе плодовъ хлѣбнаго дерева — «не важное» дѣло, потому, что оно легко; «важно» земледѣліе, потому что оно тяжело. И такъ: не всѣ важныя по существенному значенію своему дѣла требуютъ борьбы; но мы привыкли называть важными только тѣ изъ важныхъ въ сущности дѣлъ, которыя трудны. Много есть драгоцѣнныхъ вещей, которыя не имѣютъ никакой цѣны, потому что достаются даромъ, напр. вода и солнечный свѣтъ; и много есть очень важныхъ дѣлъ, которымъ не придается никакой важности, потому только, что они дѣлаются очень легко. Но согласимся съ обыкновенною фразеологіею; пусть важны будутъ только тѣ дѣла, которыя требуютъ тяжелой борьбы. Неужели эта борьба всегда трагична? вовсе нѣтъ; иногда трагична, иногда не трагична, какъ случится. Мореходецъ борется съ моремъ, бурями, подводными скалами; тяжело его поприще; но развѣ необходимо этому поприщу быть трагичнымъ? на одинъ корабль, который будетъ разбитъ бурею о подводныя скалы, приходится сотня кораблей, которые невредимы достигаютъ гавани. Пусть всегда нужна борьба; но не всегда борьба бываетъ несчастна. А счастливая борьба, какъ бы ни была она тяжела, не страданіе, а наслажденіе, не трагична, а только драматична. И не правда-ли, что если приняты всѣ нужныя предосторожности, то почти всегда дѣло кончается счастливо? Гдѣ же необходимость трагическаго въ природѣ? Трагическое въ борьбѣ съ природою случайность. Этимъ однимъ разрушается теорія, видящая въ немъ «законъ вселенной». — «Но общество? но другіе люди? развѣ не долженъ выдержать съ ними тяжелую борьбу всякій великій человѣкъ?» Опять надобно сказать, что не всегда сопряжены съ тяжелою борьбою великія событія въ исторіи, но что мы, по злоупотребленію языка, привыкли называть великими событіями только тѣ, которыя были сопряжены съ тяжелою борьбою. Крещеніе Франковъ было великимъ событіемъ; но гдѣ же при немъ тяжелая борьба? Не было тяжелой борьбы и при крещеніи Русскихъ. Трагична-ли судьба великихъ людей? Иногда трагична, иногда нетрагична, какъ и участь мелкихъ людей; необходимости тутъ нѣтъ никакой. И даже надобно вообще сказать, что участь великихъ людей обыкновенно бываетъ легче участи незамѣчательныхъ людей; впрочемъ опять не отъ особеннаго расположенія судьбы къ замѣчательнымъ или нерасположенія къ незамѣчательнымъ людямъ, а просто потому, что у первыхъ болѣе силъ, ума, энергіи, что другіе люди больше питаютъ къ нимъ уваженія, сочувствія, скорѣе готовы содѣйствовать имъ. Если въ людяхъ есть наклонность завидовать чужому величію, то еще больше въ нихъ наклонности уважать величіе; общество

будетъ благоговѣть передъ великимъ человѣкомъ, если нѣтъ особенныхъ, случайныхъ причинъ обществу считать его вреднымъ для себя. Трагична или нетрагична судьба великаго человѣка, зависитъ отъ обстоятельствъ; и въ исторіи менѣе можно встрѣтить великихъ людей, участь которыхъ была трагична, нежели такихъ, въ жизни которыхъ много было драматизма, но не было трагичности. Крезъ, Помпей, Юлій Цезарь имѣли трагичную судьбу; но Нума Помпилій, Марій, Сулла, Августъ окончили свое поприще очень счастливо. Что можно найти трагическаго въ судьбѣ Карла Великаго, Петра Великаго, Фридриха II, въ жизни Лютера, Вольтера, Гёте, Вальтеръ-Скотта? Борьбы въ жизни этихъ людей было много; но говоря вообще, надобно сознаться, что удача и счастіе были на ихъ сторонѣ. А если Сервантесъ умеръ въ нищетѣ, то развѣ не умираютъ въ нищетѣ тысячи незамѣчательныхъ людей, которые могли бы не менѣе Сервантеса разсчитывать на счастливую развязку въ жизни, и по своей незначительности вовсе не могли подлежать закону трагизма? Случайности жизни безразлично поражаютъ замѣчательныхъ и незамѣчательныхъ людей, безразлично благопріятствуютъ тѣмъ и другимъ. Но продолжаемъ нашъ обзоръ и отъ общаго понятія о трагическомъ, переходимъ къ трагическому «простой вины.»

«Въ характерѣ великаго человѣка, — говоритъ господствующая эстетическая теорія, — всегда есть слабая сторона; въ дѣйствованіи замѣчательнаго человѣка есть всегда что-нибудь ошибочное или преступное. Эта слабость, проступокъ, преступленіе губятъ его. А между тѣмъ они необходимо лежатъ въ глубинѣ его характера, такъ что великій человѣкъ гибнетъ отъ того же самаго, въ чемъ источникъ его величія.» Не подвержено никакому сомнѣнію, что часто бываетъ это на самомъ дѣлѣ: безконечныя войны возвысили Наполеона; онѣ же и низвергли его; почти тоже было и съ Людовикомъ XIV. Но не всегда бываетъ такъ. Часто великій человѣкъ погибаетъ безъ всякой вины съ своей стороны. Такъ погибъ Генрихъ IV и съ нимъ вмѣстѣ палъ Сюлли. До нѣкоторой степени это безвинное паденіе находимъ и въ трагедіяхъ, не смотря на то, что авторы ихъ бывали связаны своими понятіями: неужели Дездемона была въ самомъ дѣлѣ причиною своей погибели? всякій видитъ, что однѣ гнусныя хитрости Яго погубили ее. Неужели Ромео и Джульетта сами причиною своей погибели? Конечно, если мы захотимъ непремѣнно въ каждомъ погибающемъ видѣть преступника, то можемъ обвинять всѣхъ: Дездемона виновата тѣмъ, что была невинна душою и слѣдовательно не могла предвидѣть клеветы; Ромео и Джульетта виноваты тѣмъ, что любятъ другъ друга. Мысль видѣть въ каждомъ погибающемъ виноватаго — мысль

натянутая и жестокая. Связь ея съ идеею Греческой судьбы и различными ея видоизмѣненіями очень ясна. Здѣсь можно указать на одну сторону этой связи: по Греческимъ понятіямъ о судьбѣ, въ погибели своей бываетъ всегда виноватъ самъ человѣкъ; если бы онъ поступилъ иначе, его не постигла бы погибель.

«Другой родъ трагическаго — трагическое нравственнаго столкновенія — эстетика выводитъ изъ той же мысли, только взятой наоборотъ: въ трагическомъ простой вины, основаніемъ трагической судьбы считаютъ мнимую истину, что каждое дѣйствіе, и особенно величайшее изъ бѣдствій, погибель, есть слѣдствіе преступленія; въ трагическомъ нравственнаго столкновенія новѣйшіе эстетики исходятъ отъ мысли, что за преступленіемъ всегда слѣдуетъ наказаніе преступника или погибелью, или мученіями его собственной совѣсти. И эта мысль явнымъ образомъ ведетъ свое начало отъ преданія о фуріяхъ, бичующихъ преступника. Само собою разумѣется, что въ ней подъ преступленіями разумѣются не въ частности уголовныя преступленія, которыя всегда наказываются государственными законами, а вообще нравственныя преступленія, которыя могутъ быть наказаны только или стеченіемъ обстоятельствъ, или общественнымъ мнѣніемъ, или совѣстью самаго преступника.

«Что касается до наказанія посредствомъ стеченія обстоятельствъ, то мы уже давно подсмѣиваемся надъ старинными романами, въ которыхъ «всегда подъ конецъ торжествовала добродѣтель и наказывался порокъ.» Правда, мы могли бы не забывать при томъ, что и въ наше время пишутся подобные романы (въ примѣръ укажемъ на большую часть Диккенсовыхъ). Но мы во всякомъ случаѣ начинаемъ понимать, что земля не мѣсто суда, а мѣсто жизни. Однако романистамъ и эстетикамъ все-таки непремѣнно хочется, чтобы порокъ и преступленіе наказывались на землѣ. И вотъ явилась теорія, утверждающая, что они всегда наказываются общественнымъ мнѣніемъ и угрызеніями совѣсти. Но и это бываетъ не всегда. Что касается до общественнаго мнѣнія, то оно преслѣдуетъ далеко не всѣ нравственныя преступленія. А если голосъ общества не пробуждаетъ ежеминутно нашей совѣсти, то въ самой большей части случаевъ она и не проснется въ насъ, или, проснувшись, очень скоро заснетъ. Всякій образованный человѣкъ понимаетъ, какъ смѣшно смотрѣть на міръ тѣми глазами, какими смотрѣли Греки Геродотовскихъ временъ; всякій нынѣ очень хорошо понимаетъ, что въ страданіи и погибели великихъ людей нѣтъ ничего необходимаго; что не всякій гибнущій человѣкъ гибнетъ за свои преступленія, что не всякій преступникъ погибаетъ; что не всякое преступленіе наказывается судомъ общественнаго мнѣнія, и проч. Потому нельзя не сказать, что трагическое не всегда про-

буждаетъ въ насъ идею необходимости, и что вовсе не въ идеѣ необходимости основаніе дѣйствія его на человѣка и сущность его. Въ чемъ же сущность трагическаго?

«Трагическое есть страданіе или погибель человѣка — этого совершенно достаточно, чтобы исполнить насъ ужасомъ и состраданіемъ, хотя бы въ этомъ страданіи, въ этой погибели и не проявлялась никакая «безконечно могущественная и неотразимая сила». Случай или необходимость причина страданія и погибели человѣка — все равно: страданіе и погибель ужасны. Намъ говорятъ: «чисто случайная погибель — нелѣпость въ трагедіи» — въ трагедіяхъ, писанныхъ авторами, можетъ быть; въ дѣйствительной жизни — нѣтъ. Въ поэзіи авторъ считаетъ необходимою обязанностью «выводить развязку изъ самой завязки»; въ жизни развязка часто совершенно случайна, и трагическая участь можетъ быть совершенно случайною, не переставая быть трагическою. Мы согласны, что трагична участь Макбета и лэди Макбетъ, необходимо вытекающая изъ ихъ положенія и дѣлъ. Но неужели не трагична участь Густава-Адольфа, который погибъ совершенно случайно въ битвѣ подъ Люценомъ, на пути торжества и побѣдъ? Опредѣленіе: *трагическое есть ужасное въ человѣческой жизни*, кажется, будетъ совершенно-полнымъ опредѣленіемъ трагическаго въ жизни и въ искусствѣ. Правда, что большая часть произведеній искусства даетъ право прибавить: «ужасное, постигающее человѣка болѣе или менѣе неизбѣжно;» но во первыхъ сомнительно, до какой степени справедливо поступаетъ искусство, представляя это ужасное почти всегда неизбѣжнымъ, когда въ самой дѣйствительности оно бываетъ большею частію вовсе не неизбѣжно, а чисто случайно; во вторыхъ, кажется, что очень часто только по привычкѣ доискиваться во всякомъ великомъ произведеніи искусства «необходимаго сцѣпленія обстоятельствъ,» «необходимаго развитія дѣйствія изъ сущности самаго дѣйствія» мы находимъ, съ грѣхомъ по поламъ, «необходимость въ ходѣ событій» и тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ, напримѣръ въ большей части трагедій Шекспира». (Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности. Н. Чернышевскаго. Спб. 1855, стр. 22 — 32).

Значеніе хора въ Греческой трагедіи. — Слова Арбузова: «Главнѣйшимъ характеристическимъ своимъ свойствомъ имѣетъ Греческая трагедія — хоръ.

«Хоръ обладаетъ наибольшимъ значеніемъ въ лучшую эпоху древней драмы; художественно обработанный, является онъ часто, во время ея процвѣтанія, лучшимъ ея украшеніемъ; онъ есть необходимая, присущая часть ея тѣла; безъ него не могла составиться и существовать Греческая трагедія; поэтъ, желавшій поставить піэсу на сцену, прежде всего у архонта *просилъ хора;* большая часть Эсхиловыхъ трагедій получила названіе отъ хора; какъ *«Умоляющія»*, *«Персы»*, *«Эвмениды»*, *«Коэфоры»*, въ разбираемой нами траге-

діи (Прометеѣ) хоръ составляютъ нимфы Океаниды; что же такое былъ въ Греческой трагедіи хоръ?

«Вопросъ этотъ могъ быть вполнѣ рѣшеннымъ только въ наше время, когда Греческая жизнь болѣе объяснилась и, благодаря великимъ ея изслѣдователямъ, стала намъ понятнѣе. Это происходитъ отъ всѣмъ извѣстнаго и часто упоминаемаго закона, по которому театръ всегда былъ, есть и будетъ выраженіемъ жизни народа. Греческая трагедія, истекая изъ того же начала, выражала хоромъ характеръ Греческой жизни и классическаго искусства.

«Сущность хора объясняется: 1) происхожденіемъ Греческой трагедіи, 2) нравственнымъ и поэтическимъ его значеніемъ и, наконецъ 3) самою Греческою жизнію.

«Происхожденіе Греческой трагедіи болѣе или менѣе извѣстно, не смотря на недостатокъ и сбивчивость древнихъ свидѣтельствъ, по коимъ нельзя дать яснаго отчета объ этомъ предметѣ. Въ праздники Вакха или Діониса, олицетворявшаго воспроизводительную силу природы, были пѣты въ честь ему гимны, по имени дифирамбы или пеаны. Въ нихъ-то и зародилась драма совершенно случайно. Эти дифирамбы пѣлись хоромъ, раздѣленнымъ на коріеевъ и хористовъ. Между коріееемъ и хористами образовался разговоръ; или же два полухора отвѣчали другъ другу, и такимъ образомъ уже изъ самого этого разговора могла бы образоваться драма. Но, какъ всѣ открытія, открытіе драмы обязано случаю.

«Съ цѣлію придать болѣе разнообразія этимъ хорамъ, или для того, чтобы дать хористамъ средство отдохнуть, вздумали позже прибавить къ нимъ одного артиста, исключительно назначеннаго для интермедій.

«Въ началѣ долженъ онъ былъ разсказывать о похожденіяхъ бога, въ честь котораго совершалось празднество; впослѣдствіи разсказы его касались боговъ постороннихъ, а наконецъ, и людей въ сношеніи съ богами. Такое нововведеніе не понравилось было старикамъ и начальству, которымъ казалось оно нечестіемъ, однако установилось одобреніемъ народа. И такъ, драматическій разговоръ уже существовалъ; отъ него перешли и къ дѣйствію. Эти разсказы, которыми по временамъ прерывалось пѣніе хора, не довольствовались уже событіями прошедшими; они стали представлять воображенію событія настоящія, и для выраженія дѣйствія и хода произшествій прибавленъ былъ другой, потомъ третій актеръ. И то, что было доселѣ какъ бы трибуною, съ которой первый актеръ говорилъ съ хоромъ, сдѣлалось теперь сценою; она развивалась въ глазахъ хора, созерцавшаго и выражавшаго въ пѣсняхъ ощущенія, производимыя ею. Введеніе перваго актера приписываютъ Феспису, втораго — Эсхилу, третьяго — Софоклу.

«Извѣстно, что самое слово *трагедія* производятъ отъ *τράγος* — козелъ, и *ᾠδή* — пѣснь. Козла приносили въ жертву Вакху, или, какъ видно изъ Виргилія, награждали этимъ животнымъ побѣдителя въ состязаніяхъ Діонисіевыхъ. Такимъ образомъ, происхожденіемъ драмы обязаны были Греки случаю, хотя долгое время уже имѣли они ее въ пѣсняхъ Гомера. Стоило только рапсодамъ, читавшимъ публично изъ Иліады, напримѣръ, ссору Агамемнона съ Ахиллесомъ,—стоило имъ только замѣнить собою героевъ, слова которыхъ они воспоминали, и явиться передъ любопытною толпою въ видѣ Агамемнона и Ахиллеса, и драма была бы готова. Гомеръ же имѣлъ сильное и, долго, почти исключительное вліяніе на трагедію; онъ былъ главнымъ образцомъ лучшихъ древнихъ трагиковъ; и не смотря на все это, отъ Гомера до случайнаго открытія драмы, прошло много времени безъ театра. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что хотя на драму попали случайно, тѣмъ не менѣе по-

требность оной давно уже безсознательно ощущалась народомъ. Это доказывается удовольствіемъ и любопытствомъ, съ какими воспользовались новымъ, случайно образовавшимся искусствомъ. Эпическую поэзію истощилъ геній Гомера; лирическая родилась еще до него, въ одно время съ народомъ. Греки уже давно были знакомы съ той и другою. Эпическая муза должна была только подать руку лирической на сценѣ, и въ этомъ союзѣ ихъ нашелъ народъ, чего безотчетно ожидалъ еще отъ искусства.

«Родившаяся такимъ образомъ трагедія, имѣя колыбелью религіозные обряды и таинства въ честь божества, осталась достойною своего происхожденія и присвоилась празднествамъ, которыя собирали весь народъ вокругъ алтарей. Представленія, имѣвшія предметъ въ одно время политическій, нравственный и религіозный; представленія, которыя посреди священныхъ обрядовъ вызывали, такъ сказать, передъ глазами народа образы боговъ и героевъ, самыя живыя чувства, самыя важныя поученія; эти представленія должны были имѣть всю пышность, все великолѣпіе, необходимыя для воображенія и для потрясенія души. И все, чѣмъ трагедія должна была дѣйствовать на зрителей, всѣ эти высокія душевныя ощущенія выражала она въ пѣсняхъ хора. Онъ призывалъ боговъ, онъ размышлялъ о силахъ, слабостяхъ, душѣ и участи человѣка, и къ этимъ размышленіямъ, которыя особенно были близкими для Грека, по преимуществу представителя человѣчества, присоединялъ онъ часто самыя любимыя, самыя драгоцѣнныя воспоминанія народа. Хоръ остался слѣдовательно, чѣмъ былъ при самомъ рожденіи драмы; переродиться онъ не могъ; составъ трагедіи освятился религіею, что же могло измѣнить его? Какъ выраженіе народной жизни и религіи, хоръ могъ измѣниться только вмѣстѣ съ ними. Дѣйствительно, начало упадка Аѳинской жизни, ея деморализація, было вмѣстѣ и началомъ упадка хора. Уничтоженіе *софросины*, этой классической гармоніи между душею и тѣломъ, отозвалось и въ драмѣ.

«Хоръ, какъ мы видѣли, сталъ при рожденіи драмы зрителемъ дѣйствія, войдя теперь въ составъ драмы, онъ сохранилъ свой характеръ и, играя въ ней ту же роль, сдѣлался представителемъ народа, дѣйствительнаго зрителя драмы; смотрѣлъ вмѣстѣ съ нимъ и судилъ за него; прерывалъ ходъ событій для произнесенія того нравственнаго приговора, голосъ котораго смутно раздавался во всѣхъ сердцахъ и котораго онъ былъ олицетвореніемъ. Хоръ, это — лицо самобытное, оригинальное, занимавшее умственно мѣсто между драмою и слушателями, какъ и матеріально между сценою и амфитеатромъ лице, созданіе котораго принадлежитъ исключительно Грекамъ; которое далось имъ случайно и которое они охотно сохранили. Отъ его постояннаго присутствія на театрѣ, отъ безпрерывнаго его отношенія къ драмѣ произошло отчасти единство времени и мѣста, обусловившее Греческую сцену и происходившее на ней дѣйствіе. Понятно, что сцена не могла часто перемѣняться и что между дѣйствіями не могли предполагаться большіе промежутки времени, когда находился здѣсь безпрерывно неотлучный свидѣтель ихъ— хоръ. Въ Греческой драмѣ не находятъ притомъ слѣдовъ раздѣленія ея на акты.

«Наконецъ, это постоянное присутствіе передъ сценою столькихъ свидѣтелей; это нравственное и поэтическое величіе хоровыхъ пѣсень, окружавшихъ дѣйствіе, болѣе или менѣе даютъ намъ возможность представить себѣ впечатлѣніе, которое производила Греческая трагедія, и вліяніе этихъ пѣсень на ея развитіе. Поэтому можно было бы полагать, что хоръ есть простое прибавленіе къ древней драмѣ; простой зритель дѣйствія, выражающій одни скучныя нравоученія; ненужный остатокъ первоначальной драмы. Никто, ка-

жется, такъ энергически, вѣрно и остроумно не опредѣлилъ въ этомъ отношеніи характера древняго хора, какъ Гегель, уму и идеальному воззрѣнію котораго обязаны мы яркимъ свѣтомъ, озарившимъ древность. Выпишемъ нѣсколько строкъ объ этомъ предметѣ изъ его эстетики. «Хоръ есть нравственный элементъ героическаго дѣйствія, самая его сущность; также, какъ въ противоположность героямъ, дѣйствующимъ на сценѣ, изображаетъ онъ народъ. Это есть плодовитая почва, на которой растутъ и возвышаются дѣйствующія лица, какъ есть цвѣты и деревья, растущіе только на природной, свойственной имъ землѣ. Хоръ есть существенная принадлежность той эпохи, когда развитіе частной свободы не опредѣляется еще гражданскими законами, прочно установленною юрисдикціею и сочиненными догматами; когда нравы являются еще въ ихъ живой дѣйствительности и когда, притомъ, равновѣсіе общественной жизни достаточно обезпечено въ страшныхъ столкновеніяхъ, куда должна увлекать ихъ энергія героическихъ характеровъ. Хоръ именно и даетъ чувствовать, что вѣрное убѣжище отъ этихъ бурь существуетъ, и сознаніе своей безопасности сообщаетъ душѣ зрителя. Онъ и не принимаетъ дѣйствительнаго участія въ драмѣ; не приписываетъ себѣ никакого права въ сношеніяхъ съ дѣйствующими лицами; онъ ограничивается выраженіемъ сужденій чисто созерцательныхъ; предупреждаетъ героевъ, жалѣетъ объ участи ихъ, или ссылается на божественные законы и на силы души, которыя представляются воображенію, какъ совокупность верховныхъ божествъ.

«По выраженію своихъ чувствъ онъ лирикъ; но въ основѣ его пѣсень равномѣрно сохраняется характеръ эпическій, происходящій отъ общихъ, существенныхъ истинъ, ее составляющихъ. Такъ принимаетъ онъ форму лирическую, которая, въ различіе отъ оды, приближается иногда къ пеану или дифирамбу.

«Это значеніе хора въ Греческой трагедіи должно быть замѣчено. Какъ самъ театръ имѣетъ свое матеріальное основаніе, свою сцену и свои декораціи, такъ отчасти хоръ составляетъ умственную сцену древняго театра, и его можно сравнить съ храмомъ классической архитектуры, окружающимъ статую бога. Статуи здѣсь—люди, дѣйствующіе на сценѣ. У насъ же, напротивъ, статуи поставлены подъ открытымъ небомъ и не должны рисоваться на подобномъ полѣ. Новѣйшая трагедія не нуждается въ немъ, кромѣ того, потому, что дѣйствія лицъ ея не имѣютъ такой существенной основы, которая у нихъ заключается въ характерѣ и волѣ лица, равно какъ въ посторонней, повидимому, случайности приключеній и обстоятельствъ.» Осмѣлюсь прибавить къ словамъ геніяльнаго философа еще слѣдующее замѣчаніе.

«Хоръ тѣмъ болѣе былъ свойственъ древней трагедіи, что и въ дѣйствительной тогдашней жизни всѣ событія имѣли сценою площадь и зрителемъ—народъ. Площадная, публичная жизнь Грековъ, какъ бы отражалась на театрѣ. Можно не сомнѣваться, что присутствіе на сценѣ хора, этого постояннаго зрителя всѣхъ дѣйствій, было для древняго Грека понятнѣе, чѣмъ намъ теперь, когда всѣ дѣйствія ограничены кабинетомъ и совершаются въ семействѣ или въ небольшемъ кругу близкихъ людей.

«Такова была трагедія, которою любовался, которую любилъ, какъ нѣчто близкое и родное, которую никогда и нигдѣ не забывалъ народъ, соотечественный и современный Аристиду, Пиндару, Фидію, Периклу». (Стихотворенія Н. Арбузова. Спб. 1856, стр. 432 — 437).

Греческіе трагики. — У Грековъ было три великихъ трагическихъ писателя: *Эсхилъ*, *Софоклъ* и *Еврипидъ*.

ТРАГЕДІИ ЭСХИЛА.

Эсхилъ родился около Аѳинъ, за 525 лѣтъ до Р. Х., ознаменовалъ свое мужество въ Мараѳонской побѣдѣ, а въ Саламинской и Платейской раздѣлялъ съ Ѳемистокломъ честь военачальства. Еще юношей началъ писать трагедіи. За представленіе на театрѣ таинства Эвменидъ [1]) былъ чуть не растерзанъ народомъ и подвергся, говорятъ, изгнанію. По другимъ извѣстіямъ причиною удаленія Эсхила изъ Аѳинъ было торжество надъ нимъ молодаго Софокла во время драматическаго состязанія. Эсхилъ покинулъ Аѳины и поселился въ Сициліи, въ городѣ Гелѣ. Здѣсь на шестьдесятъ девятомъ году жизни, поэтъ умеръ страннымъ образомъ. Орелъ несъ черепаху и, не будучи въ состояніи разбить ея твердый черепъ, бросилъ ее на скалу. Она упала на писателя и убила его, такъ что сбылось предсказаніе оракула: «убьетъ тебя небесное оружіе». Жители Гелы великолѣпно похоронили его и поставили памятникъ съ надписью, въ которой славили его геройство: «тому, о которомъ говорятъ Марафонская роща и Мидяне густоволосые». Позднѣйшіе трагическіе писатели навѣщали и чествли его гробъ, какъ святилище, посвященное трагической музѣ и Аѳиняне назначили призъ тому, кто поставитъ на сцену Эсхиловы піэсы. Онъ написалъ пятьдесятъ пять трагедій и пятнадцать сатирическихъ драмъ. Во время своей жизни онъ получилъ тринадцать побѣдныхъ призовъ. Не мало піэсъ было увѣнчано по его смерти.

Характеръ трагедій Эсхила. — Отъ Эсхила дошло до насъ семь трагедій: «Персы», «Прикованный Прометей», «Семь противъ Ѳивъ», «Агамемнонъ», «Коэфоры», «Эвмениды» и «Просящія защиты». Слова Мунка: «Поэзія Эсхила есть вѣрная картина его времени. Въ его сочиненіяхъ высказывается развитой мужескій умъ. Его трагедіи лишены всякой искусственной драматической развязки; ихъ приложеніе въ высшей степени просто: безъ искусно проведенной интриги и неожиданной катастрофы; болѣе эскизъ въ огромныхъ очертаніяхъ, чѣмъ обдѣланное произведеніе искусства. Характеры болѣе обрисованы отдѣльными схваченными чертами, чѣмъ старательно, до малѣйшей подробности, какъ всѣ пластическія произведенія того времени. Онъ любитъ въ выраженіи многозначущія слова, множество эпитетовъ и богатство метафоръ и картинъ; вообще все, что придаетъ рѣчи героическую важность и внушающее уваженіе, великолѣпіе, — въ этомъ онъ совершенно похожъ на своего современника Пиндара. Что ему кажется невозможнымъ выразить какъ слѣдуетъ достойно словами, то онъ дѣйствительнѣе обрисовываетъ молчаніемъ. Въ его «Ніобеѣ» «мать сидитъ на гробѣ своихъ дѣтей, завернувшись и молча, впродолженіи всей піэсы. Въ его «Возвращеніи Гектора», сначала Ахиллесъ немного переговаривается съ Гермесомъ и потомъ остается сидя нѣмымъ до конца. И Прометей, въ первой сценѣ «Прикованнаго Прометея», не издаетъ никакого звука боли или противодѣйствія, не смотря на то, что онъ прикованъ къ скалѣ и надъ нимъ издѣваются служители Зевса.

---

[1]) См. 1 вып. нашей Христоматіи. Стр. 298, выноска.

Эсхилъ никогда не хочетъ растрогать до слезъ слушателей возбужденіемъ нѣжнаго состраданія; и его герои переносятъ горе спокойно и съ достоинствомъ: ихъ не нужно оплакивать, но нужно имъ удивляться. Въ размѣрѣ онъ вѣрнѣе всѣхъ писателей. Хоровыя части берутъ перевѣсъ надъ самой трагедіей.» (Исторія Греческой литературы. Поэзія. Эдуарда Мунка. Р. переводъ. Спб. 1861, стр. 99 — 100).

Слова Ордынскаго: «Трагедіи Эсхила проникнуты воинственнымъ духомъ. Уже древніе указывали на это ихъ свойство. О «Семи вождяхъ подъ Ѳивами» знаменитый софистъ Горгія Леонтійскій и комикъ Аристофанъ говорятъ въ одно слово, что она «полна Арея», т. е. воинственности. Арей—богъ войны. О «Персахъ», другой трагедіи Эсхила, говорится у Аристофана, что ею «заохотилъ Эсхилъ зрителей побѣждать вездѣ непріятелей; прославилъ превосходное дѣло.»

«Другія отличительныя свойства Эсхиловой трагедіи — простота и величавость. Греческая трагедія вышла изъ дифирамба, лирической пѣсни въ честь Вакха (Діониса); потому лирическія мѣста, пѣсни хора, составляютъ необходимую часть Греческой трагедіи; у Эсхила же, перваго по времени изъ трехъ великихъ трагиковъ Греціи, лирическая часть преобладаетъ: дѣйствіе у Эсхила не получило еще того развитія, какое мы привыкли соединять съ понятіемъ трагедіи, и какое находимъ даже у позднѣйшихъ трагиковъ Греціи. Вообще, впрочемъ, Греческая драма, не только Эсхилова, но и Софоклова, и Еврипидова, не раздражаетъ въ такой степени любопытства, въ какой новая драма. Но все-таки трагедіи Софокла и Еврипида представляютъ болѣе движенія, болѣе разнообразія, запутанности и сложности отношеній, чѣмъ трагедіи Эсхила. Потому Аристотель трагедію Эсхила называетъ простою, позднѣйшую же трагедію — сложною, сплетенною. У Эсхила находимъ мы развитіе не столько единаго дѣйствія, сколько единой мысли единаго чувства, единаго положенія. Развитіе это однообразно; но посредствомъ искусной постепенности возбуждаетъ въ душѣ болѣе и болѣе усиливающееся потрясеніе, болѣе и болѣе располагаетъ къ страху и состраданію — двумъ цѣлямъ всякой трагедіи.

«Простота трагедій Эсхила условливалась главною мыслію ихъ, мыслію о судьбѣ, главномъ источникѣ величавости произведеній Эсхила. По всѣмъ нимъ проходитъ мысль о нѣкоемъ непостижимомъ для древняго Грека существѣ, которое присутствуетъ при всякомъ дѣйствіи, по волѣ своей ниспосылаетъ бѣды и счастіе, караетъ все, слишкомъ заносящееся. Внезапный, неожиданный ударъ судьбы — вотъ постоянный и единственный предметъ Эсхиловой трагедіи: отсюда-то ея простота. Съ другой стороны, вы видите гордую твердость, безтрепетность лицъ, пораженныхъ судьбою; отсюда мрачные, величавые характеры, возвышенность мыслей, энергическій, необычный торжественный языкъ. Сила характера въ Эсхиловыхъ герояхъ обнаруживается тѣмъ, что они мужественно выдерживаютъ ударъ судьбы, и такимъ образомъ возвышаютъ, облагороживаютъ неизбѣжное паденіе.

«Вотъ, въ главныхъ чертахъ, сущность Эсхиловой трагедіи». (Предисловіе къ переводу трагедіи Эсхила «Персы»).

Aeschyli dramata, quae supersunt ac deperditorum fragmenta. Recensuit et commentariis illustravit Schütz. Halae. 1809 — 1822. 5 volumina. — Aeschyli Tragoediae. Recensuit Hermannus. Lipsiae. 1852. О Германнѣ см. статью въ Пропилеяхъ. Кн. II. — Aeschyli et Sophoclis tragoediae et fragmenta, Graece et Latine. Parisiis. 1842. Didot. 1 volum. — Aeschyli, que supersunt. Edidit Klausen. Это изданіе составляетъ часть «Bibliothecae Graecae», Якобса и Роста. — Etudes sur les tra-

giques Grecs, ou examen critique d'Eschyle, de Sophocle et d'Euripide, précédé d' une histoire générale de la tragédie Grecque, par M. Patin. Paris. 1843. Deuxieme édition. 1858. — Welcker: Die Aeschylische Trilogie. Darmstadt. 1824. Его же: Nachtrag zu der Schrift ueber Aeschylische Trilogie. Francf. a. M. 1826. — Blümner: Ueber die Idee des Schicksals in den Tragoedien des Aeschyles, 1814. — Gruppe: Ariadne oder die tragische Kunst der Graec in ihrer Entwickelung etc. etc. Berlin. 1834. — Ad. Schöll: Beiträge zur Geschichte der griechischen Poësie. Berlin. 1839. Его же: Gründlicher Unterricht ueber die Tetralogie des Attischen Theaters. Leipzig. 1859. — Объ Эсхилѣ, ст. Луи Бино въ Отеч. Зап. 1854, № 4. — Персы. Эсхила, пер. Ордынскаго. Отдѣльная брошюра изъ Ученыхъ Записокъ Казанскаго университета.— Прикованный Прометей. Эсхила, пер. Павловой. — Скованный Прометей. Эсхила, пер. Мих. Илецкаго. Соврем. 1863, № 1. — Прометей Эсхила и Гете. Соч. Бѣлинскаго. VI — 48. и д.—О Прометеѣ въ Лаокоонѣ, Лессинга, пер. Эдельсона. — Невыгодное мнѣніе о Прометеѣ Эсхила высказалъ Лагарпъ въ своей книгѣ: Ликей. См. изданіе (Россійской академіи) этого сочиненія на Р. языкѣ. Ч. II, стр. 17 и д. — О Прометеѣ въ стихотвореніяхъ Арбузова. — Объ Эсхилѣ и другихъ трагикахъ см. курсы исторіи Греч. литературы Мунка, Бернгарди и Миллера. — Исторія Литературы. Милюкова. —

ПРИКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

(Дѣйствіе происходитъ въ Скифіи, на одной ужасной степи, *на концѣ земли*, по словамъ поэта).

Дѣйствующія лица:

Прометей.	Bia, т. е. сила.
Вулканъ.	Океанъ.
Кратосъ, т. е. власть или могущество.	Іо.
	Меркурій.

Первыя четыре лица тотчасъ являются на сценѣ. Кратосъ начинаетъ говорить.

«И такъ мы находимся на концѣ земли, въ Скифіи, въ степи безплодной. Вулканъ! тебѣ предлежитъ приступить къ исполненію повелѣній отца твоего (Юпитера), и приковать его (Прометея) на этой скалѣ обнаженной, цѣпями крѣпчайшими, неразрушимыми. Онъ похитилъ огонь, твое лучшее достояніе и орудіе всѣхъ искусствъ; онъ сообщилъ оный смертнымъ. За такое преступленіе онъ долженъ испытать жесточайшую муку: да научится покоряться волѣ Юпитера».

Вулканъ повинуется; но объявляетъ, что ему непріятно такъ жестоко поступать съ богомъ, соединеннымъ съ нимъ узами родства. «Предпріимчивый сынъ правосудной Фемиды, я *противъ тебя и противъ себя* хочу тебя приковать къ сему утесу цѣпями, немогущими ни отъ чего разрушиться. Вотъ что пріобрѣлъ ты за твою филантропію!» Наконецъ онъ говоритъ Прометею, что онъ напрасно будетъ приносить жалобы и стенать; что сердце Юпитера непреклонно, ибо (присовокупляетъ) *новый повелитель всегда жестокъ бываетъ* [1]).

---

[1]) Это относится къ недавнему похищенію Юпитеромъ Сатурнова престола.

Кратосъ упрекаетъ Вулкана за его сожалѣніе, какъ за слабость; и Вулканъ, продолжая оказывать знаки состраданія къ Прометею, приковываетъ ему руки одну послѣ другой, прокалываетъ ноги, и вбиваетъ въ грудь гвоздь желѣзный. По окончаніи говоритъ Кратосу: «Вотъ, онъ со всѣхъ сторонъ прикованъ! удалимся!»

Кратосъ оскорбляетъ несчастнаго посреди его мученій. Теперь, говоритъ она (Кратосъ, какъ сказано выше, означая власть, представляетъ лице женщины), ты можешь похвалиться съ твоею гордостію въ похищеніи божественныхъ сокровищъ, для перенесенія ихъ къ однодневнымъ смертнымъ, (*къ твоимъ Ефемерамъ* — сказано въ Греческомъ). Кто изъ нихъ облегчитъ твое мученіе? тебя называютъ *Прометеемъ* [1]) и весьма ошибаются: имя сіе не прилично тебѣ; тебѣ бы нуженъ былъ Прометей для удаленія тебя отъ сего бѣдственнаго положенія.

Кратосъ, Біа и Вулканъ удаляются; *Прометей*, не произнесшій до сего времени ни одного слова, показывающаго жалобу, обращается потомъ ко всей природѣ: «о Ефиръ! восклицаетъ онъ, о крылатые и стремительные вѣтры, источники рѣкъ, безчисленныя волны морскія; земля, всякое существо произведшая; и ты, о солнце, коего взоры объемлютъ всю природу — воззрите на то, что боги заставляютъ меня претерпѣвать, меня, такого же бога!»—потомъ присовокупляетъ: «но что говорю я? я предвижу все долженствующее случиться; я не могу страшиться бѣдствій непредвидимыхъ: зная непобѣдимую силу необходимости, предадимся опредѣленію судьбы!»

Жалобы Прометея прерываются приближеніемъ хора, состоящаго изъ младыхъ нимфъ, дочерей Океана. Онѣ возглашаютъ: «увы! увы! но не легкій ли полетъ птицъ слышу я въ сихъ мѣстахъ? воздухъ содрогается отъ колебанія крылъ ихъ».

Хоръ разсказываетъ потомъ, что удары Вулканова молотка раздались даже въ безднахъ моря, что возмущенныя этимъ нимфы поспѣшили сюда полуодѣтыя и босыя на колесницѣ. Онѣ раздѣляютъ горесть Прометея, жалѣютъ объ немъ, и обвиняютъ Юпитера въ несправедливости и жестокосердіи.

Прометей увѣдомляетъ ихъ, что Владыка безсмертныхъ обязанъ будетъ прибѣгнуть къ нему, дабы узнать о новомъ врагѣ, долженствующемъ похитить престолъ его; но что напрасно станетъ онъ употреблять и угрозы и ласки; что онъ, Прометей, рѣшился хранить тайну.

Нимфы просятъ разсказать имъ его приключеніе. Титанъ начинаетъ издалека — съ распри между Юпитеромъ и Сатурномъ, въ которой онъ присталъ къ первому, и подавалъ ему совѣты, слѣдуя коимъ Юпитеръ получилъ верховную власть. «И вотъ какъ вознаграждаетъ онъ Прометея! но болѣзнь обыкновенная тирановъ: не довѣрять даже друзьямъ своимъ». Потомъ говоритъ, что Юпитеръ, по овладѣніи престоломъ, началъ раздавать богамъ почести и разные дары, чтобъ преклонить ихъ на свою сторону и утвердить владычество; что же касается несчастныхъ смертныхъ, то хотѣлъ истребить ихъ; но онъ, Прометей, одинъ тому воспротивился; и сіе-то *состраданіе* къ смертнымъ есть виною, что нынѣ съ нимъ поступаютъ безъ *состраданія*. Онъ не только сообщилъ людямъ огонь, могущій споспѣшествовать къ открытію многихъ искусствъ, но просвѣтилъ и укрѣпилъ души ихъ; исцѣлилъ отъ боязни смерти, и возродилъ въ нихъ утѣшительную надежду.

---

[1]) *Прометей* на Греческомъ, значитъ предвидящій, осторожный, благоразумный.

Наконецъ Прометей уговариваетъ нимфъ сойти съ ихъ *окриленной* колесницы, и приблизиться къ нему, дабы удобнѣе разслушать повѣсть о его несчастіяхъ. Нимфы соглашаются и оставляютъ *безоблачный эфиръ, служащій птицамъ путемъ къ горячей вершинѣ скалы...* Вдругъ появляется Океанъ. Онъ ѣдетъ на крылатомъ животномъ. (Въ подлинникѣ *на птицѣ съ быстрыми крыльями*, и въ др. мѣстѣ: *на птицѣ четвероногой*). Океанъ принимаетъ участіе въ горестяхъ Прометея, какъ его родственникъ, и увѣряетъ въ постоянной своей дружбѣ; совѣтуетъ не произносить обидныхъ выраженій на счетъ Юпитера; обѣщаетъ ходатайствовать за него у сына Сатурнова и надѣется выпросить освобожденіе. Прометей гордо отказывается отъ вспомоществованія. Океанъ удаляется. Прометей остается съ хоромъ нимфъ, оплакивающихъ его страданіе.

ХОРЪ ОКЕАНИДЪ.

О бѣдствіи твоемъ, о Промеѳей,
Жалѣю я въ сочувствіи глубокомъ,
И слезы льются изъ очей
Мнѣ вдоль ланитъ обильнымъ токомъ.
Безжалостно свершаетъ надъ тобою
Свой произволъ Зевесъ, который тамъ
Вооруженною рукою
Грозитъ низвергнутымъ богамъ.

Несется стонъ во всѣхъ краяхъ земныхъ,
И плачетъ міръ о старобытномъ правѣ
Твоемъ и родственныхъ твоихъ,
О древней и высокой славѣ.
Всѣ племена, живущія въ предѣлѣ
Широкой Азіи, земли святой,
Всѣ вмѣстѣ о твоемъ удѣлѣ
Скорбятъ съ глубокою тоской:

И Колхиды людъ мятежный,
Удалыя дѣвы брани,
Скиѳіи народъ прибрежный,
Обитатель міра грани,
Рать Аравіи, великихъ
Стѣнъ Кавказскихъ властелины,
Полныя волненій дикихъ
Копьеносныя дружины.

Предсталъ доселѣ во вселенной
Одинъ мнѣ только изъ боговъ,
Терпѣвшій, безпощадно-плѣнный,
Гнетъ адамантовыхъ оковъ:

Атласа зрѣла я Титана;
Со стономъ напрягая онъ
Всечасно силу великана,
Плечами держитъ небосклонъ.

Воетъ бездна волнъ могучихъ,
И Аида мгла реветъ,
И въ рѣкахъ чисто текучихъ
Слышится рыданье водъ.

ПРОМЕѲЕЙ.

Не думайте, что я молчу въ упорной
Надменности; но мысль мнѣ гложетъ сердце
О томъ, какъ я жестоко оскорбленъ.
А кто жъ межъ тѣмъ и почестью и властью
Боговъ тѣхъ новыхъ надѣлилъ — не я ли?
Но я молчу объ этомъ; вамъ извѣстно
Что бъ могъ сказать я. Но узнайте немощь
Людей, и какъ я ихъ неразумѣнью
Поставилъ грань, и духъ въ нихъ пробудилъ;
И не въ упрекъ имъ говорю я это,
Но чтобъ дать знать, что сдѣлалъ я для нихъ.
Они сперва и зрящіе не зрѣли,
Не слышали и слушая; но вмѣстѣ
Все слѣпо путали, какъ сна видѣнья.
И ни домовъ каменосѣчныхъ, свѣтлыхъ
Не вѣдали, ни плотника искусство;
Нѣтъ, подъ землей они, какъ муравьи,
Гнѣздилися въ безсолнечныхъ пещерахъ,
Не узнавали близости зимы,
Или весны цвѣтистой, или лѣта
Жатвообильнаго; безъ смысла были
Ихъ дѣйствія, доколь имъ указалъ
Я звѣздъ восходъ и темный ихъ закатъ.
И чиселъ имъ премудрое познанье
Я изобрѣлъ, соединенье буквъ,
И даровалъ имъ память, мать искусствъ.
И я впервой въ ярмѣ звѣрей могучихъ
Покорствовать заставилъ управленью,
Трудамъ людскимъ тяжелымъ въ облегченье,
И я, коней впрягая въ колесницу,
Ихъ въ красоту поводьевъ нарядилъ;

И морепробѣгающія создалъ
Пловцамъ я тканикрылыя суда.
И я, увы! придумавшій такъ много
Искусствъ другимъ, теперь не знаю средства,
Какъ прекратить мученіе свое [1]).
И Зевесъ — какъ гордо ни упорствуй — будетъ
Въ урочный часъ униженъ глубоко.
Оно сѣть себѣ сплететъ, вступивши въ бракъ:
Тотъ бракъ и власть отниметъ у него,
И тронъ отниметъ. Въ-очью совершится
Проклятіе, которымъ Кронъ-отецъ
Клялъ сына, въ прахъ летя со своего
Предвѣчнаго престола... И никто
Изъ всѣхъ боговъ, опричь меня, не можетъ
Ему сказать, какъ отвратить погибель.
Лишь я единый слово тайны знаю. —
Пусть царствуетъ покуда, тѣшась властью,
Своимъ воздушнымъ громомъ величаясь!
Пусть ярко прыщутъ изъ его руки
Губящихъ молній огненныя стрѣлы!
Ничто ужъ не спасетъ его; ничто
Отъ страшнаго позора не удержитъ
И горькаго паденья. Онъ снарядитъ
И самъ вооружитъ себѣ врага, —
И явится противникъ съ дивной мощью:
Найдетъ онъ пламя жгучѣй молній Зевеса,
И голосомъ заставитъ онѣмѣть
Могучій громъ, и сокрушитъ державный
Трезубецъ Посейдона, всѣ моря
И земли потрясающій. Тогда-то —
Постигнутъ грознымъ рокомъ — Зевесъ узнаетъ
Различіе межъ властью и паденьемъ!

ХОРЪ ОКЕАНИДЪ.

Давно грозишь желаннымъ злоключеньемъ
Ты Зевесу.

ПРОМЕТЕЙ.

Сбудется, чего желаю!

ХОРЪ ОКЕАНИДЪ.

Кто смѣетъ думать Зевеса одолѣть?

[1]) Этотъ отрывокъ напечатанъ нами по переводу г-жи Павловой.

ПРОМЕТЕЙ.

Страшнѣй и горше гибель онъ узнаетъ!

ХОРЪ ОКЕАНИДЪ.

И произнесть ты это не страшишься?

ПРОМЕТЕЙ.

Страшиться? мнѣ? Я не причастенъ смерти.

ХОРЪ ОКЕАНИДЪ.

Тебя страшнѣйшей пыткѣ онъ подвергнетъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Пускай! я вижу все — и жду всего
Безтрепетно.

ХОРЪ ОКЕАНИДЪ.

Предъ правотой небесной
Склоняется, нѣмѣя, умъ премудрыхъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Молись, нѣмѣй, склоняйся предъ властями!
А я.... Да что мнѣ этотъ Зевсъ? что въ немъ?
Пустъ царствуетъ, какъ знаетъ! Срокъ коротокъ —
И быть ему царемъ боговъ не долго.

Нимфы оказываютъ живѣйшее любопытство, и умоляютъ Прометея открыть имъ тайну. «Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчаетъ полубогъ, напрасно будете упрашивать: я долженъ и намѣренъ хранить ужасную сію тайну.

Является новое лице — Іо, дочь рѣки Инаха, та самая Іо, которую преслѣдуетъ Юпитеръ. Она спрашиваетъ у Прометея, знающаго будущее, чѣмъ кончатся ея бѣдствія? Полубогъ при этомъ случаѣ снова обвиняетъ Юпитера въ несправедливости. Наконецъ исполняетъ желаніе несчастной Іо; предсказываетъ долговременное бѣгство ея; объявляетъ, что она успокоится на треугольномъ Египетскомъ островѣ (Дельта Δ), гдѣ по назначенію судьбы, произойдетъ отъ нея потомство и — одинъ изъ ея потомковъ освободитъ его, Прометея [1]). Іо радуется, узнавъ, что будетъ отомщена. Ей хотѣлось бы слышать болѣе подробностей, но Титанъ ограничивается сказаннымъ предвѣщаніемъ.

Іо удаляется, мѣсто ея заступаетъ Меркурій (Гермесъ).

---

[1]) Въ подлинникѣ: третій послѣ десятаго. Кажется, Эсхилъ здѣсь разумѣетъ Геркулеса, ибо дѣйствительно въ другой его трагедіи *Прометей Освобожденный*, сынъ Алкмены разрушаетъ его оковы.

Но вонъ летитъ сюда гонецъ крылатый:
Шлетъ новый царь мнѣ новаго посла,
Ужъ вѣрно съ важной новостью!

ГЕРМЕСЪ.

(Несется по воздуху, съ жезломъ и въ крылатыхъ сандаліяхъ).

Тебѣ,
Вреднѣйшій, нетерпимый бунтовщикъ,
Возставшій мятежемъ противъ боговъ
Изъ-за людскаго блага, дерзкій хищникъ
Священнаго огня, тебѣ сказать
Я прилетѣлъ по повелѣнью Зевса:
Сейчасъ же объясни свои намеки
На бракъ какой-то, хвастовство свое,
Что кто-то Зевса свергнетъ съ трона. Все
Безъ всякихъ изворотовъ и загадокъ
Опредѣленно сказывай! Смотри,
Чтобъ плохо не было, какъ мнѣ придется
Въ другой разъ прилетѣть къ тебѣ. Ты знаешь,
Пощады не бывать тогда отъ Зевса.

ПРОМЕТЕЙ.

Надменно, важно, съ горделивымъ видомъ,
Словами сыплешь ты, какъ подобаетъ
Холопу Зевса. И давно ль попали
Вы, новички, на царство? А туда же —
Увѣрены, что можно безпечально
Вамъ въ золотомъ чертогѣ пировать!
Я видѣлъ самъ, какъ съ этой вышки двое
Владыкъ свалилось [1]), — и еще увижу,
Какъ третій — господинъ твой — полетитъ...
Быстрѣе всѣхъ, позорнѣй всѣхъ. — Иль ты
Вообразилъ, что затрепещу
И преклонюсь предъ новыми богами?
Нѣтъ, многаго до этого не хватитъ —
Всего! Такъ знай: ты можешь отправляться
Обратно той же самой дорогой,
Какой сюда явился! Ничего
На всѣ свои допросы отъ меня
Ты не узнаешь.

[1]) Уранъ, дѣдъ Зевса, и Кронъ, отецъ его.

ГЕРМЕСЪ.

Не такое ль точно
Упорство привело тебя сюда
И горькой мукѣ предало?

ПРОМЕТЕЙ.

Своей
Плачевной доли — знай ты это! — я
Отнюдь не промѣняю на твое
Служенье Зевсу. Нѣтъ! милѣй мнѣ этой
Скалѣ служить, чѣмъ быть, какъ ты, усерднымъ
И преданнымъ разсыльнымъ Зевса. Такъ-то
Должны мы вамъ, противникамъ всего,
Противиться!

ГЕРМЕСЪ.

Тебѣ, какъ видно, любо
Быть въ этомъ положеньи?

ПРОМЕТЕЙ.

Любо? Очень
Желалъ бы я, чтобъ такъ же было любо
И всѣмъ моимъ врагамъ! Ты въ ихъ числѣ.

ГЕРМЕСЪ.

По твоему, я тоже виноватъ
Въ твоемъ страданьи?

ПРОМЕТЕЙ.

Что́ тутъ толковать?
Всѣхъ васъ, боговъ, я ненавижу — всѣхъ
И каждаго — неправыхъ и спокойныхъ
Въ своемъ злодѣйствѣ надо мной!

ГЕРМЕСЪ.

Я вижу,
Ты сильно боленъ умственнымъ разстройствомъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Да, боленъ, если только ненавидѣть
Своихъ враговъ — болѣзнь.

ГЕРМЕСЪ.

Коль ты здоровъ,
Нигдѣ терпимъ ты быть не можешь.

ПРОМЕТЕЙ.

Ахъ!

ГЕРМЕСЪ.

Такого звука прежде отъ тебя
Мы не слыхали.

ПРОМЕТЕЙ.

Время старитъ насъ
И учитъ многому.

ГЕРМЕСЪ.

Тебя однакожъ
Не научило быть благоразумнѣй.

ПРОМЕТЕЙ.

Конечно; вѣдь иначе ты, холопъ,
Ни слова отъ меня не услыхалъ бы.

ГЕРМЕСЪ.

Такъ ты не скажешь ничего о томъ,
Что знать желаетъ Зевсъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Не должникомъ ли
Меня считаетъ онъ? не ждетъ ли платы
За всю любовь свою ко мнѣ?

ГЕРМЕСЪ.

Оставь
Свои издѣвки: я вѣдь не ребенокъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Ты не ребенокъ, а глупѣй ребенка,
Коль думаешь услышать отъ меня
Хоть что-нибудь! Такой нѣтъ пытки, нѣтъ
Такихъ уловокъ, чтобъ меня заставить

Сказать, что́ знаю: можете въ позорныхъ
Цѣпяхъ меня держать хоть до свершенья
Предвѣстья моего. И такъ, пусть Зевсъ
Огонь своихъ зубчатыхъ молній шлетъ!
Пусть бѣлокрылымъ снѣжнымъ ураганомъ
И грохотомъ подземнымъ пошатнетъ
И опрокинетъ все кругомъ въ безчинный
Хаосъ! меня не склонитъ онъ ничѣмъ
Открыть ему, кто нѣкогда съ престола
Его столкнетъ.

ГЕРМЕСЪ.

Подумай, что себѣ
Готовишь ты!

ПРОМЕТЕЙ.

Давно обдумалъ все;
Давно рѣшился твердо!

ГЕРМЕСЪ.

Такъ узнай же,
Узнай, несчастный, все обилье золъ,
Которымъ обреченъ!

ПРОМЕТЕЙ.

Ты надоѣлъ
Мнѣ пустозвоннымъ словомъ. И не думай,
Чтобъ передъ Зевсомъ въ страхѣ я, какъ баба,
Метаться сталъ и вздохи возсылать
Къ нему, всененавистному съ мольбою,
Чтобъ онъ меня отъ этихъ узъ избавилъ!
Нѣтъ, этому во вѣки не бывать!

ГЕРМЕСЪ.

Напрасно я слова съ тобою трачу.
Нѣтъ, просьбами своими мнѣ тебя
Не укротить, не тронуть: ты какъ конь,
Впервые взнузданный, рвешь удила
И бѣшено въ ярмѣ тяжеломъ бьешься.
Но ослѣпленъ ты гордостью безсилья:
Однимъ упорствомъ безъ разумной мѣры
Нельзя побѣды въ спорѣ одержать.

Подумай — коль слова ты мои презришь —
Какая неминучая ударитъ
Въ тебя гроза! что за пучина мукъ
Тебя поглотитъ! Знай: нещаднымъ громомъ
И булавами молній гнѣвный Зевсъ
Въ утесы этого ущелья грянетъ,
Дробя ихъ въ прахъ, а твой составъ тѣлесный
Отсюда сброситъ въ каменныя нѣдра
Дремучей пропасти. Потомъ, когда
Свершится кругъ годовъ неисчислимыхъ,
Ты свѣтъ дневной увидишь; но къ тебѣ
Начнетъ слетать могучій, бурнокрылый
Орелъ отъ Зевса: дикъ и алченъ, станетъ
Терзать тебѣ измученное тѣло, —
Незваный гость по цѣлымъ днямъ, — клевать
Остатки черной печени твоей.
И ужъ не жди себѣ отъ этой муки
Спасенья: развѣ богъ какой тебя
Захочетъ искупить собой — и снидетъ
Въ потемки ада, въ мрачные, какъ гробъ,
Предѣлы тартара. Размысли это!
Не выдумка мои угрозы; нѣтъ!
Въ нихъ слишкомъ много правды. Никогда
Въ устахъ священныхъ Зевса не бывало
Ни слова лжи: что скажетъ, то исполнитъ.
Такъ разсуди-жъ, подумай хорошенько!
Благоразумья не гони упрямствомъ!

ХОРЪ ОКЕАНИДЪ.

А право, Гермесъ, не дурной совѣтъ
Тебѣ даетъ. Вонми благоразумью,
Упрямство брось, послушайся его:
Неправо поступать — позоръ для мудрыхъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Давно я прежде зналъ все то, что мнѣ
Ты насказалъ. Отъ злѣйшаго врага
Принять такую муку — не позорно.
Пускай въ меня двойнымъ ударитъ жаломъ
Губительная молнія! пусть воздухъ
Всколеблется отъ грохота громовъ,
Отъ судорогъ и взрывовъ урагана!

Пусть буря глубь земную разшатаетъ
И съ основанья сдвинетъ землю! пусть
Смѣшаются, бичуемые гнѣвомъ,
Въ бореньи дикомъ — воющее море
И молчаливая стезя свѣтилъ!
Пусть въ вѣчный сумракъ тартара свирѣпо
Низринетъ роковой круговоротъ
Мое грозой раздробленное тѣло!
Все-жъ умертвить меня не можетъ Зевсъ.

ГЕРМЕСЪ.

Какъ слово извращается, когда
Смѣшаетъ мысли заблужденье въ — немъ
Живой примѣръ! Онъ близокъ ужъ къ безумью;
А отъ безумья перейти легко
И къ бѣшенству. Но вы — о немъ скорбѣть
И надъ его ужасной долей плакать
Пришедшія — идите прочь, о дѣвы,
Изъ этихъ мѣстъ! бѣгите дальше, дальше!
Иль, оглушивъ, лишатъ сознанья васъ
Раскаты нескончаемые грома.

ХОРЪ ОКЕАНИДЪ.

Найди совѣтъ получше, чтобъ могли
Мы внять ему: твои-жъ слова глубоко
Противны намъ: не совратишь насъ ими!
Тебя мы не послушаемъ, себя
Не обречемъ позору. Нѣтъ, мы съ нимъ
Погибель примемъ! Ненавистны намъ
Отступники, — и нѣтъ на свѣтѣ яда
Гнуснѣе и презрѣннѣе измѣны.

ГЕРМЕСЪ.

Такъ ладно-жъ! Помните мои слова:
Коль васъ сразятъ громо́вые удары,
Не жалуйтесь на участь вы свою;
Не смѣйте говорить, что въ васъ нежданно,
Негаданно грозой ударилъ Зевсъ!
Вы знали все впередъ: ни тайныхъ козней
Тутъ не было, ни хитраго обмана.
Вы сами въ безконечной мрежѣ рока
Запутались въ безумномъ ослѣпленьи.

ГЕРМЕСЪ исчезаетъ. Страшный грохотъ въ воздухѣ. Землетрясеніе.

ПРОМЕТЕЙ.

Слова его сбываются: грозилъ
Не даромъ онъ. Земля заколебалась;
За молньей молнія—шипятъ и вьются
И всюду мечутъ огненныя стрѣлы;
Столбами вихри поднимаютъ пыль;
Вездѣ шумитъ, какъ въ буйномъ хмѣлѣ, буря;
Съ мятежнической яростью и съ воемъ
Въ отчаянномъ схватились боѣ море
И небеса... И эту кару Зевсъ
Мнѣ шлетъ, чтобъ испугался я!... Рази,
Хлещи, гроза! — О мать моя святая!
О ты, эѳиръ, священная стезя
Зиждительнаго свѣта! посмотрите,
Какую я терплю несправедливость [1]).

Мих. Илецкій.

Примѣч. — Слова Арбузова: «Изъ многочисленныхъ прекрасныхъ созданій воображенія древнихъ Грековъ, вымыселъ о Прометеѣ принадлежитъ безспорно къ примѣчательнѣйшимъ.

«Какъ всѣ Греческіе миѳы, повѣсть о Прометеѣ подвергалась разнымъ измѣненіямъ и различно разсказывалась поэтами и писателями древняго міра.

«Не входя въ подробности этихъ разнообразныхъ сказаній, вспомнимъ только предметъ этотъ въ томъ видѣ, въ какомъ представилъ его Эсхилъ.

«Юпитеръ, послѣ побѣды своей надъ Титанами, въ борьбѣ съ которыми Прометей, одинъ изъ нихъ, оказалъ ему важныя услуги,—вознамѣрился уничтожить родъ людской, противъ чего возсталъ этотъ самый Прометей, другъ человѣчества. Похитивъ огонь небесный, онъ въ этомъ огнѣ передалъ людямъ начало всѣхъ наукъ и искусствъ; за это благодѣяніе Юпитеръ осудилъ

---

[1]) Въ подлинникѣ этотъ послѣдній отрывокъ читается такъ:

Καὶ μὴν ἔργω κοὐκ ἔτι μύθῳ
χθὼν σεσάλευται. βρυχία δ' ἠχὼ
παραμυκᾶται βροντῆς, ἕλικες δ'
ἐκλάμπουσι στεροπῆς ζάπυροι,
στρόμβοι δὲ κόνιν εἱλίσσουσι.
σκιρτᾷ δ' ἀνέμων πνεύματα πάντων
εἰς ἄλληλα στάσιν ἀντίπνουν
ἀποδεικνύμενα. ξυντετάραχται δ'
αἰθὴρ πόντῳ. τοιάδ' ἐπ' ἐμοὶ
δίπτὴ διόθεν τεύχουσα φόβον
στείχει φανερῶς. ὦ Θέμις, ὦ Γῆ,
ὦ μητρὸς ἐμῆς σέβας, ὦ πάντων
αἰθὴρ κοινὸν φάος εἱλίσσων,
ἐσορᾷς μ' ὡς ἔκδικα πάσχω;

(Aeschyli Tragoediae. Recensuit Godofredus Hermannus. Tomus primus. Lipsiae. 1852. Pag. 83).

его на вѣчное мученіе. Прометей прикованъ былъ къ одной изъ дикихъ скалъ Европейской Скиѳіи.

«Разгнѣванный непреклонною гордостью, съ какою сносилъ Прометей незаслуженное наказаніе, Юнитеръ исполнилъ наконецъ то, чѣмъ долго грозилъ Титану: громъ разрушилъ скалу, и Прометей поверженъ въ тартаръ. Послѣ многихъ лѣтъ, гнѣвный Богъ вывелъ его изъ тартара и опять приковалъ, на этотъ разъ, къ вершинѣ Кавказа. Здѣсь кровожадный и ненасытный орелъ прилеталъ терзать и пожирать постоянно возрождавшуюся внутренность Прометея.

«Такъ страдалъ Прометей, когда, наконецъ, Геркулесъ поразилъ стрѣлами орла, его мучителя, и оторвалъ съ кусками скалы Титановы оковы.

«Гезіодъ въ своей Ѳеогоніи разсказываетъ, что Юпитеръ, желая прославить Геркулеса новою побѣдою, самъ позволилъ ему освободить Прометея, и въ его пользу смягчилъ наконецъ свой гнѣвъ противъ Титана.

«Кромѣ Гезіода, все что относится къ тому, какимъ образомъ, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ былъ освобожденъ Прометей, извѣстно намъ изъ Эсхилова современника, Пиндара; его пародиста, Лукіана; его схоліастовъ; наконецъ изъ Аполлонія Родосскаго, Овидія и нѣкоторыхъ писателей, принадлежащихъ къ эпохѣ упадка Греческой литературы, но въ коихъ встрѣчаются еще драгоцѣнные слѣды древнихъ миѳологическихъ преданій. Что же касается до самого Эсхила, розысканія новѣйшихъ филологовъ доказали, что онъ написалъ о Прометеѣ *трилогію*, то есть, три трагедіи, слѣдующія одна за другою, и въ коихъ заключалась вся судьба Прометея. Изъ нихъ первая, гдѣ Прометей являлся похитителемъ небеснаго огня, утрачена совершенно; вторая: «Окованный Прометей» дошла до насъ въ цѣлости; и, наконецъ, отъ третьей, изображавшей освобожденіе Прометея, уцѣлѣли только отрывки.

«Не распространяясь о томъ, какъ измѣнялись разсказы объ этомъ освобожденіи и, зная характеръ вымысла о Прометеѣ, займемся теперь трагедіею Эсхила, которая уцѣлѣла изъ его трилогіи.

«Дѣйствіе происходитъ на мѣстѣ казни, на одной изъ пустынныхъ и дикихъ Скиѳскихъ скалъ. Влекомый Вулканомъ и двумя вѣрными слугами Юпитера, Властію и Силою, Прометей является въ цѣпяхъ, и пр. (Разсказывается содержаніе первой сцены).

«Оставшись одинъ, Прометей позволяетъ наконецъ разразиться вполнѣ своимъ, доселѣ безмолвнымъ, страданіямъ. Страданіе моральное беретъ верхъ надъ болью физическою, и душа его достигаетъ той высоты, съ которой не сойдетъ до конца.

«Такъ поступали великіе классическіе мастера драматическаго искусства; никогда не старались они дѣйствовать на зрителя однимъ изображеніемъ тѣлесныхъ мукъ своихъ героевъ, хорошо понимая, что зрѣлищемъ подобныхъ мученій можно возбудить въ зрителѣ только тяжелое состраданіе и жалость, а не тѣ высшія душевныя ощущенія, которыя суть цѣль истиннаго драматическаго поэта [1]) Если Греческіе трагики заставляли страдать своихъ героевъ,

---

[1]) Греческіе трагики тѣмъ болѣе должны были строго соблюдать это правило, что зрителемъ ихъ твореній былъ народъ, въ которомъ изящный инстинктъ былъ развитъ до того, что не пропускалъ никакой погрѣшности противъ вкуса. Какъ этотъ удивительный народъ былъ первымъ судьею своихъ трагическихъ поэтовъ, и какъ не довольствовался онъ въ театрѣ одними, легко возбуждаемыми, чувствами національности или жалости—примѣромъ тому служитъ исторія съ Фринихомъ, поставившимъ на сцену взятіе Милета. См. выше, стр. 10.

то это только для того, чтобы выказать въ нихъ разумную силу души, побѣждающую тѣлесный недугъ, торжествующую надъ немощію плоти; и этою-то борьбою, въ которой всегда преобладаетъ духъ, возбуждали они въ зрителяхъ тотъ благородный восторгъ, какой испытываетъ душа при сознаніи своихъ силъ и своего высокаго происхожденія.

«Такъ страдаетъ Геркулесъ въ Нессовой туникѣ; такъ умираетъ Аяксъ, предпочитая смерть стыду; таковы и мученія Филоктета, которыя, при всей ихъ адской силѣ, слабѣе ненависти его къ Атридамъ.

«Впослѣдствіи Еврипидъ сталъ иногда употреблять во зло изображеніе тѣлесной немощи выводимыхъ имъ на сцену лицъ; но это было уже началомъ упадка драматическаго искусства, хотя блестящаго еще въ самомъ упадкѣ, и за то надъ Еврипидомъ вдоволь посмѣялся Аристофанъ. Иначе было оно у Эсхила. Если въ началѣ трагедіи представилъ онъ намъ орудія казни: Прометеевы цѣпи, молотъ Вулкана и страшный гвоздь, который долженъ вонзиться въ Прометеево тѣло; то это только для того, чтобы съ большею силою привлечь наше вниманіе, отъ этихъ отвратительныхъ предметовъ, къ зрѣлищамъ возвышеннымъ, заставляющимъ насъ забыть предыдущее.

«Мы поражены величіемъ души, съ какимъ переноситъ Прометей свои тѣлесныя страданія, забываемыя героемъ въ порывѣ стыда и уязвленіи гордости.

«Тихій шорохъ и вѣяніе аромата увѣдомляютъ Прометея о приближеніи какого-нибудь бога. Дѣйствительно, являются нимфы Океаниды, его родственницы. Въ словахъ, коими привѣтствуетъ онъ ихъ, выражается съ удивительною прелестью смѣсь ужаса и страданія, слабости и твердости героя. И это опять примѣръ геніяльности древнихъ трагиковъ. Герои ихъ, при всемъ своемъ величіи, всегда оставались людьми; ихъ силѣ и могуществу измѣняла всегда въ чемъ-нибудь человѣческая слабость. Оттого они и были близки каждому зрителю и возбуждали, не смотря на свое баснословное происхожденіе, всеобщее участіе.

«Океанидамъ, сострадающимъ Прометею, разсказываетъ онъ свою судьбу, и объявляетъ, хотя неопредѣлительно, что обладаетъ тайною, отъ которой зависитъ продолженіе Юпитерова владычества. Жертва получаетъ такимъ образомъ нѣкоторое превосходство надъ притѣсняющимъ ее тираномъ и, какъ говоритъ Французскій критикъ Андріе: «личность Прометеева растетъ и возвышается съ каждою сценою». Любопытство и интересъ удвоиваются; хочется знать, какая эта тайна и сохранитъ ли ее Прометей вопреки желанію Юпитера? Всего поразительнѣе въ этой трагедіи то, что Прометей изображенъ въ ней добровольно предающимся казни изъ любви къ человѣческому роду. «Я все предвидѣлъ,» говоритъ онъ Океанидамъ: «преступленіе мое совершилъ я по доброй моей волѣ; я того не таю.... чтобы спасти смертныхъ, погубилъ я себя самого».

«Мы вспомнимъ объ этомъ еще разъ, когда кончимъ нашъ краткій обзоръ трагедіи. Теперь пробѣжимъ скорѣе дальнѣйшій ходъ піэсы, не касаясь тѣхъ подробностей, которыя, не смотря на ихъ разнообразный интересъ, отвлекли бы насъ отъ главной идеи слишкомъ далеко.

«Продолжительное и непрерывное изображеніе непреклонности Прометеева характера, могло бы утомить зрителя однообразіемъ. Поэтъ избѣгаетъ этого введеніемъ двухъ эпизодическихъ сценъ, имѣющихъ тѣмъ болѣе достоинства, что придавая піэсѣ разнообразіе, вмѣстѣ съ тѣмъ еще рельефнѣе обрисовываютъ ея героя. Первая изъ этихъ сценъ состоитъ въ появленіи старца Океана, Прометеева родственника. Онъ пришелъ съ состраданіемъ къ уча-

сти Титана, съ совѣтами смириться предъ волею Зевеса и съ предложеніемъ своего ходатайства у владыки боговъ. Прометей ловко уклоняется отъ его совѣтовъ и гордо отвергаетъ его предложеніе. Старику Океану только и нужно было того. Онъ такъ скоро соглашается съ Прометеемъ, который и слышать не хочетъ о какомъ бы то ни было ходатайствѣ, и такъ поспѣшно удаляется, что при всей наружной готовности на опасное посредничество, невольно измѣняетъ самъ себѣ, и тотчасъ видишь, что все это было болѣе поступкомъ приличія, чѣмъ преданности. Старикъ спѣшитъ во свояси, весьма довольный тѣмъ, что, не подвергнувъ себя никакой опасности, обнаружилъ между тѣмъ въ себѣ преданнаго родственника и добраго друга. Онъ поступилъ, какъ поступала, видно, во всѣ времена большая часть такъ называемыхъ родственниковъ. Эта сцена особенно примѣчательна, какъ примѣръ того, съ какимъ искусствомъ и какъ свободно умѣли Греки разнообразить тонъ своихъ произведеній, незамѣтно переходя отъ высокаго къ смѣшному. Это можно сравнить съ музыкальною симфоніею, гдѣ тотъ же самый мотивъ слышится въ разныхъ тонахъ.

«Такъ и эта комическая сцена, удалившаяся повидимому отъ трагической важности, выразила однако основную идею: гордость Прометееву. Этимъ даромъ въ особенности обладалъ Эсхилъ; и когда хотѣли въ наше время пріискать соперника Шекспиру въ искусствѣ его соединять трагическое съ комизмомъ, то не нашли никого болѣе, кромѣ старика Эсхила. Впрочемъ между двумя этими геніями существуетъ не одно это сходство; при чтеніи сценъ Ореста съ матерью, или появленія въ «Персахъ» Даріевой тѣни, невольно вспоминаешь Гамлета.

«Другая эпизодическая сцена слѣдующая. Является дочь Инаха, нимфа Іо, гонимая изъ страны въ страну Зевесомъ. Она разсказываетъ Прометею свои бѣдствія, и узнаетъ отъ его пророческаго дара свою дальнѣйшую судьбу. Произвольное введеніе этой сцены не только не разрушаетъ общей связи піэсы, но придаетъ ей еще особенную прелесть, соединяя передъ нами двѣ Юпитеровы жертвы: нимфу Іо и Прометея. Эта сцена тѣмъ еще драматична, что изображаетъ противоположность между невольно-высказывающимися страданіями молодой Инаховой дочери и скрываемыми страданіями Титана. Наконецъ, сцена эта, гдѣ двѣ жертвы того же насилія стараются другъ друга утѣшить, дѣйствуетъ утѣшительно и на зрителя изображеніемъ взаимнаго ихъ страданія, и нѣсколько смягчаетъ въ немъ ужасное впечатлѣніе цѣлаго. Связь этой вводной сцены съ общимъ ходомъ піэсы обнаруживается еще болѣе, когда Прометей объявляетъ несчастной нимфѣ, что отъ ея потомства родится его освободитель.

«Кромѣ того, Прометей, въ разговорѣ съ этою нимфою, вторично упоминаетъ объ извѣстной ему одному тайнѣ, касающейся Юпитерова владычества. Изъ этой тайны высказываетъ онъ только, что Юпитеръ своимъ неблагоразуміемъ вовлеченъ будетъ въ роковой бракъ, и этимъ бракомъ произведетъ на свѣтъ сына, который свергнетъ его съ небеснаго престола. Только освободивъ Прометея, Юпитеръ можетъ узнать отъ него эту тайну, и предупредить свое паденіе.

«О какомъ бракѣ Юпитера предсказываетъ Прометей, и кто этотъ будущій его сынъ, говорить мы не будемъ. Замѣтимъ только, что, не имѣя продолженія Эсхиловой трилогіи, мы изъ другихъ источниковъ знаемъ дальнѣйшую участь Прометея. Какъ извѣстно, Юпитеръ наконецъ былъ побѣжденъ упорствомъ своей жертвы; послалъ Геркулеса освободить Титана, который тогда открылъ свою тайну, спасъ Юпитера отъ роковаго брака, вполнѣ съ

нимъ помирился и долженъ былъ только, въ доказательство непреложности Юпитеровой воли, носить на себѣ эмблематическій образъ оковъ: связку, вѣнокъ изъ оливной вѣтки и желѣзное кольцо съ отломкомъ Кавказскаго камня — самый древній перстень.

«Но возвратимся къ Эсхилу. Прометей говоритъ нимфѣ о своей тайнѣ такими сильными словами, что онѣ смущаютъ Юпитера, и царь боговъ поручаетъ послу своему, Меркурію, вывѣдать у Титана его тайну.

«Разговоръ между Меркуріемъ и Прометеемъ исполненъ драматической красоты. Его энергія поразительна. Меркурій изображаетъ Титану бѣдствія, на какія осудилъ его Юпитеръ, если онъ не смирится.

«Все напрасно. Ни увѣщанія, ни угрозы Зевесова посла не въ силахъ принудить Титана открыть эту тайну. Его безсмертіе, которое не давно казалось ему невыносимымъ, представляя одинъ неисходный рядъ страданій,— это безсмертіе является ему теперь, какъ счастливый даръ, позволяющій ему пренебрегать Зевесовой местью.

«Чтобы ни было со мной, я безсмертенъ!» восклицаетъ Прометей. И едва произнесъ онъ эти слова, какъ громъ грянулъ.

«По-истинѣ, это уже не угроза,» говоритъ Титанъ: «земля дрожитъ; глухой отголосокъ грома проревѣлъ; молнія блещетъ огненными извилинами; прахъ извивается вихремъ; всѣ вѣтры, освобожденные отъ цѣпей, рвутся въ общую битву: подъятое море сливается съ небесами; на меня, на меня посылаетъ Юпитеръ эту грозную бурю.... О, моя божественная мать! И ты, Эфиръ, разоблачающій очамъ всеобщее свѣтило,— вы видите, какъ безвинно я страдаю!»

«И съ этими словами, поглощенный развалинами скалъ, Прометей исчезалъ отъ взоровъ зрителя.» (Стихотворенія Арбузова. Стр. 424 — 429).

Смыслъ мива о Прометеѣ. — Слова Бѣлинскаго: «Мы взяли бы на себя слишкомъ смѣлый и тяжелый трудъ, еслибъ захотѣли объяснить удовлетворительно смыслъ великаго мива о «Прометеѣ», и потому довольно будетъ намекнуть на него.

«Прометей и Зевсъ — это божество, раздѣлившееся на самого себя, это сознаніе, распавшееся на двѣ стороны, которыя, по закону діалектическаго развитія, враждебно стали одна къ другой. Зевсъ — это непосредственная полнота сознанія; Прометей — это сила разсуждающая, духъ, непризнающій никакихъ авторитетовъ, кромѣ разума и справедливости. Зевсъ возсталъ на отца своего, Крона, съ громами и молніями; Прометей возсталъ на Зевса съ мыслію и словомъ. Прометей въ правѣ былъ сказать своему могучему противнику: «ты сердишься, Юпитеръ: слѣдовательно ты не правъ!» И потому Зевсъ могъ его уничтожить, но не устрашить и не преклонить. Горделивая твердость, полное сознаніе своего достоинства и своей правоты, самоотверженіе Прометея было оправданіемъ его пророчества о концѣ власти Зевса: Зевсъ не правъ, и потому долженъ будетъ уступить свое владычество другой, болѣе справедливой власти. Что же значитъ Коршунъ, терзавшій безпрестанно сраставшіяся внутренности похитителя огня?—

На это у Эсхила лучшій отвѣтъ даетъ самъ Прометей: «Я въ мысляхъ пожираю сердце мое!» Это грустная дума, какъ червь, грызущая сердце и подтачивающая корни жизни; это муки распаденія. Зевсъ не правъ, но онъ еще существуетъ, и власть его еще сильна — онъ еще мститъ своему противнику; зачѣмъ же онъ силенъ, если онъ не правъ? Затѣмъ, что Прометею суждено только начать великое дѣло, а не кончить его; онъ только очистительная жертва общаго дѣла, а не торжествующій побѣдитель; онъ далъ движеніе сознанію, которое безъ него коснѣло бы въ недѣятельности, но еще не видѣлъ результата сознанія; онъ началъ борьбу, но не ему суждена полная побѣда. Что же такое огонь, похищенный Прометеемъ съ неба и сообщенный имъ людямъ?—Это мысль, сознаніе, пробудившее людей отъ мертваго сна животной непосредственности. Прометей далъ знать людямъ, что въ истинѣ и знаніи и они — боги; что громы и молніи еще не доказательства правоты, а только доказательства неправой власти. Пробуждено сознаніе въ людяхъ, — и паденіе Зевса уже неизбѣжно; рано или поздно, но алтари его сокрушатся, и колѣни смертныхъ преклонятся предъ Богомъ правды и истины, любви и милости.... Глубокознаменательный миѳъ, необъятный, какъ вселенная, вѣчный, какъ разумъ!...» (Сочиненія Бѣлинскаго. Ч. V, стр. 48 и д.).

Темы. — Указать трагическое въ «Прометеѣ» Эсхила. — Составить краткое опредѣленіе трагедіи. — Характеристика Прометея и другихъ дѣйствующихъ лицъ. — Отдѣлить картины природы. — Показать заслуги Прометея. — Значеніе хора. — Объяснить нѣкоторыя отдѣльныя мысли, напр. «память, мать искусствъ», и пр. — Почему піэсы древнихъ называются *классическими*, т. е. образцовыми? —

ПЕРСЫ.

Дѣйствующія лица.

Хоръ Старцевъ, Вѣрные. **Вѣстникъ.**
Атосса, мать Ксеркса, жена **Тѣнь Дарія.**
Дарія. **Ксерксъ.**

(Сцена, во все время дѣйствія, представляетъ дворецъ Персидскаго царя въ Сусахъ невдалекѣ — гробница Дарія, отца Ксерксова).

ЯВЛЕНІЕ I.

хоръ. Насъ зовутъ Вѣрными Персовъ, ушедшихъ въ землю Гелленскую; мы стражи обильныхъ и многозлатныхъ [1]) сѣдалищъ; насъ самъ царь Ксерксъ, Даріемъ рожденный государь, избралъ, по старшинству нашему, надзирать надъ страною. Сердце въ насъ, чая бѣду, сильно ужъ крушится о возвратѣ царя и многозлатнаговойска въ груди. Вся сила Азіи ушла; стенаетъ Азія по молодежи, а ни одинъ вѣстникъ, ни одинъ всадникъ не приходитъ въ городъ Персовъ. Всѣ ушли, покинувъ Сусы, Экбатаны и древнюю крѣпость Киссіеву: одни на коняхъ, другіе на корабляхъ, иные по сушѣ, — полки воинскіе образуя; каковы Амистръ, Артафренъ, Мегабатъ, Астаспъ, вожди Персовъ, цари, великому царю подвластные, огромнаго войска блюстители, и стрѣлами побивающіе, и всадники, — страшные на взглядъ, страшные въ битвѣ по гордой смѣлости духа. Кромѣ ихъ — Артемваръ, тѣшащійся конскими битвами, Масистръ, еще побивающій стрѣлами, доблестный Имей, Фарандакъ и гонитель коней Сосѳанъ. Другихъ воителей прислалъ великій, многопитательный Нилъ: тутъ были Сусисканъ Пегастагонъ, рожденный въ Египтѣ, и начальникъ священной Мемфиды (*Мемфиса*), великій Арсамъ, и надзирающій надъ маститыми Ѳивами, Аріомардъ, и живущіе въ болотахъ гребцы, страшные, числомъ безчисленные! За ними пошла толпа изнѣженныхъ Лидянъ; а съ ними [2]) тѣ, которые занимаютъ весь материкъ, и которыхъ Митрагаѳъ и Арктей доблестный, намѣстники царя, и многозлатные Сарды выслали на колесницахъ о двухъ и о трехъ дышлахъ: и глядѣть было страшно! И обитатели священнаго Тмола, Мар-

[1]) Вѣрные безпрестанно твердятъ о богатствѣ Персіи, чтобы тѣмъ сильнѣе выставилась послѣ степень пораженія, понесеннаго Ксерксомъ при Саламинѣ.

[2]) Точнѣе: Лидяне, подъ именемъ которыхъ разумѣются и всѣ живущіе на западѣ у материка. Эсхилъ нарочно выражается не ясно; не хочетъ прямо сказать, что въ войскѣ Персидскомъ были и *Геллены*, — Іоняне.

донъ, Ѳаривій, и метатели копій Мисяне, грозятъ наложить на Гелладу иго рабства. И Вавилонъ многозлатный выслалъ гурьбою пеструю толпу [1]), и корабельщиковъ, и тѣхъ что на стрѣльбу свою надѣются. И меченосный людъ пошелъ изо всей Азіи по грозному велѣнію царя. Таковые-то мужи, цвѣтъ Персіи, ушли! Стенаетъ о нихъ вся Азійская земля, воспитавшая ихъ; тяжко скорбитъ! Родители и супруги, считая дни долгаго ихъ отсутствія, трепещутъ!..

Перешло ужъ города-разоряющее царское войско на противоположный берегъ земли сосѣдней, переправившись по плотамъ черезъ проливъ Геллы Аѳамантовны (*Геллеспонтъ*), накинувъ на всю пучину иго, — дорогу, изъ бревенъ сплоченную. Гонитъ ярый царь, мужъ золотаго рода, богоподобный, гонитъ онъ на всю землю стадо необъятное, и по сушѣ, и по морю, на крѣпкихъ, страшныхъ воеводъ полагаясь.

Съ мрачнымъ взглядомъ въ очахъ, со взглядомъ кровожаднаго дракона, многорукій, многокорабельный, мчась на Сирійской колесницѣ, ведетъ онъ Арея, лукомъ укрощающаго, на людей, славнымъ копьемъ [2]).

Нѣтъ никого, кто бы устоялъ противъ великаго потока мужей, кто бы крѣпкими плотинами сдержалъ необоримую волну моря. Неодолимо войско Персовъ, крѣпокъ народъ!

Но кто изъ смертныхъ уклонится отъ коварнаго обмана судьбы? Кто проворной ногою, легкимъ скачкомъ убѣжитъ отъ нея? Сперва благосклонная, улещиваніемъ заводитъ бѣда смертнаго въ тенета, откуда выпрыгнуть ему уже нѣтъ возможности!

По божьей волѣ издревле судьба осилила пасъ, понудила Персовъ вести войны — башень рушительницы, конниковъ скопляющія, города разоряющія. Полагаясь на канаты утлыхъ зданій, на машины людей перевозящія, выучились они смотрѣть безъ боязни на морскія рощи, когда широкопутное море бѣлѣетъ отъ бурнаго вѣтра.

Вотъ почему сердце у меня — словно въ черномъ одѣяніи; разрывается отъ страха.... о!... какъ бы царство не услышало, что обезлюдѣлъ великій городъ Сусиды, лишился сего войска Персидскаго, какъ бы не раздался въ отвѣтъ ему.... о!... гласъ города

---

[1]) Эсхилъ, какъ увидите, самихъ Персовъ заставляетъ отзываться о своемъ войскѣ презрительно: пестрая толпа, стадо необъятное, гамъ рѣчи Персидской и т. п.

[2]) То есть, Персовъ на Гелленовъ. Главное оружіе Персовъ былъ лукъ, Гелленовъ — копье. На это безпрестанно намекается въ этой трагедіи. См. особенно конецъ II явленія. Арей — богъ войны, то, что у Римлянъ Марсъ. Часто у Греческихъ поэтовъ имя бога войны употребляется вмѣсто имени войны.

Киссіева, вопли толпы женщинъ! не разорвалось бы одѣяніе виссиное [1]).

Ибо весь конный и пѣшій людъ, словно рой пчелъ, выбылъ за вождемъ войска, переправившись по мосту, съ одного берега пролива на другой положенному. Персіянки въ страшномъ горѣ; всѣ онѣ остались однѣ, тоскуетъ каждая по мужѣ любимомъ.

Приложимъ же, Персы, сидя здѣсь, на семъ древнемъ сѣдалищѣ, честную, усердную заботу: нужда того требуетъ! Каковы-то дѣла Ксеркса царя, отъ Дарія рожденнаго, изъ рода, по родоначальнику намъ близкаго: другой ли лукъ побѣдилъ, иль сила копья остраго одолѣла [2])? (*Видятъ приближающуюся къ нимъ Атоссу*). Но вотъ спѣшитъ сюда свѣтило, очами богамъ подобное, мать царя, царица моя. Падаю передъ нею, падаю! — Надлежитъ намъ всѣмъ словами благоговѣйными привѣтствовать ее. — О царица! О надо всѣми Персіянками верховная! Старая мать Ксеркса! Здравствуй, жена Даріева! Ты и супруга бога Персовъ, и мать ихъ бога, если только старое счастіе не измѣнило теперь войску.

ЯВЛЕНІЕ II.

АТОССА. Потому-то и пришла я сюда, покинувъ золотомъ убранные хоромы. И мое сердце грызетъ забота. Скажу вамъ слово, други мои!... Не за себя боюсь, а о томъ, какъ бы великое богатство не убѣжало отъ насъ, какъ бы, бѣжа, оно не опрокинуло ногою своею того довольства, которое Даріемъ такъ было возвышено, не безъ помощи нѣкоего бога. Отсюда о томъ двѣ вѣрныя мысли на сердцѣ у меня: богатства безъ людей высоко не слѣдуетъ чтить, но и безъ богатства человѣку не улыбается счастіе на столько, сколько въ немъ силы и достоинства. Богатства моего нечѣмъ укорить; но боюсь за *глаза*; а глазомъ дома считаю присутствіе господина. Потому, когда дѣла таковы, будьте мнѣ, Персы, въ вѣрности посѣдѣвшіе, будьте совѣтниками. Вся надежда моя на вашу мудрость.

---

[1]) Городъ Киссіевъ тоже, что Сусы, по свидѣтельству Страбона. По Геродоту Сусы находились въ области Киссіевой. Эсхилъ же отличаетъ Сусы отъ Киссіева города, вѣроятно потому, что не зналъ дѣла въ точности. *Виссъ* (виссонъ): этимъ именемъ древніе означали различные, хотя, можетъ быть, и похожіе предметы. Но прежде всего надлежитъ замѣтить, что нѣтъ ничего общаго между виссомъ древнихъ и тѣмъ виссомъ, который слыветъ подъ этимъ именемъ у новѣйшихъ ботаниковъ. Виссъ древнихъ — растительный. Виссомъ называлась хлопчатая бумага и особый родъ Индѣйскаго льна. Былъ виссъ бѣлый, желтый; послѣдній былъ дорогъ. Виссомъ назывались и льняныя, и шелковыя матеріи. Вообще рѣшить этотъ смутный вопросъ не легко.

[2]) Персы ли, или Геллены побѣждаютъ. Вѣрные называютъ родъ Ксерксовъ по родоначальнику себѣ близкимъ, потому что родоначальникомъ былъ Персей.

ХОРЪ. Знай же, царица сей земли, не нужно тебѣ дважды называть слово или дѣло, которое власть намъ укажетъ. Преданныхъ тебѣ призываешь въ совѣтники.

АТОССА. Много вижу я ночныхъ видѣній, съ тѣхъ поръ, какъ сынъ мой, набравши войско, пошелъ въ землю Іаоновъ [1]), разорить ее желая; но никогда еще не видала я такого яснаго сна, какъ въ прошедшую ночь. Я разскажу тебѣ сей сонъ. Приснилося мнѣ, что предстали моимъ очамъ двѣ жены, красиво одѣтыя; одна въ Персидскомъ одѣяніи, другая въ Дорическомъ [2]). И ростомъ онѣ были гораздо выше теперешнихъ женъ, и красоты безукоризненной, сестры единородныя. Одной по жребію досталась въ родину земля Гелленская, другой—варварская. Онѣ, мнѣ привидѣлось, подняли изъ-за чего-то межъ собою раздоръ. Сынъ мой, провѣдавъ о томъ, сталъ унимать ихъ, укрощать; запрягаетъ ихъ въ колесницу, налагаетъ на выи ихъ ярмы. Одна изъ женъ этимъ убранствомъ кичилась и послушно во рту узду держала; другая же билась, царапала руками колесницу, наконецъ сорвала узду, рванула колесницу и переломила пополамъ дышло. Сынъ мой упалъ; предсталъ ему отецъ его Дарій, болѣя о немъ. Лишь только увидѣлъ его Ксеркъсъ, началъ рвать одежду на тѣлѣ.... Вотъ что видѣла я ночью. А когда встала и коснулась рукою прекрасно-текущаго родника, то подошла къ алтарю, желая принести жертву богамъ отвратителямъ, которымъ слѣдуетъ; и вдругъ вижу, орелъ прилетаетъ на алтарь Аполлона.... Отъ страха, други мои, я онѣмѣла.... Потомъ, вижу, является ястребъ и щиплетъ голову орлу. А тотъ только присѣлъ, и безъ сопротивленія далъ себя щипать ястребу. Страшно мнѣ было видѣть это, а вамъ слышать.... Помните: сынъ мой въ случаѣ удачи возбудитъ удивленіе во всѣхъ; въ случаѣ же неудачи не обязанъ отдавать отчета государству. Лишь бы спасся: такъ же, по прежнему, будетъ царствовать надъ сею землею.

ХОРЪ. Не хотимъ тебя, мать, ни слишкомъ пугать словами, ни ободрять. А обратись съ молитвами къ богамъ, и если дурное что видѣла, проси у нихъ, чтобы отвратили отъ тебя зло, и чтобы благое совершилось и для тебя, и для дѣтей твоихъ, и для царства, и для всѣхъ друзей. А потомъ слѣдуетъ тебѣ сдѣлать возліяніе землѣ и умершимъ, и просить супруга твоего Дарія, кото-

---

[1]) Іонами звали Персы Гелленовъ, потому что прежде другихъ Гелленовъ стали имъ извѣстны и были ими покорены Іоняне мало-азійскіе. Рѣчь Атоссы вообще темна. Въ настоящемъ случаѣ она говоритъ, что матеріальнаго богатства безъ людей, способныхъ охранить его, уважать не слѣдуетъ; но съ другой стороны, какъ бы ни былъ высокъ человѣкъ, безъ того же богатства трудно ему пріобрѣсти уваженіе (чисто Персидское понятіе).

[2]) И здѣсь *Дорическое* одѣяніе въ смыслѣ: Гелленское, Греческое вообще.

раго, говоришь ты, видѣла ночью, чтобы онъ благодушно изъ-подъ земли выслалъ доброе тебѣ и сыну твоему; а все недоброе скрылъ бы во мракѣ подземномъ. Вотъ что совѣтую тебѣ, будучи пророкомъ по усердію и преданности, и все то полагаю, къ лучшему обратится.

АТОССА. Ты первый оказался усерднымъ и преданнымъ толкователемъ этихъ сновъ, обративъ дѣло въ благо сыну и дому моему. Да свершится же все хорошее! А все то, какъ ты совѣтуешь, мы принесемъ богамъ и подземнымъ друзьямъ, когда воротимся домой. Теперь же хочу вотъ о чемъ узнать, о други! въ какомъ мѣстѣ земли находятся Аѳины? какъ о томъ говорятъ?

ХОРЪ. Далеко: у захода царя Гелія *(солнца)*.

АТОССА. Такъ этимъ-то городомъ сынъ мой захотѣлъ овладѣть?

ХОРЪ. Да! тогда бы вся Геллада была подвластна царю.

АТОССА. Ужели у нихъ такъ много войска?

ХОРЪ. И войско это много ужъ надѣлало бѣдъ Мидянамъ.

АТОССА. А кромѣ этого, что еще у нихъ? богатство достаточное?

ХОРЪ. Есть у нихъ источникъ серебра, кладъ земли.

АТОССА. Да развѣ они славятся стрѣльбою?

ХОРЪ. Ни мало! у нихъ копья для рукопашнаго боя и щиты.

АТОССА. Кто же пастырь ихъ и владычествуетъ надъ войскомъ?

ХОРЪ. Они ни чьими рабами не зовутся и никому не подвластны.

АТОССА. Какъ же имъ устоять противъ пришлыхъ непріятелей?

ХОРЪ. Да вотъ, Даріево войско было велико и прекрасно, а они истребили его.

АТОССА. Страшныя вещи говоришь ты для родителей ушедшихъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

(Показывается вѣстникъ).

ХОРЪ. Но, мнѣ кажется, скоро ты узнаешь дѣло во всей истинѣ, не лживо; по Персидскому бѣгу вонъ того мужа такъ заключать подобаетъ. Несетъ онъ что-нибудь вѣрное, либо доброе, либо худое.

ВѢСТНИКЪ. О города всей Азіи! О Персидская земля, пристань великаго богатства! Однимъ ударомъ сокрушено великое довольство! Пропалъ, палъ цвѣтъ Персовъ! О! первѣйшее на свѣтѣ горе— возвѣщать горе.... Но, Персы, нужно же раскрыть вамъ всю бѣду.... Все войско варваровъ погибло!

ХОРЪ. Скорбныя, скорбныя это бѣды! бѣды новыя, жестокія!... О! слыша про горе сіе, обливайтесь, Персы, слезами!...

ВѢСТНИКЪ. Такъ и слѣдуетъ! Все, что тамъ было, погибло! И самъ я не ждалъ увидѣть день возвращенія.

ХОРЪ. Охъ, какъ вѣкъ оказался для насъ, старыхъ, дологъ! Услышали мы бѣду безнадежную!

ВѢСТНИКЪ. Я, Персы, самъ тамъ былъ; не отъ другихъ рѣчи слышалъ: могу сказать, какія тамъ бѣды приключились.

ХОРЪ. О! Напрасно ходило изъ земли Азійской въ страну Гелленскую, напрасно ходило туда множество стрѣлъ всяческихъ.

ВѢСТНИКЪ. Полны трупами жалостно погибшихъ скалы Саламина и вся страна окрестная.

ХОРЪ. О! ты говоришь, въ широкихъ одеждахъ, носятся по морю окровавленныя тѣла погибшихъ друзей....

ВѢСТНИКЪ. Да, луки ничего не пособили. Погибло все войско въ морской сшибкѣ.

ХОРЪ. Завопите же воплемъ злосчастнымъ, зловѣщимъ для пораженныхъ. Войско погибло, — и, увы! отовсюду боги устроили намъ бѣды.

ВѢСТНИКЪ. О! какъ ненавистно звучитъ имя Саламина! О Аѳины! какъ скорблю я, даже вспоминая объ нихъ!

ХОРЪ. Страшны Аѳины врагамъ: какъ не помнить ихъ? Сколько Персіянокъ содѣлали онѣ втунѣ вдовыми и безмужними.

АТОССА. Долго молчала я, бѣдная, бѣдою оглушенная! Несчастіе такъ велико, что ни говорить не могу, ни о бѣдствіяхъ разспрашивать.... Но нужно выносить горе, богами насылаемое: ибо мы смертны.... Приди же въ себя, и хоть стенаешь о бѣдствіяхъ, разскажи, раскрой всю бездну злосчастія. Скажи: кто не умеръ? кого изъ вождей народа будемъ оплакивать? кто палъ? чье мѣсто въ строю опустѣло?

ВѢСТНИКЪ. Самъ Ксеркъ живъ, и смотритъ на свѣтъ Божій....

АТОССА. Ты показалъ великій свѣтъ моему дому, изъ мрачной ночи сдѣлалъ ясный день. *(Вѣстникъ перечисляетъ другихъ героевъ, падшихъ въ Саламинской битвѣ).*

АТОССА. Увы, слышу я крайнія бѣды: позоръ, громкіе вопли постигли Персовъ.... Но воротись къ разсказу своему, повѣдай мнѣ, сколь же много было кораблей Гелленскихъ; какъ посмѣли они корабельными стычками завязать битву съ войскомъ Персидскимъ?

ВѢСТНИКЪ. По числу кораблей, будь въ томъ увѣрена, варвары бы одолѣли. У Гелленовъ всего-то было тридцать десятковъ кораблей, да десятокъ еще отборныхъ. А у Ксеркса, знаю навѣрно, была тысяча кораблей, да еще двѣсти семь отличныхъ по быстротѣ бѣга. Такъ было дѣло. Вѣдь, кажется, мы не слабѣе ихъ были въ битвѣ?

АТОССА. Но нѣкій по этому демонъ погубилъ войско, не ровно опустивъ вѣсы роковые!

ВѢСТНИКЪ. Боги спасаютъ городъ богини Паллады.

АТОССА. Такъ значитъ не разрушены еще Аѳины?

ВѢСТНИКЪ. Тотъ городъ, въ которомъ есть *люди*, надеженъ.

АТОССА. А повѣдай, какое было начало морской стычки; кто началъ битву: Геллены, или сынъ мой, множествомъ кораблей кичась?

ВѢСТНИКЪ. Началъ всю бѣду, государыня, Аласторъ [1]): не вѣсть, откуда явился! не то, злой демонъ. Приходилъ къ намъ изъ войска Аѳинскаго нѣкій Гелленъ, и сказалъ сыну твоему Ксерксу: «Когда наступитъ тьма черной ночи, Геллены ужъ не думаютъ оставаться, а бросятся на скамьи корабельныя, и тайкомъ въ разныя стороны разбредутся, животы свои спасаючи». Сынъ твой, лишь услышалъ то (не понялъ Гелленова лукавства и зависти боговъ!), тотчасъ даетъ всѣмъ начальникамъ кораблей такой наказъ: «Лишь только солнце перестанетъ лучами жечь землю и тьма обыметъ область воздушную, уставьте корабли въ три ряда, стерегите выходы и проходы морскіе; а другіе корабли — вокругъ острова Эантова [2]) поставьте; и если Геллены найдутъ какую тайную лазейку и убѣгутъ отъ злой судьбы, головами всѣ вы поплатитесь». Такъ сказалъ онъ сгоряча, не зная, что готовили ему боги. Персы, нельзя сказать, чтобы въ безпорядкѣ, а чинно, стали ужинъ готовить; корабельщики весла прилаживали. Когда же скрылся свѣтъ солнечный, и наступила ночь, всѣ разошлись по кораблямъ, всѣ гребцы, всѣ воины. Строй со строемъ стали на длинныхъ корабляхъ перекликаться; поплыли, кому какъ назначено; начальники же кораблей людей по мѣстамъ разставляли. Ночь проходила, а войско Гелленское нигдѣ и не думало тайкомъ пробираться. Когда же свѣтлый день, на бѣлыхъ коняхъ ѣздящій, охватилъ всю землю, раздался шумъ и крикъ со стороны Гелленовъ, похожій на пѣсню ликованія и громко откликнулось эхо на скалистомъ острову. А на варваровъ на всѣхъ страхъ напалъ: не знали, что и подумать! Не къ бѣгству призывалъ славный пеанъ, что пѣли тогда Геллены, но къ битвѣ, къ мужественной смѣлости; ликованія же сіи звуками трубъ покрывались. Дружно ударяя шумными веслами, разили они по командѣ море бездонное. Скоро всѣ они передъ нами показались. Первымъ шло правое крыло, стройно, въ порядкѣ; вслѣдъ за нимъ тронулся весь прочій флотъ. Слышны были громкіе и дружные крики: «О дѣти Гелленовъ! идите, спасайте отчизну, спасайте дѣтей, женъ, жилища дѣдовскихъ боговъ, гробницы предковъ: теперь предстоитъ вамъ за все сразиться»! На встрѣчу имъ съ нашей стороны поднялся гамъ рѣчи Персидской. Тутъ некогда было мѣшкать. Мигомъ сцѣпился

---

[1]) Аласторъ — мстительное божество.

[2]) Саламина.

корабль съ кораблемъ. Началъ же нападеніе Гелленскій корабль, и сшибъ всѣ верхушки на Финикійскомъ. Потомъ сцѣпились другіе. Сперва потокъ Персидскаго войска еще выдерживалъ. Но когда мы столпились въ узкомъ проходѣ, тутъ уже взаимной помощи нельзя было подавать: наши же корабли другъ друга разили мѣдными носами и весла ломали. Геллены же поумнѣе распорядились и отовсюду насъ колотили. Корабли опрокидывались къ верху дномъ; море до того наполнилось обломками и трупами, что даже не видать его было. Полны также были трупами и берега и скалы. Тутъ, сколько ни было кораблей въ войскѣ варварскомъ, всѣ въ безпорядкѣ въ бѣгство обратились. А Геллены обломками веселъ и кораблей били нашихъ, словно тунцовъ, либо другую рыбу какую. Воплями и ликованіями до тѣхъ поръ оглашались волны морскія, пока не пощадила Персовъ темная ночь. Но всего множества золъ, хоть десять дней я разсказывай, не разскажешь. Знай только, никогда въ одинъ день не умирало такого множества людей.

АТОССА. О!... великая же пучина золъ разразилася надъ Персами и надо всѣмъ варварскимъ родомъ.

ВѢСТНИКЪ. Знай, и середины бѣдствій еще нѣтъ. Такое злосчастіе постигло ихъ, что все, разсказанное мною, и половины бѣды не составитъ.

АТОССА. Да какая же еще бѣда можетъ быть злѣе? Скажи, что же еще за бѣда войску приключилась, которая больше той?

ВѢСТНИКЪ. Сколько ни было между Персами тѣломъ бодрыхъ, духомъ доблестныхъ, родомъ знаменитыхъ, по вѣрности къ царю первыхъ,—всѣ они позорно погибли, самой безславною смертію.

АТОССА. Охъ я, горько-бѣдная! какая злая бѣда, други мои! Какою же смертію, говоришь ты, погибли они?

ВѢСТНИКЪ. Есть нѣкій островокъ передъ Саламиномъ, маленькій, съ непріютной гаванью: тамъ по берегу морскому гуляетъ Панъ, любитель хороводовъ. Туда послалъ ихъ Ксеркъ, чтобы они, когда непріятели вздумаютъ, разсыпавшись съ кораблей, спасаться на островъ, удобнѣе били войско Гелленское, а своихъ отъ волнъ морскихъ спасали. Худо провидѣлъ онъ будущее. Лишь только богъ даровалъ Гелленамъ славу въ битвѣ морской, въ тотъ же день облачившись въ мѣдныя брони, выпрыгнули они изъ кораблей, окружили отовсюду весь островъ, такъ что Персы не знали, куда дѣваться. Били ихъ Геллены изъ рукъ камнями, губили, пуская стрѣлы съ тетивы; наконецъ, бросившись всѣ разомъ, стали рубить, сѣчь ихъ, горемычныхъ, пока всѣхъ до единаго жизни не лишили. Ксеркъ, увидѣвъ глубину бѣдствій, завопилъ: сидѣлъ же онъ на такомъ мѣстѣ, что легко могъ видѣть все войско — на высокомъ холму

близъ пучины морской [1]); завопивши, разорвалъ одежды, и тотчасъ велѣлъ тронуться пѣшему войску и пустился въ нестройное бѣгство. Вотъ какую бѣду, кромѣ прежней, нужно тебѣ огоревать.

АТОССА. О ненавистный демонъ! Какъ обманулъ ты души Персовъ! Горькую отплату нашелъ мой сынъ въ славныхъ Аѳинахъ. Недовольно, видно, было гибели тѣхъ варваровъ, что пали на Мараѳонѣ. Мой сынъ, мечтая отомстить за нихъ, еще вотъ какое множество бѣдъ навлекъ на себя! Скажи же, какіе корабли избѣжали погибели, и гдѣ ты ихъ оставилъ! можешь ли ты толково разсказать объ этомъ.

ВѢСТНИКЪ. Вожди кораблей уцѣлѣвшихъ скоро-на-скоро пустились въ бѣгство нестройное по пóвѣтери, а остальное войско частію погибло въ землѣ Беотовъ; мы же, то жаждою у родниковъ [2]) мучимые, то отъ усталости едва духъ переводя, перешли въ землю Фокейскую, въ Дориду, въ Мелійскій заливъ, гдѣ Сперхій орошаетъ равнину благодатной влагою. Потомъ насъ, оскудѣвшихъ хлѣбомъ, принимаютъ земля Ахейская и города Ѳессалійскіе. Тутъ многіе померли отъ жажды и отъ голоду: того и другаго натерпѣлися мы. Оттуда прошли мы въ землю Магнетскую, къ рѣкѣ Аксію, къ болотному тростнику Болбы, къ горѣ Пангею, въ землю Едонскую. Въ эту ночь богъ далъ зиму раннюю, и замерзъ весь потокъ святаго Стримона. Кто и не вѣрилъ прежде богамъ, сталъ тогда молиться, землѣ и небу поклоняться. Кончивши молитвы, войско стало переходить по ледяному мосту; и кто изъ насъ перешелъ, пока не разсыпались лучи солнечные, тотъ спасся. Потомъ свѣтлый кругъ солнца, паля и жаря лучами своими, растопилъ ледъ посерединѣ, и попадали наши другъ на друга; счастливъ еще былъ тотъ изъ нихъ, кто скорѣе жизни лишался. А которые остались, и спасеніе нашли, (немного такихъ), тѣ еле-еле, съ большимъ трудомъ, переправившись во Ѳракію, пришли наконецъ въ отечество. Надлежитъ стенать царству Персидскому, огоревая наилучшій цвѣтъ сей земли! Все это правдиво; еще многія изъ бѣдствій, которыя обрушены богами на Персовъ, опускаю.

ХОРЪ. О безжалостный демонъ! Какъ тяжко палъ ты на весь родъ Персидскій!

АТОССА. Горе мнѣ, бѣдной! Войско уничтожено!... О, правдивое ночное видѣніе! Какъ ясно показало ты мнѣ всѣ бѣдствія! А вы совсѣмъ плохо растолковали его. Все таки, какъ вы разсудили, сперва

---

[1]) На горѣ Егалеѣ въ Аттикѣ.

[2]) То есть, нѣкоторые въ войскѣ Персидскомъ гибли отъ того, что, измученные жаждою, когда находили наконецъ родникъ, пили неумѣренно.

хочу богамъ помолиться, потомъ вынесу изъ дому дары землѣ и умершимъ. Знаю, что все уже свершилось; да впредь не будетъ ли чего лучшаго. А вамъ нужно теперь, когда все такъ несчастно случилось, вѣрные давать мнѣ совѣты. Сына моего, если придетъ сюда прежде меня, утѣшьте и проводите въ домъ, чтобы къ этимъ бѣдамъ новой какой не прибавилось....

ЯВЛЕНІЕ IV.

ХОРЪ. О, царь Зевесъ! Погубивши теперь войско кичливой, многолюдной Персіи, ты покрылъ мрачною скорбію Сусы и Экбатаны. Много матерей, въ горѣ соучастницъ, разрываютъ руками хилыми покрывала свои. А нѣжно рыдающія Персіянки, тоскуя по бракѣ недавнемъ, рыдаютъ на-взрыдъ безутѣшно. И я участь погибшихъ многослезную горько оплакиваю, какъ и слѣдуетъ [1]).

Стенаетъ теперь вся земля Азійская, опустѣлая. Ксеркъ повелъ,... о!... Ксеркъ погубилъ.... о!... Ксеркъ на суда морскія навлекъ всякія бѣды. Отчего же Дарій, любимый Сусиды правитель, правилъ гражданами такъ безвредно? И пѣшихъ, и моряковъ, корабли равнокрылые, корабли сизолицые, привезли туда.... о!... корабли погубили.... о!... корабли погубили ихъ въ погибельной стычкѣ руками Іаоновъ [2]); едва, какъ слышно, самъ царь убѣжалъ по степнымъ, по холоднымъ дорогамъ Ѳракіи.

А тѣ по злой участи первенцы остались по нуждѣ у берега Кихрейскаго.... [3]) Мочитъ ихъ вода. Стенай, убивайся, воздымай до небесъ тяжкіе вопли! О!... напрягай зловѣщій, жалкій крикъ.... Крутитъ ихъ страшное море, терзаютъ безгласныя дѣти нескверниаго.... [4]). Огораетъ мужа осиротѣлый домъ.... Старцы, бездѣтные родители, скорбятъ объ ужасныхъ бѣдахъ.

Жители Азіи не будутъ теперь жить по обычаямъ Персидскимъ, не будутъ дани платить, нуждою нудимые! Не будетъ у нихъ царя, не передъ кѣмъ будетъ поклоняться! Ибо погибла сила царская. И языкъ людской не будетъ на привязи; сняты узы съ людей: станутъ болтать, что вздумается. Упитанныя кровію пашни омываемаго моремъ острова Эантова [5]) схоронили въ себѣ могущество Персовъ.

---

[1]) Вся Персія горюетъ: горюютъ старыя матери, горюютъ молодыя жены, горюютъ Вѣрные.

[2]) Геллеповъ.

[3]) Первенцами по злой участи называетъ Эсхилъ тѣхъ Персовъ, которые погибли у Саламина, у берега Кихрейскаго, названнаго такъ по Кихрею, древнему царю Саламина.

[4]) «Безгласными дѣтьми нескверниаго», т. е. моря: Эсхилъ называетъ рыбъ.

[5]) Саламина.

ЯВЛЕНІЕ V.

АТОССА. Други! кто испыталъ бѣды, тотъ знаетъ, что когда подавятъ смертнаго волны несчастій, все тогда пугаетъ. Когда же теченіе жизни попутное, тогда человѣкъ увѣренъ, что тоже счастіе всегда при немъ останется: такъ для меня теперь всѣ посланныя намъ богами несчастія представляются очамъ моимъ исполненными страха; раздается въ ушахъ шумъ, вовсе не радостный: такъ потрясли меня бѣды, такъ пугаютъ онѣ душу мою! Потому собралась я теперь сюда изъ дому безъ колесницы, безъ прежней роскоши. Принесла пріятныя отцу сына [1]) возліянія, умилостивляющія умершихъ: бѣлое, вкусное молоко отъ чистой коровы, сокъ цвѣточной работницы [2]) — медъ прозрачный, посреди струй водяныхъ дѣвственнаго источника; потомъ еще безпримѣсную влагу дикой матери— вотъ эту красу старой лозы виноградной; есть еще тутъ и благовонный плодъ золотистой оливы, съ вѣчно зелеными вѣтвями; есть цвѣты плетеные [3]), чада все дарующей земли. Припѣвайте же, други, пѣсни при семъ возліяніи; вызывайте блаженнаго Дарія, а я принесу подземнымъ богамъ сіи жертвы, землею испиваемыя.

ХОРЪ. Жена царственная, Персами чтимая! Посылай возліянія въ нѣдра земли; а мы пѣснями станемъ молить вожатаевъ людей умершихъ, да будутъ къ намъ они подъ землею милостивы. Чистые демоны подземные, Земля и Гермій, царь дольній! вышлите на свѣтъ изъ подъ земли душу Даріеву: ибо если онъ знаетъ, какое средство дѣйствительнѣе, то онъ одинъ укажетъ конецъ бѣдамъ. Слышитъ ли меня блаженный, богоравный царь? слышитъ ли онъ слова мои варварскія, ясныя, разнопестрыя, горькія, смятенныя? Прокричу ему тяжкое горе мое. Долу слышитъ ли онъ меня? А ты, Земля, и другіе вожатые подземныхъ! благоволите, да придетъ духъ многопохвалявшійся, въ Сусахъ рожденный богъ Персовъ; вышлите горѣ того, подобнаго кому еще не хоронила Персія. Да, дорогой это человѣкъ, дорога намъ эта могила: дорогую душу схоронила она. Аидоней, вожатый Аидоней! вышли Дарія; сей царь одинъ былъ страшенъ врагамъ.... О! никогда не губилъ онъ людей войнорушительными напастями; устроителемъ о богѣ звали его Персы, устроителемъ о богѣ былъ онъ, ибо войско тогда счастливо водилъ.... О!...

Владыка, древній владыка! иди, иди, гряди, приди на крайнюю вершину могилы, багряный башмакъ подымая, блестящей царскою тіарою свѣтя. Гряди, отецъ незлобный, Дарій! да услышишь горе

---

[1]) Дарію.
[2]) Пчелы.
[3]) Вѣнки.

свѣжее, горе новое. Явись, господинъ господина! Стигійскій морокъ надъ нами стелется: вся молодежь погибла уже. Гряди, отецъ незлобный, Дарій! Увы, увы!

О ты, что умеръ, много друзьями оплаканный! За чѣмъ, владыко, по сей двойной неразумной ошибкѣ твоего сына, погрѣшившаго противъ царства твоего, за чѣмъ у всей сей страны погибли корабли [1])?

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДАРІЙ. О вѣрные изъ вѣрныхъ! о сверстники мои! Какою, о старѣйшіе изъ Персовъ, скорбію скорбитъ царство? Земля стенаетъ, убивается, мятется.... Видя супругу мою близъ гробницы, я страшусь, но возліяніе принялъ благосклонно. И вы рыдаете, стоя близъ гробницы; громкими воплями, выкликающими души умершихъ, жалостно зовете меня. А мнѣ выходить нелегко: подземные боги охотнѣе берутъ, чѣмъ выпускаютъ. Но такова моя между ними сила, что вотъ — я пришелъ! Торопитесь же, да не корятъ они меня, что долго пробылъ. Какое же новое зло отяготѣло надъ Персами?

ХОРЪ (*пораженный ужасомъ*). Страшно смотрѣть, страшно говорить съ тобою, по старому страху къ тебѣ....

ДАРІЙ. Но ужъ если я изъ дольней области пришелъ, твоимъ воплямъ внявши, оставь обиняки, говори коротко, все скорѣе кончай. Страхъ ко мнѣ отложи.

ХОРЪ. Боюсь угодить. Боюсь сказать тебѣ, чего друзьямъ говорить не слѣдуетъ.

ДАРІЙ. Ну, ужъ если древняя боязнь вамъ претитъ,—ты, жена благородная, ты хоть уйми сей плачъ и рыданіе, скажи что-нибудь ясное. Бѣды — дѣло человѣческое: могутъ случаться со смертными! Много золъ приключается смертнымъ отъ моря, много отъ земли, если жизнь долго продолжится.

АТОССА. О, всѣхъ смертныхъ, по волѣ судьбы благосклонной, превосходившій блаженствомъ! Пока ты смотрѣлъ на свѣтъ солнечный, проводилъ ты съ Персами жизнь блаженную, завидную, словно богъ! И теперь я тебѣ завидую: ты умеръ, не видавъ глубины золъ.... Въ короткой рѣчи, о Дарій, узнаешь все дѣло: однимъ словомъ, сила Персовъ сокрушена!

ДАРІЙ. Какимъ образомъ? Моръ, или возмущеніе, осилили царство?

АТОССА. Нѣтъ! все войско погибло около Аѳинъ.

---

[1]) Конецъ сей пѣсни въ подлинникѣ сильно испорченъ. Переведено по реставраціи, такъ сказать, Германовой, но не въ точности.

ДАРІЙ. Какой же изъ моихъ дѣтей ходилъ туда походомъ? Скажи.

АТОССА. Ярый Ксеркъсъ, обезлюдивъ всѣ равнины матерой земли.

ДАРІЙ. Пѣшій, или на корабляхъ, покусился онъ, несчастный, на это безразсудное дѣло?

АТОССА. И такъ, и сякъ: два вида было у войска.

ДАРІЙ. Да какъ же пѣшее войско, такое большое, могло туда пройдти?

АТОССА. Чтобы пройдти ему, онъ соединилъ мостомъ берега Геллеспонта.

ДАРІЙ. Уже ли и это ему удалось,—сковать великій Босфоръ?

АТОССА. Такъ было. Видно нѣкій богъ помогалъ ему въ замыслѣ.

ДАРІЙ. О, великій какой-то богъ — попуталъ его! Не хорошее дѣло сынъ выдумалъ.

АТОССА. Да, судя по концу,— по тому, какое свершилось бѣдствіе.

ДАРІЙ. Какое же несчастіе съ ними случилось, что вы такъ горюете?

АТОССА. Морское войско побито, и тѣмъ погубило сухопутное войско.

ДАРІЙ. Такъ, значитъ, весь совершенно народъ погибъ отъ копья?

АТОССА. Да. И теперь весь городъ, Сусы, оплакиваетъ истребленіе мужей.

ДАРІЙ. О, славно же войско пособило имъ, славно оборонило ихъ!

АТОССА. Погибъ до тла народъ Бактріянъ, и не будетъ между ними старика.

ДАРІЙ. Несчастный! сколько погубилъ онъ цвѣтущихъ воиновъ?

АТОССА. Ксеркъсъ, одинъ одинехонекъ, съ немногими ....

ДАРІЙ. Гдѣ же онъ? чѣмъ покончилъ? есть ли какая надежда?

АТОССА. Радостно дошелъ до моста, двѣ земли соединяющаго.

ДАРІЙ. И спасся? добрался до матерой? Это правда?

АТОССА. Да! Объ этомъ есть вѣрные слухи. И возмущенія нѣтъ.

ДАРІЙ. О! скоро пришло исполненіе пророчествъ! Зевесъ обрушилъ на сына моего тягость предсказаній. А я еще тѣшилъ себя, что боги долго сего не учинятъ. Но когда кто самъ торопится, то и боги ему пособляютъ. Теперь открылся, кажется, источникъ бѣдъ надо всѣмъ, что было мнѣ дорого. Сынъ мой, не зная того, поступилъ съ юношескою запальчивостію. Онъ возмечталъ сковать, словно раба, священный Геллеспонтъ, божественный потокъ Босфора! Онъ далъ иное теченіе проливу; наложилъ на него цѣпи кованыя, устроилъ громадную дорогу для громаднаго войска. Смертный мечталъ, по

неразумію, одолѣть всѣхъ боговъ, и Посидона! Какъ же не болѣзнь ума обуяла моего сына! Боюсь, чтобы великими трудами добытое мною богатство не стало добычею тому, кто первый захочетъ овладѣть имъ.

АТОССА. Повадила къ этому яраго Ксеркса бесѣда злыхъ людей. Натолковали ему, что ты для дѣтей твоихъ пріобрѣлъ оружіемъ великое богатство, а что онъ, по малодушію, дома воюетъ, отцова наслѣдія совсѣмъ не умножаетъ. Часто слыша отъ злыхъ людей такіе укоры, онъ задумалъ сей походъ на Геллады.

ДАРІЙ. Такъ! сдѣлали же они дѣло! дѣло величайшее, приснопамятное, какого никогда не обрушивалось надъ этимъ царствомъ, надъ Сусами! И я дѣлалъ много походовъ съ многочисленными войсками; но бѣды такой царству не чинилъ. А сынъ мой, Ксерксъ, не разумный не разумничаетъ, заповѣдей моихъ не помнитъ. Помните твердо, сверстники мои, помните, не окажется, чтобы всѣ мы, которые имѣли верховную власть, сдѣлали столько зла, сколько сынъ мой.

ХОРЪ. А что же, царь Дарій, къ чему приведешь, гдѣ положишь конецъ рѣчамъ твоимъ? Какъ намъ, народу Персидскому, послѣ всего этого благоденствовать?

ДАРІЙ. Если не будете ходить походомъ на землю Геллеповъ, хотя бы Мидійское войско было еще многочислиннѣе: имъ сама земля пособляетъ.

ХОРЪ. Что же это значитъ? какъ она пособляетъ?

ДАРІЙ. Слишкомъ великое войско она голодомъ моритъ.

ХОРЪ. Да мы пошлемъ отборное войско, снабдимъ его всѣмъ нужнымъ.

ДАРІЙ. И то войско, которое въ землѣ Геллепской осталось, благополучно не вернется.

ХОРЪ. Что ты сказалъ? Развѣ не все варварское войско вышло изъ Европы, перешло проливъ Геллы [1])?

ДАРІЙ. Много ихъ было, немного перешло, если только, судя по теперь случившемуся, слѣдуетъ вѣрить предсказаніямъ боговъ; ибо нельзя сказать, чтобы одно случалось, другое нѣтъ. А если это такъ, то отборную часть войска Ксерксъ оставилъ, обольщенный пустыми надеждами. Остались они тамъ, гдѣ Асопъ дорогія пашни орошаетъ. Тутъ суждено имъ потерпѣть ужаснѣйшія бѣдствія, въ отплату за дерзость и безбожные замыслы: они, пришедши въ землю Геллеповъ, не убоялись грабить идолы, жечь храмы; ими попраны алтари, до тла истреблены жилища боговъ. За это они, надѣлавъ другихъ бѣдъ, теперь не меньшія терпятъ, и еще будутъ

[1]) Ксерксъ оставилъ съ Мардоніемъ въ Беотіи 30,000 войска.

терпѣть; не начинались еще бѣдствія ихъ: только зарождаются. Кровью ихъ копье Дорянъ утучнитъ землю Платейскую, груды труповъ даже въ третьемъ поколѣніи безгласно повѣстятъ людямъ, что смертному слишкомъ заноситься не слѣдуетъ. Наглость ихъ уже прозябла; изъ нея выросъ стебель бѣды: плачевную жатву пожнутъ они! Видя такую надъ собою кару, помните объ Аѳинахъ и Гелладѣ! Никто да не презираетъ настоящаго счастія, чтобы, погнавшись за чужимъ добромъ, не расточить своего огромнаго богатства. Зевесъ — каратель заносчивой надменности, тяжкій судія. Потому научите сына разуму, ко благимъ наставленіямъ прибѣгните; въ томъ ваша польза; пусть уйметъ онъ заносчивую дерзость, не грѣшитъ противъ боговъ. Ты же, старая мать Ксеркса, поди въ домъ; возьми убранство, которое благообразно, выйди сыну на встрѣчу. Болѣя о бѣдахъ своихъ, разорвалъ онъ всю одежду на тѣлѣ; въ клочья изорваны одежды разнопестрыя. Упокой его рѣчами ласковыми: я знаю, тебя одной онъ послушается. А я ухожу съ земли во мракъ, долу. И вы, старцы, прощайте. Всякій день, пока можно, хоть и бѣды настигли васъ, предавайтесь душею удовольствіямъ: умершимъ богатство ни къ чему не служитъ.

ХОРЪ. Много скорбѣлъ я, слушая о бѣдахъ, и о настоящихъ и о тѣхъ, что грозятъ еще варварамъ!

АТОССА. О боги! сколько злыхъ скорбей постигли меня. Особенно грызетъ душу та бѣда, что слышу, позорно одѣяніе на тѣлѣ сына моего, которое облекаетъ его. Но пойду, возьму убранство изъ дому, попытаюсь встрѣтить сына. Не измѣню въ бѣдѣ тому, кто всего на свѣтѣ мнѣ дороже.

ХОРЪ. О! славная была наша жизнь, добрая была жизнь, благоустроенная, когда правилъ страною старецъ, всему довлѣвшій, беззлобный, необоримый царь, богоравный Дарій. Прежде всего славились мы войскомъ многочисленнымъ, и войско то поддерживало всякіе законы, башнями огражденные; домой съ войны оно возвращалось безъ трудовъ, безъ кручины, веселое, удачливое! Была у него рать безустальная, изъ мужей, въ доспѣхи облеченныхъ, и пособниковъ всякихъ. А теперь — несомнѣнно богамъ должны приписать мы, что сокрушила насъ крѣпко война, пораженіе морское.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КСЕРКСЪ. Увы, горе мнѣ, ненавистна участь моя, участь невообразимая!... Какъ свирѣпо напалъ демонъ на Персовъ! Что мнѣ жалкому дѣлать?... Сила тѣла моего сокрушилась при видѣ старцовъ сихъ.... О, еслибы, о Зевесъ, и меня, съ людьми тамъ погибшими, смертный часъ постигъ!...

ХОРЪ. О, царь добраго войска, великой, славной Персіи, знатныхъ мужей, скошенныхъ нынѣ демономъ! Страна оплакиваетъ погибель рожденныхъ въ ней юношей: Ксеркс наполнитель ада Персами. Много мужей, лукомъ ратовавшихъ, цвѣтъ страны сей, пошли въ адъ; тьма людей погибли! О! славное войско!... Азійская земля, о царь страны сей, страшно, страшно упала!

КСЕРКСЪ. Это я, жалкій, плача достойный, сталъ бѣдою землѣ отчей.....

ХОРЪ. Привѣтомъ возвращенію твоему — пошлю я зловѣщій крикъ, злоскорбный стонъ, многослезный вопль Маріандинскаго плакальщика.... [1])

КСЕРКСЪ. Пускайте гласъ скорбный, плачевный.

ХОРЪ. Да, какъ ни скорблю я, пущу гласъ плачевный, славя бѣды, врагами нанесенныя, моремъ насланныя, бѣды царства, по юношеству горюющаго. Завоплю, завоплю воплемъ слезнымъ!...

КСЕРКСЪ. Іановъ отнялъ ихъ у насъ, Іановъ Арей корабельный, Арей переметчикъ, разбилъ насъ на морѣ излучистомъ и на островѣ злополучномъ.

ХОРЪ. О! вопи, дай обо всемъ узнать. Гдѣ остальная толпа друзей? гдѣ клевретъ твой? гдѣ Фаранданъ? (*Ксеркс продолжаетъ оплакивать несчастія похода, а хоръ отвѣчаетъ ему своимъ плачемъ. Этимъ оканчивается трагедія Эсхила).*

Примѣч. — Слова *Ордынскаго:* «Персы» поставлены были на сцену въ 472 году до Р. Х., только восемь лѣтъ послѣ Саламинской битвы, описанной въ этой трагедіи. Память о славной битвѣ была свѣжа. Между зрителями было много такихъ, которые лично участвовали въ ней; были, безъ сомнѣнія, Аристидъ и Ѳемистоклъ; присутствовали старики и женщины, конечно, еще не забывшіе того печальнаго времени, когда они, тѣснимые Персами, принуждены были выселиться изъ Аѳинъ въ Трезену, Эвбею, Эгину; присутствовала, наконецъ, молодежь, выросшая въ этихъ опасностяхъ. Театръ былъ устроенъ такъ, что изъ него открывался видъ даже на море, и потому самыя мѣста напоминали зрителямъ объ этомъ славномъ времени: передъ глазами ихъ были разоренные Ксерксомъ храмы; поправить ихъ еще не успѣли; разстилалось море, — поприще ихъ доблести; видѣнъ былъ островъ Пситалія, на которомъ перебитъ былъ цвѣтъ Персидскаго войска; видна была гора Эгалій, гдѣ стоялъ тотъ серебряный тронъ Ксеркса, сидя на которомъ онъ наблюдалъ за ходомъ битвы. И такъ трагедія Эсхила, естественно, близка была сердцу каждаго зрителя. Составилъ же эту трагедію, воскресившую передъ Аѳинянами достопамятный день ихъ славы, первый тогда поэтъ въ Аѳинахъ, достигшій въ это время полнаго развитія своего таланта; ему было пятьдесятъ два года. Согласитесь, трудно вообразить болѣе благопріятную обстановку; трудно представить себѣ, каково было восхищеніе Аѳинскихъ зрителей, внимавшихъ произведенію Эсхилову. Такова была внѣшняя обстановка

---

[1]) Маріандины (въ Виѳиніи) славились искусствомъ голосить, плакать.

когда давались въ первый разъ, на Аѳинской сценѣ, «Персы». Теперь посмотримъ, что въ этой трагедіи можетъ имѣть цѣну для насъ, читающихъ ее спустя слишкомъ двѣ тысячи триста лѣтъ.

«Того, что называется дѣйствіемъ трагедіи, въ ней, какъ и во всѣхъ почти трагедіяхъ Эсхила, нѣтъ: представляется ужасъ, отчаяніе Персовъ при вѣсти о пораженіи Ксеркcова войска въ битвѣ Саламинской. Вся трагедія есть изображеніе этого одного чувства: въ томъ ея единство. Сперва Вѣрные высказываютъ предчувствіе, что Персидское войско, хотя и огромное, можетъ потерпѣть пораженіе; они боятся коварства судьбы, завистливой ко всему великому, или слишкомъ сильному; яркими красками описываютъ власть ея. Это предчувствіе еще болѣе тяжелымъ гнетомъ легло на душу Атоссы. Она сообщаетъ Вѣрнымъ зловѣщій сонъ, привидѣвшійся ей; потомъ разспрашиваетъ ихъ объ Аѳинахъ. Вопросы ея, нельзя не сознаться, странны, но все-таки объяснимы: во-первыхъ тѣмъ, что Атосса, какъ женщина восточная, вела жизнь затворническую и потому мало знакома была со всѣмъ тѣмъ, что было и происходило за порогомъ гинекея (терема); да и Аѳинскія женщины вели такую же жизнь; во-вторыхъ, объяснимы они и цѣлію поэта,— прославить свое отечество. Такія несообразности, впрочемъ, и безъ того извинительны въ поэзіи, лишь бы онѣ, какъ говоритъ Аристотель, выступали изъ круга поэтическаго вымысла, сюжета, не заключались въ немъ; иными словами, — лишь бы онѣ предшествовали дѣйствію, представляемому въ поэтическомъ произведеніи. На этомъ основаніи Аристотель оправдываетъ Софокла, который въ «Царѣ Эдипѣ» заставляетъ Эдипа разспрашивать о прежнемъ царѣ Лаѣ. Невозможно, чтобы Эдипъ прежде, до роковаго узнанія своего происхожденія и невольнаго преступленія, (а это узнаніе и составляетъ сюжетъ Софокловой трагедіи), не разспрашивалъ ни у кого о Лаѣ; но поэту нужно было представить въ трагедіи весь ходъ Эдипова узнанія; потому вошло въ трагедію и то узнаніе, которое, естественно, должно было предшествовать дѣйствію, выводимому въ ней.

«Возвратимся къ «Персамъ». Слова Вѣрныхъ о могуществѣ Аѳинъ усиливаютъ опасенія Атоссы: «страшныя вещи говорятъ они для родителей ушедшихъ». Такимъ образомъ, она и Вѣрные приготовлены уже къ страшной вѣсти. Вѣстникъ является.... Пораженіе Персидскаго войска несомнѣнно. Вѣстникъ съ подробностію разсказываетъ всѣ обстоятельства Саламинской битвы и жалкаго похода Персидской пѣхоты. По словамъ его, уцѣлѣлъ только Ксеркcъ съ немногими. О трехъ стахъ тысячахъ, оставшихся въ Греціи съ Мардоніемъ, онъ не знаетъ, и это очень естественно: онъ простой воинъ. Вѣрные, убитые горемъ, не знаютъ, что дѣлать. Атосса велитъ имъ вызвать тѣнь Дарія, царя благоразумнаго, мудраго; при немъ Персія бѣдъ не терпѣла: «если онъ знаетъ, какое средство подѣйствительнѣе, то онъ одинъ скажетъ конецъ бѣдствіямъ». Вся надежда на мудраго Дарія. И вотъ является величавая тѣнь его. Тутъ начинается самая, по моему мнѣнію, величественная сцена во всей трагедіи. Дай Богъ, чтобы переводъ мой далъ хоть какое-нибудь понятіе о дивныхъ красотахъ сей сцены. Метръ такъ прилаженъ къ содержанію, что, не зная подлинника, невозможно понять величія и всей потрясающей силы этого мѣста. Какое же впечатлѣніе должно было оно производить на современниковъ! Это одно изъ тѣхъ немногихъ мѣстъ древней Греческой поэзіи, въ которыхъ и мы можемъ чувствовать метръ. Дарій осуждаетъ безумный походъ сына: онъ только ускорилъ грозившую Персіи кару. Даетъ совѣтъ, какимъ образомъ отклонить паденіе Персіи: опять прославленіе Гелленовъ! Въ устахъ Дарія сознаніе пре-

восходства ихъ надъ Персами имѣетъ еще болѣе значенія, чѣмъ описаніе Аѳинъ, которое дѣлали Вѣрные Атоссѣ, потому что Дарій былъ образецъ царя для Персовъ; Персія при немъ была могущественнѣйшимъ царствомъ. Потомъ Дарій извѣщаетъ о Мардоніевомъ войскѣ и предсказываетъ гибель его подъ Платеями. Наконецъ, является Ксеркъсъ, съ пустымъ колчаномъ въ рукахъ, совершенно подавленный обрушившимся на него несчастіемъ! Обмѣнъ воплей между нимъ и Вѣрными на Аѳинской сценѣ долженъ былъ, безъ сомнѣнія, производить потрясающее впечатлѣніе....

«Какъ все естественно слѣдуетъ одно за другимъ! какъ все просто и вмѣстѣ поразительно! Плачъ о пораженіи войска,—такой простой, однообразный предметъ, а какъ онъ оразноображенъ Эсхиломъ! Всѣ горюютъ, всѣ скорбятъ: и Вѣрные, и Атосса, и вѣстникъ, и Дарій, и Ксеркъсъ; но каждый по своему. Въ скорби Вѣрныхъ проглядываетъ что-то рѣзкое; ихъ ропотъ пророчитъ новыя бѣды. Это сильно тревожитъ Атоссу. Еще не пришло вѣсти о пораженіи Ксеркса, еще не знаетъ она, какъ могущественны Аѳины, а уже старается убѣдить Вѣрныхъ, что въ случаѣ неудачи, сынъ ея не обязанъ ни предъ кѣмъ отвѣтственностью, и т. д. Припомните еще ея слова къ Вѣрнымъ послѣ разсказа вѣстника. Тѣ же опасенія приходятъ на умъ и Дарію. Все это тѣмъ поразительнѣе, что внѣшнія отношенія Вѣрныхъ къ Атоссѣ и Дарію (припомните, какъ встрѣчаютъ они ту и другаго), не должны бы, кажется, располагать къ подобнымъ опасеніямъ. Вообще же Вѣрные, какъ нельзя болѣе, вѣрны своему восточному характеру; даже въ самыхъ выраженіяхъ: Дарія называютъ они господиномъ господина, богомъ Персовъ; вельможъ — царями, великому царю подвластными, и т. п.

«Тѣмъ же характеромъ отличается языкъ и Атоссы, и Дарія и Ксеркса. Этотъ восточный колоритъ въ «Персахъ» до того поразителенъ, что нѣкоторые ученые готовы были предполагать въ Эсхилѣ знаніе Персидскаго языка. Предположеніе едва ли подтвердимое. Да и не зачѣмъ прибѣгать къ нему. Если Шекспиръ умѣлъ возсоздать и Мавра, и Итальянца, и древняго Римлянина только силою своего генія, не зная языковъ ихъ: то почему же не предположить такой же силы генія и въ великомъ трагикѣ Греціи?

«Въ скорби Атоссы слышно вездѣ материнское чувство; она прежде всего мать и женщина. Вѣрные и вѣстникъ, когда говорятъ съ нею, этого не забываютъ. Такъ Вѣрные, когда она разсказала имъ свой сонъ, совѣтуютъ ей принести жертвы, «чтобы благое совершилось и для тебя, и для дѣтей твоихъ, и для царства, и для друзей твоихъ; и чтобы супругъ твой, Дарій, послалъ добро тебѣ и сыну». Въ первомъ случаѣ о дѣтяхъ упомянуто прежде царства и друзей; а во второмъ о послѣднихъ ничего не сказано. Еще замѣчательнѣе сцена съ вѣстникомъ. Онъ и Вѣрные долго уже сокрушаются объ участи Персидскаго войска, а Атосса — молчитъ! Эсхилъ хорошо понималъ силу такого молчанія, и часто прибѣгалъ къ нему, за что и коритъ его Аристофановъ Еврипидъ (въ «Лягушкахъ»). Наконецъ и она заговорила: «долго молчала я, бѣдная, бѣдою оглушенная. Несчастіе такъ велико, что ни говорить не могу, ни о бѣдствіяхъ разспрашивать.... Но нужно смертнымъ выносить горе, богами насылаемое.... Приди же въ себя, и хоть стенаешь о бѣдствіяхъ, разскажи, раскрой всю бездну злосчастія. Скажи: кто не умеръ? кого изъ вождей будемъ оплакивать? кто палъ? чье мѣсто въ строю опустѣло?» Замѣчаете ли, какъ боится Атосса услышать о смерти сына? какъ остерегается даже прямо спросить: «Кто умеръ? кого изъ вождей будемъ оплакивать?» и т. д. Вѣстникъ понялъ тревогу ея материнскаго сердца и отвѣчаетъ на тайный вопросъ ея: «Самъ Ксеркъсъ живъ, и смотритъ на свѣтъ бо-

жій.» У Атоссы на сердцѣ отлегло, ей уже нужды нѣтъ до гибели прочихъ: «Ты показалъ великій свѣтъ моему дому, изъ мрачной ночи содѣлалъ ясный день.» И въ сценѣ съ Даріемъ, уходя на встрѣчу сына, Атосса особенно безпокоится о томъ, что сынъ ея возвратится въ рубищахъ, — черта, обличающая женщину.

«Скорбь Дарія—тихая, покойная, важная, какой и слѣдуетъ ожидать отъ лица, и при жизни славившагося мудростію и степенностію, а по смерти уже окончательно отрѣшившагося отъ земныхъ треволненій. Совершенная противоположность ему — Ксерксъ съ его безвыходнымъ горемъ: самая рѣчь его отрывочна, полупонятна. Это не слова, а вопли. Наконецъ, въ разсказѣ вѣстника, такъ и слышишь простаго человѣка и очевидца. Не даромъ онъ сказалъ о себѣ, что лично присутствовалъ при Саламинскомъ пораженіи, не отъ другихъ о немъ слышалъ. Говоритъ: «о, первѣйшее на свѣтѣ горе возвѣщать горе!» а самъ съ такими подробностями, съ такимъ, можно сказать, наслажденіемъ, разсказываетъ обо всемъ, что невольно припоминаешь слова Вальтеръ-Скотта о подобныхъ людяхъ: «Простые люди, не привыкши къ тому, чтобы знатные внимательно ихъ слушали, стараются ужъ вполнѣ воспользоваться ихъ вниманіемъ, когда имъ приходится разсказать какое-нибудь страшное событіе, затрогивающее тѣхъ, кто ихъ слушаетъ, и находятъ особеннаго рода удовольствіе во временномъ равенствѣ, въ которое ставитъ несчастіе тѣхъ, на кого они обыкновенно смотрятъ, какъ на высшихъ.» (Пертская Красавица). Припомните, какъ старается вѣстникъ Эсхила выставить при всякомъ случаѣ, что несчастіе Персовъ далеко превосходитъ его разсказъ. Почти первое слово его: «все войско погибло.» Потомъ еще нѣсколько разъ дѣлаетъ такія же заключенія: говоритъ, что въ десять дней всего не разскажетъ; что все, разсказанное имъ, и половины всѣхъ бѣдствій не составитъ; что никогда въ одинъ день такого множества людей не умирало, и т. п. Замѣчательно еще, что, прибѣжавъ, онъ долго не обращаетъ вниманія на Атоссу; пока она сама ни спросила его, онъ ея, какъ будто, и не видитъ. Самый тонъ рѣчи его немного шутливъ, простонароденъ. Вотъ почему и въ переводѣ моемъ онъ говоритъ иначе, чѣмъ прочія лица. Впрочемъ языкъ Эсхила долженъ быть грубоватъ: онъ воинъ, солдатъ. Эта, вѣроятно, сцена, (она довольно длинна, занимаетъ болѣе четверти всей трагедіи), и послѣдняя, въ которой Ксерксъ велитъ Вѣрнымъ, въ угоду ему, щипать волосы, то на бородѣ, то на головѣ,—дали поводъ Бломфильду и Зибелису видѣть въ «Персахъ» комедію. Вообще въ разсказѣ Эсхилова вѣстника нельзя не замѣтить какой-то солдатской грубоватости.

«У Грековъ для трагедіи выбирались обыкновенно предметы миѳическіе, отдаленные по времени. Въ «Персахъ» же Эсхилъ представляетъ событія недавнія, еще памятныя всѣмъ зрителямъ; многіе изъ нихъ даже принимали въ нихъ участіе. Чѣмъ же Эсхилъ придалъ трагедіи своей идеальный характеръ, необходимое свойство Греческой трагедіи? Тѣмъ, что перенесъ дѣйствіе въ Азію, въ Сусы. Далекость страны тоже почти, что далекость времени; нравы и обычаи восточныхъ народовъ и въ настоящее время такъ отличны отъ нашихъ, что мы смотримъ на нихъ, какъ на людей другаго вѣка.

«И вообще въ перенесеніи дѣйствія въ Азію нельзя не видѣть сильнаго художественнаго такта. Непріятели Аѳинянъ—прославляютъ ихъ, сознаются въ превосходствѣ ихъ быта надъ Персидскимъ: согласитесь, искуснѣе, деликатнѣе едва ли возможно было польстить народной гордости Аѳинянъ. Но съ другой стороны въ «Персахъ» не менѣе искусно и деликатно предлагался Аѳинянамъ и великій нравственный урокъ. Сильнѣйшее царство Азіи па-

даетъ отъ чего? Тѣнь мудраго Дарія объясняетъ: отъ того, что Ксерксъ, по юношеской запальчивости, возмечталъ одолѣть всѣхъ боговъ, забылъ Даріевы наставленія; не убоялся жечь храмы, грабить идолы. «Груды труповъ, даже въ третьемъ поколѣніи, безгласно повѣстятъ людямъ, что смертному слишкомъ заноситься не слѣдуетъ. Зевесъ — каратель заносчивой надменности, тяжкій судія!»

«И не только дѣйствіе перенесено въ Азію: даже не упоминается ни одинъ изъ героевъ Саламинской битвы. Причина этому заключается въ томъ, что въ Эсхилово время отдѣльныя лица не смѣли хвалиться своими подвигами: на это имѣло право только государство. Потому оно запрещало на памятникахъ, воздвигавшихся во славу какого-нибудь лица, надписывать имя его. «Тогда полагали,» говоритъ противникъ Димосѳена Эсхинъ въ рѣчи своей противъ него, «что тѣхъ, которые оказали услугу отечеству, слѣдуетъ чтить не письменами, а памятью. И эта память» продолжаетъ Эсхинъ «съ того времени по сей день пребываетъ безсмертною». Потомъ Эсхинъ ссылается на три герма, поставленные въ честь Аѳинянъ, отличавшихся въ преслѣдованіи Ксерксова войска. «Государство дало имъ великую награду, какъ тогда казалось: позволило имъ поставить эти гермы, но съ тѣмъ, чтобы именъ ихъ не было подписано, чтобы надпись говорила не о нихъ, а о государствѣ.» Эти гермы были еще цѣлы въ Эсхиново время: онъ приводитъ надписи, бывшія на нихъ: во всѣхъ говорится только о государствѣ. Потомъ Эсхинъ обращается къ знаменитой картинѣ, поставленной въ Пестрой Стоѣ (Пекилѣ) въ честь Мараѳонскихъ героевъ: «Тамъ», говоритъ онъ, «нарисована Мараѳонская битва. Кто былъ тогда полководцемъ? Еслибы вамъ предложили такой вопросъ, вы всѣ бы отвѣтили: Мильтіадъ. А этого тамъ не написано.— Какъ же это? развѣ онъ не просилъ этой награды?—Просилъ, да государство не дало. Вмѣсто того, чтобы надписывать его имя, оно позволило, чтобы его представили первымъ и ободряющимъ воиновъ».

«Даже въ Периклово время не позволено было Фидіѣ написать свое имя на созданной имъ Аѳинѣ Парѳенонской; и когда онъ все-таки изобразилъ на щитѣ богини себя и Перикла, то поплатился за это изгнаніемъ. И Эсхилъ въ умолчаніи именъ Гелленскихъ видѣлъ отличіе Гелленской національности. Въ самомъ дѣлѣ: Геллены нигдѣ у него не называются по имени, хотя между героями Саламинской битвы могъ бы Эсхилъ назвать и себя и брата; а Персы, лишь только придется упомянуть о нихъ, исчисляются десятками. Въ одной послѣдней сценѣ Вѣрные спрашиваютъ Ксеркса почти о тридцати Персахъ; не меньше упомянуто ихъ вѣстникомъ и Вѣрными въ начальной сценѣ. А какъ дико, и вмѣстѣ радостно, должны были звучать въ ушахъ Аѳинянъ имена: Фарандакъ, Дотама, Агдавята, Сусисканъ, Аріомардъ, Фарнухъ, Севалкъ, и другія!» (Примѣчаніе это находится при переводѣ «Персовъ» Ордынскаго).

ТРАГЕДІИ СОФОКЛА.

Біографія Софокла. — Софоклъ (495—405 до Р. Х.) — другой знаменитый Греческій трагикъ. Онъ родился въ Колонѣ, предмѣстіи Аѳинъ, которое потомъ обезсмертилъ своей трагедіей «Эдипъ въ Колонѣ». Софоклъ получилъ отличное, по тому времени, воспитаніе. (Греческое воспитаніе извѣстно: грам-

матика,—куда входило и чтеніе поэтовъ,—музыка, гимнастика). Учителемъ музыки Софокла былъ Ламиросъ, замѣчательнѣйшій лирикъ стараго стиля. Доказательствомъ успѣшнаго ученія Софокла служитъ то, что онъ въ юныхъ лѣтахъ пѣлъ съ лирою и танцевалъ при воздвиженіи трофея въ память Саламинской побѣды. Софоклъ былъ и прекрасный музыкантъ на струнныхъ инструментахъ: онъ игралъ на киѳарѣ во время представленія одной изъ своихъ трагедій. Свое искусство въ танцахъ поэтъ показалъ въ драмѣ «Навзикая» (сочиненіе Софокла же), гдѣ онъ игралъ на сценѣ въ мячъ. Трагическому искусству Софоклъ учился у Эсхила, т. е. изучалъ его піэсы на ряду съ другими классиками въ школѣ и видѣлъ ихъ на сценѣ. 28-ми лѣтъ отъ роду выступилъ Софоклъ въ первый разъ, какъ трагическій поэтъ, какъ соперникъ Эсхила.... При этомъ случаѣ образовались двѣ партіи: старая и новая. Архонтъ боялся волненія въ народѣ. Окончательный приговоръ надъ произведеніемъ новаго трагика предоставлено было произнести Кимону, который съ товарищами своими на ту пору находился въ театрѣ.... Новое побѣдило старое. Софоклу была присуждена первая награда (вѣнокъ). Трагедія, съ которою выступилъ Софоклъ въ состязаніе съ Эсхиломъ, называлась «Триптолемъ». Позднѣе, въ 441 г. до Р. Х., когда Софоклу было уже 55 лѣтъ, трагедія его «Антигона» доставила поэту небывалую награду: онъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ Перикломъ полководцемъ (стратигомъ) въ Самнитской войнѣ (стратиговъ избиралось 10 ежегодно). Въ лицѣ Креона Софоклъ такъ хорошо изобразилъ обязанности полководца, что Аѳиняне полагали необходимымъ дать ему возможность осуществить его слова на дѣлѣ. Но успѣхъ не соотвѣтствовалъ ожиданію, и Периклъ думалъ: «Софоклъ хотя хорошій солдатъ, но дурной полководецъ». О послѣднихъ годахъ жизни поэта почти ничего не знаемъ, кромѣ одного случая, можетъ быть, не совсѣмъ достовѣрнаго. Цицеронъ и Плутархъ повѣствуютъ, что дѣти Софокла обвиняли его передъ судилищемъ въ разслабленіи ума; но онъ прочелъ «Едипа въ Колонѣ» предъ судіями и—дѣти были посрамлены. Говорятъ, поэтъ сказалъ судьямъ: «Если я Софоклъ, то не могу быть безумнымъ, а если я безумный, то не могу быть Софокломъ». Древніе показываютъ, что Софоклъ былъ любимъ богами. Въ доказательство того приводятъ много фактовъ. Пропалъ изъ святилища Геркулеса золотой вѣнецъ. Обѣщали талантъ тому, кто найдетъ пропажу или укажетъ на нее. Геркулесъ самъ является во снѣ Софоклу и указываетъ, гдѣ спрятанъ вѣнецъ. Когда поэтъ умеръ [1]), Спартанцы стояли въ Декеліи, и Аѳиняне не могли вынесть тѣла въ его фамильную гробницу, которая находилась за городомъ. Тогда богъ Діонисъ явился во снѣ Лизандру, или предводителю Лакедемонянъ Агису и велѣлъ отдать честь новой сиренѣ, т. е. позволить похоронить сладкогласнаго пѣвца въ фамильной гробницѣ. Услышавши, что Софоклъ умеръ, Лизандръ (или Агисъ) послалъ сказать Аѳинянамъ, что они могутъ безпрепятственно похоронить поэта. Аѳиняне такъ уважали трагика, что опредѣлили приносить памяти его ежегодную жертву.

Характеръ трагедій Софокла. — Изъ огромнаго числа трагедій Софокла (по однимъ 113, а по другимъ—130) до насъ дошло семь: Антигона (первая по времени изъ дошедшихъ), Электра, Аянтъ, Трахиніянки, Филоктетъ, Эдипъ Царь и Эдипъ въ Колонѣ. Древняя трагедія достигла въ Софоклѣ своего вы-

---

[1]) О смерти поэта говорятъ различно: иные полагаютъ, что онъ умеръ отъ виноградной ягоды, которою подавился; другіе—отъ потрясенія при чтеніи монолога изъ своей трагедіи; третьи—отъ радости, при извѣстіи, что и послѣдняя его трагедія увѣнчана.

сочайшаго развитія. Софокла не иначе называли, какъ поэтомъ божественнымъ. Онъ является усовершителемъ Греческой трагедіи, не только *внутренняго* ея значенія, или смысла, но и *наружной* формы. *Внутренній смыслъ.* Характеръ трагедіи Софокла эстетическій. Грубыя черты Эсхиловыхъ героевъ смягчаются у него кроткими человѣческими чувствами и онъ изъ всѣхъ древнихъ поэтовъ единственный, умѣвшій оцѣнить черты женскаго характера, которыя онъ превосходно изобразилъ въ лицѣ Антигоны и Электры; какъ вообще у Эсхила мужественное и рельефное, такъ у Софокла — нѣжное и граціозное. Древніе по справедливости называли его пчелою. Софоклъ придалъ трагедіи человѣчественный смыслъ. Эсхилъ славитъ могущество боговъ въ ущербъ человѣческому достоинству; Софоклъ же, напротивъ, возвышаетъ человѣка, признавая въ немъ силу. Онъ сближаетъ человѣка съ богами; оба они дѣлаются родными существами. Слѣпая необходимость природы, которой подвержены и боги и люди, превращается у него въ благодѣтельный законъ, устраивающій порядокъ и ограничивающій необузданную свободу. Гармонія во всемъ—составляетъ постоянное свойство трагедіи Софокла. У него и хоръ (лирическая часть) и дѣйствіе въ правильномъ между собою отношеніи. Онъ ограничилъ употребленіе хора. Софоклъ удерживаетъ настоящую мѣру въ патетическихъ рѣчахъ страданія и въ разсказахъ происшествій, случившихся за сценой. *Наружная форма.* Софоклъ прибавилъ къ двумъ играющимъ актерамъ Эсхиловой сцены еще третьяго, и въ своихъ послѣднихъ піэсахъ — четвертаго; составъ хора онъ увеличилъ отъ 12-ти до 15-ти лицъ; усовершенствовалъ костюмы и украсилъ театръ декораціями. (Извлечено изъ Исторіи Греческой литературы. Мунка. Т. I, стр. 141—145. Р. переводъ).

Sophoclis Tragoediae septem, emendavit etc. Erfurdt. Lipsiae. 1806—1825. VII volumina. Это самое изданіе дополнено и отдѣльно издано г. Германомъ въ VII томахъ. Lipsiae. 1830—1851.—Изданіе Дидотовское вмѣстѣ съ Эсхиломъ.—Sophoclis Tragoediae. Recensuit et explanavit E. Wunderus. VII tomi. Gothae. Это изданіе составляетъ часть Греческой библіотеки Якобса и Роста. — Lessing's: Leben des Sophocles, herausg. von Eschenburg. Berlin. 1790.—Sophocles, Sein Leben und Wirken. Nach den Quellen dargestellt von Adolph Schoell. 1842.—Welcker's: Die Grichischen Tragoedien mit Rücksicht auf den epischen Cyclus. 1839 — 1841. — A. W. Schlegel's: Ueber dramatische Kunst und Literatur. — Cappelmann's: Die weiblichen Charactere bei Sophocles. 1843. — Die Staatshaushaltung der Athener von August Boeckh.—Etudes de Philologie et de Critique par M. Ouvaroff. Paris. 1845. Memoire sur les tragiques Grecs.—См. еще нашъ указатель къ трагедіямъ Эсхила.—Греческіе классики, переведенные Иваномъ Мартыновымъ. Трагедіи Софокла, переведенныя съ Греческаго языка И. Мартыновымъ, съ примѣчаніями переводчика. Ч. I. Спб. 1823. Эдипъ Царь. Во введеніи къ этой трагедіи Мартыновъ помѣстилъ статью «О Софоклѣ и его трагедіяхъ». — Эдипъ въ Колонѣ, трагедія Софокла, переведенная съ Греч. И. Мартыновымъ. Кн. 4. Спб. 1823.—Антигона, трагедія Софокла, перев. съ Греч. И. Мартыновымъ. Кн. 5. Спб. 1823.—Трахиніянки, трагедія Софокла, перев. съ Греч. И. Мартыновымъ. Кн. 6. Спб. 1824.—Аяксъ Неистовый. Трагедія Софокла, перев. съ Греч. И. Мартыновымъ. Книжка 7. Спб. 1825.—Электра. Перев. Мартынова. Спб. 1825. Къ переводу своему Мартыновъ приложилъ и Греческій текстъ. Это изданіе самое добросовѣстное и единственное въ своемъ родѣ. О Мартыновѣ см. книжку Колбасина: Русскіе дѣятели прежняго времени. Спб. 1858.—Эдипъ Царь. Трагедія Софокла, переводъ съ Греческаго въ стихахъ. С. Д. Шестакова. Пропилеи. Кн. II.—Объ Эдипѣ Царѣ Софокла. Опытъ анализа П. Н. Кудрявцева. Тамъ же.—Софоклъ и его значеніе въ Греческой трагедіи. С. Д. Шестакова. Тамъ же.—Антигона, тра-

гедія Софокла, переводъ Шестакова. Отеч. Зап. 1854, № 7. — Объ Антигонѣ, Софокла. Его же. Тамъ же, № 8.—Антигона. Трагедія Софокла. Переводъ съ Греческаго В. Водовозова. Журн. М. Нар. Просв. 1856, № 9.—Антигона, Софокла. Переводъ Ап. Григорьева. Библ. д. Чтенія 1857.—Філоктіт трагедія Софокла. С Греческова перевел і замечаніямі объясніл Н. Т(имаевъ). Спб. 1856.— Филоктитъ. Перев. Мартынова. Спб. 1825.— Филоктетъ; соч. Софокла; пер. съ Франц. прозою. М. 1799.—Филоктетъ; соч. Софокла; пер. стихами. М. 1816.—Эдипъ въ Колонѣ. Трагедія Софокла. Перев. съ Греч. В. Водовозова. Ж. М. Нар. Просв. 1859, № 1.

АНТИГОНА.

Дѣйствующія лица.

Антигона. } Дочери Эдипа.
Исмена. }
Хоръ Ѳиванскихъ старцевъ.
Креонъ, царь Ѳивъ.
Сторожъ.
Гемонъ, сынъ Креона.
Тиресій, жрецъ Аполлона.
Вѣстникъ.
Евридика, супруга Креона.
Слуга.

(Мѣсто дѣйствія передъ царскимъ дворцомъ въ Ѳивахъ; направо дорога въ городъ, налѣво въ поле. На просценіумѣ находится алтарь Бахуса).

АНТИГОНА [1]).

Сестра Исмена, нераздѣльный другъ,
Пока мы живы, видно, ужъ отъ Зевса

---

[1]) Трагедія Софокла «Антигона», по изслѣдованію Бека, явилась въ 441 году до Р. Х. (олимп. 84, 3). Въ числѣ другихъ его драмъ она считается 32-ю; поэту тогда исполнилось 54 года. На слѣдующій годъ послѣ появленія Антигоны, Софоклъ вмѣстѣ съ Периклomъ назначенъ былъ стратегомъ въ походѣ противъ Самоса. Такъ народъ наградилъ поэта за лучшее его произведенье.

Понятно, почему эта драма принята Аѳинянами съ особымъ восторгомъ: кромѣ политическихъ вѣрованій своихъ согражданъ, которыя Софоклъ защищаетъ здѣсь въ лицѣ Гемона, онъ въ лицѣ Антигоны представляетъ высокій идеалъ женщины, поборницу правъ человѣчества и религіозныхъ вѣрованій народа. Какъ строги были у Грековъ законы на счетъ погребенія мертвыхъ, свидѣтельствуютъ историческіе факты. Послѣ сраженія при Аргинузахъ, полководцы, которые возвращались побѣдителями, чуть не были преданы смерти за то, что не успѣли въ пылу сраженія собрать всѣхъ труповъ, утонувшихъ въ морѣ. По понятію Грековъ, душа человѣка не находила пріюта въ Адѣ, если тѣло не было оплакано и погребено на землѣ, и чтить умершаго считалось самымъ благочестивымъ дѣломъ. Но Креонъ запретилъ хоронить Полиника. Это случилось слѣдующимъ образомъ.

Послѣ изгнанія изъ Ѳивъ Эдипа (см. трагедіи Софокла: Эдипъ Царь и Эдипъ въ Колонѣ) Этеоклъ и Полиникъ, сыновья его, начали между собою споръ о власти въ городѣ. Полиникъ, чтобы вѣрнѣе успѣть, призвалъ на помощь Аргивскаго царя Адраста и осадилъ Ѳивы. Ѳиване избрали семь вождей, которые должны были защищать семь воротъ города. Аргивяне съ своей стороны также назначили

Не ждать конца бѣдамъ семейнымъ нашимъ.
Ужъ безъ того нѣтъ горести и зла,
Нѣтъ поношенья и стыда, какого
Тебѣ и мнѣ извѣдать не пришлось бы.
И нынѣ что за объявленье снова
Градоправитель издалъ всенародно?
Что? слышала? или еще не знаешь,
Какое зло враги друзьямъ готовятъ?

ИСМЕНА.

Ни сладкой, ни печальной, Антигона,
Не слышу вѣсти о друзьяхъ съ тѣхъ поръ,
Какъ обѣ мы лишились нашихъ братьевъ,
Въ единый день двойную смерть рѣшившихъ,
Убивъ другъ друга. Войско Аргивянъ
Бѣжало въ эту ночь, и ничего
Не знаю больше, чтобъ могло еще
Обрадовать меня иль опечалить.

АНТИГОНА.

Я такъ была увѣрена: за этимъ
И вызвала тебя на дворъ изъ дому
Сказать наединѣ....

ИСМЕНА.

Что жъ это? вижу,
Ты внѣ себя.

АНТИГОНА.

Терпѣть, когда Креонъ
Изъ нашихъ братьевъ одного могилой
Почтивъ, другаго хочетъ опозорить?
Какъ требуетъ обычай и законъ,
Похоронилъ онъ честно Этеокла,

семь вождей для нападенія. Этеоклу, защищая одни изъ воротъ города, пришлось сражаться съ Полиникомъ, и оба брата погибли въ единоборствѣ. Аргивское войско отражено. Вслѣдъ затѣмъ Креонъ, признанный теперь царемъ Ѳивъ, издаетъ черезъ вѣстниковъ объявленіе, чтобъ трупъ враждебнаго городу Полиника остался безъ погребенія. Эти событія выставлены въ трагедіи Эсхила: «Семь противъ Ѳивъ», которая оканчивается тѣмъ, что Антигона уходитъ въ поле хоронить трупъ, вопреки запрещенію Креона. Этимъ самымъ начинается трагедія Софокла: Антигона вызываетъ сестру свою, Исмену, чтобъ сообщить ей о намѣреніи похоронить брата.

Почтённаго среди тѣней подземныхъ.
А, говорятъ, о трупѣ Полиника,
Погибшаго злосчастно, всѣмъ гражданамъ
Онъ возвѣстилъ: не сокрывать въ могилѣ
И слезъ не проливать надъ нимъ; но пусть,
Не погребенъ и не оплаканъ, будетъ
Онъ хищнымъ птицамъ сладкою добычей.
Вотъ что Креонъ нашъ добрый, говорятъ,
Провозвѣстить готовится тебѣ
И мнѣ.... ты слышишь? мнѣ! придетъ сюда онъ
Всѣмъ, кто не знаетъ, это изъяснить.
И не считай пустымъ такого дѣла:
На площади побитъ камнями будетъ
Ослушный. Знай же все.... покажешь нынѣ,
Отъ добрыхъ злой, иль доброй ты родилась.

ИСМЕНА.

Что-жъ я могу, несчастная, еще
Въ такой бѣдѣ, придумать иль рѣшить?

АНТИГОНА.

Мой трудъ начать и совершить со мною.

ИСМЕНА.

Какой же? что за мысль въ тебѣ явилась?

АНТИГОНА.

Моей рукѣ поднять поможешь трупъ.

ИСМЕНА.

Не хоронить ли вздумала его?
Запрещено вѣдь гражданамъ....

АНТИГОНА.

Не хочешь,
То брата моего и твоего
Похороню: предательницей вѣрно
Не назовутъ меня....

ИСМЕНА.

О что ты! смѣешь
Противиться Креону?

АНТИГОНА.

Отъ родныхъ
Меня прогнать онъ не имѣетъ права.

ИСМЕНА.

Увы! сестра, подумай, какъ въ презрѣньи
Погибъ безславный нашъ отецъ, когда,
Узнавъ о злодѣяньяхъ, имъ свершенныхъ,
Своей рукой лишилъ себя очей [1].
Потомъ жена его и вмѣстѣ мать
Жизнь прервала плетеною веревкой;
А послѣ два несчастныхъ нашихъ брата,
Убивъ другъ друга, въ день одинъ рѣшили
Свою судьбу рукою смертоносной.
И мы однѣ, однѣ теперь остались:
Еще злосчастнѣй мы погибнемъ, если
Законъ и власть преступимъ самовольно.
Но и объ этомъ надо намъ подумать:
Мы женщины, съ мужами-ль намъ бороться?
И старшіе надъ нами есть: мы имъ
Должны послушны быть не только въ этомъ,
Но въ чемъ другомъ и худшемъ; потому,
Моля боговъ подземныхъ мнѣ простить
Невольную вину мою, останусь
Покорна власти я: нѣтъ вовсе смыслу
Предпринимать, что не подъ силу намъ.

АНТИГОНА.

Приказывать тебѣ не стану: даже
И пожелай сама теперь, не будешь
Пріятной мнѣ сотрудницей. Какъ знаешь,
Такъ поступай... я схороню его.
Мнѣ сладко, сдѣлавъ это, умереть;
Съ нимъ милымъ лягу милою ему,
Свершивши долгъ священный: дольше нужно
Служить мнѣ будетъ тѣмъ, кто подъ землею,
Чѣмъ здѣсь живущимъ.... тамъ я буду вѣчно!
А ты, когда угодно, презирай
Права боговъ.

---

[1]) Эдипъ, узнавъ, что онъ убійца отца и супругъ собственной матери, выкололъ себѣ глаза. Іокаста повѣсилась при той же вѣсти (см. трагедію «Эдипъ Царь»).

ИСМЕНА.

Не мыслю презирать;
Но по природѣ не способна дѣлать
Я противъ воли гражданъ что-нибудь.

АНТИГОНА.

На этомъ стой, а я теперь иду
Устроить брату милому могилу.

ИСМЕНА.

О бѣдная! страшусь я за тебя.

АНТИГОНА.

Не за меня дрожи.... свою-то жизнь
Обезопась.

ИСМЕНА.

Хоть никому объ этомъ
Не открывай, но въ тайнѣ все держи:
И я такъ сдѣлаю.

АНТИГОНА.

О разглашай!
Мнѣ ненавистнѣй будешь во сто кратъ,
Какъ умолчишь, чѣмъ если всѣмъ раскажешь.

ИСМЕНА.

Какъ горячо ты любишь хладный трупъ!

АНТИГОНА.

Я знаю, что для тѣхъ пріятной буду,
Кому всѣхъ больше нравиться должна.

ИСМЕНА.

Когда-бъ могла, но это трудъ напрасный.

АНТИГОНА.

Что жъ? если не по силамъ, то оставлю.

ИСМЕНА.

Не слѣдуетъ и съ самаго начала
За невозможнымъ гнаться.

АНТИГОНА.

Говоря
Подобное, мнѣ будешь ненавистной,
Умершему же истиннымъ врагомъ.
Пусть безразсудна я, пусть и терплю
За это.... смерть со славою: вотъ все,
Что можетъ мнѣ ужаснаго грозить.

ИСМЕНА.

Иди, когда рѣшилась; только знай:
Безумна ты, но въ дружбѣ вѣрный другъ. (*Уходитъ*).

Хоръ выступаетъ на сцену и привѣтствуетъ появленіе солнца: «Око дня золотое». Онъ воспѣваетъ гимнъ въ честь побѣды, одержанной Ѳивянами, вспоминаетъ и двухъ падшихъ тамъ братьевъ, сыновей Эдипа. Выходитъ изъ дворца Креонъ.

КРЕОНЪ.

Граждане, послѣ долгаго волненья [1])
Вновь боги дали мирный ходъ дѣламъ;
И созываю васъ черезъ гонцевъ
Отдѣльно ото всѣхъ: еще при Лайѣ,
Я зналъ, всегда вы чтили власть престола,
И послѣ, какъ Эдипъ, устроивъ городъ,
Погибъ, вы также и дѣтямъ его
Остались вѣрны твердою душою.
Когда-жъ они, въ одинъ и тотъ же день,
Рѣшили двѣ судьбы, другъ друга сами
Сразивъ и заклеймивъ пятномъ убійства,
Власть и престолъ погибшихъ я имѣю
По праву съ ними близкаго родства.
Но трудно въ комъ бы ни было извѣдать
И разумъ и намѣренья и душу,
Пока себя испытаннымъ въ законахъ
И управленьи дѣлъ онъ не покажетъ.
Такъ тотъ, кто, правя цѣлымъ государствомъ,

[1]) Этотъ-то знаменитый монологъ Креона подалъ Аѳинянамъ поводъ назначить Софокла стратигомъ, дабы онъ выполнилъ на дѣлѣ то, что вложилъ въ уста Креону.

Не держится совѣтовъ наилучшихъ,
Но замыкаетъ свой языкъ изъ страха,
Негоднымъ былъ всегда въ моемъ сужденьи.
Нѣтъ и тому въ глазахъ моихъ цѣны,
Кому дороже другъ своей отчизны.
Затѣмъ, что я, всевидящій Зевесъ
Свидѣтелемъ, не умолчу я, видя,
Что гражданъ гибель ждетъ, а не спасенье,
И не приму въ друзья врага земли;
Земля подобно кораблю спасаетъ,
А твердые пловцы друзей найдутъ.
Такими я законами возвышу
Нашъ городъ и подобное теперь
Хочу гражданамъ возвѣстить о дѣтяхъ
Эдипа: Этеоклъ, за то, что, храбро
Сражаясь въ битвѣ, умеръ за отчизну,
Да будетъ погребенъ по всѣмъ обрядамъ,
Какіе идутъ тѣнямъ лучшихъ гражданъ.
Его же брата, Полиника тѣло,
Который, воротившись бѣглецомъ,
Хотѣлъ сожечь до-тла родную землю
И всѣ святыни наши, и раздоромъ
Насытиться кровавымъ, и въ неволю
Всѣхъ увести, объ немъ ужъ возвѣстилъ
Я городу: никто его не долженъ
Оплакивать иль хоронить, но пусть
Не погребенъ, въ позорномъ видѣ, будетъ
Онъ псамъ и птицамъ брошенъ на съѣденье.
Вотъ судъ мой: добрымъ должнаго почета
Пусть злые люди отъ меня не ждутъ [2]).

Хоръ соглашается съ Креономъ, что онъ, какъ царь, имѣетъ право рѣшать судьбы друга и врага отчизны. Креонъ еще разъ повторяетъ хору свой приговоръ: не прощать непокорныхъ и извѣщаетъ о стражѣ, которая приставлена къ трупу сына Эдипова. Является сторожъ. Онъ разсказываетъ объ ужасномъ дѣлѣ: тѣло Полиника кѣмъ-то посыпано прахомъ. Значитъ воля царя нарушена. Лице, совершившее обрядъ погребенія, неизвѣстно. Хоръ, пользуясь этимъ, выражаетъ такую мысль: «Государь! мнѣ давно представляется мысль, не боги ли виною дѣла сего [1])». Креонъ отвѣчаетъ: «Перестань говорить, если не хочешь вывесть меня изъ терпѣнія, и казаться куп-

[1]) У Мартынова яснѣе переведено это мѣсто: «Таково мнѣніе мое: никогда злые не получатъ у меня почести, приличной добрымъ» (*τοιονδ' ἐμὸν φρόνημα. κοὔποτ' ἐκ γ' ἐμοῦ τιμὴν προέξους' οἱ κακοὶ τῶν ἐνδίκων*).

Антигона, перев. Мартынова, стр. 29.

[2]) Прозаическіе отрывки изъ Антигоны взяты нами изъ Мартынова.

но старцемъ и безумнымъ: вѣщаешь нестерпимое, утверждая, что боги имѣли о семъ умершемъ попеченіе». Не боги, а граждане подкупили деньгами кого-нибудь, дабы похоронить Полиника: такъ думаетъ Креонъ. Онъ заклинаетъ муками ада, и даже горше того, открыть нарушителя воли царской. Сторожъ: «Весьма желаю, чтобъ нашелся виновный! Но будетъ ли онъ открытъ или нѣтъ (сіе судьбѣ рѣшать должно), я къ тебѣ уже сюда не возвращуся; много благодарить боговъ долженъ я и за то, что они, сверхъ моего чаянія, и нынѣ спасли меня».

ХОРЪ.

Строфа 1. [1]).

Много могучаго на свѣтѣ;
Но что человѣка могучѣй?
Онъ и при Нотѣ ненастномъ
Моря сѣдую пучину
Смѣло пройдетъ, не страшася
Волнъ, отовсюду шумящихъ.
Онъ истощаетъ [2]) богиню
Высшую, вѣчно живую,
Неутомимую, землю,
Кружащимся плугомъ съ конями
Изъ года въ годъ ее бороздя.

Антистрофа 1.

Въ сѣти завлечь онъ умѣетъ
Птицъ легковѣрное племя,
Дикихъ звѣрей; хитроумный,
Онъ уловляетъ искусно
Рыбъ, обитательницъ водныхъ,
Неводомъ, тканнымъ изъ вервій.
Онъ укрощаетъ искусствомъ
Хищнаго, горнаго звѣря:
Конь густогривый и дикій
Волъ подъ ярмомъ ему служатъ.

Строфа 2.

Слово и умъ легкокрылый
И общежитья законы
Созданы имъ, ухитрился

[1]) Между дѣйствіями или эпизодами хоръ пѣлъ пѣсни, сопровождаемыя танцами. Сперва, устроивъ три ряда, въ каждомъ по пяти лицъ, или пять рядовъ по три лица, шелъ онъ съ правой стороны на лѣвую, что называлось обращеніемъ, *στροφή*, потомъ съ лѣвой на правую — *αντιστροφή*.

[2]) У Мартынова: браздитъ плугомъ, конями запряженнымъ.

Онъ избѣгать отъ воздушныхъ
Стрѣлъ дождевыхъ и отъ хладу.
Путь ко всему онъ отыщетъ,
Что ни замыслитъ: отъ смерти
Только не знаетъ спасенья;
Но и въ труднѣйшихъ болѣзняхъ
Помощь доставить съумѣетъ.

Антистрофа 2.

Мудрый на разные ковы
Больше чѣмъ должно, онъ душу
Часто къ добру направляетъ,
Часто и къ злу, разрушая
Дерзко законы отчизны,
Божеской власти уставы.
Но и первѣйшій во градѣ
Будетъ изъ города изгнанъ,
Если въ немъ замыселъ смѣлый
Скрытъ на недоброе дѣло:
Въ домъ свой его не приму я,
Мыслей однихъ съ нимъ не буду. —
Что за чудесное явленье?
Понять я не могу; но вижу....
Сомнѣнья нѣтъ — то Антигона....
Несчастная, несчастнаго отца
Эдипа дочь! что сталося съ тобою?
Ужъ не ведутъ ли эти стражи
Тебя, ослушную законамъ царскимъ
И пойманную въ дѣлѣ безразсудномъ?

Сторожъ: «Вотъ та, которая учинила злодѣяніе! она погребла тѣло; ее мы схватили! Но гдѣ Креонъ?» Креонъ идетъ изъ дворца и спрашиваетъ, что случилось? Сторожъ отвѣчаетъ: «Опять пришелъ я сюда, и привелъ сію дѣву, которая найдена за приготовленіемъ погребенія.» Креонъ не хочетъ вѣритъ обвиненію и велитъ разсказать сторожу, какъ было дѣло. Сторожъ разсказываетъ всѣ подробности событія: «Послѣ долгаго времени является дѣва, горько рыдающая, подобно звонкогласной птицѣ, когда увидитъ, что изъ гнѣзда ея унесены дѣти. Такъ и она, увидѣвши обпаженное тѣло, съ воплемъ рыдаетъ и виновниковъ того заклинаетъ жестокими проклятіями. И тотчасъ, набравъ руками сухаго праха, и совершивъ изъ мѣдной прекрасной чаши троекратное возліяніе, обсыпаетъ мертвое тѣло. Увидѣвъ это, мы бросаемся на нее, схватываемъ ее; чего однакожъ она ни мало не испугалась; уличаемъ ее какъ въ прежнемъ ея дѣлѣ, такъ и въ настоящемъ; она ни отъ чего не отрекается.» Креонъ начинаетъ *допросъ:*

КРЕОНЪ *(Антигонѣ).*

Ну что склонила голову къ землѣ?
Признаешься, что сдѣлала, иль нѣтъ?

АНТИГОНА.

Я сдѣлала и въ этомъ не запрусь.

КРЕОНЪ *(сторожу).*

Теперь, свободный отъ вины тяжелой,
Ступай себѣ, куда угодно....

(Антигонѣ).

Ты же
Скажи мнѣ, только коротко: ты знала-ль —
Законъ былъ изданъ этого не дѣлать?

АНТИГОНА.

Объ этомъ знала.... какже! это было
Извѣстно всѣмъ!

КРЕОНЪ.

Ты знала и дерзнула
Законъ нарушить?

АНТИГОНА.

Не Зевесъ его
Мнѣ возвѣстилъ и не богиня правды,
Живущая съ подземными богами;
Не думала я видѣть столько силы
Въ твоихъ уставахъ, чтобы, смертный, могъ
Ты ими попирать боговъ законы;
Не писаны, незыблемы они,
Явились не вчера, или сегодня;
Но жили прежде и всегда: начало
Ихъ никому не вѣдомо. За нихъ-то
Не захочу я дать отвѣтъ богамъ,
Страшась нарушить волю человѣка!
Умру.... я знала: какъ же быть иначе?
Безъ твоего рѣшенья это было-бъ;
А если преждевременно умру,
То въ этомъ снова выгода моя.

Тому, кто жизнь свою всегда влачилъ
Подобно мнѣ, среди однихъ несчастій,
Какъ можетъ смерть невыгодной казаться?
Поэтому нисколько не прискорбна
Мнѣ горькая судьба моя; но еслибъ
Умершій братъ, единокровный мнѣ,
Лежалъ безъ погребенья.... да! объ этомъ
Скорбѣла-бъ я, не о моей судьбѣ!
А кажется тебѣ, безумно нынѣ
Я поступила, то сказать готова:
Безумецъ, кто зоветъ меня безумной!

ХОРЪ.

И въ дочери упорный видѣнъ нравъ
Упорнаго отца: она въ несчастьи
И шагу не уступитъ.

КРЕОНЪ.

Только знай,
Что самыя суровыя сердца
И падаютъ всего скорѣе: такъ
Желѣзо, закаленное въ огнѣ,
Крѣпчайшее, ломается въ куски.
Я знаю, какъ упрямаго коня
Коротенькой уздою усмиряютъ:
Кто рабъ другимъ, не стать тому гордиться!
Она умѣла дерзкой быть и прежде,
Какъ преступала изданный законъ:
А нынѣ, совершивши преступленье,
Хвалиться имъ и въ шутку обращать
Свою вину: вторая это дерзость!
По правдѣ ужъ не я тогда — она
Мужчиной будетъ, если ей пройдетъ
Такая безнаказанно отвага.
Но будь она одной со мною крови,
Будь самой близкой родственницей мнѣ,
Ей и сестрѣ ея не избѣжать
Постыдной смерти: также и другую
Виню въ участьи я при погребеньи.
Позвать ее сюда. Сейчасъ я видѣлъ:
Въ какомъ-то помѣшательствѣ она,
Себя не помнитъ.... такъ ужъ воровская

Душа людей, которые куютъ
Свои худые замыслы во тьмѣ,
Сейчасъ выкажется; но ненавижу,
Когда во злѣ кто пойманъ и потомъ
Его еще желаетъ разукрасить.

АНТИГОНА.

Возьми, убей меня, или еще
Чего ты хочешь?...

КРЕОНЪ.

Больше ничего.
Достигнувъ этого, всего достигну.

АНТИГОНА.

Чего-жъ ты медлишь? какъ въ твоихъ рѣчахъ
Мнѣ все противно, да и не желаю,
Чтобъ нравилось когда-нибудь, такъ точно
Тебѣ мои пріятными не будутъ.
И чѣмъ же славу лучшую могла бы
Я получить, какъ не сокрывъ въ могилѣ
Роднаго брата? всѣ они сказали-бъ,
Что по душѣ имъ мой поступокъ, еслибъ
Страхъ языка не сковывалъ; но властенъ
И говорить и дѣлать все тиранъ.

КРЕОНЪ.

Изо всѣхъ Кадмейцевъ ты одна такъ судишь.

АНТИГОНА.

Нѣтъ, и они! но льстить тебѣ готовы.

КРЕОНЪ.

Тебѣ-жъ не стыдно быть противныхъ мыслей?

АНТИГОНА.

Не стыдно чтить своихъ единокровныхъ.

КРЕОНЪ.

А кровнымъ развѣ не былъ врагъ его?

АНТИГОНА.

Да, мать одна, одинъ отецъ родилъ насъ.

КРЕОНЪ.

Зачѣмъ же ты другаго такъ безчестишь?

АНТИГОНА.

Умершій братъ мой этого не скажетъ.

КРЕОНЪ.

Какъ? если чтишь съ безбожнымъ наравнѣ?

АНТИГОНА.

Вѣдь не слуга его погибъ, а братъ...

КРЕОНЪ.

Врагомъ! а сей — заступникомъ отчизны.

АНТИГОНА.

Повѣрь: въ Аидѣ всѣмъ одинъ законъ.

КРЕОНЪ.

Но участь злаго съ добрымъ не одна.

АНТИГОНА.

Кто знаетъ, такъ-ли будетъ подъ землею?

КРЕОНЪ.

Нѣтъ! врагъ и мертвый будетъ все врагомъ.

АНТИГОНА.

Я рождена не для вражды взаимной,
А для любви.

КРЕОНЪ.

Такъ убирайся въ Гадесъ [1]),
И тамъ люби, когда ужъ суждено

[1]) Аидъ, Гадесъ означало царство тѣней, подземнаго бога Аида и наконецъ вообще смерть. У Мартынова переведено: «И такъ, если тебѣ свойственно любить, сиди во адъ (*κάτω νυν ἐλθοῦσ'*), и тамъ люби ихъ».

Тебѣ любить; но женщина не будетъ
Надъ мною властвовать, пока я живъ.

Хоръ указываетъ на Исмену, рыдающую у дверей. Креонъ называетъ ее эхидною и спрашиваетъ, участвовала ли она въ погребеніи. «Виновна въ семъ дѣлѣ:» отвѣчаетъ Исмена. Антигона отвергаетъ признаніе своей сестры и принимаетъ на себя, на одну себя отвѣтственность за содѣянное, по мнѣнію Креона, преступленіе. Итакъ Антигона осуждена на смерть.... Исмена объявляетъ Креону, что Антигона невѣста его сына. Креонъ: «Онъ найдетъ себѣ и другую невѣсту». Затѣмъ Креонъ велитъ увести обѣихъ сестеръ во дворецъ и сторожить ихъ, дабы онѣ не убѣжали. Хоръ поетъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ домъ Лабдакидовъ (домъ Эдипа) и вообще о несчастіяхъ, которыхъ не избѣгаетъ ни одинъ смертный. «Силу твою, о Зевсъ, какое высокомѣріе людей можетъ удержать? Ни Сонъ, все укрощающій, ни Мѣсяцы неутомимымъ теченіемъ никогда ее не укрощаютъ. Ты обладаешь лучезарнымъ Олимпомъ, не старѣющійся временемъ; нынѣ и древле былъ, и впредь будетъ въ силѣ своей законъ сей: нѣтъ смертнаго, коего жизнь совершенно изъята была бы отъ бѣдствій.» Но вотъ Гемонъ, младшій изъ дѣтей Креона, входитъ. «Онъ въ отчаяніи, — хоръ продолжаетъ пѣть, — отъ обманутой надежды на бракъ, идетъ конечно оплакать наступающую кончину невѣсты своей Антигоны».

КРЕОНЪ.

Сейчасъ и безъ гаданій мы узнаемъ.
Мой сынъ, послѣдній слыша приговоръ
Твоей невѣстѣ, въ гнѣвѣ на отца
Явился ты, иль что бы ни рѣшили,
Во всемъ тебѣ пріятны мы?

ГЕМОНЪ.

Отецъ!
Я твой. Пускай твоя укажетъ воля
Мнѣ правый путь, и я по немъ иду:
Приличнѣй брака я желать не долженъ,
Будь только въ этомъ добрымъ мнѣ вождемъ.

КРЕОНЪ.

Питай, мой сынъ, въ душѣ такія чувства.
Отцовской волѣ должно уступать
Во всемъ: затѣмъ и молимъ у боговъ
Для дому своего дѣтей послушныхъ,
Чтобъ и врагу они воздали зломъ,
И наравнѣ съ отцомъ почтили друга.
А кто рождаетъ ихъ себѣ не въ пользу,
О томъ и скажутъ, что родилъ онъ только
Себѣ заботу, а врагамъ потѣху.

Не потеряй же, сынъ, теперь ума
Отъ обольщенья женскаго, и помни,
Что злой жены, въ дому твоемъ живущей,
Противны будутъ для тебя объятья.
Какая язва хуже злаго друга?
Нѣтъ, оттолкни ее: пускай въ Аидѣ
Враждебная найдетъ себѣ супруга.
Ужъ если изо всѣхъ одна явилась
Она закону явно непослушной,
То я лжецомъ предъ городомъ не буду,
Но умерщвлю ее, клянусь Зевесомъ [1])!
Въ своемъ семействѣ ставши нерадивымъ,
Такимъ и внѣ семейства скоро стану;
Того, кто въ домѣ умный господинъ,
И въ городѣ признаютъ справедливымъ.
И человѣкъ такой, поспорю смѣло,
Захочетъ быть законно управляемъ
И мудро править: гдѣ его поставятъ,
Среди волненій битвы устоитъ
Онъ добрымъ стражемъ вѣрности и чести.
А кто законъ насилуетъ преступно,
Иль думаетъ указывать старѣйшимъ,
Такого вѣрно я не похвалю.
Кого поставилъ городъ, должно слушать
И въ маломъ, справедливъ онъ или нѣтъ.
Что можетъ быть ужаснѣй безначалья?
Имъ гибнутъ города и въ разоренье
Дома приходятъ, войскъ ряды въ сраженьи
Бываютъ имъ разстроены; напротивъ,
Покорность власти множество спасаетъ.
Такъ будь во всемъ защитникомъ порядка
И женщинѣ никакъ не уступай.
Ужъ если пасть, то лучше пасть чрезъ мужа,
Чтобъ не назвали насъ слабѣе женъ.

ХОРЪ.

Когда ума не отняла намъ старость,
То, кажется, слова твои разумны.

---

[1]) Въ подлинникѣ: «пусть молитъ она Зевеса, покровителя родства».

ГЕМОНЪ.

Отецъ, даруютъ боги людямъ разумъ,
Прочнѣйшее изъ всѣхъ на свѣтѣ благъ!
Не могъ и не умѣлъ бы я сказать,
Зачѣмъ твое неправильно сужденье,
Но цѣну дай и мнѣнію другихъ.
Родился я заботиться о всемъ,
Что въ отношеніи тебя кто скажетъ,
Иль сдѣлаетъ, иль вздумаетъ хулить.
Въ лице тебѣ народъ, страшась, не скажетъ
Рѣчей, немилыхъ слуху твоему;
А мнѣ тайкомъ случалось вотъ что слышать:
«Какъ сострадаетъ городъ весь объ этой
Несчастной дѣвѣ! Лучшая изъ женъ
За дѣло славное безславно гибнетъ.
Она, что брата своего роднаго
Въ сраженьи павшаго, не допустила
Отдать на жертву жаднымъ псамъ и птицамъ,
Не стоила-ль она златой награды»?
Такая скрытно носится молва
Среди народа. Твой успѣхъ, отецъ,
Во всякомъ дѣлѣ мнѣ всего дороже.
«Отецъ нашъ доброй славой процвѣтаетъ» —
Какой иной хвалы искать дѣтямъ,
И отъ дѣтей отцу? И такъ оставь-же
Обычай этотъ, будто вѣрно только
Что́ скажешь ты, а все другое ложь.
Кто одного себя считалъ разумнымъ,
Иль полагалъ, что у него языкъ
Или душа, какой въ другихъ ужъ нѣтъ,
Тѣхъ только разверни: увидишь.... пусто!
Но мужу, буть онъ мудръ, ничуть не стыдно
Еще учиться многому и слишкомъ
Не быть упорну.... видишь, какъ деревья,
Клонясь къ землѣ, свои спасаютъ вѣтви
Въ разливѣ бурномъ водъ; а стоя прямо,
Подчасъ и съ корнемъ вырваны бываютъ.
Такъ и ладья, когда натянетъ крѣпко
Свой парусъ и вѣтрамъ не уступаетъ,
Ужъ опрокинута, плыветъ верхъ дномъ.
«Нѣтъ! уступи, перемѣни рѣшенье.
Когда и мнѣ дозволено сужденье,

Мнѣ, юношѣ, скажу я: лучше, если
Родится человѣкъ во всемъ премудрымъ,
А если нѣтъ (и такъ бываетъ чаще),
Не худо и ума другаго слушать.

ХОРЪ.

Царь, если что онъ дѣльнаго сказалъ,
Тебѣ послушать слѣдуетъ, и также
Тебѣ его: обоихъ рѣчь прекрасна.

КРЕОНЪ.

И мы въ такихъ лѣтахъ учиться будемъ
Уму отъ мальчика?

ГЕМОНЪ.

Одной неправдѣ
Учиться худо. Пусть я молодъ: надо
Взирать на дѣло, а не на лѣта.

КРЕОНЪ.

Да дѣло-ль чтить людей преступныхъ?

ГЕМОНЪ.

Нѣтъ!
Не говорю, чтобъ злымъ давалась почесть.

КРЕОНЪ.

А развѣ эта не страдаетъ вся
Такой болѣзнью зла?

ГЕМОНЪ.

Весь городъ, весь
Народъ Ѳиванскій иначе рѣшилъ.

КРЕОНЪ.

И городъ мнѣ указкою въ рѣшеньяхъ?

ГЕМОНЪ.

Вотъ видишь, какъ ты самъ по-дѣтски судишь!

КРЕОНЪ.

Кому-жъ? другому править, или мнѣ
Землею этой?

ГЕМОНЪ.

Городъ ужъ не будетъ,
Когда принадлежитъ онъ одному.

КРЕОНЪ.

Какъ! развѣ городъ не того, чья власть?

ГЕМОНЪ.

Прекрасно сталъ бы править ты одинъ,
Въ пустой землѣ!

КРЕОНЪ.

Онъ, кажется, стоитъ
За женщину!

ГЕМОНЪ.

Коль женщиной ты самъ —
Я о тебѣ забочусь.

КРЕОНЪ.

Негодяй!
И между тѣмъ съ отцемъ заводишь тяжбу?...

ГЕМОНЪ.

Я вижу, какъ грѣшишь ты противъ правды.

КРЕОНЪ.

Грѣшу, что уважаю власть мою.

ГЕМОНЪ.

Не уважаешь, если ужъ права
Боговъ попралъ.

КРЕОНЪ.

О черная душа!
И женской ниже...

ГЕМОНЪ.

Низкимъ не найдешь
Когда-нибудь меня въ постыдномъ дѣлѣ.

КРЕОНЪ.

Не за нее-ль вся эта рѣчь твоя?

ГЕМОНЪ.

И вмѣстѣ за тебя, и за меня,
И за боговъ подземныхъ.

КРЕОНЪ.

Ужъ не быть
Тому, чтобъ въ жены взялъ ее живую.

ГЕМОНЪ.

Пускай умретъ; но смерть ее погубитъ
Еще другаго.

КРЕОНЪ.

Смѣешь мнѣ грозить?

ГЕМОНЪ.

Какая тутъ угроза говорить,
Гдѣ пустомыслье.

КРЕОНЪ.

Каяться мнѣ будешь,
Что, самъ безъ смысла, умничать затѣялъ.

ГЕМОНЪ.

Не будь отцомъ, сказалъ бы я: въ тебѣ
Разсудка мало.

КРЕОНЪ.

Женщины ты рабъ!
И мнѣ не пустословь!

ГЕМОНЪ.

Желаешь только
Сказать, чтобъ ничего въ отвѣтъ не слышать.

КРЕОНЪ.

Дѣйствительно? Такъ знай, клянусь Олимпомъ,
Не дамъ тебѣ я надъ собой ругаться.
Привесть сюда негодницу.... пускай

Сейчасъ передъ глазами жениха
Она умретъ.

ГЕМОНЪ.

Не предо мною только:
Того себѣ не думай — не погибнетъ
Она въ моемъ присутствіи. Въ глаза
Меня ты не увидишь, а безумствуй
Съ послушными еще тебѣ друзьями. (*Уходитъ*).

ХОРЪ.

Ушелъ онъ быстро, царь, въ порывѣ гнѣва.
Въ такихъ лѣтахъ стѣсненный скорбью умъ
Себя не знаетъ.

«Пусть идетъ», говоритъ Креонъ. Хоръ спрашиваетъ у царя: «обѣихъ ли сестеръ онъ думаетъ казнить? Ту, отвѣчаетъ Креонъ, которая похоронила брата.» Онъ обѣщается заключить Антигону въ каменную пещеру навсегда, оставивъ немного хлѣба для поддержанія жизни ея. Хоръ поетъ о силѣ Эроса.

АНТИГОНА (*въ узахъ, ведомая стражей*).

Строфа 2.

Взгляните на меня, граждане
Родной земли, послѣдній путь
Свершаю я, послѣдній разъ
Сіянье солнца вижу....
И не увижу вновь: меня живую
Аидъ, успокоитель всѣхъ,
Ведетъ на берегъ Ахерона.
На долю мнѣ не будетъ Гименея
И брачной пѣсни ужъ не запоютъ
Во вѣки мнѣ, невѣстѣ Ахерона.

ХОРЪ.

Не въ славѣ-ль и хвалы достигнувъ,
Отходишь ты въ убѣжище тѣней:
Не подъ бичемъ губительной болѣзни,
Не жертвою враждебнаго меча,
А вольною, живой, одна изъ смертныхъ
Ты низойдешь въ Аидъ.

АНТИГОНА.

Антистрофа 2.

Я слышала: на вершинѣ Сипила
Такъ чужеземка Фригіи погибла,
Злосчастная Тантала дочь [1]).
Ее одѣлъ, какъ липкій плющь,
Кругомъ наросшій камень. Говорятъ,
Страдалицы и дождь и снѣгъ
Не покидаютъ вѣкъ:
И вѣчно влаженъ камень
Отъ вѣчно плачущихъ рѣсницъ;
Такъ упокоитъ демонъ,
Подобно ей, меня.

ХОРЪ.

Она богиня и боговъ рожденье,
Мы-жъ смертные и рождены отъ смертныхъ:
И жребій свой божественнымъ назвать
Ужъ слишколъ много для того, кто гибнетъ.

АНТИГОНА.

Строфа 3.

Увы! смѣшна я.... что-жъ меня поносишь?
Я волею отеческихъ боговъ
Еще живу, еще не гибну!
О городъ, о роскошные граждане!
Диркейскій ключъ, святая роща
Прекрасно-колесничныхъ Ѳивъ!
Васъ всѣхъ въ свидѣтели зову,
Какъ, не оплакана друзьями,
Какимъ судомъ осуждена, иду
Къ скалѣ, изрытой гробомъ мнѣ,
Къ моей неслыханной могилѣ.
Несчастная! тамъ буду
Ни въ области тѣней, ни межъ людьми,
Ни мертвой, ни живою!

---

[1]) Ніобе, дочь Тантала, хвалилась своими дѣтьми передъ Латоною; за это гнѣвный Аполлонъ умертвилъ ихъ всѣхъ своими стрѣлами. Зевесъ сжалился надъ несчастной матерью и обратилъ ее въ вѣчноплачущую скалу на горѣ Сипилѣ (во Фригіи). Дѣйствительно, одна сторона этой горы имѣетъ видъ плачущей женщины.

ХОРЪ.

Послѣдній, дерзкій шагъ
Свершила ты, и предъ высокимъ
Порогомъ правосудья,
Дитя мое, упала! видно,
Ужъ искупаешъ грѣхъ отцовскій.

АНТИГОНА.

Антистрофа 3.

Коснулся самыхъ горькихъ ты страданій
Моей души, напомнивъ объ ужасной
Судьбѣ отца, объ общемъ нашемъ
Злосчастьи славныхъ Лабдакидовъ.
О ложе бѣдной матери и бракъ
Съ ея родимымъ сыномъ,
Съ моимъ отцомъ, откуда я,
Несчастная, родилась! вотъ какъ
Иду я къ вамъ: проклятою, безбрачной!
О жалкій нашъ союзъ
Съ тобою, милый братъ!
Умерши, умертвилъ ты
Меня, еще живую!

ХОРЪ.

Чтить кровныхъ есть, конечно, благочестье;
Но въ чьихъ рукахъ ужъ власть, тѣхъ власть
Переступать не слѣдуетъ никакъ:
Тебя-жъ твое высокомѣрье губитъ.

АНТИГОНА.

Безъ слезъ участья, безъ друзей,
Безъ пѣсни брачной, бѣдную ведутъ
По этому послѣднему пути....
И лучъ священный этого свѣтила
Ужъ мнѣ, несчастной, болѣе не зрѣть!
И ни одинъ не пожалѣетъ другъ
О смерти неоплаканной моей!

КРЕОНЪ.

Ну знаете, сказать-ли правду? еслибъ
Нашъ плачъ и вопли замѣняли смерть,

Никто-бъ не кончилъ ихъ во вѣкъ! Что стали?
Сейчасъ вести ее и, заключивъ
Въ задѣланной со всѣхъ сторонъ гробницѣ,
Какъ ужъ сказалъ, оставить тамъ одну.
Умретъ она, иль будетъ жить еще
Подъ кровлею могильною, ужъ чисты
Мы въ отношеньи этой дѣвы: словомъ,
Не жить ей съ нами больше на землѣ!

АНТИГОНА.

Могила, брачный мой чертогъ, мой домъ,
Въ скалѣ изрытый вѣчною темницей!
Туда иду къ роднымъ, въ числѣ которыхъ
Тѣней погибшихъ много приняла
Царица Ада; между ними я
Послѣдняя, и всѣхъ печальнѣй гибну.
Иду, но сердцу говоритъ надежда,
Что милою тебѣ, отецъ, предстану,
И матери, и, милый братъ, тебѣ!
Усопшихъ васъ я собственной рукою
Омыла, убрала и возліянья
Свершила надъ могилой. Нынѣ-жъ тѣло
Твое, Полиникъ, схоронивъ, такую
Приняла мзду и все-таки почтила
Тебя по правдѣ, скажетъ всякъ разумный.
Я никогда-бъ, какъ матерь для дѣтей,
Иль еслибъ тлѣлъ умершій мой супругъ,
Труда такого противъ воли гражданъ
Не подняла.... Но почему же это
Я говорю? Умершаго супруга
Мнѣ-бъ замѣнилъ другой и отъ другаго
Дѣтей имѣла-бъ перваго лишившись.
Когда-жъ отецъ и мать уже въ Аидѣ,
Никто не можетъ брата мнѣ родить!
И вотъ когда по этому закону
Тебя почтила, показалось вдругъ
Креону, будто я грѣшу, рѣшаясь
На дѣло дерзкое, и вотъ, схвативъ
Насильственно, теперь меня ведетъ,
Безбрачную, безрадостную дѣву....
Несчастная, лишенная друзей,
Живая, отхожу въ жилище мертвыхъ.

Какой законъ безсмертныхъ преступила?..
Что́ пользы бѣдной мнѣ еще взирать
Къ богамъ? Кого въ защитники призвать,
Когда за благочестье я безчестье
Лишь приняла? Но если ужъ богамъ
Угодно это, признаю себя
Виновно-страждущей; когда же судьи
Грѣшатъ, пускай не больше терпятъ зла,
Чѣмъ сколько мнѣ творятъ несправедливо.

ХОРЪ.

Еще все тотъ же въ ней
Порывъ душевной бури.

КРЕОНЪ.

Чтобъ эта буря слезъ не принесла
Тѣмъ, кто ведетъ и долго медлитъ.

АНТИГОНА.

О горе! это слово
Мнѣ близкій вѣстникъ смерти!

КРЕОНЪ *(къ хору)*.

Прошу тебя, напрасно не надѣйся,
Что будто смерти ей избѣгнуть.

АНТИГОНА.

О Ѳивы, градъ земли родной!
И вы, отеческіе боги!
Уже ведутъ меня, и не дано
Мнѣ ни минуты медлить.
Взгляните, властелины Ѳивъ!
Изъ дому царскаго одна,
Послѣдняя, какое зло
И отъ какихъ людей терплю
За то, что чтила благочестье!

(Антигону уводятъ).

Хоръ поетъ о наказаніяхъ, постигшихъ разныхъ царицъ и царей. Является старикъ Тиресій, знаменитый въ древности прорицатель. «Ты въ великой опасности», говоритъ онъ Креону. Креонъ трепещетъ.

ТИРЕСІЙ.

«Узнаешь, услышавъ знаменія моего искусства. Я сидѣлъ въ древнемъ птицезорѣ, гдѣ пристанище у меня всякимъ пернатымъ; вдругъ слышу незнакомый крикъ птицъ, побужденныхъ пищать какимъ-то злымъ и непонятнымъ стремленіемъ; я замѣтилъ, что онѣ убійственными когтями одна другую терзаютъ, и странно шумятъ крыльями. Устрашась сего, я немедленно коснулся жертвъ на все сожигающихъ жертвенникахъ; но изъ жертвъ пламя не показалось; токмо росящая влага изъ бедръ истекавшая въ пеплѣ поглощалась, дымилась и пѣнилась; желчь, поднявшись, разливалась въ воздухѣ, и расторгнутыя кости бедръ лежали внѣ тука, ихъ окружавшаго. Се пагубныя предвѣщанія злознаменныхъ таинствъ, кои узналъ я отъ сего отрока; онъ вождь мнѣ, а я другимъ. И сими бѣдствіями страдаетъ градъ за твой приговоръ. Всѣ жертвенники и священные горны наши наполнены тѣломъ убіеннаго несчастнаго сына Эдипова, принесеннымъ растерзавшими его птицами и псами; даже не пріемлютъ боги жертвъ и моленій нашихъ, ни пламени бедръ; ни едина птица не издаетъ благовѣщихъ звуковъ послѣ того, какъ онѣ напитались тучною кровію убіеннаго мужа. И такъ, о сынъ мой! помысли о томъ! всѣмъ смертнымъ естественно грѣшить; когда же согрѣшилъ кто, то посему недостоинъ еще назваться лишеннымъ ума и несчастнымъ; онъ, впадши во зло, врачуется, и не остается безъ раскаянія. Упорство укоряется въ невѣжествѣ. Склонись къ умершему и не прободай погибшаго. Какая храбрость терзать мертвое тѣло? Таковъ мой совѣтъ тебѣ; пріятно учиться отъ совѣтующихъ благое, если наставленія принесутъ пользу».

Креонъ обличаетъ Тиресія въ продажничествѣ. Тогда Тиресій объявляетъ всю горькую правду Креону. «Знай же и ты, что бурныя Солнцевы колеса не много еще совершатъ обращеній, какъ нѣкто изъ племени твоего воздастъ смертію своею умершимъ; ибо живую душу, низринувъ съ высоты, безславно заключилъ ты въ гробъ, и держишь здѣсь удаленное отъ преисподнихъ боговъ, не погребенное и лишенное праведныхъ почестей тѣло; ни ты власти на сіе не имѣешь, ни небеснымъ богамъ не принадлежитъ право сіе, но насильно то совершаешь. Сего-ради губительныя мстительницы, Эриніи ада и боговъ наконецъ готовятъ тебѣ участь, да и тебя таковыя бѣдствія постигнутъ. Смотри, не говорю ли и сего подкупленный сребромъ; время не замедлитъ явить въ твоихъ чертогахъ сѣтованія мужей и женъ. Враждою возмутятся всѣ грады, кои частьми растерзаннаго тѣла осквернили псы, или звѣри, или быстролетныя птицы, принося нечестивую воню на общенародное горнило. Таковыя, за оскорбленіе твое яко стрѣлецъ, въ гнѣвѣ пустилъ я изъ сердца стрѣлы надежныя; теплаго уязвленія ихъ ты не избѣгнешь.»

Затѣмъ Тиресій уходитъ. Хоръ, обращаясь къ Креону, замѣчаетъ, что предвѣщанія Тиресія всегда исполнялись. Креонъ и самъ на то соглашается. «Но уступить значило бы робость», говоритъ онъ. Креонъ въ борьбѣ: уступить постыдно, а упорствовать — страшно. Что дѣлать? спрашиваетъ онъ у хора. «Поди, изведи дѣву изъ подземнаго крова, и не погребенное тѣло предай землѣ.» Креонъ соглашается, хотя и «тяжко его сердцу исполнить» то. Идетъ онъ поспѣшно и зоветъ съ собою рабовъ съ сѣкирами. Хоръ поетъ пѣснь Вакху и проситъ его посѣтить Ѳивы, столь ему любезныя. Пришедшій Вѣстникъ объявляетъ о несчастіи, обрушившемся на домъ Креона. Гемонъ убилъ «самъ себя, разгнѣванный убійствомъ, отцемъ его причиненнымъ». Евридика, матъ Гемона, вышедшая изъ дома, слышитъ эту рѣчь Вѣстника. Она поражена и проситъ его разсказать все снова.

Все, госпожа [1]), скажу, какъ очевидецъ,
И ничего не пропущу изъ правды.
Что пользы мнѣ смягчать ее и послѣ
Лжецомъ явиться? правда никогда
Кривить не любитъ. За твоимъ супругомъ
Я шелъ указывая путь, на холмикъ,
Гдѣ все лежало Полиника тѣло,
Безжалостно растерзанное псами.
Тамъ путевой богинѣ [2]) и Плутону
Мольбу принесши, чтобъ остановили
Свой благодушно гнѣвъ, водою чистой
Мы трупъ омыли и сожгли останки
На вѣткахъ свѣжесорванныхъ; потомъ
Мы сдѣлали возвышенную насыпь
Родной земли и тотчасъ же пошли
Къ закладенной каменьями пещерѣ,
Къ чертогу дѣвы, преданной Аиду.
И близъ могилы сей неосвященной
Издалека услышалъ кто-то голосъ
Рыданій громкихъ и сказалъ Креону.
Нашъ господинъ приблизился и сталъ
Слышнѣе горькій плачъ, неясный прежде.
Тогда, вздохнувъ, онъ горестно воскликнулъ:
Несчастный я! Ужели напророчилъ?
Ужели путь, свершаемый теперь,
Печальнѣй всѣхъ пройденныхъ мною? сына
Меня тревожитъ голосъ... Ахъ! скорѣе
Идите, слуги... поглядите внутрь
Черезъ отверстье въ камняхъ насыпныхъ,
Гемона-ль это голосъ, иль обманутъ
Богами я? — Мы тотчасъ, какъ велѣлъ
Нашъ безнадежный господинъ, взглянули,
И видимъ въ глубинѣ пещеры дѣву...
Вокругъ шеи петля: изо льна сотканнымъ
Снуркомъ перервала она дыханье.
А онъ лежитъ, держа ее въ объятьяхъ,
И плачетъ о погибшей, о поступкѣ
Отца, о горькой свадебной постели.

---

[1]) Въ подлинникѣ: *любезная* госпожа (*φίλη δέσποινα*). У Мартынова: любезная государыня.

[2]) Прозерпинѣ.

Креонъ его увидѣлъ; тяжело
Вздохнулъ онъ и вошелъ къ нему въ пещеру,
И началъ звать, рыдая: «Что, несчастный,
Ты дѣлаешь? гдѣ умъ твой? Иль гибель
Еще себѣ готовишь? выйди, сынъ мой!...
Прошу, молю тебя».... Но дикимъ взоромъ
Презрительно его окинулъ сынъ,
И молча вынулъ свой двуострый мечъ:
Отецъ лишь бѣгствомъ спасся отъ удара.
Тогда, несчастный, въ гнѣвѣ на себя,
Какъ былъ въ рукѣ, протянутый кинжалъ
Вонзилъ въ свои онъ ребра; но еще,
Все, не теряя памяти, онъ дѣву
Слабѣющей рукою обнималъ,
И кровь дыханьемъ частымъ извергалась
Изъ устъ на щеку бѣлую ея.
Такъ подлѣ трупа трупъ лежитъ онъ, бѣдный,
Нашедъ въ Аидѣ свадебное ложе,
И показавъ, какое зло большое
Отъ безразсудства истекаетъ людямъ.

Услышавъ о смерти сына, Евридика, ничего не сказавши, ушла. Хоръ говоритъ: «И безмолвное изумленіе и безразсудное рыданіе предзнаменуютъ нѣчто тяжкое». Является Креонъ съ трупомъ сына. Онъ предается невыразимому горю. Слуга извѣщаетъ о смерти Евридики.

КРЕОНЪ.

О горе мнѣ! о бездна
Непримиримаго Аида!
Что губишь, губишь ты меня?
О вѣстникъ скорби! что ты произнесъ?
Погибшему еще ударъ!...
Что говоришь? Какая вновь,
Какая это вѣсть, увы!
О смертной участи супруги
Во слѣдъ за гибелью сыновней?

СЛУГА.

Вонъ посмотри: ужъ вынесли ее.

КРЕОНЪ *(видитъ трупъ Евридики).*

«Увы! вижу, несчастный, сіе другое мое бѣдствіе. Какое, какое остается еще мнѣ приключеніе? На рукахъ моихъ сынъ мой; предъ очами зрю мертвое тѣло супруги. О матерь несчастная! о сынъ злополучный!

СЛУЖИТЕЛЬ.

«Пронзивъ себя острымъ желѣзомъ, подобно жертвѣ у олтаря, закрываетъ туманныя очи, оплакавъ прежде знаменитую участь усопшаго Мегарея, потомъ Эмона; напослѣдокъ извергаетъ на тебя, дѣтоубійцу, жестокія проклятія.

КРЕОНЪ.

«Увы! увы! Цѣпенѣю отъ страха! почто не поразитъ кто либо меня мечемъ обоюднымъ? О! горе! горе мнѣ, я погруженъ въ бездну злосчастія.

СЛУЖИТЕЛЬ.

«Какъ виновника обоихъ убійствъ, тебя проклинала умершая.

КРЕОНЪ.

«Вѣщай яснѣе, какъ она жизнь прекратила?

СЛУЖИТЕЛЬ.

«Пронзивъ себѣ грудь собственною своею рукою, — немедленно послѣ того, какъ услышала о плачевной судьбѣ сына своего.»

КРЕОНЪ.

О! пусть же за мою вину
Никто изъ смертныхъ болѣ не постраждетъ.
Да, я убійца твой, лишь я,
Одинъ лишь я, несчастный!
Скорѣй ведите, слуги,
Ведите прочь меня отсюда....
Я ничего не значу больше!

ХОРЪ.

Совѣтъ полезный, если только есть
Какая польза въ злѣ: всего ужъ лучше
Отъ настоящихъ бѣдъ уйти подальше.

КРЕОНЪ.

Явись, явись же
Послѣдній смертный жребій,
Отрадный день моей кончины!
Явись, чтобъ мнѣ не видѣть дня!

ХОРЪ.

Когда-то будетъ это.... ближе къ намъ
Есть дѣло: пусть о немъ заботу приметъ,
Кому должно.

КРЕОНЪ.

А я, чего желаю,
О томъ молю.

ХОРЪ.

Нѣтъ, не моли напрасно:
Предназначенья смертнымъ не избѣгнуть.

КРЕОНЪ.

Ведите съ глазъ долой безумца,
Убившаго тебя невольно,
Мой сынъ! тебя, супруга!..
О я несчастный! на кого,
Куда взглянуть, не знаю.
Все, что имѣлъ въ рукахъ, исчезло въ прахъ,
И на главу мою низпала
Невыносимая бѣда!

ХОРЪ *(Креона уводятъ).*

Быть мудрымъ первый счастія залогъ;
Но должно все божественное чтить:
Людямъ надмѣннымъ велерѣчье,
Карая ихъ великою бѣдой,
Служило поздней мудрости урокомъ [1]).

Водовозовъ.

Примѣч.—Слова Шестакова: «Эта трагедія считалась всегда мастерскимъ произведеніемъ поэта. Ученые новаго времени почти единогласно признаютъ ее за образецъ древней трагедіи, съ которой, по нашему мнѣнію, ни одна другая драма не можетъ сравниться въ гармоніи и равновѣсіи частей. Ея преимущества заключаются въ превосходно составленномъ планѣ, въ глубинѣ и разнообразіи характеровъ, въ художественной формѣ разговоровъ и хоровъ, наконецъ въ основной мысли, проникающей всѣ отдѣльныя части и соединяющей ихъ въ безукоризненно органическое цѣлое». (Пропилеи. Кн. 2, стр. 128—129).

Слова Ореста Миллера: «Но высочайшее произведеніе древности, сказали мы, есть «Антигона». Каково было значеніе женщины въ древнемъ мірѣ, намъ уже извѣстно. Еще даже Еврипидъ, принадлежавшій къ болѣе высокой порѣ развитія, былъ въ состояніи сказать устами своей Ифигеніи: «нужно ли, чтобъ Ахиллъ вступилъ въ борьбу со всѣми Греками и подвергся опасности за женщину? жизнь одного мужчины дороже жизни тысячи женщинъ.» Были

[1]) У Мартынова слова *хора* яснѣе: «Но предстоящія бѣдствія чѣмъ кратче, тѣмъ легче бываютъ. Мудрость несравненно предпочтительнѣе счастія; никогда не должно оскорблять боговъ; высокомѣрные, понесши тяжкіе удары за величавыя рѣчи, въ старости научаются быть мудрыми.»

и въ Греціи женщины, умственно развитыя и имѣвшія значеніе въ обществѣ мужчинъ, — но какія женщины! Только тѣ, которыя составляютъ униженіе женской природы, только гетеры достигали умственнаго развитія и пользовались нѣкоторымъ значеніемъ. Между тѣмъ, до какой нравственной высоты доходитъ женщина въ Греческой поэзіи! Какіе чудные примѣры самоотверженія представляетъ намъ она! Пенелопа въ теченіи десяти лѣтъ терпитъ притѣсненія отъ жениховъ своихъ и все-таки остается вѣрною Одиссею; Макарія рѣшается обречь себя на жертву богамъ для спасенія Ираклидовъ (смотри трагедію Еврипида—Ираклиды); Ифигенія отваживается на подобный же подвигъ для общаго дѣла Грековъ; Альцеста съ готовностію умираетъ, чтобы избавить отъ смерти своего мужа. Но выше всѣхъ этихъ примѣровъ стоитъ Антигона. Каковъ бы ни былъ Креонтъ: дѣйствуетъ ли онъ по убѣжденію, или онъ властолюбивый тиранъ, требующій безпрекословнаго повиновенія своей волѣ, но дѣло въ томъ, что онъ велитъ оставить безъ погребенія тѣло Полиника, пошедшаго войною противъ своего отечества. Никто не осмѣливается нарушить велѣніе Креонта, хотя долгъ религіозный велитъ погребать мертвыхъ. Хоръ, обыкновенно служащій въ Греческой трагедіи органомъ общественнаго мнѣнія, также не отваживается прекословить Креонту. Но чего не могутъ мужи, то можетъ нѣжное женское сердце. Для него нѣтъ дѣла до выгодъ общественныхъ, если онѣ должны быть куплены средствами, противными голосу природы. Мужчина и съ благороднымъ сердцемъ скорѣе способенъ ужиться съ какою-нибудь низостью, увѣривъ себя, что она необходима для достиженія высшихъ цѣлей; женщину благородную вы не увѣрите, чтобы могли быть необходимыя низости; все, что противно достоинству человѣка, для нея невыносимо. Потому она скорѣе мужчины готова на величайшее самоотверженіе, чтобы только послѣдовать голосу человѣческой природы,—и Греческій поэтъ вполнѣ понялъ это, онъ понялъ преимущества женщины, какъ низко ни стояла она въ мнѣніи современныхъ ему людей. Антигона одна, одна въ цѣлыхъ Θивахъ рѣшается похоронить брата, зная, что за это ждетъ ее смерть, и она дѣйствительно умираетъ, съ любовію къ жизни, съ тоскою о потерѣ ея, но еще съ большею любовію къ брату, къ голосу природы, къ нравственному долгу. Въ лицѣ ея поэзія мысли и поэзія выполненія уравновѣсились вполнѣ, и произвели образъ, до какого не могла никогда дойти Индійская поэзія, именно потому, что ей не было доступно совершенство поэзіи выполненія.

«У Грековъ, на оборотъ—иногда ниже стояла поэзія мысли; въ Антигонѣ та и другая въ высшей степени прекрасны. Мысль стала тутъ на степень общечеловѣческаго высокаго, поднявшись надъ степенью развитія Грековъ. Греческая дѣйствительность говорила: женщина ниже мужчины, она не достойна пользоваться одними правами съ нимъ. Греческая поэзія проповѣдывала совершенно противное: женщина способна стать выше мужчины; ея любящая душа отваживается на такое самоотверженіе, отъ котораго отказывается онъ изъ эгоизма, не смотря на большую степень твердости въ своей природѣ». (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ. 1858. Январь, ст. «Греческая поэзія»).

ЭДИПЪ ЦАРЬ.

Въ самой трагедіи преданіе объ Эдипѣ передается слѣдующимъ образомъ: Царю Ѳивскому Лаю, сыну Лабдака, женатому на Іокастѣ, дочери Менекея, сестрѣ Креонта, было предсказано оракуломъ, что ему опредѣлено судьбою умереть отъ сына, который родится отъ Іокасты. Когда родился этотъ сынъ, Лай связалъ ему ноги и велѣлъ его забросить. Іокаста отдала ребенка пастуху, который пасъ стада Лаевы въ окрестностяхъ Киѳерона, съ тѣмъ, чтобы онъ бросилъ его въ пустынѣ. Но пастухъ сжалился надъ невиннымъ ребенкомъ и отдалъ его другому пастуху, пасшему тамъ же стада Коринѳскаго царя, Полиба. Коринѳскій пастухъ отнесъ ребенка къ своему царю, который, не имѣя дѣтей, и усыновилъ его. Найденышъ названъ Эдипомъ. Онъ выросъ въ той увѣренности, что онъ сынъ Полиба; но разъ какой-то пьяный на пиру попрекнулъ ему тѣмъ, что онъ найденышъ. Напрасно старались успокоить его Полибъ съ женой своей, Меропой: Эдипъ ушелъ безъ ихъ вѣдома къ Дельфійскому оракулу, спросить о своемъ происхожденіи. Но оракулъ не далъ ему прямаго отвѣта и предсказалъ, что онъ, убивъ отца своего, будетъ мужемъ матери и приживетъ съ ней дѣтей. Все еще считая своимъ отцемъ Полиба, Эдипъ боится, послѣ этого предсказанія, воротиться въ Коринѳъ и отправляется странствовать. Разъ на дорогѣ встрѣчаетъ онъ ѣдущаго на колесницѣ старика въ сопровожденіи нѣсколькихъ рабовъ. Этотъ старикъ былъ Лай. Завязалась ссора, и Эдипъ убилъ и Лая, и всѣхъ рабовъ, кромѣ одного, того самаго пастуха, которому онъ былъ отданъ когда-то своею матерью, который спасъ его отъ смерти. Пастухъ возвращается въ Ѳивы и доноситъ о смерти Лая. Въ это время поселяется близъ Ѳивъ на скалѣ чудовищный Сфинксъ. Это чудовище — крылатое, съ головой и руками женщины, съ туловищемъ собаки, съ хвостомъ дракона, съ когтями львиными, съ голосомъ человѣческимъ. Оно предлагаетъ Ѳивянамъ загадки и терзаетъ тѣхъ, которые не умѣютъ рѣшить ихъ. Стономъ и плачемъ наполнились Ѳивы. И вотъ является туда Эдипъ, рѣшаетъ предложенную ему Сфинксомъ загадку и освобождаетъ Ѳивы отъ страшнаго врага. Сфинксъ бросается въ море. Эдипъ въ награду получаетъ руку Іокасты и съ нею царство. Уже нѣсколько лѣтъ живетъ онъ, какъ мужъ, съ матерью, уже прижилъ онъ съ ней четверыхъ дѣтей; но не забыли боги страшнаго преступленія. Никому неизвѣстно оно, но хотятъ боги, чтобы оно было открыто, и вотъ насылаютъ они на Ѳивскую землю страшный моръ. И снова плачетъ и стонетъ земля. Но здѣсь начинается трагедія.

Сцена представляетъ мѣсто передъ дворцомъ Эдипа, въ который ведутъ три двери. Передъ дворцомъ на жертвенникахъ курятся ѳиміамы, и на ступеняхъ жертвенниковъ сидятъ разнаго возраста Ѳивяне съ молитвенными вѣтвями въ рукахъ и обнимаютъ жертвенники, какъ просящіе у боговъ защиты. Со сцены ведетъ лѣстница въ орхестру, по срединѣ которой стоитъ увѣнчанный и курящійся жертвенникъ Діониса, ѳимела. Въ орхестрѣ нѣтъ никого.

ЭДИПЪ.

О дѣти, Кадма древняго потомки,
Зачѣмъ сошлись вы къ симъ мѣстамъ и съ вѣтвью
Молитвенной садитесь къ алтарямъ [1]),
А городъ нашъ и жертвеннымъ куреньемъ
И вмѣстѣ пѣньемъ и стенаньемъ полонъ?
Отъ вѣстниковъ узнать я не хотѣлъ
И самъ пришелъ сюда, о дѣти, я,
Извѣстный всѣмъ, прославленный Эдипъ.
Но ты, старикъ, скажи (тебѣ прилично
Всѣхъ прежде слово молвить), вы зачѣмъ
Собрались здѣсь, иль вы чего боитесь,
Иль просите? Скажи, и я исполню.
Безъ сердца былъ бы я, когда бъ не тронулъ
Меня сей видъ молящихся людей.

ЖРЕЦЪ.

Земли моей властитель, царь Эдипъ,
Ты видишь насъ, какіе мы собрались
У алтарей твоихъ. Вотъ здѣсь птенцы,
Еще безсильные летать далеко,
А тамъ лѣтами отягченный старецъ,
Жрецы, и я, жрецъ Зевса, и толпа
Отборныхъ юношей. Народъ же прочій
Увѣнчанный, Паллады оба храма
И пеплъ пророческій Исмена бога [2]),
На площадяхъ, толпами окружилъ.
Какъ видишь самъ, взволнованъ городъ весь;
Не можетъ онъ главы поднять изъ бездны
Волны кровавой; гибнетъ плодъ земной,
И мрутъ стада, и роды женъ безплодны.
Огнемъ палящій богъ, ужасный моръ,
На городъ нашъ стремительно низвергся.
Пустѣетъ Кадма домъ, а черный адъ
Стенаньями и плачемъ богатѣетъ.

---

[1]) Тѣ, которые приходили молить боговъ о защитѣ и избавленіи отъ несчастій, держали въ рукахъ масличныя вѣтви, обвитыя бѣлою шерстью. Садясь у жертвенниковъ, они клали возлѣ себя эти вѣтви и уносили ихъ, если получали просимую помощь; въ противномъ случаѣ оставляли эти вѣтви у жертвенниковъ и уходили.

[2]) Пророческій пеплъ Исмена бога—храмъ Аполлона на рѣкѣ Исменѣ. Пеплъ потому, что предсказанія дѣлались по сжигаемымъ жертвамъ.

Ни юноши, которыхъ видишь здѣсь,
Ни я, не съ тѣмъ пришли мы къ алтарямъ,
Чтобы равнять тебя съ богами, нѣтъ,
Но изъ людей тебя считаемъ первымъ,
Въ дѣлахъ людскихъ и въ томъ, что боги шлютъ [1]).
И прежде ужъ, пришедши въ Кадмовъ городъ,
Отъ подати ты насъ освободилъ,
Которую платили мы пѣвицѣ [2]).
Безъ наставленья нашего ты самъ
Лишь съ помощью боговъ намъ жизнь исправилъ:
Такимъ тебя считаютъ всѣ у насъ.
Теперь, о дорогой намъ всѣмъ Эдипъ,
Пришли къ тебѣ мы съ просьбой и любовью:
Найди намъ средство, гласу ль бога внявъ,
Иль знаешь какъ нибудь отъ человѣка:
Затѣмъ что много - опытнаго мужа
Совѣтъ и слово живы, знаю я.
Иди, о лучшій изъ друзей, иди,
Заботою своей воздвигни городъ.
Хотя тебя за прежнюю услугу
Спасителемъ земля сія зоветъ;
Но не желали бъ такъ тебя мы помнить,
Что, чрезъ тебя поднявшися однажды,
Потомъ опять упали при тебѣ.
И такъ спаси отъ бѣдъ ты городъ нашъ!
Какъ прежде ты счастливою судьбой
Далъ счастье намъ, такимъ же будь теперь!
И если, какъ теперь, царемъ ты будешь
Надъ этою землей, то лучше быть
Царемъ людей, а не страны пустой.
Вѣдь если нѣтъ живаго человѣка,
Къ чему корабль, къ чему пустыя башни?

ЭДИПЪ.

О дѣти бѣдныя, извѣстно мнѣ,
Не безъизвѣстно все, за чѣмъ пришли вы.
Я знаю, что вы всѣ больны, но, дѣти,

---

[1]) Въ подлинникѣ: *ἔν τε συμφοραῖσι βίου, ἔν τε δαιμόνων ξυναλλαγαῖσι.* Подъ первымъ разумѣются обыкновенные случаи жизни; второе означаетъ болѣе рѣдкіе, выходящіе изъ обычнаго порядка жизни, случаи, какъ напр. появленіе Сфинкса, моръ.

[2]) Пѣвица — Сфинксъ.

Никто изъ васъ не боленъ такъ, какъ я:
Лишь за себя страдаетъ каждый въ васъ,
Душа жъ моя и за меня страдаетъ,
И за тебя, за весь народъ болитъ.
Не спящаго отъ сна вы разбудили,
Нѣтъ, знайте, много я скорбѣлъ и плакалъ
И путь большой заботы ужъ прошелъ.
Что́ могъ одно придумать въ долгой думѣ,
То сдѣлалъ я, и сына Менекея,
Креонта, зятя моего, въ Пиѳійскій
Домъ Феба я послалъ, чтобъ онъ спросилъ,
Какимъ я словомъ или дѣломъ городъ
Изъ этой бездны золъ могу извлечь.
Пора бъ ему уже назадъ прибыть;
Крушитъ меня забота, что́ съ нимъ сталось;
Отсутствуетъ онъ больше, чѣмъ бы нужно.
Когда жъ воротится, что́ богъ прикажетъ,
Я былъ бы злой, когда бъ все не исполнилъ.

Входитъ Креонтъ и по просьбѣ Эдипа разсказываетъ объ убійствѣ Лая. Эдипъ объявляетъ, что онъ постарается открыть убійцу. Хоръ поетъ о страданіяхъ, какія претерпѣваетъ городъ Ѳивы. «Арей губитель безъ оружья напалъ на насъ и жжетъ огнемъ. И стонъ вокругъ». Въ заключеніе хоръ молитъ Вакха спасти городъ отъ бѣдъ. Эдипъ налагаетъ проклятіе на неизвѣстнаго убійцу. Хоръ совѣтуетъ царю вопросить Тиресія о виновникѣ смерти Лая; Тиресій выходитъ.

ХОРЪ.

Вотъ и обличитель.
Ведутъ сюда пророка вѣщуна;
Ему лишь изъ людей открыта правда.

ЭДИПЪ.

О ты, который знаешь все, Тиресій,
И то, изрѣчь что́ можно, и чего
Изрѣчь нельзя, небесное, земное;
Хотя не видишь ты, но мыслью знаешь,
Какой болѣзнію страдаетъ городъ.
Въ тебѣ, о князь, одномъ спасенье видимъ.
Царь Фебъ, хоть вѣстниковъ не слышалъ ты,
На нашъ вопросъ прислалъ отвѣтъ такой,
Что лишь одно отъ мора избавленье —
Открывъ убившихъ Лая, наказать
Ихъ смертью иль изгнаньемъ изъ земли.

А ты не откажись намъ все повѣдать,
Что птицы скажутъ, иль другой гаданья
Ты знаешь путь. Спаси себя и городъ,
Спаси меня, и казнь за мертваго
Ты отврати — отъ города роднаго.
Въ тебѣ мы всѣ: помочь же человѣку,
Чѣмъ можетъ кто, прекрасный плодъ труда.

ТИРЕСІЙ.

Увы, увы! Когда нѣтъ пользы въ знаньи,
Какъ непріятно знать. Вѣдь зналъ я это...
Забылъ, а то бъ сюда я не пришелъ.

ЭДИПЪ.

Зачѣмъ печаленъ ты? Что это значитъ?

ТИРЕСІЙ.

Домой пусти меня: свою судьбу
И ты, и я, мы легче понесемъ,
Когда меня послушаешься ты.

ЭДИПЪ.

Не хорошо, что ты сказать не хочешь
Того, что городу полезно бъ было,
Который воспиталъ тебя.

ТИРЕСІЙ.

Увы!
Твои слова тебѣ не будутъ въ пользу,
Я вижу, — и боюсь того жъ себѣ.

ЭДИПЪ.

Нѣтъ, именемъ боговъ тебя всѣ молимъ
Не скрыть отъ насъ того, что знаешь самъ.

ТИРЕСІЙ.

Безумны вы! Нѣтъ! слова моего
Сказать я не рѣшусь, чтобы тебѣ
Твоихъ злосчастныхъ дѣлъ не обнаружить.

ЭДИПЪ.

Что молвилъ ты? Не скажешь ты, что знаешь?
Такъ хочешь насъ и городъ погубить?

ТИРЕСІЙ.

Тебя спасти хочу отъ огорченья
И вмѣстѣ съ тѣмъ себя; зачѣмъ еще
Толкуешь ты? Сказать — я не скажу.

ЭДИПЪ.

Не скажешь ты, негодный изъ негодныхъ,
И камень могъ бы ты подвигнуть къ гнѣву,
Неумолимъ и непреклоненъ будешь?

ТИРЕСІЙ.

Меня ты въ страсти упрекнулъ, а самъ
Не видишь страсть, которая въ тебѣ.

ЭДИПЪ.

Кто бъ воздержаться могъ отъ гнѣва, слыша,
Какъ мало ты родной свой городъ чтишь?

ТИРЕСІЙ.

Хоть я молчу, но выдетъ все само.

ЭДИПЪ.

Ну, такъ ты долженъ мнѣ сказать, что выдетъ.

ТИРЕСІЙ.

Ни слова больше не скажу; пылай,
Пожалуй, самымъ дикимъ гнѣвомъ ты.

ЭДИПЪ.

Свой гнѣвъ удерживать не буду я,
За тѣмъ что вижу все. Такъ знай, что ты
Мнѣ кажешься участникомъ злодѣйства,
Хотя не самъ своей рукой убилъ.
Когда бъ ты зрячій былъ, сказалъ бы я,
Что дѣло одного тебя то было.

ТИРЕСІЙ.

Да, да! Такъ я велю тебѣ стоять
На томъ, что объявилъ, и съ дня сего
Не говорить ни съ ними, ни со мной,
За тѣмъ что ты нечестьемъ осквернилъ
Страну, и бѣдъ ея ты всѣхъ причина.

ЭДИПЪ.

Безстыдно такъ какъ могъ ты слово бросить?
Куда спасешься ты?

ТИРЕСІЙ.

Но я спасенъ:
Я силу истины въ себѣ ношу.

ЭДИПЪ.

Виною словъ твоихъ, конечно, не искусство.
По чьимъ же говорилъ внушеньямъ ты?

ТИРЕСІЙ.

По твоему я говорилъ внушенью:
Ты самъ меня принудилъ.

ЭДИПЪ.

Что жъ сказалъ ты?
Скажи еще, чтобъ лучше мнѣ узнать.

ТИРЕСІЙ.

Не понялъ прежде ты? Иль искушаешь?

ЭДИПЪ.

Не съ тѣмъ, чтобы извѣстное услышать;
Я повторить прошу.

ТИРЕСІЙ.

Я повторю,
Что ты убійца тотъ, кого ты ищешь.

ЭДИПЪ.

Но даромъ дважды скорбнаго не скажешь.

ТИРЕСІЙ.

Сказать еще, чтобъ больше разсердить?

ЭДИПЪ.

Что хочешь, говори; все будетъ тщетно.

ТИРЕСІЙ.

Скажу, что ты не знаешь, какъ сквернишь
То, что тебѣ всего на свѣтѣ ближе,
Что ты не видишь, какъ велико зло.

ЭДИПЪ.

Что жъ думаешь? Всегда такія вещи
Себѣ на радость будешь говорить?

ТИРЕСІЙ.

Когда есть сила въ истинѣ, конечно.

ЭДИПЪ.

Конечно, есть, но ты ея лишенъ.
Въ тебѣ той силы нѣтъ, за тѣмъ что слѣпъ
Глазами ты, и ухомъ, и умомъ.

ТИРЕСІЙ.

Несчастный! Оскорблять все хочешь ты,
А скоро, скоро и ни одинъ изъ этихъ
Тебя безъ оскорбленья не оставитъ.

ЭДИПЪ.

Питаетъ ночь тебя, такъ ты безвреденъ
И мнѣ, и всякому, кто видитъ свѣтъ.

ТИРЕСІЙ.

И не судьба тебѣ пасть отъ меня,
Достаточно заботы Аполлона.

ЭДИПЪ.

Креонтъ придумалъ это, или ты?

ТИРЕСІЙ.

Ты самъ себѣ бѣды свои создалъ,
А не Креонтъ.

ЭДИПЪ.

Богатство, власть и умъ
Побѣдоносный въ жизненной борьбѣ,
Какую возбуждаете вы зависть,
Когда Креонтъ, сначала вѣрный другъ,
Той власти ради, что мнѣ городъ далъ
Безъ всякаго желанья моего,
Тайкомъ меня столкнуть, подкравшись, хочетъ!
Кудесника для цѣли сей онъ выслалъ,
Способнаго къ обманамъ и злодѣйствамъ,
Который видитъ выгоду одну,
Въ искусствѣ жъ слѣпъ; скажи, пожалуй, мнѣ,
Какъ можешь ты волхвомъ назваться вѣщимъ?
Зачѣмъ, какъ пѣла пѣсни здѣсь собака [1]),
Къ спасенью средствъ гражданамъ не открылъ?
А разрѣшить загадку ту легко
Не всякій могъ; тутъ нужны были чары.
Не ты, узнавъ отъ птицъ иль отъ боговъ,
Раскрылъ ее, но я, Эдипъ не вѣщій,
Прибывъ сюда, ее молчать заставилъ;
Умомъ дошелъ, а не отъ птицъ узналъ.
И ты меня изгнать отсюда хочешь,
Надѣясь близко стать къ Креонта трону....
Поплатитесь, какъ кажется, слезами,
И ты, и тотъ, кто это приготовилъ;
Когда бъ не старикомъ тебя я видѣлъ,
То съ болью бъ понялъ ты, что ты задумалъ.

ХОРЪ.

Его слова, равно какъ и твои,
Намъ кажется, вамъ гнѣвомъ внушены.
Въ нихъ нѣтъ нужды, а нужно посмотрѣть,
Велѣнье бога какъ исполнить лучше.

ТИРЕСІЙ.

Хоть ты и царь, но тѣмъ же отвѣчать
Имѣю я одно съ тобою право.

[1]) Сфинксъ; см. Введеніе.

Я Локсію [1]) служу, а не тебѣ;
Защиты мнѣ Креонтовой не нужно.
Скажу тебѣ, затѣмъ что слѣпотой
Меня ты попрекнулъ: хоть ты и смотришь,
Но бѣдъ твоихъ всей мѣры ты не видишь,
Ни гдѣ живешь, ни съ кѣмъ живешь, не знаешь.
Хоть знаешь ли, кто твой отецъ, кто мать?
Своимъ ты врагъ безъ вѣдома, безъ воли,
И тѣмъ, что тамъ, и тѣмъ, что́ на землѣ.
Отца и матери изъ сей земли
Проклятье страшное тебя погонитъ.
И скоро свѣтъ твоихъ очей затмится,
И огласятся берега стенаньемъ,
На Киѳеронѣ крикъ отдастся твой,
Когда поймешь, въ какой вступилъ ты бракъ.
Пловецъ, счастливо море переплывъ,
Напрасно ты искалъ въ семъ домѣ мѣста,
Гдѣ бъ твой корабль поставить безопасно.
Не чувствуешь другихъ ты бѣдъ толпу,
Которыя тебя съ тобой сравняютъ
И равнымъ сдѣлаютъ дѣтямъ твоимъ.
Теперь лице Креонта и мое
Ты оскорбляй; изъ смертныхъ вѣдь никто
Не будетъ страшно такъ казненъ, какъ ты.

ЭДИПЪ.

Отъ этого ль такія вещи слушать?
Чтобъ ты пропалъ! Иди скорѣй отъ дома!
Ступай назадъ, откуда ты пришелъ!

ТИРЕСІЙ.

Я не пришелъ бы, еслибъ ты не звалъ.

ЭДИПЪ.

Вѣдь я не зналъ, что ты безумье скажешь;
Иначе бъ я тебя къ себѣ не звалъ.

ТИРЕСІЙ.

Безуменъ я, такъ кажется тебѣ,
Родителямъ твоимъ всегда казалось,
Что полонъ я ума.

[1]) Аполлону; имя Локсій относятъ къ таинственной двусмысленности оракуловъ.

ЭДИПЪ.

Какимъ? Постой!
Скажи же мнѣ, я отъ кого родился?

ТИРЕСІЙ.

Вотъ этотъ день тебя родитъ и сгубитъ.

Тиресій указываетъ на убійцу Лая: «Тебѣ я говорю, что человѣкъ, котораго ты ищешь давно съ угрозой, онъ здѣсь». Хоръ тоже смущается, услышавъ такія ужасныя рѣчи отъ Тиресія. Слѣдуетъ сцена Креонта съ Эдипомъ. Эдипъ укоряетъ Креонта въ сообщничествѣ съ Тиресіемъ: Эдипъ думаетъ, что по его, Креонта, совѣтамъ, пророкъ говорилъ лживыя слова. Креонтъ проситъ Эдипа послать къ Пиѳійскому оракулу, дабы узнать, замышлялъ ли онъ хоть что-либо съ кудесникомъ. Эдипъ соглашается. Онъ хочетъ смерти Креонта. Идущая изъ дворца Іокаста прерываетъ этотъ разговоръ. Царица проситъ ихъ прекратить пустое состязаніе; о томъ же молитъ Эдипа и Хоръ. Эдипъ не слушается, и налагаетъ на Креонта свое проклятіе. Іокаста проситъ Эдипа выслушать ее.

ІОКАСТА.

Вотъ выслушай меня:
Когда-то Лаю было предсказанье,
Я не скажу — отъ Феба самого,
Но отъ служителей его то было,
Отъ сына будто бы ему роднаго,
Который отъ меня ему родится,
Судьба опредѣлила умереть.
И вотъ чужіе воры на распутьи,
Гдѣ три дороги разныя сошлись,
Его убили, какъ молва гласитъ.
А сынъ его не росъ у насъ трехъ дней!
Связавъ ребенку ноги, онъ отдалъ
Чужой рукѣ его въ пустынѣ бросить.
Не сдѣлалъ богъ его отцеубійцей,
И Лаю смерть послалъ не черезъ сына,
Чего боялся онъ по предсказанью.
Вотъ что слова пророковъ назначали,
А ты на нихъ не обращай вниманья.
Легко откроетъ самъ, что богъ захочетъ.

ЭДИПЪ.

Что́ отъ тебя, жена, теперь я слышалъ,
Волнуетъ сердце мнѣ и мысль смущаетъ.

ІОКАСТА.

Что такъ могло твою встревожить душу?

ЭДИПЪ.

Вѣдь такъ, мнѣ кажется, сказала ты,
Что Лай на мѣстѣ былъ такомъ убитъ,
Гдѣ три дороги разныя сходились?

ІОКАСТА.

Тогда такъ говорили, и потомъ
Молва ни сколько здѣсь не измѣнялась.

ЭДИПЪ.

Но гдѣ жъ, гдѣ мѣсто это, мнѣ скажи,
Въ какой странѣ несчастье совершилось?

ІОКАСТА.

Страна Фокидою зовется та;
Изъ Дельфъ и Давліи идутъ дороги,
Которыя распутье образуютъ.

ЭДИПЪ.

А сколько времени тому прошло?

ІОКАСТА.

Немного прежде въ городъ вѣсть пришла,
Чѣмъ ты земли властителемъ явился.

ЭДИПЪ.

О Зевесъ! Что хочешь ты со мною сдѣлать?

ІОКАСТА.

Что такъ встревожило твой духъ, Эдипъ?

ЭДИПЪ.

Не спрашивай. Скажи объ Лаѣ мнѣ,
Какихъ онъ лѣтъ, каковъ онъ видомъ былъ?

ІОКАСТА.

Онъ ростомъ былъ великъ; его глава
Сѣдинами лишь стала покрываться;

Лицемъ же онъ и станомъ отъ тебя
Немного отличался.

ЭДИПЪ.

О несчастный!
Какъ вижу, я не зналъ, что самъ себя
Ужасному проклятью предалъ я.

ІОКАСТА.

Что молвилъ ты? Какъ страшно мнѣ, о царь!
Я на тебя боюсь теперь взглянуть.

ЭДИПЪ.

Боюсь, чтобы пророкъ тотъ зрячій не былъ....
Сказавъ еще одно, яснѣй покажешь.

ІОКАСТА.

Боюсь и я; но, спросишь что, скажу.

ЭДИПЪ.

Пошелъ ли онъ съ немногими, иль многихъ
Сопутниковъ имѣлъ, какъ мужъ властитель?

ІОКАСТА.

Всѣхъ было пять, и въ томъ числѣ глашатый;
Но колесницу Лай имѣлъ одну.

ЭДИПЪ.

О горе мнѣ! Теперь все ясно стало;
Кто жъ вамъ все это разсказалъ, жена?

ІОКАСТА.

Слуга, который лишь одинъ и спасся.

ЭДИПЪ.

Не въ домѣ ли, не здѣсь ли онъ теперь?

ІОКАСТА.

Давно ужъ нѣтъ. Какъ воротился онъ,
И видѣлъ, что имѣешь власть ужъ ты,

А Лай погибъ; онъ, руку взявъ мою,
Молилъ послать его въ поля къ стадамъ,
Чтобъ быть ему отъ города подальше.
Его послала я. Какъ рабъ, онъ былъ достоинъ
И большую награду получить.

ЭДИПЪ.

Когда бъ онъ къ намъ сюда пришелъ скорѣй!

ІОКАСТА.

Не трудно сдѣлать то. Но для чего?

ЭДИПЪ.

Боюсь, жена, не слишкомъ ли ужъ много
Мнѣ сказано, о томъ, зачѣмъ его
Хочу я видѣть.

ІОКАСТА.

Онъ придетъ сейчасъ.
Но мнѣ прилично тоже, царь, узнать,
Что мучитъ такъ тебя и безпокоитъ.

Пришедшій вѣстникъ извѣщаетъ о смерти Полиба, мнимаго отца Эдипа и объявляетъ Эдипу, что онъ не сынъ Полиба; вѣстникъ указываетъ на пастуха, которому былъ отданъ младенецъ-Эдипъ на воспитаніе. Этого-то пастуха желаетъ видѣть царь. Слыша объ его непремѣнномъ желаніи, Іокаста уходитъ, называя Эдипа несчастнымъ. Пастухъ является.

ЭДИПЪ *(къ пастуху)*.

Такъ ты, старикъ, въ лице смотри мнѣ прямо
И отвѣчай на то, о чемъ спрошу.
Ты Лаевъ былъ?

ПАСТУХЪ.

Его я былъ рабомъ;
Родился въ домѣ я, не купленъ былъ.

ЭДИПЪ.

Что дѣлалъ ты? Какая жизнь была?

ПАСТУХЪ.

Ходилъ за стадомъ я по большей части.

ДИПЪ.

Въ какихъ мѣстахъ ты больше обращался?

ПАСТУХЪ.

У Киѳерона и въ мѣстахъ окружныхъ.

ЭДИПЪ *(указывая на вѣстника).*

Ты не знакомъ ли съ этимъ какъ нибудь?

ПАСТУХЪ.

О комъ ты говоришь? И что за дѣло?

ЭДИПЪ.

Объ этомъ вотъ, что здѣсь. Встрѣчалъ его?

ПАСТУХЪ.

Я въ скорости припомнить не могу.

ВѢСТНИКЪ.

Тутъ чуда нѣтъ, о царь, что онъ забылъ,
Но я сейчасъ ему напомню ясно.
Навѣрно знаю я, что помнитъ онъ,
Какъ мы у Киѳерона, я съ однимъ,
Съ двумя стадами онъ, три цѣлыхъ лѣта
Тамъ отъ весны и до арктура [1]) вплоть
Сходились вмѣстѣ мы. Къ зимѣ я гналъ
Свои стада домой, а онъ свои
На скотный Лаевъ дворъ. Вѣдь было такъ,
Какъ говорю, иль нѣтъ?

ПАСТУХЪ.

Все правда это,
Хоть много времени прошло съ тѣхъ поръ.

ВѢСТНИКЪ.

Скажи теперь, ты помнишь ли, что тамъ
Ты далъ дитя на воспитанье мнѣ?

---

[1]) До арктура, т. е. до восхожденія арктура осенью. Арктуръ — звѣзда въ созвѣздіи Боата.

ПАСТУХЪ.

Что тамъ? Къ чему объ этомъ говорить?

ВѢСТНИКЪ *(указывая на Эдипа).*

Вотъ тотъ, который былъ тогда ребенкомъ.

ПАСТУХЪ.

Что бъ ты пропалъ! Не будешь ты молчать?

ЭДИПЪ.

Нѣтъ, не брани, старикъ его; не онъ,
Твои слова достойны больше брани.

ПАСТУХЪ.

Чѣмъ я грѣшу, о лучшій изъ царей?

ЭДИПЪ.

О мальчикѣ не говоришь ни слова,
Что спрашиваетъ онъ.

ПАСТУХЪ.

Не знаетъ онъ,
Что говоритъ, хлопочетъ по-напрасну.

ЭДИПЪ.

Когда изъ ласки ты сказать не хочешь,
Такъ съ плачемъ скажешь.

ПАСТУХЪ.

Нѣтъ, прошу тебя,
Ты зла не дѣлай старику, оставь.

ЭДИПЪ.

Но что жъ ему назадъ не вяжутъ руки?

ПАСТУХЪ.

Несчастный я! За что? Что хочешь знать?

ЭДИПЪ.

Ты далъ ему дитя, какъ онъ сказалъ?

ПАСТУХЪ.

Да, далъ. О еслибъ умеръ я въ тотъ день!

ЭДИПЪ.

Но къ этому придешь, когда неправду
Будешь говорить.

ПАСТУХЪ.

Еще скорѣй
Погибну я, когда скажу всю правду.

ЭДИПЪ.

Какъ кажется, онъ ищетъ проволочки.

ПАСТУХЪ.

О нѣтъ! Вѣдь я сказалъ давно, что далъ.

ЭДИПЪ.

Откуда взялъ? Твое или чужое?

ПАСТУХЪ.

Нѣтъ не мое; я отъ другаго взялъ.

ЭДИПЪ.

Изъ гражданъ отъ кого, и въ чьемъ же домѣ?

ПАСТУХЪ.

Молю тебя, не спрашивай, царь, больше.

ЭДИПЪ.

Бѣда тебѣ, когда еще спрошу.

ПАСТУХЪ.

Изъ дома Лаева онъ былъ.

ЭДИПЪ.

Но рабъ,
Иль Лаевой семьѣ онъ былъ родной?

ПАСТУХЪ.

О горе мнѣ! я долженъ то сказать,
Что́ мнѣ всего страшнѣй.

ЭДИПЪ.

Мнѣ слышать страшно,
Но все жъ я долженъ слышать.

ПАСТУХЪ.

Мальчикъ тотъ
Считался сыномъ Лая. Правда-ль это,
Твоя жена могла-бъ сказать всѣхъ лучше.

ЭДИПЪ.

Она дала тебѣ дитя?

ПАСТУХЪ.

Она.

ЭДИПЪ.

Зачѣмъ?

ПАСТУХЪ.

Убить.

ЭДИПЪ.

О мать несчастная!

ПАСТУХЪ.

Отъ страха бѣдъ, предсказанныхъ богами.

ЭДИПЪ.

Какихъ же бѣдъ?

ПАСТУХЪ.

Отъ бога былъ оракулъ,
Что онъ убьетъ родителей своихъ.

ЭДИПЪ.

Зачѣмъ же отдалъ ты ему ребенка?

ПАСТУХЪ.

Я пожалѣлъ, о царь, и далъ я съ тѣмъ,
Чтобъ онъ унесъ его въ чужую землю,

Откуда самъ онъ былъ. Онъ спасъ ребенка
Для страшныхъ бѣдъ. И если ты тотъ самый,
Какъ онъ сказалъ: несчастнымъ ты родился!

ЭДИПЪ.

Увы, увы! выходитъ все наружу!
О свѣтъ, въ послѣдній разъ тебя я вижу!
Вотъ оказалося, что я родился
Отъ тѣхъ, родиться отъ которыхъ мнѣ
Не должно бъ было, съ тѣми жилъ, съ кѣмъ жить
Не могъ, и тѣхъ убилъ, кого-бъ не смѣлъ.

(Уходитъ съ воплемъ. Вѣстникъ и пастухъ также уходятъ).

ХОРЪ.

Увы! Смертныхъ родъ людей!
Какъ вашу я жизнь не высоко цѣню!
И кто тотъ человѣкъ, и гдѣ онъ,
Кто бы болѣе счастливымъ былъ,
Чѣмъ на столько чтобъ счастьемъ блеснуть
И, блеснувши, упасть съ высоты?
Твой когда предъ глазами примѣръ,
Твою видя судьбу, о злосчастный Эдипъ,
Никого изъ людей не сочту я счастливымъ.
О Зевесъ! Въ цѣль удачно попалъ
И достигъ онъ блаженства вполнѣ,
Когда пѣвчую дѣву сгубилъ,
Что съ кривыми когтями была,
И стѣной намъ отъ смерти онъ сталъ.
Съ той поры, царь великихъ Ѳивъ,
Ты всѣхъ бо́льшую почесть имѣлъ.
А послушать теперь, кто несчастнѣй?
Кто въ трудахъ, кто въ бѣдахъ столь ужасныхъ?
И ему также жизнь измѣнила.
Увы! о славный нашъ Эдипъ!
Одни тебя, одни
Объятья обширныя
Держали сына и супруга!
И безъ воли твоей тебя время открыло,
Отъ котораго скрыться не можетъ ничто,
И тотъ бракъ не признаетъ ужъ Правда,
По которому вышелъ рожденный родившимъ.
Увы! несчастный Лаевъ сынъ!

О лучше бы, лучше бы
Совсѣмъ мнѣ не знать тебя!
Теперь же громкій плачъ и вопль
Съ устъ все бѣжитъ. Но, правду сказать, чрезъ тебя я вздохнулъ.

СЛУГА *(выходитъ изъ боковой двери дворца Эдипова).*

О вы, которыхъ въ сей землѣ всегда
Всѣхъ больше чтутъ, ужасныя дѣла
Вамъ предстоитъ услышать и увидѣть.
Какая скорбь васъ ждетъ, когда сердечно
Вы преданы еще Лабдака дому!
Тѣхъ золъ, которыя скрываетъ онъ,
Не смоетъ, думаю, ни Истръ, ни Фасисъ [1]);
И скоро выдетъ все наружу зло,
Которое свободно, но невольно;
А бѣдствія приносятъ больше горя,
Когда причиной ихъ бываемъ сами.

ХОРЪ *(говоритъ корифей).*

Довольно слезъ и въ томъ, что знали прежде;
Ты что̀ еще намъ новаго принесъ?

СЛУГА.

Сказать и выслушать скорѣй что можно,
Скажу: погибла голова Іокасты.

ХОРЪ.

Несчастная! Но отъ какой причины?

СЛУГА.

Своей рукой себя она убила.
Избавленъ ты отъ скорби самой страшной,
Не бывъ свидѣтелемъ того, что было.
Но, сколько памяти во мнѣ достанетъ,
Услышишь ты страданія несчастной.
Съ отчаяньемъ прошла она лишь сѣни,
Къ постели брачной прямо подошла,
Терзая волосы себѣ руками.

---

[1]) Истръ — Дунай, и Фасисъ въ Колхидѣ — нынѣ Ріонъ, раздѣляющій Мингрелію и Имеретію.

Вошла и двери за собою заперши,
Звала давно умершаго ужъ Лая,
Рожденье прежнее воспоминала,
Отъ коего онъ самъ погибъ, а мать
Оставилъ сыну, чтобъ дѣтей злосчастно
Родила съ нимъ. И плакала она
Надъ ложемъ тѣмъ, отъ мужа мужа гдѣ
И отъ дѣтей дѣтей опять родила.
За тѣмъ не знаю, какъ она погибла.
Эдипъ вбѣжалъ тутъ съ крикомъ, и за нимъ
Нельзя ужъ было видѣть смерть ея;
Смотрѣли мы теперь, какъ онъ метался.
Вбѣжалъ и требовалъ отъ насъ копья,
И гдѣ найти жену, что не жена,
И чрево матери, что дало плодъ
Двойной: его и отъ него дѣтей?
Никто изъ насъ, которые тутъ были,
Не молвилъ слова; видно духъ какой
Въ неистовствѣ его ему открылъ.
Какъ будто кто его увлекъ, онъ вскрикнулъ,
Къ двойнымъ дверямъ онъ подскочилъ, сорвалъ
Запоръ и быстро въ горницу вбѣжалъ.
Тутъ видимъ мы висящую жену:
Опутала себя снуркомъ плетенымъ.
Ее увидѣвъ такъ, ужасный крикъ
Несчастный испустилъ и развязалъ
Снурокъ висящій; и когда она
Ужъ на полу лежала, страшно было
Намъ видѣть то, что было съ нимъ потомъ.
Сорвалъ онъ съ платья пряжки золотыя,
Которыми украшена была,
Схватилъ и билъ глаза свои онъ ими,
Такъ говоря: за то, что не видали,
Ни что терпѣлъ, ни что онъ сдѣлалъ зла,
Чтобы впередъ во мракѣ тѣхъ смотрѣли,
Кого не должно было видѣть имъ,
Не узнавали-бъ тѣхъ, кого желали-бъ.
Такъ причитая много разъ, не разъ,
Глаза онъ билъ свои, поднявши вѣки.
Кровавые зрачки мочили щеки,
И кровь не каплями, ручьемъ лилась.
Причиной бѣдствій были оба вмѣстѣ,
На мужа и жену страданье пало.

И счастье прежнее, — то было счастье;
Теперь проклятье, стонъ, и смерть, и стыдъ,
И всѣ, какія есть названья золъ.

ХОРЪ.

Теперь въ какой порѣ несчастный зла?

Слуга отвѣчаетъ, что хоръ самъ можетъ увидѣть Эдипа. Эдипъ выходитъ и хоръ принимаетъ живое участіе въ страдальцѣ царѣ.

ЭДИПЪ *(поетъ)*.

Увы, увы! Несчастный я!
Въ какой землѣ я нахожусь?
Куда стремится голосъ мой?
Судьба, судьба, къ чему вела!

ХОРЪ *(говоритъ корифей)*.

Къ ужасному несчастью привела,
И видѣть то, и слышать страшно будетъ.

ЭДИПЪ *(поетъ)*.

О страшный мракъ,
Ужасный мой мракъ, несказанный мракъ,
Неизбѣжный мракъ, безконечный мракъ!
О горе мнѣ! вторично горе мнѣ!
Какъ жало боли той вошло въ меня
И вмѣстѣ съ нимъ ужасныхъ память золъ!

ХОРЪ *(говоритъ корифей)*.

Тутъ чуда нѣтъ, когда въ такихъ несчастьяхъ
Вдвойнѣ страдаешь ты, вдвойнѣ несешь.

ЭДИПЪ *(поетъ)*.

О другъ! увы!
Одинъ вѣрный другъ мнѣ остался ты,
Слѣпаго меня ты не бросилъ, другъ.
Увы, увы! Ты отъ меня не скрылся:
Хоть въ мракѣ я, но голосъ твой
Все-жъ ясно узнаю.

ХОРЪ *(говоритъ корифей)*.

Что сдѣлалъ ты!

Какъ могъ свои ты очи погасить?
Какое божество тебя подвигло!

Эпидъ *(поетъ)*.

Аполлонъ то былъ! Аполлонъ, друзья,
Страданій моихъ строитель и бѣдъ.
Глаза жъ мои я самъ несчастный билъ...
И что было смотрѣть,
Когда ничто не сладко видѣть?

Эдипъ поетъ къ хору, прося себѣ изгнанія изъ земли какъ милости. Хоръ соболѣзнуетъ о несчастіяхъ царя — внутреннемъ и внѣшнемъ (слѣпотѣ). Эдипъ доказываетъ хору необходимость своего ослѣпленія: «Сошедши въ адъ, какими бы глазами увидѣлъ я отца и мать свою?» Царь умоляетъ скорѣй сокрыть его гдѣ-нибудь: «молю богами, или убейте, или въ море бросьте, чтобъ не видѣть больше.» Креонтъ, отвѣчаетъ хоръ, можетъ устроить это дѣло, такъ какъ «одинъ земли остался стражемъ.» Эдипу совѣстно передъ Креонтомъ: онъ такъ оскорбилъ его недавно. Но Креонтъ забылъ обѣду. Креонтъ принимаетъ участіе въ несчастливцѣ царѣ. Эдипъ проситъ Креонта подвергнуть его, отцеубійцу, изгнанію, а дочерей призрѣть: «о дочеряхъ моихъ несчастныхъ, жалкихъ, ты позаботься: имъ никогда не ставили обѣда безъ меня, но что ѣлъ самъ, все то дѣлилъ я съ ними.» Эдипъ проситъ позволенія коснуться до дочерей руками. Благородный Креонтъ уже заранѣе устроилъ это.

Эдипъ.

Будь счастливъ и за этотъ шагъ одинъ;
Пусть богъ хранитъ тебя, не какъ меня!
О дѣти, гдѣ вы, гдѣ? Сюда, ко мнѣ,
Къ рукамъ моимъ, какъ брата, подойдите!
Родившаго отца взоръ прежде свѣтлый
Вотъ какъ онѣ вамъ нынѣ дали видѣть!
Отца, который васъ родилъ, не зная,
Отъ той, которою былъ самъ рожденъ!
Не вижу васъ, но плачу я объ васъ,
Когда подумаю, какъ вамъ придется
Прожить съ людьми остатокъ горькой жизни.
Въ какое общество пойдете гражданъ?
На праздники какіе вы пойдете,
Чтобъ съ праздникомъ, не съ плачемъ въ домъ вернуться?
Когда жъ достигнете вы лѣтъ замужества,
Найдется-ль, дѣти, человѣкъ такой,
Который бы сталъ выше предразсудка
И принялъ бы сей пагубный позоръ,

Приросшій къ тѣмъ, которые меня,
И къ тѣмъ, которые родили васъ.
Какого зла не достаетъ еще?
Отца убилъ отецъ вашъ и потомъ
Онъ съ матерью своей прижилъ дѣтей.
Упреки въ томъ придется слушать вамъ.
И кто жъ возьметъ васъ за себя? Никто.
Безъ брака, безъ дѣтей умрете вы.
О Менекея сынъ! Когда мы оба,
Которые родили ихъ, погибли,
И ты одинъ отецъ имъ остаешься;
Не брось ты ихъ — онѣ тебѣ родны —
Безъ мужа, въ бѣдности чтобъ не скитались,
И не сравняй съ моей и ихъ судьбу,
Но пожалѣй, въ такихъ ихъ видя лѣтахъ,
Всего лишенныхъ, лишь въ тебѣ одномъ
Имѣющихъ надежду всю. О дѣти!
Когда бъ имѣли вы и смыслъ и разумъ,
Я много бъ вамъ сказалъ. Теперь одно
Мнѣ остается пожелать, чтобъ вамъ
Досталась лучше жизнь, чѣмъ жизнь отца.

КРЕОНТЪ.

Довольно слезъ. Иди теперь въ свой домъ.

ЭДИПЪ.

Я повинуюсь, хоть не сладко мнѣ.

КРЕОНТЪ.

Все въ пору хорошо.

ЭДИПЪ.

Но знай же ты,
Съ чѣмъ я пойду.

КРЕОНТЪ.

Скажи, и буду знать.

ЭДИПЪ.

Съ тѣмъ чтобъ меня ты выслалъ изъ земли.

КРЕОНТЪ.

Ты требуешь того, что въ волѣ бога.

ЭДИПЪ.

Вѣдь ненавистенъ я богамъ, то видно.

КРЕОНТЪ.

Такъ тѣмъ скорѣй исполнится желанье.

ЭДИПЪ.

Ты думаешь?

КРЕОНТЪ.

Чего не думаю,
Я не люблю напрасно говорить.

ЭДИПЪ.

Такъ уведи меня теперь отсюда.

КРЕОНТЪ.

Иди, но отпусти дѣтей.

ЭДИПЪ.

Молю,
Не отнимай ихъ у меня.

КРЕОНТЪ.

Нельзя.
Всего не требуй ты. И то, чѣмъ ты
Уже владѣлъ, не вѣкъ съ тобой осталось. *(Всѣ уходятъ).*

ХОРЪ

(поетъ, обращаясь къ зрителямъ и удаляясь изъ оркестры).

О согражданe Ѳивяне, вы смотрите, какъ Эдипъ
Унесенъ потокомъ бурнымъ страшной, бѣдственной волны!
А умѣлъ рѣшать загадки, былъ онъ высшій изъ людей,
И на счастье гражданъ нашихъ онъ безъ ревности смотрѣлъ.
Потому когда помыслишь ты о томъ послѣднемъ днѣ,
То не прежде звать счастливымъ смертнаго рѣшишься ты,
Какъ пройдетъ границу жизни, не извѣдавъ скорбныхъ бѣдъ!

(Занавѣсъ поднимается).

Шестаковъ.

Примѣч. — Слова профессора Кудрявцева: «Поколѣнія, которыхъ эстетическій вкусъ образовался на чтеніи первостепенныхъ художниковъ новаго

времени, какъ Гете и Вальтеръ-Скоттъ, едвали могутъ быть менѣе самыхъ современниковъ Софокла, чувствительны къ художественнымъ красотамъ его трагедіи. Художественность до такой степени вошла въ обычай нашего эстетическаго пониманія, что иногда, злоупотребляя этимъ именемъ, мы готовы бываемъ пропустить мимо глазъ и ушей многіе существенные недостатки произведенія: доказательство неопытности вкуса, который, схвативъ внѣшнимъ образомъ одно изъ главныхъ современныхъ опредѣленій изящнаго, никакъ не можетъ перейдти этой первой черты и равнодушно останавливается у самаго порога содержанія. Но по счастью есть въ современной критикѣ другой элементъ, собственно гуманическій, который освобождаетъ ее отъ односторонности чисто формальнаго воззрѣнія. Оставляя пока въ сторонѣ прямо художественныя достоинства «Эдипа царя», попробуемъ и мы войдти въ кругъ тѣхъ идей, на которыхъ главнымъ образомъ держится какъ нравственный характеръ самого Эдипа, такъ и существенный интересъ всего дѣйствія. Быть можетъ, намъ удастся такимъ образомъ показать на этомъ произведеніи, сверхъ прогресса чисто художественнаго, и успѣхи нравственнаго сознанія между современниками величайшаго изъ трагиковъ классической древности.

«Поражаетъ прежде всего своими особенностями характеръ главнаго дѣйствующаго лица. Возвратившись къ нему еще разъ послѣ внимательнаго чтенія, мысль читателя напрасно ищетъ другаго, параллельнаго ему явленія во всей предшествующей литературѣ. Эдипъ не знаетъ себѣ предшественника въ Греческой поэзіи. Герои, которые были передъ нимъ, и большая часть послѣдовавшихъ за нимъ въ области Геллинскаго искусства, блистали юностью, красотою, необоримою силою, быстротою и ловкостью движеній; если же въ комъ лѣта и сокрушили первоначальную отвагу, тотъ находилъ еще много новыхъ средствъ для своей предпріимчивости въ изгибахъ своего многоопытнаго и изворотливаго ума. Или наконецъ онъ носилъ въ груди, какъ искру небеснаго огня, какъ залогъ высшаго бытія, неробкій духъ, который посмѣвался надъ всѣми усиліями судьбы связать его свободную волю и, даже находясь въ узахъ, гордо, самонадѣянно продолжалъ вызывать на бой сверхъестественныя силы. Въ одномъ Эдипѣ нѣтъ никакаго внѣшняго блеска, да недолго приходится ему хвалиться и внутренними достоинствами. Поднявшись въ образѣ Промееея до самаго высокаго идеала, Греческое искуство какъ-будто вдругъ потеряло равновѣсіе и пало въ лицѣ его ниже своихъ первыхъ зачатковъ. Посмотрите на Эдипа, какимъ знаетъ его трагическая муза; всмотритесь особенно въ его внѣшнюю постановку: онъ ужъ давно изжилъ лучшіе годы своей жизни; онъ не только мужъ, но и отецъ довольно значительной семьи; съ самаго зарожденія отмѣченный рукою судьбы, онъ испыталъ на себѣ много превратностей, но не вынесъ изъ нихъ ни тонкости ума Улисса и его знанія людей, ни Пріамова благодушія. До тѣхъ поръ, пока ему не открыли глазъ, онъ не подозрѣваетъ ни своего преступленія, ни своего несчастія. Когда бы надобно было оправдывать себя, онъ нагло, безъ всякихъ доказательствъ, обвиняетъ другихъ. Удостовѣрившись потомъ изъ непреложныхъ свидѣтельствъ, что сама истина говорила устами его мнимыхъ клеветниковъ, онъ не находитъ въ себѣ довольно мужества и спокойствія, чтобы терпѣливо перенести тяжелое испытаніе, и самъ налагаетъ на себя руки. Есть на памяти Ѳивянъ одно славное дѣло Эдипа, которое доставило ему и самую власть надъ ними: это былъ подвигъ не столько физической силы, сколько ума прозорливаго, которому Ѳивы одолжены были своимъ спасеніемъ отъ злаго и безпощаднаго чудовища; но та счастливая прозорливость какъ-будто прошла вмѣстѣ съ лѣтами Эдипа и оставила по себѣ мѣсто въ душѣ его

лишь ложной самонадѣятельности. Трагедія очевидно знала Эдипа цвѣтущаго молодостью и душевными силами, но она предпочла Эдипа въ половину уже отжившаго и неспособнаго болѣе спасти не только свой народъ, но и самого себя отъ отяготѣвшей надъ нимъ судьбы. Зачѣмъ такое предпочтеніе?

«Еще больше поражаетъ выборъ самаго дѣйствія, составляющаго главное содержаніе трагедіи и, такъ сказать, ея душу. Софоклъ не изобрѣлъ его самъ, какъ вообще Греческіе художники не выдумывали изъ своей головы сюжета для своихъ произведеній, но взялъ, или, лучше сказать, выбралъ его изъ мѣстныхъ преданій полумиѳическаго свойства. Что же на этотъ разъ привлекло къ себѣ его воображеніе? Это не подвигъ юнаго, предпріимчиваго героизма, ищущаго себѣ славы или добычи, какихъ не мало въ древнихъ преданіяхъ о героическихъ временахъ Греціи; это и не высокій гражданскій подвигъ, направленный на защиту родной страны, ея правъ и самостоятельности и требующій отъ подвижниковъ личнаго самоотверженія, это наконецъ и не одно изъ тѣхъ кровавыхъ дѣлъ семейной вражды и мести, которыя узаконены были почти всею древностію не только какъ право, но и какъ одна изъ первыхъ обязанностей человѣка, и долгое время занимали самое видное мѣсто между любимыми темами Греческой драматической поэзіи. Въ нашей трагедіи, напротивъ, все дѣйствіе основано на такомъ событіи, въ которомъ, вольно или невольно, попраны самыя священныя права, нарушены и оскорблены самыя первыя обязанности человѣка, напечатлѣнныя въ немъ самою природою и навсегда утвержденныя его же разумомъ, однимъ словомъ, на событіи, которое оставляло на совѣсти дѣйствующаго лица самую тяжелую нравственную отвѣтственность, какъ самое непотребное изъ человѣческихъ преступленій. По древнему преданію, Эдипъ при первой встрѣчѣ убилъ собственною рукою неузнаннаго имъ отца и потомъ еще на вѣки запятналъ себя кровосмѣшеніемъ съ своею матерью, имъ также неузнанною. Если миѳическое сознаніе и могло вмѣстить въ себѣ подобные вымыслы, то какое наслажденіе они могли доставить поэтической фантазіи? Между тѣмъ весь «Эдипъ-царь», отъ перваго явленія и до послѣдняго, есть не что иное, какъ художественное развитіе фатальныхъ слѣдствій несчастнаго и ничѣмъ неизгладимаго преступленія. Къ дѣйствію, уже совершившемуся, здѣсь присоединяется другое равно неотвратимое, которое мало-по-малу вскрывается въ душѣ, въ самомъ сознаніи невольнаго преступника: вина сама ведетъ за собою свои неизбѣжныя слѣдствія. Еще не касаясь лично виновника, они сначала подходятъ къ нему только издали, проступаютъ въ его окруженіи. По винѣ Эдипа, городъ Ѳивы постигнутъ страшною язвою. Религіозное изслѣдованіе причины общенароднаго бѣдствія скоро наводитъ слѣдователей на ужасное подозрѣніе. Напрасно душа Эдипа возмущается при мысли о томъ, что есть дерзкіе языки, которые позволяютъ себѣ выражать сомнѣніе въ его чистотѣ и невинности: ему не уйдти отъ роковаго сознанія, какъ не ушелъ онъ прежде отъ предназначеннаго ему преступленія. Чѣмъ больше онъ усиливается, передъ самимъ собою и передъ глазами страдающаго за него народа, освободиться отъ чернаго подозрѣнія, способнаго убить всякое душевное спокойствіе, тѣмъ съ большею силою вторгается оно во внутреннія убѣжища его совѣсти и навязываетъ ей себя какъ ничѣмъ неизмѣнимое убѣжденіе. Напрасно Эдипъ, поколебавшись въ своихъ собственныхъ мысляхъ, ищетъ себѣ послѣдней опоры въ показаніяхъ очевидцевъ преступленія или его современниковъ. Чѣмъ болѣе онъ выпытываетъ отъ нихъ, тѣмъ поразительнѣе возстаетъ предъ нимъ образъ преступника, и, всматриваясь въ него, онъ все больше и больше распознаетъ въ немъ свои собственныя черты. Пе-

реживъ съ Эдипомъ всѣ его сомнѣнія, зритель долженъ еще присутствовать при раздражающемъ сердце зрѣлищѣ, какъ погибаетъ, подъ неизбѣжнымъ давленіемъ рока, самое глубокое чувство невинности, и вмѣстѣ съ нимъ рушится вѣра во внутреннее достоинство человѣка. Хаоса чувствъ, наступающая послѣ такой страшной катастрофы, не въ состояніи вынести никакая личность, хотя бы и много уже испытанная жизнію,—и зритель, прошедши одно за другимъ всѣ потрясенія Эдиповой души, въ заключеніи долженъ узнать, что преступникъ, разбитый внутренними терзаніями, наконецъ объявляетъ вражду самъ противъ себя и казнитъ себя лишеніемъ дневнаго свѣта, какъ еслибы душевный мракъ былъ при немъ еще невыносимѣе. Жизнь остается Эдипу, тяжелая, страдальческая жизнь, лишенная всякой отрады; но и зритель, присутствовавшій при всемъ дѣйствіи, что выноситъ изъ него, кромѣ этого несчастнаго образа, неумолимо преслѣдуемаго рокомъ, во враждѣ съ самимъ собою, разорвавшаго почти всѣ связи съ обществомъ людей, съ природою, и погруженнаго лишь въ безъисходный мракъ своего отчаянія? Что еще, кромѣ самыхъ тяжелыхъ впечатлѣній, можетъ оставить въ душѣ его подобное драматическое представленіе?

«Художникъ воленъ былъ избрать тотъ или другой предметъ въ обширной области миѳическихъ и историческихъ преданій, которая была открыта его воображенію. Почему было ему не остановиться на предметѣ, если не болѣе увлекательномъ, по крайней мѣрѣ болѣе возвышающемъ душу, болѣе способномъ поддержать въ ней вѣру въ нравственное достоинство человѣка? Примѣръ почти всѣхъ предшествующихъ художниковъ могъ бы, кажется, служить ему прекраснымъ поощреніемъ. Далеко неистощивши всего поэтическаго матеріяла, они однако открыли дорогу своимъ послѣдователямъ и установили образцы. Хотѣлъ ли Софоклъ тѣмъ сильнѣе впечатлѣть въ воображеніи зрителей идею неумолимой судьбы и показать имъ хотя на одномъ разительномъ примѣрѣ, что съ нею не въ силахъ бороться никакая человѣческая рѣшимость? Болѣе чѣмъ сомнительно. Идея судьбы и безъ Софокла довольно прочно заложена была въ религіозномъ сознаніи Грековъ. Она-то произвела мрачное сказаніе о безсознательныхъ преступленіяхъ Эдипа, гораздо прежде, чѣмъ оно сдѣлалось предметомъ художественной обработки. Притомъ же не оно само составляетъ главный предметъ дѣйствія, а его отдаленныя слѣдствія. Въ Гамлетѣ тоже довольно подробно разсказывается смерть его отца, но никто конечно не смѣшаетъ этого разсказа съ самымъ дѣйствіемъ, которому онъ служитъ лишь необходимымъ драматическимъ поводомъ, или основаніемъ для завязки. Чтобы изобразить неотвратимую силу рока (если ужъ это было непремѣнно нужно), Софоклъ не могъ ничего лучше сдѣлать, какъ представить въ дѣйствіи первую и самую важную часть сказанія. Здѣсь въ очію совершается то, что послѣдующая часть подразумѣваетъ какъ давно прошедшее. Въ трагедіи также есть внѣшнее дѣйствіе, но надъ нимъ беретъ рѣшительный перевѣсъ внутреннее, которое въ то же самое время происходитъ въ сознаніи главнаго дѣйствующаго лица. Взявши въ соображеніе послѣднее, и ту катастрофу, которою оно разрѣшается, нетрудно удостовѣриться, что результатъ этого дѣйствія совсѣмъ иной, нежели тотъ, какого мы въ-правѣ были бы ожидать отъ трагедіи, еслибы она выражала собою идею судьбы. Убѣдившись въ неумолимости рока, въ неотмѣнимости его предопредѣленій, зачѣмъ бы было Эдипу такъ терзать себя? Еслибы въ немъ не брало перевѣсъ иное чувство, иное сознаніе, онъ могъ бы сослаться на ту же самую неумолимость рока и успокоиться. И такъ позволительно думать, что побужденія совсѣмъ инаго рода руководили худо-

жникомъ древности, когда онъ избралъ Эдипа темою для одного изъ своихъ драматическихъ произведеній.

«Новые примѣры нерѣдко могутъ быть употреблены съ пользою для объясненія древнихъ. Мы воспользуемся этимъ правиломъ въ приложеніи къ искусству. Говоря вообще, было бы очень странно думать, что искусство, заимствуя свой матеріалъ отъ преданія, удерживаетъ и его воззрѣніе на предметъ, не видитъ ничего далѣе ни въ лицахъ, ни въ событіяхъ. Такое понятіе отнимаетъ у искусства всякую внутреннюю самостоятельность, и оставляя за нимъ привилегію техническаго превосходства, пластики, въ нравственномъ отношеніи впрочемъ ставитъ его совершенно на одной степени съ младенчествующимъ преданіемъ. Всякій, знакомый съ старымъ преданіемъ о Гамлетѣ, хорошо знаетъ, какъ далеко ушелъ отъ него извѣстный художественный типъ, также носящій имя Гамлета, не смотря на то, что внѣшнія черты событія остались почти однѣ и тѣ же въ разсказѣ и въ драмѣ. Тамъ, гдѣ преданіе больше всего занимала мысль о кровавой мести, поэтъ, предупреждая самое время, первый замѣтилъ неясныя черты весьма важнаго и въ высокой степени интереснаго психическаго явленія, на которое до него едва существовали темные намеки, и которое гораздо позже, вслѣдствіе особенностей историческаго развитія, сдѣлалось довольно обыкновенною нравственною болѣзнію въ Европейскомъ обществѣ. Нисколько не касаясь вопроса объ исторической вѣроятности, или невѣроятности событія, Шекспиръ взялъ его для себя, какъ поразительный фактъ, и подъ широкою тканію внѣшняго дѣйствія психическими чертами изобразилъ то глубокое внутреннее распаденіе между сознаніемъ и волею человѣка, котораго онъ же уловилъ самые первые признаки. Однажды понявши Гамлета, мы поняли лучше всѣхъ философскихъ опредѣленій одно изъ самыхъ оригинальныхъ явленій нравственной человѣческой природы. Никто, безъ сомнѣнія, не будетъ оспаривать, что Гамлетъ, какъ герой драмы, лишенъ блеска; но кто же не согласится и въ томъ, что даже во всей области новаго искусства не много еще можно указать типовъ, которые бы равнялись съ нимъ во внутренней занимательности?

«Время кладетъ свою печать на все—на искусство столько же, сколько и на самую жизнь. Отсюда то глубокое различіе, которое проходитъ въ характерѣ древняго и новаго искусства. Въ сущности впрочемъ натура искусства неизмѣнно остается одна и та же. Что сказали мы объ отношеніи его къ преданію въ новое время, то же самое безъ труда можетъ быть приложено и къ древнему художнику. Софоклъ не былъ бы художникомъ въ лучшемъ и истинномъ смыслѣ слова, еслибы не умѣлъ стать — своею мыслію и всѣмъ созерцаніемъ — выше преданія, которое доставляло ему первый грубый матеріалъ для его поэтической производительности. Эдипъ преданія и Эдипъ трагедіи конечно одно и то же лицо: между тѣмъ не надобно имѣть много особеннаго тонкаго смысла, чтобы узнать въ послѣднемъ собственное созданіе Софокла. Безспорно, что выборъ сдѣланъ былъ художникомъ внѣ обыкновенныхъ условій, такъ что съ перваго раза можетъ показаться довольно своенравнымъ. Эдипъ преданія, какъ и Гамлетъ, не блеститъ никакими внѣшними качествами; не видно также, чтобы оно приписывало ему и высокія доблести душевныя; наконецъ, что касается до его положенія, оно также не можетъ быть названо привлекательнымъ. Нельзя не сознаться и въ томъ, что искусство Софокла, избравши себѣ такой предметъ, тоже ничего не сдѣлало съ своей стороны, чтобы поднять Эдипа въ этомъ отношеніи: трагедія не позволила себѣ съ нимъ никакого превращенія, напримѣръ хоть бы въ родѣ того, какому под-

верглось лице Эгмонта подъ руками новаго поэта. Пройдя черезъ мастерскую древняго художника, Эдипъ вышелъ безъ всякихъ прикрасъ. Пусть такъ, — и мы готовы со всею силою настаивать на это положеніе, но что отсюда слѣдуетъ? То, очевидно, что художникъ вовсе и не думалъ о прикрасахъ, нисколько не заботился придать внѣшній блескъ герою своей трагедіи, что слѣдовательно мысль его работала надъ иного рода задачею: потому что никто же конечно не подумаетъ, что работа его не была проникнута никакою особенною мыслію. Возьмемъ героя трагедіи такъ, какъ онъ есть — безъ внѣшняго блеска, безъ высокихъ душевныхъ доблестей, безъ всякихъ преувеличеній: неужели въ немъ не останется ничего такого, что бы могло привязать къ нему интересъ мыслящаго человѣка? Нельзя поручиться за современниковъ не только Гомера, но даже и Геродота: другіе идеалы занимали ихъ воображеніе; несчастія Эдипа могли возбудить ихъ любопытство, но личный характеръ его едвали могъ удовлетворить требованіямъ ихъ вкуса. Рѣдкій успѣхъ Софокла между его современниками доказываетъ, напротивъ, что они уже достаточно созрѣли для того, чтобы прямо наслаждаться его оригинальными поэтическими созданіями и можетъ-быть даже отдавать имъ предпочтеніе передъ прежними. Интересъ, который привязывалъ автора къ лицу, имъ созданному, живо отзывался и въ нихъ. Эдипъ не могъ занять ихъ тѣмъ, чего въ немъ не было, — что не вложено было въ него ни преданіемъ, ни искусствомъ художника: итакъ Эдипъ долженъ былъ привязать къ себѣ ихъ интересъ именно тою стороною, которой мы не находимъ близкой параллели во всемъ предшествующемъ искусствѣ. Это сторона нравственная, иначе говоря, Эдипъ могъ занять ихъ воображеніе развѣ только какъ нравственный характеръ. Съ этой точки зрѣнія удивительно какъ оправдывается выборъ художника. Для подобной мысли въ самомъ дѣлѣ трудно было найдти другое лице, которое бы по самой натурѣ своей было больше способно служить ей полнымъ и яснымъ выраженіемъ. Еслибы зритель и старался отыскать въ личности Эдипа другую сторону, которою бы могъ занять свое воображеніе, онъ не достигъ бы своей цѣли безъ обмана передъ самимъ собою, безъ натяжекъ во вредъ истинѣ. Эдипа какъ ни поворотн, но, послѣ того какъ совершено его безсознательное преступленіе, онъ занимателенъ лишь тѣми сильными потрясеніями и переворотами, которые происходятъ въ самой душѣ его, въ рѣшеніяхъ воли его, однимъ словомъ, въ нравственномъ его состояніи. Кто не почувствовалъ интереса къ этимъ явленіямъ въ духовной природѣ Эдипа, тотъ далекъ еще отъ того, чтобы войдти въ мысль поэта и понять истинныя красоты трагедіи.

«Путемъ весьма естественнаго развитія Гелленское сознаніе дошло до той высокой точки, на которой явленія внутренней природы человѣка получаютъ гораздо болѣе цѣны для испытующей мысли, чѣмъ блестящія дѣла внѣшнія, и становятся на первомъ планѣ въ искусствѣ. Софоклу принадлежитъ честь перваго производителя, который усвоилъ искусству это важное направленіе, впервые отъискавъ вполнѣ соотвѣтствующій ему образъ. На той же самой дорогѣ находился и его ближайшій предшественникъ, но, увлекаемый высокимъ полетомъ своей мысли, Эсхилъ иногда уносился слишкомъ далеко отъ земли; величайшій образъ, созданный его исполинскимъ воображеніемъ, не только своимъ происхожденіемъ, но и своими наклонностями скорѣе обличаетъ въ себѣ натуру титана, нежели человѣка. Искусство слишкомъ долго пребывало въ сферѣ боговъ и боговидныхъ героевъ; пора было ему наконецъ низойти до обыкновенной человѣческой дѣятельности и въ ней поискать новаго матеріала, достойнаго занять мысль художника и вдохновить

трудъ его. Никто не перешелъ этой черты съ такою рѣшимостію, какъ авторъ Эдипа. Только глубокій поэтическій тактъ могъ навѣсти его на предметъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшій умственнымъ потребностямъ его современниковъ, и внушить ему смѣлость подобнаго выбора. Говоря, что Софоклъ нашелъ въ лицѣ Эдипа образъ, который могъ служить для его мысли самымъ полнымъ выраженіемъ, мы можетъ быть не совсѣмъ точно выразили нашу собственную мысль. Мы вовсе не хотѣли сказать, употребляя этотъ столько обыкновенный оборотъ рѣчи, что Софоклъ дошелъ до своего выбора посредствомъ яснаго сознанія одной изъ важнѣйшихъ цѣлей искусства; наша мысль была только та, что въ Эдипѣ, какимъ представляетъ его преданіе, Софоклъ съ удивительною мѣткостію взгляда угадалъ возможность того характера, который онъ потомъ съ такимъ совершенствомъ воспроизвелъ въ своей трагедіи: процессъ совершенно однородный съ тѣмъ, посредствомъ котораго творческій геній Шекспира открылъ своего Гамлета въ убогомъ преданіи, съ которымъ онъ познакомился, прежде чѣмъ замыслилъ свое безсмертное произведеніе. Дѣлаемъ эту оговорку, чтобы кто не подумалъ, что въ произведеніяхъ Софокла мы видимъ плодъ дѣятельности столько же философической, сколько и поэтической. Наше убѣжденіе то, что натура Софокла, какъ и вся его дѣятельность, есть чисто художническая, безъ всякой посторонней примѣси.

«Нравственный характеръ, какъ и героическій, узнается въ дѣйствіи. Не то лице называемъ мы нравственнымъ, которое имѣетъ прекрасныя правила и гласно ихъ высказываетъ, но то, которое въ поведеніи своемъ прежде всего руководствуется нравственными побужденіями, хотя бы впрочемъ они и не были ясно выговорены. Побужденія будутъ нравственны, когда внушены чувствомъ истины, добра и правды. Тотъ особенно достигаетъ въ нашихъ глазахъ идеала житейской нравственности, въ комъ потребность истины и правды беретъ перевѣсъ надъ всѣми другими чувствами, кто въ рѣшительныя минуты жизни не задумается пожертвовать ей своими собственными интересами, ни даже своею личною безопасностью. Впрочемъ, какъ отказать въ нравственномъ характерѣ и тому, въ комъ первая мысль, слѣдующая за сознаніемъ вины, есть необходимость добровольнаго очищенія (экспіаціи), хотя бы оно сопряжено было съ тяжкими и ничѣмъ не вознаградимыми лишеніями? Древніе, какъ ни превратны были во многомъ ихъ понятія, также знали нравственные инстинкты, и нельзя сказать, чтобы эти инстинкты оставались совершенно безплодны между ними. Не все страсть къ пріобрѣтенію, любовь къ славѣ, жажда мщенія: имъ знакомы были и другія, высшія и благороднѣйшія побужденія, какъ-то патріотизмъ, гражданская честь, наконецъ любовь къ истинѣ. Въ древнемъ Греческомъ искусствѣ никто столько, какъ Софоклъ, не былъ чувствителенъ къ этимъ струнамъ практической жизни, никто не ввелъ этого элемента въ такомъ широкомъ объемѣ въ свои поэтическія произведенія. Здѣсь получаетъ свое полное значеніе и то дѣйствіе, которое составляетъ главное содержаніе нашей трагедіи. Ничего нельзя было лучше придумать, чтобы, остановившись на извѣстномъ лицѣ, дать несомнѣнную пробу его нравственнаго характера, если не въ смыслѣ высокаго идеальнаго совершенства, то въ смыслѣ духовной природы, которой врождены нравственные инстинкты. Герой трагедіи, даже взятый со внутренней своей стороны, дѣйствительно человѣкъ не безъ слабости и недостатковъ. Если онъ по природѣ своей чуждъ несправедливости, то не чуждъ самонадѣянности, которая почти не менѣе первой ведетъ къ разнымъ излишествамъ; если онъ отечески любитъ свой народъ и вполнѣ сочувствуетъ ему въ бѣд-

ствіи, то онъ также подверженъ самолюбію, и нѣтъ для него оскорбленія чувствительнѣе того, которое устремлено противъ него лично: въ такомъ случаѣ онъ способенъ увлечься до несправедливаго гнѣва, до забвенія всякой умѣренности и благоразумія. Вообще, въ немъ есть мѣсто страсти и ея увлеченіямъ. Нельзя быть чувствительнѣе Эдипа къ собственной чести, нетерпѣливѣе въ желаніи сбросить всякую тѣнь подозрѣнія съ своего добраго имени: онъ не довольствуется внутреннимъ чувствомъ правоты, но болѣзненно раздражается всякій разъ, какъ только слышитъ упрекъ или нареканіе себѣ со стороны, и не успокоиваясь, идетъ до послѣднихъ предѣловъ возможной повѣрки, такъ что наконецъ самъ съ ужасомъ видитъ себя въ самомъ безвыходномъ положеніи лицемъ къ лицу съ преступленіемъ. Но этимъ самымъ онъ и впадаетъ въ настоящую трагическую коллизію, здѣсь-то собственно и должно раскрыться, въ какой степени онъ владѣетъ нравственными силами. Дѣло тутъ не столько въ самомъ преступленіи, которое, когда еще открывается дѣйствіе, есть уже достояніе минувшаго, сколько въ томъ, какъ относится къ нему совѣсть преступника: коллизія совершенно внутренняя. Внѣшняя же постановка Эдипа не такова, чтобы, совершивъ преступленіе, онъ, волею или неволею, но неизбѣжно принужденъ былъ понести на себѣ и всю тяжесть наказанія. Важно то, что въ немъ самомъ есть голосъ, который, сильнѣе всѣхъ внѣшнихъ понужденій, требуетъ отъ него, по сознаніи вины, и строжайшаго возмездія за нее. Это голосъ, заложенный въ самой природѣ человѣка, не подавленный и самою страстію. Въ немъ-то заключалось главное понужденіе для Эдипа—подвергнуть себя тому ужасному лишенію, которое должно было отравить всю остальную жизнь его. Можно бы даже утверждать, что та же самая сила, хотя косвенно, участвовала и въ предыдущемъ непреклонномъ рѣшеніи Эдипа—во что бы то ни стало разогнать всякую тѣнь сомнѣній относительно своего добраго имени, дойдти до самаго источника обвиненій,—рѣшеніи, которое такъ много способствовало къ тому, чтобы приблизить катастрофу. Что же такое была эта сила? неумолимый ли рокъ, который постоянно увлекалъ Эдипа въ одномъ направленіи къ назначенной напередъ развязкѣ, или другая, равно неотступная, но болѣе внутренняя и потому гораздо болѣе близкая человѣческому сознанію, какова напримѣръ, сила нравственнаго чувства? Отвѣтъ могъ бы быть сомнителенъ, еслибы мы имѣли дѣло съ чистымъ миѳическимъ сказаніемъ; но какъ скоро оно прошло черезъ руки художника и пропиталось его собственною мыслію, едва ли мы будемъ въ-правѣ отказаться въ нашемъ толкованіи отъ разумнаго, что одинаково доступно и нашей мысли и нашему внутреннему чувству, и отдать свой голосъ въ пользу слѣпаго и случайнаго, въ томъ предположеніи, что оно управляетъ извнѣ самою волею человѣка. Или, въ нашемъ пониманіи искусства, поэтическая дѣятельность ограничивалась бы только одною внѣшнею обработкою даннаго матерьяла, безъ всякаго отношенія къ внутреннему его смыслу. Весьма замѣчательно, что древнее сказаніе, которое послужило основою «Эдипу», вовсе не знало той страшной развязки, которою оканчивается трагедія: такъ въ «Эдиподіи», одномъ эпическомъ произведеніи древности, которое все было посвящено дѣламъ Эдипа, разсказывалось, что онъ не только пережилъ безъ особенныхъ потрясеній смерть первой своей жены, но еще женился на другой, отъ которой имѣлъ четырехъ дѣтей; тотъ же образъ представленія усвоила себѣ и Греческая живопись (Исторія Греціи, Грота. 1, гл. XIV). Неизбѣжныя послѣдствія преступнаго сознанія въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ въ подробности развиты только драматическою поэзіею. Ясно, что эпическое, равно какъ и миѳическое сознаніе занято

было преимущественно внѣшнимъ дѣйствіемъ и оставалось довольно равнодушнымъ къ тому, что въ тоже самое время происходило въ самой душѣ героя легенды, между тѣмъ какъ трагическая муза обратила главное свое вниманіе на нравственныя явленія; иначе мы не могли бы объяснить себѣ, почему художникъ рѣшился на такое значительное измѣненіе въ первоначальномъ сказаніи и позволилъ себѣ развить несчастныя послѣдствія преступленія совершенно по своему. Вообще трагедія въ Греціи предполагаетъ новую важную степень въ развитіи Геллинскаго сознанія: герой древней легенды только и могъ имѣть для него занимательность, какъ лице нравственное. Здѣсь же, по нашему мнѣнію, и тайна того участія, которое судьба его, хотя и преступника, возбуждаетъ даже въ зрителѣ новаго времени. Эдипъ, дѣйствующій въ счастіи и несчастіи лишь какъ слѣпое орудіе судьбы, теряетъ всякую цѣну, не заслуживаетъ даже простаго состраданія; только какъ человѣкъ, до послѣдней минуты движимый побужденіями болѣе или менѣе нравственными, имѣетъ онъ полное право на сочувствіе зрителей въ своихъ дѣйствіяхъ и еще болѣе въ своемъ добровольномъ наказаніи. Пусть впечатлѣніе отъ безпримѣрныхъ несчастій Эдипа и будетъ подавляющее: въ глубинѣ души зрителя тѣмъ не менѣе остается возвышающее чувство, что въ природѣ человѣка живутъ ничѣмъ неизгладимые инстинкты истины и правды, которыхъ не заглушатъ никакія несчастія, ни даже самые жестокіе удары судьбы.

«Взглянемъ на подробности.— Ничего не можетъ быть умилительнѣе первой сцены, которою открывается дѣйствіе въ нашей трагедіи. Поэтическое воображеніе рѣдко было счастливѣе на изобрѣтеніе. Постигнутый роковымъ бѣдствіемъ, цѣлый городъ курится умилостивительными жертвами. Въ храмахъ поютъ священные гимны, но ихъ часто нарушаютъ жалобные вопли. На площади, передъ царскимъ домомъ, собралась вмѣстѣ съ жрецами и старцами цѣлая толпа дѣтей и юношей. Это лучшій цвѣтъ народа, но они сошлись сюда не для торжества; съ масличными вѣтвями въ рукахъ стоятъ они вокругъ алтарей, многіе сидятъ на ступеняхъ ихъ, въ ожиданіи Эдипа. Юныя сердца ихъ исполнены глубокаго унынія. Ни откуда не видя спасенія, они пришли повѣрить свою скорбь и свое отчаяніе тому, кто уже былъ однажды спасителемъ города, и услышать отъ него утѣшительное слово. Никто изъ смертныхъ не пользовался между Ѳивянами равною довѣренностію, ни равнымъ уваженіемъ; къ нему привыкли они прибѣгать въ трудныя минуты народнаго бѣдствія, укрываться подъ его покровомъ отъ ударовъ судьбы. Онъ не измѣнитъ имъ и теперь. Стоны и жалобы въ самомъ дѣлѣ вызываютъ его изъ глубины дома. Эдипъ выходитъ къ народу, привѣтствуетъ въ немъ дѣтей своихъ и съ нѣжнымъ участіемъ отца освѣдомляется о томъ, какія нужды привели ихъ къ его порогу. Сердце его открыто состраданію и жалости; онъ готовъ помогать тѣмъ, кого признаетъ наравнѣ съ своими дѣтьми, во всѣхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, лишь бы это было въ его силахъ и въ его волѣ. Большаго доброжелательства въ свою пользу Ѳивяне ни отъ кого не могли требовать. Впрочемъ не въ эту только минуту, — Эдипъ давно уже тронутъ бѣдствіями своего народа. Не даромъ устремлены были на него взоры Ѳивянъ, привязаны къ нему послѣднія ихъ надежды. Прежде чѣмъ народъ позаботился самъ о себѣ, Эдипъ уже думалъ объ его страданіяхъ, втайнѣ плакалъ надъ его язвами. Въ широкомъ сердцѣ его нашлось довольно мѣста для общей печали; только умъ его долго не находилъ средствъ, чтобы отвратить карающую руку судьбы. Наконецъ чувство собственнаго безсилія заставило его прибѣгнуть къ Дельфійскому оракулу, и когда народъ, собравшійся на площади, передалъ ему устами Зевсова жреца исторію своего

бѣдствія, Эдипъ, изливши передъ нимъ свое доброе сердце, могъ по крайней мѣрѣ сказать ему въ утѣшеніе, что уже истекло время необходимое для возвращенія вѣстника, и недалекъ тотъ срокъ, когда имъ будетъ извѣстна мысль Аполлона. Едва только Эдипъ кончилъ свою рѣчь въ отвѣтъ на жалобы народа, какъ желаемый вѣстникъ дѣйствительно показывается вдали. Въ ожиданіи его, всѣ присутствующіе раздѣлены между страхомъ и надеждою. Наконецъ должны разрѣшиться всѣ тяжелыя сомнѣнія; но кто знаетъ, какова будетъ воля боговъ, возвѣщенная оракуломъ?

«Въ цѣломъ драматическомъ искусствѣ трудно указать другую вступительную сцену, которая бы такъ скоро вводила въ дѣйствіе и съ перваго же раза привязывала участіе зрителя къ главному дѣйствующему лицу. Интересъ вдругъ возбужденъ и общею картиною города, пораженнаго страшнымъ бѣдствіемъ, и тѣми почти нѣжными отношеніями, которыя, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства, остаются между народомъ и его повелителемъ, наконецъ самою неизвѣстностью выхода, котораго никто не въ состояніи предусмотрѣть. Всѣ подробности положенія выбраны такъ счастливо, что каждая изъ нихъ, дѣйствуя на воображеніе, еще больше говоритъ сердцу зрителя, затрогиваетъ его съ самой чувствительной стороны. Поэтъ какъ-будто имѣлъ въ виду гораздо позднѣйшее развитіе: всѣ интересы, пущенные здѣсь въ ходъ, есть интересы глубоко-человѣчественные. Надобно быть вовсе безъ сердца, чтобы не тронуться ни положеніемъ Ѳивянъ, ни тѣми отношеніями, которыя при этомъ случаѣ вскрываются во всей силѣ между Эдипомъ и его подданными. Интересныя сами по себѣ, они бросаютъ еще много свѣта на личный характеръ Эдипа. Какъ мы уже замѣтили и прежде, онъ точно не блеститъ никакими внѣшними качествами; не видно также въ немъ и того адамантоваго духа, который не гнется ни подъ какимъ испытаніемъ и только закаляется въ несчастіяхъ. Сердце Эдипа слишкомъ мягко, чтобы противустоять давленію внѣшнихъ обстоятельствъ; одинъ видъ человѣческихъ страданій приводитъ его въ безпокойство и смущеніе. Не по одному только долгу правителя, онъ сочувствуетъ своимъ подданнымъ въ несчастьи еще болѣе по своему доброму сердцу. Это его слабость, но она могла бы быть и предметомъ его гордости. Уже съ перваго раза любишь Эдипа, если не какъ героя, то какъ человѣка. Онъ плачетъ не за себя, но за участь города, чувствуя свое безсиліе облегчить его бѣдствія. Чтобы съ нимъ не случилось впередъ, но за это сердце можно поручиться заранѣе, что и при другихъ, можетъ еще болѣе трудныхъ испытаніяхъ, онъ не измѣнитъ своимъ превосходнымъ инстинктамъ и всегда сохранитъ право на нашу симпатію, хотя бы впослѣдствіи, по какимъ ни есть причинамъ, и поколебалось наше уваженіе къ лицу. Впрочемъ, узнавши Эдипа по первой сценѣ его съ Ѳивянами, нельзя, кажется, не отвергнуть напередъ, какъ клевету, всякое брошенное на него подозрѣніе. Не вѣрится, чтобы человѣкъ съ такимъ сердцемъ могъ когда-нибудь сдѣлаться преступникомъ.

«Во всей первой сценѣ поэтъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека на дѣйствительное преступленіе Эдипа. Если непосвященный зритель далекъ отъ подобной мысли, то самъ Эдипъ остается еще долѣе отъ малѣйшаго подозрѣнія о своей винѣ. Весьма тонкій и вѣрный художественный расчетъ. Допустимъ на минуту, что герой нашей трагедіи съ самаго начала носитъ въ душѣ подозрѣніе о своемъ, хотя и невольномъ, преступленіи: художественная задача потеряла бы по крайней мѣрѣ половину своей цѣны, по той простой причинѣ, что самая перспектива, на разстояніи которой должно происходить драматическое дѣйствіе, сократилась бы вдвое. Какая разница

для кисти художника—сдѣлать ли ровный переходъ отъ перваго подозрѣнія въ душѣ преступника до полнаго сознанія имъ своей вины, или пройдти черезъ всѣ неуловимые оттѣнки внутреннихъ состояній, которыя лежатъ въ промежуткѣ между невозмущаемою душевною ясностію, свойственною невинности, и глубокимъ внутреннимъ раздоромъ, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ терзаній совѣсти! Само собою разумѣется, что зритель потерялъ бы всего болѣе отъ этого ущерба психологическаго интереса. Но онъ потерялъ бы много еще и въ другомъ отношеніи. Лице, которому съ самаго начала недостаетъ совѣсти, можетъ быть очень важно, иногда даже необходимо въ драматическомъ дѣйствіи, какъ орудіе интриги, но ни въ какомъ случаѣ негодится быть героемъ трагедіи. Тамъ нѣтъ мѣста симпатіи, гдѣ не находится самаго перваго условія для нея. При чемъ бы остался зритель, еслибы ему съ перваго раза дали понятіе объ Эдипѣ, какъ о человѣкѣ, который боится за свою невинность, или что еще хуже, утратилъ самое чувство ея. Равнодушный къ лицу, онъ конечно не тронулся бы много и самою его судьбою.

«Но съ самаго появленія Эдипа на сценѣ ему уже обезпечена симпатія зрителя. Впередъ онъ охотно послѣдуетъ за своимъ любимымъ героемъ, каковы бы ни были перемѣны въ судьбѣ его. До сихъ поръ онъ знаетъ только, что Эдипъ любимъ народомъ и дѣйствительно заслуживаетъ этой любви по добрымъ качествамъ своего сердца: тѣмъ интереснѣе будетъ ему узнать другія свойства Эдипа и наблюдать за нимъ въ разныхъ обстоятельствахъ его жизни.

«Тиресій не заставляетъ долго ждать себя. Эдипъ тотчасъ обращаетъ къ нему свое привѣтливое слово. Нельзя быть внимательнѣе его къ чужимъ достоинствамъ, нельзя сказать болѣе лестнаго въ одномъ привѣтствіи. Онъ какъ-будто боится, чтобы прорицатель не оскорбился недостаткомъ уваженія къ нему и не отказался отвѣчать на предложенные вопросы. Каково же изумленіе Эдипа, когда Тиресій, не смотря на оказанное ему вниманіе, проситъ вмѣсто всякаго отвѣта, чтобы ему позволено было возвратиться домой! Напрасно царь и народъ заклинаютъ его именемъ отечества, которому угрожаетъ конечная гибель, подать имъ спасительный совѣтъ. Тиресій продолжаетъ упорствовать. Но Эдипъ не менѣе твердъ въ своемъ рѣшеніи. Тамъ, гдѣ не помогаетъ простое убѣжденіе, онъ готовъ дѣйствовать хоть силою своей власти. Оставить въ покоѣ прорицателя, уступая его странному упорству, не значитъ ли отступаться отъ самаго вѣрнаго средства открыть истину? И это необъяснимое упорство не въ состояніи ли уже само по себѣ возбудить подозрѣніе? Угроза, которою Тиресій прикрываетъ свое молчаніе, говоря, что излишняя пытливость можетъ быть очень пагубна въ этомъ случаѣ, лишь еще болѣе раздражаетъ любопытство. Эдипъ не въ состояніи болѣе удержать своего гнѣва; негодованіе начинаетъ говорить языкомъ его. Въ душѣ прорицателя затронуты самыя чувствительныя струны; не снося несправедливыхъ нареканій, онъ наконецъ также даетъ свободу своему языку. Образъ выраженія его становится все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе; вмѣсто прежнихъ неясныхъ намековъ, онъ прямо обращаетъ мысль Эдипа на его собственную жизнь, указывая на нее, какъ на предметъ, вполнѣ достойный его негодованія. Тому, кто не знаетъ въ своей жизни ни одного пятна, можно ли не возмутиться подобною дерзостью? Ему тотчасъ представляется, что за нею должно скрываться чувство виновности, которое, боясь быть выведеннымъ наружу, заблаговременно старается отвести вниманіе свидѣтелей въ другую сторону. Съ запальчивостію человѣка, который чувствуетъ себя глубоко оскорбленнымъ, Эдипъ открыто высказываетъ свое

подозрѣніе: если Тиресій не самъ убійца, то, навѣрное, онъ соумышленникъ убійства. Понятно, какъ могло родиться такое подозрѣніе; но не было бы еще достаточно причины дѣлать изъ него формальное обвиненіе. Здѣсь впервые открывается зрителю слабая сторона Эдипа; въ припадкѣ страсти, онъ не замѣчаетъ, что отыскивая правду, въ то же время самъ нарушаетъ ее своею несправедливостію къ другимъ; взявшись быть безпристрастнымъ судьею, онъ вмѣсто того становится обвинителемъ. Съ этой минуты зритель, какъ бы ни былъ убѣжденъ въ невинности Эдипа, начинаетъ терять увѣренность въ томъ, чтобы онъ могъ выдти чистъ изъ дѣла, къ которому приступилъ съ такою самонадѣянностію. И въ самомъ дѣлѣ, судьба какъ-будто только ждала этого фальшиваго шага съ его стороны. Какъ громъ раздается вѣщій голосъ прорицателя, повторяющій надъ головою самого Эдипа то проклятіе, которому онъ такъ торжественно обрекъ убійцу своего предшественника. Царь не вѣритъ своему слуху, мысль его, которой ясно все его прошедшее, не можетъ вмѣстить въ себѣ подобнаго безсмыслія. Нѣсколько разъ онъ повторяетъ свой вопросъ прорицателю: напрасный трудъ, — Тиресій не только не беретъ назадъ ни одного своего слова, — къ первому обвиненію онъ прибавляетъ еще новое. Въ мысли его нѣтъ болѣе ничего неопредѣленнаго или двусмысленнаго: безъ всякихъ околичностей, онъ уже положительно называетъ Эдипа цареубійцею и сверхъ того укоряетъ его въ преступныхъ связяхъ съ людьми кровными. Впрочемъ, что же до этого Эдипу, въ душѣ котораго ясно, какъ день, кромѣ негодованія, возбужденнаго въ немъ наглою клеветою лжепрорицателя? Какія еще нужны доказательства, что онъ имѣетъ дѣло съ безстыднымъ лжецомъ, который подъ личиной убожества скрываетъ самыя черныя намѣренія? Эдипъ презрѣлъ бы его безсильную дерзость, посмѣялся бы надъ его угрозами; но кто знаетъ, что за Тиресіемъ не скрывается другой, болѣе предпріимчивый и болѣе опасный врагъ? Злосчастная встрѣча! Безъ вины теряется спокойствіе Эдипа, онъ становится все подозрительнѣе, и вотъ уже мысль его обращается на Креонта. Этотъ безчестный нищій, безъ сомнѣнія, служитъ только орудіемъ его властолюбивыхъ видовъ; самъ же доволенъ будетъ и золотомъ, которое получитъ въ награду за свою низкую услугу. Но какова же сила зависти и любостяжанія надъ людьми, когда даже таковой вѣрный и испытанный другъ, какъ Креонтъ, не устоялъ противъ искушенія и рѣшился повести подкопъ подъ благосостояніе ближайшаго и довѣреннѣйшаго къ нему человѣка! И негодованіе, которымъ за минуту передъ тѣмъ былъ полонъ Эдипъ, уступаетъ весьма грустному чувству, внушаемому мыслію о непостоянствѣ всѣхъ человѣческихъ привязанностей. Человѣкъ онъ, какъ это видитъ всякій, и ничто человѣческое не чуждо ему: если онъ легко приходитъ въ гнѣвъ отъ незаслуженнаго упрека себѣ, то онъ же не можетъ безъ сожалѣнія подумать и о томъ, что другіе могутъ измѣнить своимъ человѣческимъ чувствамъ. Между тѣмъ новое соображеніе представляется Эдипу. Было же время, когда прорицатель — если только онъ не напрасно носилъ это имя — могъ съ пользою употребить свой даръ и избавить народъ отъ бѣдствія, разрѣшивши загадку чудовища: однако онъ тогда молчалъ и ничѣмъ не обнаружилъ своей прозорливости. Откуда же теперь взялось въ немъ такое вдохновеніе? Не ясный ли это знакъ, что подъ именемъ прорицателя скрывается злонамѣренный обманщикъ, который служитъ орудіемъ не менѣе злонамѣреннаго честолюбца? Въ послѣдній разъ, именемъ боговъ, Эдипъ заклинаетъ Тиресія показать передъ цѣлымъ народомъ, что онъ не ложно приписываетъ себѣ даръ провидѣнія, и къ своему ужасу и еще большему негодованію слышитъ въ отвѣтъ новое прорицаніе, которое

предвозвѣщаетъ ему злосчастную участь слѣпца и изгнаніе. Темно происхожденіе Эдипа: еще продолжая испытаніе, онъ требуетъ отъ прорицателя, чтобы тотъ по крайней мѣрѣ назвалъ ему по именамъ родившихъ его; но Тиресій, уклоняясь отъ прямаго отвѣта, говоритъ загадками и къ дерзости прибавляетъ еще насмѣшку, напоминая Эдипу, что когда-то онъ былъ такой мастеръ разгадывать самыя трудныя загадки. Тогда истощается терпѣніе царя; не возвращаясь болѣе къ своимъ обвиненіямъ, онъ приказываетъ только Тиресію немедленно удалиться съ глазъ своихъ и нисколько при этомъ не сомнѣвается въ умѣренности своего образа дѣйствій.

«Эдипъ съ нетерпѣніемъ ждетъ приближающагося стараго служителя Лая, который долженъ сказать ему всю истину его происхожденія. Во что бы то ни стало, онъ хочетъ вырвать у него послѣднюю тайну, которою должны разрѣшиться всѣ сомнѣнія. Для Эдипа не дорога болѣе самая знаменитость рода: онъ легко пожертвуетъ ею, чтобы только утвердить въ себѣ возрождающееся чувство невинности; онъ охотно промѣняетъ ее на увѣренность, что обольщеніе кончилось, и что никто болѣе не въ-правѣ будетъ упрекнуть его во лжи. Близка развязка: одно слово Форбаса (имя стараго служителя), и все дѣло разъяснится само собою. Посмотрите, съ какою самоувѣренностію приступаетъ Эдипъ къ допросу, какъ онъ твердъ и рѣшителенъ, когда Форбасъ, неизвѣстно почему, упрямится дать положительный отвѣтъ. Упрекнетъ ли кто его, что онъ такъ дорожитъ истиною, такъ усильно добивается очистить свое имя отъ всѣхъ нареканій? Неизлишнимъ можетъ быть и здѣсь былъ бы упрекъ въ неумѣстной самонадѣянности: но какъ понятна эта слабость въ человѣкѣ, котораго сознаніе не допускало ни одной тяжелой вины за собою. Форбасъ противится, упрямо хочетъ удержать за собою тайну, которая должна разрѣшить для Эдипа много сомнѣній — онъ, простой человѣкъ, упорствуетъ передъ властителемъ Ѳивъ въ такомъ дѣлѣ, которое касается его чести, его добраго имени. Мудрено ли, что Эдипъ выходитъ изъ себя, встрѣчаясь съ противорѣчіемъ тамъ, гдѣ, казалось, всего менѣе можно было ожидать его! Еще не задолго передъ тѣмъ, онъ не пощадилъ за подобное упорство даже Тиресія, не смотря на его, нѣкоторымъ образомъ, священный характеръ: какого же снисхожденія въ-правѣ ожидать отъ него Форбасъ, который ничего не можетъ привести въ извиненіе своего упорнаго молчанія и между тѣмъ, какъ еслибы онъ былъ въ заговорѣ съ Тиресіемъ, также смѣетъ грозить какими-то бѣдствіями? Передъ такимъ безсмысленнымъ упорствомъ у Эдипа исчезаетъ жалость; онъ готовъ на жестокія мѣры, чтобы только вынудить признаніе; онъ выслушаетъ его, хотя бы оно было сказано съ горькими слезами на глазахъ. Подкрѣпляемое угрозою, твердое слово Эдипа производитъ свое дѣйствіе; языкъ упорнаго раба развязывается... Но съ первыхъ же словъ его, какъ они ни мало опредѣленны, тайный ужасъ снова проникаетъ въ душу Эдипа. Передъ нимъ открывается цѣлая пропасть отчаянія; онъ видитъ ее, онъ уже понялъ, чего надобно ожидать отъ слѣдующихъ отвѣтовъ Форбаса, и хотѣлъ бы больше не слышать ихъ.... Еще въ его власти было бы остановить роковое признаніе: ни кѣмъ не принуждаемый, кромѣ внутренняго голоса, онъ однако рѣшаетъ, что долженъ выслушать все до конца. Такъ уже направлены послѣдніе вопросы Эдипа, что, отвѣчая на нихъ, старому служителю остается только подтверждать его мрачныя подозрѣнія. Эта часть сцены проведена художникомъ съ особеннымъ искусствомъ. Ничье имя не названо, но зритель не менѣе самого Эдипа хорошо понимаетъ, въ чемъ дѣло. Напрасно Эдипъ думалъ найдти спасеніе для погибающаго чувства своей невинности въ низкомъ происхожденіи: дитя

злосчастія, онъ не можетъ отвратить отъ себя руки судьбы; онъ узнаетъ въ себѣ сына Лая. Отнынѣ все ясно ему; ясно и то, что правда была не на его сторонѣ, когда онъ возставалъ противъ своихъ обвинителей, какъ противъ злонамѣренныхъ клеветниковъ!

«По обычаямъ Греческой сцены, кровавая развязка драматическаго дѣйствія могла произойдти не иначе, какъ за сценою. Лишь черезъ вѣстника знаетъ зритель о томъ, что сталось съ Эдипомъ и Іокастою послѣ того, какъ оба они сознали свое преступленіе. Но художникъ не довольствуется однимъ только извѣщеніемъ объ участи, постигшей виновнаго Эдипа. Нравственныя перемѣны, совершающіяся въ самой душѣ дѣйствующаго лица, для него гораздо важнѣе, чѣмъ всѣ превращенія во внѣшнемъ его положеніи. Онъ хочетъ, чтобы зритель, знавшій Эдипа въ состояніи невинности, видѣлъ его и въ состояніи моральнаго паденія, которое слѣдуетъ за сознаннымъ преступленіемъ. Эдипъ снова выходитъ на сцену, нося на своемъ лицѣ слѣды жестокаго, хотя и добровольнаго, лишенія, и издавая жалостные вопли.... Какой страшный переворотъ совершился въ немъ съ того времени, какъ онъ узналъ въ себѣ преступника, по винѣ котораго боги послали тяжкую казнь на Ѳивы! Съ трудомъ можно узнать въ немъ прежняго Эдипа, не имѣвшаго другой заботы, кромѣ желанія облегчить страданія своего народа. Не осталось и слѣдовъ той гордой самоувѣренности, съ которою приступалъ къ изслѣдованію всѣхъ своихъ отношеній и отражалъ какъ вопіющую несправедливость, всякое покушеніе на свое доброе имя. Каждое душевное движеніе въ Эдипѣ проникнуто чувствомъ его неизгладимой виновности; каждая мысль его есть внутренній вопль и страданіе. Бремя, которое онъ несетъ на душѣ своей, такъ велико, что никакое состраданіе не въ силахъ облегчить его. Недавно еще въ этой душѣ вмѣщалось столько добрыхъ заботъ объ участи цѣлаго народа: теперь же въ ней есть мѣсто только горькому убѣжденію, что для него самого не существуетъ никакая посторонняя помощь. Никогда до Софокла древняя драма не изображала въ такихъ поразительныхъ чертахъ дѣйствія живущей въ человѣкѣ внутренней силы, которая проявляется въ его нравственномъ сознаніи. Замѣчательно также, что дѣйствіе этой силы есть не только отрицательное, но и положительное. Исчезла гордая самонадѣянность Эдипа, и на мѣсто ея явилась удивительная покорность, очевидно условленная лишь внутреннимъ состояніемъ его духа, безъ всякихъ внѣшнихъ понужденій. Нѣтъ больше помина о власти, какъ еслибы Эдипъ уже пересталъ быть царемъ. Кротко, не прекословя, принимаетъ онъ легкіе упреки соболѣзнующаго ему народа. Чувство величія и личнаго достоинства погибли невозвратно въ сознаніи виновности, но Эдипъ сталъ еще ближе къ Ѳивянамъ, какъ человѣкъ, и они тѣснятся около него, привлеченные самыми его несчастіями.

«Послѣдняя катастрофа не оставляетъ ничего надѣяться для Эдипа даже отъ всеисцѣляющаго времени: лишивъ себя самаго чувствительнаго органа для сообщенія съ внѣшнею природою, онъ осудилъ себя на вѣчную ночь, на безъисходное пребываніе въ чувствѣ своей виновности. Что можетъ быть безотраднѣе въ судьбѣ человѣка, неутѣшительнѣе для всѣхъ, принимающихъ въ немъ живое участіе? Но сожалѣніе, съ которымъ зритель провожаетъ несчастнаго слѣпца, когда онъ въ послѣдній разъ уходитъ со сцены, свидѣтельствуетъ болѣе всего о великости той симпатіи, которую онъ питаетъ къ нему. Что же ему такъ дорого въ Эдипѣ, что онъ не перестаетъ сочувствовать въ немъ даже преступнику? Дорогъ, во-первыхъ, тотъ истинно человѣчный характеръ, съ свойственными ему какъ достоинствами такъ и слабостями,

который Эдипъ сохраняетъ отъ начала до конца дѣйствія: если въ счастіи онъ и забывается до излишней самонадѣянности, то въ случаѣ паденія, никто болѣе его не тяготится внутреннимъ сознаніемъ своей виновности; дорога потому эта ничѣмъ неизгладимая сила нравственнаго чувства, живущаго въ Эдипѣ, которое заставляетъ его подвергнуться добровольной експіаціи, въ видѣ ужаснаго лишенія, и однако не позволяетъ ему наложить руки на самого себя; дорого наконецъ любящее сердце Эдипа, всегда согрѣтое жаромъ истиннаго участія къ другимъ, неизмѣнное въ несчастіи, какъ и въ счастіи. Если нельзя освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія при видѣ безъисходныхъ страданій Эдипа, то въ мысли о твердой нравственной основѣ въ его характерѣ, которой не могутъ стереть никакія превратности, есть много успокоивающаго и даже возвышающаго душу зрителя, неравнодушнаго къ судьбамъ человѣчества.

«Возвращаясь еще разъ къ нашей первоначальной мысли, мы не можемъ не повторить послѣ всего сказаннаго, что главное содержаніе трагедіи составляютъ явленія внутренняго человѣческаго міра, что дѣйствіе происходитъ преимущественно на психологической основѣ, и что герой трагедіи занимаетъ насъ всего болѣе, какъ нравственное лице, подверженное различнымъ своеобразнымъ перемѣнамъ.» (Пропилеи. Кн. II).

ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ.

Предисловіе.—Слова Водовозова: «Мыслью Софокла въ его трагедіи: «Эдипъ въ Колонѣ» было представить примиреніе съ богами человѣка, выкупившаго невольный грѣхъ свой тяжкими страданіями. Ериніи (фуріи), преслѣдующія зло изъ-рода-въ-родъ, являются Евменидами, благодушными богинями, подобно тому, какъ въ Орестеѣ Эсхила. Но ихъ побѣждаетъ не могущество Аѳины, дѣйствующей въ защиту новыхъ благихъ началъ: *собственное* милосердіе преклоняетъ ихъ на сторону Эдипа. Самое проклятіе, тяготѣющее надъ сыновьями героя, является скорѣе слѣдствіемъ справедливаго отцовскаго гнѣва, чѣмъ предрѣченной богами кары. *Собственный враждебный духъ* внушаетъ Этеоклу и Полинику злую распрю: Антигона, какъ невинная, по словамъ Полиника, не заслуживаетъ несчастія. Въ-заключеніе трагедіи всѣмъ добрымъ обѣщана добрая доля. Изо всего этого мы видимъ, что дѣйствіе драмы развивается совершенно свободно отъ идеи судьбы, которая высказалась единственно въ томъ, что проклятіе, тяготѣющее надъ родомъ, должно быть искуплено многими жертвами.

«Эдипъ настоящей трагедіи совершенно противуположенъ Эдипу-царю. Изъ начала драмы: «Эдипъ-царь» мы видимъ его на высшей степени величія и силы; но властелинъ падаетъ, увлеченный своею гордыней, и тѣмъ оправдываетъ изрѣченіе: «Назови себя тогда только счастливымъ, когда безъ напасти проведешь послѣдній день жизни». Здѣсь-же находимъ его хилымъ, слѣпымъ старикомъ, который, скитаясь въ рубищѣ, выпрашиваетъ хлѣба на чужбинѣ. Но за то какая противуположность и въ обстановкѣ! Тамъ слышны вокругъ дворца вопли умирающаго народа; здѣсь раскрывается чудная картина: кругомъ зеленѣютъ лавръ, олива и виноградъ; щебечутъ соловьи; вдали виднѣются Аѳины и за ними лазурь моря. Тамъ царь, ослѣпленный властью, не предчувствуетъ своего паденія въ борьбѣ съ рокомъ; здѣсь рокъ

уже не грозитъ: милостивые боги готовятъ счастливый конецъ страдальцу, и, не смотря на свою бѣдность и слѣпоту, онъ полонъ бодрой надежды, онъ ясно видитъ грядущее.

«Между событіями обѣихъ драмъ должно предполагать большой періодъ времени; самыя эти событія представлены у Софокла иначе, чѣмъ у другихъ поэтовъ. По Эсхилу (см. трагедію: «Семь противъ Ѳивъ»), Эдипъ не былъ изгнанъ дѣтьми: онъ спокойно остается до смерти царемъ, и уже много времени спустя послѣ его кончины, бѣдствіе застигаетъ сыновей, какъ наслѣдственная кара надъ цѣлымъ родомъ.

«Согласно болѣе древнему преданію, сыновья заслужили проклятіе отца за непочтительное съ нимъ обхожденіе. Въ трагедіи Еврипида «Фениссы», сыновья заключаютъ Эдипа въ узы, и онъ за это ихъ проклинаетъ. Трагедія Софокла: «Эдипъ-царь» оканчивается тѣмъ, что герой, выколовъ себѣ глаза, призываетъ дѣтей и вручаетъ какъ ихъ, такъ и царство, попеченію Креона. Изъ драмы «Эдипъ въ Колонѣ» видно, что Софоклъ, согласно своей цѣли, предположилъ въ промежуткѣ между этимъ событіемъ и прибытіемъ своего героя въ Колонъ, слѣдующія обстоятельства.

«Креонъ царствуетъ. Эдипъ, желавшій сначала быть изгнаннымъ, согласно изрѣченію оракула: «Изгнать или умертвить убійцу Лая», спокойно остается въ дому, пока не выростаютъ его дѣти; и боги не гнѣваются на это неточное соблюденіе ихъ воли. Лишивъ себя зрѣнія и отказавшись отъ власти, Эдипъ, конечно, сдѣлалъ болѣе для удовлетворенія мстительныхъ богинь, чѣмъ могъ предписать какой-бы то ни было оракулъ. Великодушіе, неслыханная энергія воли и глубокое раскаяніе павшаго царя, должны были наконецъ умилостивить Аполлона. Между-тѣмъ Креонъ, сначала благородный мужъ, уважавшій несчастіе Эдипа, подъ конецъ становится безпощаднымъ и самовластнымъ. Присутствіе прежняго царя кажется ему помѣхой въ честолюбивыхъ замыслахъ. Уже долгое время спустя, въ согласіи съ сыновьями Эдипа, изгоняетъ онъ его изъ царства, не спросивъ вновь оракула въ такомъ важномъ дѣлѣ.

«Безпомощнаго старца сопровождаетъ въ изгнаніе одна только дочь, Антигона; Исмена, также вѣрная отцу, остается въ дому, чтобы наблюдать дѣла и, тайкомъ отъ Кадмейцевъ, извѣщать Эдипа обо всемъ, до него касающемся.

«Вскорѣ обнаружилась воля боговъ. Этеоклъ и Полиникъ начали междоусобіе. Креонъ, державшій сторону Этеокла, вопросивъ оракулъ, неожиданно узнаетъ, что вся судьба Кадмейцевъ зависитъ отъ изгнаннаго ими Эдипа: тому побѣда и сила, чью сторону онъ приметъ. Такимъ образомъ обѣ стороны желаютъ теперь изъ личныхъ выгодъ привлечь къ себѣ несчастнаго слѣпца.

«Эдипъ, еще ничего не знавшій объ этомъ послѣднемъ оракулѣ, но уже увѣренный въ помощи боговъ, приходитъ съ дочерью въ Колонъ, — чѣмъ и начинается трагедія. Софоклъ очень искусно пользуется здѣсь народными преданіями Аттики, чтобы возвеличить мѣсто своего рожденія, Колонъ, и свое отечество, Аѳины. Неизвѣстно, когда сказаніе объ Эдипѣ занесено было изъ Ѳивъ въ Аттику; но Ѳиванскаго героя Аѳиняне чтили наравнѣ съ другими туземными богами. Между Акрополисомъ и Ареопагомъ находились святилище Евменидъ, изваянія подземныхъ боговъ и вмѣстѣ памятникъ Эдипа. Но для насъ важнѣе поклоненіе Эдипу въ мѣстечкѣ, называвшемся по имени своего героя «Коннымъ Колономъ» (*Κολωνὸς ἵππιος*). Мѣстечко это лежало въ разстояніи получасовой ѣзды отъ Аѳинъ, по дорогѣ въ Ѳивы черезъ Ѳилы. Скала, на которой оно находилось, теперь пуста и безлюдна; но

видъ съ нея по-прежнему простирается на Аѳины и Пирей, на море съ островомъ Эгиною, до самыхъ береговъ Арголиды. Главными богами въ Колонѣ были Конный Посейдонъ и Конная Аѳина. Кромѣ-того непроницаемая роща Евменидъ покрывала скалы, называвшіяся *мѣднымъ путемъ* (*Χαλκόπους ὁδός*). Одна изъ пропастей на этомъ пути вела, по преданію, въ подземное царство, и тутъ спускались Ѳезей съ Періѳоемъ, чтобы вывести изъ Аида Коре (Прозерпину). Недалеко отъ Колона лежало и мѣстечко: «Академія» съ его святилищами и статуями Аѳины Моріи, Промееея и Гефеста. Такимъ образомъ самый Колонъ и его окрестности соотвѣтствовали тому религіозному характеру, которымъ проникнута драма: святилище Евменидъ принимаетъ Эдипа, и подземные боги чудеснымъ образомъ низводятъ его въ Аидъ. Но кромѣ религіозной мысли примиренія съ богами, Софоклъ ясно выражаетъ мысль политическую. Въ лицѣ Ѳезея ставитъ онъ Аѳинянамъ образецъ старинной ихъ доблести. Гостепріимство, правосудіе, обходительность и мягкость характера (*επιείχεια*), и въ особенности благочестіе—вотъ качества, которыя составляли силу Аѳинской республики — и Софоклъ явно опасается, чтобъ эта сила не была утрачена его соотечественниками въ ихъ новыхъ властолюбивыхъ замыслахъ. Властолюбіе, какъ въ драмѣ Эдипъ-царь, такъ и въ настоящей трагедіи, жестоко казнено поэтомъ. Намеки на современное Софоклу состояніе вещей встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ драмы; но поэтъ не имѣлъ въ виду исключительной цѣли давать урокъ современникамъ. Пользуясь народными преданіями, онъ не думалъ видоизмѣнять ихъ по требованію обстоятельствъ, а слѣдовалъ строгимъ требованіямъ художественной истины. Такъ выставляетъ онъ старинный союзъ между Аѳинянами и Ѳиванцами, тогда какъ въ его время оба народа находились во враждебныхъ отношеніяхъ. Софоклъ даетъ только предчувствовать эту вражду, и, согласно народному преданію, могила Эдипа становится у него залогомъ побѣды надъ врагами. Въ этомъ отношеніи рѣдкій поэтъ имѣлъ выгоду, изображая общечеловѣческое, быть вполнѣ общественнымъ и народнымъ. Эстетически-развитый умъ Аѳинянъ, преобразуя все въ идею, чуждался мелкихъ, раздробленныхъ фактовъ жизни.

«Трагедія «Эдипъ въ Колонѣ», какъ сказали мы, носитъ религіозный характеръ. Въ ней развивается нравственная идея возмездія человѣку по дѣламъ его. Въ ней нѣтъ драматической завязки, происходящей отъ страстной, дѣятельной личности героя, какъ въ другихъ драмахъ Софокла, и въ этомъ главный ея недостатокъ съ нашей точки зрѣнія. Завязка не столько заключается въ лицѣ героя, сколько внѣ его: въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыя онъ поставленъ. То старикъ, ищущій покоя: онъ проситъ не на долгій срокъ пристанища у людей, а у боговъ мирной смерти. Во все время дѣйствія онъ даже почти не перемѣняетъ мѣста, и Софоклъ съ намѣреніемъ увеличиваетъ его хилость и неподвижность, чтобы представить тѣмъ необычайнѣе чудное его прозрѣніе въ концѣ драмы. Но обстоятельства таковы, что этотъ несчастный старикъ сосредоточиваетъ около себя все дѣйствіе трагедіи: его ужасается хоръ; за него страдаетъ и молитъ Антигона; его искать приходятъ Исмена, Креонъ и Полиникъ; ему обязанъ Ѳезей новымъ своимъ могуществомъ. Надо удивляться, съ какимъ искусствомъ изъ одного и того-же положенія Эдипа Софоклъ строитъ самыя разнообразныя сцены. Дѣло въ томъ, что Эдипъ, до послѣдней минуты жизни преслѣдуемый горемъ, долженъ наконецъ найти счастливый конецъ, какъ нашелъ вѣрный пріютъ у Аѳинянъ: трепетное ожиданіе этого конца съ одной стороны, а съ другой — тайныя силы боговъ, все явственнѣе принимающихъ участіе въ

судьбѣ Эдипа, даютъ основаніе борьбѣ, которая связываетъ всѣ части драмы. Герой въ послѣдній разъ очищаетъ свою совѣсть предъ лицемъ боговъ и людей: зритель видитъ тяжкое его бѣдствіе, его глубокое горе при мысли о невольно содѣланномъ злѣ, — и ждетъ справедливаго воздаянія. И самъ Эдипъ, увѣренный въ благости Аполлона и нѣкогда преслѣдовавшихъ его Ериній, смѣло можетъ оправдываться на этомъ послѣднемъ судѣ передъ смертью, смѣло можетъ предсказывать добро людямъ, его принявшимъ. Необходимость подобныхъ оправданій и порицаній, представляющихъ въ новомъ свѣтѣ лице гонимаго дотолѣ скитальца, была причиною того характера, который приняла драма: въ ней больше рѣчей, чѣмъ дѣйствія; въ ней дѣйствіе основано не столько на борьбѣ въ самомъ Эдипѣ, сколько на борьбѣ за Эдипа. Главные моменты этого дѣйствія состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Эдипъ молитъ у жителей Колона пристанища и дозволенія остаться близъ рощи Евменидъ.

2) Эдипъ узнаетъ отъ Исмены о новой милости къ нему боговъ и проклинаетъ дѣтей, его изгнавшихъ. Тутъ-же совершаетъ онъ очистительную жертву Евменидамъ.

3) Эдипъ вторично (послѣ первыхъ сценъ въ Колонѣ), признаваясь въ своихъ проступкахъ, оправдываетъ себя передъ хоромъ, и, въ сценѣ съ Ѳезеемъ, предсказываетъ Аѳинянамъ побѣду надъ врагами, если окажутъ ему защиту.

4) Эдипъ уличаетъ во лжи Креона, пришедшаго съ цѣлію захватить его и дочерей, и предсказываетъ бѣдствія Ѳивамъ.

5) Новыя оправданія Эдипа предъ лицомъ Креона и Ѳезея.

6) Благодарность Эдипа Ѳезею за возвращеніе дочерей. Извѣстіе о появленіи Полиника.

7) Сцена съ Полиникомъ. Эдипъ проклинаетъ сына, возвѣщая гибель ему и его брату.

8) Эдипъ, уже извѣщенный о своей близкой кончинѣ, вновь предсказываетъ счастливую долю Ѳезею и Аѳинамъ.

9) Разсказъ о чудесной смерти Эдипа и плачъ Антигоны и Исмены.

«Такъ просто содержаніе трагедіи. Не смотря на это, какъ сказали мы, сцены отличаются все новымъ разнообразіемъ, хотя происходятъ изъ того же положенія Эдипа, какъ бѣднаго, ищущаго защиты, странника и какъ возвеличеннаго богами страдальца. Разнообразіе дѣйствію придаютъ, во-первыхъ, противуположныя чувства отца въ отношеніи къ сыновьямъ и дочерямъ, а во-вторыхъ, прекрасно-изображенные характеры: Антигоны, Исмены, Ѳезея, Креона и Полиника. Сцены Эдипа съ дѣтьми особенно драматичны, хотя не въ нихъ лежитъ главное основаніе драмы.

«Изо всего предъидущаго можно сдѣлать слѣдующія общія заключенія о трагедіи:

1) Въ ней совершенно уничтожается сила рока оправданіемъ и возвышеніемъ человѣка, на которомъ лежитъ бремя наслѣдственной кары. Въ этомъ отношеніи болѣе всѣхъ драмъ Софокла приближается она къ христіанскому воззрѣнію на жизнь, защищая идею свободной воли.

2) Драматизмъ положенія, что касается главнаго дѣйствующаго лица, преобладаетъ въ ней надъ драматизмомъ характера. Эдипъ, напримѣръ, не можетъ стать въ параллель королю Лиру, потому-что любовь или ненависть къ дѣтямъ составляютъ только прекрасные эпизоды дѣйствія. Основанная на исключительно нравственномъ началѣ, настоящая трагедія Софокла усту-

паетъ въ сильной драматической завязкѣ и собственнымъ драмамъ поэта, особенно «Эдипу-царю» и «Антигонѣ».

3) Она имѣетъ близкое отношеніе къ Аѳинской жизни, выставляя, рядомъ съ религіозными вѣрованіями, идеальныя черты народнаго Аѳинскаго характера.

«Всѣ подробности драмы, также какъ связь сценъ и хоровъ, мы объяснимъ въ примѣчаніяхъ. Здѣсь остается намъ только указать время, въ какое она написана. Ужъ изъ самаго характера драмы Софокла легко заключить, что она сочинена имъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Глубина ея религіозной идеи, старческій образъ Эдипа, съ такою любовью въ ней обрисованный, тонъ спокойствія, разлитый по всѣмъ частямъ, ясно свидѣтельствуютъ о позднемъ ея появленіи. Древнія извѣстія всѣ согласны въ томъ, что драма написана незадолго передъ смертью Софокла; а въ первый разъ на сцену поставилъ ее внукъ поэта, сынъ Аристона, въ 401 году до Р. Х. (пять лѣтъ спустя послѣ смерти автора). Всѣмъ извѣстно преданіе, повторенное Цицерономъ, Плутархомъ и Апулеемъ, будто Софоклъ на старости лѣтъ принужденъ былъ судиться съ дѣтьми, обвинявшими его въ слабоуміи съ цѣлію захватить въ свои руки имѣніе. Нѣкоторые обвинителемъ ставятъ только старшаго сына, Іофона. Исторія разсказываетъ, будто поэтъ, въ доказательство своего здравомыслія, прочелъ передъ судьями отрывки изъ драмы: «Эдипъ въ Колонѣ». Другіе готовы утверждать, что и драму написалъ Софоклъ съ цѣлію выставить неблагодарность дѣтей своихъ. Всего вѣроятнѣе, что дѣло было на оборотъ, т. е. само содержаніе драмы дало поводъ къ этой выдумкѣ, несообразной ни съ характеромъ Софокла, ни съ древнѣйшими извѣстіями о его дѣтяхъ. Іофонъ напротивъ пользовался особенною любовію поэта, который исправлялъ сочиняемыя имъ драмы. Аристофанъ въ комедіи: «Лягушки», осмѣивая Іофона, говоритъ, что онъ убираетъ себя чужими перьями: въ одной изъ сценъ богъ Діонизій ни за что не хочетъ приводить съ того свѣта Софокла, желая посмотрѣть, какъ справится безъ него сынъ со своими драмами. Есть и другія доказательства, что сказка о ссорѣ съ дѣтьми принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ украшеній біографіи. По преданію современниковъ, Софоклъ кончилъ жизнь свою счастливо, не претерпѣвъ ни малѣйшаго горя».

Прологъ [1]).

ЭДИПЪ.

Дитя слѣпаго старца, Антигона!
Въ какой мы край пришли? Какіе люди

---

[1]) Прологъ, первая часть трагедіи, продолжается до появленія хора. Сцена представляетъ: вправо — видъ на Аѳинскій Акрополисъ, а ближе къ зрителямъ — святилище Промееея; прямо — дикая и скалистая мѣстность, часть мѣднаго пути, и роща Евменидъ; влѣво — дорога въ Ѳивы. Эдипъ, дряхлый старикъ, въ ветхомъ, грязномъ рубищѣ, со всклокоченными волосами на головѣ, идетъ по дорогѣ изъ Ѳивъ, опираясь съ одной стороны на трость, а съ другой на руку Антигоны. Лице, покрытое морщинами, выражаетъ усталость, болѣзнь и вмѣстѣ преданность судьбѣ. Софоклъ имѣлъ цѣлью представить здѣсь въ самомъ жалкомъ видѣ Эдипа, чтобы тѣмъ болѣе поражало нравственное его могущество.

Здѣсь обитаютъ? Кто убогимъ даромъ
Почтитъ сегодня странника Эдипа [1])?
Онъ мало проситъ; менѣе чѣмъ проситъ
Готовъ принять: съ меня довольно будетъ.
Терпѣть меня страданья пріучили
И долгій вѣкъ, и мужество души.
Но стой, дитя: найди мнѣ, гдѣ-бы сѣсть,
Въ доступномъ мѣстѣ иль въ священной рощѣ [2]),
Я отдохну, пока не разузнаемъ,
Куда пришли. Что жители прикажутъ,
То и должны мы, чужеземцы, дѣлать.

АНТИГОНА.

Эдипъ, отецъ несчастный! Кажутъ близки
На глазъ тѣ башни, кроющія городъ,
А здѣсь святое мѣсто: это ясно.
Кругомъ олива, лавръ и виноградъ,
И цѣлымъ роемъ въ чащѣ соловьи
Щебечутъ сладко [3]). Здѣсь склонись колѣномъ,
На этомъ дикомъ камнѣ: бо́льшій путь,
Чѣмъ старику подъ-силу, ты прошелъ.

ЭДИПЪ.

Такъ посади и охраняй слѣпца.

АНТИГОНА.

Научена я временемъ, что дѣлать.

ЭДИПЪ.

Ты не узнала, гдѣ мы?

АНТИГОНА.

То Аѳины;
А что за мѣсто здѣсь, еще не знаю.

---

[1]) Эдипъ съ намѣреніемъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, выражая тѣмъ ужасъ, возбуждаемый однимъ его именемъ.

[2]) Мѣста доступныя — въ противоположность священной рощѣ, куда нельзя было вступать Эдипъ упоминаетъ о священной рощѣ, еще не предчувствуя ея близости; онъ занятъ одной только мыслью: найти наконецъ обѣщанное оракуломъ убѣжище въ святилищѣ Евменидъ.

[3]) Олива, лавръ и виноградъ были деревья, посвященныя Аѳинѣ, Аполлону и Діонизію; Антигона заключаетъ также о святости мѣста по частому пѣнью соловьевъ, которые любятъ мѣста уединенія.

ЭДИПЪ.

Прохожій вѣдь сказалъ ужъ намъ объ этомъ.

АНТИГОНА.

Пойти спросить мнѣ, что̀ за мѣсто здѣсь?

ЭДИПЪ.

Да, дочь — и есть-ли жители, узнай [1]).

АНТИГОНА.

Конечно, есть: мнѣ и ходить не надо.
Вотъ, близко къ намъ какой-то человѣкъ.

ЭДИПЪ.

Откуда вдругъ? Или сюда спѣшитъ онъ?

АНТИГОНА.

Вотъ, онъ ужъ здѣсь. Что слѣдуетъ сказать,
Самъ ты говорить можешь.

ЭДИПЪ.

Чужеземецъ!
Отъ ней я слышу (видитъ за меня
И за себя она), что, къ-счастью, ты
Явился намъ — желаемъ мы узнать....

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Сперва сойди отсюда.... послѣ спросишь:
Вступилъ ты въ недозволенное мѣсто.

ЭДИПЪ.

Какое-жъ мѣсто здѣсь? какого бога?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Святыня, недоступная для смертныхъ,
Оно богинь ужасныхъ достоянье,
Земли и Мрака дочерей.

---

[1]) Вопросъ о мѣстѣ и о жителяхъ потомъ повторяется еще нѣсколько разъ, потому-что Эдипу всего важнѣе съ точностью знать, гдѣ найдетъ онъ пріютъ, и какіе люди, по обѣщанію оракула, будутъ имъ облагодѣтельствованы.

ЭДИПЪ.

Чье имя
Мнѣ призывать священное въ молитвѣ?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

«Всевидящіе Евмениды»: такъ
Ихъ назвалъ-бы живущій здѣсь народъ;
Но у другихъ другой на то обычай [1]).

ЭДИПЪ.

Къ нимъ припаду, да милостиво примутъ —
И не сойти ужъ съ этого мнѣ мѣста.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Что-жъ это значитъ?

ЭДИПЪ.

Таково рѣшенье
Моей судьбы.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

И я тебя не смѣю
Безъ воли гражданъ гнать: пускай они
Рѣшатъ, что дѣлать. (*Хочетъ идти*).

ЭДИПЪ.

Именемъ боговъ
Молю: не презри бѣднаго скитальца;
Скажи, о чемъ прошу.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Уважу просьбу,
Лишь объясни.

---

[1]) Фуріи, по Ѳеогоніи Гезіода, произошли отъ каплей крови Урана, умерщвленнаго сыномъ Крономъ, и потому преслѣдовали за пролитую родственную кровь. Происхожденіе отъ Земли и Мрака даетъ имъ только Софоклъ, основываясь, вѣроятно, на народномъ преданіи. Эдипъ, какъ чужеземецъ, не знаетъ этого происхожденія. Евменидами (благодушными) онѣ стали называться у Аѳинянъ послѣ принятія ихъ въ городѣ богинею Аѳиною во время суда надъ Орестомъ (см. Евмениды Эсхила). Другія названія фурій были: Ериніи, Керы, Семны и проч. (*Ἐρινύες, Κῆρες, Ποιναί, Σεμναί, Ἀραί*). Такъ называлъ-бы ихъ здѣшній народъ. Народъ вообще избѣгалъ произносить названіе фурій.

ЭДИПЪ.

Какое-жъ это мѣсто,
Куда пришли мы?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Все, что знаю самъ,
И ты узнаешь отъ меня: кругомъ
Страна святая здѣсь; владѣютъ ею
Великій Посейдонъ и огненосецъ
Богъ Промееей-Титанъ; а гдѣ ступилъ ты,
Зовутъ землею мѣднаго пути,
Аѳинъ опорой. Ближнія-же села
Гордятся этимъ всадникомъ Колономъ,
Какъ ихъ вождемъ. По имени его
Всѣ жители одно названье носятъ.
И это такъ на дѣлѣ, другъ, не столько
Въ разсказахъ чтимо, какъ союзомъ гражданъ [1]).

ЭДИПЪ.

Живутъ здѣсь, значитъ, люди?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Какъ-же! вотъ,
Имъ этотъ самый богъ и далъ названье [2]).

---

[1]) Мы уже упоминали въ предисловіи о богахъ, почитаемыхъ въ Колонѣ. Промееей, сынъ Япета и Климены. (по Эсхилу — Ѳемиды), какъ символъ огня, здѣсь поставленъ рядомъ съ Посейдономъ (Нептуномъ), богомъ влажной стихіи. Ему поклонялись Аѳинскіе гончары; его изображали съ факеломъ въ правой рукѣ, какъ учредителя бѣговъ съ факелами, которые совершались отъ святилища его въ Академіи черезъ Керамику въ городъ. О значеніи Промееея, какъ бога огня, см. траг. Эсхила: «Промееей».

Мѣднымъ путемъ названы скалы, вѣроятно, отъ мѣдныхъ ступеней, устроенныхъ къ пропасти, гдѣ, по народнымъ сказаніямъ, былъ спускъ въ Аидъ. По Гомеру, въ Тартаръ вели желѣзныя двери съ мѣднымъ порогомъ (Ил. 8, 15). Сѣверная часть города стояла на продолженіи тѣхъ же высотъ, а потому и земля мѣднаго пути названа опорою Аѳинъ.

Гордятся этимъ всадникомъ Колономъ. Туземецъ указываетъ при этомъ на конную статую Колона, находившуюся на сценѣ. Колонъ былъ одинъ изъ ста Аттическихъ героевъ, по имени которыхъ названы демы: ему поклонялись Колоніаты, какъ начальнику своего племени. *Конный* Колонъ, въ отличіе отъ *площаднаго* (ἀγοραῖος), бывшаго въ городѣ. Старинныя преданія молчатъ о Колонѣ; но любовь къ родинѣ освятила для жителей и для самого Софокла, Колонскаго уроженца, его имя, потому они и чтутъ его не вслѣдствіе поэтическихъ разсказовъ, а по дружному съ нимъ союзу (τῇ ξυνουσίᾳ).

[2]) Въ подлинникѣ: τοῦδε τοῦ θεοῦ ἐπώνυμοι (носящіе имя этого бога). Богомъ по преимуществу назывался герой, родоначальникъ племени.

ЭДИПЪ.

Кто-жъ ими править? Или судъ народный?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Здѣсь тотъ-же, что и въ городѣ, правитель.

ЭДИПЪ.

Кто-жъ онъ, что судъ и власть въ рукахъ имѣетъ?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Ѳезей, сынъ прежде бывшаго Эгея [1]).

ЭДИПЪ.

Такъ не пойдетъ-ли кто изъ васъ къ нему?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Зачѣмъ? просить сюда иль что замолвить?

ЭДИПЪ.

Что онъ за помощь малую, большую
Себѣ получитъ выгоду.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Но въ чемъ-же
Доставитъ помощь человѣкъ слѣпой?

ЭДИПЪ.

Что скажемъ, ясно будетъ все, какъ день.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Вотъ какъ устроимъ дѣло, другъ.... ты честенъ,
Мнѣ кажется, хоть и гонимъ судьбою....
Останься, гдѣ явился; между-тѣмъ
Пойду скажу объ этомъ я не въ городъ,

---

[1]) Вопросъ Эдипа касательно народнаго правленія въ Аттикѣ здѣсь не умѣстенъ, потому-что такого правленія въ героическія времена не было нигдѣ въ Греціи; но Софоклъ вообще допускаетъ здѣсь много подробностей о Колонѣ и о Ѳезеѣ, имѣя въ мысляхъ, вмѣстѣ съ прославленіемъ Колона, великое событіе: соединеніе всѣхъ Аттическихъ родовъ подъ одною властью Аѳинъ.

А здѣсь живущимъ: разрѣшатъ они,
Уйти тебѣ, или остаться должно [1]).

ЭДИПЪ *(Антигонѣ)*.

Дитя, скажи: ушелъ нашъ чужеземецъ?

АНТИГОНА.

Ушелъ. О всемъ ты можешь говорить,
Отецъ, спокойно: я съ тобой одна.

ЭДИПЪ.

О грозныя, блаженныя богини [2])!
Ужъ если въ этой я странѣ у первыхъ,
У васъ пріютъ нашелъ, то безотвѣтны
Не будьте мнѣ и Фебу. Прорицая
Мнѣ много бѣдствій въ жизни, этотъ самый
Чрезъ долгій срокъ онъ обѣщалъ конецъ:
Приду въ страну послѣднюю, гдѣ мѣсто
Святыхъ богинь пристанищемъ мнѣ будетъ [3]);
Тамъ я окончу бѣдственную жизнь,
Меня принявшимъ выгоду доставивъ
И горе тѣмъ, которые отвергли,
И Зевсъ мнѣ явно возвѣститъ объ этомъ
Землетрясеньемъ, молніей иль громомъ.
Теперь я вижу: на моемъ пути
Нелживой вашей птицею ведомый [4]),

---

[1]) Софоклъ приписываетъ это рѣшеніе чужеземцу, чтобы дать случай къ появленію хора, который состоитъ изъ туземныхъ жителей. До города было довольно далеко, и Ѳезей не могъ скоро явиться; между-тѣмъ такого событія, какъ приходъ слѣпаго старика съ мольбою къ недоступной рощѣ Евменидъ, нельзя было оставить безъ вниманія. Сцены до появленія Ѳезея, вполнѣ объясняютъ то положеніе Эдипа, о которомъ говорили мы въ предисловіи.

[2]) Въ подлин. *ὦ πότνιαι δεινῶπες* (о чтимыя грозноликія): съ этими словами Эдипъ обращается къ Евменидамъ.

[3]) Въ подлин. *σεμνῶν θεῶν* (святочтимыхъ боговъ). *Σεμνός*, равно-какъ и прежде *πότνιος*, означало: «святой, почтенный, блаженный», и было общимъ эпитетомъ боговъ. Но кромѣ того *Σεμναί* составляло собственное названіе Евменидъ. Оракулъ, какъ и всегда, выразился здѣсь съ намѣренной неопредѣленностью, чтобъ тѣмъ неожиданнѣе въ чтимыхъ имъ богахъ Эдипъ могъ найти Евменидъ. Софоклъ относитъ оракулъ этотъ къ тому времени, какъ Эдипъ самъ ходилъ въ Дельфы спрашивать объ отцѣ. Въ трагедіи «Эдипъ-царь» мы находимъ только, что Аполлонъ возвѣстилъ Эдипу ужасныя бѣдствія.

[4]) *Нелживой вашей птицею ведомый* сказано здѣсь въ переносномъ смыслѣ. Эдипъ хочетъ сказать: «Вы дали мнѣ вѣрное знаменье моего избавленія отъ бѣдъ тѣмъ, что привели въ вашу рощу.»

Пришелъ я въ эту рощу. Никогда бы
Не могъ иначе, трезвый самъ, васъ трезвыхъ [1])
Я встрѣтить, и на этомъ дикомъ камнѣ
Въ священномъ мѣстѣ сѣсть. Богини! дайте-жъ,
По слову Аполлона, мнѣ предѣлъ,
Иль измѣненье жизни.... или, можетъ,
Еще страдалъ я мало, вѣчный рабъ
Невыносимыхъ смертному страданій?
Тьмы первобытной сладостныя дѣти [2])!
Услышьте вы меня; услышь и ты,
Носящій имя славное Паллады,
Ты, городъ, чтимый выше всѣхъ, Аѳины!
Ужъ я теперь не тотъ, что прежде: сжальтесь
Надъ этой бѣдной тѣнію Эдипа!

АНТИГОНА.

Умолкни. Вотъ ужъ лѣтъ преклонныхъ люди
Идутъ смотрѣть, гдѣ ты сидишь.

ЭДИПЪ.

Молчу.
А ты укрой меня покуда въ лѣсъ:
Узнаю, что-то скажутъ; лишь развѣдавъ,
За дѣло можно хорошо приняться.

Первый Эпейзодіонъ [3]).

ХОРЪ.

Строфа 1.

Смотри, кто такой? гдѣ онъ скрылся?
Куда вдругъ съ этого мѣста исчезъ

---

[1]) Евмениды были *ἄοινοι θεαί*, т. е. богини, не принимающія вина во время жертвы. Какъ совершались имъ вліянья, увидимъ послѣ подробно.

[2]) Въ подлин. *γλυκεῖαι* (сладостныя). Такъ обращается Эдипъ съ любовью къ богинямъ, которыя обыкновенно назывались *грозными* (*ἔμφοβοι*). И здѣсь, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, хвалу Аѳинъ Софоклъ искусно соединяетъ съ хвалою Колона.

[3]) Въ прологѣ была обозначена завязка драмы, и зритель уже находится въ неспокойномъ ожиданіи того, какъ туземцы примутъ Эдипа, узнавши его имя, и какъ исполнится воля боговъ, которую возвѣстятъ землетрясеніе, громъ и молнія. Теперь слѣдуетъ вторая часть драмы: первый эпейзодіонъ. Его можно назвать первымъ дѣйствіемъ, если прологъ принять за вступленіе (приготовленіе къ дѣй-

Изо всѣхъ людей самый дерзкій?
Разузнай, разыщи,
Все кругомъ разгляди....
То скиталецъ, скиталецъ, старикъ чужеземный:
Никогда-бъ не взошелъ онъ иначе
Въ недоступную рощу неистовыхъ дѣвъ,
Которыхъ не смѣемъ назвать;
Не взирая мы мимо проходимъ,
Безъ звука, безъ словъ раскрывая уста
Въ благотворной молитвѣ [1]);
А теперь безо всякой боязни
Здѣсь, я слышу, ужъ кто-то сокрылся;
Глядя въ рощѣ повсюду,
Все его не могу отыскать.

ЭДИПЪ (*показываясь*).

Вотъ я здѣсь. По пословицѣ, голосомъ вижу [2]).

ХОРЪ.

Увы! страхъ видѣть, страхъ слышать!

ствію). Тутъ уже разыгрывается борьба, касающаяся принятія Эдипа подъ покровительство Евменидъ и подъ защиту Аѳинянъ, между-тѣмъ-какъ явленіе Исмены даетъ начало новой борьбѣ, заставляя выжидать Креона и потомъ Полиника. Первый эпейзодіонъ заключаетъ такимъ образомъ всѣ сцены: съ хоромъ, съ Исменой, съ Ѳезеемъ, до самой хвалебной пѣсни Аттикѣ и до появленія Креона. Хоръ принимаетъ здѣсь самое живое участіе въ дѣйствіи. Уже прежде представилось столкновеніе двухъ обстоятельствъ: Эдипъ долженъ найти убѣжище въ рощѣ Евменидъ, а жители не дозволяютъ ему вступить въ запрещенное мѣсто. Дѣйствительно, хоръ, состоящій изъ старѣйшинъ Колонскаго народа, приведенныхъ однимъ изъ жителей, спѣшитъ теперь на сцену и выражаетъ свой ужасъ сначала при извѣстіи о пришельцѣ, укрывшемся въ недоступной рощѣ, а потомъ при самомъ видѣ этого пришельца. Такъ умѣетъ Софоклъ и хоръ, лице вообще не драматическое, употребить для своихъ художественныхъ цѣлей. Здѣсь, до оправдательной рѣчи Эдипа, продолжается такъ называемая *комматическая* пѣснь, состоящая въ живыхъ отрывистыхъ рѣчахъ хора, разговаривающаго съ Эдипомъ и Антигоной. Въ ней двѣ строфы и антистрофы. Хоръ (вѣроятно, не болѣе 15 человѣкъ) является на сцену изъ боковыхъ дверей, и не вдругъ, а отдѣльными группами, какъ слѣдуетъ людямъ, бѣгущимъ одинъ за другимъ въ тревогѣ. На каждое лице выпадаетъ по нѣскольку стиховъ. Такъ первый говоритъ: «Смотри, кто такой? гдѣ онъ скрылся?» и проч. — второй: «Разузнай, разыщи, всѣ кругомъ разгляди» — третій произноситъ остальное, и т. д.

[1]) Передъ святынею другихъ боговъ громко произносили молитву; но, проходя мимо рощи Евменидъ, едва дозволялось раскрывать уста въ благоговѣйномъ трепетѣ. Далѣе, при жертвоприношеніи Эдипа, хоръ подробно объясняетъ, какъ должно молиться Евменидамъ.

[2]) Аѳинская пословица, означавшая: узнавать людей по голосу.

ЭДИПЪ.

Умоляю, не зрите во мнѣ святотатства.

ХОРЪ.

Зевсъ Заступникъ! Кто-бы такой этотъ старецъ?

ЭДИПЪ.

Конечно, не первый на свѣтѣ счастливецъ,
О блюстители здѣшней земли!
Смотрите: иначе блуждалъ-ли-бы такъ
При помощи зрѣнья чужаго?
Въ слабой трости опоры
Искать-ли-бы крѣпкбму тѣломъ [1])?

ХОРЪ.

Увы! со слѣпыми очами
Ты, какъ видно, рожденъ.... по тебѣ заключу:
Кто несчастенъ, всегда долговѣченъ [2]).
Но отъ новаго зла
Я тебя уклоню.
Ты далеко, далеко зашелъ: попадешь ты
Въ этотъ долъ молчаливый, заросшій травою,
Гдѣ сливаются сладкія воды
Отовсюду бѣгущихъ, обильныхъ ручьевъ.
Берегись-же, злосчастный пришлецъ!
Отойди, удались поскорѣе.... [3])
Въ отдаленьи нельзя говорить....
Что-же? Слышишь меня, горемычный скиталецъ?
Если хочешь ты слово намъ молвить,
То сойди съ недоступнаго мѣста.

---

[1]) Въ подлин. неясное мѣсто: *κἀπὶ σμικροῖς μέγας ὦρμων.* (И шелъ-ли-бы, большой, на маломъ: съ помощью малаго или для малаго?). Германъ объясняетъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: «Мнѣ, будучи великимъ и сильнымъ, приходить-ли-бы сюда за малымъ даромъ?» Шнейдевинъ, напротивъ, переводитъ: «Сильный, сталъ-ли-бы я опираться на слабую трость въ пути моемъ?»

[2]) Въ подлин. *δυζαίων μακραίων.* — Пословица, гдѣ первое выраженіе (несчастный) рифмуется со вторымъ (долговѣчный). Такое созвучіе въ Греческихъ пословицахъ очень не рѣдко; напр. *πάθος μάθος* (мука-наука).

[3]) Хоръ заботится болѣе всего о томъ, чтобъ Эдипъ вышелъ изъ священной рощи. Какъ будто выражая участіе, представляетъ онъ ему объ опасности упасть въ одну изъ горныхъ ложбинъ; самъ не осмѣливаясь вступить въ рощу, онъ зоветъ его къ себѣ ближе, какъ будто для переговора.

Гдѣ закономъ дозволено всѣмъ,
Говори ты; но прежде сойди.

ЭДИПЪ (*Антигонѣ*).

Что-жъ начать намъ, дитя?

АНТИГОНА.

Надо гражданъ желанье исполнить, отецъ:
Въ чемъ должно, уступить и послушать.

ЭДИПЪ.

Возьми-жъ меня за руку.

АНТИГОНА.

Вотъ, ужъ держу.

ЭДИПЪ.

Чужеземцы, не дайте въ обиду:
Довѣряясь вамъ, съ мѣста схожу.

ХОРЪ.

Строфа 2.

Вѣрь, старикъ, что никто противъ воли твоей
Не изгонитъ тебя изъ страны.

ЭДИПЪ.

Довольно?

ХОРЪ.

Иди еще дальше.

ЭДИПЪ.

Еще?

ХОРЪ.

Проведи-же, дѣвица, впередъ.
Ты вѣдь видишь, куда.

АНТИГОНА.

Слѣдуй слѣпою стопой, слѣдуй за мною, отецъ!

ХОРЪ.

Несчастный! На чужой землѣ.
Чужой, имѣй рѣшимость презирать,
Что ненавидятъ и граждане,
А то, что любятъ, уважать.

ЭДИПЪ.

Веди-жъ теперь меня, дитя,
Туда, гдѣ, честно поступая, можемъ
Мы говорить и слышанными быть;
Не будемъ съ невозможностью бороться.

ХОРЪ.

Антистрофа 2.

Здѣсь. За этотъ вотъ камень, что противъ меня, не ступишь ногой.

ЭДИПЪ.

Такъ-ли?

ХОРЪ.

Довольно, ты слышишь.

ЭДИПЪ.

Дозволите сѣсть?

ХОРЪ.

Камень съ боку:
Осторожно согнувшись, на край опустись.

АНТИГОНА.

Отецъ, мое это дѣло:
Тихонько ногу съ ногой уложи.

ЭДИПЪ.

О горе мнѣ, горе!

АНТИГОНА.

Къ рукѣ моей дружней приникни
Старческимъ тѣломъ твоимъ.

ЭДИПЪ.

О бѣдствіе злое!

ХОРЪ.

Теперь, исполнивъ нашу волю,
Скажи, несчастный, кто изъ смертныхъ
Тебя родилъ и кто ты самъ,
Скиталецъ бѣдный? Гдѣ твоя отчизна?

ЭДИПЪ.

Чужеземцы! Изгнанникъ предъ вами.... но нѣтъ!....

ХОРЪ.

Что-жъ это, скрываешь ты, старецъ?

ЭДИПЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! ужъ не спрашивай, кто я;
Молю, не выпытывай больше.

ХОРЪ.

Отчего-же?

ЭДИПЪ.

Родъ мой жалокъ.

ХОРЪ.

Скажи.

ЭДИПЪ.

Что мнѣ дѣлать, дитя?

ХОРЪ.

Чьихъ, скажи ты, пришлецъ по отцу?

ЭДИПЪ.

Горе! горе, дитя! Какъ рѣшиться?

АНТИГОНА.

Говори: уже крайность велитъ.

ЭДИПЪ.

Все открою: ужъ скрыть невозможно.

ХОРЪ.

Долго медлите.... Что-жъ? поскорѣе....

ЭДИПЪ.

Кто-нибудь вамъ извѣстенъ изъ Лаева дому?

ХОРЪ.

О ужасъ!

ЭДИПЪ.

Лабдакидова рода?

ХОРЪ.

Зевесъ!

ЭДИПЪ.

Несчастливый Эдипъ....

ХОРЪ.

Это ты?

ЭДИПЪ.

Не страшитесь напрасно того, что сказалъ.

ХОРЪ.

О горе! горе, несчастный!

ЭДИПЪ.

Моя дочь! что такое случилось?

ХОРЪ.

Уходите вы прочь изъ земли.

ЭДИПЪ.

А гдѣ-же твое обѣщанье?

ХОРЪ.

Мы не вызовемъ кары судьбы,
Зломъ за зло воздавая: обманъ,
За который и платятъ обманомъ,
Намъ приноситъ не радость, а горе [1]).
Удались ты сейчасъ-же отсюда, бѣги
Безъ оглядки изъ нашей земли,

[1]) Хоръ считаетъ обманомъ, что Эдипъ, не сказавъ своего имени, взялъ съ него хитростью обѣщаніе не выгонять изъ земли.

Чтобы нашимъ гражданамъ еще
Не прибавить заботы.

АНТИГОНА.

Чужеземцы, хранящіе стыдъ!
Если этого старца, отца моего,
Ужъ не можете виду снести
По одной лишь молвѣ о невольныхъ поступкахъ,—
Чужеземцы! прошу:
Хоть надъ мною несчастною сжальтесь!
За отца одного я молю,
Молю, не слѣпыми взирая очами
Въ очи твои; но съ любовью, какъ дочь,
Какъ отъ крови рожденная вашей.
Сострадательны къ бѣдному будьте:
Вся надежда несчастнымъ на васъ,
Какъ на бога. Услышьте,
Удѣлите нежданную милость.
Всѣмъ, что мило тебѣ твоего:
Супруга, дитя, сокровище, богъ—
Умоляю... Взгляни: не найдешь
Никого изъ людей, кто-бы въ-силахъ снести,
Если къ гибели богъ повлечетъ.

ХОРЪ.

Вѣрь, дочь Эдипа, мы равно жалѣемъ
И о твоемъ, и о его несчастьи;
Но, трепеща боговъ, сказать не можемъ
Другаго, кромѣ сказаннаго нами [1]).

---

[1]) Здѣсь оканчивается первая комматическая пѣснь, писанная то анапестомъ и дактилемъ, то смѣшаннымъ хорическимъ размѣромъ, которому съ точностью подражать въ Русскомъ нѣтъ никакой возможности.

Софоклъ въ этихъ сценахъ имѣлъ цѣлію представить жалкое положеніе Эдипа. Несчастный странникъ тѣмъ самымъ, что долго не выходитъ изъ рощи, вынуждаетъ у хора дозволеніе остаться въ землѣ: боязливые старцы согласны на все, чтобы только не коснулась ихъ бѣда за нарушеніе святыни. Но молва о бѣдствіяхъ Лабдакидовъ уже распространилась повсюду, и хоръ, который чувствовалъ суевѣрный страхъ при одномъ видѣ слѣпаго скитальца, теперь объятъ новымъ ужасомъ, услышавъ его имя. Даже трогательныя мольбы Антигоны не могутъ побѣдить этого ужаса. Опасенія Эдипа, чтобъ не зрѣли въ немъ святотатца, были справедливы, и гонимый старецъ въ слѣдующей за тѣмъ рѣчи очень искусно обращаетъ обвинительныя слова хора противъ него-же самого. Онъ внушаетъ ему сомнѣніе на счетъ того, будетъ-ли дѣйствительно благочестіе изгонять невиннаго страдальца. Тогда новый внезапный страхъ совершить преступленье чрезъ это са-

ЭДИПЪ.

Что-жъ пользы въ мнѣньи, въ той молвѣ прекрасной,
Напрасно всюду разносимой, будто
Аѳины больше всѣхъ благочестивы,
И странника, постигнутаго зломъ,
Однѣ спасутъ, однѣ въ защиту примутъ?
Со мною такъ-ли поступили вы?
Велѣвъ уйти отъ этихъ мѣстъ, потомъ
Изгнать хотите, только одного
Бояся имени!... Не тѣло это
И не дѣла мои, конечно, страшны:
Мои дѣла я выстрадалъ скорѣе,
Чѣмъ совершилъ, ужъ если вспоминать
Объ матери моей и объ отцѣ —
Что и пугаетъ васъ во мнѣ: я твердо
Увѣренъ въ этомъ. Какъ-же отъ природы
Дурнымъ назвать меня, когда я только
Зломъ воздавалъ за зло [1])?... и будь сознанье
Въ моихъ дѣлахъ, все-жъ не былъ-бы я злымъ.
Но ничего не вѣдая, дошелъ я,
Ужъ до чего дошелъ [2]), и знали только,
Что гибну, тѣ, отъ коихъ я терпѣлъ.
Вотъ почему, богами, чужеземцы,
Молю васъ: какъ сойти велѣли, дайте
Мнѣ и пріютъ. Иль чтить боговъ хотите,
И послѣ ни во что боговъ не ставить?
Глядятъ и на людей благочестивыхъ,
Глядятъ они и на безбожныхъ... могъ-ли
Когда преступный ихъ избѣгнуть взора?
Не помрачай-же ты Аѳинъ счастливыхъ,
Служа худымъ дѣламъ; но какъ ужъ принялъ

мое изгнаніе овладѣваетъ хоромъ, и онъ соглашается дождаться рѣшенія Ѳезея. Къ тому-же способствуетъ увѣренность, съ которою Эдипъ говоритъ о правотѣ своей, и лестная его похвала благочестію и гостепріимству Аѳинянъ. Вообще въ характерѣ Эдипа съ опытностью старца соединяется тонкая діалектика ума, свойственная не столько Ѳивянамъ, сколько Аѳинскому народу.

[1]) Эдипъ намекаетъ здѣсь на слова хора объ обманѣ.

[2]) Буквальный переводъ съ подлинника: *ἐκόμην ἵν' ἐκόμην*. Такая игра словъ очень часто встрѣчается въ Греческомъ, и мы считали себя не вправѣ отступать отъ нея, гдѣ это сколько-нибудь дозволялъ духъ Русскаго языка. Эдипу горько припоминать свои бѣдствія, и онъ говоритъ объ нихъ общими словами. Это особенно кстати здѣсь, передъ лицемъ слишкомъ боязливаго и впечатлительнаго хора.

Молящаго съ довѣріемъ къ тебѣ,
Спаси меня и защити; при видѣ
Моей главы, невыносимой зрѣнью,
Не оскорби меня. Я святъ и чистъ
Явлюсь къ вамъ, и прибыль обѣщаю
Гражданамъ здѣшнимъ. Вотъ, когда придетъ
Тотъ господинъ, который вами правитъ,
Услышитъ и узнать все: межъ тѣмъ,
Покуда нѣтъ его, исполни слово.

ХОРЪ.

Намъ, старецъ, доводы твои вселяютъ
Благоговѣйный трепетъ; не пустыя
Ты произнесъ слова: доволенъ буду,
Какъ царь земли разсмотритъ это дѣло.

ЭДИПЪ.

Но гдѣ-жъ правитель этотъ, чужеземцы!

ХОРЪ.

Живетъ въ отцовскомъ городѣ своемъ;
За нимъ пошелъ тотъ самый человѣкъ,
Что и меня сюда привелъ.

ЭДИПЪ.

И будто
Онъ будетъ столь внимателенъ къ слѣпцу,
Заботливъ такъ, что даже самъ придетъ?

ХОРЪ.

Конечно, такъ-какъ знаетъ твое имя [1]).

ЭДИПЪ.

Но кто-жъ его объ этомъ извѣститъ?

---

[1]) Путникъ, призвавшій хоръ и потомъ посланный въ городъ, могъ только извѣстить, что явился слѣпой старикъ, потому-что не слышалъ имени Эдипа. Хоръ далѣе полагаетъ, что Ѳезей можетъ узнать объ этомъ дорогою отъ другихъ путниковъ. Въ такихъ отношеніяхъ къ царю выражается патріархальная простота нравовъ въ героическомъ вѣкѣ, а *большая дорога*, между Колономъ и Аѳинами, по которой много расходится вѣстей, намекаетъ уже на современную Софоклу населенность мѣста.

ХОРЪ.

Большая здѣсь дорога: много разныхъ
Вѣстей разносятъ путники; повѣрь,
Отъ нихъ узнавъ, придетъ онъ. О тебѣ,
Старикъ, молва звучитъ повсюду, такъ что,
И еслибъ медлилъ, поспѣшитъ сюда,
Твое услышавъ имя?

ЭДИПЪ.

О пускай-же
Идетъ на счастье граду своему
И мнѣ... Кто-жъ, добрый, недругомъ себѣ?

АНТИГОНА.

Зевсъ! что подумать мнѣ, отецъ? Нѣтъ словъ!

ЭДИПЪ.

Что-жъ это, Антигона, другъ?

АНТИГОНА.

Вотъ, вижу:
На Сицилійской лошади сюда
Къ намъ ѣдетъ женщина: ея лице
Широкія поля Ѳессальской шляпы
Отъ солнца кроютъ [1]). Что сказать? Неужли
Ошиблась я?... Она иль не она?
И да, и нѣтъ, и, что сказать, не знаю...
Ахъ скоро-ли? Она! сомнѣнья нѣтъ...
Вотъ, подъѣзжая, радостнымъ меня
Ласкаетъ взоромъ... Да! не кто другой:
То милая сестра моя, Исмена.

ЭДИПЪ.

Что говоришь, дитя?

---

[1]) Въ подлин. *Αἰτναία πῶλος* и *Θεσσαλὶς κυνῆ* (конь съ Этны и Ѳессалійская шляпа). Сицилійскіе кони славились въ Греціи по причинѣ многихъ побѣдъ, одержанныхъ на играхъ. Ѳессалійскія шляпы были родъ широкопольныхъ шляпъ, какія носили путешественники и пастухи. По причинѣ полей, закрывавшихъ лице, Антигона и не вдругъ можетъ узнать ѣдущей женщины. Коня, разумѣется, не является на сценѣ: надо предположить, что онъ оставленъ на рукахъ слуги.

АНТИГОНА.

Вотъ дочь твоя,
Моя сестра: по голосу сейчасъ
Ее узнаешь.

ИСМЕНА.

О сладчайшихъ два
Названья мнѣ, отецъ мой и сестра!
Съ трудомъ нашла я васъ, теперь отъ слезъ
Съ трудомъ васъ вижу.

ЭДИПЪ.

Ты пришла, дитя?

ИСМЕНА.

Отецъ, отецъ злосчастный!

ЭДИПЪ.

Дочь, ты здѣсь?

ИСМЕНА.

И не безъ горя...

ЭДИПЪ.

Прикоснись ко мнѣ.

ИСМЕНА.

Обоихъ вмѣстѣ обниму.

ЭДИПЪ.

О дочь
Единой крови!

ИСМЕНА.

Горестная жизнь [1])...

ЭДИПЪ.

Моя и этой дѣвы?

ИСМЕНА.

И моя,
Въ несчастьи третьей!

---

[1]) Въ подл. *ὦ δυσάθλιοι τροφαί. Τροφη* здѣсь поставлено во множеств. числѣ; оно означаетъ «образъ жизни и вмѣстѣ воспитаніе», такъ-что Исмена дѣлаетъ намекъ на общее ихъ несчастное происхожденіе.

ЭДИПЪ.

Что-же привело
Тебя, дитя?

ИСМЕНА.

Забота объ отцѣ.

ЭДИПЪ.

Меня желала видѣть?

ИСМЕНА.

И пришла,
Какъ вѣстница, съ однимъ слугою вѣрнымъ.

ЭДИПЪ.

А гдѣ-же брятья взрослые? Что́ съ ними?

ИСМЕНА.

Пусть гдѣ ни будутъ! Что́ у нихъ теперь,
Подумать страхъ...

ЭДИПЪ.

О, какъ во всемъ подобны
Характеръ ихъ и этотъ образъ жизни
Обычаямъ Египта. Тамъ мужчины
Сидятъ въ домахъ и ткутъ, а жены, сестры
Всегда внѣ дома добываютъ хлѣбъ [1]).
Изъ васъ, дѣтей моихъ, кому-бы должно
Принять весь трудъ: тѣ за стѣной, какъ дѣвы,
Себѣ живутъ, а вмѣсто ихъ со мной
Вы бѣдствія несете черезъ силу.
Она вотъ только подросла и тѣломъ
Окрѣпла, ужъ слѣпца, бѣдняжка, водитъ,
Со мной скитаясь; и блуждаетъ часто
Безъ обуви, безъ пищи въ дикихъ дебряхъ,
Злосчастная, терпя и дождь ненастный,
И солнца зной: и мало о себѣ
У ней заботы, былъ-бы свѣтъ-отецъ.
И ты, дитя, пришла ко мнѣ и прежде,

---

[1]) Эдипъ не знаетъ еще о распрѣ сыновей, и полагаетъ, что они живутъ праздными въ дому, по обычаю Египтянъ, о которомъ говоритъ и Геродотъ (2, 35).

Неся извѣстье тайно отъ Кадмейцевъ
О всѣхъ, произнесенныхъ обо мнѣ,
Оракулахъ [1]), и вѣрнымъ стражемъ стала
Изгнаннику отцу—и нынѣ вновь
О чемъ-то вѣсть, Исмена, мнѣ приносишь.
Что изъ дому тебя призвало? Ты
Пришла не даромъ, твердо въ томъ увѣренъ:
Чего-нибудь ужъ страшнаго я жду.

ИСМЕНА.

Что претерпѣла мукъ, отецъ, ища,
Гдѣ промышляешь ты свой хлѣбъ насущный,
Разсказывать не буду: не хочу я
Страдать вторично, говоря объ этомъ.
Какое-жъ зло несчастныхъ сыновей
Твоихъ постигло нынѣ, возвѣстить
Пришла объ этомъ. Прежде между ними
Соревнованье было, чтобъ Креону
Оставить тронъ и не пятнать отчизны.
Ту гибель рода древняго, какая
Висѣла надъ твоимъ несчастнымъ домомъ,
Они разумно помнили: а нынѣ
Какой-то богъ, иль ихъ преступный умъ
Внушилъ втройнѣ несчастнымъ злую ревность:
Власть царскую себѣ присвоивъ, править.
И Полиника, старшаго рожденьемъ,
Годами юный, младшій братъ престола
Лишилъ, и изъ отчизны изгналъ; тотъ-же,
Какъ разошлась у насъ молва, бѣжавъ
Въ пригорный Аргосъ [2]), новое родство
Себѣ нашелъ и бранную дружину,
Чтобъ Аргосъ иль Кадмейцевъ землю взять,

---

[1]) Объ этихъ оракулахъ нигдѣ больше не говорится. Софоклъ, упоминая чачто объ оракулахъ, хочетъ только показать, какое участіе принимаютъ боги въ судьбѣ Эдипа.

[2]) Въ подл. *το κοίλον Ἄργος* (углубленный Аргосъ). Такъ назывался Пеласгійскій Аргосъ въ Пелопонезѣ, въ отличіе отъ другихъ, потому-что лежалъ въ углубленіи между горами, и только къ югу былъ открытъ со стороны моря. Изъ двухъ братьевъ у Эсхила изгнаннымъ является младшій; но Софоклъ называетъ старшимъ Полиника, чтобы тѣмъ явственнѣе представить нарушеніе родственныхъ связей между сыновьями Эдипа. Полиникъ, какъ самъ послѣ разсказываетъ, пришедъ въ Аргосъ, становится зятемъ царю Адрасту. У Эсхила (Семъ противъ Ѳивъ) мы видимъ его также чрезвычайно озлобленнымъ и высокомѣрнымъ.

Возвыситься побѣдой или славой.
И это не слова одни, отецъ,
А страшныя дѣла. Не знаю, гдѣ
Твоимъ бѣдамъ конецъ положатъ боги.

ЭДИПЪ.

Есть, значитъ, у тебя надежда: боги
Когда-нибудь да взглянутъ на меня,
И отъ бѣды избавятъ

ИСМЕНА.

Такъ, отецъ,
По нынѣшнимъ оракуламъ сужу.

ЭДИПЪ.

Какимъ-же? Что изречено богами?

ИСМЕНА.

Живаго или мертваго тебя
Желать когда-то люди той земли
Для своего спасенья будутъ [1]).

ЭДИПЪ.

Что́-же
Имъ пользы отъ такого человѣка?

ИСМЕНА.

Въ тебѣ, какъ слышно, сила ихъ лежитъ.

ЭДИПЪ.

Какъ ужъ меня не будетъ, лишь и буду
Полезнымъ я.

---

[1]) Этотъ новый оракулъ, болѣе опредѣленный, служитъ дополненіемъ къ тому, о которомъ упоминалъ самъ Эдипъ въ началѣ драмы. Онъ уже имѣетъ прямое отношеніе къ самимъ Кадмейцамъ (Ѳиванцамъ); но неясность выраженія (Въ тебѣ лежитъ ихъ сила) способствовала тому, что Креонъ понялъ его чисто внѣшнимъ образомъ: овладѣвъ насильно Эдипомъ, думалъ онъ оказать услугу родинѣ. Эдипъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій окончательнаго рѣшенія судьбы своей, подробно разспрашиваетъ обо всемъ, какъ будто-бы ничего не зналъ; въ сущности Аполлонъ извѣщаетъ его только объ исполненіи того, что обѣщалъ прежде.

ИСМЕНА.

Губили прежде, нынѣ
Тебя возносятъ боги [1].

ЭДИПЪ.

Жалко думать:
Кто юнымъ палъ, на старости поднялся.

ИСМЕНА.

Однако знай: за этимъ вотъ Креонъ
Придетъ въ недолгомъ времени.

ЭДИПЪ.

Что дѣлать
Онъ хочетъ, дочь, скажи мнѣ.

ИСМЕНА.

На границѣ
Земли Кадмейской помѣстятъ тебя,
Чтобы имѣть въ рукахъ, а въ землю все-же
Ты не войдешь.

ЭДИПЪ.

И что за польза имъ,
Когда лежать я буду внѣ.

ИСМЕНА.

Печальна
Для нихъ твоя могила на чужбинѣ.

ЭДИПЪ.

И безъ боговъ понять-бы это всякій
Разсудкомъ могъ.

---

[1]) Эдипъ подъ силою разумѣетъ болѣе физическую силу; Исмена-же объясняетъ, какъ надо понимать изреченіе боговъ. Весь послѣдующій разговоръ отличается двусмысленностью и неопредѣленностью выраженій совершенно въ духѣ изреченій оракула. Уловка Креона состоитъ въ томъ, чтобы схватить Эдипа еще живаго, и, поселивъ его близъ Ѳивъ, послѣ смерти героя воспользоваться благословеніемъ, происходящимъ отъ его могилы. Властелинъ Ѳивъ думаетъ такимъ образомъ, извлекши всю пользу изъ новаго положенія Эдипа, избѣгнуть и опасности, какая, сообразно съ первымъ оракуломъ объ убійцѣ Лая, могла произойти отъ присутствія его въ родномъ городѣ. Софоклъ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ трагедіи, имѣлъ мысль показать, до какихъ нелѣпыхъ крайностей доводитъ одно формальное исполненіе обряда.

ИСМЕНА.

По этому тебя
И положить близъ ихъ земли хотятъ,
Не по твоей лишь волѣ.

ЭДИПЪ.

И покроютъ
Меня Ѳиванскимъ прахомъ?

ИСМЕНА.

Нѣтъ, того
Родная кровь, отецъ, не дозволяетъ [1]).

ЭДИПЪ.

То мною никогда имъ не владѣть.

ИСМЕНА.

И будетъ тяжко нѣкогда Кадмейцамъ.

ЭДИПЪ.

Дитя! какая-жъ этому причина?

ИСМЕНА.

Твой гнѣвъ, какъ станутъ у твоей могилы.

ЭДИПЪ.

Что́ говоришь, ты отъ кого-нибудь
Слыхала, дочь?

ИСМЕНА.

Слыхала отъ людей,
Дельфійскую святыню вопрошавшихъ.

ЭДИПЪ.

И точно это Фебъ сказалъ о мнѣ?

ИСМЕНА.

Такъ говорятъ пріѣхавшіе въ Ѳивы.

---

[1]) Т. е. кровь отца, пролитая тобою. Эдипъ согласился-бы возвратиться, если-бы нашелъ хотя могилу на родинѣ; но лицемѣрный Креонъ и этого лишилъ его.

ЭДИПЪ.

А слышалъ кто изъ сыновей объ этомъ?

ИСМЕНА.

Тотъ и другой, и вѣдаютъ отлично.

ЭДИПЪ.

Негодные! и знавши это, царство
Желанью быть со мною предпочли?

ИСМЕНА.

Хоть грустно слышать, но сказать должна я.

ЭДИПЪ.

Пускай-же, волею боговъ, не стухнетъ
Вражда, опредѣленная имъ рокомъ,
И пусть во мнѣ лежитъ рѣшенье распри,
Въ которой другъ на друга ополчились, —
Чтобы ни тотъ, кто скиптръ и тронъ имѣетъ,
На тронѣ не остался, ни бѣжавшій
Когда-нибудъ обратно не пришелъ.
Родитель такъ безчестно изъ отчизны
У нихъ былъ изгоняемъ: удержать,
Иль защитить не думали они;
Снесли, чтобъ высланъ былъ я изъ земли
И возвѣщенъ изгнанникомъ. Ты скажешь,
Что по желанью моему тогда
Мнѣ городъ это присудилъ законно...
О нѣтъ! въ тотъ самый день, когда еще
Душа кипѣла, и всего-бы слаще
Была мнѣ смерть, побитому камнями,
Никто въ желаньи этомъ мнѣ услуги
Не оказалъ; а послѣ ужъ, какъ вся
Затихла боль, и я узналъ, что гнѣвъ,
Меня увлекшій, больше чѣмъ сперва
Проступки, былъ карателемъ моимъ —
Тогда, ужъ поздно, силой изгоняютъ
Меня граждане изъ родной земли!
А тѣ, что услужить могли-бъ отцу,
Родныя дѣти, не хотѣли даже
Сказать двухъ словъ въ защиту: въ ихъ глазахъ

Бѣжалъ изгнанникомъ и нищимъ я!
Вы дѣвушки; но сколько вашихъ силъ
Достало, все отъ васъ имѣю: хлѣбъ,
Кровъ на землѣ и дѣтскую заботу.
Они-жъ, забывъ родителя, рѣшаютъ
О тронахъ, да о власти надъ землею.
Но не найдутъ помощника во мнѣ;
Не будетъ никогда имъ въ пользу этотъ
Кадмейскій скиптръ: увѣренъ я, какъ слышу
Оракулъ новый и припоминаю
Себѣ реченья старыя, когда-то
Свершенныя мнѣ Фебомъ. Пусть Креона
За мною шлютъ, или кого другаго
Изъ сильныхъ въ градѣ: если, чужеземцы,
И вы дадите помощь кромѣ этихъ,
Священныхъ вамъ, отеческихъ богинь,
То будетъ граду вашему великій
Защитникъ, а врагамъ моимъ напасть.

ХОРЪ.

И ты, Эдипъ, и дочери твои
Достойны состраданья. Если этой
Земли спасителемъ себя ужъ назвалъ,
Хочу тебѣ полезный дать совѣтъ.

ЭДИПЪ.

О другъ! исполню все теперь охотно.

ХОРЪ.

Сверши теперь чистительную жертву
Богинямъ, къ коимъ ты сперва пришелъ,
Которыхъ землю попиралъ [1]).

---

[1]) Послѣ того, какъ хоръ согласился предоставить дѣло рѣшенію царя, сцена съ Исменой, исполненіе жертвы и новая комматическая пѣснь развлекаютъ вниманіе зрителей до прихода Ѳезея. Необходимость этихъ сценъ объяснить не трудно. Явленіе Исмены мгновенно возвеличиваетъ Эдипа въ глазахъ хора: извѣстіемъ объ оракулѣ подтверждаются слова слѣпаго пришельца, котораго хоръ считалъ лживымъ. Къ ожиданію Ѳезея присоединяется ожиданіе новыхъ столкновеній въ драмѣ. Старѣйшины Колонскіе теперь сами совѣтуютъ принести жертву богинямъ: хотя въ этомъ выражается еще прежній страхъ, чтобъ богини не покарали за нарушеніе святыни; но, предоставляя исполненіе жертвы Эдипу, они оказываютъ уже довѣріе къ его чистотѣ нравственной. Что касается Эдипа, эта жертва необходима, какъ свидѣтельство полнаго его примиренія съ подземными богинями.

ЭДИПЪ.

Какъ сдѣлать,
Наставьте, чужеземцы.

ХОРЪ.

Почерпни
Сперва изъ вѣчнолькющаго ключа
Воды священной чистыми руками.

ЭДИПЪ.

Что-жъ дѣлать, какъ несмѣшанной я этой
Достану влаги?

ХОРЪ.

Есть въ лѣсу кувшины,
Искуснымъ мужемъ сдѣланные: въ нихъ
Обвей головки и двойныя ручки [1]).

ЭДИПЪ.

Вѣтвями, нитями, иль чѣмъ другимъ?

ХОРЪ.

Младой овцы вновь срѣзанной волною.

ЭДИПЪ.

Такъ. Что-же дальше долженъ я исполнить?

ХОРЪ.

Лить возліянья, обратясь къ востоку.

ЭДИПЪ.

Кувшинами, о коихъ ты сказалъ.

Въ комматической пѣсни, которая за тѣмъ слѣдуетъ, Эдипъ вновь долженъ очистить свою совѣсть сознаніемъ преступленій. Хоръ какъ будто изъ любопытства спрашиваетъ его о содѣланномъ; но это горестное сознаніе очень кстати въ то время, когда совершается чистительная жертва. Такимъ образомъ къ приходу Ѳезея становится вполнѣ яснымъ, о чемъ еще можетъ Эдипъ просить царя и на какомъ основаніи давать свои обѣщанія. Теперь вполнѣ оправдывается то, что въ самомъ началѣ Эдипъ сказалъ хору: «Я чистъ и свять являюсь къ вамъ».

[1]) Для очищенія всегда употреблялась текучая вода. Глиняные кувшины для разнаго употребленія во время жертвъ должны были находиться въ святилищѣ Евменидъ подъ надзоромъ одного изъ служителей храма. Ручки ихъ названы *ἀμφιστόμοι* (обоюдные), потому-что придѣланы были съ той и другой стороны.

ХОРЪ.

Да, трижды, и послѣдній весь.

ЭДИПЪ.

Но чѣмъ
Его наполню, объясни и это.

ХОРЪ.

Водою, медомъ, только безъ вина.

ЭДИПЪ.

Когда-же темнолистная земля
Все это приметъ?

ХОРЪ.

Трижды девять вѣтокъ
Оливныхъ положивъ изъ рукъ обѣихъ,
Произнеси молитву [1]).

ЭДИПЪ.

Слышать я
Хочу, какую: въ этомъ вся и сила.

ХОРЪ.

«Зовемъ васъ благодушными [2]): примите-жъ
Молящаго защиты благодушно». —
Ты самъ проси, иль за тебя другой,
Чуть внятно говоря, безъ восклицаній.
Потомъ уйди, не обращаясь. Вотъ,
Когда ты это сдѣлаешь, то смѣло
Я помогу тебѣ: иначе, странникъ,
Я за тебя страшусь

ЭДИПЪ.

Слыхали, дѣти,
Что намъ туземцы говорятъ?

---

[1]) Олива вообще употреблялась въ примирительныхъ жертвахъ. Молоко, медъ и оливковое масло приносились также въ жертву тѣнямъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ совершено возліяніе, нужно было, по указанію хора, положить изъ обѣихъ рукъ по три раза девять вѣтокъ.

[2]) Греческое названіе «Евмениды» значитъ по-Русски: благодушныя. Молитва имъ исполнялась тихо: отъ того и фамилія жрецовъ, имъ служившихъ, называлась *Ησυχίδαι* (безмолвные).

АНТИГОНА.

Слыхали.
Устрой-же все, какъ слѣдуетъ, теперь.

ЭДИПЪ.

Я самъ идти не въ-силахъ; зло двойное
Во мнѣ: я слабъ и слѣпъ; одна изъ васъ
Пускай пойдетъ и сдѣлаетъ. Надѣюсь,
Исполнить это и одной души
Довольно вмѣсто тысячи, когда
Благія мысли въ ней. Скорѣе-жъ къ дѣлу.
Прошу, меня однимъ не оставляйте:
Такой больной старикъ, какъ я, и съ мѣста
Не двинется, оставшись безъ вождя.

ИСМЕНА.

Пойду, исполню я. Хочу лишь знать,
Гдѣ это мѣсто мнѣ найти?

ХОРЪ.

Вонъ тамъ,
При выходѣ изъ лѣсу, чужеземка;
А если нужно будетъ что-нибудь,
То житель нашъ разскажетъ [1]).

ИСМЕНА.

Ужъ иду я.
Ты-жъ, Антигона, оставайся здѣсь
Стеречь отца: кто для родившихъ поднялъ
И трудъ, не долженъ помнить о трудѣ.

ХОРЪ.

Пришлецъ, хоть и горько давно ужъ почившее зло пробуждать,
Но все-же хотѣлъ-бы узнать.

ЭДИПЪ.

О чемъ-же?

---

[1]) Эдипъ рѣшилъ, что все дѣло не въ торжественности обряда, а въ искренности чувства, съ которымъ обрядъ совершается. Исмена, по словамъ хора, должна исполнить его — *τουκεῖθεν ἄλσους* (въ направленіи изъ лѣсу), т. е. обратясь лицемъ къ хору. Уходъ Исмены, какъ увидимъ, необходимъ для слѣдующаго дѣйствія.

ХОРЪ.

Объ этомъ, постигшемъ тебя
Безвыходно-жалостномъ горѣ.

ЭДИПЪ.

Гостепріимства ради твоего
Не раскрывай моихъ позорныхъ мукъ.

ХОРЪ.

Хочу вѣчнослышную всюду
Молву, чужеземецъ, повѣрить.

ЭДИПЪ.

Увы!

ХОРЪ.

Склонись, умоляю.

ЭДИПЪ.

О горе!

ХОРЪ.

Послушай, и сдѣлаю, что ни попросишь.

ЭДИПЪ.

Антистрофа 1.

Я зло, чужеземцы, понесъ — видитъ богъ, что понесъ противъ воли:
И самъ не виновенъ ни въ чемъ.

ХОРЪ.

То какъ-же?

ЭДИПЪ.

Я не зналъ ничего: меня городъ
Злымъ бракомъ связалъ на бѣду.

ХОРЪ.

Правда-ль это?

ЭДИПЪ.

Увы! мнѣ смерть это слышать.
Этихъ двое моихъ....

ХОРЪ.

Что такое?

ЭДИПЪ.

Этихъ бѣдственныхъ двое дѣтей....

ХОРЪ.

О Зевесъ!

ЭДИПЪ.

Родились отъ единой утробы со мною.

ХОРЪ.

Строфа 2.

Онѣ отъ тебя родились?

ЭДИПЪ.

Онѣ же и сестры отцу.

ХОРЪ.

Увы!

ЭДИПЪ.

О сплетенье безчисленныхъ бѣдствій!

ХОРЪ.

Ты стерпѣлъ.

ЭДИПЪ.

Я стерпѣлъ неисходное горе.

ХОРЪ.

И сдѣлалъ....

ЭДИПЪ.

Не сдѣлалъ....

ХОРЪ.

То какъ-же?

ЭДИПЪ.

Я принялъ
Даръ, какого не думалъ, несчастный,
Никогда заслужить отъ гражданъ [1]).

---

[1]) Комматическая пѣснь всегда отличается живымъ лирическимъ движеніемъ. Отъ того въ ней часто встрѣчается игра словъ, недосказанность и перерывы въ

ХОРЪ.

Антистрофа 2.

Да, злосчастный, вполнѣ.... ты убилъ....

ЭДИПЪ.

Что-жъ это? что-жъ хочешь узнать?

ХОРЪ.

Отца?

ЭДИПЪ.

О мука! еще за ударомъ ударъ!

ХОРЪ.

Умертвилъ....

ЭДИПЪ.

Умертвилъ; но и мнѣ есть немного....

ХОРЪ.

Чего-жъ?

ЭДИПЪ.

Оправданья.

ХОРЪ.

Какого?

ЭДИПЪ.

Скажу:
Умертвилъ, погубилъ я, захваченъ бѣдой,

рѣчи. Здѣсь волненіе чувства видимъ мы и въ хорѣ и въ Эдипѣ: оба они поочередно ужасаются дѣлъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Эдипъ неохотно, въ общихъ словахъ, пересказываетъ свое бѣдствіе: хоръ, хотя и нетерпѣливо желаетъ все узнать, едва смѣетъ спрашивать. Оба, какъ будто, страшатся понимать, что слышали одинъ отъ другаго. «И сдѣлалъ?... (въ подл. *ἔρεξας.... οὐκ ἔρεξα* и проч.), т. е. ты «сдѣлалъ страшное преступленіе» хочетъ сказать хоръ. Но Эдипъ, оправдывая себя, прерываетъ его: «Я не сдѣлалъ, а принялъ въ даръ отъ города.» Эдипъ, когда первый разъ пришелъ въ Ѳивы, то, одолѣвъ Сфинкса, за свой подвигъ избранъ гражданами царемъ и получилъ отъ города себѣ въ жены Іокасту, вдову убитаго царя Лая, вовсе не знавъ, что она мать его. Убійство отца случилось также по незнанью. Эдипъ на дорогѣ въ Дельфы, куда именно ходилъ, чтобъ узнать, кто его отецъ, встрѣтился съ Лаемъ, ѣхавшимъ въ колесницѣ. Возница царя хлеснулъ бичемъ шедшаго пѣшкомъ Эдипа. Такъ завязался споръ, имѣвшій слѣдствіемъ убійство (см. трагедію: «Эдипъ-царь»).

И чистъ предъ закономъ, затѣмъ,
Что на это я шелъ по незнанью.

ХОРЪ.

А вотъ и царь Ѳезей, Эгея сынъ,
Явился здѣсь по зову твоему [1]).

ѲЕЗЕЙ.

О гибели очей твоихъ кровавой
Ужъ прежде ото многихъ слыша, могъ-бы
Узнать тебя, сынъ Лая; нынѣ тоже
Дорогой слыша, узнаю вполнѣ.
Твоя одежда, твой печальный видъ
Мнѣ ясно говорятъ, что это ты;
И сострадая о тебѣ, хочу
Спросить, бѣднякъ Эдипъ, какую помощь
Я или городъ могутъ оказать
Тебѣ и бѣдной спутницѣ твоей.
Скажу — и нѣтъ столь тяжкаго труда,
Въ которомъ отказалъ-бы. Самъ не меньше
Я перенесъ, какъ выросталъ въ чужбинѣ,
И врядъ-ли кто на голову свою
Межъ иноземцевъ столько принялъ бѣдъ [2]).
То странника, подобнаго тебѣ,
Не допущу погибнуть.... человѣкъ я,
И знаю самъ, что завтрашнимъ я днемъ
Ничуть не больше твоего владѣю.

---

[1]) Давно ожиданное явленіе Ѳезея прекрасно заканчиваетъ первый эпейзодіонъ. Эдипъ, какъ обладающій высшею силою, представляется наконецъ въ возвышенномъ образѣ прорицателя. Въ характерѣ Ѳезея Софоклъ изобразилъ идеалъ истиннаго благочестія и той человѣчности, которою такъ справедливо славились Аѳины. Между-тѣмъ-какъ хоръ только послѣ многихъ доводовъ, до конца не будучи въ силахъ побѣдить въ себѣ суевѣрнаго страха, дозволяетъ остаться Эдипу въ землѣ, Ѳезей съ первой минуты готовъ всѣмъ жертвовать для несчастнаго странника. Онъ не спрашиваетъ, прогнѣваются или нѣтъ богини Евмениды, будетъ польза или вредъ отъ присутствія Эдипа: для его благороднаго поступка довольно знать, что Эдипъ такой-же человѣкъ, какъ онъ, и кромѣ того терпитъ бѣдствіе. Еще разительнѣе противуположность съ Креономъ, который хочетъ исполнить оракулъ, засадивъ Эдипа на границѣ Ѳивъ. Въ сценѣ съ Ѳезеемъ развивается также мысль о борьбѣ Аѳинъ съ Ѳивами, о которой въ первый разъ зритель заключаетъ изъ разсказа Исмены.

[2]) Ѳезей, сынъ Эѳры, воспитывался въ Трезенѣ у дѣда своего Питѳея. Проходя чрезъ Исѳемъ въ Аѳины, гдѣ отыскивалъ отца своего Эгея, онъ много перенесъ бѣдъ, сражаясь съ разбойниками и разными чудовищами. Подвиги его славились не менѣе подвиговъ Геркулеса. См. Плутарха Жизнеописаніе Ѳезея.

ЭДИПЪ.

Ѳезей! въ словахъ немногихъ все сказать
Твое мнѣ дозволяетъ благородство.
Кто я, кто мой отецъ, и изъ какой
Земли пришелъ я, ты ужъ это знаешь:
Одно осталось только объяснить,
Въ чемъ я нуждаюсь, — и конецъ разсказу.

ѲЕЗЕЙ.

Вотъ это объясни теперь, чтобъ зналъ я.

ЭДИПЪ.

Тебѣ я въ даръ несчастное мое
Вручаю тѣло, жалкое на видъ,
Но больше пользы въ немъ, чѣмъ красоты [1]).

ѲЕЗЕЙ.

Какую-жъ пользу хвалишься принесть?

ЭДИПЪ.

Нѣтъ! не теперь, со временемъ узнаешь.

ѲЕЗЕЙ.

Когда-же даръ твой объяснится мнѣ?

ЭДИПЪ.

Когда умру, и ты меня схоронишь.

ѲЕЗЕЙ.

Послѣдній просишь долгъ тебѣ отдать,
А что еще при жизни, ты забылъ,
Или совсѣмъ не цѣнишь?

ЭДИПЪ.

Что при жизни,
Все клонится къ тому-же.

---

[1]) Идея представить нравственно-могучимъ человѣка, физически безобразнаго, совершенно новая. У Грековъ обыкновенно понятіе о красотѣ внутренней соединялось съ понятіемъ о красотѣ внѣшней. Извѣстна ихъ *καλοκἀγαθία* (прекрасно-доброе).

ѲЕЗЕЙ.

Не большой-же
Ты просишь милости.

ЭДИПЪ.

Смотри однако....
Да, тутъ борьба не малая.

ѲЕЗЕЙ.

Какая?
Между твоими, думаешь, и мною?....

ЭДИПЪ.

Перевести къ себѣ меня насильно
Они желаютъ.

ѲЕЗЕЙ.

Если ужъ желаютъ,
То и тебѣ не слѣдуетъ бѣжать.

ЭДИПЪ.

Но, какъ хотѣлъ я самъ, не дали воли.

ѲЕЗЕЙ.

Безумецъ! гнѣвъ въ несчастьи безполезенъ.

ЭДИПЪ.

Узнай сперва, а тамъ увѣщевай.

ѲЕЗЕЙ.

Скажи: не знавши дѣла, я не долженъ
И толковать.

ЭДИПЪ.

Бѣдъ страшныхъ безъ числа
Я претерпѣлъ, Ѳезей!

ѲЕЗЕЙ.

Упоминаешь
О старомъ бѣдствіи въ роду?

ЭДИПЪ.

О нѣтъ!
Всѣ Эллины давно объ этомъ знаютъ.

ѲЕЗЕЙ.

Что-жъ могъ-бы сверхъ понятій человѣка
Ты перенесть?

ЭДИПЪ.

Со мною было такъ.
Родными сыновьями изъ земли
Я изгнанъ, а вернуться никогда ужъ,
Отцеубійцѣ, мнѣ нельзя.

ѲЕЗЕЙ.

То какъ-же
Шлютъ за тобой, чтобъ жилъ ты внѣ земли?

ЭДИПЪ.

Святое слово понуждаетъ ихъ.

ѲЕЗЕЙ.

Какимъ-же зломъ оракулъ имъ грозитъ?

ЭДИПЪ.

Что ихъ судьба на этой пасть землѣ.

ѲЕЗЕЙ.

Но какъ случится ихъ вражда со мною?

ЭДИПЪ.

О другъ мой, сынъ Эгея! Лишь богамъ
Вовѣкъ невѣдома ни смерть, ни старость.
Все прочее уничтожаетъ время
Всевластное: земная гибнетъ сила
И сила тѣла; умираетъ вѣра,
Растетъ невѣрность — и ни въ дружныхъ людяхъ,
Ни въ городахъ взаимно межъ собою
Не остается тотъ-же духъ любви.
Однимъ ужъ нынѣ, для другихъ позднѣе,

Что́ было сладкимъ — горько, и опять
Пріятнымъ станетъ. Это Ѳивы нынѣ
Съ тобой въ согласьи лучшемъ пребываютъ:
Но вотъ пройдетъ безчисленное время,
Родивъ безчисленно ночей и дней,
И нынѣшній союзъ согласный будетъ
Копьемъ разорванъ по причинѣ малой;
И тутъ почившій, погребенный трупъ мой
Холодный теплой крови ихъ напьется,
Когда Зевесъ еще Зевесъ, и Фебъ,
Зевесовъ сынъ, не лживъ [1]). Но говорить,
О сокровенныхъ тайнахъ непріятно;
На томъ, съ чего я началъ, и стою:
Будь только вѣренъ данному мнѣ слову,
И, если не обманутъ я богами,
Не скажешь, что Эдипа безполезно
Ты принялъ поселенцемъ этихъ мѣстъ.

ХОРЪ.

Царь, этотъ человѣкъ уже давно
Такія и подобныя даетъ
Намъ обѣщанья.

ѲЕЗЕЙ.

Кто-жъ отвергнуть могъ-бы
Такого человѣка добродушье?
Во-первыхъ, съ нимъ гостепріимный нашъ
Очагъ всегда былъ общимъ [2]), а потомъ,
Пришедъ на поклоненіе богинямъ,
Землѣ и мнѣ немалый даръ несетъ онъ.
Все это свято чтя, не откажусь
Отъ дружбы съ нимъ, и поселю средь гражданъ.
Коль чужеземцу мило здѣсь остаться,
Велю тебѣ его хранить, а если
Идти со мной угодно.... отдаю,

---

[1]) Это пориманіе о враждѣ Аѳинянъ съ Ѳиванцами имѣетъ отношеніе къ современнымъ Софоклу обстоятельствамъ. Особенно во время Пелопонезской войны разрушились всѣ прежнія дружелюбныя связи въ Греческихъ государствахъ, и никогда не были такъ зыбки вѣрность и сила человѣческая.

[2]) Здѣсь только намекъ на старинную дружбу Аѳинянъ съ Ѳиванцами, семейства Эгидовъ съ Лабдакидами. Самъ-же Эдипъ, выросши на чужбинѣ, ничего не зналъ объ этой дружбѣ, какъ видно изъ начала драмы, гдѣ онъ спрашиваетъ, кто правитъ въ Аѳинахъ.

Эдипъ, тебѣ на выборъ это. Такъ
Исполнить все надѣюсь.

ЭДИПЪ.

О Зевесъ!
Дай въ жизни всякихъ благъ подобнымъ людямъ....

ѲЕЗЕЙ.

То какъ рѣшился? въ домъ со мной пойдешь?

ЭДИПЪ.

Когда-бъ я могъ.... Но это мѣсто.....

ѲЕЗЕЙ.

Что-же
Здѣсь хочешь дѣлать? Не противлюсь я.....

ЭДИПЪ.

Здѣсь побѣжду людей, меня изгнавшихъ.

ѲЕЗЕЙ.

То намъ великій даръ твоей пріязни.

ЭДИПЪ.

Но до конца будь твердъ и вѣренъ въ словѣ.

ѲЕЗЕЙ.

Довѣрься смѣло мнѣ: ужъ я не выдамъ.

ЭДИПЪ.

Какъ лживыхъ, клятвой не свяжу тебя.

ѲЕЗЕЙ.

Имѣлъ-бы все-жъ не больше, чѣмъ по слову.

ЭДИПЪ.

То какъ намѣренъ сдѣлать?

ѲЕЗЕЙ.

Что всего
Тебѣ страшнѣе?

ЭДИПЪ.

Люди тѣ придутъ.

ѲЕЗЕЙ.

Объ этомъ вотъ они заботу примутъ.

ЭДИПЪ.

Смотри, когда оставишь....

ѲЕЗЕЙ.

Что мнѣ дѣлать,
Ужъ не учи.

ЭДИПЪ.

Страшась, учить я долженъ.

ѲЕЗЕЙ.

Мое безстрашно сердце.

ЭДИПЪ.

Ты не знаешь,
Какихъ угрозъ....

ѲЕЗЕЙ.

Я знаю, что тебя
Никто отсюда увезти безъ воли
Моей не можетъ. Многіе и многимъ
Грозили много по пустому въ гнѣвѣ;
Когда-жъ вернулся умъ, прошли угрозы.
Они о томъ, какъ увезти тебя,
Пожалуй, въ дерзости и страхъ что скажутъ;
Но знаю: путь сюда не близокъ имъ,
Не такъ покажется удобенъ! Могъ-бы
Ты смѣлымъ быть и безъ моей защиты,
Коль Фебъ тебя послалъ сюда; но знай:
Хоть я уйду, тебя отъ всѣхъ обидъ
Одно мое ужъ имя охранитъ.

Пародъ [1]).

ХОРЪ.

Строфа 1.

Этой богатой конями страны
Ты въ лучшее мѣсто пришелъ, чужеземецъ,
Въ бѣлый Колонъ, гдѣ больше всего
Сладкозвучный поетъ соловей,
Въ глубинѣ цвѣтущихъ долинъ.
Любитъ онъ темную зелень плюща
И эту, лишь богу доступную,
Плодами обильную чащу,
Чуждую солнцу и зимнимъ вѣтрамъ,
Гдѣ всегда Діонизій неистовый ходитъ
Въ хорѣ нимфъ-богинь, кормилицъ своихъ [2]).

---

[1]) *Пародомъ* (*πάροδος*) вообще называется первая, вступительная пѣснь хора Настоящій пародъ имѣетъ характеръ *стазимона*, т. е. пѣсни, которую, дотолѣ разсѣянный по сценѣ, хоръ поетъ, собравшись наконецъ въ оркестрѣ и установившись на одномъ мѣстѣ. Этимъ отличается настоящая пѣснь по формѣ отъ прежнихъ комматическихъ пѣсней, которыя въ строгомъ смыслѣ также можно-бы назвать пародами. Но тутъ отличіе не въ одной формѣ. Хоръ, прежде участвовавшій въ дѣйствіи, теперь получаетъ свое истинное назначеніе—быть связующимъ звеномъ между частями драмы и выражать чувства, естественно возникающія изъ драматическихъ столкновеній. Онъ воспѣваетъ хвалебную пѣснь Колону и Аттикѣ. Такая хвала имѣетъ смыслъ послѣ того, какъ туземцы въ лицѣ Ѳезея оказали столько великодушнаго участія къ гонимому страннику. Мѣсто, гдѣ, послѣ столькихъ страданій, Эдипъ находитъ себѣ вѣрный пріютъ и исполненіе надеждъ, о которомъ молилъ Евменидъ, должно показаться вдвойнѣ прекраснымъ и ему и сочувствующимъ зрителямъ. Но оно было прекрасно и безъ этихъ обстоятельствъ. Хоръ, восхваляя его красоту, богатство и силу, внушаетъ Эдипу еще болѣе довѣрія къ Аѳинянамъ: зритель начинаетъ догадываться, что Креону не устоять-бы въ борьбѣ и безъ неблагопріятнаго для него оракула. Кромѣ того, хвала Аттикѣ, помимо ея близкаго отношенія къ драмѣ, должна была возбудить живой патріотическій восторгъ на Аѳинскомъ театрѣ.

[2]) Хоръ начинаетъ хвалу, упоминая о коняхъ, и, какъ увидимъ, тѣмъ-же оканчиваетъ. Имѣть хорошихъ коней считалось въ Греціи однимъ изъ первыхъ богатствъ, какъ по причинѣ ихъ рѣдкости, такъ и по значенію, какое они имѣли на играхъ. Подъ страною здѣсь разумѣется Аттика. Колонъ названъ *бѣлымъ*, по причинѣ известковыхъ и мѣловыхъ скалъ. «Лишь богу доступною»: подъ богомъ здѣсь разумѣется Діонизій (Бахусъ), котораго звали плющеноснымъ (*κισσοφόρος*). Кромѣ плюща и винограда, подъ его покровительствомъ находились вообще всѣ плодовыя деревья. Первая хвала изъ боговъ предназначена Діонизію, какъ богу тѣхъ празднествъ, на которыхъ разыгрывалась драма: самъ хоръ обыкновенно являлся въ вѣнкахъ изъ плюща. Бахусъ ходитъ въ сопровожденіи нимфъ Низы, его воспитавшихъ: онѣ названы богинями, потому-что алтари ихъ находились во многихъ мѣстахъ Греціи.

Антистрофа 1.

Во всѣ дни на своемъ поднебесномъ стеблѣ
Разцвѣтаетъ прекрасно-кудрявый нарциссъ,
Украшенье когда-то великихъ богинь,
И златомъ блестящій шафранъ.
И Кефисса потоковъ ручьи
Здѣсь не сякнутъ, безсонно кочуя;
Но, мгновенно рождаясь, все вновь
На широкое лоно полей
Льются чистой, обильною влагой.
Хоры музъ, Афродита съ златыми вожжами
Также этотъ не презрѣли край [1]).

Строфа 2.

Есть растенье, какого ни Азія,
Ни великій, Дорійскій островъ Пелопса,
Я не слыхалъ, чтобъ рождали.
Насажденное, самородное,
Грозное вражескимъ копьямъ!
Обильно цвѣтетъ оно въ нашей странѣ:
Плодотворный стебель блестящей оливы.
Его ни юный лѣтами, ни старецъ
Не уничтожитъ губящей рукой:
Его вѣчно-видящій взоръ
Зевеса Морія блюдетъ,
И свѣтлоокой Аѳины [2]).

---

[1]) Упомянувъ о растеніяхъ, священныхъ Бахусу, хоръ переходитъ къ цвѣтамъ которые были украшеніемъ великихъ богинь Елевзинскихъ: Димитры (Цереры) и дочери ея, Персефоны. Поклоненіе Діонизію въ Елевзинскихъ таинствахъ соединялось съ поклоненіемъ Димитры. Кромѣ-того вблизи Колона находился и священный путь, ведшій въ Елевзисъ; тутъ, на Кефиссѣ, была похищена Плутономъ и дочь Цереры. (См. Гомеровъ гимнъ Церерѣ). Хвала музамъ (которыхъ алтарь находился въ Академіи) и Афродитѣ (Венерѣ), какъ любимымъ богинямъ поэта, заключаетъ первую антистрофу.

«На стеблѣ поднебесномъ.» Нарциссъ и шафранъ съ ранней весны до поздней осени растутъ на вершинѣ скалъ, окружающихъ долину Кефисса. «Прекрасно-кудрявый нарциссъ». Въ подл. прекрасногроздный (*καλλίβοτρυς*): цвѣты нарцисса, подобные гроздьямъ, часто у древнихъ поэтовъ сравнивались съ кудрями. По преданію, со времени похищенія Персефоны, богини уже носили не цвѣты, а вѣнки изъ колосьевъ. Воду Кефисса до-сихъ-поръ маленькими ручьями разводятъ во всѣ стороны для орошенія полей. Афродита, по сказанію древнихъ, ѣздила въ золотой колесницѣ, запряженной конями, голубками и воробьями, отъ того она названа: *χρυσάνιος* (золотовожжая).

[2]) Во 2-й строфѣ прославляется олива—дерево, посвященное Аѳинѣ. Софоклъ полагаетъ, что нигдѣ, ни въ Азіи, ни въ Европѣ нѣтъ такого чуднаго растенія.

Антистрофа 2.

И еще о другой, о первѣйшей красѣ
Нашей родины должно сказать:
То даръ великаго бога,
Высокая слава страны:
Кони лучшей породы и сила морская.
О Крона сынъ! Ты далъ ей, ты,
Царь Посейдонъ, эту славу:
Среди здѣшнихъ полей, чтобъ коней укрощать,
Ты впервые создалъ узду.
А прекрасно-весельный, чудесный корабль,
Повинуясь рукамъ, черезъ море летитъ,
Нереидъ безчисленныхъ спутникъ [1]).

Второй Эпейзодіонъ [2]).

АНТИГОНА.

Хвалою многой чтимая земля,
Теперь яви намъ этой славы блескъ.

Преданіе говоритъ, что Аѳина, во время спора съ Посейдономъ о владѣніи землею, посадила первую оливу въ Акрополисѣ; отъ нея произошла вторая въ Академіи. Вся долина Кефисса и мѣстечко Академія усажены были священными оливами Моріями, находившимися подъ особеннымъ наблюденіемъ ареопага. Эти деревья, какъ извѣстно, распространяются чрезвычайно легко посредствомъ отростковъ. Разсказываютъ, что древняя олива Акрополиса, будучи сожжена во время Персидской войны, на другой-же день дала свѣжую вѣтку въ локоть длиною. (Геród. 8, 55). Въ этомъ смыслѣ растеніе и названо самороднымъ, плодотворнымъ. (Въ подл. *παιδοτρόφος* питающая дѣтей). «Его ни юный лѣтами, ни старецъ.» Подъ юнымъ можно разумѣть Ксеркса, который не въ-силахъ былъ уничтожить древней оливы Акрополиса; старецъ-же есть Архидамъ, нѣсколько разъ въ началѣ Пелопонезской войны опустошавшій Аттику, но не тронувшій священнаго дерева Аѳины. Зевесъ, какъ покровитель оливъ, назывался Моріемъ, и имѣлъ свой алтарь въ Академіи. Аѳина Морія названа *γλαυκῶπις* (блестящеокая). Эпитетъ *γλαυκός* (блестящій) употребленъ также при описаніи оливы.

[1]) Наравнѣ съ Аѳиною въ Аттикѣ поклонялись Посейдону (Нептуну), который даровалъ Аѳинянамъ коней и владычество надъ моремъ. Мы уже упоминали, какъ высоко цѣнились въ Греціи хорошіе кони и умѣнье ходить за конями; поэтому и города очень часто назывались *εὔιπποι* (имѣющіе лучшихъ коней), *εὔπωλοι* (имѣющіе лучшихъ жеребцовъ). Тѣ-же эпитеты принадлежали и знатнымъ родамъ. Посейдону обыкновенно приписывается только созданіе коней, а ихъ укрощеніе — Аѳинѣ или сыну Посейдона, Ерихтонію. «Повинуясь рукамъ, черезъ море летитъ.» Буквально съ подлин. должно-бы перевести: «Согласуясь съ ударами рукъ, прыгаетъ по морю, въ сопровожденіи стоногихъ Нереидъ». Здѣсь явно сравненіе съ пляскою. Все, сказанное въ настоящемъ хорѣ, относится и къ Колону (конный Колонъ, конная Аѳина, конный Посейдонъ) и къ цѣлой Аттикѣ.

[2]) Второй эпейзодіонъ изображаетъ борьбу Эдипа съ Креономъ, Аѳинянъ съ Ѳиванцами, — борьбу, которой уже ожидаетъ зритель послѣ разсказа Исмены. Въ

ЭДИПЪ.

Дитя, что вновъ случилось?

АНТИГОНА.

Вотъ, отецъ,
Креонъ подходитъ близко не безъ стражи.

ЭДИПЪ.

О дорогіе старцы! Лишь отъ васъ
Теперь я жду конца моимъ несчастьямъ.

ХОРЪ.

Надѣйся смѣло: хоть и старецъ я,
Но не старѣетъ сила сей земли.

КРЕОНЪ.

Граждане благородные страны!
Въ глазахъ у васъ какой-то страхъ внезапный
Отъ моего прихода; но не бойтесь,
И не скажите мнѣ худаго слова.
Пришелъ не съ тѣмъ я, чтобъ насилье дѣлать:
Я старъ и знаю, какъ могучъ вашъ городъ,
Во всей Элладѣ первый. Прибылъ я,
Въ такихъ лѣтахъ, за этимъ человѣкомъ;
Чтобъ убѣдить его идти со мною
Въ Кадмейцевъ землю, посланъ не однимъ я,
А общей волей гражданъ, такъ-какъ мнѣ
Пришлось всѣхъ больше по родству страдать
За бѣдствія его. Эдипъ несчастный!
Меня послушай, возвратись домой!
Зоветъ тебя Кадмейскій весь народъ
По праву, и всѣхъ больше я—тѣмъ больше,
Что былъ-бы самымъ гнуснымъ человѣкомъ,

немъ слѣдующія части: состязаніе Эдипа съ Креономъ предъ лицемъ хора; борьба за Эдипа, въ которой принимаетъ участіе хоръ; новое состязаніе Эдипа съ Креономъ предъ лицемъ Ѳезея. Всѣ эти сцены естественно вытекаютъ изъ того положенія Эдипа, которое уже подготовлено предыдущимъ дѣйствіемъ: Эдипъ, оправданный богами, рѣшительнѣе прежняго высказываетъ свою невинность и уличаетъ виновныхъ. Съ другой стороны разыгрывается драма, служащая къ возвеличенію Аѳинъ и Колона, славнаго конями. Хоръ является въ ней лицемъ болѣе страдательнымъ; за то какъ прекрасно выставлены коварный, лицемѣрный характеръ Креона и идеальное благородство Ѳезея.

Когда-бы о твоихъ несчастьяхъ, старецъ,
Не сострадалъ я, видя, какъ бѣдняга,
Въ чужбинѣ, вѣчнымъ странникомъ, безъ хлѣба,
Съ прислужницей одною бродишь ты.
Несчастный, я не думалъ никогда,
Что, жалкая, до этого позора
Она дойдетъ и милостыней станетъ
Питать тебя, слѣпаго, въ этихъ лѣтахъ,
Безбрачной, жертва первому пришельцу.
Да, въ горькомъ срамѣ, бѣдный, поносилъ я
Тебя, себя и весь нашъ родъ; но скрыть
Того, что всѣмъ извѣстно, невозможно.
О для отеческихъ боговъ, Эдипъ!
Ты этотъ срамъ теперь сокрой, меня
Послушавъ; согласись вернуться въ городъ,
Въ твой домъ отцовскій, дружеское слово
Сказавши этимъ гражданамъ: они
Того достойны—родина однако,
Питавшая тебя когда-то, больше
Должна быть чтима.

ЭДИПЪ.

О на все отважный!
Изо всего умѣющій сплести
Подобье правды, что затѣялъ снова?
Меня ты снова хочешь тѣмъ словить,
Чѣмъ быть словленнымъ мнѣ всего прискорбнѣй [1]).
Сперва, когда домашнимъ этимъ горемъ
Страдалъ я, и пріятно было-бъ мнѣ
Идти въ изгнанье, милость оказать
Ты не хотѣлъ желавшему; а послѣ,
Какъ гнѣвомъ я пресытился, и сладко
Мнѣ было жить въ дому — тогда изгналъ,
Извергъ меня..... и это-же родство
Тогда тебя не тронуло нисколько.
А нынѣ вновь, какъ видишь, городъ здѣшній
И весь народъ со мною друженъ, вырвать
У нихъ меня пытаешь, жесткій сердцемъ,

---

[1]) Мы принуждены были сохранить въ переводѣ этотъ оборотъ мысли подлинника. Эдипъ намекаетъ на пріязнь и ласку родныхъ, которою Креонъ думаетъ прельстить его. Читатель видитъ безъ труда, какъ во всемъ были лживы слова Креона.

Хоть мягокъ на словахъ [1]). И что за радость
Любить насильно? Еслибъ кто въ твоей
Умильной просьбѣ не далъ ничего,
Не захотѣлъ-бы и помочь; а послѣ
Принесъ-бы все, когда ужъ исполненьемъ
Душа довольна и не въ милость милость,
Пустая, право, то была-бъ утѣха!
Межъ тѣмъ и ты не то-же-ль мнѣ приносишь:
Добро словами, а на дѣлѣ зло.
Скажу и имъ, чтобъ уличить тебя!
Пришелъ меня ты не домой вести,
А на границѣ поселить, чтобъ городъ
Отъ этой вотъ земли обезопасить.
Но не дождешься этого — а будетъ,
Что въ той странѣ навѣки поселится
Мой мститель-духъ и сыновьямъ моимъ
Моей земли достанется не больше,
Чѣмъ сколько нужно мертвымъ! Что? Не лучше-ль
Я твоего дѣла Θиванцевъ знаю?
О лучше, чѣмъ вѣрнѣе тѣ, отъ коихъ
Я слышалъ: Фебъ и Зевсъ, его отецъ!
А ты пришелъ сюда языкъ лукавый
Свой изощрять; но рѣчь твоя скорѣе
Тебѣ на гибель, чѣмъ въ спасенье: знаю,
Что въ этомъ мнѣ тебя не убѣдить;
Уйди-жъ, и здѣсь насъ жить оставь: не худо
Мы проживемъ и такъ, когда довольны.

КРЕОНЪ.

Не думаешь-ли ты, что этой рѣчью
Ужъ больше мнѣ вредишь, чѣмъ самъ себѣ?

ЭДИПЪ.

Всего мнѣ слаще, если ни меня
Не убѣдишь ни въ чемъ ты, ни вотъ ихъ!

КРЕОНЪ.

Тебѣ, несчастный, кажется и время
Ума не дало: старость ты позоришь.

---

[1]) Въ подл. *σκληρὰ μαλθακῶς λέγων* (говоря съ мягкостью жесткое).

ЭДИПЪ.

Ты языкомъ гораздъ; но никого
Я не видалъ правдивымъ, кто красно
Изо всего сплетаетъ рѣчь.

КРЕОНЪ.

Иное
Кто много говоритъ, иное — кстати.

ЭДИПЪ.

Вотъ, ты такъ мало говоришь и кстати!

КРЕОНЪ.

Не для того лишь, кто съ твоимъ разсудкомъ.

ЭДИПЪ.

Уйди, отъ ихъ вотъ имени скажу:
Не сторожи, не осаждай меня [1])
Въ моемъ пріютѣ мирномъ.

КРЕОНЪ.

Не тебя,
А ихъ беру въ свидѣтели: за рѣчи,
Какими отвѣчаешь ты друзьямъ,
Какъ попадешься въ руки....

ЭДИПЪ.

Кто-жъ-бы смѣлъ
Меня при ихъ защитѣ взять насильно?

КРЕОНЪ.

И безъ того ты будешь горевать.

ЭДИПЪ.

Что хочешь дѣлать, этимъ мнѣ гроза?

КРЕОНЪ.

Изъ дочерей твоихъ одну сейчасъ,
Схвативъ, отправилъ: уведу и эту.

---

[1]) По буквальному переводу: «Не сторожи меня, осаждая тамъ, гдѣ мнѣ суждено жить». Здѣсь глаголъ *ἐφορμεῖν*, который означаетъ осаду гавани: Эдипъ сравниваетъ пріютъ свой съ гаванью.

ЭДИПЪ.

О горе мнѣ!

КРЕОНЪ.

Вздохнешь побольше скоро.

ЭДИПЪ.

Дочь у тебя моя?

КРЕОНЪ.

Постой немножко,
И эта будетъ.

ЭДИПЪ.

Что-же, чужеземцы?
Измѣните? Не мыслите изгнать
Вы этого безбожника [1])?

ХОРЪ.

Пришлецъ!
Уйди сейчасъ.... неправо поступилъ ты
И прежде, и теперь творишь неправду.

КРЕОНЪ.

Ужъ время вамъ вести ее насильно,
Коль не пойдетъ сама.

АНТИГОНА.

О горе бѣдной!
Куда бѣжать? Кто изъ боговъ и смертныхъ
Защиту дастъ?

ХОРЪ.

Что дѣлаешь, пришлецъ?

КРЕОНЪ.

Его не трогалъ я, беру мою [2]).

ЭДИПЪ.

Властители земли!

---

[1]) Эдипъ напоминаетъ хору, какъ хотѣлъ онъ изгнать его самого, считая безбожникомъ. Исмена взята, какъ должно полагать, во время совершенія жертвы Евменидамъ; слѣд. Эдипъ имѣлъ двойное право назвать Креона безбожникомъ.

[2]) Креонъ называетъ Антигону своею, потому-что, какъ братъ Іокасты, послѣ несчастія Эдипа, онъ одинъ остался главою семейства.

ХОРЪ.

Ты поступаешь,
Пришлецъ, несправедливо!

КРЕОНЪ.

Справедливо.

ХОРЪ.

Какъ справедливо?

КРЕОНЪ.

Увожу моихъ.

ЭДИПЪ.

Строфа.

О городъ!

ХОРЪ [1]).

Что вздумалъ, пришлецъ! Не отпустишь?
Такъ скоро дойдетъ и до рукъ....

КРЕОНЪ.

Берегись.

ХОРЪ.

Нѣтъ! Тебя не пущу я, пока не оставишь.

КРЕОНЪ.

Бороться будешь съ городомъ, меня
Обидѣвъ [2]).

ЭДИПЪ.

Не предсказывалъ-ли я?

ХОРЪ.

Сейчасъ пусти изъ рукъ дѣвицу эту.

КРЕОНЪ.

Приказывай тому, надъ кѣмъ ты властенъ.

---

[1]) Часть хора передъ этимъ выходитъ изъ оркестра на сцену и становится съ угрозою противъ Креона.

[2]) Креонъ грозитъ войною съ Ѳивами.

ХОРЪ.

Тебѣ я говорю, пусти....

КРЕОНЪ.

Тебѣ
Вѣдь я сказалъ: въ дорогу отправляйся [1]).

ХОРЪ.

Сюда поскорѣе, туземцы! сюда!
Нашъ городъ, нашъ городъ насиліе терпитъ!
Сюда, приходите ко мнѣ.

АНТИГОНА.

Меня влекутъ несчастную, влекутъ....
О чужеземцы!

ЭДИПЪ.

Гдѣ ты, дочь моя?

АНТИГОНА.

Меня уводятъ силой.

ЭДИПЪ.

Руку, дочь,
Мнѣ протяни.

АНТИГОНА.

Ужъ не могу я больше.

КРЕОНЪ.

Ведите-же.

ЭДИПЪ.

Несчастный я, несчастный!

(Антигону уводятъ).

КРЕОНЪ.

Не будетъ этотъ посохъ ужъ опорой
Тебѣ въ пути; но такъ-какъ побѣдить
Желаешь ты отчизну и друзей,

---

[1]) Съ этими словами Креонъ обращается къ Антигонѣ. Понуждаемый хоромъ, онъ велитъ ей скорѣе уйти. Стеченіе мѣстоименій «тебѣ» взято съ подлинника.

Для коихъ это дѣлаю, хоть царь я,
То побѣждай. Со-временемъ узнаешь,
(Увѣренъ въ этомъ), что и нынѣ ты
Себѣ добра не сдѣлалъ, да и прежде,
Не слушая друзей, подвластный гнѣву,
Который былъ всегда тебѣ въ погибель [1]).

(Хочетъ идти).

ХОРЪ.

Куда, пришлецъ? постой.

КРЕОНЪ.

Меня не трогать.

ХОРЪ.

Ихъ возврати, а то не отпущу.

КРЕОНЪ.

И больше скоро городу заплатишь
Ты выкупъ: ихъ беру я не однихъ.

ХОРЪ.

Что вздумалъ снова?

КРЕОНЪ.

Вотъ, его веду я.

ХОРЪ.

Страхъ слышать!

КРЕОНЪ.

Это сдѣлать ужъ не трудно,
Не помѣшалъ-бы только царь земли.

ЭДИПЪ.

Безстыдный! Смѣешь и меня коснуться [2])?

---

[1]) Такъ и въ трагедіи «Антигона», въ своихъ личныхъ эгоистичныхъ рѣшеніяхъ Креонъ представляетъ себя служителемъ государства. Прежняя строптивостъ Эдипа раскрывается въ трагедіи: «Эдипъ-царь», гдѣ онъ, получивъ неблагопріятный для себя оракулъ, обвинялъ и Креона и жрецовъ въ подкупѣ. Но съ-тѣхъ-поръ обстоятельства измѣнились.

[2]) Въ подлин. *ὦ φθέγμα ἀναιδὲς* (безстыдный твой голосъ). Такъ выражается слѣпецъ вмѣсто того, какъ сказалъ-бы зрячій: «безстыжіе твои глаза»! Кре-

КРЕОНЪ.

Велю молчать.

ЭДИПЪ.

О пусть меня безгласнымъ
Не дѣлаютъ еще богини эти
Для одного проклятья! Негодяй!
Послѣдній бѣдный глазъ, замѣну прежнихъ
Очей, ты вырвалъ у меня.
За то тебѣ и роду твоему
Богъ Гéліосъ всевидящій да дастъ
Подобно мнѣ на старости прожить [1]).

КРЕОНЪ.

Туземцы! видите вы это?

ЭДИПЪ.

Видятъ
Обоихъ насъ, и понимаютъ ясно,
Что, пострадавъ на дѣлѣ отъ тебя,
Словами защищаюсь.

КРЕОНЪ.

Не стерплю ужъ:
Хоть я одинъ и старъ, но уведу.

ЭДИПЪ.

Антистрофа.

О горе мое!

ХОРЪ.

Какую-жъ отвагу ты долженъ имѣть, чужеземецъ,
Когда ужъ надѣешься это исполнить?

КРЕОНЪ.

Надѣюсь.

онъ говоритъ хору о выкупѣ, зная, что ему поручено беречь Эдипа. Здѣсь вполнѣ высказываются лживость и слабость характера Креона. Думая сначала взять однѣхъ дочерей, онъ въ увлеченіи гнѣва забываетъ всякое благоразуміе и одинъ безъ стражи (которая ушла съ Антигоной), хочетъ увести Эдипа.

[1]) *Богъ Геліосъ* означаетъ солнце. Эдипъ рѣшается произнести проклятіе, моля Евменидъ не сдѣлать его безгласнымъ: потому-что имя этихъ богинь должно было произносить осторожно и съ благими мыслями (*εὐφημία*). Подъ послѣднимъ бѣднымъ глазомъ Эдипъ разумѣетъ Антигону.

ХОРЪ.

То эти Аѳины
Ужъ городомъ я не считаю.

КРЕОНЪ.

И слабый въ дѣлѣ правомъ верхъ возьметъ
Надъ силою.

ЭДИПЪ.

Слыхали, что сказалъ онъ?

ХОРЪ.

Ему не сдѣлать этого.

КРЕОНЪ.

Зевесъ
То лучше знаетъ.

ХОРЪ.

Не обида-ль это?

КРЕОНЪ.

Обида, но ее снести ты можешь.

ХОРЪ.

Народъ, весь народъ! О правители края!
Придите скорѣе, придите:
Все дальше уводятъ они!

ѲЕЗЕЙ.

Что за крики? Что случилось? Ужасъ вашъ помѣхой былъ,
Какъ заступнику Колона, богу моря, я быковъ
Закалалъ на жертву. Все мнѣ объясните, чтобы зналъ,
Отчего сюда былъ долженъ противъ воли я спѣшить [1]).

---

[1]) Ѳезей не вдалекѣ приносилъ жертву Конному Посейдону, въ собраніи цѣлаго народа. Услышавъ крики хора, онъ рѣшается даже покинуть жертву, чтобы исполнить данное слово; онъ даже велитъ всему народу спѣшить на коняхъ отъ алтаря въ погоню за Ѳиванцами, увлекшими дочерей Эдипа — и такъ оправдывается воспѣтая предыдущимъ хоромъ слава *Коннаго* Колона. Софоклъ съ намѣреніемъ представилъ Ѳезея приносящимъ жертву, чтобы показать, какая разница между благочестіемъ на словахъ и благочестіемъ на дѣлѣ. Лучшей жертвы Конному Посейдону, конечно, и не могло быть, какъ спасеніе невинно пострадавшихъ.

ЭДИПЪ.

Другъ! узнаю твой голосъ: пострадалъ я
Отъ человѣка этого жестоко.

ѲЕЗЕЙ.

Въ чемъ, объясни — кто оскорбилъ тебя?

ЭДИПЪ.

Креонъ, его здѣсь видишь, у меня
Двоихъ единственныхъ дѣтей похитилъ.

ѲЕЗЕЙ.

Возможно-ли?

ЭДИПЪ.

Что претерпѣлъ, ты слышалъ.

ѲЕЗЕЙ.

Скорѣе, слуги, къ жертвеннику! весь
Народъ понудьте, конныхъ и неконныхъ.
Оставивъ жертву, пусть несутся вскачь
Туда, гдѣ двѣ спадаются дороги [1]).
Не упустить дѣвицъ, чтобъ, взятый силой,
Посмѣшищемъ я не былъ чужеземцу.
Скорѣй идите, какъ сказалъ — а этотъ,
Когда-бъ, какъ стоитъ, гнѣва я послушалъ,
Не вышелъ-бы изъ рукъ моихъ безвредно!
Но не другіе примѣнимъ къ нему,
А ужъ какіе самъ принесъ законы:
Не выйдешь изъ земли моей, пока
Ихъ на глаза ко мнѣ не приведешь.
Ты недостойно поступилъ со мною,
И что до тѣхъ, отъ коихъ ты родился,
И до твоей земли: пришедши въ городъ,
Гдѣ справедливость чтутъ и по закону
Рѣшаютъ все, презрѣлъ права страны —
Напалъ, взялъ силой и увелъ, что вздумалъ!
Считалъ ты вѣрно городъ мой безлюднымъ
Иль рабскимъ, а меня совсѣмъ ничтожнымъ?

---

[1]) Т. е. дороги въ Віотію. Въ послѣдующемъ хорѣ мѣстность описана подробнѣе.

Но Ѳивы все-жъ не злымъ тебя взрастили:
Онѣ питать людей несправедливыхъ
Не станутъ, и тебя не похвалили-бъ,
Узнавши, какъ мое ты похищаешь
И божеское, думая насильно
Несчастнаго молельщика увлечь.
И я-бы, какъ въ твою страну пришелъ,
Хотя-бъ имѣлъ все право за собою,
Безъ вѣдома правителя, какой-бы
Онъ ни былъ, ничего-бы не взялъ силой;
Я знаю, какъ съ гражданами должно
Вести себя пришельцу. Ты-же самъ
Позоришь городъ свой, какъ недостойный;
Состарѣвшись, и умъ ты потерялъ.
Сказалъ ужъ прежде, повторяю вновь:
Доставь сюда дѣвицъ сію минуту,
Когда не хочешь противъ воли быть
Земли вотъ этой жителемъ; какъ мыслю,
Такъ и словами говорю тебѣ.

ХОРЪ.

Вотъ чужеземецъ, до чего дошелъ ты:
Хоть честенъ родомъ, а на дѣлѣ злой.

КРЕОНЪ.

Эгея сынъ! Твой городъ ни безлюднымъ,
Ни правъ лишеннымъ, по твоимъ словамъ,
Я не считалъ, какъ это дѣлалъ. Мнилъ я,
Что не придетъ Аѳинамъ вдругъ такой
Любви къ роднымъ моимъ, чтобъ противъ воли
Моей держать ихъ; зналъ, что человѣка
Преступнаго, убившаго отца,
И съ матерью родной въ бракѣ
Открытаго, не приняли-бъ они.
Ареопагъ земли ихъ столь разумнымъ
Всегда я зналъ, что въ городѣ своемъ
Подобнымъ жить скитальцамъ не дозволитъ.
Увѣренъ въ этомъ, бралъ мою добычу.
Но и того не сдѣлалъ-бы, когда-бъ
Проклятій горькихъ не изрекъ онъ мнѣ
И роду моему: воздать за это
Ему хотѣлъ я, потому-что гнѣвъ,

Со смертью только гибнетъ, не старѣя —
Умершихъ-же ничѣмъ не потревожишь.
То дѣлай, что угодно. Хоть и правъ я;
Но все-жъ одинъ — и потому безсиленъ;
Однако какъ ни слабъ, а за дѣла
Тебѣ воздать обратно постараюсь.

ЭДИПЪ.

Безстыдникъ дерзкій! думаешь пятнать
Меня ты, старца, этимъ, иль себя?
Убійство, бракъ и бѣдствія другія
Не удержался не назвать ты, — въ чемъ
Невольнымъ былъ орудьемъ я, несчастный.
Но такъ хотѣли боги, уже видно
Давно на родъ нашъ гнѣвные; меня-же
Ты не найдешь чѣмъ похулить за грѣхъ,
Которымъ на себя и на своихъ
Навлекъ бѣду я. Самъ ты разсуди:
Какъ отъ боговъ пришелъ отцу оракулъ
Чрезъ сына пасть, то можно-ль справедливо
За это упрекать меня, который
Тогда еще не зарожденъ отцемъ,
Ни зачатъ не былъ матерью? Но если
Мнѣ суждено родиться, какъ родился,
Поссориться съ отцемъ и умертвить,
Совсѣмъ не знавъ, противъ кого и что
Я дѣлалъ, — какъ невольный этотъ можешь
Проступокъ ты по совѣсти хулить?
И также ты не постыдился, жалкій,
Меня принудить, чтобъ сказалъ я все
О бракѣ съ матерью, съ твоей сестрою.
Не умолчу, когда ужъ твой безбожный
Языкъ объ этомъ началъ.... Родила,
О горе! родила она меня,
Незнавшая незнавшаго, и послѣ,
Сама родная мать, мнѣ на позоръ
Дѣтей вскормила! Но одно я знаю:
Меня ты и ее по доброй волѣ
Теперь поносишь этимъ такъ безстыдно;
А я на ней женился противъ воли
И говорю объ этомъ противъ воли.
Но не найдетъ меня никто преступнымъ
Ни въ этомъ бракѣ, ни въ отцовской смерти,

Которую ты все въ попрекъ мнѣ ставишь.
Отвѣть мнѣ только: еслибъ кто тебя,
Правдиваго, хотѣлъ, напавши вдругъ,
Вотъ здѣсь убить, распрашивать ты сталъ-бы:
Отецъ твой это? или мстилъ скорѣе?
Я полагаю, если жизнь мила,
То мстилъ-бы, и не спрашивалъ о правдѣ.
Въ такое-жъ точно впалъ и я несчастье,
Богами ужъ ведомый: духъ отца,
Будь живъ онъ, въ этомъ, думаю, не сталъ-бы
Противорѣчить мнѣ. Но, хоть неправъ,
Ты все себѣ дозволилъ говорить,
Что можно и чего нельзя — и вотъ,
Меня поносишь этимъ передъ ними.
Польстить умѣлъ ты имени Ѳезея,
Аѳинамъ, какъ устроены искусно; —
Похвалъ тутъ много, но одну забылъ:
Что изо всѣхъ земель благочестивыхъ
Всѣхъ лучше эта чтить боговъ умѣетъ!
У ней меня, молящагося старца
Похитить хочешь, дочерей отнявъ.
Вотъ почему съ мольбой къ богинямъ этимъ
Я преклоняюсь вновь: зову, прошу
Защиты и подпоры, чтобъ узналъ ты,
Какіе люди сторожатъ здѣсь городъ.

ХОРЪ.

Царь! честенъ этотъ странникъ; но несчастья
Его жестоки, и возмездья стоятъ.

ѲЕЗЕЙ.

Рѣчей довольно. Хищники спѣшатъ;
Мы-жъ терпимъ, — и ни съ мѣста.

КРЕОНЪ.

Что-же дѣлать
Мнѣ, человѣку темному, прикажешь?

ѲЕЗЕЙ.

Туда намъ путь укажешь: за тобою
Иду и я. Когда ты въ здѣшнемъ мѣстѣ
Укрылъ дѣвицъ, ихъ самъ доставишь мнѣ;

Когда-же похитители бѣжали,
То нечего трудиться: имъ во слѣдъ
Спѣшатъ другіе, отъ которыхъ вѣрно
Имъ боги не дадутъ уйти счастливо.
Впередъ-же! Знай, что взялъ теперь свое:
Другому ставивъ сѣти, самъ попался, —
И не спасешь того, что пріобрѣлъ
Неправеднымъ обманомъ [1]). Въ этомъ дѣлѣ
Другихъ на помощь также не зови.
Я зналъ, что не одинъ, не безъ прикрытья
Ты смѣлъ такую дерзость предпринять;
На что-нибудь да полагаясь дѣлалъ.
Мой долгъ предвидѣть все, и не дозволить,
Чтобъ одного слабѣе человѣка
Былъ этотъ городъ.

ХОРЪ.

Понялъ? Иль напрасно
Тебѣ теперь объ этомъ говорили
И прежде, какъ еще задумалъ это.

КРЕОНЪ.

Здѣсь осуждать ни въ чемъ тебя не буду,
А дома мы разсудимъ все, какъ сдѣлать.

ѲЕЗЕЙ.

Грозить дорогой можешь. Ты, Эдипъ,
Спокойно здѣсь останься. Будь увѣренъ,
Что я умру, а дѣла не покину,
Пока не возвращу тебѣ дѣтей.

ЭДИПЪ.

О счастливъ будь за это благородство
И должную заботу обо мнѣ.

(*Ѳезей съ Креономъ уходятъ*).

---

[1]) Взялъ теперь свое. Въ подл. ἔχων ἔχει (взявъ, и самъ взять) — выраженіе, подобное Латинскому: capta praeda capti praedones. Оно имѣетъ смыслъ нашей пословицы: «Каково посѣешь, таково и пожнешь».

Первый Стазимонъ [1]).

ХОРЪ.

Строфа 1.

Желалъ-бы я быть, гдѣ могучихъ мужей
Скоро къ битвѣ сведетъ мѣднозвучный Аресъ,
На Пиѳійскомъ иль Факельномъ брегѣ;
Тамъ священныя тайны для смертныхъ хранятъ
Честныя богини — и носятъ
Евмолпиды, служители ихъ,
Ключъ золотой на устахъ.
Надѣюсь, что тамъ, напавъ на враговъ,
Наши горцы, въ удачномъ сраженьи,
Захватятъ обѣихъ безбрачныхъ сестеръ,
Въ этой еще сторонѣ [2]).

Антистрофа 1.

Иль ужъ прохода, на западъ отъ снѣжныхъ вершинъ,
Со стороны Эотійскихъ луговъ,
Ѳиванцы достигнуть успѣли,
Другъ передъ другомъ спѣша на коняхъ
И быстроколесныхъ повозкахъ.

---

[1]) Первый стазимонъ выражаетъ чувства, которыя возбуждены предыдущимъ дѣйствіемъ, и даетъ предчувствовать его развязку. Хоръ переносится воображеніемъ на то мѣсто, гдѣ должны сойтись Аѳиняне съ Ѳиванцами, и молитъ боговъ о счастливомъ окончаніи битвы.

[2]) Хоръ полагаетъ, что Аресъ (Марсъ, богъ войны) сведетъ туземцевъ съ Ѳиванцами *на Пиѳійскомъ иль Факельномъ* берегѣ. Ѳезей послалъ свою дружину туда, гдѣ дорога, ведущая изъ Колона на сѣверозападъ въ Ѳивы, соединяется со священною Елевзинскою. На этой дорогѣ хоръ означаетъ два мѣста. Пиѳійскій берегъ былъ при храмѣ Пиѳійскаго Аполлона, у Ѳріи, въ проходѣ горы Пойкилонъ (часть горъ Эгалея). Чрезъ этотъ проходъ вела дорога въ Віотію и въ Елевзисъ, въ то время принадлежавшій еще Мегарѣ. Елевзинскій-же берегъ шелъ дальше на западъ. Онъ названъ Факельнымъ отъ ночныхъ обрядовъ, которые совершались при свѣтѣ факеловъ въ честь богинь Димитры и Персефоны (въ подл. *πότνιαι*, честныя). Жрецы этихъ богинь, происходившіе отъ древней фамиліи Евмолпидовъ (Евмолпъ, какъ полагаютъ, былъ основателемъ таинствъ) обязаны были хранить глубокое молчаніе обо всемъ, что знали. Символомъ этого молчанія служилъ ключъ на устахъ (вѣроятно, отпечатанный знакъ). Софоклъ, какъ посвященный въ Елевзинскія таинства, не пропускаетъ здѣсь случая упомянуть объ нихъ.

«Наши горцы, въ удачномъ сраженьи» и проч: — По буквальному переводу: «Думаю, что здѣсь житель горъ, возбуждающій сраженье (*ἐγρέμαχος*), скоро настигнетъ (*ἐμμίξειν* собственно значитъ: вмѣшать) въ достаточной битвѣ двоихъ дѣвственныхъ сестеръ».

Будутъ пойманы. Мощенъ туземный Аресъ,
Могуча дружина Θезейцевъ:
У всѣхъ ихъ блестятъ удила —
Всѣ несутся впередъ, опустивши поводья коней;
Служатъ конной Аѳинѣ они
И богу морскому, земледержателю,
Реи милому сыну [1]).

Строфа 2.

Настигли они, или нѣтъ?
Говоритъ мнѣ вѣщее сердце,
Что скоро избавятъ страдалицу бѣдную,
Отъ родныхъ потерпѣвшую тяжкое горе [2]).
Рѣшитъ-же сегодня Зевесъ, рѣшитъ что-нибудь.
Я пророчу счастливую битву...
О еслибы могъ быстролетный, какъ вѣтеръ, голубкой
Къ облакамъ воздушнымъ подняться
И окинуть взоромъ сраженье!

Антистрофа 3.

Зевесъ, властитель боговъ!
Всевидецъ, правителямъ нашей земли
Силой побѣдною дай
Предпріятье счастливо окончить!
И ты, непорочная дѣва, Паллада Аѳина, —
Молю и тебя, ловецъ Аполлонъ,
И твою сестру, быстроногихъ,
Разнопестрыхъ сопутницу ланей, —

---

[1]) Хоръ назначаетъ третье, болѣе далекое мѣсто, гдѣ могутъ сойтись непріятели. Эотійскій край (*Οἰᾶτις νομός*) названъ отъ демоса *Οἴη*, лежавшаго въ плодоносной Ѳріазійской равнинѣ, на отлогостяхъ Эгалея. Эти горы, составлявшія границу между равниною Кефисса и Ѳріазійскою, необходимо было перейти на дорогѣ изъ Аттики въ Віотію. Ѳиванцы могли такимъ образомъ избрать двѣ дороги: или чрезъ Елевтере къ Киѳерону, избравъ на сѣверозападъ отъ Колона священный путь Елевзинскій; или отправиться чрезъ Филы въ Етеонъ. Въ послѣднемъ случаѣ, прошедъ Пойкилонъ, слѣдовало имъ обратиться къ сѣверовостоку отъ Пиѳійскаго берега и идти по Ѳріазійскому полю къ востоку отъ Ойэ (*Ὤιη*).

«Другъ передъ другомъ спѣша» и проч. По буквальному переводу: «Бѣжа съ помощью жеребцевъ и быстроколесничнаго состязанія (*δίμφαρμάτοις ἁμίλλαις*). Ѳивы въ древности особенно знамениты были своими колесницами; отъ того и назывались: прекрасноколесничные (*εὐάρματοι*), златоколесничные (*χρυσάρματοι*), богатоколесничные (*πολυάρματοι*).

[2]) Здѣсь хоръ разумѣетъ Антигону, при похищеніи которой присутствовалъ.

Явите двойную защиту
Этой землѣ и гражданамъ [1])!

Третій Эпейзодіонъ [2]).

Пришлецъ скиталецъ! вотъ мое гаданье
Исполнилось неложно: ужъ сюда
Въ сопровожденьи слугъ спѣшатъ дѣвицы.

ЭДИПЪ.

Гдѣ? гдѣ? Что говоришь? Что это значитъ?

АНТИГОНА.

Отецъ! Отецъ! О, еслибъ дали боги,
Чтобъ лучшаго на свѣтѣ человѣка,
Который насъ привелъ, ты могъ увидѣть!

ЭДИПЪ.

Дитя, ты здѣсь?

АНТИГОНА.

Вотъ, насъ рука Ѳезея
И добрыхъ спутниковъ его спасла [3]).

ЭДИПЪ.

Къ отцу придите, дѣти, и обнять васъ,
Совсѣмъ нежданныхъ, дайте.

АНТИГОНА.

Просишь ты,
Что ужъ твое — самимъ желанный даръ [4]).

---

[1]) Хоръ взываетъ ко всѣмъ главнѣйшимъ богамъ Греціи: Зевесу, Аѳинѣ, Аполлону и Артемидѣ (Діанѣ). Послѣднія два божества призываетъ онъ, какъ покровителей охоты, потому-что дѣло идетъ о поимкѣ бѣглецовъ.

[2]) Третій эпейзодіонъ служитъ переходною сценою. Въ немъ заключается развязка предыдущаго дѣйствія и приготовленіе новой борьбы въ чувствахъ Эдипа, какъ отца. Съ одной стороны Ѳезей возвращаетъ ему дочерей; съ другой Эдипъ получаетъ извѣстіе о явленіи Полиника. Здѣсь въ новомъ прекрасномъ свѣтѣ является великодушный характеръ Ѳезея и Антигоны, повсюду оправдывающей тѣ слова, которыя приписываетъ ей Софоклъ въ драмѣ Антигона:

Я рождена не для вражды взаимной,
А для любви.

[3]) Исмена остается нѣмымъ лицемъ во время всей этой сцены. О Ѳезеѣ здѣсь сказано гиперболически: онъ самъ не участвовалъ въ битвѣ.

[4]) По буквальному переводу: Просишь то, чего получишь, потому-что милость соединена съ желаніемъ (*σύν πόθῳ γάρ ἡ χάρις*).

ЭДИПЪ.

О гдѣ-же, гдѣ вы?

АНТИГОНА.

Вотъ, мы подлѣ обѣ.

ЭДИПЪ.

О дорогія!

АНТИГОНА.

Въ дѣтяхъ все любезно
Родителю.

ЭДИПЪ.

Одна моя подпора.

АНТИГОНА.

Да, жалкая несчастнаго подпора.

ЭДИПЪ.

Вы, милыя, со мной — и я не самый
Еще несчастный, если на глазахъ
У васъ умру! О дѣти! Съ двухъ сторонъ
Къ родителю приникнувъ, отдохните
По одинокомъ, горестномъ блужданьи;
Что было, мнѣ пократче разскажите:
Рѣчь малая прилична въ ваши лѣта.

АНТИГОНА.

Вотъ, кто насъ спасъ. Пусть отъ него услышимъ.
Тебѣ и мнѣ разсказъ коротокъ будетъ.

ЭДИПЪ.

О чужеземецъ! Не дивись, что сталъ я
Излишне такъ болтливъ, сверхъ ожиданья
Дѣтей нашедъ. Никто не могъ-бы, знаю,
Мнѣ радости такой чрезъ нихъ доставить.
Ты, не другой кто, спасъ ихъ, и тебѣ,
Для самого и для твоей земли,
Пускай дадутъ, чего желаю, боги.
У васъ однихъ изъ всѣхъ людей на свѣтѣ
Нашелъ я благочестье, добродушье
И правдолюбье — это испытавъ,

Словами только воздаю за дѣло.
Все, что имѣю, не черезъ другаго,
А чрезъ тебя имѣю. Дай-же мнѣ
Руки коснуться правой, и твою
Главу поцаловать, когда возможно.
Но что сказалъ я? Какъ, несчастный, могъ бы
Дотронуться до мужа, на которомъ
Пятна порока не было? И самъ
Не сдѣлаю, и сдѣлать не дозволю.
Пускай лишь тѣ изъ смертныхъ, что ужъ горемъ
Испытаны, со мной страдаютъ вмѣстѣ.
Тебѣ-жъ привѣтъ мой издали; правдиво
И впредь о мнѣ заботься, какъ донынѣ.

ѲЕЗЕЙ.

Не дивно было-бъ мнѣ, когда-бъ и больше
Ты насказалъ въ восторгѣ отъ дѣтей;
И еслибъ рѣчь ихъ предпочелъ моей,
Нисколько въ этомъ нѣтъ обиды мнѣ.
Мы ищемъ не словами жизнь прославить,
А на дѣлахъ — и это доказалъ:
Не обманулъ тебя, старикъ, въ чемъ клялся.
Онѣ стоятъ живыя предъ тобою
И безопасны отъ грозившихъ бѣдъ.
Зачѣмъ о томъ, какъ выиграна битва,
Напрасно хвастать мнѣ: и безъ меня
Отъ нихъ узнаешь; но какая вѣсть,
Сейчасъ, какъ шелъ сюда, меня достигла,
Ты въ это вникни; хоть сказать недолго,
Но есть, чему дивиться: человѣку-жъ
Не слѣдуетъ ничѣмъ пренебрегать [1]).

ЭДИПЪ.

Что-жъ это, сынъ Эгея? объясни мнѣ.
Совсѣмъ не знаю, что́-бы могъ ты слышать.

ѲЕЗЕЙ.

Къ намъ, говорятъ, какой-то человѣкъ,
Не изъ твоихъ согражданъ, но родной,

[1]) Антигона не хочетъ разсказывать о битвѣ, предоставляя это Ѳезею; Ѳезей отказывается отъ этого изъ скромности. Такимъ искуснымъ оборотомъ дѣла пользуется Софоклъ, чтобы избѣгнуть длиннаго разсказа, который въ настоящемъ случаѣ замедлилъ-бы дѣйствіе. О Креонѣ мы болѣе ничего не знаемъ: онъ уже не является, какъ лице, болѣе не нужное для драмы.

Какъ не было меня, пришелъ зачѣмъ-то,
И сѣлъ, гдѣ я святыню совершалъ,
У жертвенника бога Посейдона.

ЭДИПЪ.

Откуда-же? Чего тутъ проситъ онъ.

ѲЕЗЕЙ.

Одно я знаю: съ краткой и неважной
Къ тебѣ онъ просьбой, какъ сказали мнѣ.

ЭДИПЪ.

Какой? Немаловажно это мѣсто.

ѲЕЗЕЙ.

Съ тобою онъ желаетъ перемолвить
И вновь идти отсюда безопасно.

ЭДИПЪ.

Кто-жъ могъ-бы сѣсть съ мольбой на это мѣсто?

ѲЕЗЕЙ.

Припомни, нѣтъ-ли у тебя кого
Родныхъ въ Аргосѣ, кто-бы въ томъ нуждался?

ЭДИПЪ.

О другъ! довольно...

ѲЕЗЕЙ.

Что съ тобой?

ЭДИПЪ.

Прошу,
Не умоляй меня...

ѲЕЗЕЙ.

О чемъ, скажи.

ЭДИПЪ.

Отъ нихъ узналъ я, кто проситель этотъ.

ѳезей.

Кто-жъ онъ, хулы, какъ видно, ужъ достойный?

эдипъ.

Царь, мой презрѣнный сынъ! И все на свѣтѣ
Я снесъ-бы, чтобъ рѣчей его не слышать.

ѳезей.

Такъ что-жъ? Не слушай, и, чего не хочешь,
Не дѣлай.... отчего-жъ тебѣ такъ горько?

эдипъ.

Царь, этотъ слухъ отцу невыносимъ,
И уступить меня не понуждай.

ѳезей.

Однако, если требуетъ того
Ужъ положенье странника, не должно-ль
Тебѣ исполнить изъ почтенья къ богу?

антигона.

Отецъ! послѣдуй мнѣ, хоть молода я
Давать совѣтъ. Пусть этотъ человѣкъ
Своей души желаніе исполнитъ
И то, чего просилъ, отъ бога приметъ.
Даруй и намъ, чтобъ братъ пришелъ. Повѣрь:
Не вынудитъ насильно у тебя
На то согласія, что тебѣ не въ пользу,
А слушать, что онъ скажетъ, не бѣда.
Изъ словъ ужъ видѣнъ замыселъ худой.
Его родилъ ты: будь безбожный самый
И злой съ тобой, отецъ, его проступокъ,
Все-жъ ты не долженъ зломъ ему платить;
Дозволь. И у другихъ есть злыя дѣти,
Есть быстрый гнѣвъ; но, внявъ умильнымъ просьбамъ
Друзей, легко смягчаются душою.
Ты вспомни только, что стерпѣлъ несчастій
При матери и при отцѣ, — не тѣ,
Что нынѣ терпишь: вспомнивъ-же, конечно,
Увѣришься, какой дурной конецъ

Бываетъ отъ дурнаго гнѣва. Въ этомъ
Не малымъ доказательствомъ тебѣ
Твоихъ очей потерянное зрѣнье [1]).
То уступи намъ. Не годится долго
Молить тому, чья просьба справедлива,
Не будь такимъ, что, самъ познавъ добро,
Потомъ добромъ воздать ужъ не умѣешь.

ЭДИПЪ.

Дитя, какъ мнѣ ни тяжко, вамъ обоимъ
Я долженъ эту оказать услугу.
Ужъ будь, какъ вамъ угодно. Чтобы только,
Когда придетъ сюда онъ, чужеземецъ,
Никто не овладѣлъ насильно мною.

ѲЕЗЕЙ.

Разъ это слышалъ, и не нужно больше;
Старикъ, я хвастать не люблю; ты цѣлъ,
Пока еще хранятъ мнѣ боги жизнь.

Второй Стазимонъ [3]).

ХОРЪ.

Строфа.

Кто желаетъ прожить на вѣку своемъ дольше другихъ,
Позабывъ объ умѣренной долѣ,
Тотъ, по моему, явно умомъ помраченъ.
Долголѣтье различнымъ путемъ

---

[1]) Антигона намекаетъ на излишнюю горячность, съ которою Эдипъ выкололъ себѣ глаза, узнавъ, что онъ убійца отца и супругъ собственной матери (см. траг. Эдипъ царь).

[2]) Въ концѣ предыдущей сцены Эдипъ, уже напуганный прежде приходомъ Креона, выразилъ опасеніе, чтобы и Полиникъ не имѣлъ какого-нибудь противъ него злаго умысла. Зритель, зная дурной нравъ сыновей, готовъ опасаться того-же. Явленіе Полиника такъ быстро слѣдуетъ за первою бѣдою, грозившею Эдипу въ Колонѣ, что хоръ не можетъ надивиться стеченію обстоятельствъ, по наружности вовсе неблагопріятныхъ для несчастнаго старца. Софоклъ съ намѣреніемъ далъ обстоятельствамъ, окружающимъ Эдипа, этотъ наружный видъ несчастія чтобъ тѣмъ ярче выставить счастливый конецъ дней его. Хоръ, самъ уже обремененный лѣтами, естественно воспѣваетъ теперь бѣдствія старчества, какъ и вообще бѣдствія жизни человѣческой. Второй стазимонъ заключаетъ въ себѣ самыя безотрадныя мысли; но отвѣтъ на нихъ въ концѣ драмы.

Все приводитъ насъ ближе къ печали,
А утѣхи нигдѣ не найдетъ
Тотъ, кому довелось получить
Вожделѣнную большую долю.
А помощница въ бѣдствіи, равная всѣмъ,
Безъ лиры, безъ хоровъ, безъ свадебныхъ пѣсенъ,
Появляется Мойра Аида,
Смерть наконецъ [1]!)

Антистрофа.

Самый счастливый жребій — совсѣмъ не родиться.
Послѣ этого лучшая доля:
Появиться на свѣтъ — и (опять умереть сей часъ).
А придетъ безразсудная юность
Съ легкомысліемъ своимъ, то какія
Многотрудныя муки ей чужды!
Тутъ убійства и распри съ враждою, и битвы, и зависть!
Подъ конецъ-же, досадная всѣмъ, безъ друзей
И безъ силъ настигаетъ тебя
Нелюдимая старость, гдѣ собраны всѣ,
Что ни есть только бѣдствій на свѣтѣ.

Эподъ.

Въ ней и этотъ несчастный, какъ я,
Отовсюду крушимъ, будто сѣверный берегъ
Подъ ударами вѣтра и волнъ.
Такъ его сокрушили совсѣмъ
Злыя бѣдствія, вѣчные спутники,
Набѣгая, подобно волнамъ,
Отъ заката однѣ, а другія съ востока,
Отъ полуденныхъ солнца лучей
Отъ Рипеевъ полночныхъ [2]!)

---

[1]) Софоклъ съ намѣреніемъ ставитъ слова: «Смерть наконецъ» (*θάνατος ἐσ τελευτὰν*) въ концѣ предложенія, чтобы тѣмъ поразительнѣе раскрыть его безотрадную мысль. Смерть названа Мойрой Аида. Мойра есть богиня судьбы (Парка); Мойра Аида — смертная участь.

[2]) «Отъ Рипеевъ полночныхъ» (въ под. ночныхъ) значитъ съ сѣвера. Рипейкія горы предполагались въ сѣверной части Скиѳіи: онѣ были покрыты лѣсами и вѣчной тьмою.

Четвертый Эпейзодіонъ [1]).

АНТИГОНА.

Вотъ, кажется, идетъ къ намъ чужеземецъ;
Съ нимъ никого, отецъ — и слезы льются
Изъ глазъ его ручьемъ.

ЭДИПЪ.

Кто-жъ это?

АНТИГОНА.

Тотъ,
О комъ ужъ прежде говорили мы:
Здѣсь Полиникъ стоитъ передъ тобою.

---

[1]) Четвертый эпейзодіонъ развиваетъ окончательно отношенія Эдипа къ дѣтямъ — второй актъ борьбы, послѣ которой уже должна рѣшиться судьба его. Въ сценѣ съ Креономъ Эдипъ возвеличенъ, какъ гражданинъ Ѳивъ; въ настоящихъ сценахъ, кромѣ-того, онъ является въ полномъ могуществѣ отцовской власти. Со времени явленія Исмены, постоянно въ драмѣ возбуждаемъ былъ вопросъ о судьбѣ сыновей Эдипа, такъ безчестно поступившихъ съ отцемъ. Теперь рѣшается ихъ участь. Отношенія Эдипа къ дѣтямъ составляютъ, такъ сказать, новую драму, которая входитъ въ составъ главнаго дѣйствія, какъ одинъ изъ его моментовъ. Эта второстепенная драма имѣетъ одну мысль съ главною:

А) Воздаяніе добрымъ за добро, но не внѣшними благами, а примиреніемъ съ совѣстью.

В) Кара эгоизма и властолюбія.

Полиникъ возбуждаетъ наше сочувствіе, какъ доблестный вождь и человѣкъ несчастный. Узнавъ объ изреченіяхъ оракуловъ, онъ смиренно приходитъ просить помощи у отца; онъ, хотя и поздно, но искренно желаетъ загладить вину. Но эти сожалѣнія и желанія, кажется, не слишкомъ прочны. Во всякомъ случаѣ, они занимаютъ второе мѣсто. Побудительною причиною прихода Полиника все-таки служатъ ненависть къ брату, жажда мести и власти. Моля отца простить ему, онъ не иначе согласенъ исправить зло, какъ достигнувъ престола съ помощью Эдипа. Онъ не отказывается отъ властолюбивыхъ замысловъ и тогда, когда отецъ его проклинаетъ. Полиникъ, безъ сомнѣнія, отчасти оправданъ тѣмъ, что не можетъ измѣнить друзьямъ, не можетъ оставить дѣла, когда его союзники, Аргивцы, уже осадили Ѳивы. Онъ доблестно покоряется горькой своей участи. Но нельзя винить и Эдипа въ жестокосердіи. Ему ненавистна самая мысль о власти, за которую понесъ онъ столько проклятій. Сколькихъ жертвъ стоило ему загладить и невольный грѣхъ, а неблагодарный сынъ думаетъ минутнымъ раскаяньемъ исправить сознательно совершенное преступленіе, да еще соблюсти при этомъ свои личныя выгоды! Въ Антигонѣ одна чистѣйшая любовь, въ Полиникѣ надо всѣмъ преобладаетъ чувство мщенія. «Возможно-ли мнѣ, какъ трусу, отступить?» говоритъ онъ. «Старшій въ родѣ, я буду посмѣшищемъ брату».

ПОЛИНИКЪ.

Увы, что дѣлать? Горести мои
Оплакать прежде, сестры, иль несчастье,
Въ какомъ я вижу старика отца?
Здѣсь на чужбинѣ онъ заброшенъ съ вами
Въ такой одеждѣ, на которой слился
Кусками старый прахъ, и старцу тѣло
Сурово колетъ; а на головѣ,
Лишенной зрѣнья, развѣваетъ вѣтеръ
Не тронутые гребнемъ волоса.
Какъ видно, ужъ такой-же точно хлѣбъ
Вымаливаетъ, бѣдный.... Ахъ! пропалъ я;
Объ этомъ слишкомъ поздно узнаю.
Да, самымъ злымъ, свидѣтельствую самъ,
Твоимъ кормильцемъ сыномъ оказался;
А что со мною, узнаешь отъ меня-же.
Во всѣхъ дѣлахъ съ Зевесомъ предсѣдаетъ
На тронѣ Милость, и тебѣ, отецъ,
Пусть предстоитъ она. Въ чемъ погрѣшилъ,
Загладить можно: погрѣшить-же больше
Ужъ невозможно.... Что-жъ безмолвенъ ты?
Отецъ! промолви слово.... не отринь....
Не отвѣчаешь ничего? Съ презрѣньемъ
Безъ рѣчи отошлешь меня, и гнѣва
Не высказавъ? О сестры, дѣти
Его родныя! вы хоть испытайте
Отца неговорливый и упорный
Языкъ подвигнуть, чтобы такъ съ безчестьемъ
Меня, пришедшаго подъ кровомъ бога,
Не отпускалъ, и слова не отвѣтивъ!

АНТИГОНА.

Скажи, несчастный, самъ, зачѣмъ пришелъ:
Въ обильной рѣчи можно приласкать
Иль прогнѣвить, иль тронуть чѣмъ-нибудь,
Такъ, что дается голосъ и безгласнымъ.

ПОЛИНИКЪ.

Скажу я все: прекрасенъ твой совѣтъ.
Но прежде призову себѣ на помощь
Того-же бога, чью святыню мнѣ

Велѣлъ оставить царь земли, дозволивъ,
При безопасномъ выходѣ, и слушать
И говорить. Желаю получить
Того-же, чужеземцы, и отъ васъ,
И отъ моихъ сестеръ, и отъ отца.
Скажу теперь, отецъ, зачѣмъ пришелъ.
Я изгнанъ изъ отеческой земли
За то, что на твоемъ престолѣ царскомъ
Хотѣлъ по праву сѣсть, какъ старшій въ родѣ.
Рожденьемъ младшій, Етеоклъ, за это
Изгналъ меня, ни побѣдивъ умомъ,
Ни испытавъ на дѣлѣ силъ; а гражданъ
Онъ убѣдилъ — и болѣе всего
Тому виной твоихъ Ериній ставлю,
Какъ и отъ вѣщихъ послѣ я узналъ [1]).
Когда-жъ пришелъ въ Дорическій Аргосъ,
То, зятемъ ставъ Адрасту, пріобрѣлъ я
Союзниковъ себѣ изъ самыхъ первыхъ
И самыхъ храбрыхъ на землѣ Апійской,
Чтобъ, противъ Ѳивъ семиотрядный полкъ
Собравши съ ними, честно умереть,
Иль изъ земли изгнать зачавшихъ дѣло [2]).
Такъ было. А зачѣмъ теперь я здѣсь?
Къ тебѣ, отецъ, я съ униженной просьбой
Самъ за себя и за моихъ друзей.
Семь строевъ ихъ, семь копій окружили
Теперь со всѣхъ сторонъ равнину Ѳивъ.
Амфіарай, копьеметатель, первый,
Какъ мужествомъ, такъ вѣщимъ знаньемъ птицъ;
Второй Этолъ, Энея сынъ, Тидей,
А третій Етеоклъ, Аргивецъ родомъ.
Четвертаго послалъ Гиппомедонта
Отецъ Талай, а пятый Капаней

---

[1]) Полиникъ могъ узнать это отъ прорицателя Амфіарая, который находился съ нимъ въ войскѣ. «Твоихъ Ериній» значитъ «богинь мщенья (фурій), преслѣдующихъ нашъ родъ за твои преступленія». Мы уже видѣли, что несчастію сыновей Софоклъ указываетъ другую причину. Полиникъ здѣсь, хоть и не прямо, обвиняетъ отца.

[2]) Землею Апійскою названы Пелопонезъ и въ особенности Арголида, по сыну Аполлона, врачу и прорицателю Апію. Подробности похода «Семи противъ Ѳивъ» смотри у Эсхила. «Семиотрядный полкъ» по причинѣ семи Ѳиванскихъ воротъ. Далѣе сказано: «Семь строевъ ихъ, семь копій». Копье было исключительной принадлежностью военачальника, слѣдовательно «семь копій» означаетъ: «семь предводителей».

Подрыть весь городъ хвалится и сжечь.
Шестой Парѳенопей Аркасъ,
Сынъ вѣрный Аталанты [1]). Я-же, твой —
Когда-жъ не твой, то злымъ рожденный рокомъ;
Но именуемый твоимъ — веду
Безстрашное Аргивянъ войско къ Ѳивамъ,
Тебя, отецъ, мы этими дѣтьми,
Твои душою всѣ усердно молимъ:
Оставь свой гнѣвъ тяжелый на меня;
Спѣшу я брату отомстить, который
Изгналъ меня и родины лишилъ.
Чью сторону ты примешь, если вѣрить
Боговъ реченью, съ тѣмъ и сила будетъ.
Отечества ручьями и богами
Теперь я умоляю: мнѣ послѣдуй;
Склонись.... мы нищіе, мы на чужбинѣ;
Въ чужой землѣ и ты: тебѣ и мнѣ
Досталось жить изъ милости другихъ —
Одна и та-же доля; а надъ нами
Обоими, о горе мнѣ! въ дому,
Смѣяся, величается властитель.
Его, когда со мной въ согласьи будешь,
Я мигомъ уничтожу безъ труда.
Такъ, возвративъ тебя, въ дому твоемъ
Я утвержу и утвержуся самъ,
Его извергнувъ силой. Этимъ хвастать
Могу, когда одно со мной желаешь;
Но безъ тебя я и спастись не въ силахъ [2]).

---

[1]) Парѳенопей (*παρθενοπαῖος*) въ переводѣ означаетъ: сынъ дѣвы. Такъ названъ онъ потому, что во всемъ подобенъ былъ Аталантѣ, нѣкогда мужественной дѣвѣ.

[2]) Не смотря на трогательныя просьбы Антигоны, на осторожность, съ которою она представляетъ Полиника отцу, не смѣя даже произнести его имя, не смотря на видимое раскаяніе сына, его обращеніе къ богу Посейдону и посредничество Ѳезея, великодушно принимающаго всякаго пришельца — не смотря на все это, рѣчь Полиника не можетъ понравиться Эдипу:

А) Отецъ непріятно обманутъ. Пришедъ повидимому съ раскаяніемъ, Полиникъ объявляетъ свою эгоистическую цѣль, о которой Эдипъ уже знаетъ изъ разсказа Исмены: сынъ такимъ образомъ мгновенно становится въ глазахъ отца на одну степень съ Креономъ, который передъ тѣмъ такъ глубоко оскорбилъ несчастнаго старца.

В) Полиникъ неудачно напоминаетъ Эдипу о его Ериніяхъ, о тѣхъ скорбныхъ дѣлахъ, которыхъ воспоминаніе, въ сценѣ съ хоромъ, приводило Эдипа въ такое отчаяніе.

ХОРЪ.

Пославшему въ угоду отпусти
Ты человѣка этого, Эдипъ,
Сказавъ ему, что слѣдуетъ сказать.

ЭДИПЪ.

Граждане! еслибъ не послалъ ко мнѣ
Его Θезей, страны правитель вашей,
Вмѣняя въ долгъ, чтобъ я ему отвѣтилъ,
Ему не знать-бы вѣщихъ словъ моихъ.
Теперь-же удостоенъ — и уйдетъ,
Такое слышавъ отъ меня, что въ жизни
Ужъ вѣрно не порадуетъ его.
Негодный! самъ, имѣя скиптръ и тронъ,
Все, что твой братъ теперь имѣетъ въ Θивахъ,
Меня ты, своего отца, изгналъ,
И былъ виной, что я лишенъ отчизны,
И что ношу одежду, видъ которой
Теперь тебя ужъ трогаетъ до слезъ,
Какъ самъ попалъ въ одну бѣду со мною.
Не плакать, а сносить мнѣ это должно,
Какъ ни жилъ-бы, тебя убійцу помня:
Ты ввергъ меня въ несчастья эти, ты
Изгналъ меня ... черезъ тебя, скитаясь,
Насущнаго выпрашиваю хлѣба.
Когда-бы не дала судьба мнѣ этихъ
Кормилицъ-дочерей, ужъ мнѣ-бы вѣрно
Пришлось, на долю отъ тебя, погибнуть.
Теперь онѣ отъ бѣдъ меня спасаютъ,

С) Полиникъ некстати съ какою-то торжественностію описываетъ Аргивское войско, какъ будто желая плѣнить Эдипа этимъ могуществомъ силы, которое уже совершенно опостыло старцу, мыслящему только о своей кончинѣ.

Д) Полиникъ непріязненнымъ образомъ вмѣшиваетъ Эдипа въ свои личные интересы, заставляя его сочувствовать своей ненависти къ брату, какъ-будто самъ онъ не участвовалъ въ изгнаніи отца. Старшинство, которое онъ безпрестанно выставляетъ на видъ, должно еще болѣе оскорблять Эдипа, напоминая о большей виновности Полиника въ сравненіи съ братомъ. Между тѣмъ въ словахъ его, гдѣ онъ сравниваетъ свою долю съ отцовскою, явное лицемѣріе: Полиникъ нашелъ на чужбинѣ и родныхъ, и друзей, и бранную дружину, которою самъ передъ тѣмъ хвалился; Эдипъ-же съ трудомъ вымаливаетъ себѣ могилу.

Принявъ все это во вниманіе и вмѣстѣ то раздраженіе, въ которомъ еще находился Эдипъ послѣ ухода Креона, мы не удивимся излишней рѣзкости его отвѣта.

Онѣ мои кормилицы, онѣ
Страдать со мной — не женщины, мужчины.
А вы родились, вѣрно, отъ другаго,
Не отъ меня.... Вотъ, почему и демонъ,
Хотя не такъ, какъ это скоро будетъ,
А на тебя взираетъ, если только
Отряды эти двинулись на Ѳивы.
Вамъ не разрушить города вовѣки.
Скорѣй, запятнанъ кровью, ты падешь,
И братъ твой вмѣстѣ. Произнесъ и прежде
Я противъ васъ такія-же проклятья,
И нынѣ ихъ зову къ себѣ на помощь,
Чтобъ знали вы, какъ должно чтить родившихъ,
И чтобъ себѣ не ставили въ безчестье,
Что у такихъ у васъ отецъ слѣпой....
Вѣдь этого не сдѣлали онѣ,
А потому убѣжище твое
И тронъ твой подъ проклятьемъ, если только,
Издревле міру явленная, Правда
Законамъ древнимъ Зевса предсѣдитъ.
Сгинь съ глазъ моихъ, презрѣнный негодяй!
Я не отецъ тебѣ; неси проклятья,
Какія призвалъ на главу твою
Чтобъ ни отчизны не взялъ ты копьемъ,
Ни возвратился въ Аргосъ междугорный,
Но умеръ отъ родной руки, убивъ
Того, кѣмъ изгнанъ. Такъ я проклинаю
И ненавистный мракъ зову отцовскій,
Мракъ Тартара тебя увлечь: зову
И этихъ я богинь; зову Арѣса,
Возжегшаго межъ вами злую распрю.
Ты слышалъ все.... Иди и возвѣсти
Твоимъ друзьямъ въ бою и всѣмъ Кадмейцамъ,
Что дѣтямъ въ даръ опредѣлилъ Эдипъ [1]).

---

[1]) Въ этой рѣчи Эдипъ призываетъ, чтобы покарать сыновей: демона-мстителя; отцовскія проклятія, которыя въ подл. олицетворены, какъ особыя силы: *Ἀραί*; богиню правосудія, Дике (*Δίκη*), засѣдающую на престолѣ рядомъ съ Зевсомъ; мракъ Тартара (*Ἔρεβος*, Еревъ), богинь Евменидъ и Ареса (Марса). Эта суровость отца соотвѣтствовала строгости Аѳинскихъ законовъ, касающихся отношенія дѣтей къ родителямъ. По законамъ Солона, дѣти, отказывавшія родителямъ въ пропитаніи, лишаемы были всѣхъ правъ гражданства. Еврипидъ (Антіопа, 46) называетъ три главныя добродѣтели: «Почитать боговъ, родителей и общіе законы Еллады»: (*Θεούς τε τιμᾶν τούς τε φύσαντας γονέ ἴς Νόμους τε κοινούς Ελλάδος*).

ХОРЪ.

Не радуюсь съ тобою, Полиникъ,
Что путь предпринялъ этотъ: уходи-же
Скорѣе прочь.

ПОЛИНИКЪ.

О неудачный путь!
Друзья, несчастье! Этого-ль конца,
Изъ Аргоса въ дорогу снаряжаясь,
Мы ждали, что ни спутникамъ сказать,
Ни отступить нельзя, но ужъ безмолвно
На встрѣчу рока долженъ я идти.
Родныя сестры! Васъ молю — отца
Вы слышали жестокія проклятья;
Богами заклинаю васъ, ужъ если
Все сбудется реченное отцемъ
И кто изъ васъ на родину вернется,
О нѣтъ! тогда не презрите меня:
Въ могилѣ скройте и обрядъ свершите.
И къ нынѣшней хвалѣ, что вы отцу
Въ бѣдахъ подпорой, за услугу мнѣ
Еще хвала, не меньшая вамъ будетъ.

АНТИГОНА.

Меня послушай, Полиникъ, молю.

ПОЛИНИКЪ.

Въ чемъ, Антигона милая, скажи.

АНТИГОНА.

Скорѣе съ войскомъ въ Аргосъ воротись:
И самого себя, и городъ сгубишь.

ПОЛИНИКЪ.

Ужъ поздно. Какъ-же вдругъ вернуть-бы могъ
Я это войско, струсивъ безъ причины?

АНТИГОНА.

Что снова, другъ, даешь ты волю гнѣву?
Что пользы родину тебѣ разрушить?

ПОЛИНИКЪ.

Бѣжать постыдно. Старшій въ родѣ, брату
Посмѣшищемъ я буду.

АНТИГОНА.

Видишь самъ,
Какъ прорицанья прямо въ цѣль стремятся,
Грозя вамъ смерть взаимную обоимъ.

ПОЛИНИКЪ.

Пускай ихъ. Намъ-же отступать нельзя.

АНТИГОНА.

О горе! Кто-жъ дерзнулъ-бы за тобою
Идти во слѣдъ, узнавъ, что предсказалъ онъ?

ПОЛИНИКЪ.

Печальнаго не скажемъ: добрый вождь
Не страхъ вселять, а ободрять обязанъ.

АНТИГОНА.

Братъ! и на это ты совсѣмъ рѣшился?

ПОЛИНИКЪ.

Меня ужъ не удерживай. Иду,
Хоть знаю, горекъ, гибеленъ мой путь
Отца рѣшеньемъ и его Ериній.
А вамъ пускай всѣхъ благъ даруетъ Зевсъ,
Когда добро умершему свершите;
Живой-же съ вами я въ послѣдній разъ,
Довольно ужъ. Прощайте. Больше намъ
Очами въ очи не взглянуть.

АНТИГОНА.

О горе!

ПОЛИНИКЪ.

Не плачь о мнѣ.

АНТИГОНА.

Какъ о тебѣ не плакать,
Когда на гибель явную стремишься,
Мой милый братъ!

ПОЛИНИКЪ.

Коль суждено, умру.

АНТИГОНА.

О нѣтъ! меня послушай.

ПОЛИНИКЪ.

Въ чемъ не должно,
Не убѣждай.

АНТИГОНА.

Навѣкъ несчастной буду,
Тебя лишившись.

ПОЛИНИКЪ.

Въ волѣ бога все:
Такъ иль иначе будетъ. Не молю
Боговъ, чтобъ васъ несчастье не коснулось;
Всѣ скажутъ: вы того не заслужили. (*Уходитъ*).

Пятый Эпейзодіонъ [1]).

ХОРЪ.

Строфа I.

Вотъ ужъ ждетъ меня новое снова
Отъ слѣпаго пришельца тяжелое горе,
Если рокъ не назначитъ конца.

---

[1]) Послѣ четвертаго эпейзодіона долженъ-бы слѣдовать новый стазимонъ; но Софоклъ, спѣша къ развязкѣ дѣйствія, замѣняетъ его комматическою пѣснью. Тяжкія проклятія, произнесенныя Эдипомъ передъ рощею Евменидъ и противъ пришельца, молившаго защиты у бога Посейдона, естественно должны были смущать благочестивыхъ старцевъ Колона. Хоръ, послѣ отказа Эдипа, могъ также предполагать новыя непріятныя столкновенія съ Ѳивами или даже съ Аргосомъ. Поэтому онъ опасается новаго горя; но надѣется, что скоро со смертью Эдипа прекратятся всѣ его безпокойства, а что Эдипъ умретъ, въ томъ ему порукой предсказаніе оракула. Среди этихъ размышленій, хоръ вдругъ пораженъ тяжелымъ раскатомъ грома. Онъ ничего не зналъ объ извѣщеніи, обѣщанномъ Эдипу богами, и готовъ думать по прежнему, что боги выражаютъ свой гнѣвъ за нарушеніе святыни. Этотъ страхъ хора съ одной стороны, а съ другой—чудное преображеніе Эдипа, вдругъ таинственно прозрѣвшаго, должны были сильно сковывать вниманіе зрителей.

Пятый эпейзодіонъ составляетъ уже переходъ къ окончательной развязкѣ. Послѣдняя торжественная рѣчь Эдипа и его торжественное удаленіе со сцены

Не скажу, чтобъ какое рѣшенье боговъ
Было тщетно; взираетъ,
Взираетъ и время на это всегда:
Совершаетъ не скоро одно,
А другое, и дня не пройдетъ, какъ раскроетъ.
О Зевесъ! грянулъ воздухъ.

ЭДИПЪ.

О дѣти, дѣти! Кто здѣсь могъ призвать-бы
Ко мнѣ изъ смертныхъ лучшаго, Ѳезея.

АНТИГОНА.

Что вдругъ за мысль пришла тебѣ, отецъ?

ЭДИПЪ.

Крылатый Зевсовъ огнь меня сейчасъ
Сведетъ въ Аидъ; пошлите-же скорѣе.

ХОРЪ.

Строфа 1.

Смотри: разразился могучій неслыханный
Громъ Зевесовыхъ стрѣлъ!
Дыбомъ волосъ отъ ужаса всталъ,
Сжалось сердце.... Небесная молнія
Вновь пылаетъ! Какой-же конецъ низведетъ?
Трепещу.... не ударитъ напрасно,
Безъ бѣды не пройдетъ.... О великій эѳиръ! О Зевесъ!

ЭДИПЪ.

Приходитъ, дѣти, предреченный богомъ,
Конецъ мнѣ жизни — и отмѣны нѣтъ.

АНТИГОНА.

Какъ можешь знать? Откуда заключаешь?

подъ незримымъ руководствомъ боговъ, Персефоны и Гермеса, въ сущности уже заканчиваютъ драму: въ отношеніи къ Эдипу, исполняется возвеличивающій его оракулъ боговъ; въ-отношеніи къ Ѳезею, совершается освященіе края, обѣщанное пришельцемъ. Но оставалось и то и другое развить еще подробнѣе въ дѣйствіи. Эту цѣль имѣетъ послѣдняя часть драмы, Exодъ (*Ἔξοδος*).

ЭДИПЪ.

Я знаю вѣрно... Но скорѣй, скорѣе
Пусть приведутъ ко мнѣ царя земли.

ХОРЪ.

Строфа 2.

Вотъ, вотъ опять грозитъ намъ отовсюду
Пронзительный ударъ грозы.
О милость, милость, демонъ!
Коль мрачнаго чего-нибудь
Родной землѣ готовишь.
Пусть лучшей участи дождусь,
Пусть, на преступнаго взирая,
Невыгоднаго дару не приму....
О царь Зевесъ! Къ тебѣ взываю.

ЭДИПЪ.

Гдѣ-жъ? близокъ онъ? Меня живымъ еще
И въ памяти застанетъ-ли онъ, дѣти?

АНТИГОНА.

Что-жъ хочешь ты его душѣ довѣрить?

ЭДИПЪ.

За все добро, испытанное мною,
Какъ обѣщалъ ужъ, подъ конецъ хочу
Я благодарнымъ быть ему на дѣлѣ.

ХОРЪ.

Антистрофа 2.

Сюда, сюда скорѣй, мой другъ!
Хотя-бы въ далекомъ ущельи
Ты богу морей, Посейдону,
На жертву быковъ приносилъ,
Приди: справедливую хочетъ пришлецъ
За добро оказать благодарность
Тебѣ и друзьямъ и гражданамъ.
Скорѣе-же, царь, поспѣши [1]).

[1]) Призывая Ѳезея, хоръ предполагаетъ, что онъ еще приноситъ жертву богу Посейдону. Такое предположеніе очень естественно. Публичная жертва, состоя-

ѲЕЗЕЙ.

Что здѣсь за шумъ у васъ? Я слышалъ ясно
И голосъ вашъ, и крики чужеземца.
Зевесовъ громъ, иль бурный градъ и ливень
Тому причиной? Правда, что всего
Отъ бога можно ждать въ такую бурю.

ЭДИПЪ.

Царь, ты явился жданный. За приходъ твой
Пускай тебѣ даруютъ боги счастья.

ѲЕЗЕЙ.

Что сталось вновь, сынъ Лая?

ЭДИПЪ.

Близокъ часъ мой
И умереть хочу, не обманувъ
Тебя и гражданъ въ томъ, что обѣщалъ.

ѲЕЗЕЙ.

Какой-же знакъ твоей кончины близкой?

ЭДИПЪ.

Мнѣ боги сами вѣстники того:
Ихъ знаменья ни въ чемъ непогрѣшимы.

ѲЕЗЕЙ.

Но какъ тебѣ раскрылось это, старецъ?

ЭДИПЪ.

Въ ударахъ долгихъ, непрестанныхъ грома,
Въ блиставшихъ отъ руки непобѣдимой
Столь многихъ стрѣлахъ.

шая въ закланіи быковъ, не могла совершиться очень скоро. Между-тѣмъ Ѳезей былъ отвлеченъ отъ своего священнаго дѣла сначала явленіемъ Креона, а потомъ Полиника. Извѣстивъ Эдипа о Полиникѣ, Ѳезей уходитъ опять заняться своимъ дѣломъ. Этимъ очень естественно объясняетъ Софоклъ частый уходъ Ѳезея со сцены, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ случай сосредоточиться дѣйствію около святыни Посейдона, избранной имъ не безъ намѣренія, какъ такой, въ которой соединялась слава Колона и слава цѣлой Аттики. Такъ Софоклъ вездѣ умѣетъ избѣжать лишнихъ сценъ и въ художественномъ построеніи драмы однимъ и тѣмъ-же средствомъ достигнуть нѣсколькихъ цѣлей.

ѳезей.

Вѣрю я тебѣ.
Ты провѣщаешь много, и, какъ видно,
Не лживо. Что-жъ мнѣ дѣлать, объясни.

эдипъ.

Эгея сынъ! скажу тебѣ, что дастся
И вѣкъ съ твоей землей пребудетъ цѣло.
То мѣсто, гдѣ мнѣ должно умереть,
Самъ безъ руки вождя найду я скоро.
И никому не говори вовѣки
Ни гдѣ оно сокрыто, ни въ какомъ
Краю земли лежитъ, чтобъ вмѣсто многихъ
Щитовъ и войскъ наемныхъ было вѣчно
Оно тебѣ защитой отъ сосѣдей [1]).
А то, чего, ужъ связанныя тайной,
Не вымолвятъ уста, узнаешь самъ,
Когда пойдешь за мной одинъ: того
Ни гражданамъ я этимъ не открою,
Ни дочерямъ моимъ, хоть ихъ люблю.
А ты храни всю жизнь, и лишь предъ смертью
Старѣйшему изъ сыновей скажи:
И онъ пускай наслѣднику откроетъ.
Такъ будетъ городъ твой неодолимымъ
Для сѣянныхъ людей [2]). Межъ городами
Иной, хоть и устроенъ хорошо,
Легко къ неправдѣ клонится; но боги,
Хоть и не скоро, узрятъ человѣка,
Что впалъ въ безумство, презрѣвши святыню [3]).
Того, Эгея сынъ, не потерпи.
Но знающаго нечего учить....
Идемъ ужъ къ мѣсту: явленное богомъ
Мнѣ такъ велитъ, и болѣе не медлю.
О дѣти! слѣдуйте за мной: теперь

---

[1]) Этой таинственностью Софоклъ освящаетъ мѣсто. Можетъ быть, также въ его время уже было неизвѣстно, гдѣ настоящая могила Эдипа, и онъ пользуется самой неизвѣстностью, какъ средствомъ возвысить значеніе святыни.

[2]) Подъ сѣянными людьми разумѣются ѳиванцы, происшедшіе отъ зубовъ дракона, посѣянныхъ Кадмомъ.

[3]) Явный урокъ Аѳинянамъ, современнымъ Софоклу — урокъ, имѣющій тѣмъ болѣе силы, что Эдипъ говоритъ это передъ смертью, какъ одаренный высшимъ могуществомъ.

Я вамъ вождемъ, какъ были вы отцу.
Идите, и ко мнѣ не прикасайтесь....
Я самъ найду священную могилу,
Гдѣ суждено мнѣ погребеннымъ быть.
Сюда.... вотъ такъ.... сюда за мной! сюда
Меня ведетъ подземная богиня
И душъ вожатай, Гермесъ. О незримый
Свѣтъ солнца, бывшій нѣкогда моимъ!
Въ послѣдній разъ мое объемлешь тѣло.
Ужъ я иду сокрыть навѣки жизнь
Въ обители Аида. Милый другъ мой!
Ты самъ, твоя страна и слуги, будьте
Во всѣхъ дѣлахъ счастливы и блаженны,
И въ счастьи помните о мнѣ умершемъ.

Третій Стазимонъ [1]).

ХОРЪ.

Строфа.

Если смѣю богинѣ подземной
И тебѣ, царь тѣней, покланяться съ мольбой,
Эдоней! Эдоней! умоляю.
Не прискорбной, не трудною смертью
Пусть сойдетъ чужеземецъ
Къ сокрывающей всѣхъ обители мертвыхъ,
Въ домъ подземный, Стигійскій.
Послѣ многихъ, безвино имъ принятыхъ мукъ,
Демонъ вновь справедливо его возвеличилъ.

Антистрофа.

О богини подземныя!
Этотъ звѣрь неприступный и грозный,
Что у вратъ, всѣмъ открытыхъ, лежитъ
И ворчитъ изъ пещеры, по старой молвѣ,

---

[1]) Третій стазимонъ заключаетъ въ себѣ молитву, соотвѣтственную предъидущему дѣйствію. Хоръ обращается здѣсь къ Персефонѣ и ея супругу Эдонею (Плутону), моля дать мирный конецъ Эдипу. Онъ также проситъ подземныхъ богинь (Ериній) и бога смерти (*Θάνατος*) устранить Цербера, чудовище, лежащее у вратъ Аида, чтобъ Эдипъ могъ имѣть свободный доступъ. Таковы чувственныя понятія народа о другомъ мірѣ. Пусть читатель сравнитъ съ этимъ представленіемъ слѣдующее за тѣмъ описаніе таинственнаго сошествія Эдипа въ Аидъ, принадлежащее собственно Софоклу.

Стражъ Аида безмѣрно могучій.
Умоляю, о Тартара сынъ и Земли!
Пусть откроетъ свободный онъ путь
Чужеземцу, въ равнину подземную мертвыхъ влекомому....
Тебя, что навѣкъ усыпляешь, зову.

Екзодъ [1].

ВѢСТНИКЪ.

Граждане: въ двухъ словахъ сказать-бы могъ:
«Эдипъ погибъ». Но что произошло,
Того нельзя столь кратко и столь просто,
Какъ было все на дѣлѣ передать.

ХОРЪ.

Погибъ, несчастный?

ВѢСТНИКЪ.

Знай: навѣки онъ
Оставилъ жизнь.

ХОРЪ.

Легко? безъ муки, бѣдный?

ВѢСТНИКЪ.

Вотъ это и достойно удивленья,
Былъ очевидцемъ ты, какъ онъ отсюда,
Не требуя совсѣмъ себѣ вождя,
Но самъ намъ всѣмъ вожатаемъ пошелъ.
Когда-же прибылъ онъ къ крутому спуску,
Что отъ земли ступенями изъ мѣди
Скрѣпленъ, остановился на одной

---

[1]) Екзодъ, послѣдняя часть трагедіи, состоитъ изъ двухъ частей: разсказа вѣстника и обычнаго плача (*οἰμωγή*) дочерей Эдипа объ умершемъ.

Вѣстникъ — лице, обыкновенное въ Греческихъ драмахъ. Не имѣя опредѣленнаго характера, свойственнаго дѣйствующимъ лицамъ, онъ служитъ только къ тому, чтобы въ краснорѣчивомъ разсказѣ изложить случившееся за сценою. Греки вообще избѣгали изображенія смерти на сценѣ. Софоклъ, заботясь болѣе всего о художественной простотѣ дѣйствія, не желаетъ также, подобно Эсхилу, выводить на сцену чудеснаго, какъ слѣдовало-бы въ настоящемъ случаѣ, при кончинѣ Эдипа. Плачъ составляетъ комматическую пѣснь между хоромъ, Антигоной, Исменой и Θезеемъ. Такое лирическое окончаніе находимъ во всѣхъ вообще Греческихъ драмахъ: въ плачѣ сосредоточиваются чувства, выражающія идею цѣлой трагедіи. Софоклъ и тутъ умѣетъ внести живой элементъ дѣйствія.

Изъ многихъ расходившихся дорогъ,
Близъ вогнутаго кратера, гдѣ вѣчно
Храниться будетъ память о союзѣ
Ѳезея съ Периѳоемъ. Посединѣ
Межъ нимъ и Ѳорикейскою скалой,
Гробницей каменной и дикой грушей,
Онъ сѣлъ и снялъ одежды [1]).
Потомъ призвалъ дѣтей, и приказалъ
Отколь-нибудь принесть для омовенья
И возліяній ключевой воды.
Пошедъ на возвышенье плодотворной
Димитры, вмигъ исполнили онѣ
Отца велѣнье. Слѣдуя закону,
Онѣ его омыли и одѣли [2]).
Когда-же все свершилось, какъ желалъ онъ,
И былъ вполнѣ оконченъ весь обрядъ,
Ударилъ Зевсъ подземный [3]). Ужасъ вдругъ
Окаменилъ дѣвицъ.... И, на колѣна
Упавъ къ отцу, рыдаютъ безъ конца:
Неудержимый плачъ имъ грудь вздымаетъ.
А онъ, внезапно слыша звукъ печальный,
Обнявъ руками ихъ, сказалъ: «О дѣти!
Въ сей день у васъ отца не будетъ больше.
Погибло все мое; ужъ обо мнѣ
Вамъ не имѣть мучительной заботы.
Я знаю, какъ вамъ тяжко было, дѣти.
Пускай-же будутъ всѣ теперь страданья
Однимъ лишь этимъ словомъ смягчены:

---

[1]) Мѣстность мѣднаго пути, означенную вѣстникомъ, надо предполагать за сценой вправо по направленію къ Аѳинамъ. Описаніе довольно неопредѣленно. Большой мѣдный кратеръ (чаша), вѣроятно, былъ утвержденъ въ одной изъ ложбинъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Ѳезей вмѣстѣ съ сыномъ Зевса, царемъ Лапиѳовъ, Периѳоемъ, сходилъ въ Аидъ, чтобы вывести изъ царства тьмы Прозерпину: оба были скованы въ Аидѣ, пока Геркулесъ не освободилъ ихъ. Ѳезей и во многихъ другихъ похожденіяхъ является въ союзѣ съ Периѳоемъ. Память объ этомъ союзѣ (въ подл. *ξυνθήματα* договорная надпись), вѣроятно, была вырѣзана на кратерѣ. Прочіе предметы совершенно неизвѣстны. О грушѣ можно сказать, что старыя деревья вообще напоминали какія-нибудь замѣчательныя событія (въ подл. *κοίλη ἀχέρδος*, пустая, дуплистая груша).

[2]) Вѣроятно, по близости находился храмъ Димитры, богини цвѣтущихъ луговъ, которой противуположна была Димитра Еринисъ (*ἐρινύς*), богиня зимняго ненастья. Дочери совершаютъ надъ Эдипомъ обрядъ, который и у насъ исполняется надъ мертвыми.

[3]) Здѣсь только сравненіе могущества подземнаго владыки съ могуществомъ Зевса.

Никто васъ столько не любилъ, какъ я;
Ужъ безъ меня остатокъ дней свершите».
Такъ дѣтямъ говорилъ Эдипъ, и громко,
Въ рукахъ другъ друга лежа, всѣ рыдали.
Но конченъ плачъ, не слышно больше криковъ,
Настала тишина — и вдругъ къ нему
Взываетъ чей-то голосъ, такъ-что въ страхѣ
У всѣхъ поднялись дыбомъ волоса.
Звалъ богъ его различно, много разъ:
Эдипъ! Эдипъ! Что не идешь? И такъ
Ты долго медлилъ. Бога гласъ познавъ,
Онъ требуетъ царя земли, Ѳезея;
Когда-же тотъ приблизился, сказалъ онъ:
«О другъ мой! Въ прочной вѣрности твоей
И дѣтямъ дай поруку; вы-же, дѣти,
Ему клянитесь. Обѣщай, что ихъ
Ты никогда не выдашь добровольно,
И, что въ благихъ мысляхъ сочтешь полезнымъ,
Все сдѣлать позаботишься для нихъ».
Какъ благородный мужъ, безъ всякихъ воплей
Онъ чужеземцу въ этомъ поклялся.
Какъ это сдѣлалъ, тотчасъ-же Эдипъ,
Обнявъ дѣтей ужъ слабыми руками,
Сказалъ: «О дѣти! должно все снести,
Какъ благородство требуетъ. Уйдите
Отъ этихъ мѣстъ: ни видѣть не желайте,
Чего нельзя; ни слышать разговоръ нашъ.
Скорѣй, скорѣй отсюда! Лишь Ѳезею
Прилично знать о томъ, что совершится».
Услышавъ рѣчь такую, всѣ мы, вмѣстѣ
Съ дѣвицами, рыдая, удалились.
Когда-жъ ушли, и нѣсколько спустя
Мы обернулись, ужъ пропалъ нашъ странникъ!
Нигдѣ его не видно было; царь-же
Стоялъ, рукою очи заслонивъ,
Какъ-будто страшный, нестерпимый зрѣнію,
Ему явился призракъ; а потомъ,
Спустя минуту, видимъ: совершаетъ
Землѣ онъ и отцу боговъ, Олимпу,
Одну молитву вмѣстѣ [1]). Но какою
Погибъ пришелецъ смертью, ужъ никто

[1]) Подъ Олимпомъ здѣсь разумѣется Уранъ (*οὐρανός*, небо).

Не скажетъ, кромѣ самого Ѳезея,
Ни огненосною стрѣлою бога
Убитъ онъ не былъ; ни морскою бурей,
Что поднялась въ то время, увлеченъ.
Но, можетъ быть, какой боговъ посланникъ,
Иль приняло, раскрывшись дружелюбно,
Земное нѣдро темное его.
Объ немъ не должно плакать. Безъ страданій
Онъ кончилъ жизнь, изъ смертныхъ самый дивный.
Кто-жъ думаетъ, что говорю безъ смысла,
Того я въ смыслѣ убѣждать не стану.

ХОРЪ.

Но гдѣ-жъ дѣвицы, и изъ нашихъ тѣ,
Что привели ихъ?

ВѢСТНИКЪ.

Здѣсь недалеко.
Онѣ сюда спѣшатъ: ужъ можно звуки
Ихъ громкихъ воплей ясно различать.

АНТИГОНА.

Строфа 1.

О горе! не такъ, чтобы разъ, а другой уже нѣтъ,
Суждено, суждено намъ несчастнымъ оплакивать
Кровь отца, въ насъ живущую съ памятью бѣдствій.
Съ нимъ и прежде немало встрѣчалось намъ бѣдъ,
И въ концѣ разсказать-бы могли чудеса
Мы о томъ, что стерпѣли, что видѣли.

ХОРЪ.

Что-же это?

АНТИГОНА.

Друзья, догадаетесь сами.

ХОРЪ.

Онъ умеръ.

АНТИГОНА.

Нельзя и желать лучшей смерти.
Что-жъ? Ни Аресъ, ни волны его не сгубили,
Но безвѣстно какою судьбой

Онъ захваченъ въ незримыя нѣдра земли.
О горе мнѣ! Гибельной тьмою
Очи подернулись. Какъ намъ теперь
Жизни тяжелое бремя нести,
Въ дальнихъ блуждая земляхъ, по пучинамъ морскимъ?

ИСМЕНА.

Строфа 2.

Не знаю. Аидъ кровожадный
Пусть влечетъ и меня горемычную,
Чтобы вмѣстѣ со старымъ отцемъ умереть.
Не на радость мнѣ болѣе жизнь.

ХОРЪ.

О добрыя двое дѣтей!
Не скорбите ужъ слишкомъ о томъ,
Что назначено къ лучшему богомъ.
Сами вы не на худшую долю пришли.

АНТИГОНА.

Такъ могло-же тутъ быть и къ несчастію влеченье,
И ничѣмъ уже не милое — милымъ,
Какъ держала его я въ рукахъ.
Отецъ мой! О милый! Подземною тьмою
Навѣки одѣтый! тому никогда не бывать,
Чтобъ тебя не любила, и съ нею не будетъ того.

ХОРЪ.

Совершилъ онъ...

АНТИГОНА.

Совершилъ, чего желалъ.

ХОРЪ.

Чего-жъ?

АНТИГОНА.

Гдѣ хотѣлъ, на чужбинѣ и умеръ!
Вѣчной сѣнью покрыто
Подземное ложе твое!
Не оплаканъ ты въ горѣ своемъ не остался.
Отецъ! Изъ этихъ очей

За тебя льются слезы... О горе!
Какъ заглушить мнѣ тоску по тебѣ?
Безъ меня одинокъ, такъ и умеръ!

ИСМЕНА.

Антистрофа 2.

О несчастье! Какая судьба безнадежная,
Одинокую, ждетъ меня нынѣ
И тебя, моя милая? Обѣ отца мы лишимись.

ХОРЪ.

Но такъ-какъ онъ счастливо жизнь свою кончилъ,
То, милыя, плачъ вашъ оставьте:
Никто не избавленъ отъ бѣдъ.

АНТИГОНА.

Строфа 3.

Сестра, идемъ отсюда.

ИСМЕНА.

Что-же мы начнемъ?

АНТИГОНА.

Желаю страстно я.

ИСМЕНА.

Чего?

АНТИГОНА.

Земли святыню видѣть.

ИСМЕНА.

Чью?

АНТИГОНА.

О горе мнѣ!... отца могилу.

ИСМЕНА.

Но развѣ можно? развѣ ты не знаешь?

АНТИГОНА.

Что за упрекъ?

ИСМЕНА.

И также вспомни...

АНТИГОНА.

Что такое снова?

ИСМЕНА.

Непогребенный, умеръ
Вдали онъ ото всѣхъ.

АНТИГОНА.

Веди—и тамъ-же умертви меня.

ИСМЕНА.

О бѣдная! Гдѣ-жъ безпріютной
И вновь одинокой теперь
Влачить мнѣ печальную жизнь?

ХОРЪ.

Антистрофа 3.

Любезныя, не бойтесь ничего.

АНТИГОНА.

Куда-жъ бѣжать?

ХОРЪ.

И прежде вы избѣгли.

АНТИГОНА.

Чего?

ХОРЪ.

Конца худаго въ вашемъ дѣлѣ.

АНТИГОНА.

Я думаю....

ХОРЪ.

Что вздумали еще?

АНТИГОНА.

Какъ намъ домой вернуться?
Не вижу средствъ.

ХОРЪ.

Объ этомъ не заботься.

АНТИГОНА.

На сердцѣ тяжко....

ХОРЪ.

Было такъ и прежде.

АНТИГОНА.

Безпомощное было горе,
А нынѣ стало безграничнымъ.

ХОРЪ.

Досталось вамъ на долю море золъ.

АНТИГОНА.

Да, да.

ХОРЪ.

И я согласенъ въ этомъ.

АНТИГОНА.

О горе! куда мнѣ прибѣгнуть, Зевесъ?
Какую еще мнѣ надежду
Могъ демонъ послать-бы теперь?

ѲЕЗЕЙ.

Ужъ кончите, дѣти, вашъ плачъ:
Гдѣ общее благо даровано богомъ,
Скорбѣть тамъ не должно.... страшитесь грѣха [1]).

АНТИГОНА.

Мы молимъ тебя, сынъ Эгея.

---

[1]) Въ подл. «*νέμεσις γαρ*», — потому-что за это ждетъ гнѣвъ, немилость боговъ. *Νέμεσις* употребляется и какъ собственное названіе богини Немезиды.

ѲЕЗЕЙ.

Что нужно вамъ, дѣти, скажите?

АНТИГОНА.

Мы сами хотѣли-бы видѣть
Могилу роднаго отца.

ѲЕЗЕЙ.

Но быть тамъ никто не посмѣетъ.

АНТИГОНА.

Аѳинъ властелинъ! что сказалъ ты?

ѲЕЗЕЙ.

О дѣти! онъ мнѣ запретилъ
И къ этимъ мѣстамъ приближаться,
И слово промолвить кому изъ людей
У пріюта святаго, гдѣ скрылся.
И если я это исполню,
Сказалъ, что земля моя будетъ
Навѣкъ безопасна отъ золъ.
Внимали намъ демонъ и Клятва,
Всеслышащій Зевсовъ слуга [1]).

АНТИГОНА.

Довольно того, что ему
Такъ было угодно. Отправь-же насъ въ древнія Ѳивы:
Какъ-нибудь остановимъ, быть можетъ,
Мы братьямъ грозящую смерть.

ѲЕЗЕЙ.

И это исполню, и все,
Что сдѣлать могу въ вашу пользу,
И въ угоду тому, кто недавно къ тѣнямъ отошелъ,
Ни жалѣя труда, я обязанъ исполнить.

---

[1]) Въ подл. *ὁ πάντ' ἀΐων Διὸς ὅρκος*—всеслышащій Зевсовъ Горкосъ (олицетвореніе клятвъ, въ Греч. муж. рода) былъ служитель Зевса, карающій за нарушеніе клятвы.

ХОРЪ.

Успокойтесь-же; больше
Вамъ плакать не слѣдъ:
Я порукой, что все совершится [1]).

Водовозовъ.

Примѣч. — «Эдипъ» Дюси и Озерова. Слова Гарусова: «Какъ бы ни былъ громаденъ талантъ поэта, онъ не можетъ обойтись безъ подражанія. Озеровъ [2]) не зналъ древнихъ языковъ, потому-что получилъ образованіе въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Но образъ Эдипа и величіе Софокловой трагедіи остановили на себѣ его вниманіе. Въ его время во Франціи жилъ не первой величины, но весьма талантливый поэтъ Дюси (Ducis), который умѣлъ своими, полными глубокаго чувства, произведеніями, поражать Французовъ. Свидѣтель революціи и атеизма, Дюси въ чистотѣ сохранилъ свои религіозныя и политическія убѣжденія, не поддавшись заблужденіямъ, охватившимъ Францію въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка. Но за то онъ и не поддался искушенію стать между бюрократами, которыхъ выработывало искусство Наполеона I. Связанный образованіемъ и преданіями съ ложно-классической поэзіею, онъ внесъ въ нее все-таки свое глубокое чувство, свой личный взглядъ и свою неподдѣльную живость. Софоклъ и Шекспиръ, какъ поэты жизни и мысли, пришлись ему по характеру. Но какъ онъ ни плѣнялся ими, старая

---

[1]) Въ этой заключительной сценѣ дѣйствіе настоящей трагедіи связано съ дѣйствіемъ драмы: «Антигона», которая однако написана гораздо прежде. Антигона проситъ отправить ее и сестру ея въ Ѳивы, гдѣ, какъ извѣстно, предстоялъ ей новый подвигъ — любви къ брату. Она исполняетъ просьбу Полиника — совершить погребальный обрядъ надъ его трупомъ. На эту просьбу, впрочемъ, нѣтъ ни малѣйшаго намека въ драмѣ: «Антигона». Тамъ героиня, какъ и здѣсь, является съ полной самостоятельностью характера, и ея подвигъ есть слѣдствіе глубокаго убѣжденія.

Но главная мысль этой послѣдней комматической пѣсни та-же, что и цѣлой трагедіи. Не смотря на горькій плачъ дочерей Эдипа, въ ней высказывается свѣтлая, отрадная мысль, что смерть есть благо. Ее выражаетъ и Антигона, говоря: «Нельзя и желать лучшей смерти». Но великодушная дочь Эдипа подавлена собственнымъ горемъ: несчастіе, легкое при жизни отца, теперь для нея невыносимо. Сказанная нами мысль не разъ выражается въ словахъ хора и Ѳезея. Хоръ говоритъ:

«Не скорбите ужъ слишкомъ о томъ,
Что назначено къ лучшему богомъ.»

Далѣе:

«Такъ-какъ онъ счастливо жизнь свою кончилъ,
То, милыя, плачъ вашъ оставьте.»

Ѳезей уже прямо называетъ грѣхомъ противъ боговъ — скорбѣть о томъ, изъ чего происходитъ для всѣхъ: для умершихъ и живыхъ — явное благо. И трагедія оканчивается успокоительными словами хора, что все будетъ исполнено по желанію Антигоны и Исмены. Эдипъ, страдалецъ, преслѣдуемый богами, котораго люди страшились, какъ прокаженнаго, при смерти своей достигаетъ завидной участи: даровать счастіе тѣмъ, кто оказалъ ему дружелюбіе.

[2]) Озеровъ 1770 — 1816.

привычка къ привившейся теоріи взяла свое, и Дюси почти безсознательно сталъ многое передѣлывать изъ взятыхъ образцевъ. Эта передѣлка указываетъ на отсутствіе въ немъ геніальности, которая могла бы возсоздать взятый изъ древняго міра образъ. Но Дюси самъ чувствовалъ тяжесть теоріи и даже жаловался, что ему надоѣдаетъ «планъ и неумолимое единство» (Le plan, toujours le plan! l'inflexible unité). Это сознаніе и было причиною, что извращеніе образцевъ осталось только внѣшнее, въ цѣломъ, но лица его трагедій мыслили, говорили и чувствовали все-таки по-человѣчески. Стало быть и у Дюси была истина, только не историческая, а своя, основанная на внутренней жизни, потому что онъ не могъ себѣ уяснить прелести Греческой поэзіи въ полномъ смыслѣ этого слова. Ограниченность творчества мѣшала Дюси охватить всю какую-либо трагедію, за то онъ проникалъ мѣтко и вѣрно тѣ сцены, которымъ самъ симпатизировалъ.

«Въ Эдипѣ», Софоклъ привелъ идею религіозную въ связи съ нравственно свободною жизнію человѣка. Основу трагедіи составляетъ предсказаніе оракула, что смерть Эдипа послужитъ условіемъ побѣды для того народа, земля котораго будетъ Эдипу могилой. Боги примирились съ Эдипомъ, добровольно и долго страдавшимъ, и допустили его спокойно и тихо умереть въ глубинѣ священнаго лѣса, гдѣ былъ храмъ Эвменидъ. Злодѣйство, сдѣланное Эдипомъ, не было слѣдствіемъ его внутреннихъ, нравственныхъ побужденій, но было дѣломъ боговъ, свершеннымъ противъ его желанія. Вотъ почему Софокловъ Эдипъ безъ смущенія говоритъ о своихъ преступленіяхъ, не признавая ихъ за собою, потому что въ совершеніи ихъ не было его намѣренія. Отсюда ясно, что нравственное начало у Софокла отдѣлено отъ религіознаго, и что совѣсть человѣческая не имѣетъ ничего общаго съ высшимъ опредѣленіемъ. Этой-то нравственной идеи Софокла и не могъ понять Дюси. Его Эдипъ несравненно человѣчнѣе и нѣжнѣе Греческаго, и потому не можетъ сохранить ни той ненависти къ дѣтямъ, ни того суроваго проклятія, какими отличался древній Эдипъ. Вотъ почему онъ невольно уступаетъ Антигонѣ, умоляющей его простить ея брата Полиника. Лишивъ Эдипа суроваго величія, которымъ окружили его боги, Дюси отнялъ у него и таинственность смерти, заставивъ умереть подъ ударами грома. Кончина Софоклова Эдипа въ рощѣ Эвменидъ, восхитительнѣйшемъ мѣстѣ Аттики, ясно говоритъ намъ, что Софоклъ хорошо понялъ нравственную природу страдальца, который уже успѣлъ успокоиться отъ угрызеній совѣсти. Онъ мягокъ и нѣженъ съ дочерью, ожесточенъ противъ неблагодарныхъ и твердъ въ несчастіи. У Дюси Эдипъ приходитъ въ изступленіе, когда узнаетъ, что находится въ ужасной пустынѣ, среди скалъ и темныхъ деревьевъ. Разсказываетъ ему объ этомъ Антигона, а сестры ея Исмены во-все нѣтъ въ трагедіи. Вотъ почему для связи и завязки дѣйствія Дюси началъ трагедію съ появленія Тезея. Онъ даже ввелъ въ трагедію первосвященника, чтобы показать внутренность храма.

«Измѣнивъ характеръ Эдипа, Дюси по необходимости измѣнилъ и Антигону, которая «начертана Софокломъ съ особеннымъ искусствомъ. Антигона — это дѣтская любовь, воплощенная въ прекрасномъ лицѣ юной дѣвы. Въ характерѣ ея чудное сочетаніе кротости, простодушія и глубины; она говоритъ мало; зритель видитъ слабость женщины наряду съ подвигами мужества; въ ея преданности нѣтъ ничего восторженнаго, потому-что преданность ея долгъ. — Когда Эдипъ исчезъ, зритель видитъ Антигону на колѣняхъ: склонивъ голову на грудь, она горестно оплакиваетъ того, кто взятъ богами изъ міра. Послѣ этого ей предстоитъ новая, послѣдняя обязанность —

примиреніе братьевъ, и она идетъ въ Ѳивы, гдѣ ожидаютъ ее новыя бѣдствія. Только однажды она возвышаетъ свой голосъ, — когда Креонъ обвиняетъ ее въ нарушеніи своего повелѣнія, запрещавшаго погребать Полиника. Въ это время она твердо вооружается противъ гражданскихъ постановленій, которыми нарушается вѣчный законъ любви, начертанный въ сердцѣ» [1]). Дюси измѣнилъ типъ этой любящей и самоотверженной дочери по своему, и вмѣсто Гречеекой Антигоны вывелъ многорѣчивую, плаксивую дѣвушку, которая говоритъ очень длинныя рѣчи и не забываетъ напоминать о своемъ значеніи и необходимости для стараго и слѣпаго отца.

«Трагедія Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ» начинается стихотворнымъ привѣтствіемъ собравшагося народа выходящему изъ своего шатра Аѳинскому царю Тезею:

Какъ ясно солнце на восходѣ
Весной природу всю живитъ,
Такъ добрый царь въ своемъ народѣ
Сердца приходомъ веселитъ.
Тезей, Аѳинянъ избавитель,
Надмѣнность Критскую попралъ;
Онъ счастья нашего зиждитель:
Законы мудрые намъ далъ. И т. д.

«Креонъ, Ѳивскій посланникъ, предлагаетъ Тезею вступить въ союзъ съ Этеокломъ противъ Полиника, осадившаго Ѳивы съ семью вождями. Тезей отказывается отъ союза, съ гордостью отвѣчая посланному:

Я не для того поставленъ здѣсь владыкой,
Чтобъ жизнью жертвовать мнѣ подданныхъ своихъ,
Чтобъ кровь ихъ проливать къ защитѣ царствъ чужихъ.
Для славы суетной, мечтательной и лживой
Не обнажу меча къ войнѣ несправедливой.

«И потомъ, когда Креонъ предсказываетъ ему опасность для самыхъ Аѳинъ, если падутъ Ѳивы, Тезей отвѣчаетъ тѣми громкими словами, которыя всякій разъ, когда давали Эдипа, вызывали рукоплесканія:

Мой мечъ — союзникъ мнѣ
И подданныхъ любовь къ отеческой странѣ!
Гдѣ на законахъ власть царей установленна,
Сразить то общество безсильна вся вселенна!

«Во 2-мъ актѣ выходитъ Эдипъ съ Антигоной, съ которыми познакомились зрители изъ разсказа Креона. Разговоръ отца съ дочерью полонъ задушевности и чувства двухъ глубоко другъ друга любящихъ сердецъ. Но Эдипъ, услыхавъ, что они находятся близъ храма Эвменидъ, приходитъ въ изступленіе. Его присутствіемъ оскорблены богини.

«Въ одушевленномъ монологѣ Эдипъ открываетъ себя вышедшему изъ храма народу, въ которомъ нельзя узнать Аѳинскій народъ. Ловко и краснорѣчиво вымаливаетъ Антигона себѣ и Эдипу у Тезея пристанище, чего не дѣлаетъ она у Софокла:

---

[1]) От. Зап. Т. LII. Критика. Отд. V, стр. 11.

Онъ слѣпъ, а я слаба; защиты не имѣя,
Куда преклонимся? Насъ гонитъ цѣлый свѣтъ!

«Въ Эдипѣ Озерова не растратилось отцовское чувство: онъ съ участіемъ разспрашиваетъ Креона о своихъ сыновьяхъ, хотя и возмущается противъ нихъ при воспоминаніи, что они его выгнали изъ города. «Не дѣти изверги!» говоритъ онъ объ нихъ и потомъ прибавляетъ:

О боги сильные, властители природы!
Избравшіе меня терпѣнія къ примѣру,
Какъ гнѣва вашего исполните вы мѣру,
Какъ часъ придетъ меня съ лица земнаго стерть,
Не дайте сыновьямъ мою увидѣть смерть,
Не дайте извергамъ моимъ ругаться прахомъ!
Чтобъ въ Ѳивахъ, извѣстясь съ смущеніемъ и страхомъ
О смерти ихъ отца, не знали, гдѣ сыскать
То мѣсто на землѣ, гдѣ буду я лежать.

«Креонъ, призывая Эдипа въ Ѳивы, имѣетъ на это свои виды, потому что хочетъ овладѣть Ѳивскимъ престоломъ и отмстить Тезею за его отказъ. Но онъ можетъ сдѣлать это лишь при содѣйствіи Эдипа, котораго гробъ

Побѣдъ залогомъ станетъ
Для той страны, гдѣ жизнь скончаетъ сей слѣпецъ.

«Объясняя причину мщенія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ярко выставляетъ весь свой характеръ и всю черноту коварныхъ своихъ замысловъ. Вотъ какія чувства волнуютъ этого гнуснаго человѣка, когда онъ говоритъ о дѣтяхъ Эдипа:

Взаимна злоба ихъ, какъ ненависть геенны,
Равняться можетъ лишь со злобою моей. —
Печалью радуюсь Эдиповыхъ я дней.
Я буду всякій мигъ внимать его стенанья,
Вздыханія ловить и исчислять рыданья,
И съ восхищеніемъ морщины тѣ считать,
Что на чело ему грусть будетъ налагать...

«Креонъ, прикинувшись сострадательнымъ къ Эдипу, могъ обмануть Антигону, но не обманулъ ея отца, который понялъ его пронырство. Нищій слѣпецъ послѣ предостереженія, сказаннаго дочери, съ гордо-поднятой головой отвѣчаетъ Креону:

Хотя я въ нищетѣ, но не сравнюсь съ Креономъ:
Я былъ царемъ, а ты лишь ползаешь предъ тропомъ.

«И за тѣмъ отказывается отъ возвращенья въ Ѳивы:

Страна, изъ коей я позорно изгнанъ сталъ,
Гдѣ съ трона высоты въ жизнь странниковъ упалъ,
Гдѣ другъ царевъ Креонъ, гдѣ сынъ мой на престолѣ,
Уже отечествомъ не можетъ быть мнѣ болѣ.—

«Прибавляя къ тому, что онъ своимъ прахомъ даритъ Аѳины и Тезея. Креонъ, не смотря на то, что находится въ чужой землѣ, близъ Тезеева ша-

тра, схватываетъ Эдипа и насильно уводитъ съ собою, оставляя Антигону, которая, вмѣсто искреннихъ слезъ и тоски, коими должна бы была надорвать сердце зрителя, плачевно ораторствуетъ о потерѣ отца, какъ истая драматическая героиня. Тезей, сострадая ея горю и слезамъ, вызывается возвратить Эдипа.

«Явившійся въ 4-мъ дѣйствіи Полиникъ прерываетъ сѣтованія сестры. Яркими красками онъ описываетъ свои муки и страданія и проситъ Антигону помирить его съ отцемъ. Но Эдипъ, отбитый воинами Тезея, по возвращеніи къ дочери, отталкиваетъ Полиника:

Пускай груститъ: къ нему не сострадаю болѣ;
Чтобъ онъ не приходилъ, чтобы бѣжалъ, и съ нимъ
Я не хочу дышать здѣсь воздухомъ однимъ.

«Чѣмъ болѣе проситъ его Полиникъ о своемъ прощеніи, чѣмъ сильнѣе заступается за него Антигона, тѣмъ озлобленнѣе становится Эдипъ и доходитъ, наконецъ, до того, что проклинаетъ сына, предсказывая ему не только позоръ подъ Ѳивскими стѣнами и скитальческую до смерти жизнь, но даже и по смерти невозможность найти въ землѣ покой:

Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я,
По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоя;
Безъ гроба будешь ты; земля тебя не приметъ;
Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и смрадъ его обыметъ...

«Старѣйшины Аѳинскіе объявляютъ, что народъ, считая Тезея погибшимъ, возсталъ противъ Эдипа и требуетъ Антигону въ жертву для умилостивленія разгнѣвавшихся богинь. Хоръ жрецовъ (въ 5-мъ дѣйствіи) приготовляетъ

повязки и вѣнцы,
И ризы чермныя, и прочи украшенья,

необходимыя при жертвоприношеніяхъ. Полиникъ, не находя ни возможности примириться съ отцемъ, ни утѣшенія въ страданіяхъ, входитъ въ храмъ съ надеждою умереть очистительною жертвою богамъ. Ему жрецы и въ этомъ отказываютъ, потому-что онъ проклятъ отцемъ. Антигона готовится въ жертву, но не перестаетъ говорить долго и много даже въ то время, когда могъ бы и долженъ бы былъ онѣмѣть языкъ. Краснорѣчиво, хотя и не натурально, выражена сцена прощанія Эдипа съ дочерью. Онъ самъ хочетъ умереть:

АНТИГОНА.

Ахъ, дай мнѣ смертію твой искупить покой!

ЭДИПЪ.

Невинна кровь тому не можетъ быть цѣной.

АНТИГОНА.

Когда невинна я, то жертвой быть достойна.

ЭДИПЪ.

Насильственная смерть злодѣямъ лишь пристойна:
Она прилична мнѣ, я къ оной осужденъ...

Но дай, позволь почтить послѣднимъ цѣлованьемъ
Тотъ мечъ, которымъ я разстанусь съ страданьемъ.

«Полиникъ, выхвативъ мечъ изъ рукъ отца, хочетъ имъ заколоться, но прежде, ждетъ прощенія. Получивъ его, отъ радости онъ роняетъ мечъ, который поднимаетъ одинъ изъ жрецовъ. Эдипъ, примирясь съ сыномъ, поручаетъ ему Антигону и, взявъ мечъ, идетъ принести себя въ жертву. Въ эту минуту входитъ Тезей, а за нимъ ведутъ Креона, которому выпадаетъ на долю умирать за всѣхъ.

«Такъ окончилъ свою трагедію Озеровъ. Такого конца нѣтъ не только у Софокла, но и у Дюси, который не ввелъ Креона въ свою трагедію. Замѣтимъ здѣсь, что не только конецъ, но и весь 5-й актъ Эдипа ясно доказываетъ, что Озеровъ не совладалъ съ трагедіею. Мы не имѣемъ права ни винить, ни укорять его въ этомъ, ибо онъ не понялъ той истины, что для Греческаго Эдипа, испытавшаго всѣ разнородные толчки жизни, оставалось лишь одно — примиреніе съ богами, которое Софокломъ и выражено въ его таинственной кончинѣ. Даже Дюси сталъ впереди Озерова, заставивъ умереть Эдипа подъ ударами грома. Но Озеровъ вдался здѣсь въ другую крайность, въ рутину, внесенную въ нашу драму старою школою артистовъ, для которыхъ эффектъ и громкая фраза были важнѣе смысла. Закончилъ Эдипа онъ иначе, но передалъ послѣдній актъ по требованію тогдашнихъ актеровъ Яковлева, Шушерина и Сахарова, которые не допускали смерти Эдипа, опираясь въ своемъ мнѣніи на правила театра и нравственности, во имя которой порокъ долженъ быть наказанъ. Такимъ образомъ поэтъ приноситъ въ жертву обычаю историческую и поэтическую истину, потому что Креонъ царствовалъ въ Ѳивахъ послѣ Этеокла и Полиника. Этимъ былъ крайне недоволенъ тогдашній знатокъ Греческой литературы Оленинъ, въ домѣ котораго собирались всѣ литераторы того времени.» (Очерки Литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Выпускъ I. М. 1862, стр. 371—378).

Слова Зотова: «Напрасно библіографы Озерова старались увѣрить всѣхъ, что «Эдипъ» *Софокла* внушилъ ему мысль написать изъ этого сюжета Русскую трагедію. Озеровъ не зналъ по-Гречески, а перевода Софокловыхъ твореній тогда (въ 1804 — 5 годахъ) не было.» Далѣе Зотовъ говоритъ, что Озеровъ заимствовалъ сюжетъ и содержаніе «Эдипа» изъ оперы *Саккини* «Эдипъ въ Колонѣ». Сильнѣйшимъ убѣжденіемъ въ этомъ служитъ самая опера Саккини, въ которой любопытные могутъ прочесть всю сцену перваго выхода Эдипа и Антигоны. *Озеровъ перевелъ ее слово въ слово.*» (Біографія Озерова. Репертуаръ Русскаго и Пантеонъ всѣхъ Европейскихъ театровъ на 1842 г. Изд. Песоцкаго Ч. VI, стр. 5 и д.).

Темы: Показать трагическое въ піэсѣ Софокла «Эдипъ въ Колонѣ». — Характеризовать главныя дѣйствующія лица. — Опредѣлить значеніе хора. — Черты религіозности, нравовъ и обычаевъ Греческаго народа.

ТРАГЕДІИ ЕВРИПИДА.

Біографія Еврипида. — Слова профес. Тихоновича: «Жизнь Еврипида мало-намъ извѣстна, или, говоря точнѣе, извѣстна отрывочно, съ нѣкоторыхъ только сторонъ, и притомъ перепутана многими несправедливыми чертами. По преданію, онъ родился въ 75 г. 1 Олимпіады (за 480 л. до Р. Х.)[1]). Слѣдовательно, онъ засталъ не только еще въ живыхъ, но и среди поэтической дѣятельности Эсхила и Софокла; будучи моложе обоихъ, онъ пережилъ Эсхила 50-ю годами, умеръ раньше Софокла однимъ годомъ, или и того меньше. Въ молодости Еврипидъ хотѣлъ, говорятъ, посвятить себя атлетикѣ, и думаютъ, что онъ одержалъ даже побѣду на гимнастическихъ играхъ и получилъ награду. Но эта дѣятельность не могла удовлетворить его: живость ума, богатство фантазіи и стремленіе къ умственной дѣятельности влекли его къ другаго рода занятіямъ, и онъ бросилъ атлетику, нисколько не соотвѣтствовавшую его природнымъ инстинктамъ. Онъ сталъ изучать живопись, но и ее оставилъ. Видно, что душа его искала дѣятельности по себѣ и, не находя ея, переходила отъ одного предмета къ другому. Наконецъ Продикъ, и особенно Анаксагоръ увлекли его къ занятіямъ философіею; въ ней онъ нашелъ то, чего искалъ и съ того времени онъ остался вѣренъ своему философскому направленію. Впрочемъ онъ не сдѣлался записнымъ философомъ; но за-то внесъ въ драму свои философскія убѣжденія и принципы. *Онъ по преимуществу трагикъ-мыслитель.* Появленіе его на Аѳинскомъ театрѣ было встрѣчено Аѳинскою публикою неблагопріятно. Не говоря уже о томъ, что въ то время господствовалъ на Аѳинской сценѣ Софоклъ, бывшій старѣе Еврипида шестнадцатью годами, уже, при первомъ появленіи на сценѣ, одержавшій блестящую побѣду надъ Эсхиломъ, сильный драматическій геній, съ которымъ приходилось бороться Еврипиду, и борьба съ которымъ не могла быть легкою; Еврипиду, сверхъ того, нужно было бороться и со вкусомъ публики, и съ направленіемъ трагедіи, какое она приняла подъ вліяніемъ такого великаго художника, какимъ былъ Софоклъ и его послѣдователи. При всемъ томъ неудачи, сопровождавшія Еврипида, не сокрушили его, не отняли у него энергіи, не лишили охоты работать для театра: твердо и неустанно онъ слѣдовалъ по однажды избранной имъ дорогѣ, не увлекаясь блестящими удачами своихъ соперниковъ и не унывая отъ собственныхъ неудачъ. Отказавшись совершенно отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, не добиваясь должностей, не думая о значеніи и вліяніи на политическую дѣятельность, преданный исключительно философскому созерцанію, онъ жилъ уединенно, среди своихъ книгъ, окруженный немногими лицами, раздѣлявшими его направленіе и стремленія къ борьбѣ противъ господствовавшаго въ то время развитія трагедіи. Этимъ объясняется то обстоятельство, что Еврипидъ, сравнительно, одержалъ мало побѣдъ на драматическихъ состязаніяхъ и подвергся жаркимъ и часто несправедливымъ нападеніямъ комиковъ, которые настойчиво преслѣдовали отважныя попытки его, соединенныя иногда и съ промахами. Если его произведенія имѣли мало успѣха передъ судьями драматическихъ представленій, за-то они сильно были распространены между наро-

---

[1]) Впрочемъ, по Эратосфену, Еврипидъ родился ол. 74,3 (до Р. Х. 482 или 481), а Паросская хроника относитъ его рожденіе къ ол. 73,4.

домъ. И оттого, вмѣстѣ съ развитіемъ и успленіемъ охлократіи, развилась и усилилась его извѣстность; онъ пріобрѣлъ слушателей и читателей; ему удалось наконецъ выработать извѣстнаго рода вліяніе на вкусъ своего времени, которое впослѣдствіи до такой степени усилилось, что ни одинъ трагикъ не получилъ столько похвалъ, какъ Еврипидъ, ни одному столько не удивлялись, какъ ему, не только простой народъ, но и философы и люди образованные. Сократъ, рѣдко посѣщавшій театръ, часто приходилъ туда, когда играли Еврипидовы піесы. Съ Еврипидомъ онъ сошелся у Анаксагора и навсегда остался его другомъ. Оракулъ Аполлона присудилъ ему пальму мудрости. Драмы его распространились по всей Греціи. Магнезія, куда онъ на старости переселился, почтила его правомъ общественнаго гостя и освободила его отъ всѣхъ податей. Въ Сициліи до такой степени были уважаемы его произведенія, что тѣ изъ Аѳинянъ, оставшихся тутъ въ рабствѣ послѣ несчастнаго Сицилійскаго похода, которые знали наизустъ значительные отрывки изъ нихъ, пріобрѣтали чтеніемъ ихъ расположеніе и милость къ себѣ своихъ господъ. Нѣкоторые изъ Аѳинянъ, отставшіе отъ войска и скитавшіеся по Сициліи, находили себѣ пріютъ, покровительство и пропитаніе только чтеніемъ Еврипида. Говорятъ, что Еврипидъ дожилъ до того времени, когда эти несчастные возвратились на родину и лично изъявляли ему благодарность за благодѣтельное для нихъ дѣйствіе его произведеній. Цицеронъ воздаетъ ему блестящія похвалы въ своихъ сочиненіяхъ и часто приводитъ мѣста изъ него. Кромѣ того, Платонъ, Плутархъ, Стоики постоянно приводятъ изъ него мѣста. По смерти его, граждане приняли участіе въ траурѣ по немъ; память его почтили Аѳиняне почетною гробницею (*κενοτάφιον*) по дорогѣ въ Пирей, гдѣ видѣлъ ее еще и въ позднѣйшія времена путешественникъ Павсаній; впослѣдствіи, при ораторѣ Ликургѣ, поставили ему статую въ театрѣ; по предложенію того-же самаго Ликурга, экземпляръ его трагедій, пересмотрѣнный и очищенный, хранился, какъ народная святыня, вмѣстѣ съ трагедіями Эсхила и Софокла, и по немъ контролировались актеры, игравшіе его произведенія. По смерти его, Діонисій, тиранъ Сицилійскій, пріобрѣлъ отъ его родственниковъ за одинъ талантъ (около 1,500 р. сер.) его музыкальный струнной инструментъ, досточку, на которой онъ писалъ, грифель, которымъ писалъ, и все это, какъ драгоцѣнный даръ богу, посвятилъ въ храмѣ музъ въ Сиракузахъ съ именемъ Еврипида». (Медея, Еврипидова трагедія. Рѣчь Тихоновича).

Характеръ трагедій Еврипида. — Изъ множества трагедій, написанныхъ Еврипидомъ, до насъ дошло 17: «Медея», «Ипполитъ Вѣнценосный», «Гекуба», «Гераклиды», «Молящіе», «Іонъ», «Безумный Геркулесъ», «Андромаха», «Троянки», «Электра», «Елена», «Ифигенія въ Тавридѣ», «Орестъ», «Финикіянки», «Ифигенія въ Авлидѣ», «Вакханки», и «Алкеста». —Слова профес. Орбинскаго: «Взглянемъ теперь на характеръ Еврипида въ цѣлости и опредѣлимъ прежде всего его отношенія къ двумъ остальнымъ великимъ трагикамъ Греціи,—Эсхилу и Софоклу. Это отношеніе, какъ разумѣется само собой, можетъ быть только внѣшнее и касается единственно драматическаго искусства ихъ, а не идей, руководствовавшихъ ими. Слѣд. первое мѣсто въ опредѣленіи его занимаетъ форма ихъ произведеній. Древняя трагедія имѣла, какъ извѣстно, совершенно иное значеніе, чѣмъ современная, хотя, по основанію и даже по историческому началу своему, онѣ тожественны; она была почти религіознымъ дѣйствіемъ и брала свои предметы исключительно изъ области миѳологическихъ вѣрованій, которыя и составили религію массы народа. Съ самаго начала драматическія представленія сопровождали жертвоприношенія

и до позднѣйшихъ временъ непремѣнною принадлежностью Греческаго театра былъ жертвенникъ. Чувство, какъ та область человѣческаго духа, въ которой сосредоточивается религіозность, должно было, слѣдовательно, играть гораздо важнѣйшую роль въ Греческой драмѣ, нежели въ современной; лирическій элементъ преобладалъ въ ней надъ эпическимъ, а представителемъ этого лиризма были хоры. Но по мѣрѣ того, какъ развивалось самостоятельное искусство, драма освобождалась отъ религіознаго характера и созидала себѣ особую, исключительно ей принадлежащую сферу. Мы видимъ то же самое развитіе, хотя въ измѣненномъ видѣ, и въ современной драмѣ, начиная отъ средневѣковыхъ мистерій до такъ называемой гражданской или мѣщанской трагедіи. Посему въ Греческой трагедіи лиризмъ мало-по-малу долженъ былъ приходить въ равновѣсіе съ другимъ элементомъ ея — эпическимъ, т. е. уменьшаться или по крайней мѣрѣ скрываться подъ драматическими формами. Въ самомъ дѣлѣ, самый поверхностный взглядъ на произведенія древнихъ трагиковъ убѣдитъ насъ въ томъ, что хоры имѣли совершенно различное значеніе у каждаго изъ нихъ, что даже въ пьесахъ одного и того же поэта они не всегда имѣютъ одинаковый характеръ; а если вывести общее заключеніе изъ этихъ перемѣнъ, то мы увидимъ, что они постоянно утрачивали свою важность и поэты чувствовали (можетъ быть и безсознательно), что хоры сіи дѣйствительно были помѣхою для драматическаго дѣйствія. Такъ напримѣръ въ «Прометеѣ» или въ «Персахъ» Эсхила хоры составляютъ большую половину, тогда какъ въ позднѣйшихъ пьесахъ объемъ ихъ постоянно уменьшается. Еще разительнѣе перемѣна въ составѣ хоровъ. Сначала ихъ назначеніемъ было пѣть хвалебные гимны Діонису (въ не дошедшихъ до насъ произведеніяхъ древнѣйшихъ трагиковъ); потомъ они состояли изъ лицъ, соприкосновенныхъ къ дѣйствію драмы, или по крайней мѣрѣ присутствовавшихъ при дѣйствіи и составлявшихъ фонъ, на которомъ рисовались главные герои. Въ такомъ видѣ мы встрѣчаемъ хоръ у Софокла, умѣвшаго такимъ образомъ наиболѣе слить его съ составомъ самой драмы. У Евридиша, напротивъ, опять начинается удаленіе его, только въ противную сторону, такъ что уже не драма, а хоръ тутъ нѣчто лишнее, нерѣдко нарушающее порядокъ дѣйствія. Почти можно сказать, что у него хоръ одной пьесы годится для всѣхъ другихъ, и по этой всеобщности и неопредѣленности принимаетъ только весьма незначительное участіе въ дѣйствіи, такъ что въ большей части случаевъ можетъ быть откинутъ совершенно. Многіе критики упрекали за это Еврипида и, быть можетъ, имѣли право на то, пока оставались на точкѣ зрѣнія специфически Греческаго трагика, для котораго хоръ съ самаго начала былъ чѣмъ-то необходимымъ и неизбѣжнымъ. Но они едва-ли правы, если смотрѣть на Еврипида съ точки драматическаго искусства вообще. Тогда мы въ порицаемомъ ими недостаткѣ найдемъ достоинство; потому что онъ свидѣтельствуетъ объ отдаленіи отъ драмы религіознаго элемента. Я не усомнюсь сказать, что еслибы циклъ Греческой трагедіи не былъ заключенъ Еврипидомъ, еслибы она развивалась и послѣ него такъ точно, какъ была развиваема имъ и его предшественниками: то хоръ исчезъ бы совершенно, какъ исчезли изъ нашихъ драмъ молитвы, пѣсни и прочія принадлежности средневѣковыхъ мистерій.

«Это измѣненіе, которое сдѣлано драматическимъ искусствомъ въ лицѣ Еврипида, замѣтно преимущественно въ хорахъ; но оно видно и въ другихъ отношеніяхъ, хотя, можетъ быть, съ меньшою ясностью: такъ, напримѣръ, въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ, за который Еврипидъ постоянно подвергался несправедливымъ, по моему мнѣнію, упрекамъ. Говорятъ, что герои

его выставлены въ какомъ-то смѣшномъ свѣтѣ, что ихъ не озаряетъ тотъ величественный блескъ, въ которомъ они являются у Софокла, а еще болѣе у Эсхила. Уже постепенность въ этомъ пониженіи ихъ достоинства и нравственнаго значенія, уже то, что и Софоклъ участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, заставляетъ насъ думать, что тутъ должна быть рѣчь не о недостаткѣ Еврипида, а напротивъ о естественномъ развитіи драмы. У Эсхила почти всѣ дѣйствующія лица — герои, полубоги. Душа зрителей полна не участія къ нимъ, а благоговѣнія; у Софокла они къ намъ гораздо ближе и уже возбуждаютъ сочувствіе; у Еврипида же это сочувствіе усиливается: потому что мы имѣемъ дѣло съ такими же людьми, какъ мы сами, съ людьми, владѣющими не только достоинствами, но и недостатками. Однимъ словомъ, и тутъ повторяется отдѣленіе отъ драмы религіозныхъ вѣрованій, дозволявшихъ сначала выводить на сцену только характеры съ религіознымъ значеніемъ. И тутъ я скорѣе вижу первый шагъ къ совершенству, нежели недостатокъ. Отсюда уже довольно ясно, какъ должно смотрѣть на мнѣніе нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ критиковъ, будто, въ исторіи развитія Греческой драмы, Эсхилъ представляетъ высокое, Софоклъ — прекрасное, Еврипидъ — трогательное. Оно односторонне, потому что останавливается на внѣшности и нисколько не вникаетъ въ глубину характера каждаго. Софоклъ и Еврипидъ не менѣе величавы и возвышенны, какъ Эсхилъ, и аттрибутъ красоты, приписываемый первому, столь неопредѣленъ, если онъ ставится рядомъ съ возвышенностью и трогательностью, что даже трудно сказать, какъ его понять въ этомъ сужденіи. Прекрасно, по моему мнѣнію, все то, что носитъ на себѣ печать художественности, а въ этой художественности нельзя отказать ни Эсхилу, ни Еврипиду; и если она у нихъ имѣетъ иной характеръ, нежели у Софокла, то это еще не даетъ намъ права послѣднему приписывать по преимуществу изящность произведеній. Какая противоположность между «Ревизоромъ» Гоголя и «Ричардомъ III» Шекспира! но развѣ на основаніи этого можно сказать, что Шекспиръ прекрасенъ, а Гоголь только смѣшонъ. Шлегель и слѣдующіе его приговору о трехъ величайшихъ трагикахъ Греческой сцены едва ли произнесли бы сужденіе, съ самаго начала поражающее своимъ блескомъ, но въ сущности не имѣющее смысла, еслибы вспомнили тутъ о судьбѣ Греческой трагедіи, о томъ, что все ея развитіе представляетъ борьбу искусства съ религіознымъ вѣрованіемъ и отдѣленіе перваго отъ послѣдняго. Они тогда вспомнили бы, что господство религіозныхъ идей должно было сообщить нѣкоторый возвышенный колоритъ изящнымъ формамъ, не измѣняя тѣмъ самаго изящества, и что по этому творенія Эсхила отличаются отъ трагедій Софокла и Еврипида только особымъ оттѣнкомъ, а не сущностью своего характера.

«Такъ точно композиціи Баха или Палестрины, будучи столь же художественны, какъ симфоніи Моцарта, отличаются отъ послѣднихъ, а творенія Моцарта въ свою очередь производятъ совершенно иное впечатлѣніе на душу слушателя, чѣмъ творенія Бетговена или Шопена. Почти такое же отношеніе, какое господствуетъ между произведеніями этихъ композиторовъ, существуетъ и между драмами трехъ главныхъ дѣятелей Аттической сцены. Какъ же мы опредѣлимъ теперь значеніе каждаго изъ нихъ, смотря на всѣхъ съ одной точки зрѣнія и не соглашаясь охарактеризовать вмѣстѣ съ Шлегелемъ одного, какъ представителя высокаго, другаго, какъ представителя изящнаго, третьяго — трогательнаго? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, замѣтимъ, прежде всего, что Эсхилъ, Софоклъ и Еврипидъ представляютъ собою полный циклъ развитія Греческой трагедіи и что Греческая литература

есть единственная изъ всѣхъ, въ которыхъ замѣтна подобная полнота развитія. Слѣдовательно она до нѣкоторой степени можетъ быть разсматриваема, какъ микрокосмъ всѣхъ литературъ человѣчества. По-сему въ ней должны отражаться, и дѣйствительно болѣе или менѣе явственно отражаются, главнѣйшія стремленія, главнѣйшіе характеры послѣдней; а если такъ, то степени развитія, замѣчаемыя въ ходѣ всемірной литературы, должны быть замѣтны и въ Греческой трагедіи. Какія же это степени? Гегель разрѣшилъ намъ въ своей эстетикѣ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: «Искусство прежде всего является съ характеромъ символическимъ: это низшая степень его, та степень, на которой въ художественномъ произведеніи форма подавляетъ собою содержаніе, т. е. идею; когда послѣдняя, стараясь вполнѣ выразиться, не успѣваетъ въ этомъ, и теряется какъ бы въ чрезвычайномъ богатствѣ формы и только напоминается послѣднею. Затѣмъ искусство принимаетъ характеръ классичности, когда въ художественномъ произведеніи форма и идея, строго соотвѣтствуя другъ другу, сливаются въ одно гармоническое цѣлое; и наконецъ становится романическимъ, когда идея въ свою очередь превосходитъ форму и подавляетъ ее, не находя себѣ болѣе надлежащаго выраженія въ тѣсной рамкѣ ея.» Мнѣ кажется, что трагедіи Эсхила, Софокла и Еврипида очень хорошо могутъ служить представителями этихъ степеней въ развитіи Греческой трагедіи. Въ самомъ дѣлѣ, не есть ли, напримѣръ, «Прометей въ оковахъ» только символъ идеи свободы въ томъ видѣ, въ которомъ представлялась она Эсхилу, и, съ другой стороны, не обличаютъ ли безпрестанныя философствованія въ драмахъ Еврипида безконечное преизобилованіе у него мысли надъ формою; не покажется ли онъ намъ по этому въ отношеніи къ Эсхилу романтикомъ. Что у Софокла именно господствуетъ строгая соотвѣтственность между мыслію и формою, объ этомъ и говорить нечего: если какой-нибудь писатель можетъ вполнѣ называться классикомъ, то именно Софоклъ. Это самое обстоятельство — я увѣренъ — заставило Шлегеля называть его по преимуществу художественнымъ; такъ точно, какъ многіе находили и находятъ истинную художественность только въ произведеніяхъ классической литературы.

«Не менѣе этого еще другая черта въ трагедіяхъ Еврипида свидѣтельствуетъ о его романтизмѣ. Это—мѣсто занимаемое въ нихъ женщинами. Я уже упоминалъ о томъ, что онъ былъ мизогиномъ [1]), но также сказалъ, что изъ этого упрека болѣе явствуетъ остроуміе Аристофана, нежели дѣйствительное существованіе такой черты въ характерѣ поэта. По крайней мѣрѣ, типы въ родѣ Андромахи и Алкестиды нисколько не подтверждаютъ приговора современниковъ. Но какъ-бы то ни было, для насъ тутъ важна только значительная роль, которую женщины играютъ въ его трагедіяхъ. Взгляните на его Федру въ «Гиполитѣ Вѣнценосцѣ», на его Медею, и вы увидите, что страсти ихъ служатъ главнымъ двигателемъ всей драмы; вы убѣдитесь, что идея рока, которой наши историки литературы приписываютъ исключительное господство въ древней трагедіи, по крайней мѣрѣ раздѣляетъ это господство съ идеею любви, на которой основана большая часть современныхъ намъ трагедій. Впрочемъ, Еврипидъ въ этомъ случаѣ стоитъ не одинокимъ между остальными Греками; къ концу процвѣтанія Греческой жизни, женщины стали пріобрѣтать все болѣе и болѣе значеніе (въ особенности тогда, когда въ слѣдствіе гегемоніи Ѳиванцевъ, то племя, въ которомъ онѣ искони пользовались большимъ уваженіемъ, племя Эолійцевъ, стало опредѣлять судьбы

[1]) «О женщина! какая брань позорнѣе этого имени». Слова Еврипида.

Греческаго народа) и играли важную роль не только въ сочиненіяхъ Еврипида, но и другихъ писателей. Въ подтвержденіе этого приведу слѣдующее мѣсто изъ сочиненій его друга и почитателя Платона: «Если законодатель обращаетъ вниманіе только на мужчинъ и дозволяетъ женамъ жить въ нѣгѣ, не давая имъ участія въ дѣлахъ общественныхъ, то нарушается единство государства, которому одинаковое развитіе женщинъ и мужчинъ приноситъ величайшую выгоду.» Можно ли сильнѣе говорить въ пользу самостоятельности женскаго пола, а эта самостоятельность не составляетъ ли именно одну изъ существенныхъ принадлежностей романтизма?

«Этимъ романтическимъ характеромъ драмъ Еврипида, этимъ преобладаніемъ идеи надъ формою объясняются нѣкоторыя особенности его драматической экономіи, считавшіяся многими, быть можетъ не безъ причины, недостатками. Дѣйствительно, имѣя въ виду оправданіе какой-нибудь любимой философской мысли, онъ нерѣдко приноситъ ей въ жертву художественность дѣйствія, потому что пренебрегаетъ его частностями, имѣющими для него значеніе мелочей. Потому не ищите въ драмахъ его строгой послѣдовательности и законченности, не ищите даже той естественности, состоящей преимущественно въ простотѣ, какія вы найдете въ драмахъ Софокла. У послѣдняго мы сначала до конца видимъ дѣйствіе; Еврипидъ, напротивъ, какъ бы по недостатку времени, не заботится о томъ, чтобы изображаемое имъ дѣйствіе представляло полное законченное развитіе. Чтобы зритель могъ понимать, въ чемъ дѣло, и безъ особеннаго старанія писателя, ему предлагается обыкновенно въ началѣ Еврипидовыхъ піесъ прологъ, заключающій вкратцѣ изложеніе всего ихъ хода. Сама драма служитъ почти парафразисомъ или повтореніемъ содержанія пролога; но дабы это повтореніе не было замѣтнымъ, поэтъ принужденъ ввести множество эпизодовъ, множество обстоятельствъ, запутывающихъ дѣло, и такимъ образомъ приготовить искусственную сложность дѣйствія. Отсюда новое затрудненіе для него: какъ выйти изъ этой запутанности, какъ найти развязку, когда завязка такого рода, что нисколько не приготовляетъ ее. Мы видѣли, что Еврипидъ мало заботится объ отысканіи ея и въ большей части своихъ трагедій не развязываетъ, а разсѣкаетъ узелъ. Любимое средство его есть *deus ex machina*, который своимъ появленіемъ полагаетъ насильственный предѣлъ дѣйствію. Я нисколько не оправдываю въ этомъ случаѣ Еврипида, я охотно признаюсь, что художественность драмы не можетъ быть болѣе нарушена, какъ такими неожиданностями, но я вспоминаю въ то же время, что она для него обстоятельство второстепенное, и что главная цѣль его — выраженіе извѣстной мысли, достигается совершенно. Эта цѣль оправдываетъ и изобилованіе философскихъ положеній [1]), часто напоминающихъ разговоръ дѣйствующихъ лицъ (напримѣръ женщинъ въ «Меланиппѣ»), отъ которыхъ мы бы наименѣе ожидали философствованія. Посему упреки, которые обыкновенно дѣлаютъ Еврипиду за недостатокъ дѣйствія въ его трагедіяхъ, нельзя не признать спра-

[1]) «Музыка должна услаждать горе; въ радости она — роскошь». — «Кто знаетъ: жизнь не есть ли смерть и смерть не есть ли жизнь?» — Въ Зевсѣ Еврипидъ видитъ не бога, а олицетвореніе эѳира. — «Если боги дѣлаютъ зло, они уже не боги». — «Нельзя вѣрить въ боговъ, когда, вопреки всякой справедливости, злые блаженствуютъ и гибнутъ добрые». — «Люди пусть не надѣются на милосердіе божества: оно было бы неразумнѣе людей, еслибы справедливость замѣнило прощеніемъ». — «Страхъ боговъ и смиреніе составляютъ высшее благо и верхъ мудрости».

ведливыми. Но, кромѣ этого недостатка, отсюда же возникаетъ другой — отсутствіе дѣйствующихъ характеровъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, истинно-драматическихъ характеровъ нѣтъ у Еврипида: потому что герои его не герои, а резонеры. Опять разительное отличіе отъ Эсхила и Софокла. Послѣдніе брали своихъ дѣйствующихъ лицъ изъ Греческой миѳологіи и рисовали ихъ точь-въ-точь въ такомъ видѣ, въ какомъ они тамъ являются. А тамъ они, конечно, живутъ и дѣйствуютъ вполнѣ опредѣленно, можно сказать типически. Еврипидъ, хотя и пользовался тѣми-же источниками, т. е. миѳологическими преданіями, но поступалъ съ ними несравненно вольнѣе, до такой степени вольно, что иногда изображалъ не только совершенно иными, нежели какими они являются въ народныхъ вѣрованіяхъ (напр. Елену, Менелая, Ореста и многихъ другихъ), но не всегда сохранялъ одинъ характеръ для одного и того же лица въ различныхъ трагедіяхъ (напр. Менелая въ «Орестѣ», въ «Герміонѣ» и въ «Ифигеніи въ Авлидѣ»). Эта свобода, которая могла казаться недостаткомъ въ глазахъ древнихъ критиковъ, дала ему возможность и даже охоту, искать темы въ лицахъ и событіяхъ, принадлежавшихъ не только миѳически-героическому, но и историческому періоду Греческой жизни. Ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ трагиковъ, кромѣ Эсхила въ «Персахъ» не доходилъ даже до Гераклидовъ, а Еврипидъ написалъ «Архелая» и «Темепидовъ», въ которыхъ дѣйствіе относится уже ко времени послѣ занятія Пелопоннеса Дорійцами. Я нарочно замѣтилъ, что вольность его въ обращеніи съ миѳологическими лицами съ даннымъ опредѣленнымъ характеромъ, могла показаться недостаткомъ въ глазахъ древнихъ критиковъ. Если же мы вспомнимъ, что она побуждала Еврипида браться за темы, принадлежащія болѣе къ области исторіи, чѣмъ миѳологіи; то, можетъ быть, найдемъ въ ней скорѣе новый элементъ развитія, успѣхъ, который былъ сдѣланъ въ лицѣ его Греческимъ театромъ. И въ современной драмѣ,—да не только въ драмѣ, но въ эпосѣ съ его отраслями, мы замѣчаемъ тотъ же самый переходъ отъ миѳологіи къ исторіи, наконецъ къ современной общественной жизни.

«Удаливъ, черезъ это отступленіе отъ народныхъ вѣрованій, дѣйствующихъ лицъ своихъ трагедій отъ Греческой публики, Еврипидъ старался вознаградить это сближеніемъ ихъ съ другой стороны. Герои его большею частью лишены миѳическаго блеска, за то одарены всѣми свойствами, страстями, добродѣтелями и пороками, однимъ словомъ совершенствами и недостатками людей того времени, когда жилъ самъ поэтъ. А это обстоятельство возбуждало къ нимъ гораздо живѣйшее участіе, нежели то благоговѣніе, которое внушали они въ произведеніяхъ предшедшихъ поэтовъ. Взгляните напримѣръ на Агамемнона у Эсхила и на того же самаго Агамемнона въ «Ифигеніи», и спросите себя, кому вы болѣе сочувствуете. Отвѣтъ, безъ сомнѣнія, будетъ въ пользу послѣдняго, не взирая на всѣ его недостатки. И тутъ-то мы находимъ главное достоинство Еврипида. Никто не превосходитъ его психологическою вѣрностью въ очертаніи страстей, въ открытіи сокровеннѣйшихъ изгибовъ человѣческаго сердца. Истинность его изображеній особенно содѣйствуетъ возбужденію нашего сочувствія, придаетъ интересъ лицамъ по-видимому вовсе не имѣющимъ его. Мы, кажется, видимъ самихъ себя въ изображаемыхъ личностяхъ, и потому чувствуемъ невольное влеченіе къ нимъ. Въ высшей степени все сказанное примѣняется къ женскимъ характерамъ Еврипида, которые, не взирая на горькія насмѣшки Аристофана, должны считаться лучшею частью его произведеній. И какое богатство, какое разнообразіе въ нихъ отъ Алкестиды, жертвующей собою для супруга, до Медеи, неистовствующей

въ увлеченіи оскорбленной любви, отъ высокомѣрной Герміоны до смиренной Андромахи! Въ дѣйствительной жизни, къ которой приближаются трагедіи Еврипида, рѣдко являются примѣры идеальнаго величія; въ особенности бѣдно такими идеалами было одно время, когда писалъ Еврипидъ; по сему этого величія и нѣтъ въ его дѣйствующихъ лицахъ. Агамемнонъ — мелочной честолюбецъ, Язонъ — жалкій софистъ, и имъ подобны всѣ другіе. (Значеніе Еврипида въ Греч. трагедіи. Ж. М. Н. Пр. Ч. 79).

Слова Погребова: «Вліяніе Еврипида на послѣдующіе вѣка было огромно. Аристотель построилъ на немъ теорію трагедіи. Новая Аѳинская комедія заимствовала его технику и идеи; Римляне безусловно ему подражали. Онъ былъ любимымъ чтеніемъ Александра Македонскаго; его сентенціи сдѣлались господствующими изреченіями въ древности. Хризиппъ сдѣлалъ его учителемъ Стоиковъ. Біографіи Плутарха полны цитатъ изъ Еврипида. Онъ пользовался уваженіемъ христіанскихъ учителей: Климентъ Александрійскій хвалитъ его мудрость и чистую мораль; Григорію Назіанзину (Богослову) приписываютъ дошедшую до насъ трагедію: «Страданіе Христа», составленную изъ Еврипидовыхъ стиховъ. Живописцы древности нашли обильный матеріалъ въ трагическихъ положеніяхъ и катастрофахъ Еврипидовыхъ трагедій; Тимомахъ заимствовалъ у него сюжетъ для своей «Медеи». Масса сценъ перешла въ изображенія на вазахъ». (Энциклопедическій Словарь).

Погребовъ отличительными чертами Еврипида считаетъ: 1) удаленіе отъ государственной жизни; 2) изученіе философіи; 3) вліяніе риторскихъ школъ и любовь къ риторическимъ формамъ. Аристофанъ говоритъ объ Еврипидѣ: «Онъ научилъ Аѳинянъ заглядывать въ горшки и сдѣлалъ ихъ отличными хозяевами». Здѣсь комикъ хочетъ сказать, что Еврипидъ не пренебрегаетъ и мелкими чертами обыденной жизни для полноты картины.

Критическія изданія Еврипида сдѣланы Порсономъ (1801), Монкомъ (1813—1818), Готфридомъ Германомъ (1801—1841).—A. W. Schlegel: Vorlesungen ueber die dramatische Kunst und Literatur.— Wilcker: Die Griechische Tragedien. — Hartung: Euripides restitutus. — Adolph Schoell: Ueber die Tetralogie des Attisch. Theaters. — Bernhardy въ «Enc. d. Wissensch. u. Künste. Erste Sect. B. 39. — Уварова: О трехъ Греческихъ трагикахъ. Сынъ Отеч. 1825. Кн. CI. — Различіе между тремя Греч. трагиками. Переводы и Подражанія Мерзлякова. Ч. I. — Исторія Греческой трагедіи. С. Отеч. 1851, № 3, 4 и 5. — Руководство къ познанію родовъ поэзіи. Тулова. Кіевъ. 1853. — Курсъ исторіи поэзіи. Линниченко. Кіевъ. 1860. — Еврипидъ и его значеніе въ исторіи Греч. трагедіи. Орбинскаго. Жур. Мин. Народ. Просв. 1853. Ч. 79. — Ифигенія въ Авлидѣ. Водовозова. Библ. д. Чт. 1856, № 8.— Еврипидъ. Погребова. Энциклопедическій Словарь. 1863. Буква Е. — Ифигенія въ Тавридѣ. Пер. Мерзлякова. См. его Подражанія и Переводы. — Отрывки изъ Гекубы въ С. Отеч. 1851, № 4.—Медея, Еврипидова трагедія. Рѣчь, написанная для произнесенія въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго университета, профессоромъ Тихоновичемъ. Напечатана въ книжкѣ «Акта» этого университета за 1861 г.

МЕДЕЯ [1]).

Въ прологѣ, начинающемъ трагедію, показывается то положеніе, въ какое была поставлена Медея, отвергнутая своимъ мужемъ Язономъ на чужой сторонѣ. Изъ словъ няни мы узнаемъ, какъ низко поступилъ Язонъ съ Медеею и какъ она этимъ была потрясена. «Даже взглядъ дѣтей не радуетъ Медею: она ненавидитъ ихъ.» Положеніе Медеи яснѣе раскрывается въ слѣдующей сценѣ, когда старикъ-дядька встрѣчается съ нянею. Онъ открываетъ, что Креонъ, повелитель страны, хочетъ изгнать дѣтей вмѣстѣ съ матерью. Такою вѣстію и дядька и няня поражены. Няня совѣтуетъ дядькѣ не позволять дѣтямъ приближаться къ раздраженной матери: «я видѣла, говоритъ няня, какъ Медея смотрѣла на нихъ глазами раздраженнаго быка (ταυρουμένη), какъ бы что-то замышляя. И подлинно, она не успокоится, пока не накинется на кого-нибудь.» Слова старухи прерываются воплями и стонами Медеи, несущимися изъ дому: «Горе, несчастная я и бѣдная, горе мнѣ, горе! Какъ-же я погибаю!» Няня и дядька поражены этими словами. Няня торопитъ дядьку увести дѣтей и не показывать ихъ на глаза матери. Едва они уходятъ, какъ снова раздаются стоны и проклятія Медеи. Она проклинаетъ себя, дѣтей, отца, зоветъ къ себѣ смерть, призываетъ въ свидѣтели вѣроломства Язона — гражданъ, Ѳемиду и Діану. «О, будьте прокляты, говоритъ она, дѣти ненавистной матери! О, да погибнете вы вмѣстѣ съ отцемъ и со всѣмъ домомъ! Да пройдетъ сквозь мою голову небесный пламень! Что за польза оставаться мнѣ въ жизни! Смертію разорву тяжкую мнѣ жизнь. Ты, Ѳемида, и ты, Артемида, будьте свидѣтельницами того, что я терплю отъ проклятаго супруга, котораго я обязала сильными клятвами, для котораго я оставила и отца, и родину, для котораго я покинула брата! О если-бы онъ и его невѣста погибли со всѣмъ домомъ!» Наконецъ Медея выходитъ на сцену.... Обращаясь къ Коринѳянкамъ, составляющимъ хоръ, она говоритъ, что, не желая навлечь на себя ихъ порицаніе, она вышла къ нимъ. Затѣмъ описываетъ свое несчастное положеніе.

«Это неожиданное событіе, говоритъ она, лишило меня ума; прелесть жизни для меня исчезла, и одна смерть остается для меня. Тотъ, въ комъ я видѣла все самое лучшее, мой супругъ, оказался самымъ негоднымъ изъ людей. Изъ всего, что на землѣ имѣетъ душу и жизнь, мы, женщины, самыя несчастныя существа: за деньги мы должны покупать себѣ мужей: это одно изъ величайшихъ золъ. За-тѣмъ, покупая, мы все-таки не знаемъ — покупаемъ ли мы хорошаго или дурнаго; разводы не приносятъ намъ добраго имени; да мы и не можемъ разводиться съ мужемъ. Тогда только завидна наша жизнь, когда свыкается съ нами мужъ, когда несетъ бремя, не тяготясь имъ; въ противномъ случаѣ — лучше смерть. Мужъ, если тяготится домашнею жизнію, облегчаетъ свое сердце внѣ дома, либо у друзей, либо въ кругу сверстниковъ; мы по необходимости должны смотрѣть на него одного. Правда, мужья

[1]) Поставлена на сцену въ 431 г. до Р. Х.

говорятъ, что мы въ домахъ ведемъ жизнь безопасную; они же подвергаются опасностямъ войны. Мысль несправедливая. Я лучше согласилась бы трижды выдержать битву, нежели разъ быть матерью». Потомъ, переходя къ собственному положенію сравнительно съ положеніемъ Коринѳяновъ, Медея продолжаетъ: «Все-таки твое положеніе и мое — далеко не одинаковы: у тебя есть родной городъ, домъ отца, удовольствія жизни, кругъ друзей; у меня — ничего этого; я, одинокая и безродная, оторванная изъ варварской страны, терплю оскорбленіе отъ моего мужа; у меня нѣтъ ни отца, ни брата, ни роднаго, къ которымъ я могла бы удалиться отъ этого несчастія. Въ тебѣ только нахожу друга; ты будешь молчать, если я найду какое-либо средство отмстить моему мужу, и тому, на чьей дочери онъ женится, и той, на которой онъ женится. Конечно, женщина—робкое существо; она не можетъ смотрѣть на битву и на оружіе; но когда она оскорблена въ правахъ брака, то нѣтъ въ мірѣ существа болѣе мстительнаго.»

И такъ Медея рѣшается мстить Язону, его невѣстѣ и Креону. Являющійся на сцену Креонъ, царь и отецъ невѣсты Язона, объявляетъ Медеѣ, чтобы она немедленно удалилась изъ страны вмѣстѣ съ своими дѣтьми. Несчастная женщина, по-видимому, равнодушно выслушиваетъ такой приговоръ. Она молитъ Креона оставить ее въ этой землѣ: «Хотя и обиженная, я буду молчать, я буду повиноваться сильнѣйшимъ.» Креонъ не соглашается. Тогда Медея проситъ позволенія хоть на одинъ день отсрочить пребываніе ея здѣсь. Креонъ исполняетъ ея просьбу, но съ такимъ условіемъ: «если слѣдующій день застанетъ тебя въ этой странѣ, ты умрешь.» По уходѣ Креона, передъ хоромъ Медея уже не таится; она снимаетъ маску притворства, которую набросила на себя во время разговора съ Креономъ. Она говоритъ: «въ продолженіи дня я погублю трехъ моихъ враговъ: отца, невѣсту и моего мужа.» Медея смѣется надъ довѣрчивостію къ ней Креона и его недальновидностію. Она рѣшилась жестоко отомстить за себя, но не знаетъ, какимъ путемъ совершить месть: зажечь ли свадебный домъ, или, тайкомъ пробравшись въ брачную комнату, поразить ножемъ новобрачныхъ. Лучше всего, по ея мнѣнію, и безопаснѣе прибѣгнуть къ яду. Она заранѣе радуется своему торжеству. «Смѣло, Медея, не жалѣй ничего изъ твоихъ знаній! Смѣло на отважное дѣло! Покажи свое мужество!» Слѣдуетъ превосходная сцена — свиданіе жены съ мужемъ, Медеи съ Язономъ. Это первое между ними свиданіе послѣ окончательнаго разрыва [1]). Язонъ начинаетъ обвинять Медею.

---

[1]) Въ Греческихъ легендахъ слѣдующимъ образомъ разсказывается о связи Язона съ Медеею. Язонъ, послушавшись убѣжденій своего хитраго дяди, Пелея, отправился въ Колхиду съ Греческими героями, чтобы добыть тамъ золотое руно. По пріѣздѣ его сюда, Медея, младшая дочь Колхидскаго царя, горячо полюбила молодаго героя и самымъ усерднымъ образомъ помогала ему достигнуть предположенной цѣли. Колхидскій царь Эитъ (*Αἰήτης*) обѣщалъ отдать ему золотое руно, если только онъ вспашетъ посвященное Аресу поле мѣдно-копытными, огнемъ пышущими волами и засѣетъ его зубами дракона. Медея, спасая Язона отъ грозившей ему бѣды, снабдила его мазью, которая предохраняла его отъ огня,

«Не теперь въ первый разъ замѣтилъ я, но часто и прежде замѣчалъ, что сильная раздражительность — неопреодолимое зло. Тебѣ можно было бы остаться въ этой странѣ и въ этомъ домѣ, если-бы ты умѣла слушаться совѣтовъ сильнѣйшихъ людей, а теперь за твои глупыя рѣчи изгоняютъ тебя. Мнѣ мало нужды въ томъ, что ты не переставала говорить, что Язонъ — самый дурной мужъ; но за то, что ты сказала о властителяхъ, ты расплачиваешься теперь изгнаніемъ. Я всегда старался смягчить гнѣвъ раздраженныхъ на тебя властителей и хотѣлъ, чтобы ты осталась здѣсь; но ты не покидала своей глупости, ты всегда говорила дурно о нихъ; за то теперь и выгоняютъ тебя. При всемъ томъ я постоянно помышлялъ о друзьяхъ; заботясь о тебѣ, жена, я пришелъ сюда, чтобъ ты не была изгнана безъ всего. Изгнаніе приноситъ съ собою много золъ, и хоть ты ненавидишь меня, однакожъ я не могу желать тебѣ зла.»

Чѣмъ же могла отвѣчать ему Медея, гордая Медея? Разумѣется, величайшимъ презрѣніемъ, выраженнымъ самыми рѣзкими словами. Но чтобы выставить неблагодарность Язона въ болѣе яркомъ свѣтѣ, Медея припоминаетъ ему всѣ благодѣянія, сдѣланныя ею для него. Монологъ Медеи исполненъ высокихъ драматическихъ красотъ.

извергаемаго быками, и научила его, какъ запречь ихъ въ плугъ. Кромѣ того, руководимый ея наставленіями, онъ напередъ уже зналъ, что изъ засѣяннаго имъ поля взойдутъ вооруженные люди, которые бросятся на него; но, предупреждая ихъ нападеніе, онъ, по указанію Медеи, долженъ былъ бросить между ними камень, послѣ чего они начнутъ драться между собою и истребятъ другъ друга. Эту услугу Язонъ скрѣпилъ обѣщаніемъ жениться на Медеѣ. Такимъ образомъ Язонъ исполнилъ предложенное ему условіе Эитомъ. Однако Колхидскій царь и не думалъ возвратить ему золотаго руна, а напротивъ — хотѣлъ еще истребить всѣхъ Аргонавтовъ. Тогда Медея повела ночью Язона въ лѣсъ, окруженный семью стѣнами, за которыми хранилось золотое руно; усыпила дракона, стерегшаго его и, завладѣвши имъ, поспѣшила вмѣстѣ съ Язономъ на корабль Арго, захвативъ при этомъ съ собою и своего маленькаго брата, Абсирта. Когда Эитъ сталъ преслѣдовать бѣглецовъ, то Медея, чтобы задержать отца на дорогѣ, разсѣкла брата на части, разбросала ихъ по морскому берегу, а голову и руки покинула на высокой скалѣ, на видномъ мѣстѣ, гдѣ бы могъ замѣтить ихъ отецъ и, занявшись собираніемъ, далъ бы время удалиться изъ страны Аргонавтамъ и Медеѣ. На возвратномъ пути, Язонъ исполнилъ свое обѣщаніе и женился на ней. По возвращеніи въ Іолькосъ, Язонъ вручилъ Пеліасу золотое руно. Но такъ-какъ Пеліасъ не возвращалъ ему, какъ обѣщалъ, престола, то Язонъ обратился опять за помощію къ Медеѣ и просилъ ее пособить ему отмстить Пеліасу. Орудіями мщенія она употребила дочерей его: въ присутствіи ихъ она разрубила на части стараго барана, сварила его и, при помощи колдованій, обратила его въ живаго ягненка. Этимъ она убѣдила ихъ въ возможности сдѣлать молодымъ старика отца ихъ: онѣ рѣшились тоже разрубить отца и сварить въ котлѣ; но отецъ не только не помолодѣлъ, но и не ожилъ. Изгнанные за это изъ Іолькоса, Язонъ и Медея отправились въ Коринѳъ, гдѣ и выводитъ ихъ на сцену трагедія. Подробности этой легенды разсказываются еще иначе.

«О, презрѣннѣйшій, увы, не знаю другаго слова, чтобы выразить твою робкую низость (ἀνανδρία), такъ это ты пришелъ ко мнѣ, ты, мой злѣйшій врагъ? Вѣдь это не мужество и не смѣлость, если кто-нибудь, сдѣлавъ друзьямъ зло, смотритъ прямо имъ въ глаза: вѣдь это безстыдство, величайшее зло изъ всѣхъ золъ между людьми! Но ты хорошо сдѣлалъ, что пришелъ. Высказавши тебѣ все, я облегчу мою душу, и ты, слушая меня, заболишь сердцемъ. Начну съ самаго начала. Я спасла тебя, какъ знаютъ то Греки, бывшіе съ тобою на кораблѣ Арго, когда тебѣ нужно было обуздать огнемъ пышущихъ быковъ и взорать ими смертоносное поле. Я убила дракона, что̀, никогда не зная сна, стерегъ золотое руно, обвивъ его своими кольцами, и тѣмъ озарила тебя свѣтомъ спасенія. Покинувъ отца и родной домъ, я, безразсудная, отправилась съ тобою въ Іолькосъ, въ Пеліотиду; я умертвила Пеліаса самою плачевною смертію, руками его дочерей, и избавила тебя отъ страха. И ты, презрѣннѣйшій изъ людей, обязанный мнѣ столькими благодѣяніями, бросилъ меня и, имѣя дѣтей, затѣялъ новый бракъ. Еще бы можно простить тебѣ, еслибы ты былъ бездѣтенъ. Твои клятвы въ вѣрности разсыпалйсь; не знаю, не думаешь ли, что боги, правившіе тогда міромъ, теперь уже не правятъ имъ; что теперь между людьми иные законы, а не тѣ, что̀ были тогда, потому-что ты, сознавая, нарушилъ данную клятву. Сколько разъ ты, презрѣннѣйшій, сжималъ эту руку! Сколько разъ обнималъ мои колѣна! И теперь ты обманулъ меня, лишилъ меня надеждъ! Куда-же теперь я пойду? Не въ домъ ли отца, не на родину ли, которыми я пожертвовала для тебя? Не къ несчастнымъ ли дочерямъ Пеліаса? Безъ сомнѣнія, прекрасно онѣ примутъ меня, убійцу ихъ отца! Вотъ каково мое положеніе: старинным моимъ друзьямъ я стала ненавистна; тѣмъ, кому не слѣдовало мнѣ дѣлать зла, я, изъ любви къ тебѣ, сдѣлалась врагомъ! Да, за все это ты далъ мнѣ счастіе, которому позавидуетъ вся Грецiя! И я, несчастная, найду въ тебѣ чуднаго и вѣрнаго мужа, когда, изгнанная изъ этой страны, пойду скитаться одна, безъ друзей, съ дѣтьми только. Прекрасная слава пойдетъ о тебѣ, молодомъ женихѣ, когда я, спасшая тебя, и твои дѣти будемъ скитаться нищими».

Слова Медеи нисколько не тронули Язона, эту холодную и разсчетливую натуру, этого низкаго эгоиста. «Единственной спасительницею моею была Киприда; она вдохнула въ тебя любовь ко мнѣ; и вотъ эта-то любовь и заставила тебя позаботиться о моемъ спасеніи». Онъ убѣждаетъ Медею, что женится вновь ради общаго ихъ блага, «чтобы не нуждаться, чтобы отъ насъ, бѣдняковъ, не бѣгали друзья». Но усилія Язона представить свое дѣло въ благомъ видѣ оказываются напрасными. Онъ женится, какъ всѣмъ ясно, по-

тому, что бракъ съ иноземкою казался ему на старости лѣтъ не довольно почетнымъ. «Ступай! говоритъ Язону Медея: ты долго не видалъ невѣсты; женись на ней; быть можетъ, ты пожалѣешь объ этомъ бракѣ». Язонъ уходитъ. Месть въ душѣ Медеи усилилась. Оскорбленная въ своихъ священнѣйшихъ правахъ, жена и мать немедленно исполнила бы свое намѣреніе, если-бы не явился Эгей, Аѳинскій властитель. Эгей разсказалъ, какъ онъ просилъ у Аполлона дѣтей себѣ и, замѣтивъ блѣдность на лицѣ Медеи, спросилъ, что это значитъ. Медея ему открыла все, а за-тѣмъ умоляла Эгея дать ей пристанище въ его владѣніяхъ. Эгей соглашается. По уходѣ Эгея, Медея передъ хоромъ окончательно развиваетъ планъ своего мщенія. Планъ исполненъ хитростію. Медея позоветъ къ себѣ Язона, встрѣтитъ его ласковыми словами, согласится на его предложенія, попроситъ его оставить у себя дѣтей; она пошлетъ ихъ съ дарами къ невѣстѣ; въ даръ они принесутъ тонкій пеплъ (одежду) и золотой вѣнокъ: эти-то дары и погубятъ соперницу Медеи.... Наконецъ она думаетъ умертвить и дѣтей своихъ. Мысль о томъ ужасаетъ ее.... Но попытка хора отклонить Медею отъ дѣтоубійства осталась безуспѣшною. «Этимъ только путемъ, говоритъ она, я поражу мужа въ самое чувствительное мѣсто, и напрасны всѣ дальнѣйшія рѣчи».

Слѣдующая сцена, въ которой Медея снова видится съ Язономъ, принадлежитъ тоже къ совершеннѣйшимъ сценамъ, какія только удалось Еврипиду написать. Язонъ, по желанію Медеи, является снова къ ней. Увидѣвши его, она обращается къ нему съ слѣдующими словами:

«Язонъ, прошу тебя, прости меня за сказанное мною; справедливость требуетъ, чтобы ты, во имя нашей прежней любви, извинилъ мнѣ мой гнѣвъ. Я вникла въ мою душу, я сознялась, что я безумствую, что я сержусь на тѣхъ, которые желаютъ мнѣ добра, что я враждую противъ владыкъ этой страны, противъ моего супруга, который, сочетавшись бракомъ съ дочерью царя, и приживъ съ нею братьевъ моимъ дѣтямъ, этимъ самымъ дѣлаетъ намъ величайшее благо. Не лучше ли покинуть этотъ гнѣвъ? Къ чему увлекаться, когда боги посылаютъ благое? Развѣ у меня нѣтъ дѣтей? Развѣ я не знаю, что у меня, изгнанной, немного будетъ друзей? При такихъ-то мысляхъ я поняла все мое безуміе, поняла, что напрасно сержусь. Теперь вполнѣ одобряю тебя; теперь мнѣ кажется, что ты, связывая это родство со мною, поступаешь благоразумно. Безразсудная! Мнѣ бы самой слѣдовало быть соучастницею этихъ намѣреній, помогать тебѣ, служить невѣстѣ и вручить ее тебѣ. Но что-же дѣлать? Я — женщина. И потому не слѣдуетъ тебѣ равняться съ дурными, не слѣдуетъ платить за глупость глупостію. Я уступаю, и сознаюсь, что думала тогда дурно; теперь же обсудила лучше. — О дѣти, дѣти! подите сюда, оставьте домъ, подите сюда, обнимите и привѣтствуйте вашего отца вмѣстѣ со мною, примирите его съ матерью; пусть будетъ забыта прежняя моя вражда къ друзьямъ! Ну, теперь между нами миръ, и вражда исчезла. Возьмите его правую руку. — О горе

мнѣ, горе! Какая мысль о тайномъ намѣреніи пробудилась въ душѣ моей! О дѣти! долго еще вы будете простирать ваши милыя руки, не такъ ли? Ахъ, я несчастная! Какъ легко я поддаюсь слезамъ, и какъ мнѣ страшно! Примиреніе съ отцомъ послѣ долгой ссоры смочило слезами и мое лицо!»

Слова Тихоновича: «Эта превосходная сцена исполнена Еврипидомъ неподражаемо. Притворство Медеи, прерываемое естественными чувствами матери, вполнѣ соотвѣтствуютъ тому положенію, въ которомъ она находится. Она устремляетъ всѣ свои силы на то, чтобы обмануть Язона, чтобы убѣдить его въ дѣйствительности своего раскаянія, въ истинной перемѣнѣ своихъ чувствъ, въ полномъ признаніи пользы въ его намѣреніяхъ. Чтобы убѣдить его болѣе, чтобы живѣе затронуть его и отнять у него всякую возможность спокойнаго наблюденія надъ собою, она прибѣгаетъ къ помощи самыхъ дѣтей, вызываетъ ихъ изъ дому какъ-бы для того, чтобы и они приняли участіе въ примиреніи ея съ отцемъ и еще болѣе способствовали къ нему. Но видъ дѣтей едва не обнаружилъ ее: материнская любовь и нѣжность пересилила ея хитрость; при взглядѣ на нихъ, мысль объ убійствѣ ихъ, приготовленномъ матерью, какъ молнія, проникла въ ея душу и страшнымъ упрекомъ возстала передъ нею; и Медея, какъ женщина, какъ мать любящая дѣтей, вполнѣ отдалась ей на минуту, забыла о своей предосторожности и о мщеніи, и вся въ слезахъ произноситъ: «какая мысль о тайномъ намѣреніи пробудилась въ моей душѣ»! Но это чувство владѣло Медеею одну минуту; на одну минуту она отдалась естественному влеченію материнской любви; на одну минуту перестала она хитрить. По прошествіи этого мгновенія, она снова овладѣваетъ собою, и, чтобы не измѣнить себѣ окончательно, она обращается къ дѣтямъ съ словами: «о дѣти! долго еще вы будете простирать ваши милыя руки, не такъ ли»? Эти слова отзываются еще страшнымъ воспоминаніемъ; въ нихъ еще замѣтна борьба противоположныхъ чувствъ, обуревающихъ душу Медеи, какъ любящей матери и хитрящей женщины; въ нихъ еще не видно совершеннаго подчиненія разсчету и притворству. Но еще мгновеніе, и она пересиливаетъ себя, и послѣдніе стихи («ахъ, я несчастная! какъ легко поддаюсь я слезамъ, и какъ мнѣ страшно! примиреніе съ отцомъ послѣ долгой ссоры смочило слезами и мое лицо!») показываютъ, что она снова совладѣла съ собою».

Язонъ окончательно поддался обману Медеи: «одобряю это, жена, говоритъ онъ, и не упрекаю за прежнее». Обратившись къ дѣтямъ, Язонъ обѣщается приложить о нихъ нѣжное попеченіе. Нѣжныя слова Язона къ дѣтямъ взволновали сердце Медеи: она заплакала. «Зачѣмъ же, несчастная, ты плачешь о дѣтяхъ»?—«Я мать ихъ: когда ты выразилъ желаніе, чтобы они жили, грустное чувство проникло въ мою душу о томъ, сбудется ли это»? Медея проситъ Язона оставить у него дѣтей; она обѣщается послать съ ними дары къ его невѣстѣ и — отдаетъ эти дары дѣтямъ тутъ же. Язонъ желаетъ отклонить отправленіе даровъ, но Медея настаиваетъ на своемъ. Она говоритъ дѣтямъ: «Просите молодую невѣсту вашего отца, умоляйте ее не изгонять васъ; позаботьтесь о томъ, чтобы она сама приняла эти дары». Дѣти отправились съ подарками; самъ Язонъ сопровождаетъ ихъ, не вѣдая того, что они несутъ ужасную смерть. Дядька, возвратившійся изъ дворца, — онъ тоже ходилъ съ дѣтьми, — разсказываетъ Медеѣ, что дѣти ея избавлены отъ изгнанія и дары съ удовольствіемъ приняты собственными руками царевны,

Эта вѣсть поразила Медею; она могла только воскликнуть: ἔα (увы!). Дядька спрашиваетъ, чѣмъ она смущена? И на этотъ вопросъ Медея отвѣчаетъ лаконически: ἀἰαῖ (горе, горе). Дядька смущается. Онъ не знаетъ, чѣмъ онъ встревожилъ такъ свою госпожу. Медея отвѣчаетъ ему слезами. Чтобы прекратить недоумѣніе, Медея велитъ дядькѣ итти домой, а сама остается съ дѣтьми.

Слова Тихоновича: «Сцена, слѣдующая у Еврипида за удаленіемъ дядьки, есть одна изъ потрясающихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ совершеннѣйшихъ сценъ не только въ этой драмѣ, но и во всѣхъ драматическихъ произведеніяхъ древности. Задача для поэта была не легкая: ему нужно было изобразить мать, увлекаемую поперемѣнно то материнскою нѣжностію, то неутолимою жаждою мщенія, то любовію къ дѣтямъ, то ненавистію къ мужу; ему нужно было представить цѣлый рядъ душевныхъ явленій, возникающихъ въ душѣ Медеи подъ вліяніемъ столь разнообразныхъ страстей, колебанія и переходъ ихъ изъ одного состоянія въ другое, смотря по тому, какая страсть брала перевѣсъ въ этой борьбѣ. Надобно замѣтить притомъ, что во всѣхъ мѣстахъ этого монолога, гдѣ только Медея говоритъ своимъ дѣтямъ о разлукѣ съ ними, объ удаленіи отъ нихъ, слѣдуетъ разумѣть не пребываніе ихъ въ Коринѳѣ и собственное ея изгнаніе, но смерть, которую она готовитъ имъ, и вѣчный мракъ, на который она осуждаетъ ихъ. Это тайное намѣреніе, по замѣчанію древнихъ схоліастовъ, даетъ словамъ Медеи, и особенно ея первымъ словамъ, столь нѣжнымъ и трогательнымъ, грозящій и страшный тонъ».

По уходѣ дядьки, Медея, обращаясь къ дѣтямъ, говоритъ:

«О дѣти, дѣти! у васъ есть теперь и родина, и домъ, гдѣ, покинувъ меня, несчастную, вы будете жить, на-вѣки разставшись съ матерью; я же изгнанницею пойду въ другую страну; я не буду радоваться вами, не буду видѣть васъ счастливыми, не буду снаряжать вашихъ свадьбъ, убирать вашихъ невѣстъ и брачныхъ постелей, не буду зажигать свадебныхъ факеловъ. О, я несчастная своимъ неукротимымъ увлеченіемъ! Напрасно же я вскормила васъ, дѣти; напрасно, я страдала, томилась мученіями и переносила тяжкія боли. Я-то, несчастная, возлагала когда-то на васъ великія надежды; я-то надѣялась, что вы будете кормить меня, старуху, что, когда умру, вы погребете меня прилично, какъ слѣдуетъ. Теперь-же погибла эта сладкая надежда. Разлученная съ вами, я проведу жизнь печальную и грустную; и вы никогда не увидите матери вашими милыми очами; вы перейдете къ другой жизни! Горе мнѣ, горе! Зачѣмъ вы смотрите на меня вашими очами, зачѣмъ вы улыбаетесь вашею послѣднею улыбкою? Горе мнѣ, горе! Что мнѣ дѣлать? Смѣлость моя пропадаетъ, когда смотрю на свѣтлыя очи моихъ дѣтей! Нѣтъ, не могу! Простите, прежніе замыслы! я уведу съ собою дѣтей изъ этой страны: тамъ, живучи со мною, они будутъ радовать мое сердце. Зачѣмъ, заставляя отца страдать ихъ страданіями, подвергаться мнѣ вдвое большимъ страданіямъ? Нѣтъ, никогда, никогда! Простите, замыслы! — Но что я

дѣлаю? Неужели я захочу подвергнуться насмѣшкамъ, оставивъ своихъ враговъ не отмщенными? Нѣтъ, нужно рѣшиться! Ахъ, ты, робкое сердце, зачѣмъ ты поддаешься нѣжнымъ увлеченіямъ? — Удалитесь въ домъ, дѣти! отвернись, кто хочетъ, отъ этой кровавой жертвы. Моя рука не дрогнетъ»! Надобно думать, что на Греческомъ театрѣ Медея вмѣстѣ съ этими словами тоже хочетъ удалиться со сцены, чтобы исполнить свой кровавый замыселъ; но еще разъ всесильная материнская любовь проникаетъ въ ея сердце, еще разъ естественныя чувства, общія всему человѣчеству, преодолѣваютъ ея мрачныя, кровавыя намѣренія и удерживаютъ ее на сценѣ. Медея снова колеблется; сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, возмущается вся душа ея противъ страшнаго преступленія, готоваго совершиться ея руками, и она восклицаетъ: «Нѣтъ, мое сердце, нѣтъ ты не совершишь этого; оставь ихъ, несчастное; пощади дѣтей!» Но потомъ снова мысль о ненавистныхъ ей лицахъ вытѣсняетъ изъ ея сердца нѣжныя материнскія чувства, и снова оно наполняется жаждою мщенія и замѣняетъ тонъ рѣчей Медеи: «Нѣтъ, клянусь мстящими адскими богами, никогда не бывать тому, чтобы я сама отдала моихъ дѣтей на поруганіе моимъ врагамъ! Умереть имъ непремѣнно нужно! Необходимо: и я сама убью ихъ, я— которая родила ихъ! Это рѣшено; это неизмѣнно! Уже вѣнокъ на головѣ Главки, уже погибаетъ невѣста-царевна въ пеплѣ; навѣрно то знаю. Пора и мнѣ! пойду по самой гибельной дорогѣ, отправлю и дѣтей моихъ по дорогѣ еще болѣе гибельной». Съ этимъ прекращается борьба и колебаніе Медеи: теперь она уже не отступитъ назадъ, не дрогнетъ предъ совершеніемъ страшнаго дѣла. Да если бы она и хотѣла, то теперь уже не можетъ: пеплъ, напитанный ядомъ, уже навѣрное дѣйствуетъ; и потому она должна спѣшить по избранному ею пути, если не хочетъ сдѣлаться добычею своихъ враговъ сама съ своими дѣтьми. Но она еще разъ хочетъ приласкать своихъ дѣтей; еще разъ на прощаньи насмотрѣться на ихъ лица, запечатлѣть ихъ дорогія черты на вѣки,—и потомъ совершить замыселъ. Сердечное движеніе, совершенно сообразное съ природою матери! «Подайте, дѣти, подайте матери ваши правыя руки; пусть она поцѣлуетъ ихъ. О, дорогія руки! О, милыя уста, и видъ, и благородное лицо дѣтей, будьте счастливы, но не здѣсь, а тамъ! Здѣшнее счастіе отнялъ у васъ отецъ вашъ. О сладкія объятія! О нѣжный цвѣтъ юности! О сладкое дыханіе! — Удалитесь, удалитесь! Нѣтъ, не могу смотрѣть на васъ больше! Я изнемогаю отъ бѣдствій. Я знаю, какое преступленіе я готова совершить! Но гнѣвъ, виновникъ величайшихъ бѣдствій между смертными, сильнѣе благоразумія».

Слова Тихоновича: «Эта сцена, повторяемъ, есть одна изъ образцовыхъ въ Греческомъ театрѣ. Изумляешься поразительному разнообразію чувствъ, волновавшихъ душу Медеи и выведенныхъ на сцену авторомъ, и разнообразію языка, которымъ они были выражены. Съ одной стороны, неукротимая гордость, неутолимое мщеніе и кровожадная, звѣрская радость, съ другой — самыя нѣжныя чувствованія материнской любви и привязанности къ дѣтямъ! Въ ту минуту, когда Медея, обнимая своихъ дѣтей, услаждаясь ихъ видомъ, упиваясь ихъ дыханіемъ, покрывая ихъ поцѣлуями, предается самымъ бурнымъ порывамъ материнской нѣжности, высказывается въ ней съ самой свѣтлой стороны мать, нѣжно, страстно любящая своихъ дѣтей! Но объ-руку съ этимъ, при мысли о своихъ врагахъ, Медея является совершенно другимъ лицемъ: типомъ страшной мстящей женщины, приносящей на жертву мщенію самыя святыя чувства. Какое громадное впечатлѣніе должна была имѣть на Аѳинянъ и вся трагедія, но преимущественно эта сцена борьбы материнской нѣжности съ кровавыми замыслами, особенно, если игра актера вполнѣ соотвѣтствовала тому, что хотѣлъ выразить поэтъ. Не удивительно послѣ этого, что эта сцена была воспроизводима въ древности на полотнѣ и на камнѣ. Лукіанъ и Каллистратъ говорятъ намъ о картинахъ и статуяхъ, на которыхъ изображена была Медея, готовая убить своихъ дѣтей. У Лукіана мы читаемъ: «нарисована Медея: воспламененная ревностію, она страшно смотритъ на дѣтей и замышляетъ что-то ужасное; въ рукахъ держитъ мечъ; они же, бѣдныя, сидятъ улыбаясь ей, не вѣдая, что ихъ ждетъ въ будущемъ, и смотря на мечъ въ ея рукахъ». Эпиграммы, собранныя въ Греческой антологіи, хвалятъ въ этихъ произведеніяхъ вѣрное изображеніе двухъ противоположныхъ страстей, переданныхъ художниками. Въ одной изъ нихъ, неизвѣстно кѣмъ написанной, мы читаемъ: «погляди и подивися, какъ гнѣвъ и состраданіе поселились у ней подъ рѣсницами, какъ очи сверкаютъ огнемъ, и какъ борьба матери и тяжко оскорбленной супруги то влечетъ ее къ убійству, то удерживаетъ отъ него. Художникъ мудро сокрылъ кровавое дѣло; онъ не желалъ обезсилить горемъ удивленія смотрящихъ». Въ другой: «вотъ дѣтоубійца, вотъ изображеніе Колхидянки, начертанной руками Тимарха: съ мечемъ въ рукахъ, сильно раздраженная, сверкая дико очами, она проливаетъ слезы надъ бѣдными дѣтьми: все слилъ, все соединилъ во едино художникъ, но удержалъ ея руку отъ кроваваго дѣла».

«Медея, въ концѣ представленнаго монолога, отослала дѣтей своихъ въ домъ, сама же осталась на сценѣ. Прежде совершенія послѣдняго дѣла въ своемъ кровавомъ замыслѣ, она хочетъ еще дождаться, какой результатъ имѣли ея дары, пропитанные ядомъ и посланные ею царской дочери. По обычаю, принятому на Греческомъ театрѣ, кровавыя сцены совершались не на самой сценѣ, а внѣ ея, и передавались зрителямъ въ разсказѣ, при посредствѣ вѣстника. Точно такъ и здѣсь. Медея видитъ приближающагося вѣстника и ждетъ отъ него вѣсти о какомъ-нибудь новомъ бѣдствіи. Явившійся вѣстникъ встрѣчаетъ Медею словами: «страшное и беззаконное дѣло совершила ты, Медея; бѣги, бѣги отсюда: и царевна, и отецъ ея погибли отъ твоего яда».—«Прекрасную вѣсть ты сказалъ мнѣ; въ числѣ моихъ благодѣтелей и друзей ты будешь на будущее время; разскажи, какъ они погибли»?—«Когда твои дѣти, разсказываетъ вѣстникъ, вмѣстѣ съ отцемъ вошли въ домъ невѣсты, мы, служители, соболѣзновавшіе твоимъ бѣдствіямъ, обрадовались; прошелъ вдругъ говоръ, что ты и твой супругъ помирились; одни изъ насъ цѣлуютъ руки, другіе—бѣлокурыя головы твоихъ дѣтей; я и самъ отъ радости пошелъ вмѣстѣ съ твоими дѣтьми въ женское отдѣленіе. Госпожа наша,

прежде чѣмъ увидѣла твоихъ дѣтей, весело глядѣла на Язона; но, замѣтивъ присутствіе ихъ, она закрыла глаза, отвернула свое бѣлое лице отъ нихъ; супругъ же твой старался успокоить гнѣвъ ея и утишить ея раздраженіе; онъ убѣждалъ ее принять присланные тобою дары и попросить своего отца не изгонять твоихъ дѣтей. Царевна, чуть только увидѣла дары, не выдержала; но все обѣщала твоему мужу. И твой супругъ, и твои дѣти не успѣли еще уйдти далеко отъ дому, какъ она надѣла уже разноцвѣтную одежду и, наложивъ на голову золотой вѣнокъ, стала предъ зеркаломъ и, улыбаясь, прилаживала его. Затѣмъ, вставъ съ кресла, она стала ходить по дому, мягко ступая бѣлою ногою, любуясь дарами и оглядывая себя съ ногъ до головы. Но вскорѣ затѣмъ настало страшное зрѣлище: царевна измѣнилась въ лицѣ; шатаясь, дрожа членами, она едва дошла до кресла и чуть-чуть не упала на полъ. Старуха служанка, какъ скоро замѣтила пѣну у ней вокругъ рта, дико блуждающіе глаза и мертвую блѣдность, тотчасъ-же подняла вопль и плачъ. Тотчасъ-же одна изъ служанокъ поспѣшила въ домъ къ отцу, другая къ жениху, твоему мужу, чтобы разсказать несчастіе невѣсты; весь домъ наполнился суматохою бѣгающихъ туда и сюда. Между тѣмъ страшное зрѣлище представляла невѣста. Двойное бѣдствіе пожирало ее: изъ золотаго вѣнка, лежавшаго у ней на головѣ, просачивалась изумительная струя огня, все пожирающаго; тонкая одежда, даръ твоихъ дѣтей, терзала бѣлое тѣло несчастной. Поднявшись съ мѣста въ пламени, бѣгаетъ она туда и сюда, потрясая головою и волосами, силясь скинуть съ себя вѣнокъ; но крѣпко держится онъ на головѣ; огонь же, каждый разъ, какъ она встряхивала волосами, вдвое еще разгарался. Измученная этими страданіями, падаетъ она на полъ, никѣмъ уже не узнаваемая, кромѣ отца; не было уже ни свѣтлыхъ глазъ, ни прелестнаго лица; съ верху головы сочилась кровь, смѣшанная съ огнемъ; тѣло обваливалось съ костей, какъ смола съ горящей сосны, подъ невидимыми зубами яда. Страшное зрѣлище! Страшно было коснуться до мертвой. Несчастный отецъ, не вѣдая бѣдствій, вдругъ входитъ въ домъ и падаетъ на трупъ: стоная, обнялъ тѣло и, цѣлуя, приговариваетъ: о, несчастное дитя, какое божество сгубило тебя такъ постыдно! Кто оспротилъ меня, старика, на краю могилы? горе мнѣ, горе! О, если-бы я умеръ съ тобою, моя дочь! Когда же пересталъ онъ плакать и стонать: то, желая подняться своимъ старческимъ тѣломъ, онъ прильнулъ къ тонкой одеждѣ, какъ плющъ къ вѣтвямъ лавра; и страшная была борьба: когда онъ хотѣлъ подняться, одежда не пускала его; когда же хотѣлъ насильно оторваться, то его старое тѣло отдѣлялось отъ костей. Наконецъ жизнь его погасла и онъ, несчастный, испустилъ душу; не могъ онъ больше переносить страданія. И вотъ они лежатъ мертвые, дочь и старикъ отецъ, другъ подлѣ друга, — несчастіе, исторгающее слезы».—Эту длинную сцену я старался передать довольно близко къ подлиннику, чтобы указать на одно изъ существенныхъ различій между нашимъ театромъ и театромъ древнихъ Грековъ. Эта сцена, исполненная живописнаго и картиннаго описанія, совершенно не въ обычаяхъ нашего театра; она покажется намъ холодною и, пожалуй, изысканною, натянутою, между тѣмъ какъ у древнихъ никто не находилъ ее такою; тамъ она была у мѣста и вполнѣ удовлетворяла обычаямъ и требованіямъ современнаго Еврипиду театра. Эстетическое чувство древняго Грека возмутилось бы кровью и предсмертными муками умирающихъ трагическихъ лицъ, еслибы они умирали на сценѣ, какъ у насъ; а потому всѣ убійства и смерть, всѣ кровавыя сцены, неразлучныя съ трагедіею, совершались у Грековъ внѣ сцены. Грекъ любилъ наслаждаться драмою спокойно, безъ потрясеній и сильныхъ волненій;

въ трагедіи онъ искалъ не сильныхъ ощущеній, не раздирательныхъ сценъ, не крови и убійства, но чувствованій, мыслей, развитія и игры страстей, за которыми слѣдилъ спокойно, шагъ за шагомъ, любуясь и наслаждаясь ими, какъ прекрасными статуями или картинами.»

Медея, выслушавши подробный разсказъ вѣстника о смерти царевны—невѣсты и ея отца, восклицаетъ, обращаясь къ хору:

«Подруги, я рѣшилась сейчасъ же умертвить дѣтей и бѣжать изъ этой страны; не хочу, медля, отдавать ихъ на убійство чужой враждебной рукѣ. Вооружись же, мое сердце! Зачѣмъ я медлю совершить страшное, но необходимое дѣло? Возьми же, моя несчастная рука, возьми мечъ; иди, Медея, къ печальной цѣли твоей жизни; не робѣй, забудь о дѣтяхъ, какъ они милы тебѣ; по крайней-мѣрѣ на сегоднешній короткій день забудь, что они твои дѣти; а затѣмъ оплакивай ихъ; и хоть ты убиваешь ихъ, все-таки они милы тебѣ, несчастной женщинѣ».

Съ этими словами Медея спѣшитъ въ домъ, и на сценѣ уже не показывается. Вскорѣ затѣмъ раздаются, разумѣется за сценою, жалобные крики дѣтей, зовущихъ на помощь. Коринѳскія женщины, составляющія хоръ, рѣшаются было спѣшить на помощь несчастнымъ дѣтямъ; но дѣло совершается прежде, чѣмъ онѣ исполняютъ свое намѣреніе, и онѣ заключаютъ свою безплодную попытку указаніемъ на одинъ только примѣръ дѣтоубійцы, взятый изъ древнѣйшихъ временъ, на Ино, которая въ безуміи умертвила дѣтей своихъ, и сама за ними погибла.

Между тѣмъ Язонъ, узнавъ о злодѣяніи Медеи, сильно встревоженный, поспѣшаетъ къ ней, чтобы спасти по-крайней-мѣрѣ дѣтей своихъ и защитить ихъ отъ родныхъ Креона. Хоръ извѣщаетъ его, что дѣти только-что погибли отъ рукъ матери. На стукъ его въ дверь, Медея отвѣчаетъ, что онъ напрасно стучитъ въ дверь, напрасно «ищетъ мертвыхъ и ее, совершившую это убійство; рука его не достигнетъ до нея, потому что она уже на колесницѣ Солнца». На всѣ его горячіе упреки, въ которыхъ онъ ее называетъ женщиною самою ненавистною и богамъ, и ему, и всему роду человѣческому, львицею, а не женщиною, не Гречанкою, по природѣ болѣе жестокою, нежели Скилла, на всѣ его проклятія, въ которыхъ онъ желаетъ ей гибели, она отвѣчаетъ ему самою холодною ироніею:

«Пожалуй, называй меня и львицею, и Скиллою, что поселилась на Тирренской землѣ, все-же я растерзала твое сердце, какъ хотѣла».—«Да погубитъ тебя Еринія погибшихъ дѣтей, и мстящая за убійство Правота (δίκη)!» — «Какой-же богъ, или какой духъ услышитъ тебя, клятвопреступника? Ступай домой и похорони свою невѣсту.» — Наконецъ Язонъ, послѣ отчаянныхъ воплей и просьбъ позволить ему хоть взглянуть на милыхъ дѣтей, хоть обнять ихъ и прикоснуться къ нимъ, оканчиваетъ молитвою къ Зевесу: «Зевесъ, ты слышишь, какъ отталкиваетъ, какъ оскорбляетъ меня эта проклятая, эта убійца своихъ дѣтей, эта львица. Но сколько могу,

сколько силъ во мнѣ есть, слезами и воплями буду взывать къ богамъ, призывая ихъ во свидѣтели, что ты не даешь мнѣ прикоснуться руками къ дѣтямъ, которыхъ ты убила, и предать ихъ погребенію. О если-бы я никогда не видѣлъ ихъ рожденными отъ тебя, дѣтоубійцы».

Слова Тихоновича: «Въ этой сценѣ мы знакомимся съ одною особенностію Греческаго театра: съ появленіемъ божествъ на немъ и вмѣшательствомъ ихъ въ самое дѣйствіе драмы, чтобы дать ей надлежащій исходъ. Эту особенность встрѣчаемъ мы у всѣхъ Греческихъ трагиковъ: у Эсхила въ *Евменидахъ*, у Софокла въ *Филоктетѣ* и особенно часто у Еврипида, за что и подвергнулся онъ многимъ нареканіямъ со стороны критиковъ. Введеніе божества на сцену обусловливалось необходимостію дать надлежащую развязку запутанному драматическому дѣйствію. Когда борьба страстей въ драмѣ дѣлалась слишкомъ горячею, и когда дѣйствіе черезъ то слишкомъ запутывалось, такъ-что авторъ наконецъ терялъ всякую возможность распутать его обычнымъ путемъ собственными силами, и привесть драму къ желанному концу либо рѣшительною побѣдою одной какой-либо стороны, либо миромъ враждующихъ сторонъ: тогда, при помощи машинъ на театрѣ, являлось божество, возвѣщало волю высшихъ судебъ, или же просто своимъ авторитетомъ примиряло страсти, возстановляло миръ и законный порядокъ, и оканчивало драму. Еврипидъ вызвалъ Солнцеву колесницу не для того, чтобы примирить какое-нибудь нравственное столкновеніе, непримиримое по человѣческимъ понятіямъ, но просто для того, чтобы, сообразно съ мыслію Медеи, окончить драму; ему нужно было спасти ее отъ заслуженнаго ею наказанія за свои злодѣянія, чтобы, черезъ это спасеніе изъ рукъ Язона или оскорбленныхъ родственниковъ погибшаго царя и его дочери, возбудить въ душѣ перваго гораздо больше мученій; и такъ-какъ никакими обыкновенными путями невозможно было спасти ее, то Еврипидъ употребилъ сверхъестественное явленіе колесницы. Если смотрѣть на это явленіе съ точки нравственной, то въ немъ лежитъ даже нѣкоторая насмѣшка надъ божествомъ, которое вызывается поэтомъ для того, чтобы оказать покровительство преступленію, избавить преступницу отъ наказанія: не явись колесница, Медея была бы схвачена и наказана, какъ и достойна была за свои злодѣянія. Но такой взглядъ мы считаемъ не вполнѣ справедливымъ, и думаемъ, что въ этомъ мѣстѣ нельзя принимать его во всей цѣлости и примѣнять его въ трагедіи безъ всякой оговорки. Не слѣдуетъ забывать, что Солнце послало для спасенія не Медеи преступницы, но Медеи своей родственницы. Эти-то родственныя отношенія и прикрываютъ нѣкоторымъ образомъ безнравственность самаго пособія, хотя и не оправдываютъ его».

Примѣч. — *Характеристика Медеи.* Слова Тихоновича: «Вся трагедія есть одно изъ самыхъ лучшихъ произведеній не только Еврипида, но и всѣхъ древнихъ трагическихъ писателей. Единство трагедіи выдержано самымъ неукоризненнымъ образомъ. Медея, почти съ самаго начала до конца драмы, не сходитъ со сцены; она составляетъ то средоточіе, вокругъ котораго движется все дѣйствіе, ту точку, къ которой направлены и устремлены всѣ пружины трагическаго. Планъ и самое развитіе его выполнены съ удивительною простотою; дѣйствіе начинается и оканчивается въ одинъ день; оно развивается постепенно, шагъ за шагомъ, явленіе за явленіемъ; авторъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ искусственнымъ и натянутымъ средствамъ,

чтобы довести его до конца; послѣдующее явленіе обусловливается предыдущимъ, какъ послѣдствіе своею причиною; даже Солнцева колесница вытекаетъ изъ необходимости закончить драму такъ, а не иначе. Почти съ начала до конца трагедіи Медея проникнута одною мыслію, воодушевлена одною страстію — мщеніемъ своимъ врагамъ, которое возникло и развилось подъ вліяніемъ ревности и ненависти; въ жертву этой страсти приносится ею самое святое чувство — материнская любовь къ дѣтямъ; развитіе страсти, отъ самыхъ бѣшеныхъ порывовъ жгучаго своею новостію горя до холоднаго кроваваго замысла, выполнено вѣрно, сообразно съ природою и характеромъ Медеи. Подъ вліяніемъ этой страсти все остальное забыто ею; для нея какъ бы не существуетъ весь міръ; она поглощена одною мыслію; она вся, если позволено такъ выразиться, обратилась въ одну страсть, энергическую и страшную; всѣ ея помыслы и чувства, вся ея душа проникнуты ею; всѣ ея стремленія, желанія, вся ея дѣятельность направлены къ тому, чтобы достигнуть одной цѣли — мести. Уже съ перваго дѣйствія въ трагедіи, когда еще Медея не показывается на сценѣ, читатель и зритель могутъ догадываться, что эта неукротимая душа, способная, ради любви, къ огромнымъ, даже преступнымъ пожертвованіямъ, можетъ быть столько-же способна къ неукротимой и безпощадной мести, которой ничто не остановитъ, что она не побоится никакихъ преградъ, не отступитъ ни предъ какими жертвами, и что, напротивъ, преграды и препятствія еще болѣе раздражатъ ее, еще сильнѣе возбудятъ ея порывы, которые рано или поздно приведутъ ее къ желанной цѣли.

«Медея — тяжкая преступница: но она вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжная мать и любящая супруга. Еслибы Медея была выведена на сцену только какъ убійца своихъ дѣтей, дѣйствующая подъ вліяніемъ только ревности и мщенія: то она произвела бы содраганіе въ зрителяхъ и читателяхъ, возбудила бы ужасъ своимъ страшнымъ преступленіемъ, отвращеніе къ своимъ противоестественнымъ дѣйствіямъ; на нее смотрѣли бы, какъ на чудовище между людьми; она не могла бы возбудить ни въ зрителѣ, ни въ читателѣ сочувствія и состраданія. Но какъ супруга, пламенно любящая мужа, и особенно какъ мать, нѣжно, страстно любящая дѣтей, она въ высокой степени возбуждаетъ нашу симпатію. Положеніе ея, какъ супруги, отвергнутой своимъ мужемъ, и притомъ несправедливо, безъ всякой со стороны ея причины, по однимъ только эгоистическимъ разсчетамъ Язона, привлекаетъ къ ней сочувствіе зрителей и читателей уже съ самаго начала. Эта симпатія еще болѣе усиливается, когда мы узнаемъ, что она всѣмъ пожертвовала для своего мужа: родиною, родными, семейными узами, что она была ему вѣрная помощница въ тяжкія для него годины, была спасительницею для него, и что теперь, когда для него она порвала всѣ связи родства, любви и благорасположеніе со всѣмъ міромъ, что теперь, когда замѣну всего этого она видѣла въ одномъ Язонѣ, онъ покидаетъ ее на чужой сторонѣ — безродную, одинокую, безпомощную, что, покидая, онъ не выражаетъ къ ней ни чувства сожалѣнія, ни ласковаго слова, ни привѣтливаго утѣшенія, что постыдный свой поступокъ онъ прикрываетъ эгоистическимъ благоразуміемъ, что не только покидаетъ ее, но и нисколько не заботится о томъ, чтобы устроить ей убѣжище, или предохранить ее отъ изгнанія. Зритель и читатель содрагаются отъ ея замысла, а между-тѣмъ сердце того и другаго остается на сторонѣ преступницы Медеи всякій разъ, когда она встрѣчается съ мужемъ и съ его будущимъ тестемъ. Какими жалкими и презрѣнными эгоистами, робкими и трусливыми личностями кажутся они оба передъ Медеею, передъ ея

неумолимою ироніею, предъ ея умомъ, предъ ея смѣлостію и энергіею, когда она, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, оскорбленная супруга, униженная мать, разрушаетъ всѣ ихъ замыслы и торжествуетъ надъ ними! Читатель и зритель не могутъ не содрагаться при видѣ неудержимой силы этого женскаго характера, который не щадитъ самыхъ святыхъ и глубокихъ привязанностей, лишь-бы только достигнуть своей цѣли; но вмѣстѣ съ тѣмъ они не могутъ не сочувствовать смѣлости ея замысловъ, искусству и твердости, съ какими она достигаетъ своей цѣли. Положеніе Медеи, какъ матери, вызываетъ не меньшую симпатію у зрителей и читателей. Медея, мы сказали, — тяжкая преступница: но она — любящая мать; она губитъ своихъ дѣтей но она любитъ ихъ страстно и нѣжно. Дорого ей стоило принудить себя погубить ихъ: не смотря на неутолимую жажду мести, которою она проникнута, не смотря на ея стремленіе отмстить своему мужу самымъ чувствительнымъ образомъ, она содрагается при мысли объ убійствѣ своихъ дѣтей, хотя и убѣждена въ томъ, что оно-то и будетъ самымъ чувствительнымъ мщеніемъ для Язона. Мы знаемъ изъ предыдущаго, что для Медеи убійство не новость: она знакома и съ волненіемъ убійцы, и съ страхами и призраками убійства; она убивала и не разъ, и притомъ близкихъ себѣ людей: слѣдовательно, если такая личность, рѣшаясь на убійство своихъ дѣтей, сама содрагается передъ нимъ; если она, привычная къ убійству, не можетъ сразу и спокойно совершить его, какъ сразу и спокойно совершаетъ убійство царевны; если въ послѣднія минуты предъ убіеніемъ она колеблется, то оставляетъ свои намѣренія, то снова принимаетъ ихъ; если одинъ взглядъ на дѣтей, одна улыбка ихъ почти-что разрушаютъ ея стремленія: то не показываетъ ли все это, что Медея — глубоко любящая дѣтей своихъ мать? И стоитъ только припомнить тотъ монологъ, въ которомъ она какъ-бы прощается съ дѣтьми: какою глубокою нѣжностію и материнскою любовію дышетъ каждая строчка его, каждое слово, обращенное ею къ дѣтямъ! Сколько материнской горести и сердечной боли въ словахъ: «о дѣти, дѣти! у васъ теперь есть и родина и домъ».

«Даже изъ любви къ нимъ она и убиваетъ ихъ: по-крайней-мѣрѣ она сама обманываетъ себя этимъ софизмомъ. Она сама, среди страшной борьбы двухъ чувствъ — материнской нѣжности и мести, какъ-бы силясь заглушить крикомъ вопль природы, восклицаетъ: «нѣтъ, клянусь мстящими адскими богами, никогда не бывать тому, чтобы я сама отдала моихъ дѣтей на поруганіе моимъ врагамъ! Умереть имъ непремѣнно нужно»! И потомъ, сколько любви въ послѣднихъ словахъ Медеи къ дѣтямъ, когда она, пересиливъ свое колебаніе, поборовъ материнскую нѣжность, окончательно рѣшилась умертвить ихъ, и прощается съ ними: «подайте, дѣти, подайте правыя руки матери, пусть она поцѣлуетъ ихъ. О дорогія руки! О милыя уста! О видъ и благородное лице дѣтей! будьте счастливы, но не здѣсь, а тамъ! Здѣшнее счастіе отнялъ у васъ вашъ отецъ. О сладкія объятія! о нѣжный цвѣтъ юности! о сладкое дыханіе»! и проч. Вотъ эта-та любовь къ дѣтямъ и заставляетъ зрителя и читателя забыть на время, что Медея — страшная, тяжкая преступница. Въ этой страшной преступницѣ мы все-таки видимъ женщину; женственность ея не угасла, не изсякла среди преступныхъ замысловъ: она увлечена только страстію; она пересилена только жаждою мщенія, вызваннаго и развитаго неправдами мужа относительно ея. И нельзя не подивиться искусству Еврипида, съ какимъ онъ, изображая Медею въ борьбѣ съ противодѣйствующими страстями, умѣлъ избѣжать слишкомъ яркихъ красокъ, или слишкомъ мрачныхъ тѣней, умѣлъ сохранить надлежащую мѣру и не

переступить границъ, за которыми естественное исчезаетъ, а начинается натянутое, напыщенное и реторическое.

«Вообще Еврипидъ замѣчателенъ для насъ и въ томъ отношеніи, что онъ въ Греческой драмѣ пошелъ далѣе своихъ предшественниковъ и современниковъ, что онъ оставилъ тотъ путь, котораго держались современные и предшествовавшіе ему трагики, и проложилъ себѣ новый. Онъ хорошо понималъ, что, если будетъ идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, то ему не удастся превзойти такихъ великихъ художниковъ, каковы были Эсхилъ и Софоклъ; что, держась легендарныхъ преданій, онъ вынужденъ будетъ либо повторять то, что создано уже тѣмъ и другимъ, либо обратиться къ натяжкамъ, реторическимъ украшеніямъ и всякаго рода преувеличеніямъ. Миѳическій циклъ, доставлявшій содержаніе Греческимъ трагедіямъ, былъ исчерпанъ предшествовавшими и современными ему трагиками; въ рукахъ поэтовъ художниковъ онъ подвергся разностороннимъ переработкамъ, прибавить къ которымъ что-нибудь новое едва ли было возможно; характеры и положенія дѣйствующихъ лицъ были уже опредѣлены отчасти эпическими, отчасти драматическими поэтами. Понимая все это, Еврипидъ не пошелъ по ихъ слѣдамъ: удержавъ форму драмы, расположеніе и внѣшнія ея условія, онъ далъ ей другое направленіе; онъ перенесъ ее изъ миѳическаго міра въ міръ существенный, въ міръ людей, или, говоря точнѣе: миѳическое въ немъ осталось, но только выражало уже не миѳическую старину, но современное Еврипиду, или общечеловѣческое. То, что составляло душу каждой саги, отчасти чудесное, отчасти судьба, отошло у него на второй планъ, сдѣлалось не главнымъ, но второстепеннымъ и случайнымъ; на первый планъ выступилъ у него человѣкъ съ своею самостоятельною волею; и потому его дѣйствія составляютъ основу и содержаніе Еврипидовой драмы. Правда, онъ бралъ лица для своихъ трагедій изъ легендарнаго періода; но въ нихъ выражалъ уже не традиціонный характеръ, но характеръ либо современнаго человѣка съ его страстями, желаніями, помыслами и взглядами, либо человѣка вообще по его природѣ, по его добрымъ и дурнымъ сторонамъ. Драматическія его лица носятъ еще имена стариннаго миѳическаго и легендарнаго періода; но это уже не тѣ люди, что дѣйствовали въ Эсхиловыхъ трагедіяхъ; дѣянія ихъ не суть дѣянія тѣхъ героевъ и личностей, о которыхъ говоритъ сага; это современныя Еврипиду, или общечеловѣческія лица съ миѳическими и легендарными именами; это — страсти, современныя поэту или общія всему человѣчеству, только подъ оболочкою старины; это мнѣнія и взгляды современнаго ему міра, только вложенныя въ уста не современнаго по имени человѣка. Дѣйствія Еврипидовыхъ драмъ совершаются въ мѣстахъ, освященныхъ миѳомъ, и переносятся во времена давно минувшія; но они не принадлежатъ тому отдаленному міру: для него они были бы чужды и совершенно непонятны. Древніе называли Еврипида философомъ и самымъ трагическимъ поэтомъ (*Τραγικώτατος*). То и другое названіе даетъ чрезвычайно вѣрное понятіе объ немъ. Онъ стремился изобразить въ своихъ драмахъ человѣка такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ съ своими недостатками и достоинствами; перенося изъ міра нечеловѣческаго въ человѣческій, онъ старался изобразить жизнь человѣка и разнообразныя ея явленія такъ, какъ они дѣйствительно совершались въ ней, а не какъ они могли, или должны были быть; выводя на сцену дѣйствующія лица, онъ не идеализировалъ ихъ, а ставилъ только въ такое положеніе, въ которомъ наиболѣе было трагическаго, игры страстей, волненій и борьбы. Такова его и Медея. Въ драмѣ, Медея является не тѣмъ существомъ страшнымъ и нечеловѣческимъ, какимъ передаетъ ее

намъ миѳъ: это не волшебница и чародѣйка злая, безчувственная и необузданная; напротивъ, это любящая, и потому ревнующая супруга; это нѣжная и страстная мать; это гордая и пылкая женщина, совершающая преступленіе не по ремеслу, но по увлеченію и по силѣ обстоятельствъ, оскорбленная и униженная, страдающая и измученная своимъ горемъ. О чарахъ ея въ трагедіи упоминается только намекомъ; о прежнихъ ея злодѣяніяхъ разсказываетъ Еврипидъ только для того, чтобы уяснить ея характеръ сильный и необузданный, готовый пожертвовать всѣмъ для достиженія своихъ цѣлей, чтобы сдѣлать болѣе понятными для зрителя и читателя ея права на любовь Язона и причины ея ненависти къ нему; прежней Медеи, созданной народною вѣрою, нѣтъ въ Еврипидовой драмѣ; объ ней только напоминаетъ имя, мѣсто дѣйствія и лица, окружающія ее; но дѣйствуетъ иная Медея, созданная чисто Еврипидомъ. Назовите ее другимъ именемъ, а не Медеею, — все равно: трагедія оттого ничего не потеряетъ; впечатлѣніе ея останется тоже самое; мы будемъ видѣть предъ собой типъ женщины любящей, гордой, пылкой и неукротимо-мстительной, которая, подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, дѣлается именно такою личностію, какая выведена въ драмѣ: любящею матерью и дѣтоубійцею, любящею супругою и страшно мстящею мужу за свою, попранную имъ, горячую къ нему любовь».

ГЕКУБА [1].

Эта піэса начинается прологомъ. Тѣнь Полидора, сына Пріамова, разсказываетъ зрителямъ все, что должно случиться. Этотъ Полидоръ былъ ввѣренъ Пріамомъ Фракійскому царю Полимнестру, который приказалъ умертвить его. Греки, на возвратномъ пути изъ-подъ Трои, пристаютъ къ берегамъ Фракіи. Съ ними Гекуба и Поликсена. Тѣнь Ахилла требуетъ, чтобъ Греки принесли ему на жертву бывшую его невѣсту, безъ чего они не выйдутъ изъ Фракіи. Первые три акта Гекубы составили славу Еврипида. Сцена, въ которой Улиссъ приходитъ къ Гекубѣ, чтобъ вести Поликсену на смерть, можетъ служить образцомъ драматической поэзіи. Вотъ буквальный переводъ этой сцены [2]:

Лаертовъ сынъ! ужели ты забылъ
Тотъ день, когда ты былъ переодѣтый
Въ стѣнахъ могущественной Трои? Вспомни!...
Какъ ты у ногъ моихъ, страшася смерти,
Молилъ о жалости, о состраданьи,
Какъ блѣдный и трепещущій, — колѣна
Ты обнималъ мои!... Я неотвергла

---

[1]) Поставлена на сцену 421 г. до Р. Х. — Гекуба, жена Троянскаго царя Пріама, мать Гектора. См. 1 выпускъ нашей Христоматіи. Стр. 378.

[2]) Надобно вспомнить, что во время осады Трои, Улиссъ прокрался въ городъ переодѣтый. Елена узнала его и объявила о томъ Гекубѣ. Ей стоило сказать слово и Улиссъ бы погибъ, но Гекуба смолчала.

Твоихъ моленій; я тебя спасла,
И жизнію своей ты мнѣ обязанъ!
Ужели же теперь, Улиссъ, ты будешь
Неблагодаренъ и жестокъ? Ужели
За жизнь свою ты смерть назначишь?
Безчеловѣчный! Для чего? За что
Вы Поликсену умертвить хотите?
Ахиллъ вашъ жертвы требуетъ себѣ?
Отдайте же ему свою Елену,
Виновницу всѣхъ бѣдъ Троянъ и Грековъ;
Пусть кровь ея на вѣки примиритъ
И побѣдителей и побѣжденныхъ!
Улиссъ! ужель вотще я умоляю?
Я жизнь тебѣ дала, отдай мнѣ дочь!
Ты умолялъ меня, и я молю!
Ты руку мнѣ слезами орошалъ;
Смотри, какъ предъ тобой я горько плачу!
Ты обнималъ тогда мои колѣна...
Вотъ я у ногъ твоихъ! Отдай мнѣ дочь!
Не спрашивай ея невинной крови...
Она одна осталась мнѣ теперь
Отечествомъ, семействомъ, утѣшеньемъ...
Не отнимай ее, въ ней жизнь моя!
Вы побѣдители... Но развѣ должно
Убійствами вашъ подвигъ увѣнчать?
И въ постоянствѣ счастья и побѣды
Изъ смертныхъ кто увѣренъ можетъ быть?
Я — горестный тебѣ примѣръ!
Давно ль семействомъ
И радовалась и гордилась я?
И все прошло, исчезло! я въ плѣну,
Нѣтъ царства, нѣтъ друзей и нѣтъ дѣтей!
О! сжалься, мудрый сынъ Лаерта; ты
Между царями силенъ краснорѣчьемъ...
Скажи имъ, убѣди ихъ, пристыди,
Что низко и безбожно поражать
Дѣтей и женъ! Что боги никогда
Не требуютъ невинной крови въ жертву!
Что, даровавъ побѣды Грекамъ, боги
Довольны будутъ милосердіемъ ихъ!
Что плѣнныхъ умерщвлять — постыдно, низко!...
Улиссъ! склонись, спаси! Тебя я буду
Любить какъ брата, какъ отца, какъ бога!

Улиссъ отвѣчаетъ, что онъ не забылъ милостей Гекубы, но что въ эту минуту онъ не Улиссъ, а возвѣститель воли всѣхъ царей, которой онъ перемѣнить не властенъ; и что, если Гекуба плачетъ о погибели своихъ дѣтей, то сколько матерей Греціи оплакиваетъ подобныя же потери; что Ахиллъ первый герой, которому они не могутъ отказать въ требуемой жертвѣ. При этомъ Еврипидъ хвалитъ обычаи Грековъ, уважающихъ память своихъ великихъ людей, тогда какъ въ варварскихъ земляхъ имя героевъ погибаетъ вмѣстѣ съ ихъ жизнію. Гекуба, видя, что просьбы ея безполезны, велитъ самой Поликсенѣ умолять его, но отвѣтъ ея гордъ и величественъ:

Я вижу, ты боишься, сынъ Лаерта,
Чтобъ я тебя мольбой не утомила;
Ты взоръ потупилъ свой, чело скрываешь,
И жалобамъ конецъ спокойно ждешь.
О! не страшись! до слезъ я не унижусь
И покорюся силѣ и судьбѣ.
И мнѣ ли сожалѣть еще о жизни?
Отецъ мой былъ царемъ, я утѣшеньемъ
И радостію матери была...
Герой меня любилъ, и я была
Невѣстою Ахилла... Все, чѣмъ счастье
Льстить можетъ на землѣ, я все имѣла,
И лишь въ безсмертіи одномъ могла
Завидовать богамъ... Но все исчезло,
И я теперь въ уничиженьи... О! это слово
Достаточно, чтобъ все возненавидѣть!
Чего мнѣ ждать? Чтобъ мнѣ цѣною злата
Судьба дала другаго властелина,
Чтобъ Гектора сестра въ работѣ тяжкой
Окончила страданій вѣкъ?
Нѣтъ! лучше смерть, чѣмъ стыдъ и униженье!
Невинна и чиста сойду въ Айдесъ!
Что значитъ жизнь тому, кто потерялъ
И счастье, и надежду?
Улиссъ! я за тобой иду... О мать!
Не останавливай меня, и дай мнѣ
Безъ униженья умереть... Мы все
На свѣтѣ потеряли, сохранимъ же
Наслѣдіе и брата и отца,
Пусть жизнь возьмутъ, намъ остается честь!

ГЕКУБА.

Дочь! мужество твое теперь ужасно!...
Мы только умолять должны и плакать...

О Греки! вы въ жестокости своей
Несправедливы и ослѣплены...
Вы смерть Ахилла отомстить хотите?...
Его Парисъ убилъ, *мой* сынъ... Такъ я
Одна должна принесена быть въ жертву...
Ведите на гробницу вы меня,
И кровь мою пролейте...

УЛИССЪ.

Не тебя,
Но Поликсену требуетъ Ахиллъ!

ГЕКУБА.

Такъ умертвите насъ обѣихъ, только
Не разлучайте такъ жестоко насъ!

УЛИССЪ.

Мы рады васъ обѣихъ пощадить
Когда бы гласъ боговъ не назвалъ жертвы.

ГЕКУБА.

Но развѣ дочь могу я пережить?

УЛИССЪ.

Мы то свершимъ, что повелѣли боги...

ПОЛИКСЕНА.

О, мать моя! что наши всѣ слова!
Противиться мы развѣ можемъ силѣ!
Ужель намъ ждать, чтобы людей толпа
И полъ нашъ оскорбила, и лѣта?
Нѣтъ! волѣ рока обѣ предадимся...
Прижми меня послѣдній разъ въ объятья!
Позволь колѣна мнѣ твои обнять!
Дай руку мнѣ свою поцѣловать...
Благослови меня въ часъ грозной смерти!
Живи, страдай! я счастливѣй тебя!

ГЕКУБА.

Отъ всѣхъ дѣтей мнѣ дочь одна осталась,
И ту злодѣи умертвить хотятъ!
Что станется со мной, чего мнѣ ждать?

ПОЛИКСЕНА.

Чтожъ отъ тебя сказать отцу и брату?

ГЕКУБА.

Скажи имъ, что моихъ страданій мѣру
Рокъ переполнилъ!...

ПОЛИКСЕНА.

Тамъ тебя мы встрѣтимъ!
Улиссъ! подай мнѣ жертвенный покровъ...
Онъ отъ меня скорбь матери сокроетъ...
Я умереть готова, но не въ силахъ
Перенести ея мученій, слезъ...

Поликсена уходитъ, и жертвоприношеніе совершается. Разсказъ объ немъ у Еврипида описанъ самымъ поэтическимъ образомъ. Тальтибій разсказываетъ его Гекубѣ:

Всѣ собрались для жертвы, всѣ столпились...
Двѣнадцать юношей въ одеждахъ бѣлыхъ
За Поликсеной вслѣдъ шли къ алтарю...
Вдругъ Пирръ явился и схвативъ ее
Привлекъ къ Ахилловой гробницѣ; тамъ,
Взявъ жертвенную золотую чашу,
Надъ гробомъ возліянье совершилъ.
«Отецъ мой! громко онъ воззвалъ къ Ахиллу,
Изъ царства темнаго тѣней внемли мнѣ!
Вотъ возліянье, вотъ дары тебѣ,
Которые умершимъ такъ пріятны!
А вотъ и жертва чистая у гроба!
Кровь дѣвственная въ честь твою прольется,
Чтобы смягчить и преклонить тебя!
Будь милостивъ, родитель и герой,
Къ Ахеянамъ, соотчичамъ твоимъ!...
Храни ихъ корабли отъ бурь и скалъ,
Дай имъ попутный вѣтръ къ брегамъ отчизны
И возврати къ роднымъ Пенатамъ ихъ»!
Тутъ всѣ единодушно возгласили
И повторили Пиррово воззванье.
Межъ тѣмъ онъ мечъ схватилъ и, указавъ
На Поликсену, влечь ее велѣлъ...
«Постойте, Греки! вдругъ она вскричала,
Не прикасайтеся ко мнѣ!.. Свободной

Я умереть хочу... Дочь царей,
Я не хочу, чтобъ чья-нибудь рука
Меня унизила и осквернила...
Подъ жертвенный мечъ Пирра, я сама
И шею протяну и грудь подставлю...
Не смерти я боюсь, а униженья;
Я умереть хочу, не бывъ невольницей!...»
Въ толпѣ раздался шумъ, всѣ съ удивленьемъ,
Съ восторгомъ мужество и твердость хвалятъ...
Самъ царь царей — Агамемнонъ рѣшилъ,
Чтобы исполнить волю Поликсены...
Всѣ отступили, и она сама
Подставила подъ мечъ кровавый Пирра грудь...
«Рази, Ахилла сынъ! она сказала,
Я жду удара, и не трепещу!»
Пирръ смотритъ и колеблется; въ рукахъ
Дрожитъ ужасный мечъ; онъ въ сердцѣ жалость
Къ несчастной чувствуетъ... Вдругъ тѣнь Ахилла
Невидимо въ немъ ярость возбудила...
Онъ поднялъ руку, въ сердце мечъ направилъ...
Вонзилъ его, и кровь струей горячей
Далеко брызнула и оросила
Ахиллову гробницу... Поликсена упала,
Тихо застонавъ....

Примѣч.—Озеровъ сюжетъ своей трагедіи «Поликсена» заимствовалъ изъ этой трагедіи Еврипида.

Темы: Покажите трагическое въ «Гекубѣ» Еврипида. — Составьте характеристику Гекубы и Поликсены. — Обряды, соблюдаемые при жертвоприношеніяхъ.

ТРАГЕДІИ ШЕКСПИРА.

Біографія Шекспира. — Вилліамъ Шекспиръ (1564—1616), геній драматическій, одинъ изъ величайшихъ поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ, родился въ Стратфордѣ на Авонѣ (въ графствѣ Варвикъ). Отецъ его — перчаточникъ... Существовавшая въ Страдфордѣ вольная Итальянская школа дала возможность молодому Шекспиру изучить начатки классическихъ языковъ. Рядъ несчастій рано постигъ поэта. Съ 1578 года благосостояніе отца его начало приходить въ упадокъ, и молодой Шекспиръ, рано былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ. Другаго рода несчастіе поразило семейство Шекспира, когда одинъ изъ его родственниковъ былъ казненъ въ 1583 году. Са-

тирическая баллада, написанная поэтомъ на нѣкоего сэра Томаса Люси, гордившагося своимъ происхожденіемъ, навлекла на него преслѣдованія послѣдняго и Шекспиръ бѣжалъ изъ Стратфорда въ Лондонъ, въ 1586 — 7 году. Здѣсь онъ ведетъ разгульную жизнь и поступаетъ въ трушу странствующихъ актеровъ. «Это былъ, по словамъ Гервинуса, шагъ, на который въ тогдашнее время могъ рѣшиться только тотъ, кто чувствовалъ себя духовно крѣпкимъ и стоящимъ выше предразсудковъ, даже выше общихъ человѣческихъ убѣжденій.» Въ намѣреніи сдѣлаться актеромъ утвердило Шекспира то, что цѣлый рядъ актеровъ, Гринъ, Гемингъ, Слей, Тулей, Бурбеджъ и сынъ его, Ричардъ, родственный Шекспиру геній, будущихъ его товарищей, былъ родомъ изъ Варвикскаго графства. Успѣхъ поэта — рѣшителенъ и быстръ. Уже въ 1589 году онъ является ближайшимъ участникомъ и членомъ того общества актеровъ, въ которое онъ вступилъ. «Вотъ почему, замѣчаетъ Гервинусъ, никто не вѣритъ преданію, будто онъ нѣкоторое время стерегъ лошадей знатныхъ посѣтителей Блакфрейерскаго театра.» Драматическая поэзія Англичанъ до Шекспира представляла печальное зрѣлище. Гервинусъ пишетъ: «Все, что мы находимъ въ Англіи по части драматическаго искусства до Шекспира, похоже на нѣмой указатель пути къ неизвѣстному мѣсту, пути, который ведетъ тропинкою, обросшей густымъ кустарникомъ, среди романтическаго запустѣнія, такъ что мы предчувствуемъ прелесть мѣстоположенія, но еще не наслаждаемся имъ». Прежде на Англійской сценѣ давались мистеріи и *морали* (драмы нравоучительныя), затѣмъ явились попытки подражать древнимъ, и наконецъ Англичане имѣли собственныхъ даровитыхъ драматическихъ поэтовъ: Пиля, Марлова [1]) и Грина. Эти послѣдніе драматурги писали въ «кровавомъ родѣ», разсказывали ужасы и разныя причудливыя выходки про своихъ героевъ. Истиннаго понятія объ искусствѣ они не имѣли. Надо сказать правду, Шекспиръ учился и у нихъ, чему можно было поучиться; подобно пчелѣ, онъ выбиралъ капли меда, находящіяся въ произведеніяхъ своихъ современниковъ. «Отдѣльныя качества, пишетъ Гервинусъ, которыми обладали его современники порознь, онъ соединялъ въ себѣ и въ должной мѣрѣ, и въ надлежащей гармоніи: въ хаотическую массу драматическихъ произведеній онъ первый провелъ ту электрическую искру, которая была въ состояніи связать разъединенные элементы. Отъ всѣхъ, современныхъ ему поэтовъ, онъ могъ научиться только тому, какъ не слѣдуетъ поступать въ творчествѣ». Что всего ближе и всего непосредственнѣе дѣйствовало на драматическое искусство Шекспира — было цвѣтущее состояніе сценическаго искусства. Такъ одинъ Ричардъ Бурбеджъ, геніальный актеръ своего времени, одинъ Ричардъ Бурбеджъ могъ научить Шекспира гораздо лучшему, чѣмъ десять Марловъ. Театры въ Англіи XVI вѣка все развивались и развивались. Въ 1578 году уже существовало восемь отдѣльныхъ театровъ внутри и внѣ Лондонскаго Сити. Въ 1600 году число театральныхъ зданій возвеличилось до одиннадцати. При Іаковѣ I вновь построенныхъ и возобновленныхъ театровъ считалось семнадцать,—число, котораго, по замѣчанію Гервинуса, не имѣетъ и нынѣшній Лондонъ, вшестеро большій тогдашняго. Графъ Лейчестеръ, лордъ-казначей, былъ покровителемъ театральнаго искусства. Королева Елисавета въ 1583 году въ *первый* разъ приняла на свою службу двѣнадцать королевскихъ актеровъ. Сцена процвѣтала, не смотря на притѣсненія со стороны Пуританъ, могущественныхъ властей и полиціи, не смотря даже на загрубѣлые предразсудки. Общество, въ которое вступилъ Шекспиръ по при-

[1]) См. статью въ Р. Словѣ 1859 г., № 2 и 3.

бытіи въ Лондонъ, было и въ то время, и осталось послѣ, самымъ лучшимъ и самымъ значительнымъ. Это были служители лорда-казначея, графа Лейчестера, которые съ 1589 года получили званіе актеровъ королевы. Бурбеджъ былъ во главѣ этого общества. Ему и Шекспиру принадлежала сцена; Р. Бурбеджъ владѣлъ недвижимою собственностію въ 1,000 фунтовъ, а Шекспира — были гардеробъ и сценическая утварь, цѣною въ 500 фунтовъ. Въ 1608 году графъ Соутгемптонъ называетъ уже Бурбеджа и Шекспира «весьма знаменитыми» украшеніями театра. Когда умеръ Бурбеджъ, — умеръ онъ въ одно время съ королевой Анною, супругой короля Іакова — то о смерти его въ Лондонѣ горевали болѣе, чѣмъ о смерти королевы. Искусство Бурбеджа, по выраженію Гервинуса, окрыляло геній Шекспира. Бурбеджъ игралъ Гамлета, Ричарда III, Шейлока, принца Генриха и короля Генриха V, Ромео, Брута, Отелло, Лира, Макбета, Перикла и Коріолана. «Пока онъ оставался на сценѣ, онъ такою магическою силою приковывалъ къ себѣ взоры и слухъ зрителей, что никто не рѣшался ни заговорить съ сосѣдомъ, ни оглянуться въ сторону.» Такой геніальный актеръ, дѣйствительно, могъ содѣйствовать развитію драматическаго генія Шекспира. Поэтъ обработалъ «Перикла» только для того, чтобы дать случай другу своему Бурбеджу изобразить въ теченіи нѣсколькихъ часовъ жизнь, исполненную потрясеній, въ различныхъ степеняхъ возраста. Про самого Шекспира, какъ актера, разсказываютъ различно. Одни относятъ его къ числу отличныхъ, другіе — къ числу средственныхъ. Достовѣрно извѣстно то, что онъ игралъ тѣнь Гамлетова отца, и эта роль была верхомъ его искусства. — Первыя драматическія попытки Шекспира: «Титъ Андроникъ» и «Периклъ», «Генрихъ VI», «Комедія Ошибокъ» и «Укрощеніе Строптивой». Драматическая слава Шекспира годъ отъ году все увеличивалась и увеличивалась. Королева Елисавета пожелала лично знать поэта, неоднократно приглашала его въ свое общество и нерѣдко помогала ему совѣтами. Король Іаковъ I то же покровительствовалъ Шекспиру. Поэтъ умеръ, окруженный блескомъ счастія.

Изчисленіе трагедій и комедій Шекспира. — Изъ всѣхъ многочисленныхъ драматическихъ произведеній Шекспира нѣтъ ни одного подражанія, а однѣ только оригинальныя драмы. Вотъ порядокъ его драмъ, какъ онѣ означены у Малта: «король Генрихъ V» и «Два Веронца» 1591 г.; «король Ричардъ II» и «король Ричардъ III» въ 1593 г.; «Усиліе въ любви понапрасну», «Венеціанскій Купецъ», «Сонъ на Иванову ночь» 1594; «Укрощеніе Строптивой», «Ромео и Юлія», «король Іоаннъ» 1596; «первая часть Генриха IV» въ 1597; «вторая часть Генриха IV», «Какъ Вамъ угодно», «король Генрихъ V» въ 1599; «Много шуму изъ Пустяковъ», «Гамлетъ» [1]) и «Виндзорскія Кумушки» 1601; «Троилъ» и «Крессида» 1602; «Мѣра за Мѣру» и «король Генрихъ» 1603; «Отелло» или «Венеціанскій Мавръ» 1604; «Король Лиръ» 1605; «Все хорошо, что хорошо кончится» и «Макбетъ» 1606; «Юлій Цезарь» и «Чего Изволите» 1607; «Антоній и Клеопатра» 1608; «Цимбеллинъ» 1609; «Коріоланъ» 1610; «Зимнія Сказки» и «Буря» 1611 г.

Драмы Шекспира могутъ быть раздѣлены на два разряда: *историческія*, относящіяся къ одной извѣстной эпохѣ и *общечеловѣческія*. Историческія, по содержанію своему, касаются событій, Греческой *(Троилъ и Крессида, Тимонъ)*, Римской *(Коріоланъ, Цезарь, Антоній и Клеопатра, Титъ Андроникъ)*, и Англійской исторіи. Шекспиръ, какъ поэтъ народный, преимущественно любилъ изображать минувшую жизнь національную, родную. Слова Линни-

[1]) Другіе относятъ *Гамлета* къ 1603 и 1604 г.

ченко: «Десять драмъ изъ Англійской исторіи представляютъ одно цѣлое и могутъ быть разсматриваемы какъ отдѣльныя пѣсни одной дивной драмы — эпопеи. Восемь изъ нихъ *(Ричардъ II,* двѣ части *Генриха IV, Генрихъ V,* три части *Генриха VI* и *Ричардъ III*) содержатъ непрерывный рядъ событій и полную поэтитескую картину столѣтней Англійской борьбы, извѣстной подъ именемъ войнъ бѣлой и алой розы; а двѣ: *Король Іоаннъ* и *Генрихъ VIII* служатъ какъ бы введеніемъ (прологомъ) и заключеніемъ (эпилогомъ) къ прочимъ». Мальборо, одинъ изъ замѣчательныхъ людей Англіи говоритъ: «Изъ всей Англійской исторіи я знаю только то, что читалъ въ Шекспирѣ». Вѣнецъ Шекспировской поэзіи составляютъ пять драмъ, въ которыхъ природа человѣческая представляется съ общихъ точекъ зрѣнія, это: *Ромео и Юлія, Гамлетъ, Отелло, Король Лиръ* и *Макбетъ.*

Характеръ его трагедій.—Вообще о значеніи Шекспировой трагедіи Гервинусъ говоритъ такъ: «Значеніе Шекспира далеко еще не исчерпывается простымъ признаніемъ его поэтическаго величія. Какъ часто, напримѣръ, называли его сочиненія свѣтскою библіею; Джонсонъ говорилъ, что изъ его изображеній даже отшельникъ можетъ научиться оцѣнять мірскія дѣла; какъ часто было повторяемо, что весь міръ, все человѣчество отражаются въ его сочиненіяхъ, какъ въ зеркалѣ. И все это не преувеличенныя выраженія, а разумныя, на твердыхъ основаніяхъ опирающіяся, сужденія. Въ его творческихъ произведеніяхъ человѣчество отражается не въ однихъ только существенныхъ поэтическихъ характерахъ, какъ это было въ драматическихъ произведеніяхъ древности, но въ самыхъ выразительныхъ индивидуальныхъ очертаніяхъ. Онъ далъ намъ возможность взглянуть во всѣ состоянія внутренней духовной жизни отдѣльныхъ лицъ, въ бытъ всѣхъ сословій и состояній, во всѣ роды семейной и частной жизни, во всѣ видоизмѣненія жизни общественной, публичной, исторической. Онъ вводитъ насъ въ бытъ Римской аристократіи, республики и монархіи, въ миѳическій героическій міръ Галльскихъ и Британскихъ туземцевъ, въ сказочный, исполненный приключеній, міръ романтическаго средневѣковаго рыцарства, наконецъ въ ближайшую къ намъ область отечественной своей исторіи среднихъ и новѣйшихъ временъ. Надъ всѣми этими эпохами, надъ всѣми этими разнообразными отношеніями, поэтъ нашъ высится такимъ превосходствомъ воззрѣнія и пониманія, и стоя выше предубѣжденій и духа партій, выше народа и времени, постоянно выказываетъ такое здравомысліе и вѣрность сужденій въ дѣлахъ искусства, нравовъ, политики и религіи, что кажется, будто онъ принадлежитъ гораздо позднѣйшему, болѣе зрѣлому вѣку. Въ изображеніи общечеловѣческихъ и чисто индивидуальныхъ состояній внѣшней и внутренней жизни, онъ выказываетъ такую мудрость и такое знаніе человѣческаго сердца, что въ этомъ отношеніи онъ становится въ глазахъ нашихъ неопровержимымъ авторитетомъ, учителемъ. Онъ почерпнулъ свой нравственный взглядъ на жизнь изъ такого изобилія наблюденій надъ внѣшнимъ міромъ и просвѣтилъ его въ горнилѣ такой богатой внутренней жизни, что его предпочтительно предъ всѣми другими писателями, съ полнымъ довѣріемъ можно избрать въ руководители на жизненномъ пути». (Перев. Тимофеева. Шекспиръ. *Гервинуса.* Вып. 1, стр. 15—16).

Слова Карлейля: «Шекспиръ есть самое высокое, что мы — Англичане произвели. Если-бы насъ спросили: хотите вы, Англичане, уступить *ваши* Индѣйскія владѣнія или *вашего* Шекспира? мы бы отвѣчали: «съ Индѣйскими ли владѣніями, или безъ нихъ, но безъ Шекспира мы не можемъ обойтись. Индѣйскія владѣнія, во всякомъ случаѣ, когда-нибудь отойдутъ отъ насъ; но

этотъ Шекспиръ никогда не отойдетъ отъ насъ, онъ всегда останется съ нами. Нѣтъ, мы не отдадимъ нашего Шекспира»!

Слова Карамзина: «Авторъ сей жилъ въ Англіи во время королевы Елисаветы, и былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ духовъ, коими славятся вѣки. Сочиненія его суть сочиненія драматическія. Время, сей могучій истребитель всего того, что подъ солнцемъ находится, не могло еще доселѣ затмить изящности и величія Шекспировыхъ твореній. Вся почти Англія согласна въ хвалѣ приписываемой мужу сему. Пусть спросятъ упражнявшагося въ чтеніи Англичанина: каковъ Шекспиръ? безъ всякаго сомнѣнія будетъ онъ отвѣтствовать: Шекспиръ великъ! Шекспиръ неподражаемъ! Всѣ лучшіе Англійскіе писатели, послѣ Шекспира жившіе, съ великимъ тщаніемъ вникали въ красоты его произведеній. Мильтонъ, Юнгъ, Томсонъ и прочіе прославившіеся творцы пользовались многими его мыслями, различно ихъ украшая. Немногіе изъ писателей столь глубоко проникли въ человѣческое естество, какъ Шекспиръ; немногіе столь хорошо знали всѣ тайнѣйшія человѣка пружины, сокровеннѣйшія его побужденія, отличительность каждой страсти, каждаго темперамента и каждаго рода жизни, какъ удивительный сей Живописецъ. Всѣ великолѣпныя картины его непосредственно природѣ подражаютъ; всѣ оттѣнки картинъ сихъ въ изумленіе приводятъ внимательнаго разсматривателя. Каждая степень людей, каждый возрастъ, каждая страсть, каждый характеръ говоритъ у него собственнымъ своимъ языкомъ. Для каждой мысли находитъ онъ образъ, для каждаго ощущенія выраженіе, для каждаго движенія души наилучшій оборотъ. Живописаніе его сильно, и краски его блистательны, когда хочетъ онъ явить сіяніе добродѣтели; кисть его весьма льстива, когда изображаетъ онъ кроткое волненіе нѣжнѣйшихъ страстей: но самая же сія кисть гигантскою представляется, когда описываетъ жестокое волнованіе души.

«Но и сей великій мужъ, подобно многимъ, не освобожденъ отъ колкихъ укоризнъ нѣкоторыхъ худыхъ критиковъ своихъ. Знаменитый Софистъ, Вольтеръ, силился доказать, что Шекспиръ былъ весьма средственный авторъ, исполненный многихъ и великихъ недостатковъ. Онъ говорилъ: «Шекспиръ писалъ безъ правилъ; творенія его суть и трагедіи и комедіи вмѣстѣ, или траги-коми-лири-пастушьи фарсы безъ плана, безъ связи въ сценахъ, безъ единствъ; непріятная смѣсь высокаго и низкаго, трогательнаго и смѣшнаго, истинной и ложной остроты, забавнаго и безсмысленнаго; онѣ исполнены такихъ мыслей, которыя достойны мудреца, и притомъ такого вздора, который только шута достоинъ; онѣ исполнены такихъ картинъ, которыя принесли бы честь самому Гомеру, и такихъ каррикатуръ, которыхъ бы и самъ Скарронъ устыдился».—Излишнимъ почитаю теперь опровергать пространно мнѣнія сіи, уменьшеніе славы Шекспировой въ предметѣ имѣвшія. Скажу только, что всѣ тѣ, которые старались унизить достоинства его, не могли противъ воли своей не сказать, что въ немъ *много и превосходнаго.* Человѣкъ самолюбивъ; онъ страшится хвалить другихъ людей, дабы, по мнѣнію его, самому симъ не унизиться. Вольтеръ лучшими мѣстами въ трагедіяхъ своихъ обязанъ Шекспиру; но не взирая на сіе, сравнивалъ его съ шутомъ и поставлялъ ниже Скаррона. Изъ сего бы можно было вывести весьма оскорбительное для памяти Вольтеровой слѣдствіе; но я удерживаюсь отъ сего, вспомня, что человѣка сего нѣтъ уже въ мірѣ.

«Что Шекспиръ не держался правилъ театральныхъ, правда. Истинною причиною сему, думаю, было пылкое его воображеніе, не могшее покориться никакимъ предписаніямъ. Духъ его парилъ яко орелъ, и не могъ паренія

своего измѣрять тою мѣрою, которою измѣряютъ полетъ свой воробьи. Не хотѣлъ онъ соблюдать такъ называемыхъ *единствъ* [1]), которыхъ нынѣшніе наши драматическіе авторы такъ крѣпко придерживаются; не хотѣлъ полагать тѣсныхъ предѣловъ воображенію своему: онъ смотрѣлъ только на натуру, не заботясь впрочемъ ни о чемъ. Извѣстно было ему, что мысль человѣческая можетъ перелетать отъ запада къ востоку, отъ конца области Монголовой къ предѣламъ Англіи. Геній его, подобно генію натуры, обнималъ взоромъ своимъ и солнце и атомы, съ равнымъ искусствомъ изображалъ онъ и героя и шута, умнаго и безумца, Брута и башмашника. Драмы его подобно неизмѣримому театру натуры, исполнены многоразличія: все же вмѣстѣ составляетъ цѣлое, не требующее исправленія отъ нынѣшнихъ *театральныхъ* писателей.» (Предисловіе къ Юлію Цезарю, трагедіи Вилліама Шекспира. М. 1787.).

Шекспиръ такую славу заслужилъ очень поздно. Въ XVIII вѣкѣ еще глумились надъ величіемъ геніальнаго драматурга такіе знаменитые люди, какъ Вольтеръ и Фридрихъ Великій. Летурнеръ издавалъ свой переводъ трагедій Шекспира на Франц. языкъ, а Вольтеръ писалъ: «Читали-ль вы его гнусную чепуху? Кровь кипитъ въ моихъ старыхъ жилахъ, когда я говорю о немъ. Къ довершенію бѣдствія и срама первый о Шекспирѣ началъ говорить я... Первый я показалъ Французамъ кой-какія жемчужины, найденныя мною въ его навозной кучѣ. Шекспиръ — варварскій гаеръ, пьяница». (Московскій Телеграфъ 1831. Ч. 38, стр. 127).

Фридрихъ Великій, воспитанный по Франц. образцамъ, такъ говоритъ о Шекспирѣ: «Вы увидите въ Германіи, какъ на сценѣ даютъ гнусныя (abominables) драмы Шекспира, переведенныя на нашъ языкъ, и какъ вся публика замираетъ отъ удовольствія, слушая эти нелѣпые фарсы, достойные Канадскихъ дикарей». (Библ. д. Чт. 1857, № 4, стр. 189).

Первый, кто оцѣнилъ должнымъ образомъ геній Шекспира, былъ Германскій знаменитый критикъ Лессингъ [2]). Оригинальный творческій умъ Гердера указывалъ на Шекспира, какъ на высочайшій образецъ въ драматическомъ искусствѣ. Затѣмъ Виландъ, Эшенбургъ и Шлегель своими переводами драмъ Шекспира утвердили величіе Англійскаго поэта окончательно. Между Англійскими писателями, объяснявшими Шекспира, замѣчательны: Колліеръ, Кольриджъ, Галламъ и г-жа Джемисонъ.

Изданія Шекспира. — Начиная съ *Рове* и *Попе* (1709 — 1723) до нашего столѣтія, почти черезъ каждые десять лѣтъ, являлось новое полное изданіе сочиненій Шекспира на Англ. языкѣ, съ поправками и примѣчаніями. Таковы были изданія *Теобальда, Ганмера, Варбутнота, Джонсона, Стивенса, Мэлона, Босвелля-младшаго* [3]), *Рида* и др. — *Сочиненія и статьи о Шекспирѣ: Lessing's:* Hamburgische Dramaturgie. Hamburg. 1767.— Мысли *Гете* о Шекспирѣ. Москов. Наблюдатель 1835. Кн. 5.—*Ulrici:* Ueber Shakespeare's dramatische Kunst und sein Verhältniss zu Kalderon und Göthe. Halle. 1839. *Его же:* Shakespeare's dramatische Kunst. 1847.—*Gerwinus:* Shakespeare. 1849. Существуетъ и второе изданіе. Сочиненіе Гервинуса состоитъ изъ четырехъ томовъ. *Томъ первый:* Предисловіе. Введеніе. Шек-

---

[1]) Т. е. единства мѣста, единства времени и единства дѣйствія. Соблюденія этихъ трехъ единствъ требовала ложно-классическая трагедія. См. Словарь Остолопова. Ч. I, стр. 271 и д.

[2]) См. брошюру Чернышевскаго: Лессингъ, его время и жизнь.

[3]) Онъ въ 1821 году издалъ Шекспира въ 21 части по матеріаламъ, собраннымъ Мелономъ.

спиръ въ Стратфордѣ. Описательныя поэмы Шекспира. Шекспиръ въ Лондонѣ и на сценѣ. Драматическая поэзія до Шекспира. Сцена. Первыя драматическія попытки Шекспира. Титъ Андроникъ и Периклъ. Генрихъ VI. Комедія Ошибокъ. Укрощеніе Строптивой. Второй періодъ драматической поэзіи Шекспира. Эротическія піэсы. Два Веронца. Напрасныя усилія любви. Все хорошо, что хорошо кончилось. Сонъ въ Лѣтнюю Ночь. *Томъ второй*: Ромео и Джульетта. Венеціянскій Купецъ. Историческія піэсы. Ричардъ III. Ричардъ II. Генрихъ IV, часть первая. Генрихъ IV, часть вторая. Генрихъ V. Виндзорскія Кумушки. Король Іоаннъ. Генрихъ VIII. Сонеты Шекспира. *Томъ третій*. Третій періодъ драматической поэзіи Шекспира. Какъ вамъ угодно. Много шуму изъ пустого. Двѣнадцатая Ночь. Мѣра за мѣру. Отелло. Гамлетъ. Макбетъ. Король Лиръ. Цимбеллинъ. *Томъ четвертый*. Предисловіе. Троилъ и Крессида. Юлій Цезарь. Антоній и Клеопатра. Коріоланъ. Тимонъ Аѳинскій. Буря. Зимняя Сказка. Общая характеристика Шекспира. Его чувство изящнаго. Его такъ называемая неправильность. Его художественный идеалъ. Вѣкъ Шекспира. Нравственный духъ въ его сочиненіяхъ. Роды и виды драматическаго искусства у Шекспира. Основныя черты его нравственнаго воззрѣнія на жизнь. Этотъ классическій трудъ о Шекспирѣ переводитъ на Р. языкъ *К. А. Тимофеевъ*. До сихъ поръ вышло три выпуска, а всѣхъ предполагается двадцать.—Новѣйшее сочиненіе о Шекспирѣ, вышедшее въ 1863 году: Shakspeare in seiner Wirklichkeit, von *Flathe*. — *Collier's*. History of English Dramatic Poetry. 1831.—*Mrs Jameson's:* Charakteristics of Women. 1832.—*Coledrige's*: Literary Remains. Wol. 2. 1836.—*Hallam's:* Literature of the sisteenth, sixteenth, and seventeenth Centuries. Vol. 2 und 3. 1839. — Шекспиръ. *Гизо*. Пантеонъ 1854, № 9 и 10. — Гамлетъ, принцъ Датскій, пер. *Полеваго*. Соч. Бѣлинскаго. Ч. 2, стр. 287. Изъ «Москов. Наблюдат». 1838.—Гамлетъ, драма Шекспира и Мочаловъ въ ролѣ Гамлета. Соч. Бѣлинскаго. Ч. 2, стр. 473. Изъ «Москов. Наблюд.» 1838. — Шекспиръ. Соврем. 1839, № 1. Статья представляетъ сводъ мнѣній о Шекспирѣ, высказанныхъ Попе, Шлегелемъ и Джонсономъ. — Шекспиръ. Обзоръ главнѣйшихъ мнѣній о Шекспирѣ, высказанныхъ Европейскими писателями въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. От. Зап. 1840. Т. XII. Здѣсь указано на труды о Шекспирѣ разныхъ Англійскихъ, Германскихъ и Франц. писателей: Кольриджа, Галлама, г-жи Джемисонъ, Дрека, Колліера, Дайса, Босвелля, Лессинга, Гердера, Тика, Горна, Ульрици, — Лѣтурнёра, Поля Дюпора, г-жи Сталь, Вильмена, Гизо и другихъ.—Четыре драмы Шекспира. Журн. М. Н. Пр. Ч. XXX. — Шекспиръ, какъ человѣкъ и лирикъ. *Боткина*. Тамъ же. Ч. XXXVI. — Шекспиръ и его критики. Тамъ же. Ч. XLVII. — Шекспиръ на сценѣ и въ чтеніи. Т. же. Ч. LXXVIII.—Женщины, созданныя Шекспиромъ (Юлія и Офелія). *Боткина*. Отеч. Зап. 1841, № 6. — Король Лиръ, Ромео и Юлія, Венеціянскій купецъ, объясненныя въ отношеніи къ драматическому искусству *Рётшеромъ*. Отеч. Зап. 1843. Т. XXVI, стр. 36 «Германская литература». Рётшеръ написалъ два классическихъ сочиненія о драмѣ: «Cyclus dramatischen Charaktere» и «Die Kunst der dramatischen Darstellung». — Гамлетъ. Отеч. Зап. 1850, № 4 «Театральная хроника», стр. 271. — Сочиненія о Шекспирѣ и театръ въ Англіи до Шекспира. Соврем. 1853, № 11. — Шекспиръ. *Карлейля*. Соврем. 1856, № 2.—Шекспиръ въ трагедіи его «Юлій Цезарь». *Новикова*. Ж. М. Нар. Пр. 1857, № 9, 10 и 11. — Критико-эстетическіе очерки: *К. А. Тимофеева*. Гамлетъ, принцъ Датскій. Спб. 1862. — *Переводы Шекспира*: Имя Шекспира у насъ стало извѣстно со временъ Сумарокова (1718 — 1777) и Императрицы Екатерины II. Первый написалъ трагедію въ 5 дѣйствіяхъ «Гамлетъ». Спб. 1748. Но тутъ и тѣни нѣтъ Шекспировскаго Гамлета.—У Екатерины II есть комедія: «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье. Вольное, но слабое переложеніе изъ Шакеспира». Спб. 1772.—Жизнь и Смерть Ричарда III, короля Англійскаго, въ 5 д.; соч. Шек-

спира; пер. съ Франц. Спб. 1787. — Юлій Цезарь; соч. Шекспира; пер. прозою *Н. М. Карамзина.* М. 1787. Это — *первый*, настоящій переводъ Шекспира. Переводу предшествуетъ предисловіе, гдѣ находится прекрасная характеристика Шекспира, какъ поэта и разборъ его трагедіи «Юлій Цезарь». Отрывокъ изъ предисловія Карамзина напечатанъ выше.—Леаръ, въ 5 д.; изъ соч. Шекспира; пер. съ Франц. *Николай Гнѣдичъ.* Спб. 1808. — Гамлетъ, въ 5 д., подражаніе Шекспиру, съ стихахъ; соч. *Степана Висковатова.* Спб. 1811.—Гамлетъ. *Вронченки.* 1828.— Король Лиръ. *Якимова.* 1833. — Венеціанскій Купецъ. *Павлова.* 1837. — Гамлетъ. *Н. Полеваго.* 1837.—Цимбеллинъ. Барона *Корфа.* Соврем. 1839, № 2.—Отеч. Зап. 1839, № 4. — Пантеонъ 1840, № 9.—Ромео и Юлія. *М. Каткова.* С. Отеч. 1839, № 1. — Москов. Наблюд. 1839, № 1. — *Росковшенко.* Библ. д. Чт. 1839, № 4. — Пантеонъ. 1841, ч. 1. — Гамлетъ. *Строева.* Моск. Наблюд. 1839, № 3. — Отелло. *Студитскаго.* М. Наблюд. 1839, № 4.—Буря. Пантеонъ. 1840, № 3.—Двѣнадцатая Ночь. *А. И. Кронеберга.* От. Зап. 1841. Т. XVII.—Много Шуму изъ Ничего. *Кронеберга.* Соврем. Т. VII. — Троилъ и Крессида. Пантеонъ 1844.—Гамлетъ. *Кронеберга.* 1844. — Сонъ въ Иванову Ночь. *Сатина.* Соврем. Т. XXIX. — Шекспиръ въ переводѣ Кетчера. Переведено нѣсколько трагедій и комедій. Критич. статьи объ этомъ переводѣ въ Ж. М. Н. Просв. Ч. XXXII и XXXVI. Новое изданіе перевода Кетчера принадлежитъ Солдатенкову. М. 1860—63. — Цимбеллинъ. *Даниловскаго.* Библ. д. Чт. 1850. — Король Лиръ. *Дружинина.* Соврем. 1856, № XII. Изданъ въ 1858 г. отдѣльно. — Антоній и Клеопатра. *Фета.* Р. Слово 1859, № 2.— Шейлокъ. *Ап. Григорьева.* — Отелло. *П. В. Вейнберга.* — Макбетъ. *Ѳ. Устрялова.* Спб. 1862. Существуетъ еще Макбетъ въ переводѣ Вронченки, Кронеберга и Лихонина. Вронченки переводъ и Кронеберга изданъ отдѣльно, Лихонина въ Москвитянинѣ. 1853.—Шейлокъ. Григорьева. 1862.—Юлій Цезарь. *Фета.*—Ромео и Джульетта. *Грекова.* — Ричардъ III. *Дружинина.* Соврем. 1862.

ГАМЛЕТЪ.

СЦЕНА II.

(Зала совѣта во дворцѣ короля).

(По срединѣ двойной тронъ на возвышеніи, справа, одною ступенью ниже трона кресло, слѣва, двумя ступенями ниже, столъ государственнаго секретаря, по бокамъ отъ трона, мѣста совѣтниковъ, устроенныя подковой).

Входятъ Король, Королева, Гамлетъ, Полоній, Государственный Секретарь, Совѣтники, Лаэртъ, Вольтимандъ и Корнелій. Король и королева садятся на тронъ, совѣтники на свои мѣста (Полоній на первое мѣсто у трона, возлѣ Государственнаго Секретаря), Гамлетъ сначала становится у кресла, но по знаку короля садится. Лаэртъ, Вольтимандъ и Корнелій стоятъ на авансценѣ справа.

КОРОЛЬ.

Воспоминаніе о смерти короля
Великаго Гамлета, дорогаго
Намъ брата, такъ еще свѣжо во всѣхъ,

Что кажется приличнѣе бы было,
Намъ пребывать въ печали, и всему
Владѣнью нашему, носить одежду скорби,
Но.... власть разсудка, побѣдила въ насъ
Порывы сердца, сдѣлалися тише
Призывы той печали, и теперь,
Все думая еще о немъ — себя
Мы болѣе уже не забываемъ....
И вотъ — съ неполной радостію въ сердцѣ,
Смѣшавъ улыбку съ горькими слезами,
Веселость съ горестью, и брачные напѣвы
Съ печальнымъ звукомъ пѣсенъ похоронныхъ,
И равную назначивъ долю плачу
И радости веселой, мы избрали
Себѣ въ супруги ту, кто прежде намъ сестрою
Была, и возвели ее опять,
Совмѣстно съ нами на престолъ могучій
Воинственнаго королевства этого. Въ семъ дѣлѣ,
Мы поступали въ силу тѣхъ совѣтовъ,
Которые свободно были даны,
Намъ вашей мудростью. Примите благодарность
Отъ насъ за это. Перейдемъ теперь
Къ затѣямъ молодаго Фортинбраса....
Онъ, кажется, насъ слишкомъ низко цѣнитъ
И думаетъ, что смерть возлюбленнаго брата,
Разстроила всѣ силы государства
И вызвала анархію и смуты....
Прельщаемый обманчивой надеждой,
Онъ требуетъ отъ насъ упорно возвращенья
Земель, добытыхъ нашимъ храбрымъ братомъ.
Вотъ все, про что мы вамъ сказать хотѣли.
Теперь мы обращаемся къ предмету
Собранья созваннаго нами. Вотъ въ чемъ дѣло.

(Беретъ у Государственнаго Секретаря свитокъ).

Здѣсь находящимся письмомъ, мы извѣщаемъ
Норвежскаго владыку, Фортинбраса,
Роднаго дядю, о намѣреньи безумца.
Старикъ и дряхлъ и хилъ, и не встаетъ съ постели.
Онъ врядъ ли знаетъ козни Фортинбраса.
Въ письмѣ, его мы просимъ, удержать
Намѣренья племянника, тѣмъ болѣй,
Что всѣ военные наборы, Фортинбрасъ

Въ его же государствѣ производитъ.
Мы поручаемъ вамъ, Корнелій, Вольтимандъ
(Корнелій и Вольтимандъ приближаются къ трону и преклоняютъ колѣни).
Везти привѣтъ Норвежскому Монарху...
Считаемъ нужнымъ, данную вамъ власть
Въ переговорахъ съ королемъ, наказомъ
Здѣсь прилагаемымъ, немного ограничить.
(Отдаетъ имъ свитки).
Спѣшите же, и быстрымъ исполненьемъ
Къ намъ покажите вы усердіе и рвенье.

КОРНЕЛІЙ И ВОЛЬТИМАНДЪ.

(Принявъ свитки встаютъ).
И здѣсь какъ и всегда исполнимъ неуклонно
Долгъ послушанія великому монарху.

КОРОЛЬ.

Не сомнѣваюсь въ этомъ. До свиданья!
(Вольтимандъ и Корнелій уходятъ).
Теперь, Лаэртъ, мы рѣчь съ тобою поведемъ.
(Лаэртъ подходитъ къ трону).
Мы слышали, ты просьбу къ намъ имѣешь?
Какую же, Лаэртъ нашъ дорогой?
Я твердо убѣжденъ, что просьба эта вѣрно
И разсудительна, и значитъ исполнима.
А къ Датскому монарху никогда,
Съ разумной просьбой, даромъ ты не обратишься...
Чего ты можешь Лаэртъ пожелать
Чегобъ мы, прежде просьбъ, тебѣ не предложили?
Разсудокъ съ сердцемъ, и уста съ руками
Не такъ близки, какъ Даніи престолъ
Съ твоимъ отцомъ. Чего же ты желаешь?

ЛАЭРТЪ.

Великій государь! Прошу я позволенья
Во Францію мнѣ снова возвратиться,
Я въ Данію спѣшилъ къ коронованью,
Но долгъ пріятный сей исполнивъ, — признаюся
Я мыслями и сердцемъ всѣмъ стремлюся
Опять во Францію, и короля прошу
Позволить мнѣ, проститься съ нимъ.

КОРОЛЬ.

Прекрасно!
Но... на отъѣздъ согласенъ ли Полоній?

ПОЛОНІЙ *(вставая съ мѣста).*

Онъ, государь, мнѣ просьбами своими
Такъ надоѣлъ, что я ужъ такъ и быть
Согласенъ. Пусть его! я больше не перечу!
И вмѣстѣ съ нимъ, прошу васъ всеусердно,
Во Францію его скорѣе отпустить.

КОРОЛЬ.

Ты можешь ѣхать хоть сейчасъ. Свободу
Мы полную тебѣ даемъ располагать
Собой и временемъ своимъ.
Теперь къ тебѣ
Мы обращаемся, Гамлетъ, нашъ братъ и сынъ.

ГАМЛЕТЪ *(вставая, въ сторону).*

Родство опредѣлилъ ты не совсѣмъ-то вѣрно!

КОРОЛЬ.

Ужели облака задумчивой печали
Не перестали омрачать твой духъ?

ГАМЛЕТЪ.

Какъ можно, государь... вѣдь я такъ близко къ солнцу!

КОРОЛЕВА.

Мой Гамлетъ дорогой, оставь одежду скорби,
И взоръ пріязни кинь на короля!
Зачѣмъ глаза свои ты вѣчно клонишь долу,
Какъ будто на землѣ, ты ищешь все слѣдовъ
Великаго отца? Ты знаешь, что судьбою
Всему живущему назначенъ здѣсь конецъ,
Что здѣшній міръ, есть только переходъ
Къ другому, лучшему. Таковъ удѣлъ всеобщій.

ГАМЛЕТЪ.

Да, государыня, таковъ удѣлъ всеобщій!

КОРОЛЕВА.

А если это такъ, зачѣмъ же одному
Тебѣ, удѣлъ тотъ кажется такъ страненъ?

ГАМЛЕТЪ.

Мнѣ кажется? О нѣтъ! повѣрьте, королева,
Дѣйствительно онъ страненъ! для меня
Не существуетъ *кажущихся* мыслей.
О матушка! Ни этотъ черный плащъ,
Ни эта пышная ливрея скорби
Оффиціальной и торжественно холодной,
Ни слезъ обиліе, ни вздохи, ни лицо,
Печалью искаженное до нельзя
Нѣтъ! ни одинъ изъ тѣхъ наружныхъ знаковъ
Которыми рисуется страданье,
Не могутъ выразить всей горести моей,
Всѣ эти знаки, могутъ быть притворствомъ,
Все это — роль, которую съиграть,
Совсѣмъ не трудно, это оболочка!...
Но у меня, вотъ *здѣсь* (*кладетъ руку на сердце*)
Шевелится все *что-то*,
Чего вамъ знаками, во вѣкъ не передать!

КОРОЛЬ.

Мы можемъ лишь хвалить, мой добрый Гамлетъ,
Твою сыновнюю привязанность и скорбь;
Но вспомни только, что въ былое время
И твой отецъ, отца утратилъ. Въ свой чередъ
Его отецъ оплакивалъ потерю,
Родителя. Я знаю, для живущихъ скорбь
О тѣхъ, кто умеръ, — долгъ всегда священный,
Обязанность любви сыновней. Но всегда,
Упорствовать въ печали — это слишкомъ!
Подобное упорство оскорбляетъ
Святыя небеса. Такая горесть,
Есть малодушіе, и противъ воли неба,
Безбожное и злое возмущенье.
То доказательство души безсильной
И неразвитаго разсудка. Смерть,
Есть неизбѣжный всѣхъ удѣлъ, она
Такъ часто повторяется на свѣтѣ,
Что стала дѣломъ, чисто обыденнымъ!

Такъ можно ли въ безбожной скорби нашей,
Ее такъ близко къ сердцу принимать?
Стыдись, Гамлетъ, ты оскорбляешь небо!
Ты оскорбляешь мертвыхъ и природу,
Въ которой смерть — законъ, которая съ тѣхъ поръ,
Какъ первый человѣкъ скончался на землѣ,
И до послѣдняго, умершаго сегодня,
Не прекращала намъ свое вѣщанье,
Такъ должно быть! Прошу тебя, Гамлетъ,
Отбрось безплодную печаль и въ насъ найди,
Отца втораго. Что-жъ до насъ, то мы
Хотимъ, чтобъ знали всѣ, что ты ближайшій трону,
Что всю любовь, которую отецъ,
Питать лишь можетъ къ сыну дорогому,
Питаемъ мы къ тебѣ. А что до твоего
Намѣренія, снова возвратиться
Къ занятіямъ, въ далекій Виттенбергъ....
Противно это нашему желанью,
И молимъ мы тебя остаться вмѣстѣ съ нами,
Быть радостью для царственныхъ очей,
Главой двора и нашимъ дорогимъ
Племянникомъ и сыномъ.

КОРОЛЕВА.

Милый Гамлетъ!
Неужели тщетна матери мольба,
Останется? Молю тебя останься
И въ Виттенбергъ отъ насъ не уѣзжай!

ГАМЛЕТЪ.

Я повинуюсь и всегда я буду
Во всемъ повиноваться вамъ.

КОРОЛЬ.

Прекрасно!
Вотъ это по сердцу отвѣтъ, останься съ нами,
И въ Даніи вторымъ будь королемъ!
(Встаетъ и подаетъ руку королевѣ).
Пойдемте королева. Гамлетъ насъ
Порадовалъ сегодня несказанно,
Своею добровольною уступкой.
Чтобы достойно день сей завершить

Монарху Даніи, сегодня каждый кубокъ,
Который выпьетъ онъ, пусть будетъ возвѣщенъ
Землѣ и небу громомъ сотни пушекъ,
Пусть небо повторитъ раскатъ земныхъ громовъ,
И разнесетъ ихъ далеко!... Пойдемте!

(Всѣ, исключая Гамлета, уходятъ).

ГАМЛЕТЪ *(одинъ)*.

О еслибъ плоть моя, столь крѣпкая, могла
Растаять и росою распуститься!...
О еслибы Предвѣчный запрещенья
Не положилъ противъ самоубійства!
О Боже, Боже! Какъ безцвѣтны и ничтожны,
Какъ пусты кажутся мнѣ жизни наслажденья!
Какъ жалокъ этотъ свѣтъ! Заглохшій, старый, садъ,
Въ которомъ сорныя однѣ растутъ лишь травы!
Возможно ли, чтобъ до того дошло?..
Два мѣсяца всего, какъ умеръ онъ, — да что я!
И двухъ-то нѣтъ еще! Такой монархъ великій,
Который былъ въ сравненьи съ настоящимъ,
Гиперіонъ, передъ сатиромъ козлоногимъ...
Такъ полонъ нѣжности къ своей супругѣ!...
Онъ вѣтру запрещалъ въ лицо ей дуть нескромно...
Земля и небо! Ахъ, зачѣмъ я помню!
Она ему была такъ предана,
Ея любовь, казалось намъ, росла
Со счастіемъ любви [1]).
И чтожъ? Едва прошелъ лишь мѣсяцъ... Полно!
Не будемъ вспоминать! Непрочность!
Твое названье — *женщина* [2]). Лишь мѣсяцъ!
Еще не износились башмаки,
Въ которыхъ шла она вслѣдъ за отцовскимъ гробомъ
Въ слезахъ, какъ будто бы какая Ніобія!...
И эта женщина... О Небо! Звѣрь безъ смысла
Не такъ бы скоро горе позабылъ!
Она же — за мужемъ! за дядей, братомъ
Умершаго, но на него похожимъ
На столько же, какъ я на Геркулеса!
Чрезъ мѣсяцъ! вѣдь еще засохнуть не успѣли
Въ ея глазахъ наплаканныхъ, слѣды

---

[1]) Эти три стиха напечатаны нами по переводу Кронеберга.

[2]) *О женщины! Ничтожество — вамъ имя.* Перев. Полеваго.

Слезъ заказныхъ, а ужъ она вѣнчалась!
Преступная поспѣшность!....
Не хорошо! не будетъ тутъ пути....
Разбейся сердце! Должно мнѣ умолкнуть!
(Входятъ Гораціо, Бернардо и Марцелло).

ГОРАЦІО.

Принцъ, мой нижайшій вамъ поклонъ.

ГАМЛЕТЪ.

А, ба!
Вотъ неожиданность! Обрадовалъ меня
Ты другъ! Вѣдь я не ошибаюсь
И ты Гораціо?

ГОРАЦІО.

Такъ точно, принцъ,
Гораціо, и въ то же время вашъ
Слуга усердный на всю жизнь...

ГАМЛЕТЪ.

Гораціо!
Ты хочешь *другъ* сказать. Съ тобой слуги названьемъ,
Я помѣняюсь... Но скажи на милость,
Зачѣмъ же ты оставилъ Виттенбергъ?
(Къ Марцелло).
Марцелло?

МАРЦЕЛЛО.

Принцъ...

ГАМЛЕТЪ.

Я радъ тебя здѣсь видѣть
Здорово!
(Къ Горацію).
Но скажи ты мнѣ по правдѣ,
Зачѣмъ же ты оставилъ Виттенбергъ?

ГОРАЦІО.

Лѣнь одолѣла, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Фи! что ты! я не вѣрю!
Врагу бы твоему и то я бъ не позволилъ

Подобную причину привести;
И ты меня, повѣрь мнѣ, не заставишь
Такъ быстро мнѣніе мое перемѣнить
На счетъ тебя. Ты не лѣнивъ, я знаю;
Но кой же чортъ [1]) тебя принесъ къ намъ въ Эльсиноръ?
Мы пьянствовать тебя пожалуй здѣсь научимъ!

ГОРАЦІО.

На погребенье вашего отца я торопился.

ГАМЛЕТЪ.

Старый мой товарищъ!
Прошу, не насмѣхайся такъ жестоко!..
На свадьбу матери ты вѣрно поспѣшалъ...

ГОРАЦІО.

Одно другимъ смѣнилось очень скоро...

ГАМЛЕТЪ.

Тутъ, видишь, былъ разсчетъ, хозяйственный разсчетъ.
Отъ похоронъ остались припасы,
Такъ ихъ на брачный пиръ скорѣй употребили,
Чтобъ не испортились!.. Мнѣ легче бъ было видѣть,
Что злѣйшій врагъ мой въ рай попалъ, чѣмъ этотъ
Ужасный день спокойно пережить.
Отецъ мой! Кажется его теперь я вижу...

ГОРАЦІО.

Гдѣ принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Въ глазахъ моей души!

ГОРАЦІО.

И я его видалъ, онъ былъ монархъ великій.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ *человѣкъ* былъ, и такого человѣка
Ужъ болѣе не будетъ на землѣ!

---

[1]) У Кронеберга: *Что жъ привело тебя къ намъ въ Эльсиноръ?*

ГОРАЦІО.

Принцъ... кажется его сегодня ночью
Я видѣлъ...

ГАМЛЕТЪ.

Видѣлъ ты? Кого?...

ГОРАЦІО.

Покойнаго Гамлета короля.

ГАМЛЕТЪ.

Ты видѣлъ
Покойнаго отца? Когда и гдѣ?

ГОРАЦІО.

Прошу васъ, принцъ, немного успокойтесь
И выслушайте мой разсказъ правдивый,
Свидѣтели здѣсь, на лицо!

ГАМЛЕТЪ.

Во имя неба
Скорѣе говори, я слушаю тебя!

ГОРАЦІО.

Двѣ ночи сряду, въ тишинѣ и мракѣ,
Когда они, Марцелло и Бернардо,
Стояли часовыми, вотъ какой
Съ обоими былъ случай несказанный.
Являлось имъ видѣніе, лицомъ
Похожее на вашего отца, въ бронѣ,
Въ доспѣхахъ бранныхъ. Мимо ихъ видѣнье
Прошло спокойно величавымъ шагомъ...
Три раза это повторялось, и такъ близко
Видѣнье приходило, что отъ нихъ
Не болѣе длины его жезла
То было разстоянье. Но они,
Испуганные, говорить съ видѣньемъ
Не смѣли. Странный случай этотъ
Они мнѣ сообщали съ содроганьемъ
И требуя ненарушимой тайны.
На слѣдующій день отправился я съ ними

На стражу. Будто бы слова ихъ подтверждая,
Въ назначенное время тѣнь явилась,
И именно въ описанномъ мнѣ видѣ.
Въ ней я узналъ тотчасъ покойнаго монарха;
И двѣ руки мои не больше походили,
Между собой, какъ тѣнь на короля!

ГАМЛЕТЪ.

Но гдѣ жъ случилось это?

МАРЦЕЛЛО.

На террасѣ,
Гдѣ мы стоимъ на стражѣ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И съ нимъ
Вы говорили?

ГОРАЦІО.

Говорили, принцъ.
Но онъ не отвѣчалъ. Одну минуту
Онъ кажется мнѣ голову поднялъ
И, какъ казалось, говорить хотѣлъ;
Но въ это время закричалъ пѣтухъ,
И, слыша возгласъ, тѣнь поспѣшно скрылась.

ГАМЛЕТЪ.

Да! это странно!

ГОРАЦІО.

Принцъ, я клятву
Готовъ вамъ дать, что нашъ разсказъ правдивъ!
И мы сочли обязанностью вамъ
Все сообщить.

ГАМЛЕТЪ.

Да! странно! очень странно!
Тутъ вѣрно не спроста... Сегодня вы на стражѣ?

ВСѢ.

Да, государь!

ГАМЛЕТЪ.

Онъ былъ вооруженъ?

ВСѢ.

Да, государь, въ доспѣхахъ.

ГАМЛЕТЪ.

Въ полныхъ?

ВСѢ.

Да!

ГАМЛЕТЪ.

Вы видѣли лицо?

ГОРАЦІО.

Да, государь, забрало
Открыто было.

ГАМЛЕТЪ.

Что же, грозенъ
Онъ былъ на видъ?

ГОРАЦІО.

О нѣтъ, скорѣе грустенъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что, блѣдно иль красно, лицо его казалось?

ГОРАЦІО.

О, очень блѣдно!

ГАМЛЕТЪ.

И его глаза
На васъ устремлены въ то время были?

ГОРАЦІО.

На насъ.

ГАМЛЕТЪ.

О какъ бы я хотѣлъ быть съ вами!

ГОРАЦІО.

Вы бъ удивились.

ГАМЛЕТЪ.

О навѣрное! И долго
Онъ оставался съ вами?

ГОРАЦІО.

Да небольше,
Какъ надо времени, чтобъ сто пересчитать,
Не торопясь нисколько.

БЕРНАРДО И МАРЦЕЛЛО.

Дольше, дольше!

ГОРАЦІО.

По крайней мѣрѣ не при мнѣ.

ГАМЛЕТЪ.

А что,
Какая борода была у тѣни,
Сѣдая?

ГОРАЦІО.

Съ просѣдью, какъ и при жизни.

ГАМЛЕТЪ.

Съ вами
Сегодня буду я на стражѣ! Можетъ быть,
Видѣнье снова возвратится.

ГОРАЦІО.

Вѣрно!

ГАМЛЕТЪ.

И если предо мной оно предстанетъ
Съ лицомъ отца, я съ нимъ заговорю,
Когда бъ самъ адъ открылъ свой страшный зѣвъ
И приказалъ бы мнѣ молчать. Прошу васъ,
Коль до сихъ поръ вы сохранили въ тайнѣ
Видѣнье это, продолжать молчать,
И если нынче ночью что случится....
Вы думать можете, — отнюдь не говорить!
Я заслужу вамъ послѣ эту службу!
И такъ прощайте. Близко къ полуночи
Приду я на террасу къ вамъ. Прощайте!

ВСѢ.

Почтенье наше...

ГАМЛЕТЪ.

На почтенье, дружбу
Мнѣ дайте и въ замѣнъ мою возьмите.

(Гораціо, Марцелло и Бернардо уходятъ).

ГАМЛЕТЪ *(одинъ)*.

Вооруженный призракъ моего отца!
Тутъ что-то кроется недоброе. И въ душу
Ко мнѣ прокралось снова подозрѣнье.
Ахъ, поскорѣй бы ночь! А до тѣхъ поръ спокойно
Ты жди, душа моя; злодѣйства не сокроешь,
Хоть землю цѣлую ты на него нароешь!

(Уходитъ)

Загуляевъ.

СЦЕНА III.

(Комната въ домѣ Полонія).

ПОЛОНІЙ.

Ты здѣсь еще, Лаертъ? На бортъ, на бортъ!
Попутный вѣтръ наполнилъ паруса;
Тебя тамъ ждутъ.

(Кладетъ ему на голову руки).

Съ тобою будь мое благословенье!
И эти правила запечатлѣй
Въ твоей душѣ: не говори, что мыслишь,
И мысль незрѣлую не исполняй.
Будь ласковъ, но не будь пріятель общій.
Друзей, которыхъ испыталъ, желѣзомъ
Прикуй къ душѣ, но не марай руки,
Со всякимъ встрѣчнымъ заключая братство.
Остерегись, чтобъ не попасться въ ссору;
Попалъ — такъ чтобы врагъ остерегался.
Всѣхъ слушай, но не всѣмъ давай свой голосъ.
Совѣты принимай отъ всѣхъ дающихъ,
Но собственное мнѣнье береги.
Смотря по средствамъ, одѣвайся пышно,
Но не смѣшно; богато, не пестро;
Одежда говоритъ о человѣкѣ,

И высшій кругъ одѣтъ въ Парижѣ съ тонкимъ,
Съ разборчивымъ и благороднымъ вкусомъ.
Не занимай и не давай въ займы;
Заемъ нерѣдко исчезаетъ съ дружбой,
А долгъ есть ядъ въ хозяйственномъ разсчетѣ.
Но главное: будь вѣренъ самому себѣ,
И слѣдственно, какъ дважды два четыре,
Ни передъ кѣмъ не будешь ты фальшивъ.
Прощай, Лаертъ! Небесъ благословенье
Да укрѣпитъ въ тебѣ мои совѣты.

ЛАЕРТЪ.

Прощайте, батюшка.

Кронебергъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

(Отдаленная часть терассы).

ГАМЛЕТЪ И ТѢНЬ *(входятъ)*.

ГАМЛЕТЪ.

Куда меня ведешь ты? Говори,
Иль я нейду.

ТѢНЬ.

Внимай мнѣ!

ГАМЛЕТЪ.

Я внимаю.

ТѢНЬ.

Ужъ близокъ часъ, когда я возвратиться
Въ мучительный и сѣрный долженъ пламень.

ГАМЛЕТЪ.

Тѣнь бѣдная!

ТѢНЬ.

Не сожалѣй о мнѣ,
Но выслушай открытье страшной тайны.

ГАМЛЕТЪ.

Я выслушать обязанъ: говори!

ТѢНЬ.

И мстителемъ обязанъ быть.

ГАМЛЕТЪ.

Какимъ?

ТѢНЬ.

Я духъ безплотный твоего отца;
Я осужденъ блуждать во мракѣ ночи,
А днемъ въ огнѣ томиться гладомъ, жаждой,
Пока мои земныя преступленья
Не выгорятъ въ мученіяхъ. О, еслибъ
Я властенъ былъ открыть тебѣ всѣ тайны
Моей темницы! Лучшее бы слово
Сей повѣсти тебѣ взорвало сердце,
Оледенило кровь, и оба глаза,
Какъ двѣ звѣзды, исторгнуло изъ мѣстъ ихъ,
И распрямивъ твои густыя кудри,
Поставило бъ отдѣльно каждый волосъ,
Какъ гнѣвнаго щетину Дикобраза!
Но бренное не постигаетъ ухо
Тайнъ вѣчности. О, слушай, слушай, слушай!
И если ты родителя любилъ —

ГАМЛЕТЪ.

О, небо!

ТѢНЬ.

Отмсти его безчестное убійство.

ГАМЛЕТЪ.

Убійство?

ТѢНЬ.

Оно безчестно, какъ и всѣ убійства;
Но всѣхъ позорнѣй, всѣхъ безчеловѣчнѣй.

ГАМЛЕТЪ.

О, поспѣши открыть его! На крыльяхъ
Какъ мысль любви, какъ созерцанье быстрыхъ
Лечу я къ мести.

ТѢНЬ.

Ты таковъ, какъ должно;
И былъ бы ты безчувственнѣй растеній,

Гніющихъ вѣчно на недвижной Летѣ,
Когда бъ при семъ душою не подвигся.
Теперь внимай: распущенъ слухъ, что сонный
Я уязвленъ въ саду змѣею; такъ
Вся Данія обманута постыдно;
Но, благородный юноша, познай,
Что змій, меня смертельно уязвившій,
Теперь въ моей коронѣ.

ГАМЛЕТЪ.

О предчувствіе!
Онъ, дядя?

ТѢНЬ.

Онъ, сей звѣрь кровосмѣситель,
Ума волшебствомъ и даровъ обманомъ
(Будь проклятъ умъ и прокляты дары,
Орудія прельщенья) преклонилъ
Къ своей постыдной страсти королеву.
Какая низкая, Гамлетъ, измѣна!
Меня покинуть, коего любовь
Шла объ руку, на шагъ не отставая,
Супружнихъ клятвъ; несчастному предаться,
Котораго всѣ качества души
Ничто передъ моими.
Но добродѣтель не падетъ, хотя бы
Въ небесномъ видѣ льстилось къ ней безстыдство;
Порокъ же, будь онъ въ Ангельскихъ объятьяхъ,
Повергнувшись на райскомъ ложѣ, станетъ
Питаться срамомъ.
Я, мнится, чую ранній вѣтерокъ,
И сокращу разсказъ: когда въ саду
Я по полудни, какъ обычно, спалъ,
Не слышно твой ко мнѣ подкрался дядя
Съ фіаломъ сока белены зловредной,
И сонному въ отверстье уха влилъ
Губительную влагу, коей сила
Въ враждѣ жестокой съ кровью человѣка:
Сей ядъ, какъ ртуть, невѣроятно-быстро
По всѣмъ тончайшимъ пробѣгаетъ жиламъ
И, какъ млеко отъ острой кислоты,
Объятая мгновенной силой, крѣпнетъ,
Густится кровь. Такъ было и со мною:

Въ одну минуту сталъ я, новый Лазарь,
Отъ головы до ногъ, какъ чешуями,
Покрытъ гноистой сыпью. —
Такъ, вдругъ короны, жизни, королевы
Лишенъ я сонный братнею рукою;
Убитъ, убитъ во цвѣтѣ преступленій,
Безъ таинства элея и причастья,
Безъ покаянья посланъ къ Судіи
Съ грѣховнымъ игомъ на главѣ неправой.
Ужасно, о ужасно!
Когда въ тебѣ душа есть, не стерпи!
Но чтобы ты не предпріялъ для мести,
Страшись унизить душу умышленьемъ
На мать свою: оставь ее, мой сынъ,
Суду Небесъ, и терніямъ сокрытымъ
Въ груди ея. Теперь прости навѣки!
Свѣтящій червь ужъ возвѣщаетъ утро:
Его блѣднѣетъ слабое сіянье.
Прости, прости, и помни: я отецъ твой!

(Удаляется).

ГАМЛЕТЪ.

О силы неба! О земля! — Что болѣ?
Не долженъ ли и адъ призвать я? — Тише,
Спокойся, сердце! Не старѣйтесь мышцы!
Держите крѣпче мой составъ! О, помнить!
Такъ, бѣдная, блуждающая тѣнь!
Покуда память въ черепѣ семъ! помнить!
Я на скрижаляхъ памяти изглажу
Всѣ мелкія воспоминанья жизни,
Всѣ книжныя слова, всѣ впечатлѣнья,
Всѣ юности замѣтки и разсудка:
Твое лишь, мой родитель, повелѣнье
Безъ примѣси, одно жить будетъ въ книгѣ
Души моей: клянусь въ томъ небесами!
О злѣйшая преступница! о извергъ!
Злодѣй! Съ улыбкой на устахъ злодѣй!
Вотъ книжка — я замѣчу, что возможно
И улыбаться всѣмъ, и быть злодѣемъ;
По крайней мѣрѣ въ Даніи возможно.

(Пишетъ).

Ты, дядя, здѣсь; теперь слова святыя:
«Прости, прости, и помни: я отецъ твой!»
Я поклялся. —

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Комната въ замкѣ).

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ПОЛОНІЙ, ОФЕЛІЯ, РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНСТЕРНЪ.

КОРОЛЬ.

И не могли вы никакой уловкой
Узнать, па чемъ онъ сдѣлался помѣшанъ,
Какъ дней его спокойствіе столь сильно
Опаснымъ симъ возмущено безумствомъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Онъ сознается въ умственномъ разстройствѣ,
Но говорить не хочетъ о причинѣ.

ГИЛЬДЕНСТЕРНЪ.

Онъ не довѣрчивъ, и всегда лукаво
Безсвязной рѣчью отклонить умѣетъ
Всѣ замыслы извѣдать положенье
Души его.

КОРОЛЕВА.

Онъ принялъ хорошо васъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Отмѣнно ласково.

ГИЛЬДЕНСТЕРНЪ.

Но принужденно.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Скупъ на вопросы, воленъ и привѣтливъ
Въ своихъ отвѣтахъ.

КОРОЛЕВА.

Вы его склоняли
Къ разсѣянью, къ забавамъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Насъ случай свелъ въ дорогѣ, королева,
Съ актерами; объ нихъ уже онъ знаетъ,
И былъ, казалось, ихъ пріѣзду радъ.
Они здѣсь, въ замкѣ, и дадутъ сегодня,
По принцеву приказу, представленье —
Такъ мнѣ сказали.

ПОЛОНІЙ.

Точно такъ, мой другъ;
И чрезъ меня онъ проситъ васъ, король
И королева, посѣтить театръ сей.

КОРОЛЬ.

Душевно радъ: его такая склонность
Отмѣнно мнѣ пріятна.
А вы, друзья, старайтесь подстрекнуть,
Усилить въ немъ къ забавамъ симъ охоту.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Со всѣмъ усердьемъ нашимъ, государь!
(Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ).

КОРОЛЬ.

Оставь насъ также, милая Гертруда!
Мы Гамлета сюда приманимъ; здѣсь
Офелію наединѣ онъ встрѣтитъ
Какъ бы случайно;
Я и Полоній (праведная хитрость)
Скрывшись, имъ невидимые сами,
За ихъ бесѣдой примѣчать потщимся,
И по его судить поступкамъ будемъ,
Мученіе-ль любви, иль что иное
Виной его недуга.

КОРОЛЕВА.

Я иду.
Что до тебя, Офелія, — желаю,

Чтобъ красота твоя была счастливой
Его безумія причиной: къ чести
Васъ обоихъ, твоя бы добродѣтель
Его къ разсудку возвратила.

ОФЕЛІЯ.

Дай Богъ!
(Королева уходитъ).

ПОЛОНІЙ.

Офелія, ходи здѣсь! — Государь,
Сокроемся.
(Къ Офеліи).
Чтобъ видъ правдоподобный
Уединенной сей придать прогулкѣ,
Читай, вотъ книга. Это нашъ порокъ —
Какъ часто мы лицемъ смиреннымъ, видомъ
Пренабожнымъ, подслащиваемъ замыслъ,
Какъ сатана самъ черный.

КОРОЛЬ *(въ сторону).*

Правда, правда!
Какой тяжелый совѣсти ударъ
Слова сіи! Не столько безобразно,
Въ сравненіи съ румянами, лице
Прелестницы, натершей ими щеки,
Какъ мерзостны въ сравненіи съ словами,
Мои дѣянья! Тягостная ноша!

ПОЛОНІЙ.

Но вотъ и онъ! Угодно-ль вамъ сокрыться?
(Король и Полоній уходятъ).

ГАМЛЕТЪ *(входитъ).*

Быть, иль не быть—таковъ вопросъ; что лучше,
Что благороднѣй для души: сносить ли
Удары стрѣлъ враждующей фортуны,
Или возстать противу моря бѣдствій,
И ихъ окончить? Умереть — уснуть —
Не болѣ; сномъ всегдашнимъ прекратить
Всѣ скорби сердца, тысячи мученій,

Наслѣдье праха — вотъ конецъ, достойный
Желаній жаркихъ! Умереть — уснуть!
Уснуть? — Но сновидѣнья? — Вотъ препона!
Какія будутъ въ смертномъ снѣ мечты,
Когда мятежную мы свергнемъ бренность [1]),
О томъ помыслить должно. Вотъ источникъ
Столь долгой жизни бѣдствій и печалей!
И кто бъ снесъ бичъ и поношенье свѣта,
Обиды гордыхъ, притѣсненья сильныхъ,
Законовъ слабость, знатныхъ своевольство,
Осмѣянной любови муки, злое
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
Когда кинжала лишь одинъ ударъ —
И онъ свободенъ? Кто въ ярмѣ ходилъ бы,
Стенялъ подъ игомъ жизни и томился,
Когда бы страхъ грядущаго по смерти —
Невѣдомой страны, изъ коей нѣтъ
Сюда возврата — не тревожилъ воли,
Не заставлялъ скорѣй сносить зло жизни,
Чѣмъ убѣгать отъ ней къ бѣдамъ безвѣстнымъ?
Такъ робкими творитъ всегда насъ совѣсть;
Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнію тускнѣетъ размышленья,
И замысловъ отважные порывы,
Отъ сей препоны уклоняя бѣгъ свой,
Именъ дѣяній не стяжаютъ. — Ахъ,
Офелія! — О нимфа! помяни
Грѣхи мои въ своей молитвѣ!

ОФЕЛІЯ.

Принцъ!
Здоровы-ль вы все это были время?

ГАМЛЕТЪ.

Благодарю усердно; я здоровъ былъ.

ОФЕЛІЯ.

Отъ васъ подарки я имѣю, принцъ,
И ихъ давно вамъ возвратить хотѣла.
Возьмите ихъ теперь, прошу васъ.

---

[1]) *Бурное существованіе*, по переводу Загуляева.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ;
Я ничего, повѣрьте, не давалъ вамъ.

ОФЕЛІЯ.

Вы знаете, что мнѣ ихъ дали, принцъ,
И сладкими словами возвышали
Даровъ богатство. Нѣтъ сихъ сладкихъ словъ —
Къ чему-жъ дары? Въ нихъ нѣтъ цѣны тогда,
Когда душа дающихъ намъ чужда.
Вотъ, принцъ, они: возьмите.

ГАМЛЕТЪ.

А, а! добродѣтельна ли ты?

ОФЕЛІЯ.

Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Прекрасна-ли ты?

ОФЕЛІЯ.

Что хотите сказать вы, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Что если ты добродѣтельна и прекрасна, то добродѣтель твоя не должна принимать красоту къ себѣ въ бесѣду.

ОФЕЛІЯ.

Можетъ ли, принцъ, красота имѣть лучшаго собесѣдника, какъ добродѣтель?

ГАМЛЕТЪ.

Такъ, какъ! Могущество красоты скорѣе приведетъ къ распутству, нежели сила добродѣтели дастъ красотѣ свое подобіе. Мысль сія казалась нѣкогда неосновательною; но наши времени неоспоримо доказали ее. Я нѣкогда любилъ тебя.

ОФЕЛІЯ.

Да, принцъ, вы заставили меня тому вѣрить.

ГАМЛЕТЪ.

А вѣрить было не должно: добродѣтель никогда не прививается къ природному нашему стеблю столь сильно, чтобы вкусъ его вовсе въ насъ не отзывался. Я не любилъ тебя.

ОФЕЛІЯ.

Тѣмъ болѣе я была обманута.

ГАМЛЕТЪ.

Ступай въ монастырь: зачѣмъ дѣлаться матерью грѣшниковъ? Я самъ, напримѣръ, довольно честенъ; однако заслуживаю такія обвиненія, что лучше бы было мнѣ вовсе на свѣтъ не родиться. Я гордъ, мстителенъ, честолюбивъ; я имѣю недостатковъ болѣе, нежели мыслей ихъ обдумать, воображенія ихъ представить, или времени привести ихъ въ дѣйство. Зачѣмъ пресмыкаться такимъ, какъ я, тварямъ, между небомъ и землею? Мы всѣ обманщики — всѣ: не вѣрь никому изъ насъ! Ступай въ монастырь! Гдѣ отецъ твой?

ОФЕЛІЯ.

Дома, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Запри дверь за нимъ; пусть онъ не выходитъ, и только дома играетъ роль дурака.

ОФЕЛІЯ.

О, не оставь его, милосердое Небо!

ГАМЛЕТЪ.

Если ты пойдешь замужъ, пусть сіе проклятіе будетъ тебѣ отъ меня приданымъ: будь ты чиста, какъ ледъ и бѣла какъ снѣгъ — клевета не пощадитъ тебя. Запрись въ монастырѣ!—Прости! — Если же ты непремѣнно хочешь имѣть мужа — выбери глупца себѣ: умные очень хорошо знаютъ, какихъ чудовищъ вы творите изъ нихъ. Въ монастырь, говорю я — и скорѣе! Прости!

ОФЕЛІЯ.

Спасите его, небесныя силы!

ГАМЛЕТЪ.

Я наслышался также довольно о размалеваніи щекъ вашихъ: Богъ далъ вамъ одно лице, а вы превращаете его въ другое; вы

пляшете и прыгаете, щебечите и поносите Божіи творенія, и незнаніемъ называете свое безпутство. Хороши вы! Но довольно объ этомъ: оно и то ужъ свело съ ума меня. Браковъ у насъ болѣе не будетъ; женатые пусть живутъ — всѣ, кромѣ одного; остальные пребудутъ тѣмъ, что теперь они. — Въ монастырь, говорю я!

(Уходитъ).

ОФЕЛІЯ.

Какой высокой погубленъ въ немъ духъ!
Мечъ воина, языкъ витіи, взоръ
Придворнаго, надежды цвѣтъ для царства,
Зерцало нравовъ, образецъ всему,
Цѣль наблюденій общихъ — все погибло!
И мнѣ изъ дѣвъ несчастнѣйшей, испившей
Чарующихъ его обѣтовъ сладость,
Мнѣ должно видѣть умъ его высокій
Въ разстройствѣ звуковъ, какъ органъ разбитый,
Въ безуміи увядшимъ видѣть юный,
Прелестный цвѣтъ! И мнѣ злой рокъ судилъ
Знать, что́ теперь онъ, знавши, что́ онъ былъ?

КОРОЛЬ *(входитъ съ Полоніемъ)*.

Нѣтъ, не къ любви его стремятся чувства!
Въ словахъ его не много, правда, связи,
Но нѣтъ безумства. Грусть въ его душѣ
Невѣдомый насиживаетъ замыслъ;
И порожденье тайнаго птенца
Намъ можетъ быть опасно. Отъ сего
Внезапно мнѣ блеснуло въ мысли средство;
Онъ въ Англію не медля долженъ ѣхать,
Принять тамъ дани срочной недоимку;
Быть можетъ море, новая страна,
Разнообразность, развлекутъ по малу
Въ душѣ его сгустившіяся думы,
О кои умъ всечастно ударяясь,
Въ смятеніе приходитъ. Какъ ты мыслишь?

ПОЛОНІЙ.

Мысль хороша; но все еще я вѣрю,
Что тщетная любовь была началомъ
Его тоски. — Офелія! Ну, что?
Не сказывай — мы слышали до слова
Вашъ разговоръ. — Власть ваша, государь,

Но мой совѣтъ: не худо королевѣ
Наединѣ, какъ кончится театръ,
О горести его спросить открыто,
А я, когда угодно вамъ, подслушать
Готовъ ихъ тайно. Не поможетъ это —
Пусть въ Англіи онъ будетъ, иль гдѣ ваша
Разсудитъ мудрость.

КОРОЛЬ.

Сказано умно:
Безумство знатныхъ наблюдать должно.
(Уходятъ).

Вронченко.

СЦЕНА III.

(Комната въ замкѣ).

КОРОЛЬ, РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ *(входятъ)*.

КОРОЛЬ.

Я дольше не могу его терпѣть;
Его безуміе грозитъ бѣдою.
Готовьтесь въ путь; вамъ выдадутъ сейчасъ же
Приказъ въ Британнію ѣхать съ принцемъ.
Я, какъ монархъ, не долженъ допускать
Бѣду такъ близко; а она грозитъ
Въ его безуміи ежеминутно.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Мы изготовимся. То страхъ священный,
Благоразумный, — сохранить для жизни
Такъ много, много душъ, живущихъ вами.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Простой и честный человѣкъ обязанъ
Стоять за жизнь всей силою души;
Тѣмъ больше духъ, отъ блага коего
Зависитъ жизнь и счастіе столь многихъ.
Монархъ не можетъ умереть одинъ;
Въ свое паденіе онъ увлекаетъ
Все близкое, какъ горный водопадъ;
Онъ колесо гигантскаго размѣра,

Стоящее на высотѣ горы;
И тысячи вещей прикрѣплены
Къ его огромнымъ и могучимъ спицамъ;
Падетъ оно, — ужасное паденье
Раздѣлятъ съ нимъ всѣ вещи мелочныя.
Еще монархъ ни разу не вздыхалъ,
Чтобы народъ съ нимъ вмѣстѣ не страдалъ.

КОРОЛЬ.

Прошу, готовьтесь въ путь. На этотъ страхъ
Должны мы наложить оковы;
Его свобода слишкомъ велика.

РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Мы поспѣшимъ.

(Уходятъ. Полоній входитъ).

ПОЛОНІЙ.

Онъ къ матери идетъ, мой государь.
Я стану за ковромъ, чтобы услышать
Ихъ разговоръ. Повѣрьте, королева
Его порядкомъ побранитъ; и должно,
Какъ вы сказали (а сказали вы умно),
Чтобъ кто-нибудь, свидѣтель посторонній,
Ихъ разговоръ подслушалъ тихомолкомъ,
За тѣмъ, что мать пристрастна отъ природы.
Прощайте, государь; я къ вамъ зайду
И разскажу, что удалось узнать.

КОРОЛЬ.

Благодарю, мой дорогой Полоній.

(Полоній уходитъ).

Смрадъ моего грѣха доходитъ къ небу;
На мнѣ лежитъ древнѣйшее проклятье...
Убійство брата. — Не могу молиться,
Хотя влечетъ меня къ молитвѣ воля;
Сильнѣйшій грѣхъ сражаетъ силу слова,
И я, какъ человѣкъ съ двоякимъ долгомъ,
Стою въ сомнѣніи — съ чего начать?
А дѣло позабылъ. Будь кровью брата
Насквозь проникнута моя рука;
Что-жъ? Развѣ нѣтъ дождя на небесахъ,
Чтобъ убѣлить ее какъ снѣгъ весенній?

Зачѣмъ же есть святое милосердье,
Какъ не за тѣмъ, чтобы прощать грѣхи?
И развѣ нѣтъ двойной въ молитвѣ силы, —
Паденье грѣшника остановить
И падшимъ милость испросить? Взгляну горѣ:
Мой грѣхъ свершенъ. Но какъ молиться мнѣ?
Прости мнѣ гнусное убійство? Нѣтъ,
Тому не быть! Я все еще владѣю
Всѣмъ, что́ меня къ убійству повлекло:
Короной, честолюбіемъ, женой.
Простятъ-ли тамъ, гдѣ грѣхъ еще живетъ?
Въ испорченномъ житьѣ на этомъ свѣтѣ
Горсть золота въ преступника рукѣ
Искупитъ казнь; постыдною цѣною
Закона власть нерѣдко подкупали.
Но тамъ не такъ! Обманъ тамъ не поможетъ;
Дѣянья тамъ въ ихъ настоящемъ видѣ,
И сами мы должны разоблачать
Своихъ грѣховъ преступную природу.
И такъ, что остается мнѣ? Подумать,
Раскаянье что можетъ совершить.
Что невозможно для него? — Но если
Нѣтъ силъ къ раскаянью, — оно безсильно.
О горе мнѣ! О грудь, чернѣе смерти!
Душа, въ борьбѣ за свѣтлую свободу,
Еще тѣснѣй закована въ цѣпяхъ!
Спасите, ангелы! Колѣна, гнитесь!
Стальная грудь! Смягчись какъ грудь ребенка!
Быть можетъ вновь все будетъ хорошо.

(Становится на колѣна).

ГАМЛЕТЪ *(входитъ)*.

Теперь я могъ бы совершить, — удобно.
Онъ молится. Теперь я совершу....
И онъ пойдетъ на небеса,
И *такъ* я отомщенъ? О, это значитъ:
Злодѣй родителя убилъ, а я,
Я, сынъ его, злодѣя посылаю
На небеса!
Нѣтъ, то была-бъ награда, а не месть.
Въ безпечномъ снѣ отца онъ умертвилъ,
Въ веснѣ грѣховъ цвѣтущаго какъ май.
Что сталось съ нимъ, то вѣдаетъ Создатель;

Но думаю, судьба его тяжка.
Отмщу ли я, убивъ его въ молитвѣ,
Готоваго въ далекую дорогу?
Нѣтъ!
Въ ножны, мой мечъ! Ты будешь обнаженъ
Ужаснѣе! Когда онъ будетъ пьянъ,
Во снѣ, въ игрѣ, въ забавахъ,
Съ ругательствомъ въ устахъ, среди занятій,
Въ которыхъ нѣтъ святыни и слѣда,—
Тогда рази, чтобы пятами къ небу
Онъ въ тартаръ полетѣлъ, съ душею черной
И проклятой, какъ адъ. Мать ждетъ меня.
Живи еще, но ты уже мертвецъ.

(Уходитъ).

КОРОЛЬ *(встаетъ).*

Слова летятъ, но мысль моя лежитъ;
Безъ мысли слово къ небу не взлетитъ.

(Уходитъ).

Кронебергъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

КОРОЛЕВА И ПОЛОНІЙ.

ПОЛОНІЙ.

Тотчасъ придетъ онъ. Будьте съ нимъ суровы;
Скажите прямо, что его поступки
Несносны, что вы стали изъ любви
Межъ имъ и гнѣвомъ короля. Довольно;
Но будьте откровенны съ нимъ.

КОРОЛЕВА.

О буду,
Повѣрь мнѣ. Онъ идетъ — оставь однихъ насъ.

(Полоній скрывается).

ГАМЛЕТЪ *(входитъ).*

Что вамъ угодно, королева?

КОРОЛЕВА.

Тобой отецъ твой сильно оскорбленъ.

ГАМЛЕТЪ.

Отецъ мой вами сильно оскорбленъ.

КОРОЛЕВА.

Ты, Гамлетъ, мнѣ отвѣтствуешь пустое.

ГАМЛЕТЪ.

Вы говорите, королева, злое.

КОРОЛЕВА.

Что-жъ, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Въ чемъ же дѣло, королева?

КОРОЛЕВА.

Или меня забылъ ты?

ГАМЛЕТЪ.

О, нимало!
Вы, королева, деверя супруга,
И — лучше бы такъ не было — мнѣ мать!

КОРОЛЕВА.

Такъ говорить съ тобой велю другимъ я.

ГАМЛЕТЪ.

Къ чему? — Садитесь! не вставайте съ мѣста!
Ни съ мѣста! я вамъ зеркало представлю,
Гдѣ вы свою увидите всю душу.

КОРОЛЕВА.

Что хочешь ты? Убить меня? — Спасите!
Сюда!

ПОЛОНІЙ *(не показываясь)*.

Сюда на помощь!

ГАМЛЕТЪ.

Кто здѣсь? — Мышь? *(вынимаетъ шпагу)*
Убита, бьюсь червонцемъ объ закладъ!
Мертва! *(Ударяетъ шпагою сквозь обои)*.

ПОЛОНІЙ.

Я мертвъ — заколотъ — мертвъ!

КОРОЛЕВА.

Что сдѣлалъ ты?
О горе!

ГАМЛЕТЪ.

Не знаю самъ!—Король? *(Поднимаетъ обои и подвигаетъ Полонія на сцену).*

КОРОЛЕВА.

Какой кровавый, бѣшеный поступокъ!

ГАМЛЕТЪ.

Кровавый? Также, королева, какъ
Убивъ царя, стать деверя супругой.

КОРОЛЕВА.

Убивъ царя?

ГАМЛЕТЪ.

Убивъ, убивъ; такъ точно! *(Полонію).*
Прости, ты жалкій, дерзостный глупецъ!
Я счелъ тебя за лучшаго, чѣмъ ты —
Какъ быть! — Лукавство, видишь самъ, опасно,
(Королевѣ).
Къ чему ломать и жать такъ руки? — Сядьте!
Изъ вашего я сердца выжму чувство,
Когда его проникнуть есть возможность,
Когда его не вовсе закалилъ,
Не сдѣлалъ сталью навыкъ преступленья.

КОРОЛЕВА.

Въ чемъ я виновна, что языкъ твой смѣетъ
Мнѣ изрыгать угрозы?

ГАМЛЕТЪ.

Твой проступокъ
Сквернитъ румянецъ скромности стыдливой;
Зоветъ притворствомъ добродѣтель; розу
Съ чела любви невинной отторгая,
Кладетъ тамъ язву; слово брачной клятвы
Творитъ хулой, какъ игрока божбу.

Онъ извлекаетъ душу изъ обѣтовъ
Святѣйшихъ въ жизни; рдѣетъ, зря его,
Во гнѣвѣ небо, и тяжелый шаръ нашъ,
Какъ въ судный день, пріемлетъ мрачный видъ
И страждетъ въ скорби.

КОРОЛЕВА.

О, какой проступокъ
Ты возвѣщаешь столь ужаснымъ?

ГАМЛЕТЪ.

Взирай сюда — вотъ два изображенья,
Черты двухъ братьевъ. Вотъ одинъ: какое
Величіе въ лицѣ его! Власы
Гиперіона, Зевсово чело;
Взоръ бога брани, царственный и грозный;
Осанка, поступь вѣстника боговъ,
Летящаго съ горы подпершей небо;
Размѣръ и стройность, въ коихъ мнится, явно
Безсмертный каждый положилъ печать,
Ручаясь міру за свое творенье —
Онъ былъ супругъ твой! Но взирай: другой
Теперь супругъ твой, сей сожженный колосъ,
Губитель брата. Видитъ ли твой глазъ?
Не жить на сей горѣ, тучнѣть во скверно
Такого блата! Видитъ ли твой глазъ?
Не смѣй назвать любви тутъ! Нѣтъ! Въ твой вѣкъ
Ужъ не бунтуетъ кровь: она покорна
Разсудка волѣ; видѣнъ ли жъ разсудокъ
Въ такой замѣнѣ? Ты имѣешь смыслъ —
Имѣя мысли — но онъ спитъ сномъ смертнымъ:
Здѣсь и безумство истину бы зрѣло,
И никогда не меркнулъ столько разумъ,
Чтобъ въ выборѣ подобномъ заблужденью
Причастнымъ быть могъ. О, какой же демонъ
Тебя такъ злобно, дивно ослѣпилъ?
Безъ осязанья глазъ, иль осязанье
Безъ глаза, слухъ одинъ — любое чувство,
Остатокъ бѣдный чувства впасть не могъ бы
Въ обманъ столь грубый,
О, стыдъ! Гдѣ твой румянецъ? — Адъ коварный!
Когда ты такъ бунтуешь въ людяхъ зрѣлыхъ,

Пусть въ юноши порывчатомъ огнѣ
Какъ воскъ растаетъ добродѣтель! Срамно ль
Для крови молодой распутство,
Когда и ледъ горитъ, когда разсудокъ
Другъ вождѣленья?

КОРОЛЕВА.

О, умолкни, Гамлетъ!
Ты обратилъ мой взоръ во глубь души,
И въ черныхъ, неизгладимыхъ я пятнахъ
Ее узрѣла.

ГАМЛЕТЪ.

Дышать порокомъ!

КОРОЛЕВА.

О, умолкни, Гамлетъ!
Слова твои какъ острые кинжалы!
Умолкни, сынъ мой!

ГАМЛЕТЪ.

Онъ злодѣй, убійца!
Рабъ, онъ отца убитаго не стоитъ
И сотой доли! На царей сатира!
Воръ малодушный скипетра и царства,
Изъ храмины корону подъ одеждой
Тайкомъ унесшій.

КОРОЛЕВА.

О, довольно!

ГАМЛЕТЪ.

Съ шапкой
Дурацкою король!
(Входитъ Тѣнь Гамлетова отца).
Прострите крылья надъ моей главой,
Вы, стражи неба! — Что ты возвѣстишь
Величественный призракъ?

КОРОЛЕВА.

Онъ въ безумствѣ!

ГАМЛЕТЪ.

Съ упрекомъ ли къ медлителю пришелъ ты,
Что съ рвеніемъ жарчайшимъ не спѣшитъ онъ
Твое исполнить страшное велѣнье?
О, говори!

ТѢНЬ.

Сынъ, помни: я пришелъ
Вновь изощрить притупленный твой замыслъ;
Но матери ты видишь изумленье?
Стань между ею и ея душой —
Сильнѣй въ слабѣйшихъ потрясаетъ душу
Воображенье. Говори съ ней, сынъ мой.

ГАМЛЕТЪ.

Что съ вами, королева?

КОРОЛЕВА.

Что, Гамлетъ мой, съ тобою?
Ты дико взоръ вперяешь въ пустоту,
И съ воздухомъ бесѣдуешь безплотнымъ;
Огнемъ души твои сверкаютъ очи;
Власы, подобно рати, пробужденной
Отъ сна смятеньемъ браннымъ, какъ живые
Встаютъ горою! Милый сынъ! Пролей
Терпѣнія прохладу на огонь
И жаръ твоей тревоги! Что ты видишь?

ГАМЛЕТЪ.

Его, его! Какъ блѣденъ, какъ глядитъ онъ!
Его удѣлъ и видъ вложилъ бы въ камни
Разсудокъ, чувство!

(Къ Тѣни).

Отврати свой взоръ!
Иль жалости при видѣ семъ уступитъ
Моя рѣшимость, должный цвѣтъ утратитъ
Дѣянье; будутъ слезы вмѣсто крови!

КОРОЛЕВА.

Съ кѣмъ, сынъ мой, говоришь ты?

ГАМЛЕТЪ.

Уже-ль никто не видѣнъ вамъ?

КОРОЛЕВА.

Никто;
Но все, что есть здѣсь, явственно я вижу.

ГАМЛЕТЪ.

И ничего не слышитъ ваше ухо?

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, ничего, окромѣ насъ самихъ.

ГАМЛЕТЪ.

Сюда, сюда смотрите! Онъ уходитъ,
Отецъ мой, въ томъ же, какъ при жизни, видѣ!
Вотъ здѣсь идетъ онъ! идетъ онъ! Вотъ выходитъ въ дверь!
(Тѣнь уходитъ).

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, то души мечтательной творенье!
Безумство живо представлять умѣетъ
Очамъ такіе призраки.

ГАМЛЕТЪ.

Безумство?
Но пульсъ мой бьется вѣрно, какъ и вашъ,
И въ столь же здравыхъ раздается звукахъ:
Безумно-ль говорилъ я? Испытайте!
Я повторю до слова все: безумный
Смѣшался бы! О, не врачуйте сердца
Бальзамомъ ложнымъ, мыслью, что вѣщало
Мое безумство, а не вашъ порокъ:
Онъ лишь извнѣ слегка затянетъ рану,
Внутри же гніенье будетъ разъѣдать
Ее незримо. Матерь! Вспомни небо!
Покайся въ прошломъ, мысли о грядущемъ!
Не удобряй земли для возращенья
Волчцовъ и терній! Не сердись за правду!
Въ нашъ вѣкъ проситъ
Прощенья у порока добродѣтель,
И ползаетъ моля о позволеньи
Творить добро ему же.

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ! Гамлетъ!
Ты растерзалъ мое на-двое сердце!

ГАМЛЕТЪ.

О, брось его, брось злую половину,
И съ остальною въ чистотѣ живи.
Прости! Но къ дядѣ не иди: хоть видомъ
Храни, когда не сердцемъ, добродѣтель!
Чудовище-привычка, поѣдая,
Какъ демонъ злобы, стыдъ виновныхъ душъ,
И ангеломъ бываетъ, — подаетъ
Удобную и легкую одежду
Дѣяньямъ добрымъ: воздержись сегодня —
Получишь силы къ воздержанью завтра,
Второе будетъ легче принужденье.
О, навыкъ властенъ измѣнить природу;
Онъ усмиритъ врага, иль дивной силой
Его изгонитъ вовсе. Добра ночь!
Благослови меня, когда сама
Благословенья отъ небесъ ты чаешь!
(Указываетъ на Полонія).
Его мнѣ жаль! Знать небеса желали,
Мной наказавъ его, меня симъ дѣломъ,
Чтобы орудьемъ и бичемъ ихъ былъ я.
Пойдемъ пріятель! Я отчетъ съумѣю
Отдать въ твоемъ убійствѣ. — Добра ночь!
Не ставъ жестокъ, я не могу быть нѣженъ;
Зло свершено; зло большее свершится,
Еще два слова.

КОРОЛЕВА.

Что должна творить я?

ГАМЛЕТЪ.

Не то, чего я требую, конечно!
Пусть другъ васъ привлечетъ въ объятья,
Пусть за одинъ поцѣлуй
У васъ онъ купитъ скорое признанье,
Что я безумнымъ только притворяюсь.
Откройте все ему: прекрасно будетъ!
И вамъ ли, мудрой, нѣжной королевѣ
Отъ твари сей, летучей мыши, жабы
Скрывать такія вещи? И къ чему?
О, нѣтъ! на зло и тайнѣ и разсудку
Откройте ящикъ на домашней кровлѣ;

Пустите птицъ, какъ обезьяна въ баснѣ,
И, какъ она, изъ любопытства влезть
Стараясь въ ящикъ, голову сломите!

КОРОЛЕВА.

О вѣрь мнѣ, вѣрь, когда слова — дыханье,
Когда дыханье — жизнь, во мнѣ нѣтъ жизни
Дохнуть о томъ, что говорилъ ты, слова.

ГАМЛЕТЪ.

Я въ Англію назначенъ — вамъ извѣстно?

КОРОЛЕВА.

Увы! Я вспоминаю — такъ рѣшили.

ГАМЛЕТЪ.

Бумаги за печатью; двумъ друзьямъ —
Я вѣрю имъ не болѣ, какъ ехиднамъ —
Даны приказы, велѣно мести
Дорогу мнѣ и весть меня къ измѣнѣ.
Посмотримъ! Какъ забавно подорвать
Подкопщика его жъ снарядомъ! Будетъ
Немилость неба, или на два локтя
Подрывшись глубже, я взорву ихъ. Славно
На линіи одной столкнуть двѣ силы!
Теперь я ношей нагружусь бездушной
И въ ближній отнесу ее покой.

(Поднимаетъ Полонія).

Спокойной ночи! — Сей совѣтникъ царскій
Теперь сталъ скроменъ, молчаливъ и важенъ,
А прожилъ вѣкъ глупцомъ и болтуномъ.
Пойдемъ, пріятель! Мы тебя пристроимъ.
Спокойной ночи!

(Уходятъ въ разныя стороны; Гамлетъ уноситъ Полонія).

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Кладбище. Два гробокопателя съ заступами и лопатками).

1-й гробокопатель. Развѣ ее будутъ хоронить по-христіански? Она самовольно искала спасенія.

2-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. По-христіански, говорятъ тебѣ: надобно поскорѣе рыть могилу. Было наряжено слѣдствіе, и ее присудили къ христіанскому погребенію.

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Да какъ же это? Развѣ она утопилась для своей обороны?

2-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Ну да! такъ, братъ, оказалось.

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Нѣтъ, вѣрно se offendendo: иначе быть не можетъ. Вотъ въ чемъ дѣло: если я топлюсь нарочно, то я исполняю дѣйствіе; а дѣйствіе состоитъ изъ трехъ частей: изъ дѣйствованія, поступленія и исполненія — слѣдственно она утопилась нарочно.

2-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Но послушай-ка братъ....

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Погоди! здѣсь вода — хорошо; здѣсь человѣкъ — хорошо; если человѣкъ идетъ къ водѣ и топится въ ней, это значитъ, что онъ идетъ — хотя или не-хотя; если же вода идетъ къ человѣку и топитъ его, это не значитъ, что онъ топится: слѣдственно кто не причиняетъ себѣ смерти, тотъ не сокращаетъ своей жизни.

2-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. И такъ стоитъ въ законахъ?

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Точно такъ, въ уголовныхъ законахъ.

2-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. А знаешь ли, какъ это въ самомъ дѣлѣ? Не будь она дворянкой, ее бы не похоронили по-христіански.

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Дѣло, братъ, говоришь ты; и жаль, что бояре имѣютъ большее право топиться и вѣшаться, нежели мы, такой же крещеный народъ. Ну, за заступъ! — Нѣтъ старинѣе дворянъ въ свѣтѣ, какъ садовники, канальщики и гробокопатели: они живутъ Адамовымъ ремесломъ.

2-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. А Адамъ развѣ дворянинъ былъ?

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Да, ему придается титло благородія.

2-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. И, полно, братъ!

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Да ты развѣ невѣрный или не понимаешь библіи? Адама породилъ изъ глины самъ Богъ, а Богъ, ты знаешь, благъ — слѣдовательно Адамъ благородный. Я у тебя спрошу еще о чемъ-то, и если ты не съумѣешь отвѣчать мнѣ, признайся, что ты....

2-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Ну, ну!

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Кто строитъ прочнѣе: каменьщикъ, корабельщикъ или плотникъ?

2-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Прочнѣе всѣхъ висѣльщикъ: висѣлица переживаетъ тысячи своихъ жителей.

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Э, да ты уменъ, право уменъ! Однако подумай-ка, да отвѣчай.

2-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Кто строитъ прочнѣе: каменьщикъ, корабельщикъ или плотникъ?

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Да, отвѣчай, и шабашъ тебѣ.

2-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. А право же я знаю!

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Ну, говори.

2-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Нѣтъ, братъ, не знаю.

(Гамлетъ и Горацiо входятъ).

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ Не ломай напрасно башки: оселъ не пустится въ рысь, хоть изломай на немъ дубину; а если тебя кто спроситъ о томъ же, отвѣчай — могильщикъ: домы его работы простоятъ до суднаго дня. Поди-ка въ питейный, да принеси рюмку водки. *(2-й Гробокопатель уходитъ).*

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ *(копаетъ и поетъ).*

Бывъ парнемъ, я любилъ, любилъ,
Я думалъ вѣкъ мнѣ будетъ пиръ —
Анъ тутъ-то и крючокъ!

(Гамлетъ и Горацiо приближаются).

ГАМЛЕТЪ. Или негодяй не чувствуетъ, чѣмъ онъ занятъ: поетъ, копая могилу!

ГОРАЦIО. Привычка сдѣлала его равнодушнымъ къ сему занятію.

ГАМЛЕТЪ. Именно! чѣмъ менѣе работы рукамъ, тѣмъ живѣе чувства.

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ *(продолжаетъ пѣть).*

Колдунья-старость шагъ да шагъ —
Пришла Яга съ клюкой.
И сѣлъ я, какъ на сушѣ ракъ:
Хоть баба рѣшку пой!

(Вытаскиваетъ черепъ).

ГАМЛЕТЪ. Въ семъ черепѣ также былъ языкъ; онъ также пѣлъ нѣкогда! и сей бездѣльникъ стучитъ имъ объ землю, какъ будто о челюсть Каина первоубійцы! Можетъ быть это голова политика, мыслившаго обмануть самого Бога, а теперь имъ ворочаетъ оселъ сей! Не правда ли?

ГОРАЦIО. Статься можетъ, принцъ!

ГАМЛЕТЪ. Или придворнаго, который восклицалъ: здравствуйте, почтеннѣйшій! здоровы ль вы, мой милостивецъ? или господина такого-то, который выхвалялъ у господина такого-то лошадь, выпросить ее у него желая! Не правда ли, Горацiо?

ГОРАЦIО. О, правда, принцъ!

ГАМЛЕТЪ. И теперь она собственность господина червя, и истлѣвшая, потерявшая челюсть, получаетъ пощечины отъ могиль-

щикова заступа. Прекрасное превращеніе, еслибъ мы могли его видѣть! Ужель воспитаніе и жизнь сихъ костей стоили такъ мало, что они годятся только для игры въ кегли? При мысли сей ноютъ и мои кости!

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ *(поетъ)*. Носилки, гробъ, да заступъ, заступъ,
Да черное сукно,
Да три шага земли, земли
Намъ нужны всѣмъ равно.
(Вытаскиваетъ другой черепъ).

ГАМЛЕТЪ. Еще черепъ! почему не могъ онъ принадлежать правовѣдцу? Гдѣ теперь всѣ крючки и хитрости? его ябеды, уловки, подобранные законы? Зачѣмъ столь хладнокровно сноситъ онъ теперь такія обиды? сей грубіянъ бьетъ его по щекамъ грязною лопаткою, и онъ не грозитъ ему раздѣлкою по формѣ суда? А этотъ человѣкъ провелъ, можетъ быть, всю жизнь свою въ оборотахъ, покупкѣ и продажѣ имѣній: гдѣ же теперь его крѣпости, заемныя письма, обязательства, купчія и обезпеченія? Крѣпкая голова его крѣпко набита теперь пескомъ — и это ли только укрѣпилъ онъ себѣ своими крѣпостями, это ли обезпечилъ всѣми обезпеченіями? Ужели совершеніемъ столь многихъ купчихъ не купилъ онъ себѣ ничего постояннаго, кромѣ сего куска земли, столь малаго, что пара-другая самыхъ купчихъ можетъ покрыть его? въ семъ ящикѣ едва помѣстились бы всѣ бумаги, укрѣплявшія за нимъ его земли, и долженъ ли самъ владѣлецъ не имѣть ничего болѣе? ничего болѣе?

ГОРАЦІО. Такъ, принцъ! ничего болѣе.

ГАМЛЕТЪ. Крѣпости пишутся на пергаментѣ, а пергаментъ дѣлается изъ бараньей кожи — не такъ ли?

ГОРАЦІО. И изъ телячьей также, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Право, тѣ не лучше телятъ и барановъ, которые думаютъ, что онъ ихъ во всемъ обезпечиваетъ. Я хочу поговорить съ могильщикомъ. Чья это могила, пріятель?

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Моя, баринъ! *(Поетъ).*
Вѣдь три шага земли, земли
Намъ нужны всѣмъ равно.

ГАМЛЕТЪ. Не потому ли, что ты сидишь въ ней? — Но кто здѣсь ляжетъ? Для кого это ложе?

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Это ни для кого не ложь, не во гнѣвъ вамъ, баринъ! Я могилу копаю, такъ она моя; вы ее не копаете, такъ она не ваша — стало это не ложь.

ГАМЛЕТЪ. Ты говоришь ложь, говоря, что это не ложе: это ложе мертвыхъ, хотя и не ложе живыхъ.

1-й гробокопатель. Да мертвые не лгутъ, баринъ! И если это не ложь живыхъ, то вы сами живую ложь сказать изволили.

гамлетъ. Но полно! Какой бѣдняжка будетъ погребенъ въ ней?

1-й гробокопатель. Никакой, баринъ.

гамлетъ. Ну, такъ какая?

1-й гробокопатель. И никакая также.

гамлетъ. Кто же, наконецъ, или что?

1-й гробокопатель. То, что было женщиною, а теперь сдѣлалось трупомъ, упокой Господи ея душу!

гамлетъ. Какъ привязывается къ словамъ негодяй сей! Надобно говорить очень ясно, или двусмысленность надѣлаетъ бѣдъ намъ. Право, Гораціо, въ послѣдніе три года все въ свѣтѣ, какъ замѣтилъ я, заострилось: носокъ крестьянскаго сапога такъ сблизился съ пяткою придворнаго, что натираетъ на ней мозоли. Давно ли ты гробокопателемъ?

1-й гробокопатель. Изъ всѣхъ дней въ году я сдѣлался имъ въ тотъ самый день, когда покойный король нашъ разбилъ Фортинбраса.

гамлетъ. Давно ли было это?

1-й гробокопатель. Будто вы не знаете? Всякій дуракъ понимаетъ это. Въ тотъ же день родился молодой Гамлетъ, тотъ, что теперь сумасшедшій и посланъ въ Англію.

гамлетъ. А зачѣмъ онъ посланъ въ Англію?

1-й гробокопатель. Ну, за тѣмъ, что онъ сумасшедшій: тамъ говорятъ, онъ опять найдетъ умъ свой; а если и не найдетъ, то не большая бѣда.

гамлетъ. Почему такъ?

1-й гробокопатель. Тамъ это будетъ незамѣтно: тамъ всѣ таковы.

гамлетъ. А отъ чего онъ сдѣлался сумасшедшимъ?

1-й гробокопатель. Говорятъ, отъ чего-то дивнаго и чуднаго.

гамлетъ. Отъ чего же?

1-й гробокопатель. Да отъ того, что сошелъ съ ума, помѣшался.

гамлетъ. А на чемъ именно помѣшался онъ?

1-й гробокопатель. Да Богъ вѣсть! На чемъ именно, не знаю; чай на постели, если онъ спалъ тогда; на стулѣ, если сидѣлъ, и такъ далѣе; знаю только, что это было здѣсь въ Даніи. Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ я могильщикомъ здѣсь.

гамлетъ. Долго ли пролежитъ человѣкъ въ землѣ, не сгнивши?

1-й гробокопатель. Если онъ не сгнилъ еще прежде смерти

(какъ мы видимъ многихъ, едва могущихъ въ цѣлости дождаться смертнаго часа), то онъ можетъ выдержать восемь и даже девять лѣтъ; кожевникъ вѣрно выдержитъ девять.

ГАМЛЕТЪ. Почему-жъ особенно кожевникъ?

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Онъ, выдѣлывая чужія кожи, и свою выдѣлаетъ такъ, что она долго не пропускаетъ воды; а вода наибольшій врагъ симъ мерзавцамъ, трупамъ. Вотъ черепъ, пролежавшій въ землѣ двадцать три года.

ГАМЛЕТЪ. Чей былъ онъ?

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Одного негодяя и сумасброда. Чей бы вы думали?

ГАМЛЕТЪ. Я, право, не знаю.

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Провалъ бы его побралъ, проклятаго мошенника! Онъ вылилъ мнѣ однажды на голову стаканъ рейнскаго. Этотъ черепъ сидѣлъ на шеѣ Йорика, королевскаго шута.

ГАМЛЕТЪ. Этотъ? *(поднимаетъ черепъ).*

1-й ГРОБОКОПАТЕЛЬ. Этотъ самый.

ГАМЛЕТЪ. Увы, бѣдный Йорикъ! Я зналъ его, Гораціо! Какую остроту ума имѣлъ онъ! какія неподражаемыя выдумки! Сколько разъ носилъ онъ на плечахъ меня! А теперь — видъ отвратительный, ужасный! У меня поворачивается вся внутренность! Здѣсь были уста, которыя столь часто цѣловалъ я! Гдѣ теперь шутки твои? твои прыжки? твои пѣсни? твои остроты, возбуждавшія за столомъ неумолкаемый хохотъ? — Ни одной не осталось! Ни одной, посмѣяться надъ собственнымъ безобразіемъ! Иди теперь въ уборную красавицы; скажи, что пусть она хоть на палецъ толщиною наложитъ румянъ на щеки, ее ждетъ такое же превращеніе; заставь ее смѣяться притомъ! Гораціо! Скажи мнѣ одно, прошу тебя!

ГОРАЦІО. Что такое, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Думаешь ли ты, что великій Македонскій герой Александръ таковъ же сдѣлался въ могилѣ?

ГОРАЦІО. Точно таковъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Фуй! *(Бросаетъ черепъ).*

ГОРАЦІО. Принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Какое низкое употребленіе можетъ ожидать насъ, Гораціо! Почему нельзя слѣдовать мыслію за благороднымъ прахомъ Александра, пока онъ пойдетъ — на замазку воронки въ пивной бочкѣ?

ГОРАЦІО. Странно бы было такое слѣдованіе, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Нимало; оно натурально и правдоподобно. Помысли: Александръ умеръ; Александръ погребенъ; Александръ обратился въ прахъ; прахъ — земля; изъ земли дѣлается глина — и по-

чему же та глина, въ которую онъ превратился, не можетъ, какъ и всякая, служить замазкой?

Могучій Цезарь, обратившись въ прахъ,
Наполнилъ въ ветхихъ скважины стѣнахъ,
И тотъ, кто міръ собою устрашалъ,
Отъ бурь защитой селянину сталъ.

Вронченко.

Примѣч. — Характеристика Гамлета. Слова Гервинуса: «Намъ слѣдуетъ узнать форму характера Гамлета, элементы, изъ которыхъ онъ составленъ, родъ занятій и особенности его натуры. Тогда мы вполнѣ объяснимъ себѣ его нерѣшительность и неспособность къ дѣлу.

«Мать Гамлета изображаетъ его физически, какъ человѣка тучнаго и съ прерывистымъ дыханіемъ. Бурбеджъ не придавалъ ему на сценѣ ни изящества, ни ловкости, которыя мы привыкли видѣть въ Гамлетѣ со временъ Гаррика. И ловкость и изящество противорѣчатъ высшему понятію объ этомъ характерѣ точно такъже, какъ если-бы «улыбающагося злодѣя» Клавдія стали изображать мрачнымъ бородатымъ тираномъ. Слѣдующія слова Гамлета о своей наружности вполнѣ согласны съ намекомъ матери: «Дядя, говоритъ онъ, похожъ на отца столько-же, сколько я на Геркулеса». Кромѣ того, замѣчаетъ Гёте, ему недостаетъ чувственной силы героя. Говоря проще, онъ лишенъ практичности и дѣятельности. У него спокойный, тихій, флегматическій, совершенно-чуждый желчи, нравъ. Мать сравниваетъ его терпѣніе со спокойствіемъ горлицы, только-что выведшей птенцовъ. Самъ Гамлетъ, сильно раздраженный Лаэртомъ, говоритъ: «Во мнѣ нѣтъ ни быстроты, ни страстности, но есть что-то опасное, чего умный противникъ долженъ страшиться». Это нѣчто опасное есть его сильная чувствительность и раздражительность. Онѣ вкоренились въ его пылкой фантазіи и воодушевляютъ его къ защитѣ или нападенію только въ случаѣ крайней нужды. Въ этой-же самой фантазіи гнѣздятся боязнь, робкая предусмотрительность и безсиліе Гамлета. Но все это весьма свойственно человѣческой природѣ. Мы видимъ у цѣлыхъ народовъ, у древнихъ Иверянъ и Индійцевъ (это замѣчаніе дѣлалъ уже Монтескьё) ту же смѣсь кротости съ безграничной энергіей въ раздраженномъ состояніи. Нѣжность организма, возбуждавшая въ нихъ страхъ къ смерти, заставляла ихъ бояться многихъ вещей еще болѣе смерти. Чувствительность, которая принуждала ихъ избѣгать опасностей, воодушевляла ихъ въ случаѣ нужды и поощряла къ сопротивленію. То же самое видимъ мы и въ Гамлетѣ. Его напряженное воображеніе рисуетъ ему положеніе

его по самымъ отдаленнымъ и внушающимъ страхъ послѣдствіямъ. Онъ видитъ себя окруженнымъ преслѣдованіями и опасностями и старается предотвратить ихъ далекими мѣрами. Онъ вѣритъ въ духовъ и этимъ отличается отъ своего друга. Раціональный Горацію едва вѣритъ тому, что видѣлъ. Онъ Тѣнь Гамлета въ лице называетъ обманомъ, пробуетъ заслонить ей дорогу аллебардой и когда говоритъ, что только частію вѣритъ въ суевѣрныя преданія, то по тону его можно заключить, что онъ совсѣмъ въ нихъ не вѣритъ. Тѣнь является Гамлету, судьба зоветъ его и онъ въ волненіи и ужасѣ не боится смерти. Каждая жила его крѣпка, какъ жила Немейскаго льва. Но за тѣмъ онъ, по словамъ Горацію, начинаетъ «отчаяваться воображеніемъ». Послѣ представленія, опять въ часъ, когда бродятъ призраки, его фантазія снова воспламеняется и онъ готовъ пить кровь и совершать дѣла, столь ужасныя, что отъ нихъ содрогнулся бы день. Ему кажется въ немъ душа Нерона и онъ точитъ лезвее своего мщенія. Въ этомъ раздраженномъ настроеніи духа ему представляется удобный случай къ совершенію мести, но нѣтъ времени для размышленія. Онъ рѣшается на такое дѣло, отъ котораго, будь онъ въ спокойномъ расположеніи духа, его воздержали бы осторожность и мнительность, обыкновенно управляющія его дѣлами. И этотъ пылъ не охлаждается внезапно, когда Гамлетъ узнаетъ, что ошибся въ своемъ мщеніи. Взволнованный и разгоряченный, онъ мучитъ мать болѣе, нежели слѣдуетъ, ругается надъ трупомъ Полонія и только позже его оплакиваетъ. Тогда со скорбью возвращается къ нему спокойствіе горлицы. Когда извѣстіе о смерти Офеліи застаетъ его врасплохъ, когда онъ слышитъ въ ея могилѣ хвастливыя жалобы Лаэрта, страсти начинаютъ въ немъ бушевать и онъ отвѣчаетъ столь же напыщеннымъ хвастовствомъ. Въ этой чрезмѣрной раздражительности онъ принимаетъ намѣренія и совершаетъ дѣла, которыя не въ состояніи выполнить при обыкновенной медлительности своей натуры. Онъ олицетворяетъ слѣдующее ученіе пьесъ: «намѣренія, принятыя въ пылу страсти, со страстью и проходятъ. Человѣческія желанія измѣняются и среди различныхъ обстоятельствъ подвергаются замедленію и разслабленію». Эти колебанія, эти смѣняющія другъ друга нерадивость и страстность, вялость и напряженіе извѣстны Гамлету со всѣми ихъ муками и послѣдствіями. Весьма естественно, что душа его, едва она научилась различать людей, избрала себѣ въ друзья Горацію. Нельзя однако сказать, чтобъ Горацію обладалъ большой энергіей и способностью къ дѣятельности. Характеръ, подобный Фортинбрасову, слишкомъ бы расходился съ Гамлетовымъ. Горацію имѣетъ спокойный нравъ и съ удивительнымъ хладнокровіемъ и равнодушіемъ переноситъ стра-

данія и превратности судьбы. Это герой терпѣнія, одинъ изъ тѣхъ благословенныхъ, которымъ завидуетъ Гамлетъ. Страстность въ немъ настолько подчинена разсудку, что не дѣлаетъ его ни рабомъ счастія, ни неспособнымъ сопротивляться своимъ чувственнымъ влеченіямъ.

«Гибкость Гамлетовой натуры, его безпрестанные переходы отъ равнодушія къ горячности и отъ вспыльчивости къ изнеможенію выражаются также въ его попеременно-хорошемъ и дурномъ расположеніи духа, въ его сплинѣ и юморѣ и въ равновѣсіи сангвиническихъ и меланхолическихъ частей его темперамента. Поэтъ рѣзко обозначилъ сатирическо-остроумныя черты характера, которыя заставляютъ предполагать въ Гамлетѣ веселый и ясный нравъ, и возлѣ нихъ—элегически-сентиментальныя, выставляющія его унылымъ меланхоликомъ. И то и другое настроеніе духа не попеременно овладѣваетъ душей Гамлета, но дѣйствуетъ въ немъ въ какомъ-то сліяніи и выражается въ тѣхъ горькихъ сарказмахъ, которые составляютъ отличительный характеръ его рѣчей. Чрезъ развитіе и образованіе свѣтлыхъ сторонъ своего нрава, Гамлетъ достигъ бы счастія. Его расположеніе къ меланхоліи получило бы разсудительно-элегическое направленіе. Онъ можетъ быть и тогда посѣщалъ бы кладбище и уединенныя мѣста и охотно предавался бы нѣжному и чувствительному настроенію духа, но эта наклонность не доходила бы до унынія. Несчастіе, внезапно настигнувшее его въ то самое время, когда мы съ нимъ знакомимся, повергаетъ его въ это безотрадное положеніе. Судьба лишаетъ его богатства и, по словамъ Гёте, мнѣнія, какое онъ себѣ составилъ о родителяхъ. Нравъ его выходитъ изъ привычной колеи; онъ предается скорби, печали, внутреннему разстройству. Тяжелыя предчувствія его исполняются; онъ теряетъ присутствіе духа и всякую власть надъ собой. Вліяніе, какое имѣетъ на него страданіе, свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣкъ этотъ гораздо болѣе созданъ для счастія. Остроумная веселость и легкомысліе, въ немъ врожденныя и развитыя воспитаніемъ, сдѣлались бы его отличительными чертами въ счастіи. Онъ похожъ на колкихъ и остроумныхъ ораторовъ, которые такъ соотвѣтствовали вкусу того времени, и гораздо искуснѣе выполнилъ бы роль въ комедіи, нежели въ драмѣ. Остроуміе, столь принужденное въ притворномъ трагическомъ сумашествіи, было бы естественно при веселомъ комическомъ помѣшательствѣ. Ребенкомъ Гамлетъ любилъ общество шута Йорика, а теперь, даже среди заботъ и печали, занимается чтеніемъ сатиръ. Онъ легко и искусно острится съ людьми всѣхъ сословій. Юмористическія выходки, шутки, остроуміе, игра словами, сдѣлались для него привычкой и второй натурой. Удрученный горемъ,

среди трудныхъ обстоятельствъ, онъ находитъ столько же удовольствія въ своемъ черномъ одѣяніи и сгорбленномъ станѣ, сколько и въ бредняхъ ложнаго помѣшательства. Шутки и каламбуры невольно вмѣшиваются въ его трагически-возбужденное настроеніе духа, именно потому, что вошли у него въ привычку. Актеръ долженъ не придавать имъ большаго значенія; не возбуждать смѣху и не рѣзко переходить отъ веселости къ унынію. Въ противномъ случаѣ онъ пріобрѣлъ бы расположеніе партера, но зато вызвалъ бы неудовольствіе людей понимающихъ, потому-что они не хотятъ видѣть безпорядочныя движенія души, но желаютъ, чтобы актеръ передалъ нераздѣльно и въ полномъ согласіи картину, развернутую передъ нами поэтомъ. Юмористическія изображенія, саркастическія сравненія, выходки Гамлета вырываются у него съ удивительной быстротой, когда онъ взволнованъ. Эта странная манера излагать свои мысли не должна однако уничтожать ужаса, вызываемаго сценой клятвы. А въ сценѣ на кладбищѣ ни на минуту не слѣдуетъ измѣнять трогательному элегическому настроенію духа. Огорченный смертью отца и вѣтренностью матери, онъ говоритъ колкости, которыя стѣсняютъ сердце, тогда какъ при другихъ обстоятельствахъ онѣ возбуждали бы веселый смѣхъ. Въ Гамлетѣ, равно какъ и въ Ричардѣ II, печаль и несчастіе имѣютъ нѣчто общее съ минувшимъ счастіемъ. Къ обоимъ подходятъ слова Гонзаго: «Тамъ, гдѣ радость громче ликуетъ, печаль тяжело стонетъ». Оттого-то остроуміе и горе Гамлета одинаково выражаютъ глубину его натуры. Дурное представляется ему всегда въ своемъ худшемъ видѣ, тогда какъ изъ обыкновенной жизни онъ извлекаетъ ея смѣшныя стороны и противорѣчія и остроумно смѣется надъ ними. Въ отношеніи этого двусторонняго направленія своей натуры и другихъ ея свойствъ, Гамлетъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ принцемъ Генрихомъ. Ни мечтательность, ни меланхолія не чужды Генриху, чему служитъ доказательствомъ его поведеніе во время болѣзни и смерти отца. Но судьба и самыя наклонности его даютъ мало пищи этимъ свойствамъ. Онъ живетъ легко и весело, до тѣхъ поръ, пока его не поражаетъ суровое величіе его призванія. Тогда проявляются въ немъ самообладаніе, хладнокровіе и всѣ другія свойства многосторонней натуры, дѣлающей человѣка способнымъ къ выполненію великихъ жизненныхъ задачъ. И наоборотъ, Гамлету не чуждо веселое расположеніе духа. Весьма вѣроятно, что общество и обстоятельства, подобныя тѣмъ, въ какихъ находился Генрихъ, развили бы ясныя стороны Гамлетова нрава. Но, не смотря на это, онъ совершенно иначе перенесъ бы свое счастіе. Философія, основныя правила, воспитаніе, робкій сосредоточенный характеръ, скоро сдѣлали бы ему невыносимой шумную жизнь принца Генриха. Мир-

ныя женскія наклонности не допустили бы Гамлета до юношескихъ проступковъ Генриха, но и не довели бы до его юношескихъ добродѣтелей. Мы осмѣливаемся считать Гамлета и принца Генриха въ числѣ Шекспировыхъ юмористовъ, передъ которыми внезапно выступаютъ тяжелыя требованія серьезной жизни. Мы видимъ въ нихъ новое обогащеніе этой категоріи. Задача, выпавшая на долю Гамлета, находитъ его безоружнымъ и доводитъ до трагическаго исхода. Но, не смотря на это, онъ вполнѣ подходитъ къ тѣмъ личностямъ, которыя въ подобныхъ же обстоятельствахъ оказались твердыми и зрѣлыми, — къ тѣмъ, которыя еще крѣпли и зрѣли, и наконецъ къ принцу Генриху, превзошедшему всѣ ожиданія.

«Поэтъ одарилъ Гамлета не только природными качествами и различными свойствами темперамента, но и нравственнымъ и душевнымъ образованіемъ. Самъ дядя находилъ, что у него милый и тихій нравъ. Ему достались въ удѣлъ всѣ мирныя добродѣтели, всѣ нѣжныя и мягкія чувства. Но болѣе всего намъ нравится его сыновняя любовь. Уваженіе его къ покойному отцу безгранично; трауръ, который онъ по немъ носитъ, свидѣтельствуетъ объ искренности и глубинѣ его печали. Вѣтренность матери потрясаетъ всю его нравственную природу, а увѣренность въ преступленіи дяди окончательно сражаетъ. Правда, тяжесть скорби происходитъ въ Гамлетѣ отчасти отъ врожденнаго влеченія къ сентиментальности. Ему пріятно отыскивать худшія стороны своего положенія; онъ съ наслажденіемъ думаетъ о самоубійствѣ. Однако потрясеніе нравственныхъ вѣрованій существенно усиливаетъ бремя его печали. Гамлетъ совершенно правъ, когда называетъ добродѣтелью свою печаль въ той сценѣ, гдѣ старается пробудить въ матери раскаяніе и вырвать у нея признаніе. Его глубокая и тонко-нравственная природа вездѣ изображена широкими чертами. Гамлетъ не идетъ по обыденной житейской дорогѣ, не слѣдуетъ общепринятымъ привычкамъ, а живетъ по собственнымъ своимъ правиламъ, королевскій сынъ отказывается отъ всякаго рода принужденій и приличій; онъ любитъ общество актеровъ, избираетъ себѣ въ друзья бѣднаго Горація и любитъ Офелію, которая по своему собственному положенію стоитъ гораздо ниже его. Отъ этого влеченія къ скромной простой жизни происходитъ отчасти его отвращеніе къ неправдѣ, лести, лжи, къ несправедливымъ притязаніямъ во всѣхъ положеніяхъ и обоихъ полахъ. На кладбищѣ онъ клеймитъ позоромъ женщинъ, которыя бѣлятся и румянятся, политиковъ, старающихся обманывать самого Бога, законовѣдовъ и придворныхъ. Онъ презираетъ «водяныхъ мухъ», подобныхъ Полонію и Осрику. Эти «самыя ничтожныя произведенія природы», какъ ихъ называютъ въ Троилѣ, возмущаютъ его душу и онъ направляетъ про-

тивъ нихъ свое остроуміе. Сцена, въ которой Гамлетъ насмѣхается надъ молодымъ Осрикомъ, часто возбуждала удивленіе. Осрикъ имѣетъ лоскъ поверхностнаго образованія. Лаэртъ посвящаетъ его въ свой планъ мщенія и поручаетъ ему вызвать Гамлета на губительное для него состязаніе. Осрикъ выполняетъ это порученіе со всевозможными церемоніями и учтивостями. Вся сцена превосходно характеризуетъ Гамлета; онъ является въ ней вполнѣ противоположнымъ окружающей его толпѣ придворныхъ. Люди эти примѣняются къ образу мыслей своего вѣка, но не имѣютъ въ себѣ и зародыша истиннаго образованія. Благодаря своей смѣлости, они ослѣпляютъ даже людей мыслящихъ. Но подвергните ихъ серьезному испытанію, запасъ ихъ остроумія лопнетъ, какъ мыльный пузырь. Гамлетъ не имѣетъ ничего съ ними общаго. Въ сценѣ съ Осрикомъ онъ выказываетъ въ одинаковой мѣрѣ и отсталость свою отъ развитія времени, въ которомъ живетъ, и превосходство своего образованія надъ его невѣжествомъ. Онъ ненавидитъ пьянство и грубые нравы соотечественниковъ. Сластолюбіе Клавдія и сварливость Фортинбраса одинаково чужды его природѣ. Оттого-то и приступаетъ онъ съ столь различными ощущеніями къ выполненію задачи, на него возложенной. Въ немъ поднимается борьба высшаго закона съ природнымъ влеченіемъ къ мести и тончайшихъ нравственныхъ чувствъ съ инстинктами крови. Его нерѣшительность нельзя однако приписать одной слабости, она проистекаетъ также изъ совѣстливости и добродѣтели. Вотъ именно это и дѣлаетъ изъ Гамлета столь высоко-трагическій характеръ. Онъ сомнѣвается въ правотѣ своего дѣла и въ законности мести, а способы мщенія возмущаютъ его кроткое сердце. Обдумывая задачу и размышляя о ея послѣдствіяхъ, онъ разслабляетъ свои дѣйствующія силы. Всѣ эти сомнѣнія насчетъ «точнаго пониманія задачи», самъ Гамлетъ въ пылу самопорицанія приписываетъ на три четверти трусости и малодушію и только на одну четверть совѣстливости. Но поэтъ такъ искусно взвѣсилъ и смѣшалъ эти два различные элемента, что мы находимъ Гамлета несправедливымъ къ самому себѣ и по крайней-мѣрѣ половину его медлительности ставимъ насчетъ совѣстливости. Избытокъ чувствъ и упоеніе любви лишаютъ Ромео разсудка; его дикая радость сама себѣ готовитъ ужасный конецъ. Избытокъ совѣстливости, скорби и печали лишаютъ Гамлета дѣятельности. Здѣсь «добро, вполнѣ разцвѣтшее, умираетъ отъ собственнаго излишества». И здѣсь и тамъ «сила печали и радости разрушаетъ свою собственную дѣятельность».

«И не одни утонченные нравы и чувства достались въ удѣлъ Гамлету. Его умственныя дарованія и ихъ развитіе не менѣе за-

мѣчательны. Обладая наблюдательнымъ умомъ, онъ пріобрѣлъ глубокія свѣдѣнія и опытность. «У него благородный, въ высшей степени ясный разсудокъ; онъ для всѣхъ служитъ примѣромъ», говоритъ Офелія. Въ этомъ отношеніи Гамлетовъ характеръ есть изображеніе геніальной головы. Монологи этого «князя умозрительныхъ философовъ» всѣ образцовыя произведенія; размышленія, въ нихъ включенныя, верхъ совершенства. Шекспиръ вложилъ въ нихъ всю свою мудрость и до дна исчерпалъ ея необъятную глубину. Гамлетъ настоящій ученый; онъ носитъ съ собой памятную книжку, свободно и бѣгло приводитъ цитаты изъ своихъ чтеній. Онъ былъ въ университетѣ и теперь снова стремится туда. Но его не прельщаетъ, подобно Лаэрту, Парижъ; его тянетъ въ Виттенбергъ, который въ то время имѣлъ высокое значеніе для всякаго истиннаго протестанта въ Англіи. Въ немъ нѣтъ и тѣни царственнаго честолюбія; ничто не привлекаетъ его къ обществу людей одинаковаго съ нимъ званія; Горація, его школьный товарищъ и другъ, одинъ къ нему близокъ. Гамлетъ является намъ знатокомъ и любителемъ драматическаго искусства, поэтомъ и актеромъ. Онъ уже и прежде видѣлъ и коротко зналъ актеровъ. Онъ пишетъ вставную сцену въ пьесу, которую они должны играть, учитъ ихъ декламаціи и даетъ различные совѣты.

«Его оцѣнка отрывка изъ Пирра, — пьесы, написанной въ древнемъ Сенековомъ стилѣ, превосходно и глубоко обдумана. Его совѣты актерамъ обличаютъ образованный умъ и очищенный вкусъ. Это знатокъ, мнѣнія котораго дороже мнѣній цѣлаго театра. Весьма естественно, что ему приходитъ на мысль и посредствомъ представленія подвергнуть испытанію совѣсть короля. Онъ, такъ сказать, ищетъ замысловатой мести. Выполненіе ея при трогательной обстановкѣ, въ присутствіи испуганной матери имѣетъ для него родъ театральной прелести. Весьма характеристично, что когда испытаніе удается, Гамлета прежде всего занимаетъ не ужасное удостовѣреніе въ преступленіи, но довольство своимъ искусствомъ, какъ актера и поэта. Его занимаетъ не столько успѣхъ, сколько ловкость, которая содѣйствовала успѣху. «Не могъ-ли-бы я сдѣлаться актеромъ и получать полную плату»? вотъ его первыя слова послѣ представленія. Подобныя рѣчи, еще болѣе нежели поступки, дѣлаютъ его способнымъ къ драматическому искусству. Изъ этой наклонности Гамлета происходитъ то, что онъ, для достиженія своей цѣли, избираетъ окольную дорогу и, представляясь сумашедшимъ, выполняетъ роль свою такъ естественно и разумно. Онъ притворяется искусно и художественно, но подъ маской вполнѣ владѣетъ собой и остается ненавистникомъ притворства въ жизни. Тотчасъ по удаленіи тѣни, еще дрожа отъ ужаса, онъ крикомъ

сокола отвѣчаетъ на зовъ друзей, которые его ищутъ. Подъ видомъ веселости, онъ скрываетъ свое тревожное состояніе и свою тайну. Находиться или воображать себя въ положеніи актера есть въ немъ природное влеченіе, которое проистекаетъ прямо изъ его духовной жизни и изъ его занятій. Онъ съ нѣкотораго рода удовольствіемъ приготовляетъ поучительную проповѣдь и хочетъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ пробудить въ матери угрызенія совѣсти, между тѣмъ, какъ продолжаетъ избѣгать дѣла, которое само-собой привело-бы къ той-же цѣли. Когда Лаэртъ потоками высокопарныхъ рѣчей изливаетъ скорбь свою, Гамлетъ принимаетъ это за формальный вызовъ на борьбу восклицаній и жалобъ. Гамлетъ знаетъ и чувствуетъ за собой эту слабость. Онъ смотритъ на нее, какъ на препятствіе для своихъ стремленій къ дѣятельности и порицаетъ ее съ той-же силой, съ какой негодовалъ прежде на свою совѣстливую трусость или трусливую совѣстливость. Монологъ (II, 2), слѣдующій за первой встрѣчей его съ актерами, какъ нельзя яснѣе выражаетъ эту мысль. Гамлетъ даетъ себѣ оскорбительныя прозвища, называетъ себя тупымъ, безтолковымъ, ни на что неспособнымъ человѣкомъ, потому-что ничего не могъ... *сдѣлать*, ожидаете вы, а вмѣсто того, слышите: потому-что ничего не могу *сказать*. Онъ почти готовъ играть, какъ настоящій актеръ, радъ оглушать слушателей и довести до помѣшательства виновныхъ, какъ это и дѣлаетъ у матери. За тѣмъ слѣдуютъ укоризны. Онъ противъ самого себя обращаетъ бурный потокъ своего краснорѣчія, потомъ порицаетъ себя за это и снова забрасываетъ бранными словами. «Какой я оселъ! говоритъ онъ. Поощряемый къ мести и небомъ и адомъ, я долженъ словами облегчать свое сердце и раздражаться проклятіями, какъ какая-нибудь судомойка». Онъ опять подстрекаетъ себя къ дѣятельности и восклицаетъ: «моя голова», тогда какъ мы ожидаемъ, что онъ скажетъ: мои руки. Теперь-то и приходитъ ему на мысль подвергнуть короля испытанію: оно должно представить ему новый случай къ игрѣ словами! Такъ-то духъ этого человѣка и внутренняя его жизнь вездѣ господствуютъ надъ внѣшними побужденіями его природы и надъ его привычками. Смыслъ, придаваемый вещи, составляетъ, по его мнѣнію, мѣрило. Шекспиръ влагаетъ въ уста Гамлета философскія начала, которыя есть не-иное-что, какъ въ высшей степени характеристическія увлеченія изъ собственной опытности поэта и его знанія жизни. Добродѣтель и порокъ, хорошіе и дурные поступки не имѣютъ сами-по-себѣ никакого смысла, а получаютъ свое настоящее значеніе только вслѣдствіе цѣлей и отношеній, создаваемыхъ людьми. Не *что*, а *какъ* придаетъ цѣнность поступкамъ и лишаетъ ихъ достоинства. Это правило Шекспиръ извлекъ изъ своей опытности.

Онъ часто облекаетъ его въ выразительныя слова и примѣры и старательно взвѣшиваетъ каждое выраженіе, написанное въ этомъ смыслѣ. Въ устахъ Гамлета оно принимаетъ слѣдующій оборотъ: «Нѣтъ вещи, которая бы сама-по-себѣ была хороша или дурна; все зависитъ отъ смысла, какой ей придаютъ».

«Въ этомъ правилѣ заключается инстинктъ всѣхъ сомнѣній Гамлета. При всякой мало-мальски тяжелой необходимости дѣйствовать, онъ впадаетъ въ уныніе и начинаетъ медлить. Месть сама-по-себѣ для него ни дурное, ни хорошее дѣло. Но, по мнѣнію Шекспира, событія дѣлаютъ изъ нея обязанность для законнаго судьи въ государствѣ. Это справедливое наказаніе явнаго преступленія и лучшая и болѣе легкая задача, нежели месть Лаэрта. Но *смыслъ*, который Гамлетъ придаетъ своей задачѣ, наполняетъ его душу сомнѣніями, и онъ находитъ, что она исполнена непоборимыхъ трудностей. Сомнѣніе «въ точномъ пониманіи исхода мести» прежде всего наводитъ на Гамлета нравственное раздумье. Онъ боится поступить необдуманно и опрометчиво; разсудокъ и предусмотрительность предписываютъ дѣйствовать осторожно. Флегматическая натура доводитъ до крайности эту осторожность и совѣстливость, и Гамлетъ почти совсѣмъ не содѣйствуетъ выполненію задачи. Съ свойственной ему нравственной проницательностію, онъ сознаетъ недостатокъ своей природы и частью съ завистью, частью съ уваженіемъ смотритъ на дѣятельныя способности Лаэрта и Фортинбраса. Его прямое пониманіе того, что доставляетъ человѣку уваженіе и придаетъ ему вѣсъ, побуждаетъ его къ самопорицанію и доводитъ до волненія и страстнаго раздраженія. Онъ на мгновеніе разгорячается, приходитъ въ возбужденное настроеніе духа и поборяетъ всѣ препятствія, обыкновенно внушаемыя ему страхомъ.

«Но разъ навсегда потерявъ тотъ дѣятельный тактъ, который необходимъ для успѣшнаго окончанія дѣла, онъ въ рѣшительную минуту даетъ промахъ. Какъ слишкомъ медленная осмотрительность, такъ и минутная вспышка не дѣлаютъ человѣка способнымъ къ дѣятельности. Обильную послѣдствіями задачу нельзя быстро выполнять; ее надо совершать исподволь, вооружаясь строгой послѣдовательностію, твердостію и терпѣніемъ. Убивъ Полонія, Гамлетъ сдѣлалъ промахъ важный и вызвалъ этимъ необдуманнымъ шагомъ много тяжкихъ послѣдствій. Онъ приписываетъ все это судьбѣ, предопредѣленію, окончательно себя усыпляетъ и приходитъ къ слѣдующему убѣжденію: «Никакія обдумыванія и размышленія не помогаютъ дѣлу; они не ограждаютъ отъ заблужденій и не обезпечиваютъ успѣха нашихъ предпріятій. Мы напрасно составляемъ планы: Провидѣніе распоряжается ими по своему усмотрѣнію». Дойдя до подобнаго заключенія, Гамлетъ можетъ удобно сложить

съ себя всякую самостоятельную дѣятельность. Онъ начинаетъ все менѣе и менѣе думать о своемъ призваніи. Опытъ и сознаніе своихъ недостатковъ окончательно доводятъ Гамлета до этой неспособности къ дѣятельности. Но инстинктивное пониманіе своего безсилія еще прежде довело его до упадка духа. Еще онъ не призванъ къ мести, а жизнь уже тяготитъ его, какъ тяжелое бремя, и ему не разъ представляется мысль о самоубійствѣ. Онъ страшится совершить мнимое преступленіе и выполнить, можетъ быть, несправедливую месть, а во избѣжаніе этого замышляетъ самоубійство, дѣйствительное преступленіе, «на которое Предвѣчный наложилъ свое запрещеніе». Но и здѣсь опять его удерживаетъ тоже самое въ благопріятномъ исходѣ дѣла. Онъ не имѣетъ достаточно духу, чтобъ обойтись безъ одобренія совѣсти, которая порицаетъ самоубійство, да при томъ еще и не знаетъ, что послѣдуетъ за смертью. Будь онъ увѣренъ въ вѣчномъ, безмятежномъ снѣ, онъ бы долго не думалъ. Но когда ему представляется мысль о возможности сновидѣній и другой жизни, которая его снова призоветъ къ дѣятельности, онъ въ нерѣшимости стоитъ между двумя мірами, неспособный ни къ жизни, ни къ смерти. Малодушіе склоняетъ его то на ту, то на другую сторону. Изображеніе Гамлетова характера достигаетъ крайней степени своего развитія въ знаменитомъ монологѣ: «Быть или не быть». Мысль, что наши нравственныя и умственныя способности, совѣсть и разсудокъ удерживаютъ насъ отъ дѣятельности, мысль эта, составляющая смыслъ трагедіи, ясно выражена въ слѣдующихъ словахъ. «Такъ совѣсть дѣлаетъ изъ всѣхъ насъ малодушныхъ трусовъ. Яркій цвѣтъ нашихъ рѣшеній блекнетъ, лишь только разсудокъ бросаетъ на него свой блѣдный, мертвый оттѣнокъ. Достаточно одного этого, чтобы измѣнить теченіе самыхъ важныхъ предпріятій и отнять у нихъ самое названіе дѣла».

«Поэтъ задалъ себѣ блистательную задачу изобразить огромную пропасть, раздѣляющую чувство долга отъ его выполненія, волю отъ дѣла, проницательность отъ рѣшимости, рѣшимость отъ дѣйствій. Онъ развиваетъ отношенія, въ какихъ находятся между собой прекрасная душа и возвышенный характеръ, духовная и практическая природа человѣка, умственная энергія и дѣятельная сила. Онъ показываетъ намъ, какъ одностороннее образованіе ума разслабляетъ и связываетъ предназначенныя къ дѣятельности стороны нашей природы, какъ утонченнѣйшая обработка сердца безплодна въ отношеніи къ дѣйствующимъ силамъ, когда выпущено изъ виду образованіе воли; какъ занятіе внутреннимъ міромъ отчуждаетъ и отвлекаетъ отъ внѣшняго, набрасываетъ тѣнь на все существенное и подергиваетъ туманомъ дѣйствительное; какъ

руки, предназначенныя къ грубымъ занятіямъ, порабощаютъ нѣжныя чувства и, на оборотъ, какъ нѣжныя чувства неизбѣжно смягчаютъ руки, какъ трудно примѣненіе наилучшихъ теорій къ практикѣ; какъ прекраснѣйшія намѣренія безъ соразмѣрнаго имъ образованія умственныхъ, сердечныхъ и дѣятельныхъ силъ, имѣютъ мало значенія и какъ они еще далеки отъ окончанія дѣла; какъ благороднѣйшій разсудокъ (употребляя выраженіе Офеліи) шатокъ, когда онъ чуждъ этой соразмѣрности; онъ похожъ тогда на колоколъ, вылитый по прекрасно-составленному плану, но тѣмъ не менѣе издающій нестройные звуки. Точно также и характеръ Гамлета составленъ по прекрасному плану. Шекспиръ надѣлилъ его всѣми лучшими свойствами ума и сердца. Разсматривая только эти стороны характера, мы невольно плѣнимся его милыми качествами. Мало того, мы подумаемъ, что поэтъ отдаетъ предпочтеніе внутренной жизни человѣка передъ внѣшней, дѣятельной. И это отчасти подтверждается тѣмъ, что онъ отодвинулъ такъ далеко отъ перваго плана противоположныя Гамлету личности Лаэрта и Фортинбраса. Если же мы обратимъ вниманіе и на темныя стороны героя, примемъ въ соображеніе его трагическій исходъ и вспомнимъ о величавыхъ фигурахъ Генриха и Перси, то сознаемъ, что поэтъ умѣетъ одинаково уважать обѣ стороны человѣческой природы. Передъ нами еще новое доказательство того, какъ онъ безпристрастно и удивительно-соразмѣрно влагаетъ въ человѣка все то, что ему свойственно. Онъ возводитъ Гамлета на высоту геніальнаго ума и нравственныхъ стремленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ недостатки его способностей и образованія, — недостатки, которые приносятъ такой ущербъ его добродѣтелямъ. Удовольствіе, съ какимъ Шекспиръ останавливается на этомъ характерѣ, тѣмъ благодѣтельнѣе, что выказываетъ въ поэтѣ снисхожденіе высшаго, а не симпатію равнаго. По его мнѣнію, качества, чуждыя Гамлету, именно и составляютъ достоинство человѣка. Въ Перси и Генрихѣ, убѣжденныхъ, что только дѣятельная жизнь есть настоящая, поэтъ хотѣлъ изобразить превосходство дѣятельной природы человѣка. Въ Гамлетѣ онъ стремится къ тому же, только посредствомъ противоположности. Щедро надѣленный фантазіей и сердцемъ, Гамлетъ создалъ гораздо болѣе для чувства и мысли, нежели для тѣла; онъ рожденъ скорѣе быть художникомъ и ученымъ, нежели героемъ, воиномъ и государственнымъ мужемъ. Съ превосходствомъ, свойственнымъ его уму, онъ нашелъ правило, которое должно руководить насъ къ жизни. Правило это, высочайшая истина, когда-либо высказанная Шекспиромъ, уже приведено выше: «Не волноваться безъ достаточныхъ къ тому причинъ, не начинать ссоры изъ-за пустой соломенки, но умѣть себя защищать,

когда дѣло идетъ о чести—значитъ быть истинно великимъ». Гамлетъ, въ высшей степени одаренный проницательностью, могъ только высказать эту истину, но никакъ не выполнить, какъ Генрихъ, преисполненный стремленій къ дѣятельности и къ дѣятельной жизни. Побужденія «крови и разсудка» составляютъ для него великую задачу. Но сомнѣнія, какія внушаетъ ему разсудокъ, пересиливаютъ влеченіе крови, умъ уничтожаетъ инстинктъ, настоящій источникъ вѣрныхъ и безопасныхъ поступковъ. Честь, честолюбіе и чувство собственнаго достоинства, бывшія главными двигателями героевъ, ему совершенно чужды. Хотя Гамлетъ и обвиняетъ себя передъ Офеліей въ гордости, мстительности и честолюбіи, однако не зараженъ ни однимъ изъ этихъ недостатковъ. Гораздо естественнѣе вздохъ, которымъ онъ сопровождаетъ отвѣтъ свой Розенкранцу и Гильденштерну, когда они съ своей стороны подозрѣваютъ его въ честолюбіи: «Меня можно посадить въ орѣховую скорлупу, говоритъ онъ, и я буду считать себя владѣтелемъ огромнаго пространства». Изъ этого видно, что онъ далеко не походитъ на Геркулеса, ни на Александра, которымъ весь міръ казался тѣснымъ. Отстраненіе отъ наслѣдственнаго престола и военныя хитрости Фортинбраса ни мало ни пробуждаютъ въ немъ честолюбія, дѣлающаго изъ Генриха и Перси настоящихъ героевъ. Въ немъ едва замѣтна маленькая зависть къ фектовальному искусству Лаэрта. Въ Гамлетѣ изображенъ соціальный характеръ новѣйшаго времени, совершенно чуждый геройскихъ нравовъ необразованнаго вѣка, въ который его забросила судьба. Тамъ все основано на физической силѣ и на влеченій къ дѣятельности, въ чемъ природа рѣшительно отказала Гамлету. Всѣ кровавыя, неестественныя происшествія, каковы: нарушеніе супружеской вѣрности, отравленіе, кровавая месть, поединокъ съ Норвегіей стараго Гамлета, ледяная битва съ Поляками — переносятъ насъ въ такое грубое и дикое время, изъ котораго Гамлетъ выдвигается всей своей натурой. Онъ дѣлается его жертвой, потому что одинаково чуждъ его характеру, привычкамъ и образованію. «Онъ, какъ межевой камень, стоитъ на рубежѣ двухъ различныхъ цивилизацій и стремится къ міру тонкихъ чувствованій. Онъ одаренъ болѣе нѣжной нервной организаціей, нежели его окружающія натуры. Ему досталась въ удѣлъ сила знанія и мысли, совершенно расходящаяся съ силой мускуловъ древняго героическаго времени. Его достояніе заключается въ такихъ чувствахъ и въ кроткомъ нравѣ, которые онъ завѣщалъ послѣдующимъ вѣкамъ. Свойственная нашему времени чувствительность была извѣстна автору еще за два вѣка, какъ-бы чрезъ откровеніе. Слова: «Ахъ! бѣдный Йорикъ»! которыя Гамлетъ произноситъ на кладбищѣ со слезами на глазахъ

и съ безпредѣльной тоской въ сердцѣ, сдѣлались какъ-бы обильнымъ источникомъ тѣхъ мягкихъ и кроткихъ настроеній духа, которыя въ прошломъ вѣкѣ, какъ эпидемія, распространились въ Англіи и Германіи. Они-то и побудили Стерна написать свое (Йориково) чувствительное путешествіе. Эта книга, такъ сказать, внезапно открыла шлюзъ, удерживавшій потоки сентиментальности, и какъ потопъ залила ею всю Германію.

«Впродолженіе почти 100 лѣтъ пьеса эта служитъ предметомъ толковъ; она сдѣлалась у насъ самымъ извѣстнымъ изъ всѣхъ Шекспировыхъ произведеній, именно потому, что нравственное положеніе, въ ней изображенное, весьма намъ понятно. Мы видимъ здѣсь самихъ себя. Влюбленные въ свои собственные недостатки, мы видѣли въ Гамлетѣ только свѣтлыя стороны его характера и недавно стали замѣчать на немъ пятна. Это произведеніе какъ будто написано въ наши дни; оно точно зеркало, въ которомъ отражается современное намъ поколѣніе.

«Трагедію эту, въ которой подъ конецъ исчезаютъ и гибнутъ почти всѣ дѣйствующія лица, находили достойной только варварской, кровавой, грубой, суровой эпохи. Но цѣль поэта въ томъ именно и состояла, чтобы такимъ безполезнымъ кровопролитіемъ охарактезировать и наказать своего героя, не имѣвшаго духу пролить нужную кровь. Самъ Шекспиръ высказалъ это съ яснымъ самосознаніемъ. Король спрашиваетъ Лаэрта: «развѣ ты рѣшился отмстить вмѣстѣ и друзьямъ и врагамъ твоего отца, виновнымъ и невиннымъ, выигравшимъ и потерявшимъ съ его смертью»? Мститель менѣе совѣстливый довольствуется наказаніемъ одного только виновнаго. А исполненный совѣстливости Гамлетъ все портитъ своей неловкостью. Поэтъ однимъ словомъ очевидно изъясняетъ свое глубокое намѣреніе. Фортинбрасъ говоритъ при видѣ груды труповъ: «это убійство настоящее harock». Слово это на языкѣ охотниковъ означаетъ дичь, безполезно застрѣленную неопытнымъ и неловкимъ охотникомъ, подобно тому, какъ здѣсь неловкій мститель безполезно губитъ людей. И такъ кровавый конецъ трагедіи нимало не есть слѣдствіе ошибки поэта въ отношеніи къ эстетикѣ, но слѣдствіе нравственной ошибки его Гамлета. Смыслъ всей пьесы и расположеніе характеровъ съ самаго начала стремились къ такому концу».

Слова *Вольтера:* «Гамлетъ становится во второмъ актѣ сумасшедшимъ, а его возлюбленная, въ третьемъ актѣ—помѣшанною; принцъ убиваетъ отца своей любезной, представляясь будто онъ убиваетъ мышь, и героиня бросается въ воду. Ей роютъ могилу на сценѣ; могильщики говорятъ каламбуры, приличные ихъ званію, держа въ рукахъ черепы; принцъ отвѣчаетъ на ихъ противныя глупости дикостями, которыя не менѣе отвратительны.

Между тѣмъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ завоевываетъ Польшу. Гамлетъ, его мать, вотчимъ, вмѣстѣ пьютъ на сценѣ, за столомъ поютъ пѣсни, потомъ ссорятся, дерутся и убиваютъ другъ друга». (Гервинусъ, пер. Тимофеева. Вып. 1, стр. 39).

Слова *Гизо*: «Гамлетъ не самая лучшая изъ драмъ Шекспира; Макбетъ и, по моему, даже Отелло гораздо выше ея; но въ Гамлетѣ, можетъ быть, находятся самые разительные образцы—какъ высочайшихъ красотъ поэта, такъ и самыхъ непріятныхъ недостатковъ. Никогда не раскрывалъ онъ съ большой самостоятельностью, съ большой глубиной и съ сильнѣйшимъ драматическимъ дѣйствіемъ внутреннее состояніе великой души; никогда также не предавался онъ больше ужасающимъ или шуточнымъ прихотямъ своего воображенія и плодовитой невоздержности ума, разсыпающаго безъ разбора идеи, и сильнымъ, остроумнымъ и неожиданнымъ выраженіямъ, дѣлающимъ ихъ поразительными, безъ всякой заботы объ естественности и чистотѣ ихъ формы.

«По своему обыкновенію, Шекспиръ не заботился въ Гамлетѣ ни объ изобрѣтеніи, ни о стройномъ расположеніи сюжета: онъ взялъ факты, какими нашелъ ихъ въ сказочныхъ разсказахъ древней Датской исторіи Саксона Грамматика, превращенныхъ Беллефорстомъ, около половины XVI вѣка, въ трагическія исторіи и вскорѣ переведенныхъ и сдѣлавшихся народными въ Англіи, не только въ публикѣ, но и на театрѣ, потому что шестью или семью годами раньше Шекспира, въ 1589 г., одинъ Англійскій поэтъ, извѣстный Томасъ Кидъ, сдѣлалъ уже изъ Гамлета трагедію. Вотъ текстъ историческаго разсказа, изъ котораго, какъ ваятель изъ куска мрамора, Шекспиръ создалъ свою трагедію:

—«Фенгонъ, подговоривши тайно людей, бросился однажды на пиру на брата своего Горвендилля, котораго и убилъ измѣннически, потомъ лукаво оправдался предъ его подданными въ этомъ ненавистномъ убійствѣ. Прежде, чѣмъ онъ наложилъ братоубійственную руку на своего брата, онъ соблазнилъ жену того, котораго лишилъ чести, потомъ погубилъ....

«Ободренный такою безнаказанностью, Фенгонъ осмѣлился еще совокупиться бракомъ съ женой добраго Горвендилля... И эта несчастная, имѣвшая честь быть супругою одного изъ самыхъ доблестныхъ и мудрыхъ принцевъ сѣвера, допустила себя унизиться до такой мерзости, что покривила передъ нимъ душею и, что хуже еще, вышла замужъ за того, кто былъ убійцей ея законнаго мужа...

«Когда Герута до такой степени забылась, принцъ Амлетъ, видя опасность и оставленный матерью, чтобъ обмануть Фенгона, такъ хитро и тонко притворился дуракомъ, что скрылъ свои намѣренія и спасъ свою жизнь. Всякій день бывалъ онъ во дворцѣ королевы, заботившейся болѣе о томъ, чтобы нравиться своему соблазнителю, чѣмъ объ отмщеніи за своего мужа и о возвращеніи сыну его наслѣдства. Амлетъ бѣгалъ, какъ бѣшеный, не говорилъ ничего, что не обнаруживало бы изступленія его чувствъ, и всѣ его жесты и поступки показывали человѣка, лишеннаго совершенно разсудка, такъ что онъ служилъ уже только забавою для вѣтренныхъ пажей и придворныхъ, бывшихъ въ свитѣ его дяди и вотчима... Однакожъ были поступки, полные значенія, и отвѣчалъ онъ такъ кстати, что умный человѣкъ скоро увидѣлъ бы, отъ какого ума происходитъ такое сужденіе....

«Амлетъ этимъ средствомъ узналъ, въ какую опасность онъ поставилъ бы себя, еслибъ какимъ бы то ни было образомъ подчинился милымъ ласкамъ и приголубливаньямъ дѣвушки, подосланной его дядей. Принцъ, тронутый кра-

сотою дѣвушки, былъ ею защищенъ отъ измѣны, потому что она любила его съ дѣтства и была очень опечалена его бѣдствіемъ...

«Надобно, говорилъ одинъ изъ друзей Фенгона, чтобъ сказали, что король уѣхалъ куда-нибудь, а между тѣмъ запереть Амлета одного съ матерью, въ комнатѣ, въ которой былъ бы спрятанъ кто-нибудь, чтобъ подслушать ихъ разговоръ и узнать о злыхъ замыслахъ этого умнаго дурака и хитраго собесѣдника... Онъ даже предложилъ себя въ шпіоны и свидѣтели разговора сына съ матерью.... Король съ большимъ удовольствіемъ принялъ эту выдумку...

«Между тѣмъ совѣтникъ вошелъ тайно въ комнату королевы и спрятался подъ какое-то одѣяло незадолго до того, какъ заперли въ ней сына съ матерью. Амлетъ былъ хитеръ и догадливъ; вошедши въ комнату и подозрѣвая измѣну или коварный умыселъ, онъ продолжалъ по своему дѣлать глупости и дурачества, вскочилъ на это одѣяло и, чувствуя, что подъ нимъ что-то скрыто, тотчасъ вонзилъ туда свой мечъ... Открывъ такимъ образомъ ковъ и наказавъ изобрѣтателя, онъ возвращается къ плакавшей королевѣ; потомъ, осмотрѣвъ еще всю комнату и видя себя наединѣ съ нею, онъ заговорилъ съ нею очень умно и строго, осыпая ее укоризнами за измѣну отцу.

«Хотя королева чувствовала себя уязвленною, но какъ Амлетъ живо тронулъ ее тѣмъ, въ чемъ она болѣе принимала участія, то она забыла негодованіе и предалась великой радости, увидѣвъ, что сынъ ея не сумашедшій. Съ одной стороны она не смѣла поднять глазъ, чтобъ посмотрѣть на него, вспоминая о своемъ проступкѣ, а съ другой она охотно обняла бы своего сына за умныя увѣщанія.

«Съ нимъ были посланы въ Англію два вѣрные министра Фенгона съ письмами, вырѣзанными на деревѣ, въ которыхъ поручалось Англичанамъ умертвить Амлета. Но хитрый принцъ, во время сна своихъ спутниковъ, осмотрѣвъ письма и узнавъ о вѣроломствѣ дяди и злобѣ придворныхъ, ведшихъ его на убіеніе, срѣзалъ слова, въ которыхъ говорилось о его смерти, и вмѣсто ихъ вырѣзалъ приказаніе Англичанамъ повѣсить своихъ спутниковъ»...—

«Очевидно, что въ этомъ разсказѣ Гамлетъ поразилъ и прельстилъ Шекспира. Молодой принцъ, дурачекъ по разсчету, и можетъ быть немного по природѣ хитрый и меланхолическій, горячій мститель за смерть отца и искусно спасающій собственную жизнь, обожаемый молодою дѣвушкой, подосланной погубить его, предметъ ужаса и въ тоже время нѣжности его виновной матери и, почти до конца скрытный и непостижимый для обѣихъ, лице, полное страсти и тайны, знающее сокровенныя науки, и которому, можетъ быть, «при посредствѣ его глубокой меланхоліи, удавалось угадывать то, чего никто не сообщалъ ему» — какія удивительныя данныя для Шекспира, столь любопытнаго и столь глубокаго изслѣдователя темныхъ треволненій души человѣческой! Изобрази онъ только, ясно обрисовавши и ярко разцвѣтивъ своею кистію этотъ характеръ и это положеніе такими, какъ дала ихъ хроника, и онъ навѣрное создалъ бы капитальное твореніе.

«Но Шекспиръ сдѣлалъ гораздо больше: подъ его рукой сумасбродство Гамлета становится совсѣмъ не упорнымъ умысломъ или меланхолическою восторженностью молодаго принца среднихъ вѣковъ, поставленнаго въ страшное положеніе и погруженнаго въ мрачное намѣреніе: нѣтъ, это нравственное состояніе—душевная болѣзнь, поражающая часто самыхъ благородныхъ людей смятеніемъ, очень близкимъ къ сумасшествію. Міръ исполненъ зла и всякаго рода зла. Сколько страданій, преступленій, заблужденій! Сколько неправдъ общихъ и частныхъ, открытыхъ и незнаемыхъ! Сколько заслугъ

подавленныхъ или непризнанныхъ, потерянныхъ для общества, обременительныхъ для владѣющихъ ими! Сколько лжи и холодности, и легкомыслія, и неблагодарности, и забвенія въ отношеніяхъ и чувствованіяхъ людей! Жизнь такъ коротка и между тѣмъ такъ тревожна, тягостна и пуста! Будущее темно! Столько неизвѣстности послѣ столькихъ испытаній! Понятно, что у тѣхъ, кто видитъ только эту сторону міра и человѣческой участи, умъ смущается, сердце изнемогаетъ и человѣконенавистная меланхолія дѣлается обычнымъ расположеніемъ, повергающимъ ихъ поперемѣнно въ раздраженіе или въ сомнѣніе, въ ироническое презрѣніе или въ уныніе.

«Конечно, эта болѣзнь не того времени, въ которое, по хроникѣ, жилъ Гамлетъ, и не того, въ которое жилъ самъ Шекспиръ. Средніе вѣка и XVI вѣкъ были эпохами слишкомъ дѣятельными и слишкомъ грубыми для того, чтобъ эти горькія размышленія и это болѣзненное развитіе человѣческой чувствительности легко могло развиться. Они гораздо скорѣе принадлежатъ временамъ утонченной жизни, живаго и вмѣстѣ празднаго нравственнаго возбужденія, когда души лишены всякаго сильнаго и обязательнаго занятія. Тогда-то зараждается то мыслящее недовольство, эта страстная воспріимчивость и весь этотъ искусственный гнѣвъ человѣка на все его окружающее.

«Эту-то скорбную болѣзненность, это-то глубокое смятеніе, которыя входятъ въ душу отъ мрачной и ложной оцѣнки внѣшняго вообще и самаго человѣка въ особенности, и которыхъ Шекспиръ не встрѣчалъ ни въ своемъ времени, ни въ томъ, къ которому относится разсказъ, онъ угадалъ и создалъ изъ нихъ фигуру и характеръ Гамлета. Перечитайте четыре большіе монолога, въ которыхъ Датскій принцъ выражаетъ свои внутреннія чувствованія[1]); соберите, разсѣянныя во всей пьесѣ, отдѣльныя выраженія, въ которыхъ онъ обнаруживаетъ ихъ мимоходомъ; отыщите и сведите воедино все, что ясно и что скрывается во всемъ томъ, что онъ думаетъ и что говоритъ, и вы вездѣ встрѣтите эту нравственную болѣзнь, которую я только-что описалъ. Въ ней-то дѣйствительно гораздо больше, чѣмъ въ печаляхъ и личныхъ опасностяхъ заключается источникъ меланхоліи Гамлета: это его господствующая мысль и его помѣшательство. Съ удивительнымъ геніальнымъ смысломъ для того, чтобъ сдѣлать не только выносимымъ, но поразительнымъ зрѣлище столь мрачной болѣзни, Шекспиръ самой болѣзни придалъ усладительныя, прелестныя качества. Онъ создалъ Гамлета прекраснымъ, любимымъ народомъ, великодушнымъ, даже нѣжнымъ. Онъ хотѣлъ, чтобы инстиктивный характеръ его героя возвысилъ нѣкоторымъ образомъ въ немъ человѣческую природу надъ недовѣріемъ и проклятіями, которыми подавляла ее философская его меланхолія.

«Но въ то же время, руководимый инстинктомъ гармоніи, никогда не оставляющимъ истиннаго поэта, Шекспиръ разлилъ по всей драмѣ мрачный цвѣтъ: привидѣніе убитаго короля съ самаго начала сообщаетъ движеніе пьесѣ и ведетъ ее до конца. И при концѣ также царствуетъ смерть; всѣ умираютъ, невинные и виновные: и принцъ, и молодая дѣвушка, болѣе помѣшанная, чѣмъ онъ; всѣ соединяются съ привидѣніемъ, вышедшимъ изъ могилы только затѣмъ, чтобъ всѣхъ увлечь въ нее за собою. Цѣлое событіе также печально, какъ мысль Гамлета. Остаются на сценѣ только иноземцы, Норвежцы, появившіеся на ней въ первый разъ и непринимавшіе никакого участія въ дѣйствіи.

«За этой великой нравственной картиной слѣдуетъ вторая высокая Шек-

---

[1]) Актъ I, сцена II; актъ II, сцена II; актъ III, сцена I; актъ IV, сцена IV.

спировская красота—драматическое дѣйствіе. Нигдѣ оно не бывало такъ полно, такъ поразительно, какъ въ Гамлетѣ, потому что здѣсь находятся оба условія великаго драматическаго дѣйствія — единство и разнообразіе. Смерть паритъ надъ всей драмой; привидѣніе убитаго короля представляетъ и олицетворяетъ ее; оно всегда тутъ, то само на сценѣ, то въ мысли и въ рѣчахъ другихъ дѣйствующихъ лицъ. Великіе и малые, виновные и невинные, принимающіе въ немъ участіе, или равнодушные къ его участи, постоянно имъ заняты; одни съ угрызеніемъ совѣсти, другіе съ привязанностью и скорбью, иные просто изъ любопытства, нѣкоторые даже и не изъ любопытства, а единственно по случаю: напримѣръ, этотъ суровый могильщикъ, который началъ свое ремесло въ тотъ день, въ который этотъ великій король одержалъ важную побѣду надъ сосѣдомъ своимъ, Норвежскимъ королемъ, и который, продолжая рыть могилу прекрасной Офеліи, помѣшавшейся возлюбленной помѣшаннаго Гамлета, находитъ черепъ бѣднаго Йорика, бывшаго шутомъ при покойномъ королѣ, черепъ шута этого привидѣнія, которое выходитъ каждую минуту изъ своей могилы тревожить живыхъ и добиваться праведнаго наказанія за свое убійство. Всѣ эти дѣйствующія лица, при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, поперемѣнно выведены на сцену, сведены съ нея и опять являются каждое съ своей физіономіей, съ своимъ языкомъ, съ своимъ собственнымъ впечатлѣніемъ; и всѣ безпрестанно содѣйствуютъ поддержанію, укрѣпленію этого единаго и общаго впечатлѣнія смерти, смерти справедливой или несправедливой, естественной или насильственной, забытой или оплаканной, но всегда присущей смерти, которая и должна бы быть постоянной мыслію людей.

«На театрѣ, предъ зрителями, собравшимися въ большомъ числѣ, дѣйствіе этой драмы, столь печальной и вмѣстѣ столь одушевляемой, неотразимо; душа взволнована до глубины своей въ то самое время, какъ воображеніе и чувство заняты и увлечены внѣшнимъ непрерывнымъ и быстрымъ движеніемъ. Здѣсь видѣнъ двойственный геній Шекспира, одинаково неисчерпаемаго философа и поэта, моралиста и машиниста поперемѣнно, съ одинаковымъ искусствомъ наполняющаго шумно сцену и проникающаго въ самыя сокровенныя тайны человѣческаго сердца, вѣрнымъ ихъ изображеніемъ. Подвластные непосредственному дѣйствію такой могучей силы, собравшіеся зрители не требуютъ отъ нея ничего сверхъ того, что она даетъ имъ; она господствуетъ надъ ними и завладѣваетъ ихъ сочувствіемъ и удивленіемъ. Неподатливые и разборчивые умы, которые судятъ почти въ тотъ же моментъ, въ который чувствуютъ, и которые даже при самыхъ живыхъ своихъ удовольствіяхъ не оставляютъ требовать совершенства, также наслаждаются Шекспиромъ и удивляются ему, но ихъ удивленія и наслажденія непріятно прерываются то сгроможденіемъ и сумятицей дѣйствующихъ лицъ и ненужныхъ случаевъ, то длиннымъ и мелочнымъ развитіемъ сужденій или идеи, на которую слѣдовало бы указать мимоходомъ, но на которой поэтъ останавливается, любуясь самъ собою, а еще чаще причудливою смѣсью грубости и изысканности въ языкѣ, дающею иногда самымъ вѣрнымъ чувствованіямъ поддѣльную и изысканную форму, самымъ лучшимъ вдохновеніямъ философіи и поэзіи — грубый видъ. Этихъ недостатковъ много въ Гамлетѣ. Не хочу ни брать на себя непріятнаго труда доказывать это, ни умолчать объ этомъ. Въ геніальности Шекспиръ не имѣетъ, можетъ быть, соперниковъ; но въ высшихъ и чистыхъ областяхъ искусства онъ не можетъ быть образцемъ».

КОРОЛЬ ЛИРЪ.

ДѢЙСТВІЕ I.

СЦЕНА I.

(Тронная зала во дворцѣ короля Лира).

ВХОДЯТЪ ЛИРЪ, ГЕРЦОГЪ КОРНВАЛЛЬСКІЙ, ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ ГОНЕРИЛЬЯ, РЕГАНА, КОРДЕЛІЯ И СВИТА.

ЛИРЪ.

Король Французскій и Бургундскій герцогъ!
Принять ихъ, Глостеръ!

(Глостеръ уходитъ).

Мы же, между тѣмъ,
Передадимъ нашъ замыселъ давнишній.
Подайте карту королевства. Знайте

(Приносятъ карту).

Всѣ здѣсь стоящіе, что на три части
Мы раздѣлили наше государство
И твердо вознамѣрились: сложивши
Съ себя заботы трудной царской власти,
Безъ ноши на плечахъ, плестись ко гробу.—
Пора дать мѣсто юношамъ.
Приблизься,
Нашъ милый зять и сынъ, Корнвалльскій герцогъ,
И ты, Альбани, столько жъ намъ любезный.

(Герцоги и ихъ жены подходятъ).

Пора вамъ знать, какое мы даемъ
Приданое за дочерьми, и чѣмъ
Предупреждаемъ будущіе споры.
Король Французскій и Бургундскій герцогъ,
Въ меньшую дочь влюбившіеся нашу,
Соперники и гости дорогіе,
Теперь отвѣтъ получатъ. Дѣти наши,
Скажите намъ (какъ уже мы теперь
Сдаемъ и власть и выгоды отъ власти),
Которая изъ трехъ насъ больше любитъ,
Чтобъ мы могли за бо́льшую любовь
Воздать теперь же бо́льшею наградой.
За Гонерильей, какъ за старшей въ родѣ,
Рѣчь первая.

ГОНЕРИЛЬЯ.

Сэръ! васъ люблю я больше,
Чѣмъ выразить то можно слабымъ словомъ,
Чѣмъ свѣтъ очей, пространство и свободу,
Чѣмъ красоту, богатство, честь и жизнь.
Слова безсильны предъ такой любовью
И голосъ мой слабѣе словъ моихъ!

КОРДЕЛІЯ *(въ сторону).*

Что жъ дѣлать мнѣ? любить — молчать, — и только!

ЛИРЪ *(указывая на картѣ, Гонерильѣ).*

Весь здѣшній край — отъ той черты до этой,
Съ тѣнистымъ лѣсомъ, пышными лугами,
Съ богатствами полей и рѣкъ обильныхъ,
Мы отдаемъ тебѣ съ твоимъ потомствомъ
Въ владѣнье вѣчное. Теперь, что скажетъ
Дражайшая, вторая наша дочь,
Регана Корнваллійская?

РЕГАНА.

Съ сестрою
Одной породы и цѣны мы обѣ.
На всѣ слова ея горячимъ сердцемъ
Даю я полное мое согласье,
Съ однимъ лишь добавленьемъ. Я считаю
Себя врагомъ всѣхъ радостей земныхъ
И счастіе всей жизни вижу только
Въ моей любви къ высокому отцу.

КОРДЕЛІЯ *(въ сторону).*

О, какъ бѣдна Корделія, но все же
Ея любовь сильнѣе словъ такихъ!

ЛИРЪ *(указывая карту Регантѣ).*

Изъ рода въ родъ, тебѣ съ дѣтьми твоими
Даемъ мы эту треть владѣній нашихъ.
Не меньше въ ней обилія, довольства,
Чѣмъ въ долѣ первой. Ну, мое дитя,
(Корделіи)
Меньшое, не послѣднее, предметъ

Любви и спора двухъ владыкъ могучихъ,
Что скажешь ты, чтобъ заслужить отъ насъ
Часть лучшую, чѣмъ сестры? Говори. —

КОРДЕЛІЯ.

Государь, ничего.

ЛИРЪ.

Ничего?

КОРДЕЛІЯ.

Ничего.

ЛИРЪ.

Изъ ничего не выйдетъ ничего.
Подумай и скажи.

КОРДЕЛІЯ.

Я такъ несчастна, —
Моя любовь не скажется словами.
Я, государь, люблю васъ такъ, какъ мнѣ
Мой долгъ велитъ, не больше и не меньше.

ЛИРЪ.

Какъ? какъ? Корделія? Исправь немного
Ты рѣчь свою, чтобъ не было бѣды.

КОРДЕЛІЯ.

Сэръ! вы мнѣ дали жизнь и воспитанье,
Любили вы меня, и я какъ должно
За то плачу любовію моей,
И преданностью, и повиновеньемъ.
Зачѣмъ же сестры, васъ однихъ любя,
Живутъ съ мужьями? Если мнѣ придется
Отдать мужчинѣ руку, съ нею вмѣстѣ,
Возьметъ онъ часть любви, заботъ и долга.
Когда бъ я одного отца любила,
То замужъ бы не вышла никогда.

ЛИРЪ.

Отъ сердца рѣчь твоя?

КОРДЕЛІЯ.

Да, государь!

ЛИРЪ.

Такъ молода, и такъ черства ты сердцемъ?

КОРДЕЛІЯ.

Я молода, но не боюсь я правды.

ЛИРЪ.

Пусть будетъ такъ. Пускай же эта правда
Тебѣ приданымъ служитъ. Здѣсь клянусь я,
Святымъ сіяньемъ солнца, темной ночью,
Движеньемъ сферъ, дающимъ жизнь и смерть,
Что отрекаюсь отъ заботъ отцовскихъ,
Отъ кровной связи, отъ любви всегдашней
И отчуждаюсь отъ родства съ тобою
Отнынѣ и навѣки. Дикій Скиѳъ
И людоѣдъ, свою семью сожравшій,
Для сердца моего милѣе будутъ,
Чѣмъ ты, когда-то наша дочь.

КЕНТЪ.

Король....

ЛИРЪ.

Кентъ, молчать!
Не подходи къ разгнѣванному змѣю!
Ее любилъ я, ей хотѣлъ подъ старость
Я ввѣрить свой покой. Прочь съ глазъ моихъ!

(Корделіи).

Вѣрнѣе смерти то, что отвергаю
Тебя отъ сердца моего. Скорѣй
Зовите короля! Что жъ? Кто идетъ?
Позвать Бургундца! Вы, мои зятья
И дочери, къ приданому прибавьте
Всю третью часть, отнятую у ней.
Пусть гордость ей одна приданымъ служитъ!
Сдаю я вамъ всѣ царскія права,
И власть мою, и первенство по сану,
Изъ свиты всей себѣ я отдѣляю

Сто рыцарей, и съ ними, каждый мѣсяцъ,
Я стану жить у дочерей моихъ
Поочередно. Королевскій титулъ
И честь, съ нимъ сопряженная, за мной
Останутся одни, — все жъ остальное:
Доходы всѣ, расправа и владѣнье,
За вами, дѣти милыя, и вотъ
Корона вамъ моя. *(Отдаетъ корону).*

КЕНТЪ.

Великій Лиръ!
Тебя всегда любилъ я, какъ отца,
Чтилъ какъ царя, какъ властелина слушалъ,
Въ молитвахъ имя Лира поминая...

ЛИРЪ.

Натянутъ лукъ — не стой передъ стрѣлою!

КЕНТЪ.

Спускай же тетиву: пускай стрѣла
Пробьетъ мнѣ сердце. Кентъ льстецомъ не будетъ,
Когда король безумствуетъ. Старикъ!
Ты думаешь, что честный рабъ смолчитъ
Тамъ, гдѣ подлецъ гнетъ шею? Если Лиръ
Себя унизилъ, Кентъ молчать не станетъ!
Опомнись! отмѣни свое рѣшенье!
Одумайся! скорѣй останови
Въ себѣ порывы злобы безобразной!
Я головой ручаюсь, дочь меньшая
Не меньше старшихъ предана тебѣ,
Вѣрь, не безъ сердца тотъ, чья рѣчь тиха,
Безъ словъ пустыхъ.

ЛИРЪ.

Молчи, коль жизнь ты цѣнишь!

КЕНТЪ.

Я жизнь всегда готовъ нести на бой
Съ твоимъ врагомъ, и если этотъ врагъ
Ты самъ....

ЛИРЪ.

Вонъ! съ глазъ моихъ долой!

КЕНТЪ.

И я клянусь имъ въ томъ, что ты напрасно
Клянешься, государь!

ЛИРЪ *(хватая мечъ)*.

О, рабъ! измѣнникъ!

АЛЬБАНИ И КОРНВАЛЛЬ.

Сэръ, удержитесь!

КЕНТЪ.

Что жъ? Убей меня,
Убей врача, и мерзкій свой недугъ
Считай здоровьемъ. Отмѣни рѣшенье,
Опомнися! Пока дышать могу я,
Все стану я твердить: ты сдѣлалъ худо!

ЛИРЪ.

Такъ слушай же въ послѣдній разъ, крамольникъ!
За то, что ты посмѣлъ, съ своей гордыней,
Стать между нами и рѣшеньемъ нашимъ
(Чего нашъ нравъ и санъ снести не могутъ),
За то, что ты склонялъ насъ: нашъ обѣтъ,
Во вѣки нерушимый, сдѣлать ложнымъ,
Достойное ты примешь наказанье.
Пять дней тебѣ даримъ мы: въ эти дни
Ты долженъ изготовиться къ изгнанью,
Но послѣ нихъ обязанъ ты убраться
Изъ царства прочь. И если въ день десятый
Тебя найдутъ среди владѣній нашихъ,
Простишься ты тотчасъ съ презрѣнной жизнью.
Прочь съ глазъ моихъ! Юпитеромъ клянусь,
Не измѣнимъ рѣшенья мы.

КЕНТЪ.

Прощай,
Прощай, король! ты показалъ вполнѣ,
Что близъ тебя нѣтъ правды и свободы.
(Корделіи)
Пусть небеса хранятъ тебя съ любовью,
Дитя прекрасное въ рѣчахъ и мысляхъ....

А вамъ желаю я, чтобъ вы на дѣлѣ
(Регань и Гонерильѣ)
Всю правду пышной рѣчи доказали.
Прощайте, сильные земли! вашъ старый Кентъ
И въ новомъ краѣ будетъ прежнимъ Кентомъ.
(Уходитъ).

ВХОДЯТЪ ГЛОСТЕРЪ, КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКІЙ, ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ И СВИТА.

ГЛОСТЕРЪ.

Мой государь, король и герцогъ здѣсь.

ЛИРЪ.

Ихъ намъ и надо. Къ вамъ, Бургундскій герцогъ,
Мы прежде обратимся. Съ королемъ
Вы спорите за нашу дочь меньшую.
Скажите жъ намъ: за ней, по меньшей мѣрѣ,
Приданаго хотите сколько вы?

ГЕРЦОГЪ.

Не больше и не меньше, государь,
Чѣмъ обѣщали вы.

ЛИРЪ.

Да, было время,
Когда мы сами, благородный герцогъ,
Не дешево цѣнили нашу дочь.
Теперь цѣна ея упала. Если въ этомъ
(Указываетъ Корделію)
Презрѣнномъ, но красивенькомъ созданьи
Приходится вамъ что-нибудь по вкусу,
То можете вы взять его себѣ
Съ приданымъ гнѣва нашего.

ГЕРЦОГЪ.

Смущенъ я....

ЛИРЪ.

Сэръ!
Хотите ль вы ее, съ ея порокомъ,
Намъ чуждую, отвергнутую нами,

Съ приданымъ вѣчной ненависти нашей,
Себѣ взять въ жены?

ГЕРЦОГЪ.

Государь! простите:
Бракъ невозможенъ послѣ словъ такихъ!

ЛИРЪ.

Такъ бросьте же ее. Клянуся небомъ,
Вамъ описалъ я всѣ ея богатства.

(Королю Французскому)

Вамъ, государь, не смѣлъ бы я воздать
За вашу дружбу столь постыднымъ бракомъ,
И потому прошу васъ: — взять въ подруги
Достойнѣйшую васъ: — не эту тварь,
Намъ ненавистную, позоръ самой природы!

КОРОЛЬ.

Рѣчь странную я слышу! Какъ, она,
До сей поры любимѣйшая дочь,
Предметъ похвалъ и старости подпора,
Изъ всѣхъ дражайшая, могла мгновенно
Любви отца лишиться! Сэръ! конечно,
Чудовищна вина, любовь такую
За-разъ сломившая, — но не могу
Безъ чуда я такой винѣ повѣрить.
Въ Корделіи не допускаетъ разумъ
Чудовищныхъ пороковъ!

КОРДЕЛІЯ *(отцу)*.

Государь!
Хоть нѣтъ во мнѣ умѣнья говорить
О томъ, чего нѣтъ въ сердцѣ, хоть всю жизнь
Безъ гибкихъ словъ я дѣйствовать умѣла,
Но все жъ прошу я васъ извѣстнымъ сдѣлать,
Что не порокъ, убійство или низость,
Худое дѣло иль безчестный шагъ
Отцовской милости меня лишили.
Я знаю, въ чемъ вина моя. Я знаю,
Нѣтъ у меня просящихъ вѣчно взглядовъ,
Нѣтъ льстивой рѣчи, и хоть я лишаюсь
Любви отца чрезъ то, но не жалѣю
О томъ, что нѣтъ ихъ.

ЛИРЪ.

Лучше бъ не родиться
Тебѣ на свѣтъ, чѣмъ мнѣ не угодить!

КОРОЛЬ.

И въ этомъ все? Природная стыдливость,
Застѣнчивость, которая такъ часто
Не въ силахъ мѣтко изъясняться? Герцогъ!
Что скажете принцессѣ вы? Когда
Любовь у васъ съ разсчетомъ неразлучна,
То не любовь она. Хотите взять
Вы женщину, которая сама
Дороже, чѣмъ приданое?

ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ.

Когда
Вѣнчанный Лиръ лишь только согласится
Дать дочери обѣщанную часть,
Я за руку Корделію возьму,
Какъ герцогиню и жену.

ЛИРЪ.

Я клялся,
Я въ клятвѣ твердъ — не дамъ я ничего.

ГЕРЦОГЪ *(Корделіи)*.

Мнѣ жаль васъ: такъ отвергнулъ васъ отецъ,
Что вы лишитесь мужа.

КОРДЕЛІЯ.

Не трудитесь
О томъ жалѣть: я не хочу любви
Съ разсчетомъ на приданое.

КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКІЙ.

Принцесса!
Какъ ты богата въ нищетѣ своей,
Какъ ты мила — въ немилости отцовской!
Я радостно беру тебя, — съ богатствомъ
Души твоей, отвергнутую всѣми.

Я брошенное поднялъ, и законна
Моя добыча, и любовь моя
Отъ общаго презрѣнья разгорѣлась!
Король! твоя отверженная дочь
Теперь царица Франціи прекрасной.
Подвластны ей я самъ и мой народъ,
И герцогамъ Бургони многоводной
Ужъ не купить красавицы-дѣвицы,
Которой не умѣютъ здѣсь цѣнить!

(Корделіи)

Корделія! простись съ родней суровой,
И безъ нея свою нашла ты долю!

ЛИРЪ.

Бери жъ ее, она твоя, король!
Нѣтъ дочери такой у насъ.... скорѣе!...
Мы видѣть не хотимъ ея лица....
Скорѣе въ путь. Отъ насъ вы не дождетесь
Благословенія и ласкъ прощальныхъ.
Пойдемте, герцогъ мой!

(Лиръ и герцогъ Бургундскій уходятъ).

КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКІЙ.

Простись съ сестрами.

КОРДЕЛІЯ.

Сокровища родителя, въ слезахъ
Я покидаю васъ. На злое слово
Я не могу рѣшиться, хоть и знаю,
Въ чемъ слабы вы. Заботьтесь объ отцѣ:
Его ввѣряю вамъ я. Оправдайте
Все, что сказали вы; но еслибъ онъ
Меня любилъ, ему бы я нашла
Пріютъ, быть можетъ, лучшій.... До свиданья.

ГОНЕРИЛЬЯ.

Нельзя ль безъ наставленій?

РЕГАНА.

Поучись-ка
Ты лучше, какъ бы мужу угождать,

Что взялъ тебя изъ милости. Покорность
Не по тебѣ, какъ видно, и за то
Достойное снесла ты наказанье.

КОРДЕЛІЯ.

Кто виноватъ и правъ, покажетъ время.
Прощайте, сестры!

КОРОЛЬ.

Милая, пойдемъ.
(Французскій король и Корделія уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА II.

(Дикая степь. Буря).

ВХОДИТЪ ЛИРЪ И ШУТЪ.

ЛИРЪ.

Злись, вѣтеръ! Дуй, пока не лопнутъ щеки!
Вы, хляби водъ, стремитесь ураганомъ;
Залейте башни, флюгера на башняхъ!
Вы, сѣрные и быстрые огни,
Предвѣстники громовыхъ тяжкихъ стрѣлъ,
Дубовъ крушители, летите прямо
На голову мою сѣдую! Громъ небесный,
Все-потрясающій, разбей природу всю,
Расплюсни разомъ толстый шаръ земли
И разбросай по вѣтру сѣмена,
Родящія людей неблагодарныхъ!

ШУТЪ.

Что, куманекъ? подъ кровлей-то сидѣть получше, я думаю, чѣмъ здѣсь подъ дождемъ шататься? Право, дяденька, помирился бы ты лучше съ дочерьми. Въ такую ночь и умнику и дураку — обоимъ плохо!

ЛИРЪ.

Реви всѣмъ животомъ! Дуй! лей, греми и жги!
Чего щадить меня? Огонь и вѣтеръ,

И громъ и дождь не дочери мои!
Въ жестокости я васъ не укоряю;
Я царства вамъ не отдавалъ при жизни;
Дѣтьми моими васъ не называлъ.
Вы не подвластны мнѣ, такъ тѣшьтесь смѣло
Вы надо мной, стоящимъ въ вашей власти,
Презрѣннымъ, хилымъ, бѣднымъ старикомъ!
Такъ, тѣшьтесь въ волю, подлые рабы,
Угодники двухъ дочерей преступныхъ;
Когда не стыдно вамъ итти войною
Противу головы сѣдой и старой,
Какъ эта голова! О, о! позоръ!

ШУТЪ.

Умный тотъ человѣкъ, у кого теперь есть домъ съ крышкой.

ВХОДИТЪ КЕНТЪ.

ЛИРЪ.

Я буду терпѣть молча. Я не скажу ни слова болѣе.

КЕНТЪ.

Кто тутъ?

ШУТЪ

Король и колпакъ, мудрецъ и дуракъ.

КЕНТЪ.

Мой государь! какъ, здѣсь вы? изъ людей
Никто не видѣлъ ночи больше страшной!
Отъ гнѣвныхъ тучъ ночные звѣри даже
Пугаются въ горахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ помнить
Себя я сталъ, такихъ огня потоковъ
И взрывовъ оглушительнаго грома,
И стоновъ вѣтра съ ливнемъ никогда
Не видѣлъ и не слышалъ я! Нѣтъ силъ
Все это человѣку снесть!

ЛИРЪ.

Пусть боги
Великіе, что громъ надъ нами держатъ,
Теперь творятъ расправу. Трепещи,
Злодѣй, себя укрывшій отъ закона!

Убійца ближняго, съ рукой кровавой,
Клятвопреступникъ
Отъ всѣхъ сокрытый! Злобный лицемѣръ,
Изподтишка злодѣйства замышлявшій,
Дрожи теперь жестокой смертной дрожью!
Откройте скрытые свои грѣхи,
Развейте тайные изгибы сердца
И съ плачемъ умоляйте громъ небесный
Васъ пощадить. Я человѣкъ, который
Зла терпитъ болѣе, чѣмъ сдѣлалъ самъ.

КЕНТЪ.

Съ открытой головой онъ.... горе! горе!
Мой добрый государь! здѣсь есть шалашъ:
Тамъ вы укройтесь; я жъ опять пойду
Къ жестокосердымъ людямъ, въ домъ проклятый,
Куда сейчасъ стучался я напрасно,
Про васъ освѣдомляясь: тамъ я силой
Всѣхъ подниму.

ЛИРЪ.

Мѣшается мой умъ.
Пойдемъ, мой другъ! Что, холодно тебѣ?
Я самъ озябъ. Товарищъ, гдѣ жъ солома?
Нужда — вещь чудная: пустой предметъ
Безцѣннымъ дѣлаетъ она. Ну, что же?
Гдѣ твой шалашъ? Иди, дуракъ мой бѣдный,
Иди за мной. Я чувствую, что въ сердцѣ
Моемъ есть жалость. Я тебя жалѣю.

ДѢЙСТВІЕ IV.

СЦЕНА III.

(Французскій лагерь близъ Довера).

КЕНТЪ.

Когда письмо ты отдалъ королевѣ,
Была она огорчена вѣстями?

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

При мнѣ, сама, прочла она письмо,
И слезы тихо, за слезой слеза,

По нѣжному лицу катились. Съ горемъ
Боролася по-царски королева,
Хотя оно и силилося власть
Надъ нею взять.

КЕНТЪ.

Такъ, тронута она?

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Но не до изступленья. Будто споря
Между собой, печаль и твердость духа
Смѣнялись на ея лицѣ прелестномъ,
Какъ въ день весенній, солнца лучъ и дождь,
И слезы и улыбка въ немъ мѣшались!
Съ ея очей алмазныхъ, словно перлы,
Катились слезы, и на зло слезамъ
Улыбка-прелесть съ устъ не исчезала.
Короче, грусть была бы рѣдкой вещью,
Когда бъ она такъ красила людей!

КЕНТЪ.

Спросила-ли она о чемъ?

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Да; разъ или два
Прерывисто и шопотомъ сказала
Она: *«отецъ»*, какъ будто это слово
Давило сердце ей; потомъ вскричала:
— *Ахъ, сестры! сестры! женщины! стыдитесь!*
Отецъ мой! сестры! Кентъ! Какъ? въ бурю? ночью?
Гдѣ жъ въ мірѣ жалость? Тутъ изъ глазъ лазурныхъ
Святая влага хлынула рѣкой,
И съ плачемъ кинулась она отъ насъ, чтобъ съ горемъ
Наединѣ остаться.

СЦЕНА VI.

(Поле близъ Довера).

ЭДГАРДЪ *(сынъ Глостера) Глостеру.*

Мы на утесѣ. Смирно стой. Какъ страшно
И жутко кинуть взглядъ въ такую бездну!

Вороны, галки, что подъ нами вьются:
Съ жука величиною. Надъ обрывомъ,
Межъ дномъ и нами, человѣкъ повиснулъ
И рветъ укропъ — ужасное занятье!
Онъ меньше головы своей. Какъ мыши,
У взморья ходятъ рыбаки. Тамъ барка
Высокая, на якорѣ, по виду
Не больше шлюпки; шлюпка жъ съ поплавокъ,
Едва примѣтный глазу. Не доходитъ
Къ намъ плескъ волны, дробящейся о камни.
Нѣтъ; страшно внизъ глядѣть. Смутится разумъ,
Въ глазахъ померкнетъ, и слетишь стремглавъ
Внизъ головою!

ДѢЙСТВІЕ V.

СЦЕНА III.

(Британскій лагерь близь Довера).

Входитъ Эдмундъ, торжественно, съ музыкой и знаменами. Лира и Корделію приводятъ, какъ плѣнниковъ. Офицеры, солдаты и проч.

ЭДМУНДЪ *(указывая на Лира и Корделію).*

Возьмите ихъ отсюда и обоихъ
Подъ стражею надежною держите,
До новаго приказа.

КОРДЕЛІЯ.

Не однѣ мы
Бѣдой постигнуты за честнымъ дѣломъ!
Мнѣ горько за тебя, родитель бѣдный!
Сама же я умѣю на бѣду
Глядѣть съ презрѣньемъ. Намъ, быть можетъ, надо
Увидѣть тѣхъ сестеръ, — и дочерей?

ЛИРЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! скорѣй уйдемъ въ темницу!
Мы станемъ пѣть въ ней будто птицы въ клѣткѣ,
Когда запросишь ты, чтобъ я тебя
Благословилъ, я самъ, склонивъ колѣни,
Прощенья буду у тебя просить!
И такъ, мы станемъ жить вдвоемъ и пѣть,

Молиться, сказки сказывать другъ другу,
Смѣяться надъ придворными и слушать
Отъ нихъ разсказы о мірскихъ дѣлахъ,
О томъ, кто силенъ, — слабъ, — кто плохъ, — кто счастливъ.
И наблюдать мы будемъ сущность дѣлъ,
Какъ отъ боговъ посланники, и вмѣстѣ
Мы проживемъ весь вѣкъ въ стѣнахъ темницы,
Не вѣдая тревоги и тоски!

ЭДМУНДЪ.

Взять ихъ скорѣй!

ЛИРЪ.

Корделія моя!
Со мной ты, милая! На жертвы эти
Вѣдь сами боги сыплютъ ѳиміамъ!
Чтобъ разлучить насъ, надо прежде съ неба
Огонь похитить, и обоихъ насъ
Огнемъ тѣмъ выжечь изъ темницы нашей!
Утри жъ глаза: о чемъ мы плакать станемъ?
Скорѣе всѣхъ враговъ сглодаютъ черви;
Скорѣй отъ голода они издохнутъ,
Чѣмъ насъ съ тобой они заставятъ плакать.
Пойдемъ же!
(Лиръ и Корделія уходятъ подъ стражей).

Примѣч. — Слова *Дружинина:* «Король Лиръ, главное и величественнѣйшее изъ лицъ всей драмы, есть истинный король древней Британіи, король-патріархъ, «король отъ головы до ногъ», какъ онъ говоритъ самъ про себя слѣпому Глостеру. Лиръ прожилъ на свѣтѣ болѣе восьмидесяти лѣтъ; но могучая, великанская природа стараго властителя не утратила съ годами ни силы, ни страстности, ни самовластія. Передъ кѣмъ изъ образованныхъ людей, благодаря Шекспиру, при имени короля Лира не рисуется эта почтенная, грозная фигура царственнаго старца, съ длинной сѣдой бородою, въ широкомъ королевскомъ облаченіи, съ печатью безпредѣльной власти во всякомъ движеніи, съ отраженіемъ маститой патріархальности во взглядѣ? Въ самыхъ недостаткахъ Лира все властно и царственно. Въ первыхъ сценахъ драмы, являясь разрушителемъ счастья, неразумнымъ гонителемъ лучшей своей дочери, несправедливымъ властелиномъ относительно преданнѣйшаго изъ слугъ своихъ, Лиръ все-таки исполненъ истиннаго величія. Онъ упоенъ своимъ могуществомъ, онъ испорченъ поклоненіемъ, онъ отвыкъ отъ правды и выраженій истинной преданности; но онъ все-таки остается первымъ между первыми, грозою своихъ недруговъ, патріархомъ своего королевства. Люди не въ силахъ бороться съ нимъ даже тогда, когда онъ самъ накликаетъ на себя бѣды, выставляетъ наружу всѣ свои слабости. Смирить его можетъ только перстъ Божій, неотразимая воля небесъ, имъ самимъ вызванная. Всѣ страданія Лира ничто иное, какъ одинъ великій урокъ, данный муд-

рымъ Промысломъ человѣку сильнѣйшему между всѣми смертными. Дивно прекрасенъ и божественно мудръ выходитъ этотъ урокъ, проявленіе высшаго правосудія, не только сокрушившаго всю человѣческую гордыню въ наказуемомъ, но, сверхъ того, поставившаго само наказуемое лицо посредствомъ великихъ страданій, на высшую ступень между грѣшниками, истинно просвѣтленными черезъ ихъ наказаніе. По природѣ своей, король Лиръ полонъ любви, правосудія, мудрости; но качества эти, затемненныя его безграничной гордостью, забытыя вслѣдствіе постоянныхъ удачъ и общаго раболѣпства, могутъ только выказаться подъ тяжелымъ гнетомъ наказующаго Промысла посреди бѣдствій нечеловѣческихъ. Бѣдствія обыкновенныя не могли бы надломить душу самовластнаго старца, пробудить вее добро въ ней заключающееся; для того-то жизнь его кончается посреди страданій, какъ бы размѣренныхъ по силамъ полубога, нравственнаго Алкида между смертными. Читатель Шекспира, проливая слезы надъ старымъ королемъ, проливаетъ ихъ не изъ одной жалости. Безъ ужасовъ, которымъ подвергся Лиръ отъ своей собственной семьи, Лиръ никогда не свершилъ бы всего своего назначенія, никогда не развился бы всѣми сторонами своего царственнаго духа, никогда не достигъ бы того торжественнаго просвѣтленія, о которомъ мы сейчасъ говорили. Въ ту минуту, когда старецъ-король падаетъ безъ дыханія на трупъ обожаемой своей Корделіи, всякій человѣкъ, способный слушаться голоса поэтической мудрости, преисполняется возвышеннымъ пониманіемъ святости человѣческаго страданія, законности самыхъ тяжкихъ житейскихъ испытаній.

«Прослѣдимъ же, придерживаясь этой послѣдней мысли, за главными дѣйствіями нашего короля-патріарха. Въ первой сценѣ мы видимъ его во всемъ блескѣ величія и гордости. Нѣтъ предѣловъ силѣ и счастію Лира; — онъ почти богъ для своихъ подданныхъ; его домъ цвѣтетъ дочерьми-красавицами; двѣ дочери нашли уже себѣ мужей, благоговѣйно повинующихся старому королю; изъ-за третьей, лучшаго перла въ его вѣнцѣ, спорятъ двое могучихъ владыкъ, повелители Бургони и Франціи. Долгіе годы почета и спокойствія ожидаютъ старика впереди, ибо, не смотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, Лиръ еще имѣетъ много жизни передъ собою. Короли, подобные Лиру, живутъ до ста лѣтъ, сохраняя свѣжесть всѣхъ своихъ способностей, можетъ быть дѣлаясь съ годами жестче и властолюбивѣе, но никакъ не кротче душою. И вотъ, посреди такихъ условій, старецъ-король начинаетъ ощущать потребность полнаго спокойствія. Онъ утомленъ дѣятельностью правителя, утомленъ пирами и раболѣпствомъ; онъ рѣшается «дать мѣсто и юношамъ» и сложить съ себя заботы трудной власти королевской. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что желаніе спокойствія въ Лирѣ есть ничто иное, какъ капризъ, общій ему съ Карломъ V и Діоклитіаномъ; но капризъ такихъ полновластныхъ причудниковъ слишкомъ часто приводится въ исполненіе, на горе самимъ властителямъ.

«Итакъ, при началѣ піэсы, открывающейся сообразно древнимъ величавымъ легендамъ, нашъ старецъ-король, при собраніи цѣлаго Двора, объявляетъ о раздѣлѣ царства, на три части. Лучшая изъ частей должна поступить той дочери, которая его больше любитъ; каждая изъ дочерей должна высказать свои родственныя чувства при всемъ многочисленномъ собраніи чиновъ королевства. Эта странная прихоть, эта величавость и торжественность семейственнаго процесса, ясно указываетъ намъ, что Лиръ, собираясь «безъ ноши на плечахъ плестись ко гробу», не разстался ни съ одною изъ особенностей своего самовластія. На покой желаетъ онъ удалиться торжественно;

сердечныя изліянія дочерей должны быть выражены пышной рѣчью. И когда, послѣ напыщенныхъ, льстивыхъ тирадъ Реганы и Гонерильи, стыдливая Корделія не находитъ въ себѣ силы на пышныя фразы, старый король, раздраженный ея прямотою, осыпаетъ укоризнами любимое свое дитя, лишаетъ наслѣдства ту дочь, которая столько лѣтъ была драгоцѣннѣйшей подпорою его старости.

«Разъ показавъ въ себѣ, на зло своимъ тихимъ замысламъ, короля отъ головы до ногъ, Лиръ уже не останавливается въ своемъ гнѣвномъ неразумѣ. Оскорбивъ лучшую изъ дочерей своихъ, онъ оскорбляетъ лучшаго изъ своихъ подданныхъ. Левъ, пожелавшій на минуту сдѣлаться ягненкомъ, пробудился и сталъ рыкать по львиному. Честный Кентъ изгнанъ, едва избѣгнувъ смерти за свою правдивость. Корделія опозорена, унижена передъ ея женихами: король Французскій, оставшійся вѣрнымъ бѣдной принцессѣ, осыпанъ недружескими словами. Наслѣдство меньшой дочери раздѣлено между дочерьми старшими, корона отдана зятьямъ, король самъ производитъ себя въ нахлѣбники Реганы и Гонерильи, Корделія отпущена безъ благословенія, герцоги и вельможи, собранные въ тронной залѣ, по всей вѣроятности расходятся въ большомъ ужасѣ. Такъ кончаетъ Лиръ со своимъ золотымъ королевскимъ вѣнцомъ; но праведная судьба готовитъ для сѣдой головы его другой великій вѣнецъ — вѣнецъ страданія, вѣнецъ искупленія прежнихъ долгихъ заблужденій. Въ послѣдней сценѣ перваго дѣйствія горькій плодъ уже взросъ изъ горькихъ сѣмянъ, только что посѣянныхъ старцемъ. Старшая дочь его, Гонерилья Альбанская, видимо тяготится своимъ родителемъ. Ея недавнія льстивыя рѣчи истекали изъ злаго сердца. Она ненавидитъ Лира, ненавидитъ его самовластныя привычки, ненавидитъ его свиту, конечно, не очень привлекательную по образу ея жизни. Большое благодѣяніе забыто,—мелкія непріятности стоятъ на первомъ планѣ. Гонерилья самовольно распускаетъ половину Лировой свиты, и придравшись къ первому случаю, осмѣливается кинуть въ лице своему отцу-благодѣтелю самые дерзкіе, самые язвительные упреки.

«Нельзя не остановиться съ благоговѣніемъ надъ тѣмъ геніальнымъ мастерствомъ, съ какимъ Шекспиръ развиваетъ дѣйствіе дѣтской неблагодарности на могучую душу короля Лира. Съ старикомъ давно уже худо обходятся во дворцѣ Гонерильи; но онъ еще не понимаетъ этого дурнаго обхожденія, не способенъ даже подумать о небрежности со стороны дочери. Въ Лирѣ много прямоты и честности; онъ способенъ понять открытую вражду, вспыльчивую ссору (подобную его ссорѣ съ Корделіею); но преднамѣренной злобы онъ не въ силахъ распознать, пока она сама не выльется передъ нимъ, во всемъ своемъ адскомъ безобразіи. Оттого его поведеніе при дерзостяхъ, наконецъ сказанныхъ ему Гонерильею, не можетъ не потрясти души читателя. Истинный актеръ долженъ думать объ этой сценѣ съ особеннымъ вниманіемъ. Вся пылкость, вся необузданная ярость, на какую только способна повелительная, страстная природа, должны вполнѣ высказаться съ той минуты, когда всѣ сомнѣнія его разсѣялись. Въ первый разъ, втеченіе всей своей жизни, король-патріархъ встрѣчаетъ открытое оскорбленіе, — и отъ кого же? Гнѣвъ его долженъ доходить до крайнихъ предѣловъ гнѣва человѣческаго: отъ проклятій его сами боги должны содрогаться! Онъ еще новъ въ страданіи, онъ еще не присмотрѣлся къ дѣтской неблагодарности. Его вспоминаніе о Корделіи *(я ее обидѣлъ!)*, его задумчивыя слова шуту, слѣдующія за жгучими воплями уязвленнаго отцовскаго сердца, должно понимать, какъ краткіе интервалы между пароксизмами, какъ вздохи организма, замученна-

го порывами безпредѣльнаго гнѣва. Лиръ разстается съ Гонерильею и ѣдетъ къ Реганѣ. Регана Корнвалльская, какъ указано будетъ въ своемъ мѣстѣ, еще злѣе и неблагодарнѣе чѣмъ Гонерилья. Лиръ отчасти подготовленъ къ пріему, его ожидающему: онъ много думалъ дорогою; на дворѣ замка онъ увидѣлъ своего гонца, преданнаго постыдному наказанію. Регана и мужъ ея медлятъ выйти къ своему гостю. Но, догадываясь и подозрѣвая, Лиръ, съ отчаяніемъ утопающаго, крѣпко держится за послѣднюю соломинку. Онъ не довѣряетъ своимъ подозрѣніямъ; сдерживаетъ въ себѣ порывъ гнѣва, силится объяснить всѣ дурные признаки въ хорошую сторону, онъ винитъ себя за свой крутой нравъ и подозрительность, — онъ, король отъ головы до ногъ, недавній повелитель Британіи! Оттого, при тяжкомъ своемъ объясненіи съ Реганой, старикъ тихъ, долготерпѣливъ и даже почти угодливъ. Онъ разражается въ проклятіяхъ на одну Гонерилью; онъ не даетъ воли своему сердцу даже тогда, когда вторая дочь, змѣя, имъ вскормленная, открыто беретъ сторону старшей злодѣйки. Если сцена съ первой дочерью потрясаетъ зрителя, сцена съ Реганой вызываетъ на глаза его горячія слезы. Пріѣздъ Гонерильи, дерзость обѣихъ дочерей, дѣлаютъ наконецъ всякую иллюзію невозможною. Лиръ одинъ въ цѣломъ мірѣ; все для него погибло. У него нѣтъ ни дочерей, ни крова. Въ бурную ночь покидаетъ онъ замокъ Реганы, и ворота замка запираются за оскорбленнымъ родителемъ.

«Здѣсь, въ безотрадной степи (неизвѣстно почему, во многихъ театрахъ знаменитыя сцены бури происходятъ въ лѣсу. Шекспиръ изображаетъ Лира подъ бурей въ степи, и едва ли степь не лучше лѣса въ этомъ случаѣ), подъ проливнымъ дождемъ и змѣистыми молніями, выплакавъ всѣ свои слезы и высказавъ всѣ проклятія, въ его душѣ накопившіяся, Лиръ является несравненно болѣе великимъ, нежели былъ на своемъ прародительскомъ тронѣ посреди трепещущихъ подданныхъ, въ кругу покорнаго семейства. Періодъ просвѣтленія начинается; великая казнящая рука, тяготѣя надъ душой старца, извлекаетъ наружу всѣ доблести, въ ней заключенныя. Разсудокъ короля, до самаго дна взволнованный страданіемъ, выбрасываетъ наружу дивныя слова и дивныя мысли, подобно бурному морю, выкидывающему на берегъ изъ своей глубины многоцѣнные перлы и кораллы. Поверхностные блюстители сценическихъ законовъ пытались утверждать, что въ положеніи несчастнаго старца, выгнаннаго подъ бурю своими дочерьми, некогда говорить высокими мыслями и поэтическимъ образомъ: такая рѣчь пуста, чтобъ не сказать болѣе. Въ простой мѣщанской драмѣ оскорбленный отецъ находитъ великія слова въ своемъ несчастіи, а въ драмѣ Шекспира передъ нами не только отецъ, но престарѣлый король, патріархъ-Титанъ, пораженный огнемъ небеснымъ.

«Оттого-то всѣ рѣчи Лира въ степи кажутся намъ не только высокими и поэтическими, но истинными и вѣрными въ полномъ смыслѣ этихъ словъ. Упорный металлъ расплавленъ страшнымъ огнемъ; упорная душа смягчена неслыханными ударами судьбы. Передъ нами уже не тотъ вспыльчивый старикъ, который, въ упоеніи самовластія, кидался съ мечемъ на вѣрнѣйшихъ своихъ слугъ, не тотъ отецъ, который отказывалъ меньшой своей дочери въ прощальныхъ ласкахъ: въ страдальцѣ-королѣ является намъ человѣкъ исполненный человѣческихъ стремленій. Не взирая на тоску, его гнетущую, онъ находитъ время пожалѣть о бѣдномъ шутѣ, промоченномъ до костей; онъ вспоминаетъ о страждущихъ нагихъ несчастливцахъ, принужденныхъ перенести такую ночь:

Съ пустымъ желудкомъ, въ рубищѣ дырявомъ,
Безъ крова надъ бездомной головой.

Онъ говоритъ о нихъ:

Кто защититъ васъ, бѣдные? Какъ мало
Объ этомъ думалъ я!...

И всѣ послѣдующія слова Лира, въ промежуткахъ его свѣтованія до поврежденія разсудка, и даже послѣ его поврежденія, согласуются съ сейчасъ нами приведенными. Онъ проситъ Кента войти въ шалашъ и успокоиться; онъ принимаетъ участіе въ бѣдномъ Томѣ, и когда Глостеръ хочетъ увести несчастнаго короля изъ шалаша на ферму, Лиръ никакъ не желаетъ бросить юродиваго нищаго, уже кажущагося ему «ученымъ Аѳинянином» и философомъ, исполненнымъ премудрости.

«Около Довера, вблизи отъ Корделіи, поспѣшившей съ Французскимъ войскомъ на помощь къ родителю, мы снова встрѣчаемъ короля Лира, одного, въ полномъ помѣшательствѣ. Подобно тому, какъ человѣкъ подъ вліяніемъ вина разсказываетъ сокровенныя тайны души своей, несчастный старецъ высказываетъ намъ и въ помѣшатетьствѣ, великія стороны своего царственнаго духа. Не взирая на бредъ, сплетающійся съ чистою правдою его рѣчей, на этомъ мѣстѣ нельзя не повторить словъ самаго Лира: «король отъ головы до ногъ». Мудрымъ, правосуднымъ, истиннымъ королемъ произноситъ Лиръ свои разбросанныя сужденія о правдѣ, законѣ и добродѣтели. Люди, сами пораженные горемъ, внимаютъ ему благоговѣйно, потому что въ словахъ помѣшаннаго старика просвѣчивается душа, имъ хорошо знакомая. Призраки разстроеннаго воображенія родятъ въ Лирѣ благой помыселъ за благимъ помысломъ; личность его, отрѣшаемая отъ гордыни и властныхъ увлеченій, свѣтлѣетъ съ каждымъ словомъ. Развѣ не говоритъ онъ, недавній властитель Британіи:

Сквозь рубище худое
Порокъ ничтожный ясно видѣнъ глазу.
Подъ шубой парчевою нѣтъ порока!
Одѣнь злодѣя въ золото, стальное
Копье закона сломится безвредно;
Одѣнь его въ лохмотья, и погибнетъ
Онъ отъ пустой соломинки? Пигмея!
Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ!

заключаетъ такими словами: «Всѣхъ оправдаю я; я буду общимъ заступникомъ»!

«Нужно ли говорить о томъ, что всѣ сцены, сейчасъ нами набросанныя, давно уже примирили читателя съ Лиромъ? Уже въ концѣ перваго дѣйствія, читатель, только что видѣвшій старца-короля достойнымъ божескаго наказанія, начинаетъ переходить на сторону грѣшника, всей душой своей стоять за родителя, такъ жестоко караемаго за свои ошибки, такъ тяжко оскорбленнаго во всѣхъ своихъ привязанностяхъ. Полное примиреніе съ Лиромъ происходитъ во время сцены въ степи и помѣшательства; но этимъ дѣло еще не кончается. И читатель и зритель должны жить жизнію Лира, плакать его слезами, восхищаться его радостями. Король приходитъ въ себя послѣ долгаго сна въ палаткѣ у Корделіи. Ясный солнечный лучъ на время разрѣзалъ черныя тучи, висѣвшія надъ страдальцемъ, и какъ радуемся мы это-

му лучу! какъ привѣтствуемъ мы его появленіе! Постель короля окружена лицами преданныхъ ему слугъ; всюду встрѣчаетъ онъ умиленно-благоговѣйные взгляды. Надъ его изголовьемъ рыдаетъ его меньшая дочь или небесный ангелъ, на нее похожій. Старикъ Лиръ приходитъ въ себя и тихо опускается на колѣни передъ существомъ, когда-то имъ непонятымъ. Хвалить мастерство, съ какимъ поэтъ выполнилъ всю эту нѣжную сцену, придалъ исцѣленію Лира колоритъ вѣрный и трогательный, наконецъ, говорить о томъ искусствѣ, съ какимъ окружилъ онъ небеснымъ свѣтомъ свое любимое созданіе, принцессу Корделію,—мы считаемъ не только лишнимъ, но смѣшнымъ даже. Пробужденіе Лира въ палаткѣ есть картина, воспоминаніе о которой возноситъ человѣка, понимающаго поэзію, въ міръ неземной, въ область духовъ свѣта.

«Если Корделія явилась достойною дочерью въ отношеніи къ бѣдному своему родителю, то какъ и платитъ ей король Лиръ за ея преданность, какъ заглаживаетъ онъ самый слѣдъ своей прежней ошибки? Натура старца, необузданная въ гнѣвѣ, не знаетъ предѣловъ въ дѣлѣ любви. Все ею выстраданное, ею перенесенное за послѣднее время, только могло увеличить эту способность къ отцовской привязанности, эту потребность любви, доходящую до изступленія. Никогда ни одинъ изъ отцовъ цѣлаго міра не любилъ своей дочери такъ, какъ Лиръ любитъ Корделію. Любовь Гамлета къ Офеліи—стоющая любви сорока тысячъ братьевъ,—меркнетъ передъ такой страстью. Отцовскіе восторги Лира доходятъ до ребячества, до безпредѣльнаго старческаго эгоизма, невыразимаго словомъ. Когда войска Корделіи побиты Эдмундомъ, когда король Лиръ и дочь его попались въ руки злѣйшему своему гонителю, любящій отецъ, сопровождаемый стражами, лишенный свободы, не можетъ думать ни о свободѣ, ни о царствѣ, ни о своемъ проигранномъ дѣлѣ. Онъ забылъ о старшихъ дочеряхъ и о ихъ злобѣ; при напоминаніи о нихъ онъ только говоритъ съ отвращеніемъ, но безъ гнѣва:

> Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Скорѣй уйдемъ въ темницу:
> Мы будемъ пѣть въ ней, будто птицы въ клѣткѣ!

Для него темница вдвоемъ съ Корделіей стоитъ рая. Въ своей трогательной слѣпотѣ, онъ даже не горюетъ за Корделію. Быть возлѣ нея, стоять передъ ней на колѣняхъ, благословлять ее, сказывать ей старыя сказки, смѣяться надъ всѣмъ свѣтомъ лишеннымъ такого блаженства: вотъ всѣ стремленія отца, живаго въ одной только своей отцовской любви. Онъ не можетъ наглядѣться на Корделію, не можетъ придумать для нея достаточно ласковыхъ названій; онъ даетъ волю своему страстному сердцу, потому онъ великъ и въ неволѣ, и въ цѣпяхъ, и передъ лицемъ своего побѣдителя. Эдмундъ, желѣзный Эдмундъ, опьяненный славой и черными помыслами, не можетъ глядѣть хладнокровно на эти радостныя слезы, на эти поцѣлуи, на эти восторги на эти высокія безумства родительской нѣжности. «Взять ихъ скорѣй»! говоритъ онъ воинамъ. Что значатъ эти короткія слова: взять ихъ скорѣй? Шекспиръ скупъ. Шекспиръ скупъ на поясненія ролей. Намъ кажется, что Эдмундъ, собираясь умертвить Лира и Корделію, не можетъ видѣть ихъ ласкъ безъ какого-то непонятнаго ему чувства. О послѣдней сценѣ драмы, въ которой Лиръ является съ мертвой Корделіей въ своихъ объятіяхъ мы многаго сказать не въ силахъ; передъ подобными моментами едва-ли не безсильны всѣ восторги цѣнителей. Съ поразительной физіологической вѣрностью идутъ одинъ за другимъ всѣ признаки окончанія Лировыхъ страданій. Зрѣніе великаго мученика померкаетъ; онъ не узнаетъ вида и голоса своихъ

друзей; на трупы Реганы и Гонерильи смотритъ онъ беззаботными глазами. Связь его съ землей разорвана; одна мысль и одна любовь, какъ послѣднее звено, еще держатся въ его сердцѣ. Онъ не отходитъ отъ трупа Корделіи и умираетъ глядя на останки всего, что было ему всего драгоцѣннѣе въ цѣломъ свѣтѣ. Примирительная жертва совершилась. Воля небесъ исполнилась вполнѣ, и на мѣсто прежняго несправедливаго короля Лира, міру остался идеалъ великаго страдальца, на вѣчныя времена просвѣтленнаго чрезъ свои страданія». (Вступленіе къ трагедіи Шекспира «Король Лиръ»).

Слова *Гизо:* «Въ 3105 году отъ сотворенія міра, говорятъ хроники, взошелъ на тронъ Британіи Лиръ, сынъ Балдуда, сильный и могущественный государь, который поддержалъ свою страну и подданныхъ въ великомъ благоденствіи и основалъ городъ Кирлиръ, нынѣшній Лейстеръ. У него были три дочери: Гонерилла, Регана и Корделія; послѣдняя была гораздо моложе сестеръ и больше любима отцемъ. Достигнувъ старости и сдѣлавшись отъ того слабоумнымъ, Лиръ хотѣлъ удостовѣриться въ привязанности къ себѣ дочерей, чтобъ оставить королевство той изъ нихъ, которая всѣхъ болѣе заслуживаетъ его любовь. «Поэтому онъ спросилъ сначала Гонериллу, старшую, какъ много она любитъ его? Она, призывая боговъ въ свидѣтели, утверждала, что любитъ его больше собственной жизни, которая, по праву и разсудку, ей должна быть весьма драгоцѣнна. Довольный такимъ отвѣтомъ, отецъ обратился ко второй и спросилъ: какъ много она любитъ его? Она отвѣчала (подтверждая свои слова клятвами), что любитъ его больше, чѣмъ всякое другое созданіе въ мірѣ. Когда онъ сдѣлалъ такой же вопросъ Корделіи, то она отвѣчала: сознавая всегдашнюю вашу любовь и отеческія заботы обо мнѣ (по какой причинѣ, не могу отвѣчать вамъ иначе, чѣмъ думаю и какъ велитъ мнѣ совѣсть), я утверждаю передъ вами, что всегда любила васъ и буду любить, пока живу, какъ отца по природѣ; и если вы хотите лучше знать, какую я питаю къ вамъ любовь, то увѣряю васъ, что сколько вы сами любите, столько и я люблю васъ, но не болѣе». Отецъ, недовольный такимъ отвѣтомъ, выдалъ замужъ двухъ старшихъ дочерей, одну за Геннинуса, герцога Корнваллискаго, а другую за Магланиуса, герцога Албанскаго; сдѣлалъ ихъ наслѣдницами своихъ владѣній послѣ своей смерти, отдавъ имъ напередъ половину. Онъ не оставилъ ничего Корделіи. Но случилось, что Аганиппъ, одинъ изъ двѣнадцати королей, правившихъ тогда Галліей, узналъ о красотѣ и достоинствахъ этой принцессы, онъ просилъ ее себѣ въ супружество. На это ему отвѣчали, что у нея нѣтъ приданаго, потому что все отдано ея сестрамъ; Аганиппъ настаивалъ; получилъ Корделію и увезъ ее въ свои владѣнія.

«Между тѣмъ два зятя Лира, находя, что онъ царствовалъ слишкомъ долго, вооруженною рукою завладѣли тѣмъ, что онъ оставилъ себѣ, и назначили ему только доходъ на содержаніе и поддержаніе сана, но и этотъ доходъ былъ постоянно уменьшаемъ. Все это дѣлалось съ крайней жестокостью со стороны дочерей, которыя казалось думали, что всего, что имѣлъ ихъ отецъ, было слишкомъ много для него, такъ что переходя отъ одной къ другой, Лиръ дошелъ до такой бѣдности, что ему едва давали слугу. Въ отчаяніи старый король убѣжалъ изъ своей страны въ Галлію, гдѣ Корделія и мужъ ея приняли его съ великими почестями; они собрали войска и снарядили флотъ для возвращенія ему его владѣній, наслѣдованіе которыми онъ обѣщалъ Корделіи, сопровождавшей отца и мужа въ этотъ походъ. Послѣ даннаго Аганиппомъ сраженія, въ которомъ оба герцога были убиты и войска ихъ разсѣяны, Лиръ взошелъ снова на тронъ, и умеръ по прошествіи

двухъ лѣтъ, царствовавши сорокъ лѣтъ, считая съ перваго возшествія на престолъ. Корделія наслѣдовала ему и царствовала пять лѣтъ; но когда мужъ ея умеръ, сыновья ея сестеръ, Марганъ и Кунедагъ возстали противъ нея, побѣдили и заключили ее въ тюрьму, въ которой она, «какъ была женщина мужской храбрости», отчаявшись возвратить себѣ свободу, рѣшилась на самоубійство [1]).

«Этотъ разсказъ Голлинсгеда заимствованъ у Жоффруа де Монмута, который вѣроятно построилъ исторію Лира на анекдотѣ объ Инѣ, корблѣ Саксовъ и на отвѣтѣ самой «младшей и самой умной изъ дочерей» этого короля, которая въ такомъ же положеніи, какъ Корделія, отвѣчаетъ точно также отцу, что хотя она любитъ его, уважаетъ и почитаетъ въ высшей степени столько, сколько требуетъ этого природа и дочерниnъ долгъ, однакожъ думаетъ, что со временемъ можетъ быть ей случится любить своего мужа, для котораго она должна оставить отца, мать и проч. Не видно, чтобъ Ина не одобрилъ «мудрой рѣчи» своей дочери; и продолженіе исторіи Корделіи вѣроятно дѣло воображенія лѣтописцевъ, основавшихся на этомъ первомъ данномъ. Какъ бы то ни было, гнѣвъ и несчастія короля Лира, до Шекспира, входили въ составъ многихъ поэмъ и были предметомъ одной театральной пьесы и многихъ балладъ. Въ одной изъ этихъ балладъ, переданной Джонсономъ подъ названіемъ: Alamentable song of the death of king Lear and his three daughters, Лиръ, какъ и въ трагедіи, сходитъ съ ума, и послѣ того, какъ Корделія была убита въ сраженіи, выигранномъ однакожъ войсками Французскаго короля, отецъ ея умираетъ съ печали надъ ея трупомъ, а сестры осуждены на смерть. Предшествовала или нѣтъ баллада трагедіи Шекспира, но вѣроятно и сочинитель баллады, и драматическій поэтъ заимствовали изъ одного источника, и что Шекспиръ по чьему-либо примѣру въ своей развязкѣ отступилъ отъ лѣтописей, дающихъ побѣду Корделіи. Эта развязка была измѣнена Тамелемъ, и Корделія возстановлена въ своихъ правахъ. Пьеса осталась на театрѣ подъ этой второй формой, къ большому удовольствію Джонсона и, какъ говоритъ Стивенсъ (Steevens), «самыхъ верхнихъ галерей» (upper gallery). Аддисонъ высказался противъ этого измѣненія.

«Что касается до эпизода о графѣ Глостерѣ, то Шекспиръ взялъ его изъ приключенія, бывшаго съ королемъ Пафлагонскимъ, разсказаннаго въ *Аркадіи* Сиднеемъ; только въ оригинальномъ разсказѣ самъ незаконнорожденный сынъ доводитъ отца до положенія, подобнаго положенію Лира. Леонатъ, законный сынъ, осужденный на смерть, и бѣжавшій искать службы въ иноземномъ войскѣ, узнавъ о несчастіяхъ отца, оставляетъ все въ ту минуту, когда его подвиги доставляли ему высшее мѣсто, для того, чтобы съ опасностью жизни раздѣлить и облегчить несчастіе стараго короля. Король, возведенный снова на престолъ помощію своихъ друзей, умираетъ отъ радости, коронуя сына своего Леоната, а незаконнорожденный сынъ притворнымъ раскаяніемъ обезоруживаетъ гнѣвъ брата.

«Очевидно, что положеніе короля Лира и положеніе Пафлагонскаго короля, преслѣдуемыхъ предпочтенными ими дѣтьми и вспомоществуемыхъ отвергнутыми, представились Шекспиру матерьяломъ для одного и того же сюжета, потому что онѣ относились къ одной и той же идеѣ. Упрекавшіе его въ искаженіи, въ этомъ случаѣ, простоты дѣйствія, не взяли на себя труда изслѣдовать систему автора, котораго они критиковали. Можно бы отвѣтить имъ, даже принимая правила, которыя они хотятъ наложить, что лю-

[1]) Chroniques de Hollinshed: Hist. of England, кн. II, гл. V, т. I, стр. 12.

бовь другихъ женщинъ къ Эдмонду, ведущая за собой ихъ наказаніе, и вмѣшательство Эдгара въ эту часть развязки достаточны, чтобъ избавить пьесу отъ упрековъ двойственности дѣйствія, потому что, лишь бы только все соединялось въ одинъ и тотъ же удобоуловимый узелъ; простота хода дѣйствія гораздо меньше зависитъ отъ числа интересовъ и дѣйствующихъ лицъ, содѣйствующихъ ему, чѣмъ отъ естественной и ясной игры пружинъ, приводящихъ его въ движеніе. Но сверхъ того не должно забывать, что единство, для Шекспира, состоитъ въ господствующей идеѣ, которая, воспроизводясь подъ разными формами, возстановляетъ, продолжаетъ и удвояетъ безпрестанно одно и то же впечатлѣніе. Такимъ образомъ какъ въ *Макбетѣ* поэтъ представляетъ человѣка въ борьбѣ съ преступными страстями, такъ въ *Королѣ Лирѣ* изображаетъ его въ борьбѣ съ несчастіемъ. Первое зрѣлище, представляемое намъ въ Корделіи, Кентѣ и Эдгарѣ, есть зрѣлище несчастія добродѣтели или преслѣдуемой невинности. Потомъ слѣдуетъ несчастіе тѣхъ, которые, вслѣдствіе своей страсти или ослѣпленія, сдѣлались орудіями несправедливости, какъ Лиръ и Глостеръ, и на нихъ сосредоточивается состраданіе. Что касается до злодѣевъ, то страданій ихъ не должны видѣть; зрѣлище ихъ несчастія было бы смущаемо воспоминаніемъ объ ихъ преступленіи—они могутъ имѣть наказаніе только въ смерти.

«Кентъ и Эдгаръ обнаруживаются во всей полнотѣ: первый, также какъ и Корделія, жертва долга; второй интересенъ сначала только своей невинностью, но впавъ въ несчастіе въ то самое время, какъ вступилъ въ жизнь, онъ постепенно развертывается, узнаетъ за-разъ и жизнь, и горе, открываетъ въ себѣ качества, которыми одаренъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ идетъ впередъ, умножаются и обязанности и затрудненія, и значеніе его. Кентъ, напротивъ, усталый, но твердый старикъ, съ перваго момента все зналъ, все предвидѣлъ, и когда онъ вступаетъ въ дѣйствіе, его поступь тверда, цѣль опредѣлена. Онъ не по необходимости, не при встрѣтившемся случаѣ дѣйствуетъ; его воля опредѣляетъ его дѣйствіе; ничто ея не измѣняетъ, не останавливаетъ, и зрѣлище несчастія, которому онъ покоряется, едва вырываетъ у него скорбное восклицаніе.

«Лиръ и Глостеръ, при сходномъ положеніи, получаютъ отъ него колоритъ, соотвѣтствующій ихъ различнымъ характерамъ. Лиръ порывистый, раздражительный, возстаетъ и противъ своего положенія, и противъ собственнаго убѣжденія; онъ не можетъ вѣрить тому, что знаетъ; его разсудокъ не выдерживаетъ этого: онъ сходитъ съ ума. Глостеръ отъ природы слабый, изнемогаетъ подъ бѣдствіемъ и не выноситъ уже радости: онъ умираетъ, признавая Эдгара. Еслибъ Корделія была жива, Лиръ нашелъ бы еще въ себѣ силы жить; его убиваетъ усиленіе его скорби.

«И при путаницѣ случаевъ, и при грубости нравовъ, интересъ и патетическое можетъ быть нигдѣ не достигали до такой степени, какъ въ этой трагедіи. Время, въ которое Шекспиръ перенесъ свое дѣйствіе, кажется освободило его отъ всякой принятой формы; и какъ онъ не безпокоится тѣмъ, что помѣстилъ за восемьсотъ лѣтъ до Р. Х. Французскаго короля, герцога Албанскаго, герцога Корнваллисскаго и проч., точно также онъ не обращаетъ вниманія на необходимость согласить языкъ и свойства дѣйствующихъ лицъ съ опредѣленной эпохой; одну только намѣренную черту можно замѣтить въ слогѣ пьесы,—неопредѣленную грамматическую конструкцію, принадлежащую только находящемуся въ дѣтствѣ языку; въ то же время довольно большее число выраженій, приближающихся къ Французскому языку, указываютъ на эпоху, если и не соотвѣтствующую той, въ которой предполагается суще-

ствованіе короля Лира, то по крайней мѣрѣ, далеко предшествовавшую той, въ которую писалъ Шекспиръ». (Пантеонъ 1854, № 9).

Сравненіе «Короля Лира» съ «Эдипомъ въ Колонѣ».—Слова *Гарусова:* «Между древнею трагедіею и драмами Шекспира, при видимомъ ихъ сходствѣ, лежитъ огромная внутренняя разница. Въ древней трагедіи человѣкъ становится въ зависимость отъ судьбы; у Шекспира человѣкъ есть существо сознательное, свободное, полноправное и дѣйствующее самобытно по внушенію разума или страсти, а не зависящее отъ судьбы. Это рѣзкое различіе мы яснѣе поймемъ изъ сравненія драмы *Король Лиръ съ Эдипомъ Колонскимъ.*

«Очень много общаго въ судьбѣ этихъ двухъ властителей. Оба изгнаны изъ государства дѣтьми, оба скитаются подъ открытымъ небомъ, и оба находятъ утѣшеніе въ одной изъ дочерей. Но совершенно иначе развили одну и ту же мысль о нравственныхъ страданіяхъ отца древній и новый драматургъ.

«Эдипу еще до рожденія уже *назначено* страдать. Въ слѣдствіе такого *предопредѣленія*, онъ по-неволѣ убиваетъ отца, становится мужемъ матери и братомъ своихъ дѣтей. Но онъ не знаетъ своего преступленія. Дѣти смотрятъ на него, какъ на злодѣя, а онъ между тѣмъ честный и добрый человѣкъ. Самъ по себѣ, по своей природѣ, онъ никогда даже и не подумалъ бы сдѣлать преступленіе; но становится преступникомъ потому, что ему это *опредѣлено.* Надъ Эдипомъ тяготѣетъ какое-то высшее, невидимое лице, суровое, неумолимое и непреклонное, недопускающее никакого примиренія съ собою, но связывающее всѣ его дѣйствія. А потому мы не можемъ и не имѣемъ права винить его гонителей въ тѣхъ возмутительныхъ дѣйствіяхъ, которыя они открыли противъ отца: сами они не иное что, какъ орудіе той же высшей силы. Для насъ, на нашъ взглядъ, въ этомъ недостатокъ трагедіи, для Грека въ этомъ заключалось ея обаятельное вліяніе: это было его религіозное вѣрованіе, такъ-что Софоклъ и не могъ иначе обставить своего Эдипа. Сознавая свое преступленіе и глубоко скорбя надъ нимъ, Эдипъ все-таки оправдываетъ себя, ибо сознаетъ, что это дѣло Рока. Но, говоря о сыновьяхъ, онъ забываетъ, что и надъ ними тяготѣетъ та же сила. Это забвеніе есть слѣдствіе его человѣческой природы, которая не можетъ подавить въ себѣ возмущенія, вызваннаго возстаніемъ дѣтей противъ отца. Въ слѣдствіе этихъ человѣческихъ отношеній онъ проклинаетъ своихъ дѣтей.

«Не таковъ Лиръ, хотя онъ тоже оскорбленъ дѣтьми. Онъ самъ отъ себя потерялъ царство, потому что самъ допустилъ одурачить себя. Двѣ старшія дочери льстивыми рѣчами и лицемѣрной любовью выманиваютъ у него царство; получивъ же все, выгоняютъ слабаго старика изъ дома. Третья дочь, Корделія, нѣжная, любящая и кроткая, но сосредоточенная въ самой себѣ, оттолкнутая и проклятая своимъ отцомъ, но не злопамятная, приходитъ искать своего отца. Всѣ несчастія Лира отъ него самого. Избалованный лестью придворныхъ, лицемѣріемъ дочерей и старшихъ зятьевъ, не привыкшій слушать истины, Лиръ впадаетъ въ страдальческое положеніе по своей неосмотрительности. Правдивые, но суровые отвѣты честнаго Кента для него оскорбительны, и ведутъ за собою изгнаніе лучшаго человѣка. Преданная и безграничная любовь Корделіи, но любовь нѣмая, безъ словъ, для него не понятна. Оскорбленная не заслуженной ненавистью, несправедливымъ и грубымъ проклятіемъ, но гордая въ слѣдствіе уваженія къ самой себѣ, лучшая изъ женщинъ находитъ оцѣнку своимъ нравственнымъ достоинствамъ не въ родномъ отцѣ, а въ чужеземцѣ, столь же благородномъ какъ и она, королѣ Французскомъ. Лиръ въ гордомъ самозабвеніи не можетъ понять той высо-

кой любви, которая основана не на громкихъ фразахъ, а на глубокомъ и безкорыстномъ уваженіи, и потому съ язвительной насмѣшкой говоритъ жениху своей дочери:

Бери-жъ ее, она твоя, король!
Нѣтъ дочери такой у насъ.... скорѣе!
Мы видѣть не хотимъ ея лица....
Скорѣе въ путь. Отъ насъ вы не дождетесь
Благословенія и ласкъ прощальныхъ [1]).

«Эдипъ покоренъ своимъ бѣдствіямъ, и не признаетъ ихъ за слѣдствіе своихъ собственныхъ наклонностей; Лиръ сознаетъ свои несчастія, сознаетъ, что всѣ бѣды произошли отъ него самого, отъ его гордаго самообольщенія и недальновидности. Но такое сознаніе наноситъ страшный ударъ его гордости, дѣлаетъ переворотъ въ его нравственныхъ силахъ и доводитъ, наконецъ, его до сумасшествія. Эдипа оскорбляетъ правда Терезія; но онъ безсиленъ надъ правдивымъ словомъ, и послѣ самъ судитъ себя; — Лира оскорбляетъ правдивое слово Кента; онъ сознаетъ свою силу передъ Кентомъ и, обрывая на немъ гнѣвъ свой, доходитъ до величайшей несправедливости. Эдипъ и Лиръ оба честны, правосудны, исполнены любви; оба гнушаются зла и порока, — и между тѣмъ оба становятся преступниками; но преступленія одного невольныя, другаго самимъ подготовленныя. А потому Эдипъ, въ слѣдствіе правосудія, хотя самъ становится добровольнымъ страдальцемъ, но не теряетъ силъ; между тѣмъ Лиръ, въ слѣдствіе безграничной балованной гордости, страдаетъ невольно, обезсилѣвъ въ борьбѣ съ оскорбленіями отъ дочерей. Въ своемъ изгнаніи Эдипъ грустенъ, но покоренъ и не теряетъ ума; Лиръ не можетъ мириться ни съ собою, ни съ своимъ горемъ и теряетъ разсудокъ. Его сумасшествіе есть самое естественное явленіе въ столь сильномъ, энергическомъ, балованномъ властелинѣ, доведенномъ до возмутительной нищеты. Въ степи, предоставленный самому себѣ, подъ ужасами грозы, онъ ищетъ раздѣла своему смятенію въ ужасахъ природы, и ей же передаетъ на судъ самого себя, исповѣдуя свою ошибку. И только изъ глубоко оскорбленной и потрясенной до основанія души могутъ раздаваться такія рѣчи:

Злись, вѣтеръ, дуй, пока не лопнутъ щеки!
(до словъ:)
Презрѣннымъ, хилымъ, бѣднымъ старикомъ [2]).

«Эдипъ проклинаетъ неблагодарныхъ дѣтей, какъ царь и судья. Въ его проклятіи выполняется тотъ долгъ, для котораго онъ жилъ; Лиръ проклинаетъ, какъ отецъ и человѣкъ, глубоко оскорбленный неблагодарностью, и потому проклинаетъ возмутительно и ужасно. Въ проклятіи Эдипа видна могучая не надломленная воля; страшное проклятіе Лира говоритъ, что надломился его надменный умъ и разбилось въ дребезги его бѣдное сердце. Вотъ что присуждаетъ онъ своей дочери Гонерильѣ:

Услышь меня, природа!
Благое божество, услышь меня!
Коли назначила ты этой твари
Рождать дѣтей, рѣшенье отмѣни!

---

[1]) *Лиръ*, пер. Дружинина, дѣйств. 1, сц. 3, стр. 90.
[2]) *Лиръ*. Дѣйствіе 3, сц. 2, стр. 157 — 158.

О, изсуши всю внутренность у ней,
Пошли безплодіе, чтобъ никогда
Она ребенкомъ милымъ не гордилась!
Но ежели зачнетъ она, то пусть
Дитя изъ желчи дастся ей на долю!
Пусть выростетъ дитя, — на муку ей!
Пускай оно ей раннія морщины
Въ чело вклеймитъ и горькихъ слезъ струями
Изборозднтъ ей щеки! пусть оно
Въ насмѣшку и презрѣнье обращаетъ
Всю страсть, всю нѣжность матери своей!
И пусть тогда она пойметъ всѣмъ сердцемъ,
Во сколько разъ острѣй зубовъ змѣиныхъ
Неблагодарность дѣтища [1])!

«Преступленія дѣтей Эдипа неизбѣжныя слѣдствія предопредѣленія; преступленія дочерей Лира выходятъ изъ свободной воли злыхъ существъ. Слѣдствіемъ его проклятія является новое преступленіе, и за нимъ новое наказаніе. И все это свободно и непосредственно выходитъ изъ самой жизни, дѣйствія и свободной воли людей.

«Эдипъ ни разу не оттолкнулъ насъ отъ себя, и потому не нуждается въ оправданіи; Лиръ въ началѣ возмущаетъ насъ, приводитъ въ негодованіе, и потому для него необходимо оправданіе. Такая безалаберная и гордая натура можетъ размягчиться не иначе, какъ только подъ вліяніемъ сильныхъ потрясеній и переворотовъ. И дѣйствительно, Лиръ становится мягче и человѣчнѣе; только эта мягкость и человѣчность ему дорого стоили. Одинъ, въ помѣшательствѣ, онъ разсказываетъ сокровенныя тайны своей души, и великія стороны своего сильнаго духа. Среди степи, въ бреду, перемѣшанномъ съ горькою правдою, Лиръ остается, какъ и самъ о себѣ сказалъ: «король отъ головы до ногъ». Онъ говоритъ о правдѣ, законѣ, добродѣтели, какъ мудрый и правосудный король. Его душа становится чище, сознаніе человѣчнѣе. Гордость и властолюбивыя увлеченія не мѣшаютъ ему прямѣе глядѣть на людей. И онъ сочувствуетъ своимъ словамъ, когда говоритъ:

Сквозь рубище худое
Порокъ ничтожный ясно видѣнъ глазу;
Подъ шубой парчевою нѣтъ порока!
Одѣнь злодѣя въ золото, стальное
Копье закона сломится безвредно;
Одѣнь его въ лохмотья, — и погибнетъ
Онъ отъ пустой соломинки Пигмея!
Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ! нѣтъ; я знаю;
Я заступлюсь за всѣхъ [2]).

«Такимъ образомъ въ степи, среди помѣшательства и страданій Лира, мы хоть не вполнѣ, но примиряемся съ нимъ; окончательное примиреніе является уже тогда, когда этотъ непокорный старикъ опускается на колѣни передъ дочерью, когда-то имъ отвергнутою, и только теперь оцѣненною. И вотъ въ Лирѣ мы увидали полную, глубокую, разнообразную, ужасающую и

---

[1]) *Лиръ*. Дѣйстіе I, сц. 5; стр. 112—113.
[2]) *Лиръ*. Дѣйствіе 4, сц. 6; стр. 208—210.

радующую жизнь цѣльнаго человѣка; тогда какъ въ Эдипѣ человѣческое чувство проглядывало односторонне, а всюду видна лишь его страдальческая, зависимая сторона дѣятельности». (Литература древнихъ и новыхъ народовъ. Гарусова. М. 1862, стр. 123—7)

НѢМЕЦКАЯ ДРАМА.

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

(Шиллера).

ПРОЛОГЪ.

ІОАННА *(долго стоитъ въ задумчивости).*

Простите вы, холмы, поля родныя!
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости!
Съ Іоанной вамъ ужъ болѣ не видаться,
На вѣкъ она вамъ говоритъ: прости!
Друзья — луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать!
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечной,
Иду отъ васъ и не приду къ вамъ вѣчно!

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены!
Мои стада, не буду вамъ оградой....
Безъ пастыря бродить вы суждены!
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавыя войны.
Такъ вышнее назначило избранье,
Меня стремитъ не суетныхъ желанье.

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ пророку нисходилъ,
Кто на царя подвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣпилъ —

И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя,
Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
«Иди о Мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!

«Надѣть должна ты латы боевыя,
Въ желѣзо грудь младую заковать;
Страшись надеждъ, не знай любви земныя....
Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
Не быть тебѣ душой семьи родныя;
Цвѣтущаго младенца не ласкать!...
Но въ битвахъ я главу твою прославлю,
Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.

«Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ —
Возьмешь мою ты орифламу въ длани,
И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ;
Поставишь ихъ надменной власти грани,
Преобратишь во плачъ побѣдный гласъ,
Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,
И Карла въ Реймсъ введешь надѣть корону».

Мнѣ обѣщалъ Небесный извѣщенье....
Исполнилось.... и шлемъ сей посланъ Имъ.
Какъ бранный огнь, его прикосновенье;
Съ нимъ мужество, какъ Божій херувимъ....
Въ кипящій бой несетъ души стремленье;
Какъ буря, пылъ ея неукротимъ....
Се битвы кличъ! полки съ полками стали!
Взвились кони и трубы зазвучали!

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ X.

(Іоанна, за нею чиновники Орлеанскіе и множество рыцарей, которые занимаютъ всю глубину сцены. Съ величіемъ выступаетъ она впередъ и осматриваетъ предстоящихъ одного за другимъ).

ДЮНУА *(съ важностію).*

Ты ль, дивная....

ІОАННА (*прерываетъ его величественно*).

Ты Бога испытуешь;
Не на своемъ ты мѣстѣ, Дюнуа;
Вотъ тотъ, къ кому меня послало небо.

(Рѣшительно приближается къ королю, преклоняетъ предъ нимъ колѣно, потомъ встаетъ и на нѣсколько шаговъ отступаетъ. Дюнуа сходитъ съ мѣста. Король остается одинъ посреди сцены).

КОРОЛЬ.

Мое лице ты видишь въ первый разъ;
Кто далъ тебѣ такое откровенье?

ІОАННА.

Я видѣла тебя.... но только тамъ,
Гдѣ ты никѣмъ незримъ былъ, кромѣ Бога.
(*Приближается и говоритъ таинственно*).
Ты помнишь ли, что было въ эту ночь?
Тогда, какъ все кругомъ тебя заснуло
Глубокимъ сномъ — не ты ль, покинувъ ложе,
Съ молитвою предъ Господомъ простерся?
Вели имъ выдти.... я твою молитву
Тебѣ скажу.

КОРОЛЬ.

Что Богу я повѣрилъ,
Не потаю того и отъ людей.
Открой при нихъ моей молитвы тайну —
Тогда твое признаю назначенье.

ІОАННА.

Ты произнесъ предъ Богомъ три молитвы;
И первою молилъ ты, чтобъ Всевышній —
Когда твой тронъ стяжаніемъ неправымъ,
Иль незаглаженной изъ древнихъ лѣтъ
Виной обремененъ и тѣмъ на насъ
Навлечена губящая война —
Тебя избралъ мирительною жертвой,
И на твою покорную главу
Излилъ за насъ всю чашу наказанья.

КОРОЛЬ *(отступая съ трепетомъ)*.

Но кто же ты, чудесная?... Откуда?...
(Всѣ въ изумленіи).

ІОАННА.

Другая же твоя была молитва:
Когда уже назначено Всевышнимъ
Тебя лишить родительскаго трона,
И все отнять, чѣмъ праотцы твои,
Вѣнчанные, владѣли въ сей землѣ —
Чтобъ сохранить тебѣ три лучшихъ блага:
Спокойствіе души самодовольной,
Твоихъ друзей и вѣрную Агнесу.
(Король закрываетъ лицо и плачетъ. Движеніе изумленія въ толпѣ. Іоанна, помолчавъ, продолжаетъ).
Скажу-ль твою послѣднюю молитву?

КОРОЛЬ.

Довольно; вѣрую; сего не можетъ
Единый человѣкъ: съ тобой Всевышній!

АРХІЕПИСКОПЪ.

Откройся жъ намъ, всезнающая, кто ты?
Въ какомъ краю родилась? Кто и гдѣ
Счастливые родители твои?

ІОАННА.

Святый отецъ, меня зовутъ Іоанна;
Я дочь простаго пастуха; родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ Тула;
Тамъ стадо моего отца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слыхала часто,
Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
Чтобъ посадить на тронъ нашъ иноземца,
Немилаго народу; какъ столицей
И Франціей властительствовалъ онъ....
И я въ слезахъ молила Богоматерь:
Насъ отъ цѣпей пришельца защитить,
Намъ короля законнаго сберечь.
И близъ села, въ которомъ я родилась,

Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы —
Къ нему толпой приходятъ богомольцы —
И близъ него стоитъ священный дубъ,
Прославленный издревле чудесами;
И я въ тѣни его сидѣть любила,
Пася овецъ — меня стремило сердце —
И всякій разъ, когда въ горахъ пустынныхъ
Случалося ягненку затеряться,
Пропадшаго являлъ мнѣ дивный сонъ,
Когда подъ тѣмъ я дубомъ засыпала.
И разъ — всю ночь съ усердною молитвой,
Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ древомъ —
Пречистая предстала мнѣ; въ рукахъ
Ея былъ мечъ и знамя, но одѣта
Она была, какъ я, пастушкой, и сказала:
«Узнай меня, возстань; иди отъ стада;
Господь тебя къ иному призываетъ.
Возьми мое святое знамя; мечъ
Мой опояшь и имъ неустрашимо
Рази враговъ народа Моего,
И проведи Помазанника въ Реймсъ,
И увѣнчай его вѣнцемъ наслѣднымъ».
Но я сказала: Мнѣ ль, смиренной дѣвѣ,
Неопытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
На подвигъ сей погибельный дерзать?
«Дерзай — Она рекла мнѣ — чистой дѣвѣ
Доступно все великое земли,
Когда земной любви она не знаетъ».
Тогда моихъ очей Она коснулась....
Подъемлю взоръ: исполнено все небо
Сіяющихъ, крылатыхъ Серафимовъ,
И въ ихъ рукахъ прекрасныя лилеи;
И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голосъ....
И такъ Пречистая три ночи сряду
Являлась мнѣ и говорила: «Встань,
Господь тебя къ иному призываетъ.»
Но въ третью ночь, Она, явясь во гнѣвѣ,
Мнѣ строгое сіе вѣщала слово:
«Удѣлъ жены — тяжелое терпѣнье;
Возьми твой крестъ, покорствуй небесамъ;
Въ страданіи земное очищенье;
Смиренный здѣсь — возвышенъ будетъ тамъ».
И съ сло́вомъ симъ Она съ Себя одежду

Пастушки сбросила, и въ дивномъ блескѣ
Явилась мнѣ Царицею небесъ,
И на меня съ утѣхой поглядѣла,
И медленно на свѣтлыхъ облакахъ
Къ обители блаженства полетѣла.

(Всѣ тронуты. Агнеса въ слезахъ закрываетъ лице руками).

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Богато-убранная зала; колонны обвиты гирляндами изъ цвѣтовъ; вдали слышны флейты и гобои; они играютъ во все продолженіе первой сцены).

ІОАННА

(стоитъ въ задумчивости и слушаетъ, потомъ говоритъ).

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ.
И зиждутся изъ вѣтвей пышны входы,
И гордый столбъ обвитъ живымъ вѣнцомъ,
И гости ждутъ вѣнчательнаго пира:
Готовы тронъ, корона и порфира.

И все горитъ единымъ вдохновеньемъ,
И груди всѣмъ подъемлетъ мысль одна,
И счастіе волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что рознила война;
Гордится Франкъ своимъ происхожденьемъ,
Какъ будто всѣмъ отчизна вновь дана;
И съ честію примирена корона;
Вся Франція въ собраніи у трона.

Лишь я одна, великаго свершитель,
Ему чужда безчувственной душой;
Ихъ счастія, ихъ славы хладный зритель,
Я прочь отъ нихъ лечу моей мечтой;
Британскій станъ любви моей обитель,
Ищу враговъ желаньемъ и тоской;
Таюсь друзей, бѣгу въ уединенье
Сокрыть души преступное волненье.

Какъ! мнѣ любовію пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?
Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,
Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укоризны?
Скажу ль о томъ сіянью дня?
И стыдъ не истребитъ меня!

(Звуки инструментовъ за сценою сливаются въ тихую, нѣжную мелодію).

Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ,
Милый слышится мнѣ голосъ,
Милый видится мнѣ ликъ.

Возвратися, буря брани!
Загремите, стрѣлы, копья!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душѣ покой!

Тише, звуки! замолчите,
Обольстители души!
Непонятнымъ упоеньемъ
Вы ее очаровали;
Слезы льются отъ печали.

(Помолчавъ съ бо́льшею живостію).

Могла ли я его сразить? О! какъ
Сразить, узрѣвъ его прекрасный образъ?
Нѣтъ, нѣтъ, себя скорѣй бы я сразила.
Виновна ль я, склонясь душой на жалость?
И грѣхъ ли жалость?... Какъ?... Скажи жъ, Іоанна,
Была ль къ другимъ ты жалостлива въ битвѣ?
И жалости ль покоренъ былъ твой мечъ,
Когда младый Валліецъ предъ тобою
Лежалъ въ слезахъ, вотще моля о жизни?
О сердце хитрое, ты ль небеса
Всезрящія заманишь въ ослѣпленье?
Нѣтъ, нѣтъ! тебя влекло не сожалѣнье.
Увы! почто дерзнула я примѣтить
Его лица младую красоту?

Несчастная, сей взоръ твоя погибель;
Орудія слѣпаго хочетъ Богъ.
Идти за нимъ должна была ты слѣпо;
Но волю ты дала очамъ узрѣть —
И отъ тебя щитъ Божій отклонился,
И адская тебя схватила сѣть.

(Задумывается, вслушивается въ музыку; потомъ говоритъ).

Ахъ, почто за мечъ воинственный
Я мой посохъ отдала,
И тобою, дубъ таинственный,
Очарована была?
Мнѣ, Владычица, являла Ты
Свѣтъ небеснаго лица;
И вѣнецъ мнѣ обѣщала Ты....
Недостойна я вѣнца.

Зрѣла я небесъ сіяніе,
Зрѣла ангеловъ въ лучахъ....
Но души моей желаніе
Не живетъ на небесахъ.
Грозной силы повелѣніе
Мнѣ ль безсильной совершить?
Мнѣ ли дать ожесточеніе
Сердцу, жадному любить?

Нѣтъ, изъ чистыхъ небожителей
Избирай твоихъ свершителей;
Съ неприступныхъ облаковъ
Призови Твоихъ духовъ,
Безмятежныхъ, не желающихъ,
Не скорбящихъ, не теряющихъ....
Дѣву съ нѣжною душой
Да минуетъ выборъ твой.

Мнѣ ль свирѣпствовать въ сраженіи?
Мнѣ ль рѣшать судьбу царей?...
Я пасла въ уединеніи
Стадо родины моей....
Бурный путь мнѣ указала Ты,
Въ домъ царей меня ввела;
Но.... лишь гибель мнѣ послала Ты....
Я ль сама то избрала?

Жуковскій.

Примѣч. — Изъ Христоматіи Галахова: «Въ этой романтической трагедіи, состоящей изъ пролога и пяти дѣйствій, Шиллеръ († 1805) отступилъ отъ исторіи: Іоанна умираетъ отъ ранъ, въ полнотѣ божественнаго одушевленія, при яркомъ сіяніи солнца. Шиллеръ представилъ освобожденіе Франціи отъ враговъ, какъ религіозный подвигъ; трагизмъ героини состоитъ въ борьбѣ ея человѣческихъ влеченій (любви къ врагу отчизны, Англійскому вождю Ліонелю) съ ея таинственнымъ предназначеніемъ; борьба разрѣшается нравственнымъ самоосвобожденіемъ: Орлеанская Дѣва выходитъ изъ нея побѣдительницей, собственною силою пріобрѣтая снова то самое, что прежде было даромъ свыше:

. . . . . Чистой дѣвѣ
Доступно все великое земли».

(Изданіе 1861 г. Часть II, стр. 541).

ФАУСТЪ.

(Гёте).

(Ночь. Фаустъ за письменнымъ столомъ, въ узкой готической комнатѣ со сводами).

ФАУСТЪ.

Я философіи служилъ
И богословіе съ правами,
И медицину изучилъ.
Простакъ, напрасно я съ лѣтами
Лишь трудъ и время истощилъ!
Магистромъ, докторомъ зовуся;
Съ учениками на авось,
Десятый годъ, и вкривь и вкось,
Съ устра до вечера вожуся,
И вижу, знаю только то,
Путемъ обиднаго сознанья,
Что мы не знаемъ ничего,
Что точно стоило бы знанья.

Что радости быть смышленѣе глупцовъ,
Присяжныхъ, судей и писцовъ,
Сомнѣньями, словами не смущаться,
Чертей и ада не бояться?
Зато я послѣдней отрады лишенъ,
Кажуся самъ себѣ смѣшонъ,
При мысли подобныхъ себѣ исправлять,
Учить и добру наставлять;

Зато у меня ни кола, ни двора,
Ни почестей, ниже другаго добра.
Такая жизнь кому бъ не надоѣла!
И вотъ меня желанье одолѣло
Заняться магіей: быть можетъ, въ чарахъ я
Раскрою тайну бытія,
Ихъ сокровенными путями,
И прозрю вѣщими очами,
Чтобы, чего не знаю самъ,
Не проповѣдывать глупцамъ;
Но чтобы силы естества
И ихъ живыя начинанья
Далися мнѣ, какъ истинное знанье,
А не какъ мертвыя слова. *(Всходитъ мѣсяцъ).*

О, еслибъ, мѣсяцъ свѣтозарный,
Свѣтилъ ты здѣсь въ послѣдній разъ!
Какъ скорбный другъ, ты въ поздній часъ
Придешь на трудъ неблагодарный
Свой тусклый, блѣдный лучъ пролить
И пыльной хартіи страницы
Своимъ сіяніемъ печально озарить!
Ласкать бы мнѣ усталыя зеницы,
О, мѣсяцъ, при твоихъ лучахъ,
Надъ яснымъ озеромъ, на горныхъ высотахъ!
Съ воздушною бы мнѣ толпою
Ихъ легкихъ призраковъ летать,
Въ твоей росѣ, передъ зарею,
Больную грудь мою купать!
Да исцѣлюсь отъ мукъ сомнѣнья
И тяжкой пытки размышленья.

А этотъ склепъ, куда я заключенъ,
Гдѣ стѣны самыя, какъ своды гробовые;
Гдѣ солнца лучъ о стекла преломленъ,
Скользитъ, какъ тать, сквозь окна расписныя;
Гдѣ лишь на томъ играетъ свѣтъ,
Чего въ живой природѣ нѣтъ;
Реторты, стклянки, скудный хламъ
Старинныхъ дѣдовскихъ затѣй,
И съ паутиной по стѣнамъ
Громады книгъ, во снѣдь мышей;
Собранье хартій всѣхъ вѣковъ

И инструменты всѣхъ сортовъ —
Наслѣдье пыли и червей.
Вотъ онъ, твой міръ!.... но развѣ міръ таковъ?

О, нѣтъ! иль ты понять не можешь,
Что самъ свое же сердце гложешь?
Когда вселюбящимъ Творцомъ
Намъ данъ природы свѣтлый домъ,
На стѣны въ затхлой паутинѣ,
Живой мертвецъ, ты промѣнялъ его,
И вотъ подобіе жилища твоего —
Скелетъ ободранный скотины!
Бѣги, ищи другихъ селеній!
Вотъ книга Нострадама: въ ней
Вселенной смыслъ; врата въ музей
Ея безчисленныхъ твореній.
Чему не внемлетъ умъ сухой,
Бездушной буквы смыслъ толкуя,
То мнѣ доскажется природою живой,
И, ею вразумленъ, пойму я
Бесѣду сокровенныхъ силъ,
И связь и ходъ ночныхъ свѣтилъ.

Теперь, о, духи, къ вамъ взываю,
Внемлите, васъ на помощь призываю!
(Раскрываетъ книгу Нострадама и усматриваетъ изображеніе Макрокосма).
Какъ мощенъ взглядъ! Какъ сильно впечатлѣнье!
Внезапно, пламенной струей,
Въ меня проникло наслажденье,
И нѣга страстная, и жизни молодой
Невыразимое, святое ощущенье!
Живыя эти письмена
Сама ль природа начертала?
Картину дивную раскрыла мнѣ она
И сердце бѣдное восторгомъ обуяла!
Какъ въ зеркалѣ, читаю бытія
Неизмѣримыя страницы,
И прозрѣли душевныя зеницы!
И понялъ я сказанья мудреца,
И внялъ невнятному, въ чертахъ его лица:
Духъ доступенъ; но въ темницѣ
Духъ твой собственный. Дерзай!

На зарѣ, въ лучахъ денницы,
Смѣло грудь свою купай!

(Задумывается, разсматривая изображеніе).

Какъ все живетъ одно въ другомъ,
Снуется все согласіемъ во всемъ!
Вотъ силы горнія, съ вліяньемъ на земныя,
Встаютъ, нисходятъ чередой,
И цѣпью, ведра золотыя
Передаютъ, въ порукѣ круговой,
Въ земныя нѣдра посылаютъ
Благословеніе свое
И мірозданья — вся и все
Въ согласный гимнъ, въ единый звукъ сливаютъ.

Картина дивная! но, диво созерцая,
Взалкалъ иною жаждой я —
Природа! гдѣ же грудь твоя?
О, безпредѣльная, къ тебѣ я принадаю!
Журчитъ, поитъ отрадная струя;
Но, ахъ, сосцы твои неуловимы,
И я томлюсь, и ты неумолима!

(Съ огорченіемъ перевертываетъ листъ и усматриваетъ изображеніе Духа Земли).

Вотъ взглядъ иной, иное впечатлѣнье:
О, Духъ Земли, ты ближе мнѣ!
Я сознаю уже и новое влеченье
И силы новыя, и рдѣю, какъ въ огнѣ!
Хочу, могу и чувствамъ волю дать,
И въ бѣдствіяхъ, и въ благахъ искуситься,
Лицемъ къ лицу передъ грозою стать,
И духомъ, въ часъ крушенья, не смутиться!

Темнѣетъ,
Сокрылась луна,
И гаснетъ лампада —
Дымитъ!
Багровые лучи нисходятъ на меня,
И съ ужасомъ повѣяло со сводовъ!
Я чую, близокъ,
Ты близокъ мнѣ, желанный геній!
Невидимый, явись!
Твоихъ я жажду вожделѣній,
Разоблачись!

Какое страстное влеченье
Непонятное понять,
Недоступныхъ, сокровенныхъ
Ощущеній испытать!
Явись! отъ всей души къ тебѣ взываю!
Явиться долженъ ты! я жизнью заклинаю.

(Въ пламени является Духъ).

ДУХЪ.

Кто звалъ меня?

ФАУСТЪ.

О, видъ ужасный!

ДУХЪ.

Меня ты страстно призывалъ,
Моей стихіи причаститься
Ты съ буйной жадностью алкалъ —
И что жъ?

ФАУСТЪ.

Нѣтъ силъ.

ДУХЪ.

Несчастный!
Не ты ли пылко такъ стремился
Мой слышать голосъ, видѣть ликъ?
Я внялъ тебѣ, на зовъ явился —
А ты въ отчаяньи поникъ!
Гдѣ смертный, за предѣлы ставшій,
Что́ міръ, имъ созданный, въ самомъ себѣ носилъ?
Гдѣ Фаустъ, въ пылу мятежныхъ силъ,
На равенство съ безсмертными дерзавшій?
И онъ, который умолялъ,
Всей силой воли заклиналъ, —
Не онъ ли здѣсь трепещетъ въ страхѣ,
У ногъ моихъ, уничиженъ,
Моимъ дыханіемъ сраженъ,
Презрѣнный червь, свернувшійся во прахѣ?!

ФАУСТЪ *(съ усиліемъ)*.

Нѣтъ, чадо пламени, я не презрѣнья стою,
Тебѣ подобный, Фаустъ помѣрится съ тобою!

ДУХЪ *(съ презрѣніемъ).*

Потоками жизни, въ разгарѣ дѣяній,
Невидимый, видимо всюду присущій,
Я радость и горе,
Я смерть и рожденье,
Житейскаго моря
Живое волненье —
На шумномъ станкѣ міросданья,
Отъ вѣка, сную безъ конца,
И въ твари, и въ нѣдрахъ созданья,
Живую одежду Творца.

ФАУСТЪ.

Вселенную, какъ ты, я мысленно объемлю;
Духъ-дѣятель, подобенъ я тебѣ!

ДУХЪ.

Подобенъ ты — тебѣ доступному, — не мнѣ!
Собрата въ смертномъ не пріемлю.

(Исчезаетъ).

Послѣднія слова повергаютъ Фауста въ отчаяніе. Онъ, подобіе Божества—малъ и ничтоженъ передъ Духомъ Земли и никогда не будетъ въ состояніи повелѣвать имъ. Къ чему повела его магія? Видя свою слабость и ничтожество и въ то же время пустоту схоластической учености, какъ нарочно являющейся къ нему въ то же время въ лицѣ педанта Вагнера, Фаустъ рѣшается умереть. Онъ хочетъ принять ядъ и уже поднимаетъ смертоносную чашу, какъ вдругъ раздается звонъ колоколовъ и тихое церковное пѣніе. Звуки эти останавливаютъ Фауста.

(Колокольный звонъ и хоровое пѣніе).

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ.

Христосъ воскресъ!
Пойте побѣдную
Господу силъ;
Ваши наслѣдныя
Немощи бѣдныя
Онъ разрѣшилъ!

ФАУСТЪ.

Торжественный, знакомый сердцу гласъ!
Отъ устъ онъ чашу отторгаетъ....
Колокола, въ полночный часъ,

Не пасху ли святую возвѣщаютъ?
Не такъ ли нѣкогда звучалъ
Хоръ ангеловъ, залогомъ примиренья,
Когда онъ міру возвѣщалъ
Завѣтъ любви и чудо откровенья?

ХОРЪ ЖЕНЪ.

Мы тѣло пречистое
Во гробъ положили,
Цвѣтами душистыми
Христа обложили,
И въ сé-ночи, скорбныя,
Блаженнаго снова
Оплакать пришли,
Но, ахъ, мы за утро
Христа не нашли!

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ.

Тѣмъ, кто въ страданіяхъ
Ждалъ избавителя,
Въ земныхъ испытаніяхъ
Чаялъ Спасителя,
Душъ утѣшителя,
Спаситель воскресъ!

ФАУСТЪ.

Глаголъ небесный, звукъ священный,
Меня ль во прахѣ вамъ искать?
Звучите для души смиренной,
Душѣ, способной отвѣчать!
Я слышу вѣсть; но вѣра отказала
Тому, кто чуда не призналъ,
Ея любимаго дитяти. Ахъ, бывало,
Въ тотъ часъ, какъ пасха наступала,
Предвѣстникомъ всерадостнаго дня,
Небесный поцѣлуй спускался на меня!
Молился я и тихо забывался,
Когда ту вѣсть несли колокола....
Я полнотой ихъ звука упивался,
И благодатна мнѣ молитва та была!
Бѣжалъ въ лѣса.... несмѣтный міръ гаданій,
Надеждъ и грезъ передо мной вставалъ;

Я слезы лилъ, я тихо трепеталъ,
Въ святомъ наитіи сердечныхъ обаяній!
Ахъ, этотъ звукъ, онъ возвѣщалъ
Мнѣ игры дѣтскія и праздникъ тотъ весенній,
Что съ первымъ цвѣтомъ наступалъ;
Надъ бездною теперь онъ шагъ послѣдній
Вспоминаньемъ оковалъ!
Младенчества чарующая сладость,
О, призракъ, сердцу дорогой,
Ты чистая, божественная радость,
Звучи, какъ встарь звучала надо мной...
Слеза... земля, я снова твой!

ХОРЪ УЧЕНИКОВЪ.

Въ ночи погребенный,
Для жизни нетлѣнной,
Заутра воскресъ!
Ему подобаетъ,
Его ожидаетъ
Небесная благость,
И вѣчная радость,
И царство небесъ!
Мы чада юдоли
Печалей, скорбей —
Учитель, намъ долѣ
Завидно твоей!

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ.

Христосъ воскресъ!
Изъ мрака забвенія
Воскресли и вы,
Для вѣчныя жизни,
Для вѣчной любви!
Всѣмъ уповающимъ,
Скорбныхъ питающимъ,
Ихъ ублажающимъ,
Господа чающимъ,
Его прославляющимъ,
Спаситель воскресъ!
Се, Онъ грядетъ уже,
Онъ уже здѣсь!

Струговщикова.

НОЧЬ. ПЕЩЕРА.

ФАУСТЪ.

Всевышній духъ! ты все, ты все мнѣ далъ,
О чемъ тебя я умолялъ;
Не даромъ зрѣлся мнѣ
Твой ликъ, сіяющій въ огнѣ.
Ты далъ природу мнѣ, какъ царство, во владѣнье;
Ты далъ душѣ моей
Даръ чувствовать ее, далъ силу наслажденья;
Иной едва скользитъ по ней
Холоднымъ взглядомъ удивленья,

Но я могу въ ея таинственную грудь,
Какъ въ сердцѣ друга заглянуть.
Ты протянулъ передо мною
Созданій цѣпь — я узнаю
Въ водахъ, въ лѣсахъ, подъ твердью голубою
Одну благую мать, одну ея семью.
Когда завоетъ вѣтръ въ дубравѣ темной
И лѣсъ качается, и рухнетъ дубъ огромной,
И ели ближнія ломаются, трещатъ,
И стукъ, и грохотъ заунывный
Въ долинѣ будитъ гулъ отзывный:
Ты путь въ пещеру кажешь мнѣ,
И тамъ, среди уединенья,
Я вижу новый міръ, и новыя явленья,
И созерцаю въ тишинѣ
Души чудесныя, но тайныя видѣнья.
Когда же вѣтры замолчатъ
И тихо на поляхъ эѳира
Всплыветъ луна, какъ свѣтлый вѣстникъ мира,
Тогда подъемлется передо мной
Вѣковъ туманная завѣса,
И съ грозныхъ скалъ, изъ дремлющаго лѣса
Встаютъ блестящею толпой
Минувшаго серебряныя тѣни
И свѣтятъ въ сумракѣ суровыхъ размышленій.
Но ахъ, теперь я испыталъ,
Что нѣтъ для смертныхъ совершенства!
Напрасно я, въ мечтахъ душевнаго блаженства,
Себя съ безсмертными равнялъ!
Ты къ страшному врагу меня здѣсь приковалъ:
Какъ тѣнь моя, сопутникъ неотлучный,
Холодной злобою, насмѣшкою докучной
Онъ отравилъ дары небесъ.
Дыханье словъ его сильнѣй твоихъ чудесъ!
Онъ въ прахъ меня низринулъ предо мною,
Разрушилъ въ мигъ міръ, созданный тобою,
Въ груди моей зажегъ онъ пламень роковой,
Вдохнулъ любовь къ несчастному созданью,
И я стремлюсь несытою душой
Въ желаньи къ счастію и въ счастіи къ желанью.

Веневитиновъ.

Примѣч. — Изъ Христоматіи Галахова: «Драма Гёте († 1832) основана на легендѣ о знаменитомъ чернокнижникѣ Фаустѣ [1]), жившемъ въ XIV в. и заключившемъ договоръ съ сатаной, который далъ ему въ прислужники подвластнаго себѣ духа Мефистофеля. Нѣмцы называютъ эту драму «міровой трагедіей» (Weltiragödie), потому что въ судьбѣ главнаго лица поэтъ представилъ исторію человѣчества. Ея идея — неудержимое стремленіе человѣка къ безусловному познанію, борьба послѣдняго съ вѣрой. Человѣкъ проходитъ сквозь мракъ земныхъ противорѣчій и возвращается къ религіозному довѣрію, какъ результату успокоеннаго сомнѣнія. Піэса дѣлится на сцены. Первая изъ нихъ происходитъ въ кабинетѣ. Фаустъ, извѣдавъ всю область человѣческаго знанія, удостовѣрился въ ограниченности умственныхъ изслѣдованій. Жажда истины указываетъ ему новый путь въ мірѣ духовъ. Книга Нострадама (1566), придворнаго медика Карла IX, въ которой онъ видитъ изображеніе Макрокосма (Духа вселенной), должна указать ему дорогу въ высшія сферы. Фаустъ заклинаетъ Духа Земли, но, подавленный словами мощнаго видѣнія, падаетъ съ горькимъ чувствомъ собственной немощи. Приходъ Вагнера спасаетъ его отъ отчаянія. Вагнеръ — прямое противорѣчіе Фаусту, образъ жалкой самодовольной учености. Разговоръ съ Вагнеромъ еще болѣе убѣждаетъ Фауста въ ничтожности земныхъ покушеній. Фаустъ рѣшается выпить ядъ, но звонъ колоколовъ останавливаетъ его: остатокъ религіознаго чувства удерживаетъ его отъ погибели. Вторая сцена — за городскими воротами. Въ противоположность безпокойному боренію души, Фаустъ переходитъ къ шумному деревенскому празднику. Недовольный похвалами народа, онъ удаляется отъ толпы: въ немъ снова возникаетъ стремленіе къ иному міру; онъ снова призываетъ духовъ и таинственный пудель приближается къ нему. Третья сцена — опять въ кабинетѣ. Фаустъ замѣчаетъ необыкновенныя движенія пуделя; подозрѣвая значеніе страннаго гостя, онъ заклинаетъ его магическими формулами: пудель распадается въ туманѣ, и въ видѣ странствующаго студента является Мефистофель — представитель зла. Четвертая сцена — условіе съ Мефистофелемъ; утомленный тщетными усиліями ума, Фаустъ заключаетъ съ чортомъ договоръ, по которому можетъ наслаждаться всѣми чувственными удовольствіями. Пятая — погребъ Ауербаха. Мефистофель увлекаетъ Фауста на шумное поприще чувственной жизни. Аллегорическое значеніе этой сцены указываетъ, можетъ быть, на вторую Шлезвигскую школу, которая наводняла Германію грязными произведеніями необузданнаго воображенія. Шестая — кухня вѣдьмы: здѣсь Мефистофель разгорячаетъ воображеніе Фауста и возбуждаетъ его чувственность волшебными напитками. Разсматривая эту сцену, какъ каррикатуру нелѣпостей литературнаго міра, находятъ въ ней ѣдкую сатиру, направленную преимущественно на журналистовъ того времени. Седьмая — Фаустъ и Маргарита, идеалъ дѣвственной чистоты. Любовь и довѣріе губятъ бѣдную дѣвушку. Поэтъ мастерски развилъ всю исторію этой любви — паденіе Маргариты, смерть ея брата, убитаго Фаустомъ, сцену въ соборѣ. Восьмая — Вальпургская ночь [2]). Мефи-

---

[1]) *Фаустъ* дѣйствительно существовалъ и былъ замѣчательнымъ человѣкомъ своего времени, судя потому, что народное преданіе сдѣлало его колдуномъ и повелителемъ тайныхъ силъ природы. Очень любопытныя изысканія о Фаустѣ помѣщены Губеромъ въ предисловіи къ его переводу, гдѣ онъ приводитъ, между прочимъ, 39 заглавій литературныхъ произведеній, предметомъ коихъ былъ Фаустъ, взятыхъ имъ изъ Лейтбекера.

[2]) *Вальпургская ночь* получила свое названіе отъ *Вальпурги* (Walpurgis), пле-

стофель увлекаетъ Фауста отъ погибающей Маргариты и, стараясь заглушить въ немъ внутренній голосъ души, приводитъ его на шумный праздникъ волшебнаго міра: здѣсь являются блуждающіе огни, духи металла, совы, вѣдьмы въ шумной пляскѣ, съ громкимъ хохотомъ. Съ другой стороны намъ представляется ѣдкая сатира литературнаго міра, политическихъ и философическихъ мнѣній того времени [1]). Девятая сцена — сонъ въ Вальпургскую ночь: это — интермедія, заимствованная изъ Шекспирова «Сна въ Лѣтнюю Ночь»; въ ней изображено нѣсколько литературныхъ и философическихъ портретовъ. Послѣдняя сцена — въ темницѣ. Узнавъ о несчастномъ положеніи Маргариты, Фаустъ спѣшитъ въ ея темницу, желая освободить жертву своей любви». (Изданіе 1861 г. Часть II, стр. 442).

Гёте началъ Фауста въ годы своей молодости и кончилъ за годъ передъ смертію (поэтъ умеръ 1832 г.). Фаустъ былъ постоянною, вѣчною мыслію всей жизни Гёте, любимымъ его созданіемъ. Фаустъ — это самъ Гёте, съ его идеями и понятіями, съ его неутомимою жаждою познанія, съ его ѣдкимъ Мефистофелевскимъ юморомъ, съ его взглядомъ на жизнь и искусство. Что такое *Фаустъ?* Отвѣтъ на это, говоритъ одинъ нашъ критикъ, мы можемъ найти въ насъ самихъ, нашихъ чувствахъ, идеяхъ и стремленіяхъ. Отношенія человѣка къ внѣшнему міру могутъ быть трояки: или онъ остается хладнокровенъ къ окружающимъ его предметамъ, или задумывается надъ глубокими и темными вопросами, которые задаетъ ему природа, но не осмѣливается проникнуть за предѣлы непостижимаго; или наконецъ желаетъ все открыть, все уяснить. Эти послѣдняго роду существа — высокія существа. Влечетъ ихъ къ себѣ и туманная наука, и свѣтлая поэзія, и упоительная жизнь. Хотѣли бы они все узнать и испытать, все разгадать и перечувствовать. Мучитъ, невыразимо мучитъ ихъ жажда бытія и познанія. Всю жизнь свою они стремятся за границы науки, за предѣлы искусства, за черту бытія: видя несовершенство земнаго, безумные, сомнѣваются въ совершенствѣ небеснаго. Убѣдясь въ пустотѣ гипотезъ и умозрѣній, они вѣрятъ только осязательнымъ фактамъ и хотятъ подчинить духовный міръ математическимъ законамъ матеріи. Не *вѣрить* хотятъ они, а *убѣдиться.* Все ихъ томитъ, терзаетъ, все озлобляетъ ихъ противъ человѣчества. *Такого-то человѣка вывелъ Гёте въ своемъ Фаустѣ».* (Пантеонъ 1845, № 2 «Фаустъ и его Р. переводчики», стр. 397).

О Гёте вообще и Фаустѣ много написано. Приведемъ болѣе замѣчательное: Gelehrte Deutschland von *Meusel.* — Charaktere von *Kültner.* — Zur Beurtheilung *Göthe's* von *Schuberth.* — Beiträge zur Poësie mit besonderer Hinweisung auf Göthe, von *Eckermann.* — Göthe's Leben von *Heinr. Döring.* — Vorlesungen über Göthe's Faust von *G. Weisse* (одинъ изъ лучшихъ комментаторовъ). Подъ названіемъ «Göthe's Faust» три Нѣмецкихъ писателя — *Дюнцеръ*, *Дейксъ* и *Веберъ* издали замѣчательные этюды Гёте.—Ueber den Faust von Göthe, von *Leutbecher.* 1838.—Характеръ, жизнь и

мянницы Германскаго апостола Бонифація, распространявшей въ Германіи христіанство въ половинѣ VIII столѣтія и причтенной католич. церковью къ лику святыхъ. Память ея празднуется 1-го Мая и въ ночь наканунѣ этого числа, по народному повѣрью, на вершинѣ Блоксберга (Брокенъ) собираются духи и вѣдьмы, праздновать свой шабашъ.

[1]) Въ этой сценѣ Гёте нанесъ жестокіе удары Христіану Фридриху *Николаи,* Берлинскому литетератору-книгопродавцу, унижавшему въ своихъ критическихъ изданіяхъ все, чѣмъ гордилась Германія.

идеи Гёте очень хорошо описаны въ книгѣ *Фалька* «Göthe aus näherem persönlichen Umgange dargestellt, 1832» и *Николовіуса* «Ueber Göthe, litterarische und artistische Nachrichten». — Лучше всего можно узнать Гёте изъ его собственныхъ записокъ, замѣтокъ, переписки и дневника: Dichtung und Wahrheit aus meinem Leben, Briefwechsel, Annalen oder Tag- und Jahres-Hefte von 1740 bis 1832. — На Р. языкѣ о Гёте: Гёте. От. Зап. 1842, № 1, 2, 3, 4 и 6. — Менцель, критикъ Гёте. Соч. Бѣлинскаго. III, стр. 285. — Пантеонъ 1848. — Жизнь Гёте и сочиненія. Библ. д. Чт. 1857, № 2. — Легенды Фауста въ Германіи. От. Зап. 1852, № 9. — Фаустъ и его Р. переводчики. Пантеонъ 1845, № 2, 4 и 6. — О Фаустѣ, ст. Губера. Библ. д. Чт. 1840, № 1. — Переводы Фауста: Первая часть Фауста Гёте съ давнихъ поръ переводится у насъ. *Жуковскій* перевелъ посвященіе Фауста; *Грибоѣдовъ* — прологъ въ сокращеніи; *Веневитиновъ* — нѣсколько отрывковъ: Фаустъ и Вагнеръ; Пѣснь Маргариты и монологъ Фауста въ пещерѣ. *Пушкинъ* написалъ превосходную сцену Фауста, въ которой заимствовалъ у Гёте одни имена, но которая до того проникнута духомъ этого высокаго произведенія, что кажется переводомъ сцены, почему-либо не вошедшей въ составъ полнаго произведенія. — Фаустъ, пер. *Губера*. 1838. — Фаустъ, пер. *Вронченко*. 1844. — Фаустъ, сочиненіе Гёте, пер. *Струговщикова*. 1856. — Ихъ сравнительное достоинство указано въ статьѣ Зотова. Спб. Вѣд. 1856, № 243. — Фаустъ, пер. *Грекова*. 1859.

РУССКАЯ ДРАМА.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

(1825 — 1831).

(Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ, 1603 года).

ОТЕЦЪ ПИМЕНЪ, ГРИГОРІЙ СПЯЩІЙ.

ПИМЕНЪ *(пишетъ передъ лампадой)*.

Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя;
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъименный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,

И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я съизнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною....
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!
Но близокъ день, лампада догораетъ —
Еще одно, послѣднее сказанье *(пишетъ)*.

ГРИГОРІЙ *(пробуждается)*.

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ! и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли Новогородскомъ Вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый....
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

ПИМЕНЪ.

Проснулся, братъ.

ГРИГОРІЙ.

Благослови меня,
Честный отецъ.

ПИМЕНЪ.

Благослови, Господь,
Тебя и днесь, и присно, и во, вѣки.

ГРИГОРІЙ.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось,
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

ПИМЕНЪ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ — если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи,—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

ГРИГОРІЙ.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,

Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.

ПИМЕНЪ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь,
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный Царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день прійдетъ,
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный

И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши.»
Такъ говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ вздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобразилъ въ молитвенную келью:
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась, — а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, Царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ патріархомъ.
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый Владыка предъ Царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ Царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

ГРИГОРІЙ.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-Царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

ПИМЕНЪ.

Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,

Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ посланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ: ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы! Я
Спѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ остервенясь волочитъ
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй»! раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ.
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И, чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся»! — народъ имъ загремѣлъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса.

ГРИГОРІЙ.

Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убіенный?

ПИМЕНЪ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ.... нѣтъ больше:
Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій!
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.

А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду.... Но звонятъ
Къ заутренѣ.... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!... Подай костыль, Григорій.

(Уходитъ).

ГРИГОРІЙ.

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

Примѣч. — Этотъ превосходный отрывокъ первоначально былъ напечатанъ въ Москов. Вѣстникѣ, изд. Погодина, 1828 г. Онъ представляетъ въ драмѣ Пушкина полное и совершенно законченное цѣлое. Мы видимъ здѣсь необыкновенно вѣрную характеристику древняго Р. лѣтописца и древнихъ Р. лѣтописей. *Тема:* какими же чертами обозначается нашъ древній лѣтописецъ и древняя наша лѣтопись? Далѣе — тутъ мы находимъ весьма меткія характеристики нѣкоторыхъ лицъ и эпохъ изъ Р. исторіи. Владычество Татаръ именуется *темнымъ;* Новгородское Вѣче — *бурнымъ.* Данъ очеркъ царствованія Іоанна Грознаго и сына его Ѳеодора. Наконецъ рельефно обрисованы личности Пимена и Григорія. *Тема:* Указать тѣ черты, съ которыми онѣ представлены въ отрывкѣ. — Языкъ отрывка.

ПАЛАТЫ ПАТРІАРХА.

(Патріархъ, Игуменъ Чудова монастыря).

ПАТРІАРХЪ. И онъ убѣжалъ, отецъ игуменъ?

ИГУМЕНЪ. Убѣжалъ, святый владыка, вотъ ужъ тому третій день.

ПАТРІАРХЪ. Пострѣлъ, окаянный! Да какого онъ роду?

ИГУМЕНЪ. Изъ роду Отрепьевыхъ, Галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздалѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ, наконецъ пришелъ къ моей Чудовской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ, но знать грамота далася ему не отъ Господа Бога....

ПАТРІАРХЪ. Ужъ эти мнѣ грамотѣи! Что еще выдумалъ! *Буду Царемъ на Москвѣ?* Ахъ, онъ сосудъ діявольскій! Однако нечего Царю и докладывать объ этомъ; что тревожить отца-Государя!

Довольно будетъ объявить о побѣгѣ дьяку Смирнову, или дьяку Ефимьеву. Этака ересь: *буду царемъ на Москвѣ!...* Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это ересь, отецъ игуменъ?

ИГУМЕНЪ. Ересь, святый владыка, сущая ересь.

Примѣч. — Какимъ человѣкомъ здѣсь рисуется патріархъ? — Нѣтъ ли матеріаловъ въ этомъ отрывкѣ для характеристики Григорія?

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

(Царевичъ чертитъ географическую карту. Царевна, Мамка царевны).

КСЕНІЯ *(цѣлуетъ портретъ).*

Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ: никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

МАМКА.

И, царевна! Дѣвица плачетъ, что роса падаетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ и прекрасный, и привѣтливый. Полюбишь его, дитя ненаглядное, забудешь Ивана королевича.

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна.

(Входитъ Борисъ).

ЦАРЬ.

Что, Ксенія? что, милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
Виновникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить;
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

ѲЕОДОРЪ.

Чертежъ земли Московской, наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ Пермскіе дремучіе лѣса.
А вотъ Сибирь.

ЦАРЬ.

А это что такое
Узоромъ здѣсь вiется?

ѲЕОДОРЪ.

Это Волга.

ЦАРЬ.

Какъ хорошо! Вотъ сладкiй плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда-нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ, и легче, и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

Примѣч. — Бориса видимъ въ кругу своей семьи. Дочь его тоскуетъ по женихѣ, а сынъ чертитъ географическую карту. Здѣсь царь представляется во всемъ свѣтѣ своихъ лучшихъ качествъ. Сцена построена на историческихъ основанiяхъ, какъ и все въ драмѣ Пушкина. Женихъ Ксенiи былъ герцогъ Датскiй Iоаннъ, юноша умный и прiятный (Карамзинъ. Т. XI, стр. 46. Изд. III), столь блистательно честимый въ Россiи (Карам. — 48), на котораго всѣ смотрѣли съ любовiю, плѣняясь его красотою (— 51). Этотъ герцогъ долго останавливалъ на себѣ вниманiе всей Руси; онъ съ ревностiю учился нашему языку, и даже хотѣлъ перемѣнить свою вѣру на православную (— 53). Но на возвратномъ пути изъ Лавры, 16 окт. 1604 г., узналъ Борисъ о его кончинѣ. Iоанну было 19 лѣтъ (— 54). — О воспитанiи сына Борисова Карамзинъ пишетъ: Борисъ ласкалъ сына своего, воспитывалъ съ отмѣннымъ стараніемъ. Памятникомъ географическихъ свѣдѣнiй его осталась ландкарта Россiи (Карамзинъ. Т. XI, стр. 99. Изд. III). — Вся эта сцена, сверхъ того, отличается народностiю.

Тема: Указать на черты народности въ словахъ царевны и мамки. См. народныя пѣсни во 2-мъ томѣ нашей Христоматiи.

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ. НАРОДЪ.

ОДИНЪ. Скоро ли Царь выйдетъ изъ Собора?

ДРУГОЙ. Обѣдня кончилась, теперь идетъ молебствiе.

ПЕРВЫЙ. Что, ужъ проклинали того?

ДРУГОЙ. Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ дьяконъ завопилъ: Гришка Отрепьевъ — анаѳема!

ПЕРВЫЙ. Пускай себѣ проклинаютъ: Царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева.

ДРУГОЙ. А Царевичу поютъ вѣчную память.

ПЕРВЫЙ. Вѣчную память живому! Вотъ ужо имъ будетъ, безбожникамъ.

ТРЕТІЙ. Чу! шумъ. Не Царь ли?

ЧЕТВЕРТЫЙ. Нѣтъ, это юродивый.

(Входитъ юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшанный веригами и окруженный мальчиками).

МАЛЬЧИШКИ. Желѣзный колпакъ! желѣзный колпакъ!... тр р р р....

СТАРУХА. Отвяжитесь отъ него, бѣсенята. Помолись, блаженный, за меня грѣшную.

ЮРОДИВЫЙ. Дай, дай, дай копѣечку.

СТАРУХА. Вотъ тебѣ копѣечка; помяни же меня.

ЮРОДИВЫЙ *(садится на землю и поетъ).*

Мѣсяцъ ѣдетъ,
Котенокъ плачетъ,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

(Мальчишки окружаютъ его снова).

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ. Здравствуй, юродивый, что же ты шапки не снимаешь? *(Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ).* Экъ она звонитъ!

ЮРОДИВЫЙ. А у меня копѣечка есть.

МАЛЬЧИШКА. Неправда, — ну покажи. *(Вырываетъ копѣечку и убѣгаетъ).*

ЮРОДИВЫЙ *(плачетъ).* Взяли мою копѣечку, обижаютъ юродиваго.

НАРОДЪ. Царь, Царь идетъ!

(Царь выходитъ изъ Собора; Бояринъ впереди раздаетъ милостыню. Бояре).

ЮРОДИВЫЙ. Борисъ, Борисъ! мальчишки обижаютъ юродиваго.

ЦАРЬ. Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

ЮРОДИВЫЙ. Мальчишки обижаютъ.... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго Царевича.

БОЯРЕ. Поди прочь, дуракъ! Схватите дурака!

ЦАРЬ. Оставьте. Молись за меня, юродивый. *(Уходитъ).*

ЮРОДИВЫЙ *(ему вслѣдъ).* Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за Царя-Ирода: Богородица не велитъ.

Примѣч. — Въ 1588 г. былъ въ Москвѣ юродивый, пишетъ Карамзинъ,— съ распущенными волосами ходя по улицамъ, нагой въ жестокіе морозы, онъ торжественно злословилъ Бориса; а Борисъ молчалъ, и не смѣлъ ему

сдѣлать никакого зла, опасаясь ли народа, или вѣря святости сего человѣка. Въ примѣч. 469, т. X-го Карамзинъ приводитъ изъ Флетчера слѣд. слова: 3 Іюля 1589 г. скончался въ Москвѣ, съ именемъ Святаго, Іоаннъ Юродивый, прозванный *Большимъ Колпакомъ и Водоносцемъ*. Онъ съ юныхъ лѣтъ изнурялъ себя постомъ и молитвою.... носилъ на головѣ тяжелый колпакъ, на тѣлѣ кресты съ желѣзными веригами....

Юродивый въ сценѣ Пушкина представляется ревнителемъ правды. Ни передъ кѣмъ онъ не побоится сказать правду, царя онъ называетъ просто— *Борисомъ*. Въ глаза именуетъ Бориса *убійцею Царевича*. Это — *блаженный*, будто самимъ Богомъ посланный на землю обличать неправды людскія: такъ смотритъ на юродивыхъ и народъ. Борисъ, какъ царь *набожный* [1]), попросилъ юродиваго молиться за него. Юродивый отказался: «Сама Богородица не велитъ», сказалъ онъ, «молиться за царя-Ирода». Преступленіе царя велико; и юродивый, какъ голосъ самого Правосудія, не удостоилъ своей молитвы царя.... Какъ здѣсь поэтъ вѣренъ исторіи! Припомнимъ юродиваго *Салоса* Николу. Іоаннъ Грозный пришелъ въ Псковъ, зашелъ въ келью къ старцу Салосу Николѣ, *иже Христа ради*, по выраженію лѣтописца, *похабъ ся творя;* Салосъ прямо сказалъ царю: «Ивашко! Ивашко [2])! долго ли тебѣ лить неповинную кровь христіанскую»? Вмѣстѣ съ симъ онъ предложилъ Іоанну кусокъ сыраго мяса: «Я христіанинъ, сказалъ Іоаннъ, и не ѣмъ мяса въ Великій постъ», а Никола отвѣчалъ: «ты дѣлаешь хуже, питаешься человѣческою плотію и кровію, забывая не только постъ, но и Бога» [3]). Что же грозный царь? Немедленно выѣхалъ изъ города, говоритъ исторіографъ.... И Годуновъ не посмѣлъ коснуться своего обличителя, по словамъ разбираемаго нами поэта. Значитъ совершенно согласно съ исторіею поэтъ представилъ намъ юродиваго. Вся эта картина показываетъ высокое значеніе юродиваго въ древней Россіи.

---

[1]) Карамзинъ такъ называетъ Годунова. Ист. Г. Р. Т. XI. стр. 102. Изд. III.

[2]) У Пушкина юродивый говоритъ: Борисъ, Борисъ!

[3]) Это было въ 1570 году. Изъ извѣстій Таубе, Крузе и Флетчера, а также изъ Псковской лѣтописи *Карамзинъ* приводитъ эти слова. Т. IX, стр. 90. Изд. Эйнерлинга. Примѣч. къ IX т. 298-е.

КОМЕДІЯ.

Теорія комическаго. — Мнѣніе профес. *Шевырева:* «Стихія комедіи — смѣшное. Теорія смѣшнаго даетъ главныя основанія для теоріи комедіи. Значеніе комедіи отечественной, во всѣхъ ея важнѣйшихъ явленіяхъ, какъ прошедшихъ, такъ и намъ современныхъ, не можетъ быть ясно безъ этихъ основаній. Постараемся изложить ихъ.

«Смѣшное, вмѣстѣ съ ужаснымъ, составляетъ видъ такъ называемаго отрицательно-изящнаго. Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію своего мнѣнія, предложимъ то, что́ сдѣлано для теоріи смѣшнаго другими теоретиками.

«Изъ древнихъ, *Аристотель* въ своей Піитикѣ, говоря о комедіи, далъ слѣдующее опредѣленіе для смѣшнаго. «Комедія», говоритъ онъ, «есть представленіе чего-нибудь низкаго, но не всегда порочнаго, а того постыднаго, которое производитъ смѣшное, ибо *смѣшное есть какая-нибудь ошибка, что-нибудь постыдное, но безвредное.* Такъ, напримѣръ, смѣшное лице будетъ дурное, искривленное, но безъ вреда». Этотъ признакъ безвредности, который замѣтилъ Аристотель въ смѣшномъ вообще, приноситъ честь его наблюдательности. Въ самомъ дѣлѣ, если возьмемъ примѣръ не смѣшнаго художественнаго, но смѣшнаго въ жизни, то замѣтимъ, что только надъ тѣмъ можемъ мы безукоризненно смѣяться, что́ не приноситъ совершеннаго вреда. Человѣкъ шелъ по улицѣ и упалъ: это можетъ быть смѣшно въ такомъ только случаѣ, если онъ не повредилъ себѣ паденіемъ, а если онъ ушибся, то нравственное чувство въ насъ не допуститъ никакого смѣха. Но если мы обратимся къ примѣрамъ художественнаго смѣшнаго, то находимъ, что не одно безвредное, но и вредное подвергается осмѣянію. Такъ, напримѣръ, въ комедіяхъ, которыми такъ обильна наша литература, мы видимъ, что самые вредные пороки, страсти, злоупотребленія,

подвергаются публичному, художественному осмѣянію. Но должно замѣтить, что когда мы созерцаемъ въ комедіи пороки, страсти, то въ это самое время удаляемъ идею того вреда, который въ этихъ порокахъ находится. Когда же въ комическомъ представленіи порока, изъ самаго глубокаго смѣха извлекаемъ сознаніе того, что онъ нравственно для насъ вреденъ, то нашъ смѣхъ получаетъ суровый, важный, строгій характеръ. Въ человѣкѣ чувствительномъ и добросердечномъ онъ можетъ перейдти даже въ слезы, особенно когда вспомнитъ онъ, что это вредное наносится его отечеству, его согражданамъ, его ближнимъ, и должно замѣтить, что комики геніальные всегда сильно чувствуютъ эту близость трагическаго съ комическимъ, это сосѣдство грусти и смѣха.

«При мысли объ этомъ, нельзя не припомнить тѣхъ особенностей, которыя встрѣчаются въ нашей отечественной комедіи, ибо примѣры, конечно, должны приводиться преимущественно изъ нашей словесности: они оправдаютъ истину Аристотелева замѣчанія, что мысль о вредѣ вредитъ смѣшному и съ нимъ не совмѣстима. Вспомнимъ у Фонъ-Визина, въ заключительной сценѣ, когда Простакова, получивъ прощеніе отъ Стародума и мгновенно возвращаясь къ своей жестокости, выражается такъ: «Простилъ! Ахъ, батюшка! ну, теперь-то я дамъ зорю»!... Въ это время Простакова становится для насъ отвратительною: комикъ, сдѣлавшій ее главнымъ орудіемъ того смѣха, котораго не было бы безъ Простаковой, представилъ ее въ заключеніе такою, ибо въ это самое время ярче всего предстаетъ для насъ вся вредная сущность, лежащая въ основѣ души этой женщины. Но этимъ не удовлетворяется однакожъ комикъ; возбудивъ отвращеніе къ Простаковой, онъ черезъ нѣсколько сценъ возвращается самъ и возвращаетъ насъ къ болѣе человѣческому чувству. Когда Простакова, оставленная всѣми и обнаружившая всю внутреннюю мерзость безнравственнаго существа своего, обращается, какъ мать, къ своему сыну, то онъ говоритъ ей: «да отвяжись, матушка»! Тутъ мы переходимъ отъ чувства отвращенія къ чувству жалости: Простакова намъ становится жалкою. Впрочемъ многое, конечно, можетъ здѣсь зависѣть и отъ особенности нравственнаго нашего расположенія. Въ 3-мъ дѣйствіи *Ябеды*, хоръ ябедниковъ производитъ дѣйствіе на многихъ, вовсе несмѣшное. Хоръ этотъ звучитъ какимъ-то адскимъ хоромъ, и здѣсь комическое превращается какъ бы въ трагическое. Фамусовъ, образецъ комической глупой безсознательности, въ 4-мъ дѣйствіи становится для насъ жалкимъ, когда передъ нимъ обличается поведеніе его дочери, воспитанной имъ только въ фигурантки для его баловъ. Точно тоже въ *Ревизорѣ* Гоголя: сцена Городничаго, по отъѣздѣ Ревизора, съ купцами, отъ смѣха переноситъ

насъ къ дѣйствію важному, строгому, поучительному. Еще болѣе это замѣтно въ послѣдней, нѣмой сценѣ у Гоголя, которую мы только читаемъ, но на сценѣ она никогда не исполняется, потому, можетъ быть, что исполнить ее или трудно, или даже невозможно. Тѣмъ не менѣе важно требованіе, которое комикъ объявилъ печатно. Онъ находилъ необходимымъ исполненіе этой сцены для того, чтобы вся его идея вполнѣ выразилась. Это наружное обличеніе совѣсти людей, въ комедіи осмѣянныхъ, указываетъ на то, какъ глубоко поэтъ сознаетъ всю важность той стороны предмета, которую выдалъ на публичное осмѣяніе. Такимъ образомъ, признакъ безвредности, замѣченный Аристотелемъ, совершенно остается истиннымъ; ибо въ самыхъ превосходныхъ произведеніяхъ комедіи мы видимъ, что тамъ, гдѣ уже смѣшное обнаруживаетъ вредное, производится дѣйствіе важное, суровое, строгое.

«Отъ этого опредѣленія смѣшнаго, по Аристотелю, которое не совсѣмъ полно, но тѣмъ не менѣе замѣчательно, я перехожу къ опредѣленію смѣшнаго, которое изложилъ *Жанъ Поль Рихтеръ* въ своей теоріи. Тѣмъ болѣе считаю за нужное это сдѣлать, что онъ въ ней коснулся мнѣній всѣхъ тѣхъ философовъ, которые опредѣляли смѣшное до него, такъ что, излагая теорію Ж. П. Рихтера, мы съ тѣмъ вмѣстѣ скажемъ и о тѣхъ, которые ему предшествовали въ опредѣленіи этого вида отрицательно-изящнаго.

«Ж. П. Рихтеръ, говоря о смѣшномъ, обращаетъ прежде всего вниманіе на то разнообразіе ощущеній, которое оно доставляетъ. Самъ сознаетъ онъ трудность опредѣленія и указываетъ на подобное сознаніе у Цицерона и Квинтиліана. Критику мнѣній постороннихъ начинаетъ онъ собственно съ *Канта*. Кантъ опредѣляетъ смѣшное разрѣшеніемъ какого-нибудь ожиданія въ ничто. На это возражаетъ Ж. П. Рихтеръ тѣмъ, что не всякое ожиданіе, переходящее въ ничто, причиняетъ смѣхъ. Такъ, напримѣръ, если мы ожидаемъ чего-нибудь ужаснаго и оно не случится, то подобное разрѣшеніе доставляетъ намъ удовольствіе, а не производитъ смѣха. Бываетъ напротивъ иногда, что человѣкъ ничего не ожидаетъ, и вдругъ можетъ что-нибудь явиться, приводящее въ смѣхъ. Примѣняя свое опредѣленіе смѣшнаго къ эпиграммѣ, Кантъ говоритъ, что эпиграмма смѣшитъ насъ посредствомъ сочетанія великаго съ малымъ. Ж. П. Рихтеръ противорѣчитъ Канту и въ этомъ, говоря, что не всегда сочетаніе великаго съ малымъ можетъ быть смѣшно, напр. сочетаніе ангела и червяка. Можно, по этому случаю, въ опроверженіе Канта, припомнить извѣстный стихъ Державина, гдѣ сочетаніе царя съ рабомъ, и Бога съ червемъ въ понятіи о человѣкѣ производитъ чувство высокаго, а не смѣшнаго.

«Если, продолжаетъ Жанъ Поль, къ опредѣленію Кантову сдѣ-

лать прибавленіе и сказать такъ: внезапное разрѣшеніе ожиданія чего-нибудь важнаго въ смѣшное ничто, — то все-таки не подвинемъ мы опредѣленія нашего далѣе—и должны спросить: въ чемъ же смѣшное-то заключается? Жанъ Поль болѣе доволенъ опредѣленіемъ Аристотеля, чѣмъ Кантовымъ: оно, по его мнѣнію, ближе подходитъ къ истинѣ, однако не вполнѣ.

«*Шиллеръ* говоритъ, что смѣшнымъ бываетъ предметъ тогда, когда представляется намъ ниже того, чѣмъ на самомъ дѣлѣ есть. Жанъ Поль противорѣчитъ Шиллеру, указывая на предметы, которые тѣмъ самымъ и производятъ смѣхъ, что совпадаютъ совершенно съ дѣйствительностью.

«Не будучи доволенъ опредѣленіемъ Шиллера, Жанъ Поль переходитъ къ собственному. Задавая себѣ задачу—опредѣлить смѣшное, онъ обращается сначала къ опредѣленію причины: какимъ образомъ ощущеніе какого-нибудь недостатка, несовершенства, поражаемаго смѣшнымъ, можетъ доставить человѣку удовольствіе? Въ самомъ дѣлѣ, смѣхъ все-таки направляется на наши недостатки. Какимъ же образомъ можетъ онъ доставить намъ изящное наслажденіе? Всякое ощущеніе изящнаго непремѣнно должно возвеличить нашу душу; если оно ее не возвеличиваетъ, въ такомъ случаѣ не достигаетъ своей цѣли. Смѣшное же совершенно противорѣчитъ высотѣ природы человѣческой и скорѣе ее уничтожаетъ, нежели возвеличиваетъ. Чтобы опредѣлить смѣшное, — по мнѣнію Жанъ Поля, надобно опредѣлить сначала то, что ему противоположно, а смѣшному противополагается высокое. Смѣшное есть врагъ высокаго. Эту противоположность замѣтили и Французы въ остроумномъ выраженіи: du sublime au ridicule il n'y a qu'un seul pas. За этимъ слѣдуетъ въ Жанъ-Полевой эстетикѣ изложеніе теоріи высокаго, какъ эпизодъ въ теоріи смѣшнаго. По Жанъ Полю, высокое есть безконечно великое: отсюда ясно, что смѣшное, какъ его противоположность, есть безконечно малое. Какъ же это понять? Безконечно малое въ физическомъ мірѣ не составляетъ предмета смѣшнаго; тогда какъ безконечно великое въ физическомъ мірѣ насъ поражаетъ, какъ явленіе высокое. Ясно, что здѣсь безконечно малое должно разумѣть не въ физическомъ смыслѣ, но надобно разумѣть его въ нравственномъ. Но въ нравственномъ можетъ ли быть что-нибудь малое? Нравственность сама въ себѣ, внутрь направленная на себя, внутри сознаваемая, производитъ уваженіе. Недостатокъ этого сознанія нравственнаго производитъ презрѣніе. Внѣ же, на другихъ направленная нравственность, производитъ любовь. Недостатокъ ея производитъ ненависть. Смѣшнаго нельзя ни презирать, ни ненавидѣть: ибо для презрѣнія оно слишкомъ маловажно, для ненависти слишкомъ ничтожно.

«И такъ, собственно въ нравственномъ царствѣ человѣка не можетъ быть смѣшнаго; ибо здѣсь нѣтъ ничего безконечно-малаго. По этому остается для смѣшнаго только царство разума, и въ человѣкѣ только неразумное. Чтобы оно чувственно на насъ подѣйствовало,—оно должно заключаться или въ дѣйствіи, или въ состояніи. Ошибка сама по себѣ, какъ незнаніе, еще не смѣшна, но когда она проявляется въ дѣйствіи, становится смѣшною. Здоровый человѣкъ, который считаетъ себя больнымъ, становится смѣшонъ тогда только, когда онъ употребляетъ средства противъ мнимой своей болѣзни. Но должно замѣтить, что дѣйствія безумнаго, несообразныя разуму, тогда только дѣлаются смѣшными для него, когда онъ переходитъ къ разумнымъ дѣйствіямъ. Человѣкъ, въ то самое время, когда дѣйствуетъ, смѣшнымъ самому себѣ быть не можетъ. Надобно, чтобы сознаніе его взошло градусомъ выше, и тогда только онъ можетъ на самого себя взглянуть съ смѣшной точки зрѣнія. Такимъ образомъ, чѣмъ выше элементъ разумный, тѣмъ выше сознаніе смѣшнаго въ элементѣ неразумномъ.

«Жанъ Поль, опредѣливъ такимъ образомъ сферу смѣшнаго и самое смѣшное, переходитъ къ источнику удовольствія, который въ смѣшномъ заключается. Въ чемъ же этотъ источникъ? Конечно, говоритъ Жанъ Поль, не въ тѣлесномъ нашемъ удовольствіи: щекотаніе производитъ, можетъ быть, иногда дѣйствіе пріятное, но если оно продолжается, то этотъ смѣхъ становится мученіемъ для человѣка. Еслибы удовольствіе смѣха заключалось въ тѣлесномъ удовольствіи, то и смѣхъ истерическій доставлялъ бы удовольствіе, а между тѣмъ онъ есть страданіе. Англичанинъ *Гоббесъ* объяснялъ это удовольствіе изъ удовлетворенія гордости человѣческой. Человѣкъ, который смѣется надъ неразумнымъ, удовлетворяетъ какъ бы своему внутреннему сознанію, разуму, слѣд. тѣмъ потѣшаетъ свою гордость. Жанъ Поль Рихтеръ возражаетъ на мнѣніе Гоббеса замѣчаніемъ, что чувство гордости есть скорѣе чувство важное въ человѣкѣ. Смѣющійся, напротивъ, добросердеченъ и готовъ самого себя поставить на ряду съ тѣмъ, чему смѣется. Дѣти и женщины смѣются чаще и охотнѣе. Добродушный и смиренный до безличности арлекинъ смѣется надъ всѣмъ: гордый же Мусульманинъ не будетъ смѣяться ни надъ чѣмъ. Люди смѣющіеся любятъ, чтобы съ ними вмѣстѣ смѣялся всякій, а гордецы не таковы. Они наслаждаются гордостію своею въ самоуслажденіи своей личности, и этого чувства ни съ кѣмъ не раздѣлятъ. Удовольствіе въ смѣшномъ можетъ происходить не отъ недостатка доброты въ человѣкѣ, но отъ присутствія добра. Элементъ этого удовольствія заключается въ свойствѣ игры нашего разума, особенно въ остроуміи,—въ свойствѣ того, что Нѣмцы называютъ Witz, и въ

какомъ-то нерѣшительномъ состояніи человѣка между горемъ и радостью, нбо смѣхъ нельзя назвать совершенною радостію: въ немъ есть ощущеніе лишенія, недостатка.

«Нельзя не согласиться, что всѣ эти замѣчанія чрезвычайно глубоки, извлечены изъ психологическихъ наблюденій надъ человѣкомъ. Въ дополненіи къ тому, что́ говоритъ Жанъ Поль, я считаю за нужное привести нѣсколько словъ изъ того Русскаго писателя, который въ наше время владѣетъ скипетромъ смѣшнаго въ комедіи, и потому въ своихъ сочиненіяхъ представилъ намъ много данныхъ для нашей теоріи. Я разумѣю — *Гоголя*. Прочтемъ заключительныя слова изъ «Театральнаго Разъѣзда».

....«Мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей піесѣ. Да, было одно честное, благородное лице, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея. Это честное, благородное лице былъ — смѣхъ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить, несмотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить, несмотря на то́, что доставилъ обидное прозванье комику, прозванье холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усумниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ. Я комикъ, я служилъ ему честно и потому долженъ стать его заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительнѣе и глубже, чѣмъ думаютъ. Не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-біющійся родникъ его, но который углубляетъ предметъ, заставляетъ ярко выступить то́, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возрасло бы передъ нимъ въ такой страшной, почти каррикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: неужели есть такіе люди? тогда какъ, по собственному сознанью его, бываютъ хуже люди. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто смѣхъ возмущаетъ. Возмущаетъ только то́, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу. И тотъ, кто понесъ бы мщеніе противу злобнаго человѣка, уже почти мирится съ нимъ, видя осмѣяннымъ низкія движенія души его. Несправедливо говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сценѣ: плутъ-потомокъ посмѣется, но

плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенія съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки боится даже тотъ, кто уже ничего не боится на свѣтѣ. Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ, можетъ только одна глубоко-добрая душа. Но не слышатъ могучей силы такого смѣха: что́ смѣшно, то́ низко, говоритъ свѣтъ; только тому, что́ произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названіе высокаго.... Въ глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры могучей, вѣчной любви. И почему знать, можетъ быть будетъ признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтожнымъ и слабымъ въ несчастіи, а слабый возрастаетъ, какъ исполинъ, среди бѣдъ, въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ»!...

«Теперь постараемся въ изслѣдованіи собственномъ коснуться тѣхъ вопросовъ, которые ускользнули отъ вниманія нашихъ предшественниковъ въ теоріи смѣшнаго.

«Разсматривая виды положительно-изящнаго, мы замѣчаемъ, что въ природѣ и искусствѣ есть предметы, которые по своему внутреннему и внѣшнему совершенству могутъ быть названы положительно-изящными. Таковы предметы *высокаго* и *прекраснаго*, или того, что мы называемъ *милымъ*. Но есть другіе предметы, которые носятъ на себѣ печать недостатка, несовершенства, и несмотря на то, допускаются въ міръ изящнаго. Таковы предметы *смѣшнаго* и *ужаснаго*. Весьма замѣчательно, что міръ изящнаго такъ разнообразенъ, что онъ допускаетъ въ себя не только тѣ предметы, которые ознаменованы печатью совершенства, но даже и тѣ, которые имъ совершенно противорѣчатъ. Изслѣдованіе наше объ этихъ предметахъ должно состоять въ томъ, чтобы рѣшить: на чемъ можетъ основываться наслажденіе, ими доставляемое? этотъ вопросъ предложилъ и Ж. П. Рихтеръ, но онъ не совсѣмъ удовлетворительно разрѣшилъ его. Какимъ образомъ несовершенства допускаются въ міръ изящнаго и, дѣйствуя въ противность тѣмъ совершенствамъ, которыя изящное представляютъ, могутъ удовлетворять закону, который мы ставимъ для положительно-изящнаго, водворяющаго гармонію въ душѣ нашей? Сравнивая виды положительно-изящнаго съ видами отрицательно-изящнаго, мы можемъ замѣтить, что первые находятся какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ. Что же касается до вторыхъ, то мы видимъ, что смѣшнаго въ природѣ нѣтъ. Оно принадлежитъ только человѣку. Если мы и смѣемся иногда надъ нѣкоторыми животными, то въ такомъ

только случаѣ, когда примѣняемъ ихъ свойства къ человѣку. Въ этомъ смыслѣ и неодушевленная природа иногда подлежитъ нашему смѣху. На всемъ этомъ основана возможность *басни*. Неодушевленная и животная природа тогда только подаетъ поводъ къ смѣху, когда человѣкъ влагаетъ, такъ сказать, въ нее разумную душу, и то, что́ принадлежитъ человѣку, переноситъ въ міръ вещей. Собственно же смѣшнаго въ природѣ нѣтъ, да и быть не можетъ; потому что все въ природѣ необходимо и слѣдуетъ одному, своему, установленному закону. Почему же въ человѣкѣ есть смѣшное и откуда оно произошло? Чѣмъ отличается человѣкъ отъ природы?— Своею свободою. Ему принадлежитъ разумная и нравственная свобода. Откуда же проистекаетъ смѣшное? Конечно, отъ злоупотребленія свободы произошло оно, какъ и всякое несовершенство. Но несовершенство въ человѣкѣ двояко. Злоупотребленіе свободы нравственной произвело зло нравственное, которое не можетъ быть предметомъ смѣха, ибо смѣхъ надъ зломъ, какъ зломъ, былъ бы вреденъ. Въ этомъ отношеніи нужно отдать честь глубокому замѣчанію Ж. П. Рихтера. Злоупотребленіе свободы нравственной отозвалось и въ разумѣ неразумнымъ, глупостью, дурачествомъ, и вотъ что́ собственно составляетъ предметъ смѣшнаго. Однако мы смѣемся и надъ пороками, и надъ страстями, и надъ всякимъ зломъ человѣческимъ. Это такъ. Но мы смѣемся надъ ними по стольку, по скольку пороки наши представляютъ глупость, дурачество наше, а не по стольку, по скольку они намъ вредны. Въ самой комедіи, по скольку неразумное связано съ нравственнымъ, по стольку и комическое граничитъ уже съ трагическимъ.

«Вотъ почему Гоголь говоритъ, что за смѣхомъ комедіи скрываются въ душѣ слезы, и онѣ скрываются въ душѣ каждаго добраго и честнаго гражданина, который смѣется наружно надъ неразумными пороками въ обществѣ и внутренно скорбитъ о томъ вредѣ, который ими наносится и ближнему его и ему самому.

«Это опредѣленіе смѣшнаго примѣнимъ къ нѣкоторымъ примѣрамъ изъ произведеній отечественной словесности. Фонъ-Визинъ въ своемъ «*Недорослѣ*» и «*Бригадирѣ*» представилъ намъ все неразуміе невѣжества, которое не признавало воспитанія, и то неразуміе, которое считало образованіемъ одно слѣпое подраженіе иностранному, выражаемое только во внѣшности, въ формѣ. Что́ доставляло намъ наслажденіе въ комедіяхъ Фонъ-Визина, какъ не эти неразумныя рѣчи всѣхъ дураковъ и нисшаго и высшаго общества, которые выведены и въ «Недорослѣ» его и въ «Бригадирѣ»? Нельзя не удивляться его генію въ томъ, какъ онъ умѣлъ изъ человѣческихъ глупостей соткать художественное цѣлое и извлечь наслажденіе, — какъ онъ умѣлъ сосредоточить все это неразумное

и нелѣпое для того, чтобы сами въ себѣ ощутили сильнѣе способность быть разумными: ибо комедія, представляя намъ въ смѣшномъ видѣ неразумную сторону общественной жизни, тѣмъ самымъ способствуетъ возвышенію разумной стороны нашего существа. *Капнистъ* [1]), хотя не съ такимъ талантомъ, какъ Фонъ-Визинъ, представилъ все неразуміе неправосудія въ обществѣ гражданскомъ. Должно сказать, что «*Ябеда*» и не производитъ на насъ такого впечатлѣнія, какъ комедія Фонъ-Визина, потому что комедія Капниста имѣетъ гораздо болѣе важный и суровый характеръ, и походитъ во многихъ мѣстахъ скорѣе на трагедію, чѣмъ на комедію. *Грибоѣдовъ* представилъ намъ всю неразумную пустоту свѣтскаго общества, которое занято одной внѣшнею формою жизни и раздѣляетъ ее на три дѣйствія: на приготовленіе къ балу, на самый балъ и на толки послѣ бала, и какъ будто рѣшительно не признаетъ никакой иной цѣли существованія. Эта-то безцѣльность, эта пустота жизни поражаетъ насъ въ «*Горѣ отъ Ума*» и тѣмъ болѣе разительно, что середи этого общества, безъ цѣли существующаго, пустаго, занятаго одними сплетнями и пересудами, является человѣкъ даровитый, съ образованіемъ, сочувствующій и своему отечеству и образованію народовъ иноземныхъ, намъ предшествовавшихъ въ немъ, и этотъ умный человѣкъ, середи пустаго общества, теряетъ свой умъ, является самъ какъ будто безумнымъ. Вотъ то отношеніе, которое, по моему мнѣнію, существуетъ между Чацкимъ и тѣмъ обществомъ, которое его окружаетъ. Умный человѣкъ, дурѣющій посреди неразумнаго общества и наружно теряющій сокровище, Богомъ данное ему, разумъ — вотъ главное дѣйствіе комедіи Грибоѣдова, относительно къ ея герою. *Гоголь* въ своемъ «*Ревизорѣ*» представилъ намъ не какой-нибудь городъ, какъ самъ онъ выражается, но сборное мѣсто, куда съ разныхъ сторонъ нашего отечества стеклись злоупотребленія, пороки, которые поэтомъ въ разныхъ углахъ Россіи замѣчены [2]). Никто изъ комиковъ нашихъ не доводилъ нелѣпости рѣчей до такой чудной поэзіи, до какой доводилъ ее Гоголь.

«Теперь слѣдуетъ вопросъ: какъ же изображеніе всѣхъ несовершенствъ въ человѣкѣ,—его неразумія, столько унижающаго его природу, которая самимъ Богомъ сотворена разумною, можетъ до-

---

[1]) О Капнистѣ см. 2 т. нашей Христоматіи. Стр. 276.

[2]) Слова Гоголя: «Это сборное мѣсто. Отвсюду, изъ разныхъ угловъ Россіи, стекались сюда исключенія изъ правды, заблужденія и злоупотребленія, чтобы послужить одной идеѣ: произвести въ зрителѣ яркое, благородное отвращеніе отъ многаго кое-чего низкаго. Впечатлѣніе еще сильнѣе оттого, что никто изъ приведенныхъ лицъ не утратилъ своего человѣческаго образа; человѣческое слышится вездѣ. Оттого еще глубже сердечное содроганіе».

ставлять наслажденіе художественное человѣку, и какимъ образомъ здѣсь исполняется тотъ законъ, который мы ставимъ относительно впечатлѣній, производимыхъ на насъ изящнымъ, а именно: возвышеніе въ насъ человѣческой природы? Изъ примѣровъ, выше приведенныхъ, самъ собою раждается отвѣтъ на него: чѣмъ полнѣе, чѣмъ ярче представляетъ намъ комедія неразумную сторону существа нашего, тѣмъ сильнѣе въ сознаніи нашемъ возбуждаетъ идею разумнаго существа, — Богомъ опредѣленнаго бытія нашего. Въ этомъ хохотѣ, въ которомъ человѣкъ предаетъ все неразумное бытія своего уничтоженію, яснѣе создается и возникаетъ идеалъ противоположнаго бытія, бытія разумнаго. Вотъ откуда объясняется то наслажденіе, которое доставляетъ намъ изображеніе неразумнаго, и вотъ то плодотворное сѣмя, которое кладетъ комедія въ нашу душу. Вотъ и художественное ея дѣйствіе и нравственная ея польза; обѣ онѣ здѣсь ясно совмѣщаются и должны совмѣщаться. Это *сознаніе разумнаго совершенства*, какъ противодѣйствіе, вызываемое смѣшнымъ зрѣлищемъ неразумнаго, и объясняетъ намъ то возвышеніе нашей природы и то гармоническое впечатлѣніе, которое водворяется въ насъ при созерцаніи комическаго». (Москвитянинъ 1851, № 1).

Связь трагическаго съ комическимъ. — Слова *Галахова:* «Трагическое заключается въ комедіяхъ подъ наружнымъ смѣхомъ, во глубинѣ горестныхъ, тяжелыхъ ощущеній, производимыхъ дѣйствіями лицъ. Оно состоитъ въ томъ, что правила, которыми руководствуются лица, противоположны законамъ разума и совѣсти и слѣдовательно заклеймены двойнымъ безобразіемъ — умственнымъ и нравственнымъ. *Простакова*, злымъ нравомъ и невѣжествомъ дѣлающая злополучіе всего дома; *Фамусовъ*, для котораго не чувство истиннаго долга, а мнѣніе его знакомыхъ служитъ основаніемъ его жизни; чиновники въ «*Ревизорѣ*», думающіе не о томъ, чтобы блюсти правосудіе, а о томъ, чтобы нажиться въ ущербъ правосудія; купецъ въ «*Свои люди—Сочтемся*», думающій ловкою сдѣлкой обезпечить свое состояніе — развѣ не трагическія лица, возбуждающія смѣхъ однимъ, негодованіе другимъ? Потому и вліяніе трагическихъ комедій высоко-нравственное: это — *сознаніе истинно-человѣческаго образа дѣйствій послѣ видѣннаго униженія человѣка, живое ощущеніе истины, горячая любовь къ чистой нравственности*». (Отеч. Зап. 1850, № 4, статья «Яковъ Борисовичъ Княжнинъ», стр. 53. Здѣсь очень хорошо объяснена, между прочимъ, сущность *драмы* на стр. 41 и д.).

КОМЕДІИ АРИСТОФАНА.

Біографія Аристофана. — Аристофанъ, великій комическій писатель Эллады, былъ сынъ поселянина (Родосскаго). Годъ рожденія его неизвѣстенъ; но онъ жилъ между 444 и 380 г. до Р. Х. До 17 лѣтъ поэтъ прожилъ въ деревнѣ среди стариковъ *Марѳономаховъ*, т. е. воевавшихъ при Саламинѣ и на Марѳонскомъ полѣ. Отъ нихъ онъ наслушался разсказовъ о той правдивой доблести, которая служила Греку славою, о тѣхъ подвигахъ, которые составляли его гордость. Перешедши на житье въ Аѳины, Аристофанъ нашелъ себѣ врага въ сильномъ демагогѣ Клеонѣ, который оспаривалъ у поэта права гражданства. Поэтъ умѣлъ защититься. Аристофанъ въ первый разъ (428 г. до Р. Х.) выступилъ на сцену съ комедіей «Бражники». Въ слѣдующемъ году онъ поставилъ «Вавилонянъ», піэсу, которая навлекла на него ненависть Клеона. Демагогъ представлялся оскорбленнымъ комедіею, гдѣ опозорено было въ присутствіи иностранцевъ правительство и призвало поэта въ совѣтъ къ отвѣту: Аристофанъ съ трудомъ избѣгнулъ судебнаго приговора. Первая піэса, данная подъ собственнымъ именемъ Аристофана — «Всадники». Комедіи поэта пользовались огромною славою. Платонъ, философъ, любилъ и уважалъ Аристофана. Когда тиранъ Діонисій изъявилъ Платону желаніе изучить политическую и гражданскую жизнь Аѳинянъ, то философъ отправилъ ему сочиненія Аристофана и притомъ именно комедію «Облака». Дружба Платона съ Аристофаномъ простиралась до того, что Платонъ по смерти комика написалъ ему самую лестную надгробную надпись: «Храма Хариты искали себѣ поселиться навѣки — и поселились онѣ въ душѣ Аристофана». Платонъ умеръ, держа въ рукахъ сочиненія Аристофана.

Характеръ комедій Аристофана. — Отъ Аристофана дошло до насъ одиннадцать комедій: «Ахарняне», «Всадники», «Облака», «Осы», «Птицы», «Миръ», «Женщины на праздникѣ», «Лизистрата», «Лягушки», «Женщины въ народномъ собраніи» и «Плутусъ». Комедіи Аристофана — вѣрная и яркая картина современнаго ему Аѳинскаго общества. Содержаніе всѣхъ ихъ почерпнуто изъ жизни, прямо изъ жизни, и почерпнуто полною рукою. Аристофанъ — *общественный* комикъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Читая его, мы видимъ тѣ болѣзни, которыя развились въ Аѳинскомъ народѣ. Поэтъ какъ будто пророчески предсказывалъ гибель роднаго города отъ превратнаго воспитанія (Облака), отъ чрезмѣрной склонности къ чувственнымъ наслажденіямъ (Плутусъ), отъ дурнаго и вреднаго правленія демагоговъ, подобныхъ Клеону (Всадники), отъ испорченности судопроизводства (Осы), отъ неблагоразумно предпринятой войны Пелопонесской, лишившей народъ благъ, коими онъ наслаждался въ мирное время и необѣщавшей ничего добраго (Ахарняне, Миръ, Лизистрата). Въ «Птицахъ» представлены слабыя и опасныя стороны политическаго состоянія Аѳинъ; въ «Лягушкахъ» — положеніе трагическаго искусства. Извѣстный знатокъ классической древности, Мартыновъ, пишетъ: «Дерзость Аристофана, которая не щадитъ никого: ни народа, ни демагоговъ, ни градоначальниковъ, ни философовъ, ни поэтовъ можетъ изъясняться постановленіями Аѳинскими: не запрещать никому говорить. Сатира же Аристофана понятна по порчѣ общественныхъ нравовъ. Можно ли было не казнить того, что достойно казненія? Аристофанъ и казнилъ. Св. Іоаннъ Златоустъ, краснорѣчивѣйшій отецъ церкви, находилъ

удовольствіе заниматься Аристофаномъ безъ вреда для своихъ добродѣтелей». Сохраняя общественное значеніе, комедія Аристофана въ то же время нападаетъ и на извѣстныя *личности*, напр. Сократа, Еврипида, Клеона. Эти лица поэтъ прямо называлъ въ своихъ шэсахъ и осмѣивалъ. Эта черта — *личность*, рѣзко отличаетъ комедію древнюю отъ новой. Замѣтимъ еще, что произведенія Аристофана отличаются самою неприкровенною истиною. Онъ называетъ предметы, *всѣ* предметы, собственнымъ ихъ именемъ....

H. Th. Rötscher: Aristophanes und sein Zeitalter. Berlin. 1827. Во введеніи къ этому превосходному сочиненію нарисовано мастерской кистію состояніе Аѳинскаго общества въ V вѣкѣ. — *Hermannus*: Praefatio ad Nubes. 1799. — *Welcker:* Komödien von Aristophanes. Giessen. 1810. — *Süwern:* Ueber Aristophanes Wolken. Berlin. 1826. — *A. W. Schlegel:* Ueber dramatische Kunst.—*Droisen:* Des Aristophanes Werke. Berlin. 1838. — *Переводы на Р. языкъ:* Облака, комедія Аристофана, на Аѳинскомъ театрѣ въ первый разъ представленная во время Большаго Діонисіева празднества, въ 1-мъ году LXXXIX Олимпіады (въ 425 г. до Р. Х. по счисленію Ньютона) при Архонѣ Исархѣ. Пер. *Муравьева-Апостола.* Спб. 1821. Книга рѣдкая и весьма замѣчательная: въ ней съ одной стороны Греческій текстъ, а съ другой переводъ прозою, сверхъ того много примѣчаній. Облака, пер. *Карновича.* Репертуаръ 1845, № 1. — Всадники. *Его же.* От. Зап. 1849, № 1. — Ахарняне. *Ордынскаго.* От. Зап. 1850, № 6.—Ахарняне. *Новоселова.* Разсужденіе на степень магистра. Спб. 1856. — Статьи: Аристофанъ. *Ордынскаго.* От. Зап. Т. LXII, LXX, LXXIII. — Соврем. 1851, № 2. — Репертуаръ и Пантеонъ 1845, № 3. — Облака, комедія Аристофана и ея историческое значеніе. *Стасюлевича.* Москвитянинъ 1851, № 22 и 23. — Исторія Греческой литературы. *Мунка.* Р. переводъ. Спб. 1861, стр. 243—338. — Исторія литературы. *Милюкова.* Т. I, стр. 153—166. Тутъ прекрасно составлено извлеченіе изъ комедіи «Облака» по переводу Карновича.

ОБЛАКА.

Дѣйствующія лица.

Стрепсіадъ.	**Правосудъ**	Логики.
Фидиппидъ.	**Кривосудъ**	
Слуга Стрепсіадовъ.	**Пасій**, ростовщикъ.	
Ученики Сократовы.	**Свидѣтель Пасіевъ.**	
Сократъ.	**Аминій**, ростовщикъ.	
Хоръ Облаковъ.	**Херефонъ.**	

Ночь. Стрепсіаду не спится. «Нѣтъ мнѣ сна несчастному! Кусаютъ меня расходы, конюшня, долги нажитые по милости этого сынка моего.» Велитъ слугѣ зажечь свѣчку и начинаетъ считать по расходной книгѣ свои долги. Стрепсіадъ былъ въ долгу какъ въ шелку, благодаря своему сыну. Сынъ Фидиппидъ — сильный охотникъ до лошадей. Онъ во снѣ грезитъ конями. Въ то время какъ отецъ разсчитываетъ долги, сынъ спящій, то и дѣло что бредитъ: «Дай лошади выкататься и гони ее домой... Держи къ одной»! Бѣдный отецъ! Сынъ просыпается. Первый вопросъ Фидиппида: отчего его батюшка не спитъ? Стрепсіадъ отвѣчаетъ отчего. «Не мѣшай мнѣ еще поспать», говоритъ сынъ.—Спи, спи! отвѣчаетъ отецъ. Фидиппидъ засыпаетъ, а отецъ погружается

въ думы. Онъ раскаевается въ своей женитьбѣ на матери такого безпутнаго сына. Слуга докладываетъ, что свѣтильня догорѣла. Стрепсіадъ, уже взволнованный расходною книгою, чуть не прибилъ слугу за то, чтобы онъ не ставилъ такой большой свѣтильни.—Далѣе Стрепсіадъ вспоминаетъ исторію воспитанія своего сына, начиная съ колыбели. Сначала отецъ и мать спорили, какъ назвать ненаглядное дѣтище. Потомъ начали уходъ за нимъ. «Вотъ матушка бывало возьметъ дитя на руки, качаетъ его и прибаюкиваетъ: *вырастешь великъ, станешь въ золотѣ ходить, въ дѣдушку Мегакла, въ коляскахъ разъѣзжать, коней въ городѣ погонять.* А я съ моей стороны, приговаривалъ: *вырастешь великъ, станешь въ кожухѣ ходить; и въ батюшку съ Филевса*[1]) *будешь козъ погонять.* Однако, заключаетъ Стрепсіадъ, сынокъ послушался не меня, а маменьки. Вышелъ изъ него страстный охотникъ до лошадей. Что дѣлать? Думалъ Стрепсіадъ, думалъ и наконецъ придумалъ чудеснѣйшій способъ спасти себя. Онъ начинаетъ будить сына.

СТРЕПСІАДЪ. Фидиппидушка!

ФИДИППИДЪ. Чего, батюшка?

СТРЕПСІАДЪ. Поцѣлуй меня, свѣтикъ мой! — Дай мнѣ правую рученку свою!

ФИДИППИДЪ. Вотъ она.

СТРЕПСІАДЪ. Скажи, милое дитя, любишь ли ты меня?

ФИДИППИДЪ. Люблю, батюшка! божусь тебѣ вонъ этимъ коннымъ Посидономъ[2]).

СТРЕПСІАДЪ. Охъ! не божись мнѣ коннымъ: этотъ-то самый богъ виновникъ всѣхъ бѣдъ моихъ. Ежели ты вправду любишь меня отъ всего сердца своего, то послушайся меня, сынъ любезный!

ФИДИППИДЪ. Въ чемъ же мнѣ послушаться тебя!

СТРЕПСІАДЪ. Какъ можно скорѣе перемѣни образъ жизни своей; и пойди выучись тому, чему я тебѣ скажу.

ФИДИППИДЪ. Говори же, что приказываешь?

СТРЕПСІАДЪ. Да послушаешься ли ты меня?

ФИДИППИДЪ. Послушаюсь, клянусь тебѣ Діонисіемъ!

СТРЕПСІАДЪ. Ну! — Гляди же прямо сюда! Видишь ли ты этотъ домикъ съ окошечкомъ?

ФИДИППИДЪ. Вижу, батюшка: что же въ немъ такое?

СТРЕПСІАДЪ. Въ немъ школа[3]) глубокомыслящихъ. Въ ней

---

[1]) Филевсъ, небольшая гора въ Аттикѣ. Всѣ подстрочныя примѣчанія къ «Облакамъ» принадлежатъ Муравьеву-Апостолу. Мы ихъ напечатали съ соблюденіемъ правописанія автора.

[2]) *Вонъ этимъ коннымъ Посидономъ!* — Что Фидиппидъ клянется Посидономъ, этому причина ясная: сей богъ ударомъ трезубца извелъ изъ нѣдръ земли перваго коня; но почему *вонъ этимъ*! — Я полагаю, что онъ указываетъ на статую (ἄγαλμα) Нептунову, которая видна изъ дома его.

[3]) *Школа глубокомыслящихъ.* — Въ подлинникѣ, φροντιστήριον, отъ φροντίζω, размышляю; — слово, выдуманное А. на смѣхъ Софистамъ: такъ какъ, еслибы и

живутъ люди, которые утверждаютъ, что небо какъ печь окружаетъ насъ, а мы какъ угольки въ этой печи. Они за деньги учатъ такъ говорить въ судахъ, что выученный можетъ выиграть всякое дѣло: и правое и неправое.

ФИДИППИДЪ. Кто же они таковы?

СТРЕПСІАДЪ. Точно именъ ихъ не знаю, а они упражняются глубокими мудрствованіями, люди хорошіе и добрые.

ФИДИППИДЪ. Ого! знаю теперь этихъ негодяевъ! — Ты говоришь объ этихъ хвастунахъ, блѣднолицыхъ, босоногихъ, между коими находятся несчастный Сократъ и Херефонъ [1]).

СТРЕПСІАДЪ. Стъ! стъ! молчи! Вздора не болтай, и если ты помышляешь о выгодахъ отцовскихъ, то прилѣпись къ этимъ людямъ, и отстань отъ лошадей своихъ.

ФИДИППИДЪ. Ни за что на свѣтѣ. — Діонисій тебѣ въ томъ порукою — и хотя бы ты мнѣ давалъ всѣхъ фазановъ, которыхъ кормитъ у себя Леогоръ [2]).

СТРЕПСІАДЪ. Прошу тебя, любезнѣйшій мой, поди къ нимъ, учись у нихъ.

ФИДИППИДЪ. Чему учиться?

СТРЕПСІАДЪ. У нихъ, сказываютъ, есть какія-то двѣ науки: правая и неправая, и съ этою-то неправою, сказываютъ, они могутъ на судѣ сдѣлать прямымъ самое кривое дѣло. Подумай же ты самъ: если и ты этой-то кривой выучишься, то я вѣдь, за всѣ долги мои, за тебя же сдѣланные, ни овола не заплачу.

ФИДИППИДЪ. Не уговоришь ты меня, батюшка! — Да я такъ исчахну въ этой школѣ, что мнѣ стыдно будетъ и глаза показать передъ ѣздоками.

СТРЕПСІАДЪ. А я, клянусь тебѣ Димитрою, что тебѣ не ѣдать

мнѣ позволено было, изъ глагола *думаю*, произвесть имя *думалня*. Надобно полагать, что А. первый ввелъ въ употребленіе слово, *φροντιστήριον*.

Въ сей рѣчи Стрепсіадовой, изъ шести стиховъ состоящей, заключаются три обвиненія противъ Сократа; всѣ три ложныя противъ него и совершенно противоположныя его правиламъ и характеру, но весьма основательныя противъ Софистовъ: 1-е изслѣдованія вещей, непостижимыхъ для человѣка; 2-е мздоимство въ преподаваніи уроковъ философіи; 3-е искусство всякое предложеніе по произволу утверждать или опровергать.

[1]) Блѣдныя лица и босыя ноги философовъ, или тѣхъ, которые хотѣли таковыми слыть, всегда были предметами насмѣшекъ; и Лукіанъ называетъ блѣдность *цвѣтомъ лица философскаго: φιλοσόφῳ τὸ χρῶμα;* здѣсь однако же черта истиннаго, ибо Сократъ подлинно и блѣденъ былъ лицемъ и босъ ходилъ. Херефонъ былъ лучшій другъ Сократовъ, прежде его умершій. Онъ самый тотъ, которому Питія отвѣтствовала на вопросъ его: кто изъ смертныхъ всѣхъ мудрѣйшій?

Ἀνδρῶν ἁπάντων Σωκράτης σοφώτατος.

[2]) Аристофанъ хотѣлъ мимоходомъ зацѣпить Леогора, извѣстнаго въ Аѳинахъ обжору, котораго и Платонъ (комикъ) выводилъ уже на сцену *обжорою*.

хлѣба моего, ни тебѣ, ни коренной твоей, ни заводской! — Вонъ! поди! ѣшь съ воронами!...

ФИДИППИДЪ. Дядюшка Мегаклъ безъ лошадей меня не оставитъ! — Прощай, батюшка! Совѣта твоего я не принимаю.

(Уходитъ).

СТРЕПСІАДЪ *(одинъ)*. Хотя онъ не поддается, однакоже я не отчаяваюсь, а помолясь богамъ, пойду самъ учиться въ школу премудрости... Но какъ же мнѣ старику, тупому, безпамятному, выучиться всѣмъ тонкостямъ этой высокой науки? — А! что за этимъ мѣшкать! — Пойду! постучусь у дверей. — Малый! — Мальчикъ! *(у дверей Сократова дома)*.

УЧЕНИКЪ *(отворивъ немного дверь)*. Кто тутъ, проклятый, стучится у дверей?

СТРЕПСІАДЪ. Стрепсіадъ, сынъ Фидоновъ, изъ села Кикинны [1]).

УЧЕНИКЪ. Неучь ты, что такъ безъ толку стучишься и въ дверь ломаешься.

«Ты помѣшалъ намъ размышлять», говоритъ ученикъ. Стрепсіадъ хочетъ знать, какъ и чѣмъ онъ могъ помѣшать. Ученикъ отвѣчаетъ, что этого никому, кромѣ учениковъ, нельзя открыть.

СТРЕПСІАДЪ. Такъ говори же смѣло; я и самъ иду къ вамъ въ ученики.

УЧЕНИКЪ. О! если такъ, то скажу тебѣ; но ты содержи слышанное въ тайнѣ. — Сейчасъ спрашивалъ Сократъ у Херефона: сколько блохиныхъ пядей содержится въ пространствѣ, которое она перескочила? — Надобно знать тебѣ, что блоха, укусивъ Херефона въ бровь, скочила съ нее къ Сократу на лобъ [2]).

СТРЕПСІАДЪ. А какъ же онъ измѣрилъ скачекъ сей?

УЧЕНИКЪ. Весьма искусно: онъ, растопивъ воску, окунулъ въ него двѣ блохиныя ножки, и какъ на нихъ воскъ остылъ, то осталось на ножкахъ два въ натяжку башмачка, коими онъ и вымѣрилъ разстояніе скачка.

СТРЕПСІАДЪ. О! царь небесный Зевсъ! Какое утонченіе ума!

---

[1]) *Кикинна* — село, Акамасову колѣну принадлежащее.

[2]) *Сейчасъ спрашивалъ Сократъ у Херефона.* — Шутка колкая на счетъ Софистовъ, углублявшихся въ изслѣдованіе вещей самыхъ пустыхъ и презрительныхъ, и которая ни мало нейдетъ къ Сократу, ибо мудрецъ сей, предпочтительно занимавшійся нравственною философіею, не только не терялъ времени въ занятіяхъ, уму и сердцу безполезныхъ, но еще всегда презиралъ ихъ и смѣялся надъ ними. Доказательства сему безсчетныя мы находимъ въ Ксенофонѣ и Платонѣ. Однако же видно по всему, что шутка Аристофана подѣйствовала надъ Аѳинскимъ народомъ и что, если не самъ Сократъ, то по крайней мѣрѣ ученики его не равнодушно слушали ее повторяемою.

Стрепсіадъ восхищенъ. Онъ проситъ скорѣе отворить ему дверь школы. Стрепсіадъ входитъ. Онъ задаетъ разные вопросы: что такое глобусы, геометрическіе инструменты? Ничего-то онъ не зналъ до сихъ поръ. «Ба! да это что за человѣкъ тамъ виситъ въ корзинкѣ?» Стрепсіадъ примѣчаетъ Сократа, внѣ дома висящаго въ корзинкѣ.

УЧЕНИКЪ. Это онъ самъ.

СТРЕПСІАДЪ. Кто онъ самъ?

УЧЕНИКЪ. Сократъ.

СТРЕПСІАДЪ. Сократъ! — Подойди же ты къ нему, покличь его погромче.

УЧЕНИКЪ. Самъ зови его; мнѣ недосугъ.

СТРЕПСІАДЪ. Сократъ! Сократушка!

СОКРАТЪ. Чего ты требуешь отъ меня, тварь пресмыкающаяся?

СТРЕПСІАДЪ. Во первыхъ скажи мнѣ, пожалуй, что ты тамъ дѣлаешь?

СОКРАТЪ. Парю по воздуху и наблюдаю солнце.

СТРЕПСІАДЪ. Такъ ты боговъ не презираешь.

Сократъ пускается въ отвлеченныя размышленія, осаждаетъ тѣмъ Стрепсіада и выходитъ изъ корзинки. Стрепсіадъ открываетъ причину своего посѣщенія школы. Онъ обѣщаетъ философу дать большую цѣну, если тотъ научитъ его не платить долговъ «и въ томъ поклянусь тебѣ богами». *Какими богами?* спрашиваетъ Сократъ. Остановившись на этомъ, Сократъ желаетъ открыть Стрепсіаду *новыхъ* боговъ, облака. «Благоговѣй старецъ», говоритъ Сократъ, и начинаетъ свое обращеніе къ эфиру и облакамъ. Хоръ облаковъ, внявъ моленію философа, собирается отовсюду: съ высотъ Олимпа, съ океана, съ устьевъ Нила, съ озера Меотійскаго и пр.

ХОРЪ *(приближается, но еще не видънъ)*. О юноши дожденосцы! Пойдемъ на землю славную, Кекропсову, вожделѣнную, гдѣ святыня чтится неизреченная [1]); чертогъ пріобщенныхъ къ священнымъ таинствамъ; Богамъ небеснымъ приношенія; храмы огромные; кумиры высокіе; торжества безсмертнымъ великолѣпныя; жертвы Богамъ увѣнчанныя; трапезы повседневныя; съ весною же наступающею, торжество Вромія славное [2]), со сладкозвучнымъ хоровъ пѣніемъ и громкимъ на трубахъ играніемъ.

СТРЕПСІАДЪ. Ради самихъ боговъ, Сократъ, скажи мнѣ, чьи рѣчи я слышу столь важныя? Не ирои ли то разговариваютъ?

СОКРАТЪ. Ни мало: то Облака небесныя, великіе тунеядцевъ боги. Они одаряютъ насъ умомъ способнымъ къ словопрѣнію, къ велерѣчію, къ силлогизмамъ, паралогизмамъ, къ парадоксамъ и однимъ словомъ, ко всѣмъ ухваткамъ Софистики.

---

[1]) *Святыня чтится неизреченная.* Разумѣются здѣсь таинства Элевсинскія.

[2]) *Βρόμιος*, эпитетъ Діонисіевъ, *шумный* отъ *βρόμος* происходящій, *βρομία χάρις* веселье, торжество Діонисіево, въ началѣ весны празднуемое.

СТРЕПСІАДЪ. Отъ того-то, услышавъ рѣчи ихъ, и во мнѣ душа взволновалася, отъ нетерпѣнія самому начать умствовать, остро пустословить и заключеніе заключеніемъ подкрѣпляя, противорѣчить всякой истинѣ. Въ такомъ будучи расположеніи, я желаю ихъ видѣть въ явѣ.

СОКРАТЪ. Смотри же прямо на Парнасъ гору [1]). Вотъ! я уже вижу, какъ они тихо спускаются.

СТРЕПСІАДЪ. Гдѣ? гдѣ? Укажи мнѣ!

СОКРАТЪ. Вонъ! тамъ, очень много ихъ бродятъ по чащамъ и рытвинамъ.

СТРЕПСІАДЪ. Что за диво, я ихъ не вижу!

СОКРАТЪ. Противъ самаго входа *(разумѣется на сцену)*.

СТРЕПСІАДЪ. И теперь, мнѣ чуть мерещится.

СОКРАТЪ. Или ты теперь видишь ихъ, или у тебя бѣльмы на глазахъ.

(Здѣсь появляются Облака и наполняютъ театръ).

СТРЕПСІАДЪ. Какъ теперь не видѣть ихъ! Они окружили насъ со всѣхъ сторонъ.

СОКРАТЪ. И такъ ты до сихъ поръ ничего не вѣдалъ о богахъ сихъ и не покланялся имъ?

СТРЕПСІАДЪ. Ни мало: я почиталъ ихъ туманомъ, росою, тѣнью.

СОКРАТЪ. О! нѣтъ! Они-то самые тѣ боги, которые даютъ пищу Софистамъ, гадателямъ, врачамъ, щеголямъ, глупымъ сочинителямъ круговыхъ хоровъ [2]): однимъ словомъ, обманщикамъ, тунеядцамъ, которые пишутъ въ честь ихъ стихи.

СТРЕПСІАДЪ. Такіе, конечно, въ которыхъ: влажныхъ Облаковъ солнце, затмѣвающее необузданное стремленіе; или: власа стоглаваго Тифона, бури раздувающіе; или: влажныя, воздушныя, хищныя, по эѳиру плавающія птицы;—или: росяныхъ тучъ дожди водяные.—И за такіе-то стихи имъ достается глотать большіе куски вкусныхъ рыбъ и жирныхъ дроздовъ.

СОКРАТЪ. Развѣ они того не заслуживаютъ?

---

[1]) *Парнасъ* — одна изъ четырехъ Аттическихъ горъ, о коихъ говоритъ Павзаній, описывая ихъ слѣдующимъ образомъ: *Пентеликъ*, гдѣ мраморная ломка; *Парнисъ*, куда ловцы ходятъ на ловлю вепрей и медвѣдей; *Иметтъ*, славящійся медомъ; и четвертая не высокая гора, по имени *Анхесмъ*.

[2]) *Даютъ пищу Софистамъ* и проч.—и къ нимъ Аристофанъ причисляетъ еще четыре рода людей, отъ облаковъ живущихъ: *гадателей, врачей, щеголей и сочинителей круговыхъ хоровъ—κυκλίων χόρων;* были хоры, которые плясали вокругъ жертвенника, съ пѣніемъ Дитирамвовъ, т. е. имновъ въ честь Бахуса, по имени, или прозвищу его—*Διθύραμβος*. Аристофанъ говоритъ здѣсь о дурныхъ сочинителяхъ таковыхъ хоровъ, которые, пользуясь вольностію сего рода стихотвореній, портили музыку хоровъ, принужденно оную прилаживая ко вводимымъ ими мно-

СТРЕПСІАДЪ. Скажи мнѣ, пожалуй, почему же будучи по истинѣ Облака, они похожи на женщинъ [1])? Обыкновенныя Облака не таковы.

СОКРАТЪ. А какъ ты думаешь: что они такое?

СТРЕПСІАДЪ. Точно сказать не умѣю: они какъ-то похожи на легучую волну, а на людей мало! у нихъ какіе-то необыкновенные носы [2]).

СОКРАТЪ. Отвѣчай же мнѣ на вопросы мои.

СТРЕПСІАДЪ. Что хочешь спрашивай, не мѣшкай.

СОКРАТЪ. Не случалось ли тебѣ, когда-нибудь, смотря на Облака, находить въ нихъ сходство или съ Кентаврами, или съ леопардами, или съ волками, или съ быками?

СТРЕПСІАДЪ. Истинно такъ, Зевсъ тебѣ свидѣтель!

СОКРАТЪ. Они принимаютъ на себя видъ, какой имъ заблагоразсудится. Напримѣръ: увидятъ ли они кого-либо изъ этихъ долговолосыхъ, мохнатыхъ, каковъ Ксенофоновъ сынъ, то, чтобы поругаться надъ неистовымъ вкусомъ его, тотчасъ превращаются въ Кентавровъ [3]).

СТРЕПСІАДЪ. Вотъ такъ-то!—Чѣмъ же они становятся, когда увидятъ грабителя народной казны, Симона [4])?

СОКРАТЪ. Изображая свойство его, тотчасъ дѣлаются волками.

СТРЕПСІАДЪ. Такъ! такъ точно!—Вотъ почему вчера, увидѣвъ труса Клеонима [5]), бросившаго щитъ свой, они представились оленями.

СОКРАТЪ. Такъ.

СТРЕПСІАДЪ. Радуйтеся, владыки! Если вы когда благоволите вѣщать къ смертнымъ, то удостойте и меня, о цари, услышать гласъ вашъ!

ХОРЪ. Радуйся, ловецъ мудрости, старецъ многолѣтній! И ты

госложнымъ словамъ и пустогромкимъ выраженіямъ, каковыхъ примѣры онъ покажетъ въ слѣдующей Стрепсіадовой рѣчи.

[1]) *Похожи на людей*—въ подлинникѣ, на *женщинъ*. Аристофанъ представилъ ихъ въ видѣ женщинъ потому только, что по Гречески Облака, *νεφέλαι*, женскаго рода: я бы могъ сдѣлать ихъ тучами, но это было бы не то, что *Облака*.

[2]) *Носы* — надобно думать, какъ полагаетъ Виландъ, что дѣйствующія лица хора имѣли личины съ длинными, безобразными носами.

[3]) Развращеннѣйшіе изъ смертныхъ.

[4]) *Симонъ* — былъ Софистъ, и въ казенныхъ дѣлахъ, какъ говорится у насъ, нечистъ на руку. Его же въ стихѣ 399 называетъ А-нъ клятвопреступникомъ.

[5]) *Трусъ Клеонимъ* — вѣроятно не *бросилъ*, а потерялъ щитъ свой, ибо въ первомъ случаѣ онъ бы не избѣжалъ смертной казни по закону. Впрочемъ *ῥίψασπις (бросатель щита)* принимался въ общемъ смыслѣ *труса*; и быть можетъ, что Клеонимъ не бросалъ и не терялъ щита его, а только, какъ говорится, былъ до *войны не охотникъ*. Знаменіе оленей въ облакахъ весьма бы прилично было на печатяхъ нѣкоторыхъ воиновъ, съ надписью: *давай Богъ ноги*.

радуйся, учитель пустяковъ утонченнѣйшихъ! Скажи, чего требуешь отъ насъ. Нынѣ мы не внемлемъ болѣе никому изъ метеоро-софистовъ, кромѣ Продика [1]), по великой мудрости и познаніямъ его, и тебѣ за то, что ты по здѣшнимъ улицамъ, натружая босыя ноги свои, пышно расхаживаешь, и гордясь нашимъ покровительствомъ, на всѣхъ другихъ глядишь съ надменностію.

СТРЕПСІАДЪ. О боги! Какія рѣчи слышу я! сколь онѣ важны, священны, чудесны!

СОКРАТЪ *(указываетъ на Облака)*. Они одни наши боги; другіе всѣ вздоръ.

СТРЕПСІАДЪ. Какъ? — А Зевсъ Олимпійскій? — Развѣ это не богъ у васъ?

СОКРАТЪ. Какой Зевсъ? — Полно тебѣ вздоръ молоть: Зевса нѣтъ.

СТРЕПСІАДЪ. Что ты говоришь! а дождь-то отъ кого? Ты это прежде всего мнѣ растолкуй.

СОКРАТЪ. Дождь — отъ тѣхъ же Облаковъ, когда они сгущаются въ тучи; что я докажу тебѣ яснымъ доводомъ. Видано ли когда-нибудь, чтобы дождь шелъ безъ тучи? Еслибы дождь былъ отъ Зевса, то онъ бы шелъ при ясномъ небѣ, и не было бы нужды быть тутъ Облакамъ [2]).

СТРЕПСІАДЪ. Ну, по чести, ты теперь дѣло говоришь; а я до сихъ поръ все думалъ, что Зевсъ мочитъ землю съ неба сквозь рѣшето. — Но скажи еще, пожалуй, кто же гремитъ? У меня сердце замираетъ, какъ я громъ слышу.

СОКРАТЪ. Тѣ же тучи гремятъ, катаясь по небу.

СТРЕПСІАДЪ. Ахъ! ты дерзкій человѣкъ! Да скажи, по крайней мѣрѣ, какъ это происходитъ?

СОКРАТЪ. Наполненныя водою, къ низу тяжестію влекомыя, они ударяются другъ о друга, съ трескомъ разрываются и гремятъ.

СТРЕПСІАДЪ. Кто же влечетъ ихъ къ низу, развѣ не Зевсъ?

СОКРАТЪ. Ничего не бывало: воздушный вихрь.

СТРЕПСІАДЪ. *Вихрь!* — Этого я не воображалъ. И такъ Зевса нѣтъ, а вмѣсто его вселенною управляетъ *Вихрь*. — Хорошо, да молнія-то откуда берется? Отъ чего она какъ огонь горитъ? Это мнѣ скажи. Ударитъ ли въ кого, то или убьетъ до смерти,

---

[1]) *Продикъ* — Софистъ. Его выдумка, прекрасная аллегорія: *Геркулесъ на распутіи*; и его жизнь неоспоримое доказательство, что легче проповѣдывать, нежели исполнять строгія добродѣтели; ибо сластолюбіе и роскошь были отличительными чертами его характера. Цицеронъ считаетъ его въ числѣ атеистовъ.

[2]) *Видалъ ли ты* и проч. — Какъ сей доводъ, такъ и слѣдующіе почерпнуты изъ мнѣній философовъ, предшествовавшихъ Эпикуру, коего физика дошла до насъ въ Лукреціевой поэмѣ.

или кругомъ опалитъ. Не явно ли это, что Зевсъ мечетъ перуны на клятвопреступниковъ.

СОКРАТЪ. Глупый человѣкъ! старая корга! Ты изъ ума выжилъ. Еслибы Зевсъ металъ громъ на клятвопреступниковъ, то какъ бы ему давно не побить Симона, Клеонима и Теора, всѣмъ извѣстныхъ клятвъ нарушителей? Напротивъ того: онъ же свои храмы разбиваетъ; ударяетъ въ Аѳинскій мысъ Суніонъ и въ дубы высокіе. Въ чемъ же дерево-то могло провиниться? Оно конечно клятвъ не нарушало.

СТРЕПСІАДЪ. Это я не догадывался, а ты, кажется мнѣ, правъ. — Однако же ты растолкуй мнѣ, что такое молнія?

СОКРАТЪ. Сухой, жидкій воздухъ, наполнивъ тучи, раздуваетъ ихъ; и потомъ, разорвавъ ихъ, выходитъ наружу сквозь узкія скважины, и отъ треска и стремленія самъ собою возгарается.

Стрепсіадъ соглашается. Хоръ облаковъ дѣлаетъ ему нѣкоторыя наставленія: переносить холодъ, не заботиться о вкусномъ обѣдѣ, воздержаться отъ вина. Стрепсіадъ и на это согласенъ.

СОКРАТЪ. И къ тому ты не будешь знать другихъ боговъ, кромѣ нашихъ: Хаоса, Облаковъ и Языка; сихъ трехъ не такъ ли?

СТРЕПСІАДЪ. Да такъ-то, что еслибы на встрѣчу мнѣ попали, то я бы и слова имъ не молвилъ. Ни жертвы, ни изліяній, ни крошки ладона не видать имъ отъ меня.

ХОРЪ. Дерзай же, говори, чего требуешь отъ насъ. Не познаешь ты ни въ чемъ неудачи, ежели будешь только намъ покланяться, передъ нами благоговѣть и стремиться къ совершенству.

СТРЕПСІАДЪ. Владыки! Даруйте же — для васъ сущую бездѣлицу — чтобы я въ краснорѣчіи отъ всѣхъ Эллиновъ ушелъ на тысячу стадій впередъ.

ХОРЪ. Да будетъ по желанію твоему! Отнынѣ впередъ не найдется въ Аѳинахъ человѣка, который бы устоялъ противъ тебя въ самыхъ важныхъ тяжбахъ.

СТРЕПСІАДЪ. Не то, не то! Не говорите мнѣ о важныхъ тяжбахъ; я ихъ не желаю: вся цѣль моя въ томъ, чтобы мнѣ, Стрепсіаду, отстряпать свое дѣлишко — долговъ не платить.

ХОРЪ. Исполнится желаніе твое: ты требуешь умѣреннаго. И такъ смѣло отдавай себя на руки служителямъ нашимъ.

СТРЕПСІАДЪ. Повинуюсь, и вамъ себя ввѣряю: къ тому же гнететъ и нужда меня, ибо отъ лошадей заводскихъ, да отъ женидьбы моей, я въ конецъ разорился. — Теперь пускай ихъ дѣлаютъ, что хотятъ! Я отдаю имъ тѣло мое: бить, голодомъ морить, жаждою томить, грязью марать, холодомъ знобить, и кожу съ него драть! Лишь бы только мнѣ не платить, то пускай и встрѣчный и

поперечный называютъ меня: наглецомъ, горланомъ, нахаломъ, грубіяномъ, подлецомъ, обманщикомъ, крючкомъ, трещеткою, лисицею, ябедою, старою пѣтлею, притворщикомъ, подлипалою, хвастуномъ, мошенникомъ, страмцомъ, вертушкою, обжорою. Дѣлай изъ меня, что угодно: хоть калбасы изъ кишокъ моихъ!

ХОРЪ. Въ немъ есть присутствіе духа; онъ не робокъ, и на все готовъ. — Знай же, что учась у насъ, ты безсмертную славу въ людяхъ пріобрѣтешь себѣ.

СТРЕПСІАДЪ. А какимъ образомъ?

СОКРАТЪ. Со мною вмѣстѣ будешь проводить жизнь самую завидную.

СТРЕПСІАДЪ. А когда же это я увижу?

СОКРАТЪ. Когда? — Тогда, какъ увидишь толпу людей, сидящихъ у воротъ своихъ, ожидающихъ твоихъ наставленій, желающихъ вступить въ разговоръ съ тобою и въ совѣщаніе о просьбахъ и жалобахъ по дѣламъ тяжебнымъ; за что посыплются таланты въ сундуки твои, достойное уму твоему воздаяніе.

ХОРЪ. *(Къ Сократу).* Принимайся же за старика; учи его чему вздумается тебѣ; изслѣдуй его способности; испытай его понятіе.

СОКРАТЪ. Открой же мнѣ, старикъ, способности свои; дабы, узнавъ оныя, я могъ приноровить къ нимъ новое орудіе [1]).

СТРЕПСІАДЪ. Оружіе? — Полно, не сбираешься ли ты сражаться со мною?

СОКРАТЪ. Нѣтъ! я хочу кое о чемъ спросить тебя; узнать, какова твоя память.

СТРЕПСІАДЪ. Какова случится: если кто мнѣ долженъ, то я помню, очень хорошо помню; если же кому я задолжаю, то этого никакъ вспомнить не могу.

СОКРАТЪ. А къ краснорѣчію есть ли въ тебѣ врожденная способность?

СТРЕПСІАДЪ. Ни малѣйшей, а есть во мнѣ способность обманывать.

СОКРАТЪ. Какъ же тебѣ учиться?

СТРЕПСІАДЪ. Объ этомъ не безпокойся: выучусь.

СОКРАТЪ. Хорошо! Ну смотри же, когда я выкину передъ то-

---

[1]) *Орудіе*, въ подлинникѣ — *Μηχανή*, что значитъ вообще орудіе, махина, а въ отвлеченномъ смыслѣ, способъ, средство, искусство. Сократъ, употребляя сіе слово въ послѣднемъ онаго знаменованіи, говоритъ о приноровленіи методы ученія къ способностямъ; но Стрепсіадъ иначе понимаетъ: онъ думаетъ, что Сократъ сбирается приставить къ нему махину, осадное орудіе. Оно очень смѣшно на Греческомъ языкѣ; но по-Русски въ буквальномъ переводѣ, было бы непонятно; и для того я принужденнымъ нашелся заставить Стрепсіада принять *орудіе* за *оружіе*.

бою какую-нибудь превыспреннюю мудрость, то ты съ жадностію кидайся на нее.

СТРЕПСІАДЪ. Собака я что ли, чтобы мнѣ кидаться съ жадностію?

СОКРАТЪ. Ты неучъ и варваръ! Ахъ, старикъ! я опасаюсь, что мнѣ съ тобой не обойтися безъ плети! Скажи однако же, чтобы ты сдѣлалъ, еслибы кто сталъ бить тебя?

СТРЕПСІАДЪ. Я бы далъ себя бить, да подождавъ немного, призвалъ бы свидѣтеля; а тамъ, еще бы немного погодивъ, потащилъ бы драчуна въ судъ.

СОКРАТЪ. Ступай! — Чего такъ мѣшкаешь у дверей?

(Сократъ и Стрепсіадъ входятъ внутрь дома).

ХОРЪ. Войди и возвеселися о мужествѣ своемъ! — Счастіе да сопутствуетъ мужу сему, который, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, бодро пріемлетъ на себя подвигъ, юношамъ приличный и алкаетъ наставленій мудрости.

Далѣе слѣдуетъ *парабасъ* (*παραβάσις*), родъ пролога. Въ немъ Аристофанъ говоритъ съ публикою отъ своего имени. Это — тотъ знаменитый парабасъ, въ которомъ поэтъ называетъ «Облака» лучшимъ своимъ произведеніемъ. Онъ жалуется публикѣ, что *первое* представленіе «Облаковъ» не было оцѣнено судьями; называетъ свою музу скромною; говоритъ, что онъ щадилъ вкусъ своихъ зрителей и, подобно другимъ комикамъ, не выводилъ сценъ, которыя могли угодить только черни Аѳинскаго райка, а не развитой части публики.

«Я-тотъ сочинитель, который всегда и всемѣрно старается предложить вамъ зрѣлище новое, приличное и ни въ чемъ съ прочимъ не схожее! Такимъ образомъ, пока Клеонъ былъ во всей силѣ, я поражалъ его безпощадно; но послѣ того, никогда уже лежащаго его не билъ.» Еще разъ онъ указываетъ на другихъ комиковъ, которые прибѣгаютъ къ самымъ дѣтскимъ способамъ потѣшить публику и затѣмъ проситъ не искать въ его комедіяхъ ничего подобнаго. Потомъ выступаетъ хоръ.

ХОРЪ. Благоразумнѣйшіе зрители, прилежно внимайте словамъ нашимъ: обиженные мы предъ вами, на васъ же приносимъ жалобу. Никто изъ боговъ, болѣе насъ, не приноситъ вамъ пользы; а вы, не взирая на покровительство наше, изъ всѣхъ безсмертныхъ, однихъ насъ не чтите, ни жертвами, ни изліяніями. Случится ли вамъ безъ всякаго разсчета предпринимать какой-либо походъ, мы тотчасъ загремимъ, или дождь польемъ. Такимъ образомъ, когда вы избрали начальникомъ надъ войсками врага боговъ, Пафлагонца, кожевника [1]), мы мгновенно брови насупили, и страш-

[1]) *Пафлагонца, кожевника* — Клеонъ былъ подлинно сынъ кожевника, и можетъ быть, самъ имѣлъ кожевенный заводъ. Что же касается до Пафлагонца, то Аристофанъ даетъ ему такое прозвище по сходству *Παφλάγων* съ *Παφλάζων*, гла-

ныя явили вамъ предзнаменованія: громъ трещалъ отъ молніи; луна оставила путь свой; и солнце, вынувъ свѣтильню изъ лампады своей, казалось, не хотѣло свѣтить вамъ, если военоначальникомъ будетъ Клеонъ. Не смотря на то, вы избрали его. Поговариваютъ будто, что уже и бѣдствія предстоятъ отъ того Аѳинамъ: но боги да отвратятъ несчастіе отъ васъ, и не попустятъ вамъ претерпѣть за ошибку вашу! Впрочемъ какъ легко сему помочь, мы васъ сей часъ научимъ: вору, ненасытному взяточнику Клеону, забить шею въ колодку; вамъ съ криваго пути; обратиться на древній прямой: и тогда все пойдетъ къ пользамъ и выгодамъ Аѳинъ.

СОКРАТЪ, СТРЕПСІАДЪ И ХОРЪ.

СОКРАТЪ. Клянусь дыханіемъ, хаосомъ, воздухомъ, что никогда не видывалъ такого пентюха безмозглаго, глупаго, безпамятнаго, каковъ этотъ человѣкъ! Учу ли его какой сущей бездѣлицѣ, онъ уже не помнитъ о ней во время самаго урока. — Однако же вызвать его сюда на дворъ. — Стрепсіадъ! гдѣ ты? — Выходи сюда и выноси койку свою!

СТРЕПСІАДЪ. Выносить-то ее клопы не позволяютъ!

СОКРАТЪ. Проворнѣе же; стели здѣсь и слушай со вниманіемъ.

СТРЕПСІАДЪ. Готовъ.

СОКРАТЪ. Слушай же! ты никогда ни чему не учился: съ чего же хочешь теперь начинать? — Съ мѣръ, или съ стихосложенія, или съ ритмъ?

СТРЕПСІАДЪ. Конечно съ мѣръ [1])! Недавно еще мучникъ обмѣрилъ меня двумя гарнцами.

СОКРАТЪ. Не о томъ я тебя спрашиваю: я хочу знать, какую ты мѣру предпочитаешь, въ три или въ четыре?

СТРЕПСІАДЪ. Въ четыре — полчетверика всего лучше.

СОКРАТЪ. Ты вздоръ мелешь, другъ мой!

СТРЕПСІАДЪ. Нѣтъ! Я о чемъ хочешь ударюсь объ закладъ, что въ полчетверикѣ четыре гарнца.

СОКРАТЪ. А! пропадай ты, болванъ, невѣжа! — Ну! приняться ли мнѣ учить тебя ритмамъ?

гола *Παφλάζω* значущаго шумѣть, какъ кипящая вода, — что здѣсь изображаетъ шумнаго, вздорнаго человѣка; а весьма прилично характеру Клеона *βιαιοτάτῳ τῶν πολιτῶν*, какъ повѣствуетъ о немъ *Тукидидъ*.

[1]) *Конечно съ мѣръ!* — Сократъ говоритъ о *мѣрахъ стиховъ*, о триметрахъ, тетраметрахъ и проч., а Стрепсіадъ толкуетъ по своему о *мѣрахъ мучныхъ* и прочихъ сыпучихъ веществъ.

СТРЕПСІАДЪ. А какая мнѣ польза будетъ отъ ритмъ въ мучныхъ мѣрахъ?

СОКРАТЪ. Польза не въ мучныхъ мѣрахъ, а та, чтобы въ бесѣдахъ участвовать въ общихъ разговорахъ; знать, какія ритмы употребляются въ военныхъ пляскахъ и умѣть всякую такту считать по пальцамъ.

СТРЕПСІАДЪ. Считать по пальцамъ! — я и такъ уже знаю.

СОКРАТЪ. Скажи же!

СТРЕПСІАДЪ. Да что ты мнѣ это толкуешь о пальцахъ, о томъ, что я зналъ еще ребенкомъ?

СОКРАТЪ. О болванъ безмозглый!

СТРЕПСІАДЪ. Не правда — ты самъ такой! Я тебѣ говорю, что эдакому вздору учиться не хочу.

СОКРАТЪ. Да чему же?

СТРЕПСІАДЪ. А вотъ этой-то.... какъ бишь — не правой наукѣ....

СОКРАТЪ. Но сперва должно тебѣ другому поучиться. Напримѣръ, какія изъ четвероногихъ животныхъ дѣйствительно мужескаго рода.

СТРЕПСІАДЪ. Развѣ я съ ума сошелъ, чтобы мнѣ этого не знать! — Баранъ, козелъ, быкъ, пѣтухъ, собака [1]). Но скажи мнѣ, пожалуй, что за наука моя будетъ, если я всему этому выучусь.

СОКРАТЪ. А! ты ни чему не выучишься! — Однако же, ложись сюда.

СТРЕПСІАДЪ. Зачѣмъ?

СОКРАТЪ. Размышляй самъ съ собою о чемъ-нибудь.

СТРЕПСІАДЪ. Только прошу тебя, не на постелѣ. Если же непремѣнно должно лечь, то я готовъ размышлять на голой землѣ.

СОКРАТЪ. О! нѣтъ! непремѣнно на постелѣ.

СТРЕПСІАДЪ. Пропалъ я несчастный! Стоитъ и судей, какъ пришло мнѣ сегодня развѣдаться съ клопами.

СОКРАТЪ. Смотри же, размышляй и созерцай. Чаще съ боку на бокъ поворачивайся. Если пойдетъ тебѣ въ голову что-нибудь слишкомъ для тебя непонятное, то устреми мысленный взоръ свой на другой какой предметъ; и остерегайся, чтобы сладкій сонъ не смыкалъ очей твоихъ.

СТРЕПСІАДЪ. Ай! ай! ай! ай! ай!

СОКРАТЪ. Что съ тобою сдѣлалось? болитъ ли что у тебя?

---

[1]) *Собака* — въ подлинникѣ *пѣтухъ*, потому что въ Аристофаново время Ἀλεκτρυών употреблялось въ обоихъ родахъ; я долженъ былъ замѣнить его *собакою*, для того, что имя сіе хотя женскаго рода, но служитъ также въ обѣихъ. Забавно и то на Греческомъ, что Стрепсіадъ въ числѣ четвероногихъ щитаетъ пѣтуха.

СТРЕПСІАДЪ. Пропалъ я несчастный! Коринѳяне [1]) выползли изъ подъ соломы, и кусаютъ меня безъ милосердія. — За бока меня щиплютъ — кровь мою сосутъ — всю спину мнѣ изорали — заѣли меня!

СОКРАТЪ. Вотъ нѣженка какой, не можетъ потерпѣть не много!

СТРЕПСІАДЪ. Чего тутъ терпѣть, какъ я совсѣмъ пропадаю: пропали денежки мои, пропало дородство мое; пропала душенька моя; пропали башмаки мои, да ко всѣмъ бѣдамъ, припѣвай еще здѣсь на сторожѣ. *Ахъ чутъ было не пропала головушка моя!*

СОКРАТЪ. Эй! ты! Что тамъ дѣлаешь? Не размышляешь?

СТРЕПСІАДЪ. Во всю мочь размышляю.

СОКРАТЪ. О чемъ же?

СТРЕПСІАДЪ. О томъ, что останусь ли я въ живыхъ отъ клоповъ.

СОКРАТЪ. Пропадай ты, безтолковый!

СТРЕПСІАДЪ. Да я и такъ уже пропалъ.

СОКРАТЪ. Ничего не бывало, нѣженка! закутайся еще получше. Теперь напасть тебѣ надобно на мысль хитрую, увертливую....

СТРЕПСІАДЪ. Охъ! бѣда моя! На какую тутъ мысль нападешь, душась подъ одѣяломъ! *(Молчаніе).*

СОКРАТЪ. Хорошо!

Философъ велитъ Стрепсіаду думать и думать. Ученикъ такъ и дѣлаетъ. Наконецъ онъ восклицаетъ: Сократушка! дружокъ! — Что такое? спрашиваетъ философъ.

СТРЕПСІАДЪ. Напалъ я на хитрую мысль о процентахъ.

СОКРАТЪ. Какая?

СТРЕПСІАДЪ. Скажи ты мнѣ.....

СОКРАТЪ. Да что сказать?

СТРЕПСІАДЪ. Что, если я куплю себѣ Тессаліянку, ворожею [2]), да съ нею стащу мѣсяцъ съ неба, запру его въ круглое лукошко и буду его, какъ зеркало, беречь у себя?...

СОКРАТЪ. Что же въ этомъ пользы тебѣ будетъ?

СТРЕПСІАДЪ. Какъ что пользы? — Не будетъ никогда мѣсяцъ раждаться; не надобно будетъ и процентовъ платить.

СОКРАТЪ. Это какъ?

---

[1]) *Коринѳяне* — такъ называетъ Аристофанъ клоповъ, по сходству начальныхъ звуковъ въ обоихъ словахъ *Κορεις* и *Κορίϐδιοι* и потому что во время Пелопонесской войны, Коринѳяне довольно *кусали* Аѳинянъ, чтобы заслужить отъ нихъ названіе *клоповъ*.

[2]) *Тессаліянку, ворожею*—какъ у насъ Малороссія вѣдьмами, такъ у Грековъ Тессалія славилась колдуньями. Суевѣріе приписывало имъ, между прочими чародѣйствами, власть заговорами своими сводить луну на землю.

СТРЕПСІАДЪ. Развѣ не ежемѣсячно взносятся проценты и капиталы?

СОКРАТЪ. Дѣло! — Но я предложу тебѣ нѣчто поважнѣе. Если-бы кто писалъ обязательство на тебя въ пяти талантахъ, какъ бы ты уничтожилъ оное, скажи мнѣ?

СТРЕПСІАДЪ. Какъ! — какъ бы... не вѣдаю; однако же подумаю.

СОКРАТЪ. Да не вертись такъ съ мыслями своими все около себя; дай имъ волю парить по воздуху, такъ какъ дѣти пускаютъ летать жуковъ, за ножку привязанныхъ.

СТРЕПСІАДЪ. Нашелъ я, какъ истребить обязательство! — Да такой способъ, что ты и самъ признаешь его прехитрымъ.

СОКРАТЪ. Какой же?

СТРЕПСІАДЪ. А вотъ какой. Видалъ ты конечно въ аптекахъ этотъ камень прекрасный, прозрачный, которымъ зажигаютъ...

СОКРАТЪ. Зажигательное стекло?

СТРЕПСІАДЪ. Точно такъ.

СОКРАТЪ. Что же далѣе?

СТРЕПСІАДЪ. Пока нотаріусъ пишетъ, я, ставъ позади его, направлю лучи солнца на обязательство, да слова-то всѣ и растоплю [1]).

СОКРАТЪ. Харитами клянусь, что выдумка прехитрая!

СТРЕПСІАДЪ. Самъ я нарадоваться не могу, какъ хорошо придумалъ уничтожить обязательство въ пять талантовъ.

СОКРАТЪ. Хорошо! —

Философъ спрашиваетъ Стрепсіада, какъ бы онъ поступилъ въ такомъ случаѣ, еслибы, по недостатку свидѣтелей, долженъ былъ проиграть процессъ. *Повѣсился бы*, отвѣчаетъ Стрепсіадъ, потому что на мертваго и суда нѣтъ. Сократъ за такую болтовню отказывается учить Стрепсіада. Философъ приходитъ въ большой гнѣвъ, когда узнаетъ, что старикъ всѣ его прежніе уроки забылъ. Стрепсіадъ обращается къ облакамъ и проситъ ихъ помочь дѣлу. Облака совѣтуютъ прислать въ науку сына. Стрепсіадъ уходитъ за сыномъ.

СТРЕПСІАДЪ, ФИДИППИДЪ, СОКРАТЪ, ХОРЪ, ПРАВОСУДЪ И КРИВОСУДЪ.

СТРЕПСІАДЪ. Нѣтъ! Клянусь Туманомъ, что тебѣ здѣсь долго не оставаться. Вонъ! поди, гложи Мегакловы столпы [2])!

ФИДИППИДЪ. Батюшка! что съ тобою сдѣлалось? Опомнись, ради самого Олимпійскаго Зевса!

---

[1]) *Растоплю* — Греки, между прочими способами для письма, употребляли навосченныя дощечки.

[2]) *Мегакловы столпы* — вѣроятно, что Мегаклъ знатный, роскошный человѣкъ до того промотался, что домъ его, внутри пустой, щеголялъ одними только наружными украшеніями, столпами.

СТРЕПСІАДЪ. Вотъ тебѣ на! — Вотъ еще! *Ради Зевса Олимпійскаго!* Экая дурь! — Выросъ такой болванъ, и еще вѣруетъ въ Зевса. Ха! ха! ха!

ФИДИППИДЪ. Чему же ты смѣешься?

СТРЕПСІАДЪ. Тому, что ты мальчишка, а въ головѣ у тебя старинныя бредни. Но подойди поближе; ты узнаешь о многомъ отъ меня. Я тебѣ такія вещи разскажу, которымъ научась, изъ тебя выйдетъ человѣкъ. Ты смотри только, не говори о томъ никому.

ФИДИППИДЪ. Слушаю. Что же такое?

СТРЕПСІАДЪ. Ты призывалъ имя Зевса, не такъ ли?

ФИДИППИДЪ. Точно такъ.

СТРЕПСІАДЪ. Смотри же ты теперь, Фидиппидъ, сколь ученіе хорошо на свѣтѣ: вѣдь Зевса-то вовсе нѣтъ.

ФИДИППИДЪ. Да кто же на мѣсто его?

СТРЕПСІАДЪ. *Вихрь* царствуетъ, изгнавшій Зевса.

ФИДИППИДЪ. Ай, батюшка! ты бредишь!

СТРЕПСІАДЪ. Увидишь самъ, что оно такъ.

ФИДИППИДЪ. Да кто тебѣ сказалъ это?

СТРЕПСІАДЪ. Сократъ, Діагоръ [1]) и Херефонъ, который скачки блохъ измѣряетъ.

ФИДИППИДЪ. Такъ ты, батюшка, впалъ въ такое изступленіе, что могъ повѣрить этимъ бѣшенымъ людямъ!

СТРЕПСІАДЪ. Говори о нихъ съ уваженіемъ! Ни слова дерзкаго на счетъ людей почтенныхъ и умныхъ! — Воздержность ихъ такова, что они никогда не брѣются, не умываются и въ баню не ходятъ. А ты промылъ меня всего, какъ будто бы уже и не было меня на свѣтѣ. — Ну, проворнѣе! ступай учиться вмѣсто меня.

ФИДИППИДЪ. Чему же отъ нихъ полезному научиться?

СТРЕПСІАДЪ. Чему! — Всякой премудрости, какая только есть на свѣтѣ. — Ты самъ узнаешь, какой ты неучъ и невѣжа. — Постой! подожди меня здѣсь немного. *(Выходитъ).*

ФИДИППИДЪ. Бѣда! — Что мнѣ дѣлать съ сумасшедшимъ отцемъ? Объявить ли мнѣ его таковымъ предъ судомъ и взять въ опеку; или просто итти *къ грободѣлу заказать нужное къ похоронамъ.*

Стрепсіадъ ведетъ своего сына въ школу. Являются два учителя, логики: Правосудъ и Кривосудъ. Сначала наставники эти спорятъ между собою о томъ, кто изъ нихъ умнѣе и сильнѣе въ діалектикѣ, а потомъ о томъ, кому изъ нихъ учить Стрепсіадова сына.

КРИВОСУДЪ. Гдѣ тебѣ учить его, старый хрычъ!

---

[1]) Философъ, безбожникъ.

ПРАВОСУДЪ. Конечно мнѣ учить, если онъ хочетъ не болтать только, а здраво судить.

КРИВОСУДЪ. Ко мнѣ, юноша! — Оставь его колобродить.

ПРАВОСУДЪ. Ко мнѣ!.... Остерегись! Не трогайся до него!

ХОРЪ. Перестаньте браниться и ссориться! Пускай лучше изъ васъ каждый предложитъ — *(къ Правосуду)* ты, древнія правила свои; — *(къ Кривосуду)* а ты, нововведенное воспитаніе; онъ самъ изберетъ, кого изъ васъ захочетъ.

ПРАВОСУДЪ. Я готовъ.

КРИВОСУДЪ. И я также.

ХОРЪ. Кому же первому изъ васъ начинать?

КРИВОСУДЪ. Ему уступаю; и потомъ на все, что онъ скажетъ, употреблю новые доводы и заключенія, которыми въ пухъ его разобью. Если же и послѣ того онъ вздумаетъ еще ворчать, то я пущу на него рой силлогизмовъ, отъ которыхъ, какъ отъ шмелей, онъ не будетъ знать, куда дѣваться.

ХОРЪ. Вы оба надѣетесь на силы ваши; оба теперь покажите, искусными силлогизмами, умозаключеніями, краснорѣчіемъ, которому изъ васъ отдать превосходство. Вамъ предлежитъ рѣшеніе важнаго въ мудрости вопроса, о коемъ происходитъ упорнѣйшая борьба между любимцами моими. — О! ты, чистыми нравами украшавшій предковъ народа сего, прерви молчаніе, открой себя, защищай любимое дѣло свое, говори!

ПРАВОСУДЪ. Я разскажу вамъ о древнемъ воспитаніи, о томъ, которое здѣсь употреблялося тогда, какъ я процвѣталъ здѣсь, проповѣдуя правосудіе, и когда наблюдалися еще уставы цѣломудрія. — Во первыхъ: отроки, проходя по городскимъ улицамъ въ школу музыки, шли въ молчаніи, чинно, каждый въ своемъ отрядѣ, и всѣ безъ одеждъ, не смотря ни на какую погоду, хотя бы сыпалъ густой снѣгъ. Въ школѣ сидя благопристойно, не осмѣливаясь класть ногу на ногу, они учились пѣснямъ, напримѣръ, *градорушительница страшная*, *Паллада*, и другимъ, подобнымъ сему торжественнымъ, громкимъ именамъ, наблюдая пѣть на тотъ голосъ, которымъ пѣвали отцы ихъ! И тутъ, еслибы кто изъ нихъ вздумалъ коверкать голосъ свой, или примѣшивать эти пустыя прикрасы, которыя въ подражаніе Фринису ввелись теперь въ употребленіе, тотъ, какъ оскорбитель Музъ, дорого бы за то отплатился своею спиною. Въ школѣ для борьбы предписывалося сидящимъ на землѣ прикрыться платьемъ по колѣна, дабы предъ зрителями хранить благопристойность; и вставая съ полу, подметать мѣста и заглаживать песокъ, дабы не оставлять никакого знака.... — За столомъ запрещалось имъ хвататься за рѣдьку, за укропъ, поставленный для старшихъ, и брать петрушки имъ не дозволялось; не смѣли они

никогда ни рыбы ѣсть [1]), ни громко хохотать, ни качаться, то на одной ногѣ, то на другой.

КРИВОСУДЪ. Какая старина! изъ лѣтъ выжило! Пахнетъ временами Диполій, Вуфоній, когда процвѣталъ еще Кидикъ [2]), и въ волосахъ носили стрекозы.

ПРАВОСУДЪ. Да, пахнетъ тѣми временами, въ которыя мое воспитаніе пріуготовило мужей, сражавшихся на Маратонскомъ полѣ. Твое же воспитаніе учитъ только ихъ, какъ покрасивѣе завертываться въ эпанчахъ. И такъ, юноша, смѣло избирай меня, добрыхъ нравовъ наставника: отъ меня научишься ты ненавидѣть тяжбы, убѣгать теплыхъ бань, стыдиться постыднаго и не терпѣть, чтобы кто кощунствовалъ надъ тобою. Научишься предъ старикомъ вставать со стула, не безчинствовать предъ родными, не дѣлать ничего безчестнаго, и однимъ словомъ, быть скромности образцемъ. Научишься съ плясуньями не водиться, дабы отъ такого знакомства не утратить добраго имени; съ отцемъ говорить почтительно, ему никогда не противорѣчить, надъ старостію его не смѣяться и не укорять въ дряхлости того, который въ колыбели вскормилъ тебя.

КРИВОСУДЪ. Юноша, если ему повѣришь, то клянусь тебѣ Діонисіемъ, что ты будешь похожъ на Иппократовыхъ дѣтей [3]) и дурачкомъ прослывешь.

ПРАВОСУДЪ. Нѣтъ, напротивъ того: мастьми умащенный, ты процвѣтешь здравіемъ, упражняясь въ играхъ гимнастическихъ. Не будешь праздно шататься по судамъ, болтать пустяковъ, подобно нынѣшней молодежи, не запутаешься ни въ какую безчестную тяжбу: но бѣлымъ камышемъ увѣнчанный, рука въ руку съ цѣломудреннымъ ровесникомъ, ты будешь гулять въ Академіи, подъ маслинами, Аѳинѣ посвященными, наслаждаясь пріятнымъ досугомъ, благоуханіемъ цвѣтовъ, шорохомъ листьевъ, тополей сребристыхъ и

---

[1]) Отрокамъ Аѳинскимъ строго запрещалось употребленіе пряныхъ травъ, по причинѣ горячительнаго оныхъ свойства. По сему же и рыбы не дозволяли имъ ѣсть.

[2]) *Какая старина* — дабы выразить, что Правосудовы правила изъ лѣтъ вышли, Аристофанъ говоритъ, что они современны *Діполіямъ*, *Вуфоніямъ* и *Стрекозамъ:* первые два, суть праздники, до Тизевса еще извѣстные; послѣдніе же значатъ тѣхъ же временъ, украшеніе для волосъ, *Стрекозы* изъ золота и изъ другаго металла, которыя Аѳиняне носили на головѣ, для такого же употребленія, какъ у насъ шиньонные гребни. — *Кикидъ* былъ дитирамбическій поэтъ отдаленнѣйшихъ временъ.

[3]) *Иппократовы дѣти* — Телесиппъ, Димофонъ и Периклъ такъ были глупы, что имена ихъ вошли въ пословицу. Вмѣсто того, чтобы сказать о комъ, что онъ въ превосходной степени глупъ, Аѳиняне говорили: *онъ похожъ на Иппократовыхъ сыновей.*

всею прелестью весны, когда Зефиры перешептываются подъ тѣнью яворовъ и вязовъ. Такъ, юноша, повѣрь мнѣ: если послѣдуешь моимъ наставленіямъ и приложишь все стараніе наблюдать ихъ, то всегда будешь имѣть грудь высокую, цвѣтъ лица прекрасный, плеча широкія, языкъ короткій, умъ пространный. Если же предпочтешь вести себя по нынѣшнему, то цвѣтъ лица твоего будетъ блѣдный, плеча узкія, грудь впалая, языкъ долгій, умъ короткій. Въ превратномъ сужденіи твоемъ, все дурное покажется тебѣ хорошимъ, все хорошее дурнымъ.

ХОРЪ. О! сколь основательно, сколь славно ученіе твое! сколь сладкій плодъ обѣщаетъ оно кроткимъ послѣдователямъ онаго! Блаженны прежде жившіе подъ законами твоими! — Теперь тебѣ, похваляющемуся новымъ ученіемъ, подобаетъ прославить себя. Сильные доводы долженъ ты употребить, если хочешь побороть соперника своего и не остаться посмѣшищемъ для слушателей.

КРИВОСУДЪ. Я самъ давно желаю, давно горю нетерпѣніемъ, возраженіями моими опрокинуть всѣ умствованія его. — Называютъ меня Кривосудомъ, потому что я первый въ школахъ сихъ осмѣлился противорѣчить его правиламъ и сужденіямъ: но что же выгоднѣе, слыть Правосудомъ и быть побѣжденнымъ, или Кривосудомъ и остаться побѣдителемъ? — Ты порочишь частыя обращенія въ народныхъ собраніяхъ; я, напротивъ того, ободряю ихъ: ежели бы это было худо, то конечно Омиръ никогда бы не называлъ народными витіями Нестора и другихъ разумнѣйшихъ людей. — Что же касается до краснорѣчія вообще, то я поощряю юношество упражняться въ ономъ, а ты воспрещаешь и проповѣдуешь молчаніе.

Споры о разныхъ предметахъ между Правосудомъ и Кривосудомъ продолжаются. Въ заключеніе остается побѣжденъ Правосудъ. Тогда Сократъ спрашиваетъ у Стрепсіада, хочетъ ли онъ домой отвести сына или оставить у него въ школѣ. Стрепсіадъ оставляетъ въ школѣ и проситъ философа учить хорошенько Фидиппида. «Повѣрь, говоритъ сей послѣдній батюшкѣ, — будешь въ этомъ раскаяваться». Сынъ остается учиться. Чрезъ нѣсколько времени, Стрепсіадъ, осаждаемый должниками, идетъ въ школу узнать, выучился ли сынъ.

СОКРАТЪ. Выучился.

СТРЕПСІАДЪ. Славно! — О крючки всемогущіе!

СОКРАТЪ. Теперь онъ отъ любаго суда отдѣлается.

СТРЕПСІАДЪ. Хотя бы и свидѣтели были при займѣ?

СОКРАТЪ. Тѣмъ легче, хотя бы ихъ тысяча предстало.

СТРЕПСІАДЪ. Ой-ли! Да я на радости во всю мочь стану кричать! — ей вы, ростовщики! пропадайте теперь и съ капиталами вашими, и съ процентами и съ рекамбіо! Теперь уже вамъ не обижать меня! — Рѣдкой сынъ у меня выучился въ этомъ домѣ!

двуязычный молодецъ! подпора старости моей! спаситель дома отцовскаго! бичъ враговъ моихъ! избавитель мой отъ золъ ужасныхъ! Бѣги, вызывай его ко мнѣ.—Сынъ мой, родной мой! выходи сюда! выслушай отца своего!

СОКРАТЪ. Вотъ онъ самъ.

СТРЕПСІАДЪ. О! любезный! любезный!

СОКРАТЪ. Возьми его, отведи съ собою *(уходитъ)*.

СТРЕПСІАДЪ. О! го! наша взяла! дай мнѣ сперва наглядѣться на тебя! теперь-то я вижу въ лицѣ твоемъ, что ты можешь во всемъ отпереться, противъ всего поспорить и, какъ водится здѣсь, щеголять вопросомъ: что противъ этого скажешь? Кругомъ виноватый, неправый, ты будешь умѣть представить себя обиженнымъ, а противную сторону обидчикомъ; впередъ это знаю! И теперь вижу, что у тебя прямо аттической взглядъ! ну! ты ввелъ меня въ бѣду, тебѣ теперь и спасать меня.

Отецъ испытываетъ сына въ полученной имъ мудрости и дивится изобрѣтательности его софистическаго ума. «Дѣтину думнаго» онъ скорѣе ведетъ домой.

СТРЕПСІАДЪ. Пойдемъ же домой; я хочу тебя поподчивать.

(Фидиппидъ уходитъ).

ПАСІЙ *(къ свидѣтелю)*. Какъ! мнѣ терять свое? — Ни подъ какимъ видомъ! и лучше бы давно мнѣ отложить снисхожденіе, чѣмъ теперь заводить тяжбу. Призвавъ тебя сюда въ свидѣтели по денежному иску, я сей часъ начну дѣло; какъ врага буду преслѣдовать земляка своего, и пока живъ, не посрамлю отечества моего [1]). Теперь же потащу въ судъ Стрепсіада.

СТРЕПСІАДЪ. Это кто такой?

ПАСІЙ. Это тотъ, кто позываетъ тебя на старый и молодой день мѣсяца.

СТРЕПСІАДЪ. Свидѣтельствую, что онъ сказалъ на оба дня.— А въ чемъ состоитъ искъ твой?

ПАСІЙ. Въ двѣнадцати минахъ [2]), которыя ты занялъ у меня на покупку бѣгуна.

СТРЕПСІАДЪ. Бѣгуна! слышите ли? Вы всѣ знаете, что я ненавижу лошадей.

ПАСІЙ. Какъ! развѣ ты не клялся богами отдать мнѣ долгъ свой?

---

[1]) *Не посрамлю* и проч. Аѳиняне были великіе охотники до тяжбъ: въ семъ-то отношеніи Пасій и хочетъ доказать, что онъ прямый Аѳинянинъ.

[2]) Мина содержитъ сто драхмъ, т. е. 30 р., талантъ содержитъ 60 минъ, т. е. 1800 р.

СТРЕПСІАДЪ. Да, но тогда Фидиппидъ мой не обучался еще всеодолѣвающему краснорѣчію.

ПАСІЙ. Такъ теперь ты воображаешь себѣ способомъ этого краснорѣчія отпереться отъ долга своего?

СТРЕПСІАДЪ. А если бы не такъ, то какая же польза и въ ученіи?

ПАСІЙ. И чтобы отдѣлаться отъ позыва въ судъ, ты преступаешь клятву, данную предъ богами?

СТРЕПСІАДЪ. Предъ какими богами?

ПАСІЙ. Предъ Зевсомъ, Эрміемъ и Посидономъ.

СТРЕПСІАДЪ. О! го! предъ Зевсомъ! Да я тебѣ прикину три овола въ барыши, за то только, чтобы еще разъ поклясться.

ПАСІЙ. Мерзавецъ!

СТРЕПСІАДЪ. Эхъ! какой бы изъ тебя вышелъ добрый мѣхъ для вина!

ПАСІЙ. Вотъ тебѣ на! онъ еще и смѣется надо мною.

СТРЕПСІАДЪ. Въ него бы влѣзла цѣлая бочка.

ПАСІЙ. Великимъ Зевсомъ и всѣми богами клянусь, что это даромъ тебѣ не пройдетъ.

СТРЕПСІАДЪ. Поздравляю тебя съ богами твоими! право, шутка для умныхъ людей преизрядная, клясться Зевсомъ.

ПАСІЙ. За все это, дружокъ, ты въ свое время расплотишься; а теперь не держи меня, но отвѣчай, отдашь ли ты мнѣ деньги: да, или нѣтъ?

СТРЕПСІАДЪ. Постой, возьми терпѣніе: сей часъ обстоятельный тебѣ дамъ отвѣтъ.

ПАСІЙ *(къ свидѣтелю)*. Что онъ сбирается дѣлать?

СВИДѢТЕЛЬ. Я думаю, платить.

СТРЕПСІАДЪ. А гдѣ пріятель-то, который требуетъ денегъ отъ меня? А! га! — скажи мнѣ, это что такое?

ПАСІЙ. Это? — квашникъ.

СТРЕПСІАДЪ. Хорошо, молодецъ! и онъ еще смѣетъ требовать денегъ! Я тебѣ ни овола не дамъ, за то, что ты квашникомъ квашню называешь.

ПАСІЙ. Такъ ты не платишь?

СТРЕПСІАДЪ. И не думаю. — Но скоро ли ты уберешься отсюда?

ПАСІЙ. Уберусь; однако же ты знай, что я или живъ не буду, или дамъ тебѣ позывъ.

СТРЕПСІАДЪ. Такъ и еще убытки тебѣ будутъ сверхъ двѣнадцати минъ. Впрочемъ я бы тебѣ ихъ не желалъ, если бы ты самъ сглупа не назвалъ квашню квашникомъ.

АМИНІЙ. Ой! ой! ой! ой!

СТРЕПСІАДЪ. Ба! эта плакса откуда взялась? Полно, это не актеръ ли какой изъ трагедіи Каркина [1])?

АМИНІЙ. Хотите знать, кто я таковъ? Я несчастный человѣкъ!

СТРЕПСІАДЪ. Не къ намъ бы было сказано!

АМИНІЙ. О! рокъ жестокій! О! колесокрушительницы судьбы! о Паллада! сколь ужасно губишь ты меня!

СТРЕПСІАДЪ. Какихъ же бѣдъ тебѣ надѣлалъ Тлиполемъ?

АМИНІЙ. Пріятель!... Ты не шути, а вели сыну своему заплатить мнѣ долгъ. Теперь въ несчастномъ положеніи моемъ я еще болѣе нуждаюсь въ деньгахъ.

СТРЕПСІАДЪ. Въ какихъ деньгахъ?

АМИНІЙ. Въ тѣхъ, что сынъ твой занялъ у меня.

СТРЕПСІАДЪ. Теперь я самъ вижу, что ты въ несчастномъ положеніи.

АМИНІЙ. Да; неосторожно попятивъ лошадей, я вышалъ изъ коляски.

СТРЕПСІАДЪ. Не лошадей ты пятилъ, а самъ съ ума спятилъ [2]).

АМИНІЙ. Я съ ума спятилъ! — Не отъ того ли, что требую своихъ денегъ?

СТРЕПСІАДЪ. Ну, право ты нездоровъ.

АМИНІЙ. Чѣмъ?

СТРЕПСІАДЪ. Тѣмъ, что мозгъ твой, кажется мнѣ, отъ паденія повредился.

АМИНІЙ. А мнѣ кажется, и Эрмій въ томъ тебѣ свидѣтель, что ты будешь въ судѣ отвѣчать, если теперь мнѣ не заплатишь.

СТРЕПСІАДЪ. Постой, скажи мнѣ сперва, какъ ты думаешь: всякой ли разъ, когда дождь идетъ, Зевсъ пускаетъ новую воду на землю, или падаетъ та же самая вода, которую солнце парами поднимаетъ отъ земли къ небу?

АМИНІЙ. Я этого не знаю, да и знать не хочу.

СТРЕПСІАДЪ. Какое же ты право имѣешь требовать денегъ, когда ничего не знаешь о воздушныхъ явленіяхъ?

АМИНІЙ. Послушай. Если ты теперь не при деньгахъ, то, по крайней мѣрѣ, отдай мнѣ проценты.

---

[1]) *Каркинъ* — весьма плодовитый трагическій поэтъ, современникъ Аристофана, коего творенія до насъ не дошли, хотя онъ, по увѣренію Схоліаста, написалъ 160 трагедій. По видимому, онъ былъ великій охотникъ до *увы!* въ стихахъ своихъ; и потому Стрепсіадъ, услышавъ вопль Аминія, уподобляетъ его дѣйствующему лицу изъ трагедіи Каркина.

[2]) *Ты не лошадей пятилъ*—въ подлинникѣ: *ты бредишь, какъ будто съ осла свалился;* и это Каламбуръ. — *Ἀπ' ὄνου* значитъ съ осла, а *ἀπὸ νοῦ* съ ума свалиться, т. е. спятить. Знающіе Греческій языкъ замѣтятъ, что тутъ разница между *осломъ* и *умомъ* въ письмѣ, а не въ выговорѣ: ибо *ἀπὸ νοῦ* и *ἀπ' ὄνου* особливо въ скоромъ разговорѣ, ухо никакъ различить не можетъ.

СТРЕПСІАДЪ. А что за звѣри такіе проценты?

АМИНІЙ. А такіе-то звѣрки, что въ теченіе времени, день за день и мѣсяцъ за мѣсяцъ, все растутъ да подрастаютъ.

СТРЕПСІАДЪ. Изрядно ты опредѣляешь. Однако же скажи мнѣ, какъ ты думаешь: столько ли въ морѣ воды теперь, сколько прежде было?

АМИНІЙ. Конечно, столько же: морю нельзя быть полнѣе противъ прежняго.

СТРЕПСІАДЪ. И такъ море, въ которое столько рѣкъ впадаетъ отъ того не полнѣетъ, а ты, безпутный человѣкъ, хочешь, чтобы деньги твои подрастали? Уберешься ли ты изъ дому вонъ? — Подайте мнѣ дубину сюда.

Хоръ оплакиваетъ извращеніе ума Стрепсіада и жалуется на виновниковъ такого страшнаго несчастія, софистовъ, «положившихъ всему мошенничеству начало». Онъ грозитъ Стрепсіаду бѣдою отъ сына. И, дѣйствительно, раздается крикъ Стрепсіада.

СТРЕПСІАДЪ, ФИДИППИДЪ, ХОРЪ, УЧЕНИКИ СОКРАТОВЫ, СОКРАТЪ И ХЕРЕФОНЪ.

СТРЕПСІАДЪ. Ай! ай! ай [1])! — Сосѣди! — родимые! земляки! заступитесь за меня избитаго, изувѣченнаго! Ахъ! бѣдный я! пропала моя голова! пропали скулы мои! — Бездѣльникъ! ты подымаешь руку на отца своего?

---

[1]) Въ этомъ послѣднемъ отдѣленіи, или, такъ назвать его по нашему, въ 5-мъ дѣйствіи, Аристофанъ превзошелъ самъ себя. Быстрый ходъ развязки сей показываетъ величайшаго мастера. Забывъ, если можно, на одну минуту Сократа, и представивъ себѣ на его мѣстѣ Протагора, или какого-нибудь изъ Софистовъ, я спрашиваю, можетъ ли быть урокъ разительнѣе того, который Аристофанъ даетъ легкомысленнымъ Аѳинянамъ, на счетъ ужасныхъ послѣдствій, отъ лжемудрія проистекающихъ?— Глупый старикъ, мотовствомъ жены и сына раззоренный, ищетъ способа, какъ бы отказаться отъ платежа долговъ своихъ. Онъ слышитъ, что есть люди, которые учатъ искусству всякое беззаконное дѣло представлять законнымъ — этого ему и надобно. Онъ идетъ къ нимъ въ науку; но, чувствуя свою неспособность, вмѣсто себя отдаетъ имъ на *выучку* сына своего. Молодецъ успѣваетъ; отецъ въ восхищеніи; и первый плодъ ученія состоитъ въ томъ, что *сынъ бьетъ отца, да сверхъ того еще доказываетъ ему, что онъ имѣетъ право бить его.* По такой простотѣ въ изобрѣтеніи, подумаешь, что всякой бы могъ то же самое легко выдумать: но оно такъ-то легко, что я ничего не знаю ни въ древнихъ, ни въ новѣйшихъ, чтобы могло равняться съ сею комедіею планомъ, ходомъ, характерами и развязкою. Что же касается до нравоученія, то отличительная черта превосходства въ Облакахъ есть та, что при весьма немногихъ перемѣнахъ, требуемыхъ всегда измѣняющимися обычаями, можно играть ихъ каждые 50 лѣтъ, по крайней мѣрѣ, появляются на Театръ свѣта тѣ же Софисты, подъ другими именами, въ другихъ эпанчахъ, но коихъ цѣль одна и та же — *ощипывать Стрепсіадовъ и воспитывать по своему Фидиппидовъ.*

ФИДИППИДЪ. Такъ, батюшка!

СТРЕПСІАДЪ. Слышите ли, онъ и самъ признается въ томъ, что билъ меня.

ФИДИППИДЪ. Да и порядочно.

СТРЕПСІАДЪ. О! бездѣльникъ! отцеубійца! разбойникъ!

ФИДИППИДЪ. Прибавь, батюшка, прибавь! повѣрить не можешь, какъ мнѣ пріятно слышать такую брань!

СТРЕПСІАДЪ. Ты смѣешь бить отца?

ФИДИППИДЪ. Да еще и докажу тебѣ, что имѣлъ право бить тебя.

СТРЕПСІАДЪ. О бездѣльникъ надъ бездѣльниками! Какое право бить отца?...

ФИДИППИДЪ. Я это тебѣ докажу, и ты самъ убѣдишься моими доводами.

СТРЕПСІАДЪ. Ты меня убѣдишь!...

ФИДИППИДЪ. Это мнѣ ничего не стоитъ. Самъ избирай, какую сторону хочешь, такую и защищать буду.

СТРЕПСІАДЪ. Какъ какую сторону?

ФИДИППИДЪ. Да, справедливую или несправедливую.

СТРЕПСІАДЪ. Безпутный! такъ я обучалъ тебя опровергать истину для того только, чтобы ты умѣлъ доказывать пристойность и право бить отца?

ФИДИППИДЪ. И такъ-то докажу, что ты и самъ согласишься со мною.

СТРЕПСІАДЪ. Ну!...Такъ уже и я хочу послушать доводовъ твоихъ.

ХОРЪ. Дѣло твое, старикъ, теперь стараться преодолѣть доводами сына своего, ибо онъ останется не совсѣмъ виновнымъ, если ты не убѣдишь его. Остерегись же; присутствіе духа его доказываетъ, что онъ имѣетъ, на что опереться.—Но сперва разскажи хору, съ чего началась ссора между вами?—Это идетъ прежде всего.

СТРЕПСІАДЪ. Вотъ, отъ чего началась брань между нами.— Мы, какъ знаете, сидѣли за столомъ; — я велѣлъ ему взять лиру и пропѣть Симонидову пѣсню [1]): *какъ остриженой барашекъ.* — Онъ мнѣ на это: въ старину такъ водилось, пѣть за столомъ во время питья и кушанья, какъ женщины, которыя, припѣвая, мелютъ ячмень.

ФИДИППИДЪ. Ну, не должно ли мнѣ было тутъ же начать бить и таскать тебя, за то что ты заставлялъ меня, какъ сверчка, пѣть за кушаньемъ?

СТРЕПСІАДЪ. Онъ точно такъ и въ домѣ говорилъ со мною,

---

[1]) *Симонидъ* — въ Греціи былъ не одинъ стихотворецъ по имени Симонидъ; но здѣсь вѣроятно рѣчь о старшемъ, о лирикѣ, процвѣтавшемъ во время нашествія Персовъ на Элладу.

какъ теперь, и утверждалъ, что Симонидъ дурной поэтъ — я насилу могъ скрѣпиться, однако же на этотъ разъ удержался. Послѣ этого я приказалъ ему взять въ руки миртовую вѣтку, и проговорить что-нибудь изъ Эсхила. Онъ тотчасъ въ отвѣтъ: ты конечно считаешь Эсхила первымъ изъ поэтовъ, за то, что онъ употребляетъ громкія слова, что нѣтъ въ немъ порядка, что слогъ его черствъ и надутъ... Можете вы сами представить себѣ, какъ сердце во мнѣ закипѣло; однако же я и тутъ, закусивъ губы, сказалъ ему: ну, такъ избери же самъ что-нибудь получше изъ этихъ новыхъ вашихъ;—и онъ вдругъ запѣлъ какое-то соблазнительное мѣсто изъ Еврипида. Тутъ уже моей мочи не стало: я пустился бранить его, и какъ въ такихъ случаяхъ водится, слово за слово, да и дошло до того, что онъ на меня, и ну бить меня, колотить, душить и топтать.

ФИДИППИДЪ. Развѣ того не заслужилъ ты, когда осмѣлился не хвалить премудраго Еврипида?

СТРЕПСІАДЪ. Онъ премудрый? — Я бы тебѣ сказалъ... Но ты опять побьешь меня.

ФИДИППИДЪ. И по дѣломъ!

СТРЕПСІАДЪ. Какъ по дѣломъ! — Безсовѣстный! не я ли вскормилъ, вспоилъ тебя? Не я ли отгадывалъ желанія твои, тогда какъ ты еще и говорить не умѣлъ. Скажешь ты бывало, *пить*, я тебя тотчасъ напою; попросишь ли *папы*, я хлѣба подамъ. Всѣ нужды твои предупреждалъ. Ахъ! лучше опять пріохотьсяся ты къ лошадямъ! это мнѣ легче; и я готовъ тебѣ содержать четверню, лишь бы не быть биту.

ФИДИППИДЪ. Вотъ ты уже перебиваешь рѣчь мою: но я первое спрашиваю тебя, бивалъ ли ты меня, пока я малъ былъ?

СТРЕПСІАДЪ. Я?—Бивалъ: но съ хорошимъ намѣреніемъ, желая тебѣ добра.

ФИДИППИДЪ. Такъ скажи мнѣ теперь: если бить значитъ желать добра, то не имѣю ли я равнаго права побить тебя съ такимъ же хорошимъ намѣреніемъ? И почему бы твоей спинѣ быть свободной отъ ударовъ, а не моей? я такой же свободнорожденный гражданинъ, какъ и ты. Но ты скажешь: дѣтей отцамъ можно бить, а не дѣтямъ отцовъ: не такъ ли?

СТРЕПСІАДЪ. А какъ же?

ФИДИППИДЪ. Хорошо! — Ты говоришь, что такая власть отцамъ надъ дѣтьми дана законами; а я въ этомъ тебя оспариваю: потому что старики вторично становятся дѣтьми, и по сей причинѣ приличнѣе бить ихъ, нежели дѣтей; ибо и погрѣшать имъ непростительнѣе.

СТРЕПСІАДЪ. Но гдѣ же слыхано о такомъ законѣ, который бы дозволялъ дѣтямъ бить отцовъ своихъ?

ФИДИППИДЪ. А первый, который предложилъ о семъ законѣ предкамъ нашимъ и убѣдилъ ихъ принять оный, развѣ не такой же человѣкъ былъ, какъ ты и я? Такъ почему же бы я не имѣлъ права предписать законъ, которымъ бы дозволялось впредь дѣтямъ бить отцовъ своихъ? — За побои, которые мы уже получили отъ васъ до положенія сего закона, мы взыскивать не станемъ, пускай это остается при васъ въ барышахъ: но впредь дѣло другое! — Посмотри на пѣтуховъ и на прочихъ животныхъ, какъ они дерутся съ отцами своими, и видишь ли ты какую-нибудь разницу между ими и нами, кромѣ той только, что не пишутъ законовъ, какъ мы?

СТРЕПСІАДЪ. Если во всемъ подражать пѣтухамъ, то для чего же ты не ѣшь навоза и не спишь на жердочкѣ?

ФИДИППИДЪ. О! нѣтъ, батюшка, этого и Сократу не придумать.

СТРЕПСІАДЪ. Хорошо; только не бей меня; если же не уймешься, то самъ на себя будешь пенять.

ФИДИППИДЪ. Какимъ образомъ!

СТРЕПСІАДЪ. Такимъ, что мое право битъ тебя, а твое, своего сына, когда онъ родится у тебя.

ФИДИППИДЪ. А если не родится, то побои мнѣ даромъ, а ты посмѣешься надо мною, да и съ тѣмъ въ могилу?

СТРЕПСІАДЪ. Ахъ! сверстники мои!... Онъ, кажется мнѣ, дѣло говоритъ; и мнѣ остается только безспорно уступить его доводамъ. Дѣлая беззаконія, мы заслуживаемъ и побои.

ФИДИППИДЪ. Послушай еще новое заключеніе....

СТРЕПСІАДЪ. Я и отъ старыхъ уже погибъ.

ФИДИППИДЪ. Можетъ быть, ты не будешь и сожалѣть о томъ, что случилось съ тобою.

СТРЕПСІАДЪ. Это какъ? — Научи, пожалуй, какая мнѣ будетъ польза отъ побоевъ?

ФИДИППИДЪ. Та, что я и матушку, какъ тебя побью.

СТРЕПСІАДЪ. Что ты говоришь! — Что ты говоришь! — Это всего хуже будетъ!

ФИДИППИДЪ. Каково же тебѣ покажется, если я употреблю одну изъ наукъ моихъ на то, чтобы, оспоривъ тебя, доказать, что должно и матушку побить?

СТРЕПСІАДЪ. Что и говорить! — Если и это ты докажешь, то тебя съ Сократомъ и съ кривымъ толкомъ вашимъ останется только столкнуть въ пропасть. Вотъ, до чего вы довели меня, Облака, вы, коимъ я повѣрилъ судьбу свою!

ХОРЪ. Вини въ томъ самаго себя, ибо ты покусился на безчестныя дѣла.

СТРЕПСІАДЪ. Такъ вы мнѣ не по истинѣ совѣтовали, а хотѣли только испытать старика, простяка деревенскаго?

ХОРЪ. Мы всегда такъ поступаемъ съ тѣми, въ коихъ замѣчаемъ склонности къ дурнымъ поступкамъ, и ввергаемъ ихъ въ бездну напастей, доколѣ они не познаютъ, что должно боговъ страшиться.

СТРЕПСІАДЪ. Жестокъ приговоръ вашъ, Облака,—но справедливъ! Мнѣ бы не слѣдовало отпираться отъ платежа долговъ моихъ. Ну! ну, любезный! Пойдемъ вмѣстѣ, прибьемъ Херефона и Сократа: они и тебя и меня обманули.

ФИДИППИДЪ. Пристойно ли мнѣ обижать наставниковъ моихъ?

СТРЕПСІАДЪ. Послушайся ты меня, почти бога отцовъ нашихъ, Зевса.

ФИДИППИДЪ. Вотъ тебѣ и Зевсъ, богъ отцовъ нашихъ! Экой старинный бредъ! Да кто таковъ Зевсъ?

СТРЕПСІАДЪ. Охъ!—есть Зевсъ!

ФИДИППИДЪ. А я тебѣ говорю, что нѣтъ его! Не самъ ли ты сказывалъ, что на небѣ царствуетъ *вихрь*, изгнавшій Зевса.

СТРЕПСІАДЪ. Не изгналъ его; а я только Зевса почиталъ вихремъ. Несчастный я человѣкъ!

ФИДИППИДЪ. Оставайся же, батюшка: сердись и колоброд, сколько хочешь.

СТРЕПСІАДЪ *(одинъ)*. О безуміе! До какого изступленія я доходилъ, что могъ, повѣривъ Сократу, отречься отъ боговъ! Эрмій [1])! дражайшій Эрмій! не гнѣвайся на меня! не погуби меня! но прости мнѣ, погрѣшившему отъ легкомыслія, и подай совѣтъ, итти ли на него съ жалобою въ судъ, или нѣтъ. Какъ ты думаешь?—*(вслушивается)* э—э! Ты дѣло совѣтуешь: не заводить тяжбы, а какъ можно скорѣе сжечь домъ этихъ пустомелей и самохваловъ. Сюда!—сюда!—Ксантій! выноси сюда лѣстницу! Выноси ломъ! И если любишь господина своего, то взлѣзь на эту школу, и ломай кровлю до тѣхъ поръ, пока домъ повалится на нихъ. А мнѣ—эй! кто-нибудь изъ васъ! подайте сюда зажженный факелъ!—Сколько они ни заносчивы, но сегодня я заставлю ихъ расплатиться со мною.

УЧЕНИКЪ. Ой! ой! *(внутри дома)*.

СТРЕПСІАДЪ. Факелъ! послужи мнѣ сего дня! пылай, какъ можно болѣе!

УЧЕНИКЪ *(выбѣгаетъ)*. Что ты тамъ дѣлаешь?

СТРЕПСІАДЪ. Такъ, ничего: философское прѣніе зашло между мною и вашими стропилами.

СОКРАТЪ *(въ окно)*. Кто это тамъ домъ поджигаетъ?

---

[1]) *Эрмій! дражайшій! Эрмій — Эрмы Ερμαι*, столпы съ изображеніемъ Эрміевой головы стояли на всѣхъ улицахъ Аѳинскихъ: надобно полагать, что къ одному изъ таковыхъ столповъ Стрепсіадъ подходитъ и спрашиваетъ у него совѣта.

СТРЕПСІАДЪ. Тотъ, который у васъ учился.

СОКРАТЪ. Погубилъ! погубилъ!

СТРЕПСІАДЪ. Того-то я и хочу, лишь бы только факелъ не измѣнилъ надеждамъ моимъ, да я бы не свалился прежде времени и не сломилъ бы себѣ шеи.

СОКРАТЪ. Да что же ты и въ подлинну тамъ дѣлаешь, на кровлѣ?

СТРЕПСІАДЪ. *Парю по воздуху и наблюдаю солнце.*

СОКРАТЪ. Увы, несчастный! я задохся отъ дыму!

ХЕРЕФОНЪ. А я, бѣдный, весь опаленъ!

СТРЕПСІАДЪ. А! га!—Вы ученіемъ вашимъ ругаетесь надъ богами? Наблюдайте же теперь теченіемъ луны—ребята! живо! ломайте! валите!—Они во многомъ виноваты, но особливо въ томъ, что самихъ боговъ оскорбляли.

ХОРЪ. Выходите вонъ!—Сегодня мы вдоволь наплясались.

Муравьевъ-Апостолъ.

Примѣч.—Поэтъ хотѣлъ въ этой комедіи показать, какое пагубное вліяніе имѣли софисты на убѣжденія и образъ дѣйствій Аѳинянъ. Воспитаніе юношества стало упадать, вѣрованія религіозныя начали колебаться, благодаря софистамъ. Смыслъ «Облаковъ» обстоятельно объясненъ профес. *Стасюлевичемъ.* Приводимъ его слова:

«Что касается до Сократа, то Аристофанъ вывелъ его на сцену вмѣстѣ съ противоположною ему крайностью, и вывелъ, разумѣется, такъ, какъ они представляли другъ друга. Теперь понятна будетъ причина, почему въ комическомъ Сократѣ заключаются нѣкоторыя черты, которыхъ не было въ историческомъ: Аристофанъ представлялъ Сократа такимъ, какимъ онъ казался своимъ врагамъ, со всѣми слухами, которые они могли распускать о немъ, не отличая его отъ другихъ софистовъ. Иначе возможно ли было бы Аристофану утверждать, напримѣръ, о платѣ, которую будто бы бралъ Сократъ за уроки; подобная ложь могла бы скорѣе повредить ему самому, чѣмъ Сократу. Можетъ быть, нѣкоторые будутъ считать возраженіемъ нашему положенію о нейтральности Аристофана то мнѣніе, будто бы его комедія была даже дурно принята, потому что Аристофанъ осмѣялъ Сократа, который ужъ пользовался уваженіемъ въ обществѣ. Но въ свою защиту противъ этого мнѣнія мы можемъ сказать то, что вмѣстѣ съ Аристофановыми «Облаками» шла еще и другая комедія Амипсіи «Коннъ», гдѣ также осмѣивается Сократъ, а между тѣмъ Амипсія получилъ вторую награду. Коннъ былъ учителемъ Сократа въ музыкѣ, и о немъ упоминаетъ также Аристофанъ, какъ о пѣвцѣ «съ высохшимъ вѣнкомъ на головѣ и съ пересохшимъ горломъ». Самая комедія до насъ не дошла въ цѣлости, и мы имѣемъ отъ нея одни фрагменты и въ одномъ-то изъ этихъ фрагментовъ Амипсія представляетъ Сократа совершенно такимъ же, какимъ мы его видимъ въ «Облакахъ». Послѣ этого можно легко судить, въ какой степени справедливо извѣстіе одного извѣстнаго аргументатора къ «Облакамъ» о томъ, что Алкивіадъ, ученикъ Сократа, и его сверстники заставили силою судей не одобрять Аристофановой комедіи. При томъ этотъ разсказъ противорѣчитъ и собственнымъ словамъ Аристофана, который въ извѣстномъ намъ парабасѣ [1]), упрекаетъ судей не въ трусости, а просто въ

[1]) См. выше, стр. 413.

невѣжествѣ и въ неумѣніи оцѣнивать хорошія произведенія. Но нейтральность Аристофана, которую мы старались вывести изъ самой его комедіи, лучше всего объясняетъ намъ причину дурнаго пріема «Облаковъ». Осмѣявъ обѣ противоположныя крайности и не держась ни той, ни другой, Аристофанъ, конечно, не могъ ожидать себѣ одобренія ни отъ кого изъ зрителей, или, по крайней мѣрѣ, отъ весьма немногихъ. Подтвержденіе тому мы находимъ у Ѳукидида, который раздѣляетъ современное ему общество въ Аѳинахъ на три партіи: 1) партію старины; 2) новизны и 3) среднюю между первыми двумя и о послѣдней изъ нихъ, нейтральной, говоритъ слѣдующее: «нейтральные изъ гражданъ погубляются обѣими сторонами, или за то, что они не содѣйствуютъ имъ, или по зависти, что они одержатъ верхъ». Подобная участь, вѣроятно, постигла и Аристофана, какъ комика нейтральнаго.

«Мы указали выше на хорошія отношенія Аристофана къ Сократу [1]) и въ особенности къ его ученику Платону; все это еще болѣе утверждаетъ насъ въ томъ мнѣніи, что Аристофанъ былъ только вѣрнымъ изобразителемъ современнаго ему понятія о Сократѣ. Потому, хотя мы и соглашаемся съ Дройзеномъ въ томъ, что болѣе всего нужна защита Сократу, но только не отъ Аристофана, а отъ воззрѣнія на него современниковъ; такъ что вопросъ Дройзена для насъ приметъ слѣдующую форму: почему современники Сократа имѣли такое превратное понятіе о мужѣ, признанномъ въ послѣдствіи геніальнымъ и въ высшей степени нравственнымъ человѣкомъ?

«Лучшій отвѣтъ на предложенный нами вопросъ должно искать въ политическомъ положеніи современнаго комедіи Аѳинскаго общества, и въ такомъ случаѣ «Облака» являются намъ во всей важности ихъ историческаго значенія. Здѣсь мы увидимъ живой, одушевленный образъ тогдашняго общественнаго и государственнаго быта Аѳинъ, со всѣми его частностями и съ указаніемъ тайныхъ пружинъ дѣйствій, которыя ускользали иногда и отъ самого историка. Каждому извѣстно, что конецъ пятаго столѣтія, къ которому принадлежитъ и наша комедія, былъ для Греціи временемъ революціоннымъ. Въ отношеніи политическомъ мы замѣчаемъ паденіе древнихъ формъ государственнаго устройства, аристократическаго и демократическаго, чему много способствовали двѣ предшествовавшія войны: Персидская и Пелопоннисская. Сколько разъ во время ихъ Аѳины были спасаемы тѣми, которые до сихъ поръ не имѣли никакого участія въ государственномъ управленіи, которые едва даже считались людьми. Эти заслуги должны были дать имъ значеніе въ обществѣ и въ государствѣ. Слѣды такого политическаго переворота отразились и въ нашей комедіи. Стрепсіадъ со вздохомъ вспоминаетъ о старомъ, блаженномъ времени, и говоритъ:

— Будь ты проклята, война (Пелопоннисская), по многимъ причинамъ, да и потому, что теперь нельзя побить и слугъ своихъ.

То же самое въ другой сценѣ:

— У насъ нѣтъ больше масла въ лампѣ,— докладываетъ слуга Стрепсіаду.

---

[1]) Въ Платоновомъ діалогѣ «Пиръ» Сократъ представляется въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Аристофану. Сократъ ходилъ въ театръ весьма рѣдко, и то, когда шла какая-нибудь трагедія Еврипида. Узнавъ, что Аристофанъ выводитъ его самого на сцену, Сократъ взялъ мѣсто въ театрѣ и притомъ такое, откуда могли бы его всѣ видѣть. Когда началось представленіе, Сократъ всталъ съ своего мѣста и стоялъ въ продолженіи всего представленія съ тѣмъ, чтобы зрители могли, по его словамъ, удобнѣе дѣлать сравненіе оригинала и снимка. *Стасюлевичъ.*

— Какъ! — закричалъ Стрепсіадъ, зачѣмъ же ты засвѣтилъ толстую свѣтильню? Поди сюда! вотъ я тебя отколочу!

— Скажи пожалуйста, *за что?* — возражаетъ ему слуга.

«Такимъ образомъ исторія и время стали убѣждать Аѳинянъ въ шаткости ихъ прежняго государственнаго устройства. Въ самомъ дѣлѣ, то, что до Персидскихъ войнъ было достаточною связью и опорою общества, теперь вдругъ стало дѣлаться не вполнѣ удовлетворительнымъ; что прежде было законно и справедливо, то превратилось въ тираннію, сдѣлалось величайшею несправедливостью. Прежнее аристократическое и демократическое устройство, такъ правильно развившееся изъ историческаго образованія первыхъ Греческихъ государствъ, и совершенно удовлетворявшее ихъ первымъ потребностямъ, теперь, когда примѣры и опытъ убѣдили въ необходимости и важности сословія, не имѣвшаго до сихъ поръ никакого политическаго значенія, — теперь такое государственное устройство сдѣлалось для новаго сословія стѣснительнымъ и несправедливымъ.

«Съ паденіемъ древняго политическаго общества должно было пасть все то, что оно произвело на пути своего развитія, какъ образованіе, такъ и нравственность, религія. Что же изъ этого произошло? Конечно, всѣ граждане должны были раздѣлиться на двѣ партіи: одни видѣли свою выгоду въ удержаніи древняго устройства, другіе, напротивъ, сообразно съ своими видами, вооружались противъ старины, и стремились къ утвержденію новаго порядка. При взаимной противоположности этихъ двухъ сторонъ, борьба между ними была неизбѣжна. Все, что казалось однимъ истиннымъ, добрымъ и прекраснымъ, все это въ глазахъ противниковъ было ложью, возмущеніемъ, мятежемъ. Никто не описалъ такъ прекрасно этотъ переворотъ въ Греціи, не только политическій, но и нравственный, какъ Ѳукидидъ въ своей исторіи Пелопоннисской войны. «Въ то время, говоритъ онъ, всѣ государства колебались отъ внутреннихъ возмущеній, если же гдѣ-нибудь эти возмущенія появлялись позже, то здѣсь они превосходили даже тѣ, о которыхъ прежде туда приносились только слухи, какъ безпрестанною страстью къ перемѣнамъ, такъ и чрезвычайною хитростью въ погубленіи непріятеля и неслыханными злодѣяніями. Даже употребительное значеніе словъ было измѣняемо каждымъ по произволу. Ибо безразсудная храбрость теперь называлась мужественною привязанностью къ друзьямъ, а разсудительная храбрость считалась благовидною трусостью; въ умѣренности видѣли предлогъ слабости, въ обдуманности — лѣность. Безсмысленная отвага приписывалась доблести; медленность же съ неоднократнымъ обдумываніемъ принимались за благовидный предлогъ къ уклоненію отъ дѣла. Кто былъ дерзокъ, тотъ снискивалъ довѣріе, а кто ему противорѣчилъ, вѣрность того подвергалась сомнѣнію. Кто строилъ другому козни, и они ему удавались, того прославляли умнымъ человѣкомъ; кто предусматривалъ такія козни, тотъ считался еще хитрѣе; кто же въ нихъ не хотѣлъ нуждаться, тотъ объявлялся нарушителемъ дружбы и трусомъ. Главнымъ образомъ, кто превосходилъ другаго несправедливостью, и кто побуждалъ къ тому и другаго, тотъ превозносился похвалами. Даже друзья предпочитались родственникамъ».

«При такомъ переворотѣ должны были явиться люди двоякаго рода, сообразно съ помянутымъ нами выше дѣленіемъ самого общества на двѣ партіи. Одни обратились къ старинѣ, думая въ ней найдти спасеніе обществу отъ угрожающей ему гибели; вздыхали о блаженномъ времени своихъ предковъ, какъ о потерянномъ раѣ, и доказывали вредъ образованія. Легко было замѣтить всю несообразность и неудобоисполняемость подобной утопіи, и потому

другіе безъ труда осмѣяли ихъ, и тѣмъ, подкопавъ старину, приготовили третьимъ возможность позаботиться объ устройствѣ общества на основаніи новыхъ началъ, сообразныхъ съ современностью. Въ лицѣ семейства Стрепсіада Аристофанъ представилъ свое общество, утопающее въ роскоши и ищущее средствъ выйдти изъ своего бѣдственнаго положенія. Правда и неправда предлагаютъ свои услуги. Правда рисуетъ утопію; неправда все опровергаетъ, во всемъ сомнѣвается и все представляетъ въ смѣшномъ видѣ. Приверженцами послѣдняго направленія въ тогдашнемъ обществѣ были софисты, которыхъ и должно считать главною виною всего переворота Греціи въ V-мъ столѣтіи. Обыкновенно софисты пользовались дурною славою, и долгое время не умѣли оцѣнить ихъ истинное значеніе въ исторіи Греціи. Геренъ съ одной стороны весьма справедливо сравниваетъ софистовъ по ихъ историческому значенію съ схоластиками среднихъ вѣковъ. Утонченныя изслѣдованія тѣхъ и другихъ, повидимому, пустыя словопренія, логомахіи, имѣли большую важность для всего будущаго, нежели какъ это можетъ показаться съ перваго разу. Софисты были необходимымъ явленіемъ для того положенія общества, въ которомъ представляетъ намъ его Θукидидъ, когда, по словамъ историка, все сдѣлалось двусмысленнымъ, когда въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ одни называли истиннымъ, добрымъ и прекраснымъ то, что другимъ казалось ложью, очевидною неправдой и безнравственностью. Очевидно, новое поколѣніе, которое стояло на рубежѣ этого переворота, не могло не спросить: «что же такое истина»? — «что можно назвать добрымъ»? А сколько разъ такіе отвлеченные вопросы влекли за собою преобразованіе. Въ V-мъ столѣтіи эти же самые вопросы заданы были софистами. Современному имъ приверженцу старины они должны были казаться людьми, которые спорятъ о пустомъ, de lana caprina. Этотъ-то смыслъ и имѣютъ насмѣшки надъ ученіемъ Сократа и его диспутами, которыя мы читали въ комедіи. Противникамъ Сократа казалось, что выгода и польза всѣхъ изысканій софистовъ будетъ равняться результатамъ разрѣшеннаго ими вопроса о скачкѣ блохи, или о томъ, какою частью тѣла поетъ комаръ, и т. п. Съ другой стороны, если задачи софистовъ не казались старинѣ пустыми, то во всякомъ случаѣ онѣ были для нея лишними. Къ чему, говорила она, рѣшать тѣ или другіе вопросы, когда общество успѣло уже прожить такъ много и своею жизнью разрѣшило ихъ давно? — Но какъ оно рѣшило? будетъ ли это рѣшеніе годно при дальнѣйшихъ успѣхахъ человѣческой мысли? Это такіе вопросы, на которые дальнѣйшая исторія Греціи отвѣтила отрицательно. Но въ то время, какъ изслѣдованіе различныхъ отвлеченныхъ вопросовъ однимъ казалось пустою и лишнею игрою празднаго ума, другіе хорошо понимали всю важность ея результатовъ, и они стали въ оппозиціи новому ученію. Потому-то одни въ Аѳинахъ осмѣивали софистовъ, другіе возстали противъ нихъ съ обвиненіями, какъ противъ возмутителей общественнаго спокойствія, людей опасныхъ, для которыхъ нѣтъ ничего святаго, ни завѣтнаго. А что, спросите вы, разумѣли приверженцы старины подъ общественнымъ спокойствіемъ, что считалось у нихъ святымъ, когда они упрекали софистовъ въ нарушеніи всего этого? Для нихъ старина была все, новаго они совсѣмъ не понимали, и потому очевидно на ихъ языкѣ: «не вѣрить ни во что» значило: «не вѣрить въ старое». Справедливо, что Греческіе софисты утверждали: нѣтъ ничего истиннаго; но если принять въ соображеніе, что они это говорили, отвергая старину, то развѣ они не были правы? Не создавъ ничего новаго и понимая неосновательность стараго, они были справедливы даже и въ отношеніи къ самимъ себѣ: не вѣря въ старое, не имѣя новаго, они сказали правду и для себя, что нѣтъ *ничего* истиннаго.

«Но при одномъ отрицаніи человѣкъ не можетъ оставаться долго, и потому за софистами-отрицателями явился новый разрядъ софистовъ, которыхъ можно назвать положительными. Главою этихъ послѣднихъ былъ Сократъ, самый опаснѣйшій изъ софистовъ для приверженцевъ старины. Онъ имѣлъ общій корень съ софистами-отрицателями, но отличался отъ нихъ тѣмъ, что сталъ положительно заботиться объ устройствѣ государства и общества по новымъ идеямъ, сообразнымъ съ требованіемъ времени. Это послѣднее обстоятельство дѣлало Сократа еще болѣе ненавистнымъ для приверженцевъ старины, чѣмъ для нихъ были остальные софисты. Софисты, ниспровергая все и не создавая ничего, сами вооружали другихъ противъ себя, между тѣмъ какъ Сократъ своимъ положительнымъ направленіемъ привлекалъ къ себѣ очень многихъ, и сдѣлался такимъ образомъ настоящимъ реформаторомъ язычества. Хотя Сократъ обратился къ умственной и нравственной сторонѣ общества, но онѣ такъ связаны были въ Греціи съ ея политическимъ устройствомъ, что и оно не могло не почувствовать на себѣ вліянія новаго ученія. Но чѣмъ же это ученіе должно было казаться приверженцамъ старины? Очевидно, въ отношеніи политическомъ оно было бунтомъ, мятежемъ, въ отношеніи нравственномъ—развращеніемъ нравовъ и безбожіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, при новомъ понятіи гражданина, которое появилось въ слѣдствіе ученія софистовъ и Сократа, старыя формы государственнаго устройства—демократическая и аристократическая—оказались негодными, ибо при нихъ гражданами въ государствѣ могли быть нѣкоторые; потому съ этого времени начинаетъ являться въ Греціи стремленіе къ монархической власти, которая была также отличною отъ древней монархической власти въ Греціи, какъ монархія Ромула отъ монархіи Октавія Августа. Это стремленіе къ монархіи сдѣлалось также замѣтнымъ со времени софистовъ, и Сократа упрекали современники не рѣдко въ привязанности къ Спартанцамъ, что въ то время считалось за одно и то же съ привязанностью къ монархіи. Теперь понятно, почему приверженцы аристократіи и демократіи должны были смотрѣть на ученіе Сократа, какъ на мятежъ противъ существующихъ постановленій.

«Умственное и нравственное преобразованіе Сократа для приверженцевъ старины должно было имѣть тотъ же самый характеръ, какъ и политическое. Въ самомъ дѣлѣ, вдругъ говорятъ Греку, что нѣтъ Зевса, Аполлона, Аѳины, Афродиты, и другихъ подобныхъ имъ божествъ. Между тѣмъ онъ былъ воспитанъ и вскормленъ съ мыслью о ихъ святости и могуществѣ. Религіозное чувство, прирожденное каждому человѣку, въ Грекѣ было такъ тѣсно связано съ поклоненіемъ Зевсу и ему подчиненнымъ божествамъ, что отнять у него ихъ значило не только оскорбить религіозное чувство, но и вовсе его уничтожить. Нѣтъ Зевса—и нѣтъ религіознаго чувства. Дѣйствительно, люди слабые по уму и характеру, но однако при всемъ томъ понимавшіе пустоту и ничтожность прежняго религіознаго ученія, дѣлались потому часто безнравственными и доставляли тѣмъ приверженцамъ старины еще болѣе опоры противъ реформаторовъ. Они указали на эти аномаліи, какъ на неизбѣжное слѣдствіе новаго ученія и какъ на примѣры того, къ чему можетъ привести привязанность къ нему.

«И такъ, теперь мы можемъ сказать, что если Аристофанъ представилъ Сократа въ своей комедіи «Облака» мятежникомъ и безбожникомъ, то онъ былъ совершенно правъ, потому что Сократъ дѣйствительно казался такимъ большей части своихъ гражданъ. Съ другой стороны, и эти послѣдніе будутъ правы, если мы будемъ ихъ судить съ ихъ собственной точки зрѣнія. Считая только одну древнюю демократію и аристократію законнымъ государ-

ственнымъ устройствомъ, приверженцы не могли иначе смотрѣть на Сократа и на его новое политическое направленіе, какъ на возмущеніе общественнаго спокойствія. Образованіе наукъ въ слѣдствіе изысканій софистовъ было въ ихъ глазахъ причиною всего переворота, а потому они осудили и науки, какъ средство къ развращенію нравовъ юношества и къ вооруженію его противъ древней демократіи и аристократіи. Наконецъ, услышавъ отверженіе Зевса и другихъ младшихъ боговъ, приверженцы старины не могли не видѣть въ Сократѣ богоотступника и безбожника, а разумъ, на который указывала натуральная школа, какъ на верхнее божество, для нихъ былъ такимъ же софизмомъ, какъ и все прочее, чему учили софисты.

«Но мы уже не стоимъ и не можемъ стоять на точкѣ зрѣнія противниковъ Сократа, и потому, нисколько не противорѣча имъ, можемъ по прежнему считать Сократа геніальнымъ и высоко нравственнымъ человѣкомъ. Собственно говоря, представленіе Сократа и его ученія, какъ мы то находимъ въ «Облакахъ», есть въ свою очередь такой же софизмъ со стороны приверженцевъ старины, и сами они были такими же софистаи, какъ и Сократъ, съ тѣмъ различіемъ, что ученіе Сократа было только въ ихъ глазахъ софизмомъ, а ихъ мнѣніе о Сократѣ осталось софизмомъ и для всего послѣдующаго времени». (Москвитянинъ 1851, № 23).

РУССКАЯ КОМЕДІЯ.

НЕДОРОСЛЬ [1]).

Дѣйствующія лица.

Простаковъ.
Простакова, жена его.
Митрофанъ, сынъ ихъ, недоросль.
Еремѣевна, мама Митрофанова.
Правдинъ.
Стародумъ.
Софья, племянница Стародума.
Милонъ, офицеръ.
Скотининъ, братъ Простаковой.
Кутейкинъ, семинаристъ.
Цыфиркинъ, отставной сержантъ.
Вральманъ, учитель.
Тришка, портной.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА, МИТРОФАНЪ, ЕРЕМѢЕВНА.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(осматривая кафтанъ на Митрофанѣ).* Кафтанъ весь испорченъ. Еремѣевна, введи сюда мошенника Тришку

---

[1]) Мы пользовались изданіемъ 1817 г. и держались орѳографіи этого изданія.

(*Еремѣевна отходитъ*). Онъ, воръ, вездѣ его обузилъ. Митрофанушка другъ мой! Я чаю тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца. (*Митрофанъ отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА, ЕРЕМѢЕВНА, ТРИШКА.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*Тришкѣ*). А ты, скотъ, подойди поближе. — Не говорилаль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ ширѣ. Дитя, первое, ростетъ; другое, дитя и безъ узкова кафтана диликатнова сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

ТРИШКА. Да вить я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну да извольте отдавать портному.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько? Экое скотское разсужденіе!

ТРИШКА. Да вѣть портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ища онъ же и споритъ. Портной учился у другова, другой у третьева; да первоетъ портной у ково же учился? говори скотъ.

ТРИШКА. Да первоетъ портной можетъ быть шилъ хужѣ и моево.

МИТРОФАНЪ (*вбѣгаетъ*). Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотъ часъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Такъ поди же вытащи ево, коли добромъ не дозовешься.

МИТРОФАНЪ. Да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ПРОСТАКОВЪ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Што, што ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чево я дожила съ твоимъ потворствомъ. Какова сыну обновка къ дядину сговору? Каковъ кафтанецъ Тришка сшить изволилъ?

ПРОСТАКОВЪ (*отъ робости запинаясь*). Мѣ - - - мѣшковатъ не много.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

ПРОСТАКОВЪ. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

ПРОСТАКОВЪ. При твоихъ глазахъ мои ничево не видятъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь. Я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И СКОТИНИНЪ.

СКОТИНИНЪ. Ково? за што? въ день моево сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такова праздника отложить наказаніе до завтрева, а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, естьли у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою; да за штожъ ты такъ прогнѣвалась?

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Да вотъ, братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофонушка, подойди сюда. Мѣшковатъ ли этотъ кафтанъ?

СКОТИНИНЪ. Нѣтъ.

ПРОСТАКОВЪ. Да я и самъ уже вижу, матушка, што онъ узокъ.

СКОТИНИНЪ. Я и этова не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшитъ изряднехонько.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(Тришкѣ)*. Выди вонъ, скотъ. — *(Еремѣевнѣ)*. Подижъ, Еремѣевна, дай позавтракать ребенку. Вишь я чаю скоро и учители придутъ.

ЕРЕМѢЕВНА. Онъ ужа и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе! изволь смотрѣть.

ЕРЕМѢЕВНА. Да во здравіе, матушка. Я вить сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковалъ до самова утра.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ахъ, мати Божія! што съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

МИТРОФАНЪ. Такъ, матушка. Вчера послѣ ужина схватило.

СКОТИНИНЪ. Да видно, братъ, поужиналъ ты плотно.

МИТРОФАНЪ. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ.

ПРОСТАКОВЪ. Помнится, другъ мой, ты што-то скушать изволилъ.

МИТРОФАНЪ. Да што! солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть.

ЕРЕМѢЕВНА. Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлой кувшинецъ выкушать изволилъ.

МИТРОФАНЪ. И теперь какъ шельной хожу. Ночь всю така дрянь въ глаза лезла.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Какаяжъ дрянь, Митрофанушка?

МИТРОФАНЪ. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Какъ же это?

МИТРОФАНЪ. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

ПРОСТАКОВЪ *(въ сторону)*. Ну! бѣда моя! сонъ въ руку!

МИТРОФАНЪ *(разнѣжась)*. Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(съ досадою)*. Ково, Митрофанушка?

МИТРОФАНЪ. Тебя, матушка, ты такъ устала колотя батюшку.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Обойми меня, другъ мой сердечной! Вотъ сынокъ, одно мое утѣшеніе.

СКОТИНИНЪ. Ну, Митрофанушка! ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

ПРОСТАКОВЪ. По крайней мѣрѣ я люблю ево какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное, забавникъ, затѣйникъ; иногда я отъ нево внѣ себя, и отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

СКОТИНИНЪ. Только теперь забавникъ нашъ стоитъ што-то нахмурясь.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ?

МИТРОФАНЪ. Нѣтъ, нѣтъ, матушка. Я ужъ лучше самъ выздоровлю. Побѣгутка теперь на голубятню, такъ авосьлибо....

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Такъ авосьлибо Господь милостивъ. Поди, порѣзвись, Митрофанушка. *(Митрофанъ съ Еремѣевной отходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА, ПРОСТАКОВЪ, СКОТИНИНЪ.

СКОТИНИНЪ. Штожъ я не вижу моей невѣсты? гдѣ она? Ввечеру быть ужъ сговору, такъ не пора ли ей сказать, что выдаютъ ее замужъ?

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Успѣемъ, братецъ. Естьли ей это сказать прежде времени, то она можетъ еще подумать, что мы ее докладываемся. Хотя по мужѣ, однако я ей свойственница; а я люблю, чтобъ и чужіе меня слушали.

ПРОСТАКОВЪ *(Скотинину)*. Правду сказать. Мы поступили съ Софьюшкой какъ съ сущею сироткой. Послѣ отца осталась она младенцемъ. Тому съ полгода, какъ ея матушкѣ, а моей сватьюшкѣ сдѣлался ударъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(показывая будто креститъ сердце)*. Съ нами сила крестная.

ПРОСТАКОВЪ. Отъ которова она и на тотъ свѣтъ пошла. Дядюшка ея г. Стародумъ поѣхалъ въ Сибирь: а какъ нѣсколько уже лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни вѣсти, то мы и считаемъ ево

покойникомъ. Мы видя, что она осталася одна, взяли ее въ нашу деревеньку, и надзираемъ надъ ея имѣніемъ, какъ надъ своимъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Што, што ты севодни такъ разоврался, мой батюшка? Еще братецъ можетъ подумать, что мы для интересу ее къ себѣ взяли.

ПРОСТАКОВЪ. Ну, какъ матушка ему это подумать? Вить Софьюшкино недвижимое имѣніе намъ къ себѣ придвинуть не можно.

СКОТИНИНЪ. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчикъ. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на ково не билъ челомъ: а всякой убытокъ, чемъ за нимъ ходить, сдеру съ своихъ же крестьянъ: такъ и концы въ воду.

ПРОСТАКОВЪ. То правда, братецъ, весь околотокъ говоритъ, что ты мастерски оброкъ собираешь.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Хоть бы ты насъ поучилъ, братецъ батюшка: а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничево уже содрать не можемъ. Такая бѣда!

СКОТИНИНЪ. Изволь, сестрица, поучу васъ, поучу, лишь женните меня на Софьюшкѣ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Неужели тебѣ эта дѣвчонка такъ понравилась?

СКОТИНИНЪ. Нѣтъ, мнѣ нравится не дѣвчонка.

ПРОСТАКОВА. Такъ по сосѣдству ея деревеньки?

СКОТИНИНЪ. И не деревеньки: а то, что въ деревенькахъ-то ея водится, и до чево моя смертная охота.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. До чево же, братецъ?

СКОТИНИНЪ. Люблю свиней, сестрица: а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, котора ставъ на задни ноги, не была бы выше каждова изъ насъ цѣлой головою.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ И СОФЬЯ.

(Софья вошла, держа письмо въ рукѣ и имѣя веселой видъ).

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(Софьѣ)*. Што такъ весела, матушка, чему обрадовалась?

СОФЬЯ. Я получила сей часъ радостное извѣстіе. Дядюшка, о которомъ столь долго мы ничево не знали, которова я люблю и почитаю, какъ отца моево, на сихъ дняхъ въ Москву пріѣхалъ. Вотъ письмо, которое я отъ нево теперь получила.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(испугавшись, съ злобою)*. Какъ! Стародумъ,

твой дядюшка, живъ! и ты изволишь затѣвать, что онъ воскресъ! Вотъ изрядной вымыселъ!

СОФЬЯ. Да онъ никогда не умиралъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Не умиралъ! а развѣ ему и умереть нельзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы, чтобъ дядюшкою своимъ насъ застращать, чтобъ мы дали тебѣ волю. Дядюшка-де человѣкъ умной; онъ увидя меня въ чужихъ рукахъ, найдетъ способъ меня выручить. Вотъ чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй не очень веселись; дядюшка твой конечно не воскресалъ.

СКОТИНИНЪ. Сестра! ну, да коли не умиралъ?

ПРОСТАКОВЪ. Избави Боже, коли онъ не умиралъ!

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(къ мужу)*. Какъ не умиралъ! что ты бабушку путаешь? Развѣ ты не знаешь, что ужъ нѣсколько лѣтъ отъ меня ево и въ памятцахъ за упокой поминали? Не ушто таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили! *(Къ Софьѣ)*. Письмецо-то мнѣ пожалуй *(почти вырываетъ)*. Я объ закладъ бьюсь, что оно какое-нибудь амурное. И догадываюсь отъ ково. Это отъ тово офицера, которой искалъ на тебѣ жениться и за которова ты сама итти хотѣла. Да которая бестїя безъ моево спросу отдаетъ тебѣ письма! Я доберусь. Вотъ до чево дожили. Къ дѣушкамъ письма пишутъ! дѣушки грамотѣ умѣютъ!

СОФЬЯ. Прочтите ево сами, сударыня. Вы увидите, что ничево невиннѣе быть не можетъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Прочтите ево сами! Нѣтъ, сударыня, я, благодаря Бога, не такъ воспитана. Я могу письма получать, а читать ихъ всегда велю другому. *(Къ мужу)*. Читай.

ПРОСТАКОВЪ *(долго смотря)*. Мудрено.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. И тебя, мой батюшка, видно воспитывали, какъ красную дѣвицу. Братецъ, прочти, потрудись.

СКОТИНИНЪ. Я! Я отъ роду ничево не читывалъ, сестрица! Богъ меня избавилъ этой скуки.

СОФЬЯ. Позвольте мнѣ прочесть.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. О, матушка, знаю, что ты мастерица, да лихъ не очень тебѣ вѣрю. Вотъ, я чаю, учитель Митрофанушкинъ скоро придетъ. Ему велю....

СКОТИНИНЪ. А ужъ зачали молодца учить грамотѣ?

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ахъ! батюшка братецъ! Ужъ года четыре какъ учится. Нѣчево, грѣхъ сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячекъ отъ Покрова Кутейкинъ. Арихметикѣ учитъ ево, батюшка, одинъ отставной сержантъ Цыфиркинъ. Оба они приходятъ сюда изъ города. Вить отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ, батюшка. По Француски и всѣмъ наукамъ обу-

чаетъ ево Нѣмецъ Адамъ Адамычь Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ. Сажаемъ за столъ съ собою. Бѣлье ево наши бабы моютъ. Куда надобно, лошадь. За столомъ стаканъ вина. На ночь сальная свѣча, и парикъ направляетъ нашъ же Фомка даромъ. Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка братецъ. Онъ ребенка не неволитъ. Вишь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недорослѣхъ, пота ево и понѣжить: а тамъ лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всево натерпится. Какъ кому щастье на роду написано, братецъ. Изъ нашей фамиліи Простаковыхъ, смотритка на боку лежа летятъ себѣ въ чины. Чѣмъ же плоше ихъ Митрофанушка? Ба! да вотъ пожаловалъ къ статѣ дорогой нашъ постоялецъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И ПРАВДИНЪ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Братецъ, другъ мой! рекомендую вамъ дорогова гостя нашева господина Правдина; а вамъ, государь мой! рекомендую брата моево.

ПРАВДИНЪ. Радуюсь сдѣлавъ ваше знакомство.

СКОТИНИНЪ. Хорошо, государь мой! а какъ по фамиліи? я не дослышалъ.

ПРАВДИНЪ. Я называюсь Правдинъ, чтобъ вы дослышали.

СКОТИНИНЪ. Какой уроженецъ, государь мой, гдѣ деревеньки?

ПРАВДИНЪ. Я родился въ Москвѣ, ежели вамъ то знать надобно, а деревни мои въ здѣшнемъ Намѣстничествѣ.

СКОТИНИНЪ. А смѣю ли спросить, государь мой! имяни и отечества не знаю, въ деревенькахъ вашихъ водются ли свинки?

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Полно, братецъ, о свиньяхъ-то начинать. Поговоримъ-ка лутче о нашемъ горѣ. *(Къ Правдину).* Вотъ батюшка! Богъ велѣлъ намъ взять на свои руки дѣвицу. Она изволитъ получать граматки отъ дядюшекъ. Къ ней съ тово свѣта дядюшки пишутъ. Сдѣлай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всѣмъ намъ въ слухъ.

ПРАВДИНЪ. Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писемъ безъ позволенія тѣхъ, къ кому они писаны.

СОФЬЯ. Я васъ о томъ прошу. Вы меня тѣмъ очень одолжите.

ПРАВДИНЪ. Естьли вы приказываете. *(Читаетъ).* «Любезная племянница! дѣла мои принудили меня жить нѣсколько лѣтъ въ разлукѣ съ моими ближними; а дальность лишила меня удовольствія имѣть о васъ извѣстія. Я теперь въ Москвѣ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири. Я могу служить примѣромъ, что трудами и честно-

стїю состоянїе свое сдѣлать можно. Сими средствами съ помощію щастія нажилъ я десять тысячъ рублей доходу....

СКОТИНИНЪ И ОБА ПРОСТАКОВЫ. Десять тысячъ!

ПРАВДИНЪ *(читаетъ)*. «Которымъ тебя, моя любезная племянница, тебя дѣлаю наслѣдницею»....

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Тебя наслѣдницею!
ПРОСТАКОВЪ. Софью наслѣдницею! } *вмѣстѣ.*
СКОТИНИНЪ. Ее наслѣдницею!

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(бросясь обнимать Софью)*. Поздравляю, Софьюшка! поздравляю, душа моя! Я внѣ себя съ радости. Теперь тебѣ надобенъ женихъ. Я, я лутчей невѣсты и Митрофанушкѣ не желаю. То-то дядюшка! То-то отецъ родной! Я и сама все-таки думала, что Богъ ево хранитъ, что онъ еще здравствуетъ.

СКОТИНИНЪ *(протянувъ руку)*. Ну! сестрица, скоряй же по рукамъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(тихо Скотинину)*. Постой, братецъ. Сперва надобно спросить ее, хочетъ ли еще она за тебя вытти?

СКОТИНИНЪ. Какъ! что за вопросъ! не ушто ты ее докладываться станешь!

ПРАВДИНЪ. Позволите ли письмо дочитать?

СКОТИНИНЪ. А на што? Да хоть пять лѣтъ читай, лучше десяти тысячъ не дочитаешься.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(къ Софьѣ)*. Софьюшка душа моя! пойдемъ ко мнѣ въ спальню. Мнѣ крайняя нужда съ тобой поговорить *(увела Софью)*.

СКОТИНИНЪ. Ба! такъ я вижу, что севодни сговору то врядъ и быть ли.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПРАВДИНЪ, ПРОСТАКОВЪ, СКОТИНИНЪ, СЛУГА.

СЛУГА *(къ Простакову запыхавшись)*. Баринъ! баринъ! солдаты пришли, остановились въ нашей деревнѣ.

ПРОСТАКОВЪ. Какая бѣда! ну! раззорятъ насъ до конца.

ПРАВДИНЪ. Чево вы испугались?

ПРОСТАКОВЪ. Ахъ ты, отецъ родной! мы ужъ видали виды. Я къ нимъ и появиться не смѣю.

ПРАВДИНЪ. Не бойтесь. Ихъ конечно ведетъ офицеръ, которой не допуститъ ни до какой наглости. Пойдемъ къ нему со мною. Я увѣренъ, что вы робѣете напрасно.

(Правдинъ, Простаковъ и слуга отходятъ).

СКОТИНИНЪ. Всѣ меня одново оставили. Пойти было прогуляться на скотной дворъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МИЛОНЪ, СОФЬЯ, ПРАВДИНЪ, СКОТИНИНЪ, ЕРЕМѢЕВНА И МИТРОФАНЪ.

ЕРЕМѢЕВНА. Да поучись хошь немножичко.

МИТРОФАНЪ. Ну, еще слово молви, старая хрычовка! Ужъ я те отдѣлаю: я опять нажалуюсь матушкѣ, такъ она тебѣ изволитъ дать таску по вчерашнему.

СКОТИНИНЪ. Подойди сюда, дружочикъ.

ЕРЕМѢЕВНА. Изволь подойти къ дядюшкѣ.

МИТРОФАНЪ. Здорово, дядюшка? Что ты такъ ощетиниться изволилъ?

СКОТИНИНЪ. Митрофанъ! гляди на меня прямѣе.

ЕРЕМѢЕВНА. Погляди, батюшка.

МИТРОФАНЪ *(Еремѣевнѣ).* Да дядюшка што за невидальщина? Што ты на немъ увидишъ?

СКОТИНИНЪ. Еще разъ: гляди на меня прямѣе.

ЕРЕМѢЕВНА. Да не гнѣви дядюшку. Вонъ, изволь посмотрѣть, батюшка, какъ онъ глазки-то вытаращилъ, и ты изволь свои также вытаращить.

СКОТИНИНЪ И МИТРОФАНЪ *(выпуча глаза другъ на друга смотрятъ).*

МИЛОНЪ. Вотъ изрядное объясненіе!

ПРАВДИНЪ. Чѣмъ-то оно кончится?

СКОТИНИНЪ. Митрофанъ! Ты теперь отъ смерти на волоску. Скажи всю правду, естьлибъ я грѣха не побоялся, я бы те, не говоря еще ни слова, за ноги, да объ уголъ. Да не хочу губить души, не найдя виноватова.

ЕРЕМѢЕВНА *(задрожала).* Ахъ, уходитъ онъ ево! куда моей головѣ дѣваться?

МИТРОФАНЪ. Што ты, дядюшка? Бѣлены объѣлся? Да я знать не знаю, за што ты на меня вскинуться изволилъ.

СКОТИНИНЪ. Смотрижъ: не отпирайся, чтобъ я въ сердцахъ съ одново разу не вышибъ изъ тебя духу. Тутъ ужъ руки не подставишь. Мой грѣхъ. Виноватъ Богу и Государю. Смотри, не клепижъ и на себя, чтобъ напрасныхъ побой не принять.

ЕРЕМѢЕВНА. Избави Богъ напраслины!

СКОТИНИНЪ. Хочешь ли ты жениться?

МИТРОФАНЪ *(разнѣжась).* Ужъ давно, дядюшка, беретъ охота....

СКОТИНИНЪ *(бросясь на Митрофана).* Охъ ты чюшка проклятая!...

ПРАВДИНЪ *(не допуская Скотинина)*. Господинъ Скотининъ! Рукамъ воли не давай.

МИТРОФАНЪ. Мамушка, заслони меня.

ЕРЕМѢЕВНА *(заслоня Митрофана, остервѣнясь и поднявъ кулаки)*. Издохну на мѣстѣ: а дитя не выдамъ. Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я те бѣльмы-то выцарапаю.

СКОТИНИНЪ *(задрожавъ и грозя отходитъ)*. Я васъ доѣду!

ЕРЕМѢЕВНА *(задрожавъ въ слѣдъ)*. У меня и свои зацепы востры!

МИТРОФАНЪ *(въ слѣдъ Скотинину)*. Убирайся, дѣдюшка; проваливай.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ОБА ПРОСТАКОВЫ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(къ гостямъ)*. Одна моя забота, одна моя отрада, Митрофанушка. Мой вѣкъ проходитъ. Ево готовлю въ люди. *(Здѣсь появляются Кутейкинъ съ часословомъ, а Цыфиркинъ съ аспидной доской и грифилемъ. Оба они знаками спрашиваютъ Еремѣевну, входитъ ли? Она ихъ манитъ, а Митрофанъ отмахиваетъ)*.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(не видя ихъ продолжаетъ)*. Авосьлибо, Господь милостивъ, и щастье на роду ему написано.

ПРАВДИНЪ. Оглянитесь, сударыня, что за вами дѣлается?

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. А! это, батюшка, Митрофанушкины учители, Сидорычь Кутейкинъ....

ЕРЕМѢЕВНА. И Пафнутьичь Цыфиркинъ.

МИТРОФАНЪ *(въ сторону)*. Пострѣлъ ихъ побери и съ Еремѣевной.

КУТЕЙКИНЪ. Дому владыкѣ миръ, и многая лѣта съ чады и домочадцы.

ЦЫФИРКИНЪ. Желаемъ вашему благородію здравствовать сто лѣтъ да двадцать, да еще пятнадцать, несчетны годы.

МИЛОНЪ. Ба! это нашъ братъ служивой! Откуда взялся, другъ мой?

ЦЫФИРКИНЪ. Былъ гарнизонной, ваше благородіе! А нынѣ пошелъ въ чистую.

МИЛОНЪ. Чѣмъ же ты питаешься?

ЦЫФИРКИНЪ. Да кое-какъ, ваше благородіе! Малу толику арихметикѣ маракую, такъ питаюсь въ городѣ около приказныхъ служителей у щетныхъ дѣлъ. Не всякому открылъ Господь науку: такъ кто самъ не смыслитъ, меня нанимаетъ, то щетецъ повѣрить, то итоги подвести. Тѣмъ и питаюсь: праздно жить не люблю. На досугѣ ребятъ обучаю. Вотъ и у ихъ благородія съ парнемъ тре-

тій годъ надъ ломаными бьемся, да што-то плохо клеятся: ну, и то правда, человѣкъ на человѣка не приходитъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Што? што ты это Пафнутьичь врешь? Я не вслушалась.

ЦЫФИРКИНЪ. Такъ. Я ево благородію докладывалъ, что въ инова пня въ десять лѣтъ не вдолбишь тово, что другой ловитъ на полетѣ.

ПРАВДИНЪ *(къ Кутейкину)*. А ты, господинъ Кутейкинъ, не изъ ученыхъ ли?

КУТЕЙКИНЪ. Изъ ученыхъ, ваше высокородіе! Семинаріи здѣшнія епархіи. Ходилъ до Риторики, да Богу изволившу, назадъ воротился. Подавалъ въ консисторію челобитье, въ которомъ прописалъ: «Такой-то-де семинаристъ изъ церковничьихъ дѣтей, убояся бездны премудрости проситъ отъ нея объ увольненіи»: на что и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала съ отмѣткою: «Такого-то-де семинариста отъ всякаго ученья уволить: писано бо есть, не мечите бисера предъ свиніями, да не попрутъ его ногами».

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Да гдѣ нашъ Адамъ Адамычь?

ЕРЕМѢЕВНА. Я и къ нему было толкнулась, да насилу унесла ноги. Дымъ столбомъ, моя матушка! Задушилъ проклятой табачищемъ. Такой грѣховодникъ.

КУТЕЙКИНЪ. Пустое, Еремѣевна! Нѣсть грѣха въ куреніи табака.

ПРАВДИНЪ *(въ сторону)*. Кутейкинъ еще и умничаетъ.

КУТЕЙКИНЪ. Во многихъ книгахъ разрѣшается: во псалтирѣ имянно напечатано: «И злакъ на службу человѣкомъ».

ПРАВДИНЪ. Ну, а еще гдѣ?

КУТЕЙКИНЪ. И въ другой псалтирѣ напечатано то же. У нашего протопопа маленька въ осмушку, и въ той то же.

ПРАВДИНЪ *(къ г-жѣ Простаковой)*. Я не хочу мѣшать упражненіямъ сына вашего, слуга покорной.

МИЛОНЪ. Ни я, сударыня.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Кудажъ вы, государи мои?...

ПРАВДИНЪ. Я поведу ево въ мою комнату. Друзья давно не видавшись, о многомъ говорить имѣютъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. А кушать гдѣ изволите, съ нами, или въ своей комнатѣ? У насъ за столомъ только што своя семья, съ Софьюшкой....

МИЛОНЪ. Съ вами, съ вами, сударыня.

ПРАВДИНЪ. Мы оба эту честь имѣть будемъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА, ЕРЕМѢЕВНА, МИТРОФАНУШКА, КУТЕЙКИНЪ И ЫФИРКИНЪ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ну, такъ теперь хотя по Руски прочти зады Митрофанушка.

МИТРОФАНЪ. Да, зады, какъ не такъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, другъ мой сердешной! Такое дѣло.

МИТРОФАНЪ. Какъ не такое! Пойдетъ на умъ ученье. Тыбъ еще навезла сюда дядюшекъ!

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Што, што такое?

МИТРОФАНЪ. Да! тово и смотри што отъ дядюшки таска; а тамъ съ ево кулаковъ да за часословъ. Нѣтъ, такъ я спасибо, ужъ одинъ конецъ съ собою!

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(испугавшись)*. Што, што ты хочешь дѣлать? Опомнись, душинька.

МИТРОФАНЪ. Вить здѣсь и рѣка близко. Нырну, такъ поминай какъ звали.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(внѣ себя)*. Уморилъ! уморилъ! Богъ съ тобой!

ЕРЕМѢЕВНА. Все дядюшка напугалъ. Чуть было въ волоски ему не вцепился. А ни за што... ни про што...

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(въ злобѣ)*. Ну....

ЕРЕМѢЕВНА. Присталъ къ нему, хочешь ли жениться?...

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ну....

ЕРЕМѢЕВНА. Дитя не потаилъ, ужъ давно-де, дядюшка, охота беретъ. Какъ онъ остервенится, моя матушка! какъ вскинется...

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(дрожа)*. Ну... а ты, бестія, остолбенѣла, а ты не впилась братцу въ харю, а ты не задернула ему рыла по уши....

ЕРЕМѢЕВНА. Приняла было! Охъ приняла, да...

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Да... да што — не твое дитя, бестія! По тебѣ ребенка хоть убей до смерти.

ЕРЕМѢЕВНА. Ахъ, Создатель, спаси и помилуй! Да какъ бы братецъ въ тужъ минуту отойти не изволилъ, то бъ я съ нимъ поломалась. Во што бъ Богъ не поставилъ. Притупились бы эти *(указывая на ногти)*, я бъ и клыковъ беречь не стала.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Всѣ вы бестіи усердны на однѣхъ словахъ, а не на дѣлѣ...

ЕРЕМѢЕВНА *(заплакавъ)*. Я не усердна вамъ, матушка! Ужъ какъ больше служить, не знаешь... рада бы не токмя што... живота не жалѣешь... а все не угодно.

КУТЕЙКИНЪ. Намъ во свояси повелите? } *вмѣстѣ.*
ЦЫФИРКИНЪ. Намъ куда походъ, ваше благородіе? }

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Тыжъ еще старая вѣдьма и разревѣлась. Поди; накорми ихъ съ собою, а послѣ обѣда тотчасъ опять сюда. *(Къ Митрофану).* Пойдемъ со мною Митрофанушка. Я тебя изъ глазъ теперь не выпущу. Какъ скажу я тебѣ нещичко, такъ пожить на свѣтѣ слюбится. Не вѣкъ тебѣ моему другу, не вѣкъ тебѣ учиться. *(Къ Еремѣевнѣ).* Съ братцомъ перевѣдаюсь не по твоему. Пусть же всѣ добрые люди увидятъ, что мама а что мать родная. *(Отходитъ съ Митрофаномъ).*

КУТЕЙКИНЪ. Житье твое. Еремѣевна, яко тьма кромѣшная. Пойдемъ-ка за трапезу, да съ горя выпей сперва чарку...

ЦЫФИРКИНЪ. А тамъ другую, вотъ-те и умноженье.

ЕРЕМѢЕВНА *(въ слезахъ).* Нелегкая меня не приберетъ. Сорокъ лѣтъ служу, а милость вся та же...

КУТЕЙКИНЪ. А велика ль благостыня?

ЕРЕМѢЕВНА. По пяти рублей на годъ, да по пяти пощечинъ на день. *(Кутейкинъ и Цыфиркинъ отводятъ ее подъ руки).*

ЦЫФИРКИНЪ. Смякнемъ же за столомъ, што тебѣ доходу въ круглой годъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КУТЕЙКИНЪ, ЦЫФИРКИНЪ, Г-ЖА ПРОСТАКОВА И МИТРОФАНЪ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей ево, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

МИТРОФАНЪ. Ну! А тамъ што?

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. А тамъ и женисся.

МИТРОФАНЪ. Слушай, матушка. Я те потѣшу. Поучусь: только, чтобъ это былъ послѣдней разъ, и чтобъ севоднижъ быть сговору.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Придетъ часъ воли Божей!...

МИТРОФАНЪ Часъ моей воли пришелъ. Не хочу учиться, хочу жениться. Тыжъ меня взманила, пѣняй на себя. Вотъ я сѣлъ.

(Цыфиркинъ очиниваетъ грифель).

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. А я тутъ же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой! Софьюшкины денежки былобъ куды класть.

МИТРОФАНЪ. Ну! давай доску, гарнизонна крыса! Задавай, что писать.

ЦЫФИРКИНЪ. Ваше благородіе, завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(работая)*. Ахъ, Господи Боже мой! Ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался!

ЦЫФИРКИНЪ. За што разгнѣваться, ваше благородіе? У насъ Россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

МИТРОФАНЪ. Задавай же зады, поворачивайся.

ЦЫФИРКИНЪ. Все зады, ваше благородіе. Вить съ задами-то вѣкъ назади останесся.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Не твое дѣло, Пафнутьичь. Мнѣ очень мило, што Митрофанушка въ передъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави.

ЦЫФИРКИНЪ. Задача. Изволилъ ты, напрікладъ, итти по дорогѣ со мною, ну! хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

МИТРОФАНЪ *(пишетъ)*. Трое.

ЦЫФИРКИНЪ. На дорогѣ, на прікладъ же, триста рублей.

МИТРОФАНЪ *(пишетъ)*. Триста.

ЦЫФИРКИНЪ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смякнитко, почему на брата?

МИТРОФАНЪ *(вычисляя шепчетъ)*. Единожды три, три. Единожды ноль, ноль. Единожды ноль, ноль.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Што, што до дѣлежа?

МИТРОФАНЪ. Вишь триста рублей, што нашли троимъ раздѣлить.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Вретъ онъ, другъ мой сердечной! Нашедъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись. Всѣ себѣ возьми, Митрофанушка! Не учись этой дурацкой наукѣ.

МИТРОФАНЪ. Слышь, Пафнутьичь, задавай другую.

ЦЫФИРКИНЪ. Пиши ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

МИТРОФАНЪ. Десять.

ЦЫФИРКИНЪ. Теперь правда не за што, а кабы ты, баринъ, што-нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

МИТРОФАНЪ *(пишетъ)*. Ну, ну, десять.

ЦЫФИРКИНЪ. Сколько жъ бы на годъ?

МИТРОФАНЪ *(вычисляя шепчетъ)*. Нуль, да нуль, нуль. Одинъ да одинъ... *(задумался)*.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Не трудись по пустому, другъ мой! Гроша не прибавлю: да и не за што. Наука не такая. Лишь тебѣ мученье: а все, вижу, пустота. Денегъ нѣтъ, што считать? Деньги есть: сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошохонько.

КУТЕЙКИНЪ. Шабашъ право, Пафнутьичь. Двѣ задачи рѣшены. Вить на повѣрку приводить не станутъ.

МИТРОФАНЪ. Не бось, братъ. Матушка тутъ сама не ошибется. Ступайка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

КУТЕЙКИНЪ *(открываетъ часословъ. Митрофанъ беретъ указку)*. Начнемъ благословясь.

КУТЕЙКИНЪ. За мною со вниманіемъ. «Азъ же есмь червь...

МИТРОФАНЪ. «Азъ же есмь червь...

КУТЕЙКИНЪ. Червь: сиречь животина, скотъ. Сиречь азъ есмь скотъ.

МИТРОФАНЪ. Азъ есмь скотъ.

КУТЕЙКИНЪ *(учебнымъ голосомъ)*. «А не человѣкъ.

МИТРОФАНЪ *(также)*. «А не человѣкъ.

КУТЕЙКИНЪ. «Поношеніе человѣковъ.

МИТРОФАНЪ. «Поношеніе человѣковъ.

КУТЕЙКИНЪ. «И уни...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И ВРАЛЬМАНЪ.

ВРАЛЬМАНЪ. Ай! ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умаритъ хатятъ репенка! Матушка ты мая! Спаться натъ сфаей утропой... Тай фолю этимъ преклятымъ слатѣямъ. И съ такой калафы толголь палфанъ? Ушъ диспозисіонъ, ушъ, всіо есть.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Правда твоя, Адамъ! Адамычь Митрофанушка, другъ мой, коли ученье такъ опасно для твоей головушки, такъ по мнѣ перестать.

МИТРОФАНЪ. А по мнѣ и подавно. *(Перестаютъ учиться)*.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СТАРОДУМЪ, СОФЬЯ, ПРАВДИНЪ, МИЛОНЪ, СКОТИНИНЪ, Г-ЖА ПРОСТАКОВА ПРОСТАКОВЪ, МИТРОФАНЪ И ЕРЕМѢЕВНА.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(входя)*. Все ли съ тобою, Митрофанушка?,

МИТРОФАНЪ. Ну, да ужъ не заботься.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(Стародуму)*. Мы пришли, батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. *(Мужу и сыну)*. Кланяйтесь.

СТАРОДУМЪ. Какою, сударыня?

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Во первыхъ прошу милости всѣхъ садиться.

(Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны). Вотъ вѣ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ, намъ грѣшнымъ гдѣ бъ и умолить, даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь ево видѣть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ, и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

СТАРОДУМЪ. О сударыня! До моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я узналъ кто его и учители. Вижу напередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. (*Къ Правдину*). Любопытенъ бы я былъ послушать, чему Нѣмецотъ ево выучилъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Всѣмъ наукамъ, батюшка!
ПРОСТАКОВЪ. Всему, мой отецъ!
МИТРОФАНЪ. Всему, чему изволишь.
(*Вмѣстѣ*).

ПРАВДИНЪ (*Митрофану*). Чему-жъ бы напримѣръ?

МИТРОФАНЪ (*подаетъ ему книгу*). Вотъ, грамматикѣ.

ПРАВДИНЪ (*взявъ книгу*). Вижу. Это грамматика. Что жъ вы въ ней знаете?

МИТРОФАНЪ. Много. Существительна, да прилагательна....

ПРАВДИНЪ. Дверь, напримѣръ, какое имя, существительное, или прилагательное?

МИТРОФАНЪ. Дверь! Котора дверь?

ПРАВДИНЪ. Котора дверь! Вотъ эта.

МИТРОФАНЪ. Эта? прилагательна.

ПРАВДИНЪ. Почему жъ?

МИТРОФАНЪ. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена, такъ та покамѣсть существительна.

ПРАВДИНЪ. Такъ поэтому у тебя слово дуракъ прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку.

МИТРОФАНЪ. И вѣдомо.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Што? Каково, мой батюшка?

ПРОСТАКОВЪ. Каково, мой отецъ?

ПРАВДИНЪ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

МИЛОНЪ. Я думаю не меньше и въ исторіи.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. То, мой батюшка, онъ еще съизмала къ исторіямъ охотникъ.

СКОТИНИНЪ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборной не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачей сынъ! Откуда што берется!

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Однако все-таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

ПРАВДИНЪ (*Митрофану*). А далеко ли вы въ исторіи?

МИТРОФАНЪ. Далеко ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

ПРАВДИНЪ. А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

СТАРОДУМЪ. Вральманъ.... Имя что-то знакомое.

МИТРОФАНЪ. (Нѣтъ. Намъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ; онъ, что я же, самъ охотникъ слушать.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью). [1]).

ПРАВДИНЪ. Да не у ней-ли оба вы учились и географіи?

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(сыну)*. Слышишь, другъ мой сердечной? Это что за наука?

МИТРОФАНЪ *(тихо матери)*. А я почемъ знаю.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(тихо Митрофану)*. Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

МИТРОФАНЪ *(тихо матери)*. Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(Правдину)*. Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

ПРАВДИНЪ. Географія.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(Митрофану)*. Слышишь, еоргафія.

МИТРОФАНЪ. Да што такое! Господи, Боже мой! Пристали съ ножемъ къ горлу.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(Правдину)*. И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая эта наука-то: онъ ее и разскажетъ.

ПРАВДИНЪ. Описаніе земли.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(Стародуму)*. А къ чему бы это служило на первой случай?

СТАРОДУМЪ. На первой случай годилось бы и къ тому, что ежели бъ случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ахъ, мой батюшка! Да извощики-то на што жъ? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда, — свезутъ куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что конечно то вздоръ, чево не знаетъ Митрофанушка.

СТАРОДУМЪ. О, конечно, сударыня! Въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чево не знаешь.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. (Безъ науки люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, и умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго, сундукъ отворитъ и что

---

[1]) Поставленное въ скобкахъ не находится въ изданіи комедіи 1817 г.

нибудь положить. То-то знакомъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

СТАРОДУМЪ. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину). [1])

СКОТИНИНЪ. Что ученье вздоръ, то неоспоримо доказалъ покойный дядя Вавила Фалелѣевичъ. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ. А какова была головушка?

ПРАВДИНЪ. Что-жъ такое?

СКОТИНИНЪ. Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки, забылъ наклониться. Какъ хватитъ себя лбомъ о притолку, индо пригнуло дядю къ похвямъ потылицею, и бодрой конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать: есть ли на свѣтѣ ученой лобъ, которой-бы отъ такова тумака не развалился? А дядя, вѣчная ему память, протрезвясь спросилъ только: цѣлы ли ворота?

МИЛОНЪ. Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ, однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученова.

СТАРОДУМЪ *(Милону)*. Объ закладъ не бейся! Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Батюшка мой! да што за радость и выучиться? *(Правдину)*. Ты самъ, батюшка, другихъ посмышленѣе, такъ сколько трудишься! вотъ и теперь сюда шедши, я видѣла, што къ тебѣ несутъ какой-то пакетъ. *(Всѣ встаютъ)*.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

СТАРОДУМЪ И ПРАВДИНЪ.

ПРАВДИНЪ. Это былъ тотъ пакетъ, о которомъ при васъ сама здѣшняя хозяйка вчера меня увѣдомила.

СТАРОДУМЪ. И такъ имѣешь теперь способъ прекратить безчеловѣчіе злой помѣщицы?

ПРАВДИНЪ. Мнѣ поручено взять подъ опеку домъ и деревни, при первомъ бѣшенствѣ, отъ которова могли бы пострадать подвластные ей люди.

[1]) Поставленное нами въ скобкахъ не находится въ изданіи 1817 г.

СТАРОДУМЪ. Благодареніе Богу, что человѣчество найти защиту можетъ! Повѣрь мнѣ, гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ ево истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться ево права. Тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждой долженъ искать своево щастья и выгодъ въ томъ одномъ, что законно.... и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно.

ПРАВДИНЪ. Я въ этомъ согласенъ съ вами: да какъ мудрено истреблять закоренѣлые предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды!

СТАРОДУМЪ. Слушай, другъ мой! Великой государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости ево та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Крестьянинъ, которой площе всѣхъ въ деревнѣ, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами.

ПРАВДИНЪ. Удовольствіе, которымъ государи наслаждаются владѣя свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какія побужденія могли бы отвлекать....

СТАРОДУМЪ. А! Сколь великой душѣ надобно быть въ государѣ, чтобъ стать на стезю истины, и никогда съ нее не совращаться. И во первыхъ толпа скаредныхъ льстецовъ...

ПРАВДИНЪ. Безъ душевнаго презрѣнія нельзя себѣ вообразить, что такое льстецъ.

СТАРОДУМЪ. Льстецъ есть тварь, которая не только о другихъ, ниже о себѣ хорошева мнѣнія не имѣетъ. Все ево стремленіе къ тому, чтобъ сперва ослѣпить умъ у человѣка, а потомъ дѣлать изъ нево, что ему надобно. Онъ ночной воръ, которой сперва свѣчу погаситъ, а потомъ красть станетъ.

ПРАВДИНЪ. Нещастіямъ людскимъ конечно причиною собственное ихъ развращеніе: но способы сдѣлать людей добрыми...

СТАРОДУМЪ. Они въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ видятъ, что безъ благонравія никто не можетъ вытти въ люди; что ни подлой выслугой, и ни за какія деньги нельзя купить тово, чѣмъ награждается выслуга; что люди выбираются для мѣста, а не мѣста похищаются людьми, тогда всякой находитъ свою выгоду быть благонравнымъ, и всякой хорошъ становится.

ПРАВДИНЪ. Справедливо. Великій государь даетъ...

СТАРОДУМЪ. Милость и дружбу тѣмъ, кому изволитъ: мѣста и чины тѣмъ, кто достоинъ.

ПРАВДИНЪ. Чтобъ въ достойныхъ людяхъ не было недостатку, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи....

СТАРОДУМЪ. Оно и должно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ нещастныя слѣдствія дурново воспитанія. Ну что для отечества можетъ вытти изъ Митрофанушки, за которова невѣжды родители платятъ еще и деньги невѣждамъ учителямъ? Сколько дворянъ отцовъ, которые нравственное воспитаніе сынка своево поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одново раба двое, старой дядька, да молодой баринъ.

ПРАВДИНЪ. Но особы вышшаго состоянія просвѣщаютъ дѣтей своихъ...

СТАРОДУМЪ. Это все правда: да я желалъ бы, чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ, благонравіе. Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы, напримѣръ, чтобъ при воспитаніи сына знатнова господина, наставникъ его всякой день разогнулъ ему исторію, и указалъ ему въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отечества; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія.

ПРАВДИНЪ. Надобно дѣйствительно, чтобъ всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе, тогда можно быть увѣрену.

ЯВЛЕНІЕ III.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Простилъ, ахъ батюшка!... Ну! Теперь-то я дамъ зорю канальямъ своимъ людямъ [1]). Теперь-то я всѣхъ переберу по одиночкѣ. Теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ. Нѣтъ, мошенники! Нѣтъ, воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки.

ПРАВДИНЪ. А за што вы хотите наказывать людей вашихъ?

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ахъ батюшка, это что за вопросъ? Развѣ я не властна и въ своихъ людяхъ?

ПРАВДИНЪ. А вы считаете себя въ правѣ драться тогда, когда вамъ вздумается?

СКОТИНИНЪ. Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу, когда захочетъ?

ПРАВДИНЪ. Когда хочетъ! Да што за охота? Прямой ты Скотининъ. Нѣтъ, сударыня, тиранствовать никто не воленъ.

---

[1]) Простакова хотѣла насильно увезти Софью къ вѣнцу съ Митрофаномъ. Но планъ не удался. Милонъ открылъ злодѣйство. Простакова бросается на колѣни передъ Стародумомъ и проситъ прощенья. Стародумъ прощаетъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Не воленъ! Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ: да на штожъ данъ нашъ указотъ о вольности дворянства?

СТАРОДУМЪ. Мастерица толковать указы.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Извольте насмѣхаться: а я теперь же всѣхъ съ головы на голову... *(порывается итти).*

ПРАВДИНЪ *(останавливая ее).* Поостановитесь, сударыня. *(Вынувъ бумагу и важнымъ голосомъ Простакову).* Именемъ правительства вамъ приказываю сей же часъ собрать людей и крестьянъ вашихъ, для объявленія имъ указа, что за безчеловѣчіе жены вашей, до которова попустило ее ваше крайнее слабомыслiе, повелѣваетъ мнѣ правительство принять въ опеку домъ вашъ и деревни.

ПРОСТАКОВЪ. А! до чево мы дожили!

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Какъ! Новая бѣда! За што? за што батюшка? что въ своемъ домѣ госпожа...

ПРАВДИНЪ. Госпожа безчеловѣчная, которой злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ. *(Простакову).* Подите.

ПРОСТАКОВЪ *(отходитъ всплеснувъ руками).* Отъ кого это, матушка!

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(тоскуя).* О горе взяло! о грустно!

СКОТИНИНЪ. Ба! ба! ба! Да эдакъ и до меня доберутся. Да эдакъ и всякой Скотининъ можетъ попасть подъ опеку... Уберусь же я отсюда по добру, по здорову.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Все теряю! Совсѣмъ погибаю!

СКОТИНИНЪ *(Стародуму).* Я шолъ было къ тебѣ добиться толку. Женихъ...

СТАРОДУМЪ *(указывая на Милона).* Вотъ онъ.

СКОТИНИНЪ. А! га! такъ мнѣ и дѣлать здѣсь нечево. Кибитку впречь, да и...

ПРАВДИНЪ. Да и ступай въ свои клева. Совѣтую однакожъ и тебѣ поостеречься. Я слышалъ, что съ свиньями не въ примѣръ лучше обходишься, нежели съ людьми.

СКОТИНИНЪ *(отходя съ трусостью).* Государь ты мой милосливой, да какъ къ людямъ и лежать у меня сердцу? Люди передо мною умничаютъ, а между свиньями я самъ всѣхъ умнѣе.

ЯВЛЕНІЕ V.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА, СТАРОДУМЪ, ПРАВДИНЪ, МИТРОФАНЪ, СОФЬЯ, ЕРЕМѢЕВНА.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(къ Правдину).* Батюшка, не погуби ты меня; что тебѣ прибыли? Не возможноль какъ-нибудь указъ поотмѣнить? Всѣ ли указы исполняются?

ПРАВДИНЪ. Я отъ должности никакъ не отступлю.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Дай мнѣ сроку хотъ на три дни. *(Въ сторону).* Я дала бы себя знать....

ПРАВДИНЪ. Ни на три часа.

СТАРОДУМЪ. Да, другъ мой! Она и въ три часа напроказить можетъ столько, что вѣкомъ не пособишь.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Да какъ вамъ, мой батюшка, самому входить въ мѣлочи?...

ПРАВДИНЪ. Это мое дѣло. Чужое возвращено будетъ хозяевамъ; а....

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. А съ долгами-то раздѣлаться?... Не доплачено учителямъ....

ПРАВДИНЪ. Учителямъ? *(Еремѣевнѣ).* Здѣсь ли они? Введи ихъ сюда.

ЕРЕМѢЕВНА. Чай што прибрели. А нѣмца-то, мой батюшка?...

ПРАВДИНЪ. Всѣхъ позови. *(Еремѣевна отходитъ).*

ПРАВДИНЪ. Не заботься ни о чемъ, сударыня, я всѣхъ удовольствую.

СТАРОДУМЪ *(видя въ тоскѣ г-жу Простакову).* Сударыня! Ты сама себя почувствуешь лучше, потерявъ силу дѣлать другимъ дурно.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ моимъ же рукамъ и воли нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, ЕРЕМѢЕВНА, ВРАЛЬМАНЪ, КУТЕЙКИНЪ, ЦЫФИРКИНЪ, ПРАВДИНЪ, СТАРОДУМЪ, ПРОСТАКОВА И МИЛОНЪ.

ЕРЕМѢЕВНА *(введя учителей къ Правдину).* Вотъ тебѣ и вся наша сволочь, мой батюшка.

ВРАЛЬМАНЪ *(къ Правдину).* Фаше фысоко-и-плахоротіе. Исфолили меня къ сепѣ прасить?

КУТЕЙКИНЪ *(къ Правдину).* Званъ быхъ, и пріидохъ.

ЦЫФИРКИНЪ *(къ Правдину).* Что приказу будетъ, ваше благородіе?

СТАРОДУМЪ *(съ приходу Вральмана въ нево вглядывается).* Ба! Это ты Вральманъ?

ВРАЛЬМАНЪ *(узнавъ Стародума).* Ай, ай, ай, ай, ай! Это ты мой милостифый хоспотинъ *(цѣлуя полу Стародума)!* Старофенька ли мой отесъ пошифать исфолишь?

ПРАВДИНЪ. Какъ? Онъ вамъ знакомъ?

СТАРОДУМЪ. Какъ не знакомъ? Онъ три года былъ у меня кучеромъ. *(Всѣ показываютъ удивленіе).*

ПРАВДИНЪ. Изрядной учитель!

СТАРОДУМЪ. А ты здѣсь въ учителяхъ? Вральманъ! Я думалъ, право, что ты человѣкъ доброй и не за свое не возьмесся.

ВРАЛЬМАНЪ. Та што тѣлать, мой патюшка? Не я перфой, не я послѣтней. Три мѣсеса фъ Москвѣ безъ мѣстъ, кутшеръ нихтѣ не ната. Пришло мнѣ липо съ голотъ мереть, липо ушитель....

ПРАВДИНЪ *(къ учителямъ)*. По волѣ правительства, ставъ опекуномъ надъ здѣшнимъ домомъ, я васъ отпускаю.

ЦЫФИРКИНЪ. Лучше не нада.

КУТЕЙКИНЪ. Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся....

ПРАВДИНЪ. А что тебѣ надобно?

КУТЕЙКИНЪ. Нѣтъ, милостивый господинъ, мой щетецъ зѣло не малъ. За полгода за ученье, за обувь, что истаскалъ въ три года, за простой, что сюда прибредіошь бывало по пустому. За....

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ненасытная душа! Кутейкинъ! За што это?

ПРАВДИНЪ. Не мѣшатейсь, сударыня, я васъ прошу.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Да коль пошло на правду, чему ты выучилъ Митрофанушку?

КУТЕЙКИНЪ. Это ево дѣло. Не мое.

ПРАВДИНЪ *(Кутейкину)*. Хорошо, хорошо. *(Цыфиркину)*. Тебѣ много ль заплатить?

ЦЫФИРКИНЪ. Мнѣ? Ничево.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ему батюшка за одинъ годъ дано десять рублей, а еще за годъ ни полушки не заплачено.

ЦЫФИРКИНЪ. Такъ: на тѣ десять рублей я износилъ сапоговъ въ два года. Мы и квиты.

ПРАВДИНЪ. А за ученье?

ЦЫФИРКИНЪ. Ничево.

СТАРОДУМЪ. Какъ ничево?

ЦЫФИРКИНЪ. Не возьму ничево. Онъ ничего не перенялъ.

СТАРОДУМЪ. Да тѣмъ не меньше тебѣ заплатить надобно.

ЦЫФИРКИНЪ. Не за што. Я государю служилъ слишкомъ двадцать лѣтъ. За службу деньги бралъ, по пустому не биралъ и не возьму.

СТАРОДУМЪ. Вотъ прямо доброй человѣкъ. *(Стародумъ и Милонъ вынимаютъ изъ кошельковъ деньги)*.

ПРАВДИНЪ. Тебѣ не стыдно Кутейкинъ?

КУТЕЙКИНЪ *(потупя голову)*. Посрамихся окаянный.

СТАРОДУМЪ *(Цыфиркину)*. Вотъ тебѣ, другъ мой, за добрую душу.

ЦЫФИРКИНЪ. Спасибо, ваше высокородіе. Благодаренъ. Дарить меня ты воленъ. Самъ не заслужа вѣкъ не потребую.

МИЛОНЪ *(давая ему деньги)*. Вотъ еще тебѣ, другъ мой!

ЦЫФИРКИНЪ. И еще спасибо.

ПРАВДИНЪ *(даетъ также ему деньги)*.

ЦЫФИРКИНЪ. А за што, ваше благородіе, жалуете?

ПРАВДИНЪ. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

ЦЫФИРКИНЪ. И! ваше благородіе. Я солдатъ.

ПРАВДИНЪ *(къ Цыфиркину)*. Поди-жъ, мой другъ, съ Богомъ. *(Цыфиркинъ отходитъ)*.

ПРАВДИНЪ. А ты, Кутейкинъ, пожалуй-ка сюда завтра, да потрудись разсчесться съ самою госпожею.

КУТЕЙКИНЪ. Съ самою! Ото всего отступаюсь.

ВРАЛЬМАНЪ *(Стародуму)*. Старофа слуха не остафте, фаше фысокоротіе. Фосмите меня апять къ сепѣ.

СТАРОДУМЪ. Да ты, Вральманъ, я чаю отсталъ и отъ лошадей?

ВРАЛЬМАНЪ. Эй нѣтъ, мой патюшка! Шиучи съ стѣшнимъ хоспотамъ, касалось мнѣ, што я фсе съ лошатками.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И КАМЕРДИНЕРЪ.

КАМЕРДИНЕРЪ *(Стародуму)*. Карета ваша готова.

ВРАЛЬМАНЪ. Прикашишь мнѣ дофести себя.

СТАРОДУМЪ. Поди садись на козлы. *(Вральманъ отходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА, СТАРОДУМЪ, МИЛОНЪ, СОФЬЯ, ПРАВДИНЪ, МИТРОФАНЪ, ЕРЕМѢЕВНА.

СТАРОДУМЪ *(къ Правдину, держа руки Софьи и Милона)*. Ну, мой другъ! Мы ѣдемъ. Пожелай намъ....

ПРАВДИНЪ. Всево щастья, на которое имѣютъ права честныя сердца.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(бросаясь обнимать сына)*. Одинъ ты остался у меня, мой сердечной другъ, Митрофанушка!

МИТРОФАНЪ Да отвяжись, матушка, какъ навязалась....

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. И ты! и ты меня бросаешь! А! Неблагодарный! *(Упала въ обморокъ)*.

СОФЬЯ *(подбѣжавъ къ ней)*. Боже мой! Она безъ памяти.

СТАРОДУМЪ *(Софьѣ)*. Помоги ей, помоги. *(Софья и Еремѣевна помогаютъ)*.

ПРАВДИНЪ *(Митрофану)*. Негодница! Тебѣ ли грубить матери? Къ тебѣ ея безумная любовь и довела ее всево больше до нещастья.

МИТРОФАНЪ. Ды она какъ будто невѣдомо....

ПРАВДИНЪ. Грубіянъ.

СТАРОДУМЪ *(Еремѣевнѣ)*. Што она теперь? Што?

ЕРЕМѢЕВНА *(посмотрѣвъ пристально на г-жу Простакову, и всплеснувъ руками)*. Очніотся, мой батюшка, очніотся.

ПРАВДИНЪ *(Митрофану)*. Съ тобою, дружокъ, знаю, что дѣлать. Пошолъ-ко служить.....

МИТРОФАНЪ *(махнувъ рукою)*. По мнѣ, куда велятъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА *(очнувшись, въ отчаяніи)*. Погибла я совсѣмъ! Отнята у меня власть! Отъ стыда ни куды глазъ показать нельзя! Нѣтъ у меня сына!

СТАРОДУМЪ *(указывая на г-жу Простакову)*. Вотъ злонравія достойные плоды.

Фонвизинъ [1]).

Примѣч.— Комедія Фонвизина «Недоросль» явилась въ 1782 году и имѣла громкій успѣхъ. Она была поставлена на сцену Дмитревскимъ. Новиковъ въ своемъ «Драматическомъ Словарѣ» [2]) говоритъ: *«Публика аплодировала пьесу метаніемъ кошельковъ»*.... Послѣ представленія комедіи на Эрмитажномъ театрѣ предъ лицемъ Императрицы Екатерины II, князь Потемкинъ сказалъ Фонвизину: «Умри, Денисъ, или больше ничего уже не пиши».... Восторгъ былъ всеобщій. Далѣе изъ словъ Дудышкина и князя Вяземскаго читатели узнаютъ о причинахъ энтузіазма нашихъ предковъ.

Слова *Дудышкина:* «Первое, что васъ пріятно поражаетъ въ этой комедіи по сравненію съ «Бригадиромъ» — единство дѣйствія. Тутъ есть не только жизнь, но и единство; главное лицо, на которомъ держится пьеса — Простакова. По отдѣлкѣ этого лица, Фонвизинъ почти выходитъ изъ своей постоянной роли сатирика; въ ней вы не замѣчаете преувеличеній, неумѣстныхъ остротъ, исключительной односторонности, которыми заражены прочія лица даже въ «Недорослѣ». Простакова, нѣжная мать, страстно любитъ своего сына, но любовью неразумною, животною; она готова со всѣми передраться за Митрофанушку, но не понимаетъ, что эта любовь губитъ сына. Въ глазахъ ея Митрофанъ будетъ ребенкомъ, когда ему будетъ даже тридцать лѣтъ: это лучшая характеристика такой любви. Она сварлива, никому не подчиняется, но любовь къ сыну можетъ ее подвигнуть на униженіе, подличанье передъ Стародумомъ; въ ея глазахъ имѣютъ значеніе однѣ физическія силы и богатство; все остальное—тлѣнъ. Умъ и сердце ея безпрестанно заняты копленіемъ денегъ для Митрофанушки, всякаго рода стяжаніями въ пользу его; она даже его учитъ, потому-что говорятъ, будто ученье начинаетъ приносить пользу молодымъ людямъ; но въ дѣйствительную пользу ученья она нисколько не вѣритъ, и потому соблюдаетъ одинъ внѣшній обрядъ ученія. Она говоритъ Вральману: «Ребенокъ, не выучась, поѣзжай-ка въ тотъ же Петербургъ, скажутъ дуракъ. Умницъ-то нынѣче завелось много; ихъ-то я боюсь». Она не только ихъ боится, но они ей противны; она вѣритъ Вральману боль-

---

[1]) Фонвизинъ (1745 — 1792), служилъ по дипломатической части при графѣ Никитѣ Ивановичѣ Панинѣ, питомецъ Московскаго университета.

[2]) *Драматическій Словарь* или показанія по алфавиту всѣхъ Россійскихъ театральныхъ сочиненій и переводовъ. М. 1787. О «Недорослѣ» говорится на 88 стр. Роль мамы Еремѣевны игралъ Шумскій, одинъ изъ прекрасныхъ талантовъ тогдашней сцены.

ше, нежели Кутейкину и Цыфиркину, потому что вѣдь у Нѣмцевъ же Русскіе учатся. «Мы», говоритъ Простакова, «въ Москвѣ приняли *иноземца* на шесть лѣтъ и чтобы другіе не сманили, контрактъ въ полиціи заявили. *Подрядился* учить, чему мы хотимъ». Кто не ученъ, того, значитъ, учили, по словамъ Простаковой, какъ *красную дѣвушку*. Мужъ въ ея глазахъ не имѣетъ никакой цѣны, потому-что не дерется съ дворней. Эта-та Простакова затаила мысль женить Митрофана на Софьѣ и для этого начинаетъ угождать Софьѣ, Стародуму, дурачить брата, Скотинина, котораго уважала за ростъ и дородство; а когда это не удалось, чуть не подралась съ сильнымъ соперникомъ, начинаетъ кокетничать Митрофанушкой, показывать его знанія передъ Стародумомъ. Однимъ словомъ, она вся оживилась и выказала свою гнусную натуру со всѣхъ сторонъ. Надежды оживляли ее; но вдругъ узнавъ, что Софья отдала руку свою Милону, она приходитъ въ ярость и для дорогаго дѣтища своего готова на похищеніе Софьи; когда и это не удается, когда ее берутъ въ опеку, злоба ея не перекипѣла: она проситъ позволенія перебить слугъ и тогда уже покориться непріятной судьбинѣ; ей и въ этомъ отказываютъ; она съ отчаянія бросается въ объятія Митрофана, но и Митрофанъ, недовольный развязкой дѣла, которое затѣяла матушка, отталкиваетъ ее и говоритъ: «да отвяжись, матушка! какъ навязалась».... Что послѣ того сдѣлалось съ Простаковой, говорить нечего: она вылилась вся. Идея автора выполнена. Митрофанъ есть то лицо, которое составляло задушевную тревогу ея жизни; это пружина всѣхъ ея дѣйствій. Фонвизинъ выбралъ женитьбу Митрофана какъ лучшее средство показать натуру Простаковой, и въ этомъ случаѣ поступилъ удачно, потому-что это былъ дѣйствительно тотъ пунктъ, отъ соприкосновенія съ которымъ вся природа Простаковой освѣщалась яркимъ пламенемъ. Это уже не ошибочная идея, какъ, напримѣръ, объясненіе въ любви въ «Бригадирѣ», которое не обрисовывало характеровъ дѣйствовавшихъ лицъ — нѣтъ, это вѣрная черта изъ жизни Простаковой; это была та нѣжная струна ея сердца, которую стоило затронуть, чтобъ заговорило ея ретивое. Фонвизинъ ее затронулъ, и Простакова вышла живымъ лицомъ. Отъ этого въ «Недорослѣ» вы видите сцены мастерски отдѣланныя, въ которыхъ дѣйствуетъ Простакова; напримѣръ, сцена съ мамой Еремѣевной, сцена съ Стародумомъ, когда ей не удалось увезти Софью.

«Комедіи Фонвизина — *ѣдкія* сатиры; онѣ совсѣмъ не такія веселенькія произведенія, какъ бы, можетъ быть, хотѣлось современникамъ; сатиры эти, по своему содержанію, имѣютъ и до настоящаго времени значеніе историческое. Всѣ онѣ направлены противъ того же зла,—противъ невѣжества и грубости. Мы видѣли, какъ усердно дѣйствовала Екатерина II и правительство противъ этого зла; но то было дѣйствіе положительное—провозглашеніе новыхъ понятій, идей. Фонвизинъ дѣйствовалъ отрицательно, осмѣяніемъ недостатковъ, сатирой — противъ того же зла. Его комедіи въ художественномъ отношеніи не комедіи: онѣ сатиры; но элементы, вызвавшіе эту сатиру, тѣже, которые заставляли правительство дѣйствовать положительно — смѣсь внѣшней образованности и нравственнаго невѣжества, въ которомъ коснѣлъ народъ. И вотъ эту-то смѣсь недостатковъ вы чувствуете, когда прочтете «Недоросля» и «Бригадира», вы понимаете, что такое было дворянство средней-руки вѣка Екатерины, что за смѣсь гордости, ничтожества, косности была заключена въ этомъ классѣ народа, который нужно было преобразовать, облагородить, внушить ему чувство долга общественнаго и первыя понятія о значеніи его въ государствѣ, чтобъ заставить его дѣйствовать на другіе классы. Эти черты разбросаны въ герояхъ Фонвизина часто безъ художественной

отдѣлки; но онѣ воспроизводятъ передъ вашимъ воображеніемъ эпоху. Много сторонъ, правда, упущено авторомъ изъ той жизни, въ которой сталкивались начала, провозглашенныя императрицею, съ понятіями тогдашняго общества; цѣлый высшій классъ ушелъ отъ сатиры Фонвизина,—и въ этомъ классѣ было много комическаго; но за то тѣ стороны, которыя воспроизведены, даютъ понятіе объ обществѣ. Еслибъ комедіи Фонвизина были дѣйствительными комедіями, мы бы лучше видѣли передъ собою то время. Вотъ почему Фонвизинъ, если не первый (по времени) нашъ народный комикъ, то покрайней мѣрѣ первый народный сатирикъ. Даже въ томъ, что ему такъ сильно сочувствовало общество, заключается доказательство близкаго родства героевъ его съ публикою». (Отеч. Зап. 1847, № 9. Отд. V. стр. 41—45).

Слова кн. *Вяземскаго:* «Въ комедіи «Недоросль» авторъ имѣлъ уже цѣль важнѣйшую [1]): гибельные плоды невѣжества, худое воспитаніе и злоупотребленія домашней власти выставлены имъ рукою смѣлою и раскрашены красками самыми ненавистными. Въ «Бригадирѣ» авторъ дурачитъ порочныхъ и глущовъ, язвитъ ихъ стрѣлами насмѣшки; въ «Недорослѣ» онъ уже не шутитъ, не смѣется, а негодуетъ на порокъ и клеймитъ его безъ пощады; если же и смѣшитъ зрителей картиною выведенныхъ злоупотребленій и дурачествъ, то и тогда внушаемый имъ смѣхъ не развлекаетъ отъ впечатлѣній болѣе глубокихъ и прискорбныхъ. И въ «Бригадирѣ» можно видѣть, что погрѣшности воспитанія Русскаго живо поражали автора: но худое воспитаніе, данное бригадирскому сынку, это полупросвѣщеніе, если и есть какое просвѣщеніе въ поверхностномъ знаніи Французскаго языка, въ поѣздкѣ въ чужіе краи безъ нравственнаго, приготовительнаго образованія, должны были выдѣлать изъ него смѣшнаго глуща, чѣмъ онъ и есть. Невѣжество же, въ коемъ росъ *Митрофанушка*, и примѣры домашніе должны были готовить въ немъ изверга, какова мать его, *Простакова*. Именно говорю изверга, и утверждаю, что въ содержаніи комедіи «Недоросль» и въ лицѣ *Простаковой* скрываются всѣ пружины, всѣ лютыя страсти, нужныя для соображеній трагическихъ: разумѣется, что трагедія будетъ не по Греческой или по Французской выкройкѣ; но, не менѣе того, развязка можетъ быть трагическая. Какъ *Тартюфъ* Мольера стоитъ на межѣ трагедіи и комедіи, такъ и *Простакова*. Отъ авторовъ зависѣло ее и его присвоить той или другой области. Характеръ и личность остались-бы тѣ же, но только принаровленные къ узаконеніямъ и обычаямъ, существующимъ по одну или другую сторону литературной границы. Что можно назвать сущностью драмы «Недоросля»? Домашнее, семейное тиранство *Простаковой*, содержащей у себя, такъ сказать, въ плѣну *Софью*, которую приноситъ она на жертву корыстолюбію своему, выдавая насильно замужъ сперва за брата, а потомъ за сына. Какъ характеризирована она самимъ авторомъ? *Презлою фуріею, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе* цѣлаго дома. Всѣ прочія лица второстепенны: иныя изъ нихъ совершенно постороннія, другія только примыкаютъ къ дѣйствію. Авторъ, въ начертаніи картины, далъ лицамъ смѣшное направленіе; но смѣшное, хотя у него и на первомъ планѣ, не мѣшаетъ разглядѣть гнусное, ненавистное въ перспективѣ. Въ семействахъ *Простаковыхъ*, когда, по несчастію, встрѣчаются онѣ въ мірѣ дѣйствительности, трагическія развязки не рѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому многочисленныя доказательства. Вотъ нравственная сторона творенія сего, и патріотическая мысль, одушевляющая оное, достойна уваженія и признательности! Можно сказать,

---

[1]) Нежели въ «Бригадирѣ», другой комедіи Фонвизина.

что подобное исполненіе не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло, что, впрочемъ, можно примѣнить и ко всякому изящному творенію, ибо нѣтъ сомнѣнія, что оно всегда имѣетъ нравственное дѣйствіе. Между тѣмъ и комическая сторона «Недоросля» не менѣе удачна. Въ сей драмѣ замѣтенъ одинъ недостатокъ, уже замѣченный выше: недостатокъ изобрѣтенія и неподвижность событія. Изъ сорока явленій, въ числѣ коихъ нѣсколько довольно длинныхъ, едва-ли найдется во всей драмѣ треть и то короткихъ, входящихъ въ составъ самого дѣйствія и развивающихся изъ него, какъ изъ драматическаго клубка.

«Первое дѣйствіе почти съ начала до конца ведено драматически. Въ трехъ первыхъ явленіяхъ мастерски выставленъ характеръ *Простаковой*. Первое явленіе заключаются въ нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ ею, но они такъ выразительны, что его можно почесть прекраснымъ изложеніемъ не дѣйствія драмы, потому что не оно главное, но главнаго лица, которому все прочее служитъ одною обстановкою. Разговоръ ея съ портнымъ *Тришкою*, или лучше сказать, пожалованнымъ въ портные, исполненъ комической силы. Веселость автора совершенно принаровлена къ лицамъ; сцена совершенно Русская, снятая съ природы. Перепалка возраженій между госпожею и *портнымъ по неволѣ* оживлена драматическимъ кресчендо и кончается неодолимымъ возраженіемъ его: *«Да первой-то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего!»* Поболѣе такихъ явленій, — и Фонвизинъ былъ бы одинъ изъ остроумнѣйшихъ комиковъ. Характеръ мужа въ слѣдующемъ явленіи обрисовывается значительно и рѣзко. Вообще всѣ сцены, въ которыхъ является *Простакова*, исполнены жизни и вѣрности, потому что характеръ ея выдержанъ до конца съ неослабѣвающимъ искусствомъ, съ неизмѣняющеюся истиною. Смѣсь наглости и низости, трусости и злобы, гнуснаго безчеловѣчія ко всѣмъ и нѣжности, равно гнусной, къ сыну, при всемъ томъ невѣжество, изъ коего, какъ изъ мутнаго источника, истекаютъ всѣ сіи свойства, согласованы въ характерѣ ея живописцемъ смѣтливымъ и наблюдательнымъ. Въ послѣднихъ явленіяхъ авторъ показалъ еще болѣе искусства и глубокаго сердцевѣденія. Когда *Стародумъ* прощаетъ *Простакову*, и она, вставъ съ колѣней, восклицаетъ: «Простилъ, ахъ, батюшка, простилъ! Ну, теперь-то дамъ я зорю каналіямъ своимъ людямъ». Тутъ слышенъ голосъ природы. Скупость ея прорывается весьма забавно въ сценѣ, когда *Правдинъ*, назначенный отъ правительства опекуномъ надъ деревнею ея, разсчитывается съ учителями *Митрофанушки*. Тутъ уже не хвастаетъ она, какъ прежде, познаніями своего сына, и невольно говоритъ *Кутейкину*: «Да коль пошло на правду, чему ты выучилъ Митрофанушку»? Но послѣдняя черта довершаетъ полноту картины, сосредоточивая всѣ гибельные плоды злонравія ея и воспитанія, даннаго сыну. Лишенная всего, ибо лишилась власти дѣлать зло, она, бросаясь обнимать сына, говоритъ ему: «Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка»! а онъ отвѣчаетъ ей: «Да, отвяжись, матушка, какъ навязалась»! Признаюсь, въ этой чертѣ такъ много истины, эта истина такъ прискорбна, почерпнута изъ такой глубины сердца человѣческаго, что по невольному движенію точно жалѣешь о виновной, какъ при казни преступника, забывая о преступленіи, сострадательно вздрагиваешь за несчастнаго. Въ начертаніи характера *Простаковой* Фонвизинъ былъ глубокимъ изслѣдователемъ и живописцемъ. Сказываютъ, что Французскій комикъ Пикаръ имѣлъ привычку излагать, въ видѣ романа и приготовительнаго труда, исторію главныхъ лицъ комедій своихъ. Этимъ способомъ судилъ онъ и другихъ комиковъ. Правило остроумное и полезное! Изъ того, что видимъ на сценѣ,

мы коротко знаемъ *Простакову* и могли бы начертать полную біографію ея. Не всѣ комическіе портреты такъ поучительны и откровенны. У многихъ нашихъ комиковъ узнаешь о представленныхъ ими лицахъ только то, что сказано про нихъ на афишахъ. *Скотининъ* каррикатура; онъ въ родѣ театральныхъ тирановъ классической трагедіи и говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ *Димитрій Самозванецъ* Сумарокова о любви къ злодѣйствамъ. Но сцена его съ *Митрофанушкою* и *Еремѣевною* очень забавна. Вообще характеръ мамы, хотя вскользь обозначенный, удивительно вѣренъ: въ немъ много Русской холопской оригинальности. Пересказываютъ со словъ самого автора, что, приступая къ упомянутому явленію, пошелъ онъ гулять, чтобы въ прогулкѣ обдумать его. У Мясницкихъ воротъ набрелъ онъ на драку двухъ бабъ, остановился и началъ сторожить природу. Возвратясь домой съ добычею наблюденій, начерталъ онъ явленіе свое и вмѣстилъ въ него слово *зацѣпы*, подслушанное имъ на полѣ битвы. Роль *Стародума* можно раздѣлить на двѣ части: въ первой онъ рѣшитель дѣйствія и развязки, если не содѣйствіемъ, то волею своею; въ другой онъ лице вставное, нравоученіе, подобіе хора въ древней трагедіи. Тутъ авторъ выразилъ нѣсколько истинъ, изложилъ нѣсколько мнѣній своихъ. Въ доказательство, что эта часть не идетъ къ дѣлу, напомнимъ, что въ представленіи многое выкидывается изъ роли *Стародума*. Была бы піеса написана хорошими стихами, то, вѣроятно, терпѣніе партера не утомилось бы отступленіями; но невыгода *Стародума* предъ древнимъ хоромъ въ томъ, что сей выражается поэзіею лирическою, а тотъ дидактическою прозою, которая скучна подъ конецъ. Въ прозѣ должно быть бережливѣе, не смотря на Дидерота, которому казалось, что на театрѣ можно разсуждать о важнѣйшихъ нравственныхъ запросахъ, не вредя быстрому и стремительному ходу драматическаго дѣйствія. Но дѣло въ томъ, что Дидеротъ проповѣдывалъ въ свою пользу: онъ, какъ и Фонвизинъ, былъ нѣсколько декламаторъ и любилъ поучать. Можно еще прибавить, что многое изъ нравоученій *Стародума* хотя и весьма справедливо и назидательно, но довольно обыкновенно. Анатомія словъ, любимое средство автора, выказывается и здѣсь. Сцену *Стародума* съ *Милономъ* можно назвать испытаніемъ въ курсѣ практической нравственности и сценою синонимовъ, въ которой, какъ въ словарѣ, разсѣкается значеніе словъ *неустрашимость* и *храбрость*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ обществѣ встрѣчаются говоруны или поучители, подобные Стародуму; но правда и то, что они скучны и что отъ нихъ бѣгаешь. На сценѣ они еще скучнѣе, потому что въ театръ ѣздишь для удовольствія, а слушая ихъ, подвергаешься скукѣ добровольной. Между тѣмъ, первое явленіе пятаго дѣйствія приноситъ честь и писателю и государю, въ царствованіе коего оно написано. Можетъ быть, замѣтимъ еще, что Стародумъ, разбогатѣвшій въ Сибири и нечаянно возвращающійся, чтобы обогатить племянницу свою, сбивается нѣсколько на непремѣнныхъ дядей Французской комедіи, которые, для развязки комической интриги, падали изъ Америки золотымъ дождемъ на голову какого-нибудь бѣднаго родственника.

«Роли *Милона* и *Софьи* блѣдны. Хотя взаимная склонность ихъ одна изъ главныхъ завязокъ всего дѣйствія, но счастливой развязкѣ ея радуешься развѣ изъ безпристрастной любви къ ближнему. *Правдинъ* чиновникъ; онъ разрѣзываетъ мечемъ закона сплетеніе дѣйствія, которое должно-бъ быть развязано соображеніями автора, а не полицейскими мѣрами намѣстника. Въ нашихъ комедіяхъ начальство часто занимаетъ мѣсто рока (fatum) въ древнихъ трагедіяхъ; но въ этомъ случаѣ должно допустить рѣшительное

посредничество власти, ибо имъ однимъ можетъ быть довершено наказаніе *Простаковой*, которое было бы не полно, еслибы имѣніе осталось въ рукахъ ея. *Кутейкинъ*, *Цыфиркинъ и Вральманъ* забавныя каррикатуры; послѣдній и слишкомъ каррикатуренъ, хотя, къ сожалѣнію, и не совсѣмъ несбыточное дѣло, что въ старину Нѣмецъ кучеръ попалъ въ учители въ домъ Простаковыхъ.

«Успѣхъ комедіи «Недоросль» былъ рѣшительный. Нравственное дѣйствіе ея несомнѣнно. Нѣкоторыя изъ именъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлались нарицательными и употребляются донынѣ въ народномъ обращеніи. Въ сей комедіи такъ много дѣйствительности, что провинціяльныя преданія именуютъ еще и нынѣ нѣсколько лицъ, будто служившихъ подлинниками автору. Мнѣ самому случалось встрѣтиться въ провинціяхъ съ двумя или тремя живыми экземплярами *Митрофанушки*, то есть, будто служившими образцемъ Фонъ-Визину. Вѣроятно, преданіе ложное, но и въ самыхъ ложныхъ преданіяхъ есть нѣкоторый отголосокъ истины. Въ «Бригадирѣ» есть также намеки на живыя лица, и между прочими на какого-то президента коллегіи, который любилъ великорослыхъ, и по росту опредѣлялъ подчиненныхъ своихъ на мѣсто. Если, правда, что князь Потемкинъ, послѣ перваго представленія «Недоросля» сказалъ автору: «Умри, Денисъ, или больше ничего уже не пиши»! то жаль, что эти слова оказались пророческими, и что Фонъ-Визинъ не писалъ уже болѣе для театра. Онъ далеко не дошелъ до Геркулесовыхъ столповъ драматическаго искусства; можно сказать, что онъ и не создалъ Русской комедіи, какова она быть должна; но и то, что онъ совершилъ, особенно-же при общихъ неудачахъ, есть уже важное событіе». (Фонъ-Визинъ, соч. князя Петра Вяземскаго. Спб. 1848, стр. 209—219).

Слова *Галахова:* «Такъ какъ недорослей не существуетъ уже болѣе, то и слѣдуетъ, за объясненіемъ ихъ значенія, отнестись къ исторіи. Матеріалы для знакомства съ ними находятся въ оффиціальныхъ актахъ, частію въ литературныхъ памятникахъ.

«Недоросли ведутъ свое начало отъ реформы Петра; его грозными указами повелѣно было дворянскимъ дѣтямъ явиться на службу немедленно; въ случаѣ неповиновенія, высылкой ихъ распоряжалось мѣстное начальство; не получившіе свидѣтельства въ томъ, что выучились наукѣ, не могли ни поступать на службу, ни жениться. По смерти Петра, правительство также постоянно озабочивалось судьбою недорослей; въ 1727 г. состоялся сенатскій указъ о высылкѣ ихъ изъ герольдмейстерской конторы въ адмиралтейскую коллегію; возвраст былъ назначенъ отъ 12 до 17 лѣтъ; молодые дворяне, ничему не научившіеся, отдавались въ матросы. Императрица Анна подтвердила это распоряженіе сената (указами 1736 и 1737 г.). Всѣ малолѣтнія дѣти, начиная съ семи лѣтъ и выше, долженствовали записываться въ школы. Имъ приказано было являться на смотръ въ Петербургѣ къ герольдмейстеру, а въ губерніяхъ къ губернаторамъ для испытанія ихъ въ наукахъ. По достиженіи двадцатилѣтняго возраста, ихъ назначали въ службу, если только они успѣшно кончили курсъ ученія, не успѣвшіе или вовсе неучившіеся поступали безъ выслуги въ матросы. Принимая въ уваженіе домашнія обстоятельства, дозволено было нѣкоторымъ недорослямъ учиться у родителей, но съ тѣмъ, чтобы, по достиженіи ими 20 лѣтъ, они представили свидѣтельство въ достаточныхъ знаніяхъ изъ Закона Божія, ариѳметики и геометріи. Постановлены были также правила опредѣленія недорослей къ приказнымъ дѣламъ и обученія ихъ нужными для того науками. Секретари по экспедиціямъ объясняли имъ дѣлопроизводство, уложенье и указы; кромѣ того, два раза въ недѣлю

занимали ихъ ариѳметикой, геометріей, геодезіей, географіей и грамматикой. Въ царствованіе Елизаветы, указами 1742 и 1747 г., недоросли обязаны были два раза являться на смотръ въ столицы: въ первый разъ семи лѣтъ, во второй двѣнадцати. По осмотрѣ распредѣляли ихъ въ школы. Безъ ученія никто не могъ поступить на службу. Не явившихся на смотръ предписано было отдавать въ солдаты и матросы; но какъ многіе двѣнадцатилѣтніе недоросли не имѣли родителей, а сами читать указовъ не могли, то всѣ таковые получили прощеніе (1751). Въ послѣдствіи (1754) были прощены и другіе недоросли, равно какъ и ихъ укрыватели; окончательный срокъ для ихъ явки назначили въ 1756 г. Съ неявившимися и въ этотъ срокъ поступлено было также милостиво (1760). Когда размножились способы къ образованію, когда, кромѣ кадетскихъ корпусовъ и Московскаго университета, возникли частные пансіоны и явились иностранцы-гувернеры: тогда особыя постановленія для недорослей потеряли свою силу. Но старая привычка коренилась еще во многихъ мѣстахъ: родители не хотѣли разстаться съ своими дѣтьми, держали ихъ при себѣ дома, какъ можно болѣе отдаляя срокъ поступленія ихъ на службу или думая о томъ, какъ бы скорѣе выручить ихъ изъ службы. Такъ было и въ то время, когда явилась комедія Фонъ-Визина. Изъ современныхъ свидѣтельствъ о жизни и воспитаніи недорослей самымъ вѣрнымъ служатъ «Записки маіора Данилова» (1771), который родился въ 1722 г. и семи лѣтъ сѣлъ за азбуку: слѣд. время его ученія относится къ эпохѣ Петра II и Анны. Учителями его были сперва пономарь Брудастый—истый типъ старинныхъ дидаскаловъ, грубо и жестоко съ нимъ обращавшійся, а потомъ дворовый человѣкъ, который соединялъ въ своемъ лицѣ должности наставника и компаньона. На послѣднее обстоятельство указываютъ слова Стародума: «Сколько дворянъ-отцевъ, которые нравственное воспитаніе сынка своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходитъ вмѣсто одного раба двое: старый дядька, да молодой баринъ»! Родственница Данилова, вдова Матрена Петровна, у которой онъ жилъ въ домѣ, второй экземпляръ Простаковой, а можетъ быть и ея оригиналъ. Портретъ ея въ «Запискахъ» стоитъ комическаго характера. «Она грамотѣ не знала; только всякій день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акаѳистъ Богородицѣ всѣмъ въ-слухъ читала. Охотница великая была кушать щи съ бараниной: какъ скоро примется свои щи любимыя кушать, то кухарку притаща въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать. Это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго аппетиту». Въ племянникѣ Матрены Петровны, по безнравственному баловству ея, готовился своего рода Митрофанъ: не онъ былъ наказываемъ за свои проступки, а компаньонъ его Даниловъ и челядинецъ-учитель. Много яркихъ указаній на образъ жизни дворянъ и ихъ дѣтей недорослей встрѣчается въ сатирическихъ журналахъ 1769—74 г. и другихъ литературныхъ произведеніяхъ. Такъ, напримѣръ, «Всякая Всячина» (1769), въ одномъ изъ своихъ еженедѣльныхъ листовъ, содержитъ разсказъ Епифанскаго дворянина объ ученіи его сначала у дьячка, съ которымъ онъ въ четыре года могъ съ нуждою разбирать букварь, а потомъ у Француза, который былъ выгнанъ изъ дому за то, что хотѣлъ принуждать тринадцатилѣтняго ребенка. Слѣдствія такого воспитанія изображены въ «Живописцѣ» (1774). Это же изданіе заключаетъ въ себѣ письма къ Ѳалалею отъ его матери, отца и дяди, чрезвычайно похожихъ на Простакову, Простакова и Скотинина. Къ журналамъ присоединяются комедіи Екатерины. Хотя ни

одна изъ нихъ не имѣла прямаго намѣренія выставить недорослей; однакожъ нѣкоторыми сценами онѣ даютъ понятія о той средѣ, въ которой расли и вырастали лица, подобныя Митрофану. Такъ въ комедіи: «О время! (1772)», изъ разсказа госпожи Чудихиной о ея восьмнадцатилѣтнемъ сынѣ Николашкѣ узнаемъ многія черты молодаго провинціальнаго дворянства. Николашка всю зиму не сходилъ съ лежанки; въ болѣзни ничего не ѣлъ, кромѣ блиновъ и сластей; мать спала у него въ головахъ, чтобы ночью чего-нибудь ему не причудилось; онъ только что кончилъ азбуку, но часослова не начиналъ; въ Питеръ не ѣздилъ и числился въ уѣздной командѣ; за малограмотность не давали ему и капральства, хотя мать его и даривала, кому надлежитъ.

«Приведенныя свидѣтельства достаточно объясняютъ лице недоросля. Мы видимъ, что онъ не только существовалъ дѣйствительно, но и былъ предметомъ законодательныхъ мѣръ съ одной стороны, литературныхъ изображеній съ другой. Эти изображенія предшествовали комедіи Фонъ-Визина, которая по этому состоитъ съ ними въ исторической связи, но превосходитъ ихъ художественнымъ достоинствомъ: въ преемственныхъ характеристикахъ одного и того же типа, Митрофанъ занимаетъ между ними первое мѣсто». (Исторія Р. Словесности. Т. I, стр. 416—418).

ГОРЕ ОТЪ УМА.

Дѣйствующія лица.

Фамусовъ, управляющій казеннымъ мѣстомъ.
Софья Павловна, дочь его.
Лиза, служанка.
Молчалинъ, секретарь Фамусова.
Александръ Андреевичъ Чацкій.
Полковникъ Скалозубъ.
Наталья Дмитріевна, молоденькая дама.
Платонъ Мих., мужъ ея.
Князь Тугоуховскій и княгиня, жена его, съ 6-ю дочерьми.
Графиня Хрюмина.
Антонъ Антон. Загорецкій.
Репетиловъ.

(Дѣйствіе въ Москвѣ, въ домѣ Фамусова).

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ФАМУСОВЪ, СОФЬЯ И МОЛЧАЛИНЪ.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ попрекать мнѣ станутъ,
Что безъ толку всегда журю!
Не плачь, я дѣло говорю.
Ужъ о твоемъ ли не радѣли
Объ воспитаньи съ колыбели?

Мать умерла, умѣлъ я принанять
Въ мадамъ Розье — вторую мать;
Старушку-золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ:
Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ.
Одно не къ чести служитъ ей:
За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не въ мадамѣ сила:
Не надобно другаго образца,
Когда въ глазахъ примѣръ отца.
. . . . . .
Ужасный вѣкъ! не знаешь, что начать!
Всѣ умудрились не по лѣтамъ,
А пуще дочери, — да сами добряки!
Дались намъ эти языки!
Беремъ же побродягъ и въ домъ, и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему:
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ,
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ!

Софья разсказываетъ сонъ. Отецъ велитъ ей итти спать, а къ Молчалину говоритъ:

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтобъ множество не накопилось ихъ *(дѣлъ)*.
Дай волю вамъ, оно бы и засѣло;
А у меня, — что дѣло, что не дѣло, —
Обычай мой такой:
Подписано — такъ съ плечъ долой. *(Уходитъ съ Молчалинымъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЧАЦКІЙ, СОФЬЯ И ЛИЗА.

ЧАЦКІЙ.

Чуть свѣтъ, ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ.
(Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку).
Ну, поцѣлуйте же! Не ждали? Говорите;
Что-жъ рады? Нѣтъ? Въ лицо мнѣ посмотрите.
Удивлены? И только? Вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто мы вчера, вдвоемъ,
Мы, мо́чи нѣтъ, другъ другу надоѣли!
Ни на волосъ любви! Куда какъ хороши!

А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души,
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся; вѣтеръ, буря, —
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ —
И вотъ за подвиги награда!

СОФЬЯ.

Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада!

ЧАЦКІЙ.

Вы рады? Въ добрый часъ!
Однакожъ, искренно — кто́ радуется эдакъ?
Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя!

ЛИЗА.

Вотъ, сударь, еслибы вы были за дверями,
Ей Богу! нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали мы васъ тутъ.
Сударыня, скажите сами.

СОФЬЯ.

Всегда, не только что теперь.
Не можете вы сдѣлать мнѣ упрека.
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изъ-чужа, изъ-далека,
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ,
Не повстрѣчалъ ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ?

ЧАЦКІЙ.

Положимте, что такъ.
Блаженъ, кто вѣруетъ, — тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ, Боже мой, ужель я *здѣсь* опять,
Въ Москвѣ! у васъ! Да какже васъ узнать!
Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ;
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ...
Или: вашъ батюшка съ мадамой за пикетомъ,
Мы въ темномъ уголкѣ, и кажется, что въ этомъ?
Вы помните? Вздрогнемъ, чуть скрыпнетъ столикъ, дверь....

СОФЬЯ.

Ребячество!

ЧАЦКІЙ.

Да-съ; а теперь —
Въ семнадцать лѣтъ вы разцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно,
И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.
Не влюблены ли вы? Прошу мнѣ дать отвѣтъ,
Безъ думы, полноте смущаться....

СОФЬЯ.

Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ....

ЧАЦКІЙ.

Помилуйте: не вамъ, чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;
Тотъ сватался — успѣлъ, а тотъ далъ промахъ;
Все тотъ же толкъ, и тѣ жъ стихи въ альбомахъ.

СОФЬЯ.

Гоненье на Москву! Что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ жъ лучше?

ЧАЦКІЙ.

Гдѣ насъ нѣтъ!
Ну, что вашъ батюшка? Все Англійскаго клоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ ли свой вѣкъ?
А этотъ — какъ его — онъ Турокъ или Грекъ....
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ,
Не знаю, какъ его зовутъ,
Куда ни сунься: тутъ какъ тутъ,
Въ столовыхъ и гостиныхъ?
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся?
А наше солнышко? нашъ кладъ?
На лбу написано: *театръ* и *маскарадъ;*
Домъ зеленью раскрашенъ, въ видѣ рощи;

Самъ толстъ, его артисты тощи.
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ —
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней?
А тотъ чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣстъ, и въ комъ не сыщешь пятенъ?
Когда жъ пространствуешь, воротишься домой —
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

СОФЬЯ.

Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.

ЧАЦКІЙ.

А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ! Къ воспитанью перейдемъ.
Что нынче, также, какъ издревле,
Хлопочатъ набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи подъ великимъ штрафомъ
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ.
Нашъ Менторъ, помните: колпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!....
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ Нѣмцевъ нѣтъ спасенья!
А Гильоме, Французъ, подбитый вѣтеркомъ,
Онъ не женатъ еще?

СОФЬЯ.

На комъ?

ЧАЦКІЙ.

Хоть на какой-нибудь княгинѣ,
Пульхеріи Андревнѣ, напримѣръ.

СОФЬЯ.

Танцмейстеръ! Можно ли?

ЧАЦКІЙ.

Что жъ? Онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ;
А Гильоме.... Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ на большихъ, по праздникамъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ Нижегородскимъ?

СОФЬЯ.

Смѣсь языковъ?

ЧАЦКІЙ.

Да, двухъ — безъ этого нельзя-жъ.

ЛИЗА.

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ!

ЧАЦКІЙ.

По крайней мѣрѣ, не надутый.
Вотъ новости! Я пользуюсь минутой;
Свиданьемъ съ вами оживленъ
И говорливъ; а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе? — Гдѣ онъ, кстати?
Еще ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ, пристаетъ: «пожалуйте списать»!
А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ:
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.

СОФЬЯ *(въ сторону)*.

Не человѣкъ — змѣя! *(Громко и принужденно)*. Хочу у васъ спросить:
Случалось ли, чтобъ вы, смѣясь или въ печали,
Ошибкою, добро о комъ-нибудь сказали,
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть?...

ЧАЦКІЙ.

Когда все мягко такъ, и нѣжно и не зрѣло?
На что же такъ давно? Вотъ доброе вамъ дѣло:

Звонками только что гремя,
И день и ночь по снѣговой пустынѣ
Спѣшу къ вамъ, голову сломя,
И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю, —
Лице святѣйшей богомолки!....
А все-таки я васъ безъ памяти люблю.
(Минутное молчаніе).
Послушайте, ужель слова мои всѣ колки,
И клонятся къ чьему-нибудь вреду?
Но если такъ, умъ съ сердцемъ не въ ладу.
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;
Велите-жъ мнѣ въ огонь — пойду какъ на обѣдъ.

СОФЬЯ.

Да, хорошо сгорите, если-жъ нѣтъ?

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФАМУСОВЪ И СЛУГА.

ФАМУСОВЪ.

Петрушка! Вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-ка календарь,
Читай, не такъ какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой же. На листѣ черкни на записномъ,
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй — умъ вскружится.
То бережешься, то обѣдъ:
Ѣшь три часа, а въ три дня не сварится!
Отмѣть-ка, въ тотъ-же день.... нѣтъ, нѣтъ...
Въ четвергъ я званъ на погребенье.
Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій долженъ самъ туда же лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.

Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ, — вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный каммергеръ,
Съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ, и на богатой былъ женатъ;
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался — всѣ о немъ съ прискорбьемъ вспоминаютъ:
Максимъ Петровичъ! миръ ему!
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу,
Я долженъ у вдовы, у докторши крестить.

ЯВЛЕНІЕ II.

ФАМУСОВЪ, СЛУГА И ЧАЦКІЙ.

ФАМУСОВЪ.

А! Александръ Андреичъ, просимъ,
Садитесь-ка.

ЧАЦКІЙ.

Вы заняты?

ФАМУСОВЪ *(слугѣ)*.

Поди. *(Слуга уходитъ).*
Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ;
Забудутся, того гляди.

ЧАЦКІЙ.

Вы что-то не веселы стали?
Скажите, отчего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ — суета.

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, батюшка! Нашелъ загадку!
Не веселъ я!.... Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку.

ЧАЦКІЙ.

Никто не приглашаетъ васъ;

Я только что спросилъ два слова,
О Софьѣ Павловнѣ; быть можетъ, нездорова?

ФАМУСОВЪ.

Тьфу, Господи прости! Пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и тоже!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна;
Скажи: тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ, не хочешъ ли жениться?

ЧАЦКІЙ.

А вамъ на что?

ФАМУСОВЪ.

Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько сродни;
По крайней мѣрѣ, искони
Отцомъ не даромъ называли.

ЧАЦКІЙ.

Пусть я посватаюсь, вы что́ бы мнѣ сказали?

ФАМУСОВЪ.

Сказалъ бы я: во первыхъ, не блажи!
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное — поди-ка послужи.

ЧАЦКІЙ.

Служить бы радъ, прислуживаться тошно.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы?
Учились бы, на старшихъ глядя;
Мы, напримѣръ.... или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ! Онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ....
Вѣкъ при Дворѣ, да при какомъ Дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ:

При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всѣ важны... въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся — тупеемъ [1]) не кивнутъ;
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой: и пилъ, и ѣлъ иначе!
А дядя — что твой князь! что графъ!
Серьезный взглядъ, надменный нравъ;
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось оступиться:
Упалъ — да такъ, что чуть затылка не прошибъ.
Старикъ заохалъ... голосъ хрипкой...
Былъ милостивою пожалованъ улыбкой:
Изволили смѣяться.... Какъ же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ;
Упалъ вдругорядъ — ужъ нарочно;
А хохотъ пуще — онъ и въ третій также точно!
А? Какъ по вашему? По нашему — смышленъ:
Упалъ онъ больно — всталъ здорово.
За то, бывало, въ вистъ кто́ чаще приглашенъ?
Кто́ слышитъ при Дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто́ предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка?
Въ чины выводитъ кто́ и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ!... — Да! вы, нынѣшніе, — нутка!

ЧАЦКІЙ.

И точно, началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій, —
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ:
Стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда, тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли, —
А тѣмъ, кто выше, — лесть, какъ кружево, плели.
Я не объ дядюшкѣ объ вашемъ говорю,
Его не возмутимъ мы праха;
Но между тѣмъ, кого охота заберетъ,

---

[1]) Тупей (toupet), безчисленное множество буклей на головѣ.

Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ!
А сверстничекъ, а старичекъ
Иной, глядя на тотъ скачекъ,
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: — Ахъ, еслибы мнѣ тоже!
Нѣтъ! нынче свѣтъ ужъ не таковъ.

ФАМУСОВЪ.

Опасный человѣкъ!

ЧАЦКІЙ.

Вольнѣе всякій дышитъ,
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.

ФАМУСОВЪ.

Что говоритъ! — И говоритъ какъ пишетъ.

ЧАЦКІЙ.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться, помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ....

ФАМУСОВЪ.

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

ЧАЦКІЙ.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ....

ФАМУСОВЪ.

Строжайше бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

ЧАЦКІЙ.

Я наконецъ вамъ отдыхъ дамъ....

ФАМУСОВЪ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

ЧАЦКІЙ.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно.
Предоставляю вамъ во власть:

Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу;
Ужъ такъ и быть, я не заплачу.

ФАМУСОВЪ.

И знать васъ не хочу, разврата не терплю!

ЧАЦКІЙ.

Я досказалъ.

ФАМУСОВЪ.

Добро, заткнулъ я уши!

ЧАЦКІЙ.

На что жъ? Я ихъ не оскорблю.

ФАМУСОВЪ *(скороговоркой)*.

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши;
Воротятся — отъ нихъ порядка жди!

ЧАЦКІЙ.

Я пересталъ....

ФАМУСОВЪ.

Пожалуй, пощади!

ЧАЦКІЙ.

Длить споры не мое желанье....

ФАМУСОВЪ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И СЛУГА.

СЛУГА.

Полковникъ Скалозубъ. — Прикажите принять?

ФАМУСОВЪ *(встаетъ)*.

Ослы! Сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,

Что очень радъ! Пошелъ же, торопись! *(Слуга уходитъ).*
Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличья нахваталъ;
Не по лѣтамъ и чинъ завидный:
Не нынче, завтра — генералъ!
Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько...
Эхъ, Александръ Андреичъ, дурно, братъ!
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько;
Я всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Софьюшкѣ. Пустое!
Онъ, можетъ быть, и радъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня:
Вѣдь Софья молода. А впрочемъ — власть Господня!
Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральныя идеи эти брось!

ЯВЛЕНІЕ V.

ЧАЦКІЙ, ФАМУСОВЪ, СКАЛОЗУБЪ.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ, сюда-съ,
Прошу покорно, здѣсь теплѣе;
Прозябли вы? согрѣемъ васъ,
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе....

СКАЛОЗУБЪ *(густымъ басомъ).*

Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ.... мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ.

ФАМУСОВЪ.

Неужто для друзей не дѣлать мнѣ и шагу?
Сергѣй Сергѣичъ дорогой!
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу!
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.

СКАЛОЗУБЪ.

Куда прикажите, лишь только бы усѣсться.
(Всѣ трое садятся; Чацкій поодаль).

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, батюшка, сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними — наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы, а я подавно,
Спасибо научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

СКАЛОЗУБЪ.

Не знаю-съ, виноватъ,
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ.
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки,
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки:
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то за тѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку иль къ мѣстечку, —
Ну какъ не порадѣть родному человѣчку?
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ, и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

СКАЛОЗУБЪ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

ФАМУСОВЪ.

Да! счастье, у кого есть этакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

СКАЛОЗУВЪ.

За третье августа! засѣли мы въ траншею;
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.

ФАМУСОВЪ.

Любезный человѣкъ! И посмотрѣть, такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ.

СКАЛОЗУБЪ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему, онъ службу вдругъ оставилъ;
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ молодость!... читать... а послѣ хвать!
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

СКАЛОЗУБЪ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ.
Вакансіи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

ФАМУСОВЪ.

Да, чѣмъ Господь кого поищетъ, вознесетъ!

СКАЛОЗУБЪ.

Бываетъ, моего счастливѣе везетъ!...
Не жалуюсь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.

ФАМУСОВЪ.

Въ погонь ли за полкомъ?
За то, конечно, въ чемъ другомъ —
За вами далеко тянуться!

СКАЛОЗУБЪ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу.

ФАМУСОВЪ.

И славно служите, дай Богъ здоровья вамъ,
И генеральскій чинъ, — а тамъ —
Зачѣмъ откладывать бы дальше —
Рѣчь завести о генеральшѣ.

СКАЛОЗУБЪ.

Жениться? Я ни чуть не прочь.

ФАМУСОВЪ.

Что жъ? у кого сестра, племянница есть, дочь....
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода.
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва?

СКАЛОЗУБЪ.

Дистанція огромнаго размѣра.

ФАМУСОВЪ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера;
На все свои законы есть:
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцѣ и сыну честь!
Будь плохенькой, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ — разумникомъ слыви!
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви!
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ.
Да это ли одно!.. возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать — изволь:
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ равнехонько, про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ Московскихъ есть особый отпечатокъ:
Извольте посмотрѣть на нашу молодежъ,
На юношей, сынковъ и внучатъ;
Журимъ мы ихъ — а если разберешь —
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ.... что слово: приговоръ.
Вѣдь столбовые все: въ усъ никому не дуютъ —
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ... бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили, — никогда,
Спаси насъ Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ и... разойдутся...

А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему вездѣ; надъ ними нѣтъ судей.
За картами когда возстанутъ общимъ бунтомъ, —
Дай Богъ терпѣніе! — вѣдь самъ я былъ женатъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ — всякъ голову повѣсь!
Его Величество король былъ Прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ Московскимъ онъ дѣвицамъ,
Ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно! Можно ли воспитаннѣе быть?
Умѣютъ же себя онѣ принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой.
Французскіе романсы вамъ поютъ,
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому, что патріотки...
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва.

СКАЛОЗУБЪ.

По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

ФАМУСОВЪ.

Не поминайте намъ! Ужъ мало ли крестятъ
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все — на новый ладъ.

ЧАЦКІЙ.

Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

ФАМУСОВЪ *(Чацкому)*.

Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать, — не велика услуга.
(Скалозубу).

Позвольте, батюшка, вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
Не служитъ, то есть, въ томъ онъ пользы не находитъ,
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой;
Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой;
И славно пишетъ, переводитъ;
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ....

ЧАЦКІЙ.

Нельзя ли пожалѣть о комъ-нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

ФАМУСОВЪ.

Не я одинъ — всѣ также осуждаютъ.

ЧАЦКІЙ.

А судьи кто?... За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима:
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма.
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принятъ за образцы?
Не эти ли, грабительствомъ богаты?
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не истребятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты?
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ ли, вы къ кому меня, еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ,
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,

И честь и жизнь его не разъ спасали.... вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или — вонъ тотъ еще, который, для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ, отторженныхъ дѣтей?
Самъ, погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ!
Но онъ кредиторовъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ!!!!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется, врагъ исканій,
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.
Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ въ прежнемъ ихъ быту,
Когда-то укрывалъ — расшитый и красивый —
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету,
И намъ за ними въ путь счастливый?
И въ женахъ, въ дочеряхъ къ мундиру та же страсть.
Я самъ къ нему давно ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть,
Но кто бъ тогда за всѣми не увлекся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ Двора,
Сюда на время пріѣзжали:
Кричали женщины — ура!
И въ воздухъ чепчики бросали!

ФАМУСОВЪ *(про себя)*.

Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду!
(Громко). Сергѣй Сергѣичъ, я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ.

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

СОФЬЯ, ПОТОМЪ г. N.

СОФЬЯ *(про себя).*

Ахъ! этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть, завистливъ, гордъ и золъ!

г. N. *(подходитъ).*

Вы въ размышленьи?

СОФЬЯ.

Объ Чацкомъ.

г. N.

Какъ его вы нашли по возвращеньи?

СОФЬЯ.

Онъ не въ своемъ умѣ.

г. N.

Ужель съ ума сошелъ?

СОФЬЯ *(помолчавши).*

Не то, чтобы совсѣмъ.

г. N.

Однако есть примѣты?

СОФЬЯ *(смотритъ на него пристально).*

Мнѣ кажется.

г. N.

Какъ можно, въ эти лѣта!

СОФЬЯ.

Какъ быть! *(Въ сторону).*
Готовъ онъ вѣрить!

А, Чацкій!... любите вы всѣхъ въ шуты рядить,—
Угодно-ль на себѣ примѣрить?

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

г. N., потомъ г. D.

г. N.

Съ ума сошелъ!... Ей кажется? вотъ-на!
Не даромъ! стало быть.... съ чего-бъ взяла она!
Ты слышалъ?

г. D.

Что?

г. N.

Объ Чацкомъ?

г. D.

Что такое?

г. N.

Съ ума сошелъ!

г. D.

Пустое.

г. N.

Не я сказалъ, другіе говорятъ.

г. D.

А ты разславить это радъ?

г. N.

Пойду, освѣдомлюсь; чай кто-нибудь да знаетъ.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

г. D., потомъ ЗАГОРѢЦКІЙ.

г. D.

Вѣрь болтуну!
Услышитъ вздоръ и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь ли объ Чацкомъ?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Ну?

Г. D.

Съ ума сошелъ!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А, знаю, помню, слышалъ.
Какъ мнѣ не знать? примѣрный случай вышелъ:
Его въ безумные упряталъ дядя плутъ;
Схватили, въ желтый домъ и на цѣпь посадили.

Г. D.

Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Такъ съ цѣпи, стало быть, спустили.

Г. D.

Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ.
Пойду-ка я, расправлю крылья;
У всѣхъ повыпрошу; однако, чуръ, секретъ.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ЗАГОРѢЦКІЙ, ПОТОМЪ ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Который Чацкій тутъ? Извѣстная фамилья:
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.
Вы слышали объ немъ?

ГР. ВНУЧКА.

Объ комъ?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Объ Чацкомъ; онъ въ комнатѣ сейчасъ здѣсь былъ.

ГР. ВНУЧКА.

Знаю, я говорила съ нимъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Такъ я васъ поздравляю:
Онъ сумасшедшій...

ГР. ВНУЧКА.

Что?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Да, онъ сошелъ съ ума!

ГР. ВНУЧКА.

Представьте! я замѣтила сама;
И хоть пари держать, — со мной въ одно вы слово.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ТѢ ЖЕ И ГРАФИНЯ БАБУШКА.

ГР. ВНУЧКА.

Ахъ, grand' maman! вотъ чудеса! вотъ ново!
Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте! вотъ прелести! вотъ мило!

ГР. БАБУШКА.

Мой другъ, мнѣ уши заложило!
Скажи погромче....

ГР. ВНУЧКА.

Время нѣтъ.
Il vous dira toute l'histoire!
Пойду, спрошу. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ЗАГОРѢЦКІЙ И ГРАФИНЯ БАБУШКА.

ГР. БАБУШКА.

Что? что? Ужъ нѣтъ ли здѣсь пожара?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Нѣтъ! Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.

ГР. БАБУШКА.

Какъ! Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ,
Сошелъ съ ума отъ раны.

ГР. БАБУШКА.

Что? къ формазонамъ въ клобъ?
Пошелъ онъ въ бусурманы?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Ее не вразумишь! *(Уходитъ).*

ГР. БАБУШКА.

Антонъ Антонычъ! Ахъ!
И онъ бѣжитъ; всѣ въ страхѣ, въ попыхахъ.

ЯВЛЕНІЕ XX.

ГРАФИНЯ БАБУШКА И КНЯЗЬ ТУГОУХОВСКІЙ.

ГР. БАБУШКА.

Князь! князь! охъ, этотъ князь,—по баламъ, самъ чуть дышетъ.
Князь, слышали?

КНЯЗЬ.

А? хмъ?

ГР. БАБУШКА.

Онъ ничего не слышитъ;
Хоть, можетъ видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?

КНЯЗЬ.

Э? хмъ?

ГР. БАБУШКА.

Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схватилъ?

КНЯЗЬ.

И? хмъ?

ГР. БАБУШКА.

Тесакъ ему да ранецъ;
Въ солдаты, — шутка ли: перемѣнилъ законъ!

КНЯЗЬ.

У? хмъ?

ГР. БАБУШКА.

Да!... въ бусурманахъ онъ!
Ахъ, окаянный волтерянецъ!
Что? а? глухъ, мой отецъ! достаньте свой рожокъ.
Охъ, глухота большой порокъ!

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ТѢ ЖЕ И ХЛЕСТОВА, СОФЬЯ, МОЛЧАЛИНЪ, ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ, НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА, ГРАФИНЯ ВНУЧКА, КНЯГИНЯ СЪ ДОЧЕРЬМИ, ЗАГОРѢЦКІЙ, СКАЛОЗУБЪ, ПОТОМЪ ФАМУСОВЪ И МНОГІЕ ДРУГІЕ.

ХЛЕСТОВА.

Съ ума сошелъ? прошу покорно!
Да невзначай! да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Кто первый разгласилъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Ахъ, другъ мой, всѣ.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ;
А мнѣ сомнительно.

ФАМУСОВЪ *(входитъ)*.

О комъ? о Чацкомъ, что ли?
Чего сомнительно? я первый, я открылъ;
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ.
Попробуй о властяхъ — и не-вѣсть что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ

Хоть предъ какимъ ни есть лицомъ —
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!...

ХЛЕСТОВА.

Туда же изъ смѣшливыхъ:
Сказала что-то я, — онъ началъ хохотать.

МОЛЧАЛИНЪ.

Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ!

ГР. ВНУЧКА.

Меня модисткою изволилъ величать!

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Безумный по всему!

ГР. ВНУЧКА.

Я видѣла изъ глазъ.

ФАМУСОВЪ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

ХЛЕСТОВА.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ?

КНЯГИНЯ.

О, вѣрно!...

ГР. ВНУЧКА.

Безъ сомнѣнья!

ХЛЕСТОВА.

Шампанское стаканами тянулъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Бутылками-съ, и пребольшими.

ЗАГОРѢЦКІЙ *(съ жаромъ)*.

Нѣтъ-съ, бочками сороковыми!

ФАМУСОВЪ.

Ну, вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье — вотъ чума! ученость — вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей и дѣлъ и мнѣній.

ХЛЕСТОВА.

И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... какъ бишь ихъ?
До отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ, въ Петербургѣ Институтъ
Пе... да... го... ническій, — такъ, кажется, зовутъ...
Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣріи
Профессора! У нихъ учился нашъ родня,
И вышелъ, — хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерьи;
Отъ женщинъ бѣгаетъ, и даже отъ меня;
Чиновъ не хочетъ знать, онъ химикъ, онъ ботаникъ,
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ!

СКАЛОЗУБЪ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэктъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій;
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два,—
А книги сохранять такъ, для большихъ оказій.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ! нѣтъ, ужъ коли зло пресѣчь, —
Забрать всѣ книги бы, да сжечь.

ЗАГОРѢЦКІЙ *(съ кротостью)*.

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь; а еслибъ между нами
Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ. Охъ, басни смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!

Кто что ни говори, —
Хоть и животныя, а все таки цари.

ХЛЕСТОВА.

Отцы мои! ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно, отъ книгъ ли, отъ питья-ль.
А Чацкаго мнѣ жаль!
По-христіански, такъ, онъ жалости достоинъ:
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

ФАМУСОВЪ.

Четыре.

ХЛЕСТОВА.

Три, сударь!

ФАМУСОВЪ.

Четыреста!

ХЛЕСТОВА.

Нѣтъ, триста!

ФАМУСОВЪ.

Въ моемъ календарѣ.

ХЛЕСТОВА.

Всѣ врутъ календари.

ФАМУСОВЪ.

Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!

ХЛЕСТОВА.

Нѣтъ! триста! Ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

ФАМУСОВЪ.

Четыреста, прошу понять!

ХЛЕСТОВА.

Нѣтъ, триста, триста, триста!

ЯВЛЕНІЕ XXII.

ТѢ ЖЕ И ЧАЦКІЙ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Вотъ онѣ!

ГР. ВНУЧКА.

Штъ!

ВСѢ.

Штъ! *(Пятятся отъ него въ противную сторону).*

ХЛЕСТОВА.

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ: — потребуютъ въ раздѣлкѣ!

ФАМУСОВЪ.

О, Господи! помилуй грѣшныхъ насъ!
(Опасливо). Любезнѣйшій! ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ — ты нездоровъ!

ЧАЦКІЙ.

Да, мóчи нѣтъ! Мильонъ терзаній:
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!
(Подходитъ къ Софьѣ).
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ! не доволенъ я Москвой!

ХЛЕСТОВА.

Москва, вишь, виновата!

ФАМУСОВЪ.

Подальше отъ него! *(Дѣлаетъ знакъ Софьѣ).*
Гмъ! Софья! Не глядитъ!

СОФЬЯ *(Чацкому).*

Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

ЧАЦКІЙ.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча,
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука Русскаго, ни Русскаго лица
Не встрѣтилъ; будто бы въ отечествѣ, съ друзьями:
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды.
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ. — И тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье и стонъ:
«Ахъ, Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края»!
Рѣшили двѣ княжны, сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княженъ!
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья.
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою вожжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.—
Пускай меня объявятъ старовѣромъ,—
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во-сто кратъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ—
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду — на другую,
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, на-перекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу;
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки....
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ! если рождены мы все перенимать,
Хоть у Китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ?
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку, насъ не считалъ за Нѣмцевъ!

— «Какъ Европейское поставить въ параллель
Съ національнымъ, — странно что-то!
Ну какъ перевести: мадамъ и мадмуазель?
Ужель: сударыня»! — забормоталъ мнѣ кто-то...
Вообразите, тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
«Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно»!....
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый;
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною, — онъ не новый:
Москва и Петербургъ во всей Россіи то,
Что человѣкъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ — имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье.
И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ
Кто нѣдругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей по несчастью головѣ
Пять, шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять, —
Глядь....

(Оглядывается: всѣ въ вальсъ кружатся съ величайшимъ усердіемъ; старики разбрелись къ карточнымъ столамъ).

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЧАЦКІЙ и его ЛАКЕЙ впереди.

ЧАЦКІЙ.

Кричи, чтобы скорѣе подавали! *(Лакей уходитъ).*
Ну вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки; весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли!
Чего я ждалъ? что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? Участье въ *комъ* живое?
Крикъ, радость, обнялись, — пустое!
Въ повозкѣ такъ-то, на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно, —
Все что-то видно впереди,
Свѣтло, сине, разнообразно;
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый; вотъ рѣзво

Домчались къ отдыху — ночлегъ. Куда ни взглянешь —
Все та же степь и гладь, и пусто и мертво...
Досадно, мочи нѣтъ, чѣмъ больше думать станешь....
Готово? *(Лакей возвращается).*

ЛАКЕЙ.

Кучера нигдѣ, вишь, не найдутъ.

ЧАЦКІЙ.

Пошелъ, ищи — не ночевать же тутъ.
(Лакей опять уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЧАЦКІЙ И РЕПЕТИЛОВЪ.

РЕПЕТИЛОВЪ

(Сбѣгаетъ съ крыльца, падаетъ и оправляется).

Тьфу! оплошалъ! Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза. Откудова, пріятель?
Сердечный другъ! Любезный другъ! Mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты!
Сей часъ..... растолковать прошу —
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу,
Хвать объ порогъ — задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ!
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть;
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго, ей-ей!
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Да разразитъ меня Господь....

ЧАЦКІЙ.

Да полно вздоръ молоть.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не любишь ты меня! естественное дѣло!
Съ другими — я и такъ, и сякъ;
Съ тобою — говорю не смѣло,
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!...

ЧАЦКІЙ.

Вотъ странное уничиженье!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Брани меня: я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ!...
Скажи, который часъ?

ЧАЦКІЙ.

Часъ ѣхать спать ложиться;
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь, до бѣла дня
Въ приличьяхъ скованы, — не вырвешься изъ ига!...
Читалъ ли ты, есть книга....

ЧАЦКІЙ.

А ты читалъ? задача для меня!
Ты Репетиловъ ли?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Зови меня вандаломъ:
Я это имя заслужилъ;
Людьми пустыми дорожилъ,
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ,
Объ дѣтяхъ забывалъ, обманывалъ жену,
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ!
Пилъ мертвую! не спалъ ночей по девяти!
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру....

ЧАЦКІЙ.

Послушай: ври, да знай же мѣру.
Есть отъ чего въ отчаянье придти!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Поздравь меня, теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу напролетъ....

ЧАЦКІЙ.

Вотъ нынче напримѣръ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что ночь одна — не въ счетъ!
За то спроси: гдѣ былъ?

ЧАЦКІЙ.

И самъ я догадаюсь:
Чай, въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Въ Англійскомъ, чтобъ исповѣдь начать!
Изъ шумнаго я засѣданья.
Пожалуста, молчи, — я слово далъ молчать.
У насъ есть общество и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ!

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, братецъ, я боюсь!
Какъ, въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Именно!...

ЧАЦКІЙ.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ зашеи прогнать и васъ, и ваши тайны.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Напрасно страхъ тебя беретъ:
Вслухъ громко говоримъ, никто не разберетъ;
Я самъ, какъ схватятся объ камерахъ, присяжныхъ,
Объ Байронѣ.... ну, объ матерьяхъ важныхъ, —
Частенько слушаю, не разжимая губъ.
Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ!...

Ахъ, Александръ! — у насъ тебя не доставало:
Послушай, миленькой, потѣшь меня хоть мало,
Поѣдемъ-ка сейчасъ, — мы благо на ходу;
Съ какими я тебя сведу
Людьми! — Ужъ на меня нисколько не похожи!
Что за люди, mon cher! сокъ умной молодежи!

ЧАЦКІЙ.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? въ глухую ночь? — Домой! — я спать хочу!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Э, брось! кто нынче спитъ! Ну, полно, безъ прелюдій!
Рѣшись, а мы... у насъ рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ:
Кричимъ — подумаешь, что сотни голосовъ.

ЧАЦКІЙ.

Да изъ чего, скажи, бѣснуетесь вы столько!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ....

ЧАЦКІЙ.

Шумите вы — и только?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ:
Но государственное дѣло;
Оно, вотъ видишь, не созрѣло —
Нельзя же вдругъ....
Что за люди, mon cher! безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во первыхъ, князь Григорій,
Чудакъ единственный! насъ со смѣху моритъ!
Вѣкъ съ Англичанами, вся Англійская складка,
И такъ же онъ сквозь зубы говоритъ,
И такъ же коротко обстриженъ для порядка.
Ты не знакомъ? О, познакомься съ нимъ!
Другой Воркуловъ Евдокимъ;
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? о, диво!
Послушай, милый; особливо
Есть у него любимое одно:
А нонъ ла-Шяръ ми но-но-но!

Еще у насъ два брата,
Левонъ и Боринька, чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь, что сказать!
Но если генія прикажите назвать:
Удушьевъ, Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его
Читалъ ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего —
Вотъ эдакихъ людей бы сѣчь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывки: *взглядъ и нѣчто.*
Объ чемъ бишь *нѣчто?*—обо всемъ;
Все знаетъ! Мы его на черный день пасемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту....
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку нечистъ:
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!...
Когда жъ объ честности высокой говоритъ:
Какимъ-то демономъ внушаемъ,
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ!
Вотъ люди! есть ли имъ подобные? наврядъ!
Ну, между ними я, конечно, заурядъ,
Немножко поотсталъ, лѣнивъ, — подумать ужасъ!
Однако жъ я, когда, умишкомъ понатужась,
Засяду — часу не сижу,
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу.
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ
И вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ;
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ....
Братъ, смѣйся, а что любо—любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ;
Далъ сердце доброе, вотъ чѣмъ я людямъ милъ;
Совру — простятъ....

ЛАКЕЙ *(у подъѣзда).*

Карета Скалозуба!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Чья?

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И СКАЛОЗУБЪ, спускается съ лѣстницы.

РЕПЕТИЛОВЪ.

А, Скалозубъ! душа моя!
Постой, куда же? сдѣлай дружбу!... *(Душитъ его въ объятіяхъ).*

ЧАЦКІЙ.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ? *(Входитъ въ швейцарскую).*

РЕПЕТИЛОВЪ *(Скалозубу).*

Слухъ объ тебѣ давно затихъ:
Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу.
Знакомы вы? *(Ищетъ глазами Чацкаго).* Упрямецъ ускакалъ—
Нѣтъ нужды.... Я тебя нечаянно съискалъ,
И просимъ-ка со мной сейчасъ, безъ отговорокъ!
У князь Григорія теперь народу тьма,
Увидишь человѣкъ насъ сорокъ.
Фу! сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ, не наскучатъ:
Вопервыхъ — напоятъ шампанскимъ на убой,
А во вторыхъ — такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

СКАЛОЗУБЪ.

Избавь. Ученостью меня не обморочишь,
Скликай другихъ; а если хочешь,
Я князь Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикнете — такъ мигомъ успокоитъ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Все служба на умѣ; mon cher, гляди сюда:
И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ, можетъ быть, никто и никогда;
По статской я служилъ; — тогда
Баронъ фонъ-Клокъ въ министры мѣтилъ;
А я
Къ нему въ зятья

Шелъ напрямикъ, безъ дальней думы.
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси;
Ему и ей такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси;
Онъ на Фонтанкѣ жилъ, я возлѣ домъ построилъ,
Съ колоннами, огромный, — сколько стоилъ!
Женился наконецъ на дочери его;
Приданаго взялъ — шишъ, по службѣ — ничего!
Тесть Нѣмецъ, а что проку?
Боялся, видишь, онъ упреку
За слабость будто бы къ роднѣ.
Боялся, прахъ его возьми, да легче ль мнѣ?
Секретари его всѣ хамы, всѣ продажны,
Людишки, пишущая тварь,
Всѣ вышли въ знать, всѣ нынче важны:
Гляди-ка въ адресъ-календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты душѣ мытарства.
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что радикальныя потребны тутъ лекарства:
Желудокъ дольше не варитъ.

(Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покудова уѣхалъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

РЕПЕТИЛОВЪ И ЗАГОРѢЦКІЙ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Извольте продолжать. Вамъ искренно признаюсь:
Такой же я, какъ вы, ужасный либералъ.
И оттого, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ.

РЕПЕТИЛОВЪ *(съ досадою).*

Всѣ врознь, не говоря ни слова!
Чуть изъ виду одинъ,—гляди, ужъ нѣтъ другова:
Былъ Чацкій, вдругъ исчезъ; потомъ и Скалозубъ....

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Онъ не глупъ.

Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякія турусы,
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль....
Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль!
Мы съ нимъ.... у насъ одни и тѣ же вкусы,

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ серьёзно поврежденъ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Какая чепуха!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Объ немъ всѣ этой вѣры.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Вранье!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Спросите всѣхъ!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Химеры!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А, кстати, вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Дичь!

ЯВЛЕНІЕ VII.

РЕПЕТИЛОВЪ, ЗАГОРѢЦКІЙ, КНЯЗЬ И КНЯГИНЯ СЪ ШЕСТЬЮ ДОЧЕРЬМИ; немного погодя ХЛЕСТОВА спускается съ лѣстницы: МОЛЧАЛИНЪ ведетъ ее подъ руку. ЛАКЕЙ въ суетахъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мнѣнье:
Безумный Чацкій, или нѣтъ?

1-Я КНЯЖНА.

Какое жъ въ этомъ есть сомнѣнье?

2-я княжна.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ!

3-я княжна.

Дрянскіе, Хворовы, Ворленскіе, Скачковы!...

4-я княжна.

И, вѣсти старыя! кому же онѣ новы?

5-я княжна.

Кто сомнѣвается?

Загорѣцкій.

Да вотъ не вѣритъ!

6-я княжна.

Вы?

Всѣ вмѣстѣ.

Мсьё Репетиловъ! Вы? Мсьё Репетиловъ, что вы?
Да какъ вы? — Можно ль противъ всѣхъ?
Да почему вы? — Стыдъ и смѣхъ!

Репетиловъ *(затыкаетъ уши).*

Простите: я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

Княгиня.

Еще не гласно бы! съ нимъ говорить опасно.
Давно бы запереть пора:
Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ и даже князь Петра!
Я думаю, онъ просто якобинецъ —
Вашъ Чацкій! ѣдемте. Князь, ты везти бы могъ
Катишь или Зизи; мы ѣдемъ въ шестимѣстной.

Хлестова *(съ мѣстницы).*

Княгиня, карточный должокъ.

Княгиня.

За мною, матушка.

ВСѢ ДРУГЪ ДРУГУ.

Прощайте! *(Княжеская фамилія уѣзжаетъ, и Загорѣцкій тоже).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

РЕПЕТИЛОВЪ, ХЛЕСТОВА И МОЛЧАЛИНЪ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Царь небесный!
Анфиса Ниловна! Ахъ, Чацкій бѣдный!... Вотъ!
Что нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ?

ХЛЕСТОВА.

Такъ Богъ ему судилъ; а впрочемъ
Полечатъ, вылечатъ авось;
А ты, мой батюшка, неизлечимъ, хоть брось!
Изволилъ во время явиться!
Молчалинъ, вонъ чуланчикъ твой;
Не нужны проводы; поди, Господь съ тобой. *(Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ комнату).*
Прощайте, батюшка; пора перебѣситься. *(Уѣзжаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

РЕПЕТИЛОВЪ, СО СВОИМЪ ЛАКЕЕМЪ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда-нибудь! *(Уѣзжаетъ).*
(Послѣдняя лампа гаснетъ).

Грибоѣдовъ [1]).

Примѣч. — Комедія Грибоѣдова «Горе отъ Ума» написана въ 1823 году, а напечатана въ первый разъ въ 1831 году. Въ рукописи она обошла всю Россію. «Увѣряли въ 1835 г.,—пишетъ Булгаринъ (Сѣв. Пчела 1851, № 79),— что въ Россіи находится болѣе *сорока* тысячъ списковъ сего единственнаго про-

[1]) Грибоѣдовъ (1795 — 1829), полномочный министръ при Персидскомъ дворѣ, питомецъ Московскаго университета.

изведенія». Въ одномъ альманахѣ 1825 г. сказано: «Русскій театръ въ прошедшемъ году обѣднѣлъ оригинальными піэсами. Но все выкупаетъ *рукописная* комедія Г. Грибоѣдова: *«Горе отъ Ума» — феноменъ, какого не видали мы отъ временъ* «Недоросля». Толпа характеровъ, обрисованныхъ смѣло и рѣзко; живая картина Московскихъ нравовъ, душа въ чувствованіяхъ, невиданная доселѣ бѣглость Р. языка въ стихахъ: все это завлекаетъ, поражаетъ, приковываетъ вниманіе». Прежде появленія въ печати, комедія эта была представляема на сценѣ. Каждый мыслящій человѣкъ старался пріобрѣсти ея списокъ. Все это еще живо помнятъ наши старички и старушки.... Лучшій разборъ комедіи написанъ Гоголемъ и Бѣлинскимъ (III — 337). Мы приводимъ мнѣніе Гоголя.

Слова *Гоголя*: «Комедіи Фонъ-Визина «Недоросль» и Грибоѣдова «Горе отъ Ума» весьма остроумно назвалъ князь Вяземскій двумя современными трагедіями. Въ нихъ уже не легкія насмѣшки надъ смѣшными сторонами общества, но раны и болѣзни нашего общества, тяжелыя злоупотребленія внутреннія, которыя безпощадною силою ироніи выставлены въ очевидности потрясающей. Обѣ комедіи взяли двѣ разныя эпохи. Одна поразила болѣзни отъ непросвѣщенія, другая отъ дурно-понятаго просвѣщенія.

«Комедія Фонъ-Визина поражаетъ огрубѣлое свойство человѣка, происшедшее отъ долгаго, безчувственнаго, непотрясаемаго застоя въ отдаленныхъ углахъ и захолустьяхъ Росіи. Она выставила такъ страшно эту кору огрубѣнія, что въ ней почти не узнаешь Русскаго человѣка. Кто можетъ узнать что-нибудь Русское въ этомъ злобномъ существѣ, исполненномъ тиранства, какова Простакова, мучительница крестьянъ, мужа и всего, кромѣ своего сына? А между тѣмъ чувствуешь, что нигдѣ въ другой землѣ, ни во Франціи, ни въ Англіи не могло образоваться такое существо. Эта безумная любовь къ своему дѣтищу есть наша сильная Русская любовь, которая въ человѣкѣ, потерявшемъ свое достоинство, выразилась въ такомъ извращенномъ видѣ, въ такомъ чудномъ соединеніи съ тиранствомъ, такъ, что чѣмъ болѣе она любитъ свое дитя, тѣмъ болѣе ненавидитъ все, что не есть ея дитя. Потомъ характеръ Скотинина—другой типъ огрубѣнія. Его неуклюжая природа, не получивъ на свою долю никакихъ сильныхъ и неистовыхъ страстей, обратилась въ какую-то болѣе спокойную, въ своемъ родѣ, художественную любовь къ скотинѣ, на мѣсто человѣка: свиньи сдѣлались для него то же, что для любителя искусствъ картинная галлерея. Потомъ супругъ Простаковой несчастное, убитое существо; въ которомъ и тѣ слабыя силы, какія держались, забиты понуканіями жены, полное притупленіе всего! Наконецъ самъ Митрофанъ, который, ничего не заключая злобнаго въ своей природѣ, не имѣя желанія наносить кому-либо несчастіе, становится нечувствительно, съ помощью угожденій и баловства, тираномъ всѣхъ, и всего болѣе тѣхъ, которые его сильнѣе любятъ, то есть, матери и няньки, такъ, что наносить имъ оскорбленіе—сдѣлалось ему уже наслажденіемъ. Словомъ—лица эти какъ бы уже не Русскія; трудно даже и узнать въ нихъ Русскія качества, исключая только развѣ одну Еремѣевну, да отставнаго солдата. Съ ужасомъ слышишь, что уже на нихъ не подѣйствуешь ни вліяніемъ церкви, ни обычаями старины, отъ которыхъ удерживалось въ нихъ одно пошлое, и только одному желѣзному закону здѣсь мѣсто. Все въ этой комедіи кажется чудовищною каррикатурою на Русское. А между тѣмъ, нѣтъ ничего въ ней каррикатурнаго: все взято живьемъ съ природы и провѣрено знаніемъ души. Это тѣ неотразимо-страшные идеалы огрубѣнія, до которыхъ достигъ человѣкъ Русской земли.

«Комедія Грибоѣдова взяла другое время общества — выставила болѣзни отъ дурно-понятаго просвѣщенія, отъ принятія глупыхъ свѣтскихъ мелочей на мѣсто главнаго, словомъ — взяла Донкишотскую сторону нашего Европейскаго образованія, несвязавшуюся смѣсь обычаевъ, сдѣлавшую Русскихъ не Русскими, но иностранцами. Типъ Фамусова такъ же глубоко постигнутъ, какъ и Простаковой. Такъ же наивно, какъ хвастается Простакова своимъ невѣжествомъ, онъ хвастается полупросвѣщеніемъ, какъ собственнымъ, такъ и всего того сословія, къ которому принадлежитъ, хвастается тѣмъ, что Московскія дѣвицы верхнія выводятъ нотки, словечка два не скажутъ, все съ ужимкою; что дверь у него отперта для всѣхъ, какъ званыхъ, такъ и незваныхъ, особенно для иностранныхъ; что канцелярія у него набита ничего недѣлающею роднею. Онъ и благопристойный, степенный человѣкъ и волокита, и читаетъ мораль и мастеръ такъ пообѣдать, что въ три дня не сварится. Онъ даже вольнодумецъ, если соберется съ подобными себѣ стариками, и въ то же время готовъ не допустить на выстрѣлъ къ столицамъ молодыхъ вольнодумцевъ, которыхъ именемъ честитъ всѣхъ, кто не подчинился принятымъ свѣтскимъ обычаямъ ихъ общества. Въ существѣ своемъ это одно изъ тѣхъ вывѣтрившихся лицъ, въ которыхъ, при всемъ ихъ свѣтскомъ comme il faut, не осталось ровно ничего; которыя своимъ пребываніемъ въ столицѣ и службою также вредны обществу, какъ другія ему вредны своею неслужбою и огрубѣлымъ пребываніемъ въ деревнѣ. Вредны во первыхъ собственнымъ имѣніямъ своимъ — тѣмъ, что, продавши ихъ въ руки наемниковъ и управителей, требуя отъ нихъ только денегъ для своихъ баловъ и обѣдовъ званыхъ и незваныхъ, они разрушили истинно-законныя узы, связавшія помѣщиковъ съ крестьянами; вредны во-вторыхъ на служащемъ поприщѣ—тѣмъ, что, доставляя мѣста однимъ только ничего недѣлающимъ родственникамъ своимъ, отняли у государства истинныхъ дѣльцевъ, и отводили охоту служить у честнаго человѣка; вредны наконецъ въ третьихъ духу правительства своею двусмысленною жизнью — тѣмъ, что подъ личиною усердія и благонамѣренности, требуя поддѣльной нравственности отъ молодыхъ людей и развратничая въ тоже время сами, возбудили негодованіе молодежи, неуваженіе къ старости и заслугамъ и наклонность къ вольнодумству дѣйствительному у тѣхъ, которые имѣютъ некрѣпкія головы и способны вдаваться въ крайности. Не меньше замѣчателенъ другой типъ: отъявленный мерзавецъ Загорѣцкій, вездѣ ругаемый и, къ изумленію, всюду принимаемый; лгунъ, плутъ, но въ то же время мастеръ угодить всякому сколько-нибудь значительному, или сильному лицу доставленіемъ ему того, къ чему онъ грѣховно падокъ; готовый, въ случаѣ надобности, сдѣлаться патріотомъ и ратоборцемъ нравственности, зажечь костры и на нихъ предать пламени всѣ книги, какія ни есть на свѣтѣ, а въ томъ числѣ и сочинителей даже самыхъ басень, и симъ обнаружившій, что, не бояся ничего, даже самой позорнѣйшей брани, боится однако жъ насмѣшки, какъ чортъ креста. Не меньше замѣчателенъ третій типъ: глупый либералъ Репетиловъ, рыцарь пустоты во всѣхъ ея отношеніяхъ, рыскающій по народнымъ собраніямъ, радующійся какъ Богъ вѣсть какой находкѣ, когда удается ему пристегнуться къ какому-нибудь обществу, которое шумитъ о томъ, чего онъ не понимаетъ, чего и разсказать даже не умѣетъ, но котораго бредни слушаетъ онъ съ чувствомъ, въ увѣренности, что попалъ наконецъ на настоящую дорогу, и что тутъ кроется дѣйствительно какое-то общественное дѣло, которое хотя еще не созрѣло, но какъ разъ созрѣетъ если только о немъ пошумятъ побольше, станутъ почаще собираться по но-

чамъ, да позадористѣе между собою спорить. Не меньше замѣчателенъ четвертый типъ: глупый Скалозубъ, понявшій службу единственно въ умѣньи различать форменныя отлички, но, при всемъ томъ, удержавшій какой-то свой особенный философскій взглядъ на чины, признающійся откровенно, что онъ считаетъ ихъ какъ необходимые каналы къ тому, чтобы попасться въ генералы, а тамъ ему хоть трава не расти—всѣ прочія тревоги ему ни по чемъ, а обстоятельства времени и вѣка для него не головоломная наука: онъ искренно увѣренъ, что весь міръ можно успокоить, давши ему въ Волтеры фельдфебеля. Не меньше замѣчательный также типъ и старуха Хлестова, жалкая смѣсь пошлости двухъ вѣковъ, удержавшая изъ старинныхъ временъ только одно пошлое съ притязаніями на уваженіе отъ новаго поколѣнія, съ требованіями почтенія къ себѣ отъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ сама презираетъ, готовая выбранить вслухъ и встрѣчнаго и поперечнаго, за то только, что не такъ къ ней сѣлъ, или передъ нею оборотился, ни къ чему не питающая никакой любви и никакого уваженія, но покровительница арапченокъ, мосекъ и людей въ родѣ Молчалина — словомъ, старуха-дрянь въ полномъ смыслѣ этого слова.

«Самъ Молчалинъ тоже замѣчательный типъ. Мѣтко схвачено это лицо безмолвное, низкое, покамѣсть тихомолкомъ пробирающееся въ люди, но въ которомъ, по словамъ Чацкаго, готовится будущій Загорѣцкій. Такое скопище уродовъ общества, изъ которыхъ каждый окаррикатурилъ какое-нибудь мнѣніе, правило, мысль, извративши по-своему законный смыслъ ихъ, должно было вызвать въ отпоръ ему другую крайность, которая обнаружилась ярко въ Чацкомъ. Въ досадѣ и въ справедливомъ негодованіи противу ихъ всѣхъ, Чацкій переходитъ также въ излишество, не замѣчая, что черезъ это самое и черезъ этотъ невоздержный языкъ свой онъ дѣлается самъ нестерпимъ и даже смѣшонъ. Всѣ лица комедіи Грибоѣдова суть такія же дѣти полупросвѣщенія, какъ Фонъ-Визиновы дѣти непросвѣщенія, Русскіе уроды, временныя, преходящія лица, образовавшіяся среди броженія новой закваски. Прямо-Русскаго типа нѣтъ ни въ комъ изъ нихъ; не слышно Русскаго гражданина. Зритель остается въ недоумѣніи насчетъ того, чѣмъ долженъ быть Русскій человѣкъ. Даже то лицо, которое взято, повидимому, въ образецъ, то есть, самъ Чацкій, показываетъ только стремленіе чѣмъ-то сдѣлаться, выражаетъ только негодованіе противу того, что презрѣнно и мерзко въ обществѣ, но не даетъ въ себѣ образца обществу.

«Обѣ комедіи исполняютъ плохо сценическія условія; въ семъ отношеніи ничтожная Французская пьеса ихъ лучше. Содержаніе, взятое въ интригу ни завязано плотно, ни мастерски развязано. Кажется, сами комики о немъ не много заботились, видя сквозь него другое, высшее содержаніе и соображая съ нимъ выходы и уходы лицъ своихъ. Степень потребности побочныхъ характеровъ и ролей измѣрена также не въ отношеніи къ герою пьесы, но въ отношеніи къ тому, сколько они могли пополнить и пояснить мысль самого автора присутствіемъ своимъ на сценѣ, сколько могли собою дорисовать общность всей сатиры. Въ противномъ же случаѣ, то есть, еслибы они выполнили и эти необходимыя условія всякаго драматическаго творенія и заставили каждое изъ лицъ, такъ мѣтко схваченныхъ и постигнутыхъ, изворотиться передъ зрителемъ въ живомъ дѣйствіи, а не въ разговорѣ — это были бы два высокія произведенія нашего генія. И теперь даже ихъ можно назвать истинно-общественными комедіями, и подобнаго выраженія, сколько мнѣ кажется, не принимала еще комедія ни у одного изъ народовъ. Есть слѣды общественной комедіи у древнихъ Грековъ; но Аристофанъ руково-

дился болѣе личнымъ расположеніемъ, нападалъ на злоупотребленія одного какогонибудь человѣка и не всегда имѣлъ въ виду истину; доказательствомъ тому то, что онъ дерзнулъ осмѣять Сократа. Наши комики двинулись общественною причиною, а не собственною; возстали не противъ одного лица, но противъ цѣлаго множества злоупотребленій, противъ уклоненія всего общества отъ прямой дороги. Общество сдѣлали они какъ бы собственнымъ своимъ тѣломъ; огнемъ негодованія зажглась безпощадная сила ихъ насмѣшки. Это — продолженіе той же брани свѣта со тьмой, внесенной въ Россію Петромъ, которая всякаго благороднаго Русскаго дѣлаетъ невольно ратникомъ свѣта. Обѣ комедіи ничуть не созданія художественныя и не принадлежатъ фантазіи сочинителей. Нужно было много накопиться сору и дрязгу внутри земли нашей, чтобы явились они почти сами собою, въ видѣ какого-то грознаго очищенія. Вотъ почему по слѣдамъ ихъ не появилось въ нашей литературѣ ничего имъ подобнаго, и, вѣроятно, долго не появится». (Переписка съ Друзьями, статья: Въ чемъ наконецъ существо Р. поэзіи и въ чемъ ея особенность. Изд. 1847, стр. 247 — 255).

РЕВИЗОРЪ [1]).

ДѢЙСТВІЕ I.

(Комната въ домѣ городничаго).

ЯВЛЕНІЕ I.

ГОРОДНИЧІЙ, ПОПЕЧИТЕЛЬ БОГОУГОДНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, СМОТРИТЕЛЬ УЧИЛИЩЪ, СУДЬЯ, ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ, ЛЕКАРЬ, ДВА КВАРТАЛЬНЫХЪ.

ГОРОДНИЧІЙ. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. Какъ, ревизоръ?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. Какъ, ревизоръ?

ГОРОДНИЧІЙ. Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито. И еще съ секретнымъ предписаніемъ.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. Вотъ-те на!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. Вотъ не было заботы, такъ подай!

ЛУКА ЛУКИЧЪ. Господи Боже! еще съ секретнымъ предписаніемъ!

ГОРОДНИЧІЙ. Я какъ будто предчуствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, ко-

---

[1]) Комедія «Ревизоръ» явилась въ 1836 г.

торое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: «Любезный другъ, кумъ и благодѣтель» *(бормочетъ въ полголоса, пробѣгая скоро глазами)*... «и увѣдомить тебя». А, вотъ: «спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ *(значительно подымаетъ палецъ вверхъ)*. Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...» *(Остановясь)* ну, здѣсь свои... «то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дня»... Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: «сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ: Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ»... и прочее и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. Да, обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

ЛУКА ЛУКИЧЪ. Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

ГОРОДНИЧІЙ *(испуская вздохъ)*. Зачѣмъ! такъ ужъ, видно, судьба! *(Вздохнувъ)*. До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну, и министерія то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

ГОРОДНИЧІЙ. Экъ куда хватили! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. Нѣтъ, я вамъ скажу. Вы не того.. вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды; даромъ, что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

ГОРОДНИЧІЙ. Мотаетъ, или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ. Смотрите! по своей части я кое-какія распоряженія сдѣлалъ, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

ГОРОДНИЧІЙ. Да. И тоже надъ каждою кроватью надписать по Латынѣ, или на другомъ какомъ языкѣ... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ, — всякую болѣзнь:—когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкой табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, еслибы ихъ было меньше; тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. О! на счетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше,—лекарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ, если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затрудительно было бъ съ ними изъясняться—онъ по-Русски ни слова не знаетъ.

ХРИСТІАНЪ ИВАНОВИЧЪ. *(Издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву* и, *и нѣсколько на* е*).*

ГОРОДНИЧІЙ. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенятами, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его; только знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... я и прежде хотѣлъ вамъ замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

ГОРОДНИЧІЙ. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкафомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй опять можете его повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ-будто бы сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода — это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню чѣмъ-то, развлеченъ. Есть противъ этого средство, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

ХРИСТІАНЪ ИВАНОВИЧЪ *(издаетъ тотъ же звукъ).*

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать:

онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ не много водкою.

ГОРОДНИЧІЙ. Да, я такъ только замѣтилъ вамъ. На счетъ же внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и Волтеріянцы напрасно противъ этого говорятъ.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки, но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

ГОРОДНИЧІЙ. Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль....

ГОРОДНИЧІЙ. Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? За то вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я по крайней мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы.... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

ГОРОДНИЧІЙ. Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судьѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо.... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу, вотъ этакъ (*дѣлаетъ гримасу*); и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстуха утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, можетъ быть, оно тамъ и нужно такъ, объ этомъ я не могу судить; но, вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю—это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ, или другой кто можетъ принять это на свой счетъ.

ЛУКА ЛУКИЧЪ. Что жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? Я ужъ

нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще на дняхъ, какъ зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я еще никогда не видалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ, зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

ГОРОДНИЧІЙ. Тоже долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова — это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣсть говорилъ объ Ассиріянахъ и Вавилонянахъ—еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ, ей Богу! сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хватилъ стуломъ объ полъ! Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но за чѣмъ же стулья ломать? Отъ этого убытокъ казнѣ.

ЛУКА ЛУКИЧЪ. Да, онъ горячъ! я ему это уже нѣсколько разъ замѣчалъ.... говоритъ: «Какъ хотите, для науки я жизни не пощажу».

ГОРОДНИЧІЙ. Да, таковъ ужъ неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую скроитъ, что хоть святыхъ выноси.

ЛУКА ЛУКИЧЪ. Не приведи Богъ служить по ученой части, всего боишься! Всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ!

ГОРОДНИЧІЙ. Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ: «А, вы здѣсь голубчики! А кто», скажетъ «здѣсь судья»? — «Ляпкинъ-Тяпкинъ»! — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?» — «Земляника». — «А подать сюда Землянику»! Вотъ что худо!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, ДОВЧИНСКІЙ И ДОВЧИНСКІЙ *(оба входятъ запыхавшись)*.

ДОВЧИНСКІЙ. Чрезвычайное происшествіе!

ДОВЧИНСКІЙ. Неожиданное извѣстіе!

ВСѢ. Что, что такое?

ДОВЧИНСКІЙ. Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостинницу....

ДОВЧИНСКІЙ *(перебивая)*. Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостинницу....

ДОВЧИНСКІЙ *(перебивая)*. Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

БОБЧИНСКІЙ. Э, нѣтъ, позвольте ужъ я.... позвольте, позвольте.... вы ужъ и слога такого не имѣете....

ДОБЧИНСКІЙ. А вы собьетесь и не припомните всего.

БОБЧИНСКІЙ. Припомню, ей Богу, припомню. Уже не мѣшайте, пусть я разскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

ГОРОДНИЧІЙ. Да говорите ради Бога, что такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! возьмите стулья, Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ *(всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей)*. Ну, что, что такое?

БОБЧИНСКІЙ. Позвольте, позвольте: я все по порядку. Какъ только имѣлъ я удовольствіе выйти отъ васъ послѣ того, какъ вы изволили смутиться полученнымъ письмомъ, да-съ — такъ я тогда же забѣжалъ.... ужъ пожалуйста не перебивайте, Петръ Ивановичъ! я ужъ все, все, все знаю-съ. Такъ я, вотъ изволите видѣть, забѣжалъ къ Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотилъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ....

ДОБЧИНСКІЙ *(перебивая)*. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

БОБЧИНСКІЙ. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Да, встрѣтившись съ Петромъ Ивановичемъ, и говорю ему: слышали ли вы о новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма? А Петръ Ивановичъ ужъ слышали объ этомъ отъ ключницы вашей, Авдотьи, которая, не знаю за чѣмъ-то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

ДОБЧИНСКІЙ *(перебивая)*. За боченкомъ, для Французской водки.

БОБЧИНСКІЙ *(отводя его руки)*. За боченкомъ для Французской водки. Вотъ мы пошли съ Петромъ-то Ивановичемъ къ Почечуеву.... Ужъ вы, Петръ Ивановичъ.... энтого.... не перебивайте, пожалуйста не поребивайте!... Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ: «Зайдемъ», говоритъ «въ трактиръ. Въ желудкѣ-то у меня.... съ утра я ничего не ѣлъ, такъ желудочное трясеніе».... Да-съ, въ желудкѣ-то у Петра Ивановича.... «А въ трактиръ», говоритъ, «привезли теперь свѣжей семги, такъ мы закусимъ». Только-что мы въ гостинницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ....

ДОБЧИНСКІЙ *(перебивая)*. Не дурной наружности, въ партикулярномъ платьи, ходитъ этакъ по комнатѣ, и въ лицѣ этакое разсужденіе.... физіономія.... поступки и здѣсь *(вертитъ рукою около лба)* много, много всего. Я будто предчувствовалъ и говорю Петру Ивановичу: «Здѣсь что-нибудь не спроста-съ». Да. А Петръ-то Ивановичъ ужъ мигнулъ пальцемъ и подозвали трактирщика-съ,

трактирщика Власа—у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой пребойкій мальчикъ, будетъ также, какъ и отецъ, содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ и спроси его потихоньку: «Кто», говоритъ, «этотъ молодой человѣкъ»? а Власъ и отвѣчаетъ на это: «Это», говоритъ.... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста не перебивайте; вы не разскажете, ей Богу не разскажете: вы пришепетываете, у васъ, я знаю, одинъ зубъ во рту со свистомъ.... «Это», говоритъ «молодой человѣкъ, чиновникъ», да-съ; «ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи», говоритъ, «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ-съ, а ѣдетъ», говоритъ, «въ Саратовскую губернію» и, говоритъ, «престранно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и ни копѣйки не хочетъ платить». Какъ сказалъ онъ мнѣ это, а меня такъ вотъ свыше и вразумило. «Э»! говорю я Петру Ивановичу....

ДОБЧИНСКІЙ. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ «э»!

БОБЧИНСКІЙ. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. «Э»! сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ. «А съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ въ Саратовскую губернію»?— Да-съ. А вотъ онъ-то и есть этотъ чиновникъ.

ГОРОДНИЧІЙ. Какой чиновникъ? Кто?

БОБЧИНСКІЙ. Чиновникъ-та, о которомъ изволили получить нотацію — ревизоръ.

ГОРОДНИЧІЙ *(въ страхѣ)*. Что вы, Господь съ вами! это не онъ.

ДОБЧИНСКІЙ. Онъ! и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ. Кому же быть, какъ не ему? И подорожная прописана въ Саратовъ.

БОБЧИНСКІЙ. Онъ, онъ, ей Богу онъ.... Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ. Увидѣлъ, что мы съ Петромъ-то Ивановичемъ ѣли семгу,—больше потому, что Петръ Ивановичъ на счетъ своего желудка.... да,—такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянулъ. Меня такъ и проняло страхомъ.

ГОРОДНИЧІЙ. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

ДОБЧИНСКІЙ. Въ пятомъ нумерѣ, подъ лѣстницей.

БОБЧИНСКІЙ. Въ томъ самомъ нумерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

ГОРОДНИЧІЙ. И давно онъ здѣсь?

ДОБЧИНСКІЙ. А недѣли двѣ ужъ. Пріѣхалъ на Василія Египтянина.

ГОРОДНИЧІЙ. Двѣ недѣли! *(Въ сторону)*. Батюшки, сватушки, выносите, святые угодники! Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена! арестантамъ не выдавали провизіи! На улицахъ кабакъ, нечистота! Позоръ! поношенье! *(хватается за голову)*.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. Что жъ Антонъ Антоновичъ, ѣхать парадомъ въ гостинницу.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. Нѣтъ, нѣтъ. Впередъ пустить голову, духовенство, купечество; вотъ и въ книгѣ: Дѣянія Іоанна Масона....

ГОРОДНИЧІЙ. Нѣтъ, нѣтъ! позвольте ужъ мнѣ самому! Бывали трудные случаи въ жизни, сходили, еще даже и спасибо получалъ. Авось, Богъ вынесетъ и теперь. *(Обращаясь къ Бобчинскому).* Вы говорите, онъ молодой человѣкъ?

БОБЧИНСКІЙ. Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

ГОРОДНИЧІЙ. Тѣмъ лучше: молодаго скорѣе пронюхаешь. Бѣда, если старый чортъ; а молодой весь на верху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь одинъ, или, вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, для прогулки, навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе непріятностей. Эй, Свистуновъ!

СВИСТУНОВЪ. Что угодно?

ГОРОДНИЧІЙ. Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ, или нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда. *(Квартальный бѣжитъ въ попыхахъ).*

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. Пойдемъ, пойдемъ, Аммосъ Ѳедоровичъ. Въ самомъ дѣлѣ можетъ случиться бѣда.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. Да вамъ чего бояться? Колпаки чисты надѣлъ на больныхъ, да и концы въ воду.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. Какое колпаки! Больнымъ велѣно габеръ-супъ давать, а у меня по всѣмъ корридорамъ несетъ такая капуста, что береги только носъ.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. А я на этотъ счетъ покоенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку — а! только рукою махну! Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что̀ въ ней правда и что̀ не правда. *(Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ, и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ).*

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ V.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, въ попыхахъ и съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ. Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ, котораго мы приняли за ревизора, былъ не ревизоръ.

ВСѢ. Какъ, не ревизоръ?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ. Совсѣмъ не ревизоръ; я узналъ это изъ письма.

ГОРОДНИЧІЙ. Что вы, что вы, изъ какого письма?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ. Да изъ собственнаго его письма. Приносятъ ко мнѣ на почту письмо. Взглянувъ на адресъ, вижу: «въ Почтамтскую улицу». Я такъ и обомлѣлъ. «Ну», думаю себѣ, «вѣрно нашелъ безпорядки по почтовой части и увѣдомляетъ начальство». Взялъ, да и распечаталъ.

ГОРОДНИЧІЙ. Какъ же вы?...

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ. Самъ не знаю: неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобы отправить его съ эстафетой—но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянетъ, такъ вотъ и тянетъ! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: «Эй не распечатывай, пропадешь, какъ курица»! а въ другомъ словно бѣсъ какой шепчетъ: «Распечатай, распечатай, распечатай»! И какъ придавилъ сургучъ — по жиламъ огонь, а распечаталъ — морозъ, ей Богу морозъ. И руки дрожатъ и все помутилось.

ГОРОДНИЧІЙ. Да какже вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный, и не особа!

ГОРОДНИЧІЙ. Что жъ онъ по вашему такое?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ. Ни сё, ни то́; чортъ знаетъ, что́ такое!

ГОРОДНИЧІЙ *(запальчиво)*. Какъ ни сё, ни то́? Какъ вы смѣете назвать его ни тѣмъ, ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? я васъ подъ арестъ....

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ. Кто? вы?

ГОРОДНИЧІЙ. Да, я!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ. Коротки руки!

ГОРОДНИЧІЙ. Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что́ Сибирь, далеко Сибирь! Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

ВСѢ. Читайте, читайте!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ *(читаетъ)*. «Спѣшу увѣдомить тебя, душа Тряпичкинъ, какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня крутомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму; какъ вдругъ по моей Петербургской физіогноміи и по костюму весь городъ принялъ меня за генералъ-губернатора. И я теперь живу у городничаго, жупрую. Помнишь, какъ мы

съ тобой обѣдали на широмыжку, и какъ одинъ разъ было кондиторъ схватилъ меня за воротникъ, по поводу съѣденныхъ пирожковъ на счетъ доходовъ Англійскаго короля? Теперь совсѣмъ другой оборотъ! Всѣ мнѣ даютъ въ займы, сколько угодно. Оригиналы страшные, отъ смѣху ты бы умеръ! Ты, я знаю, пишешь статейки: помѣсти ихъ въ свою литературу. Во первыхъ: городничій—глупъ, какъ сивый меринъ»!....

ГОРОДНИЧІЙ. Не можетъ быть! тамъ нѣтъ этого!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ *(показываетъ письмо)*. Читайте сами.

ГОРОДНИЧІЙ *(читаетъ)*. «Какъ сивый меринъ». Не можетъ быть, вы это сами написали.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ. Какже бы я сталъ писать?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. Читайте!

ЛУКА ЛУКИЧЪ. Читайте!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ *(продолжая читать)*. «Городничій — глупъ, какъ сивый меринъ»....

ГОРОДНИЧІЙ. О, чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ-будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ *(продолжая читать)*. «Хм.... хм.... хм..... сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ».... *(Оставляя читать)*. Ну тутъ онъ и обо мнѣ тоже неприлично выразился.

ГОРОДНИЧІЙ. Нѣтъ, читайте!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ. Да къ чему жъ?...

ГОРОДНИЧІЙ. Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. Позвольте, я прочитаю. *(Надѣваетъ очки и читаетъ)*: «Почтмейстеръ точь-въ-точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно быть, тоже подлецъ, пьетъ горькую».

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ *(къ зрителямъ)*. Ну, скверный мальчишка, котораго надо высѣчь: больше ничего!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ *(продолжая читать)*. «Надзиратель богоугоднымъ заведен....и....и....и».... *(заикается)*.

КОРОБКИНЪ. А что́ жъ вы остановились?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. Да не четкое перо.... впрочемъ видно, что негодяй.

КОРОБКИНЪ. Дайте мнѣ! вотъ у меня, я думаю, получше глаза. *(Беретъ письмо)*.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ *(не давая письма)*. Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

КОРОБКИНЪ. Да позвольте, ужъ я знаю.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. Прочитать, я и самъ прочитаю,— далѣе, право, все разборчиво.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ. Нѣтъ, все читайте! вѣдь прежде все читано.

ВСѢ. Отдайте, Артемій Филипповичъ, отдайте письмо! *(Коробкину)*. Читайте!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. Сейчасъ *(отдаетъ письмо)*. Вотъ, позвольте..... *(закрываетъ пальцемъ)* вотъ отсюда читайте. *(Всѣ приступаютъ къ нему)*.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ. Читайте, читайте! вздоръ, все читайте!

КОРОБКИНЪ *(читая)*. «Надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ, Земляника: совершенная свинья въ ермолкѣ».

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ *(къ зрителямъ)*. И не остроумно! свинья въ ермолкѣ! гдѣ жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?

КОРОБКИНЪ *(продолжая читать)*. «Смотритель училищъ протухнулъ насквозь лукомъ».

ЛУКА ЛУКИЧЪ *(къ зрителямъ)*. Ей Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку!

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ *(въ сторону)*. Слава Богу, хоть покрайней мѣрѣ обо мнѣ нѣтъ!

КОРОБКИНЪ *(читаетъ)*. Судья....

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. Вотъ тебѣ на! *(Вслухъ)*. Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чортъ ли въ немъ, дрянь этакую читать!

ЛУКА ЛУКИЧЪ. Нѣтъ!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ. Нѣтъ, читайте!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. Нѣтъ, ужъ читайте!

КОРОБКИНЪ *(продолжаетъ)*. «Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ въ сильнѣйшей степени моветонъ».... *(останавливается)*. Должно быть Французское слово.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. А чортъ его знаетъ, что оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ быть того еще хуже.

КОРОБКИНЪ *(продолжая читать)*. «А впрочемъ, народъ гостепріимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь наконецъ пищи для души. Вижу, точно надо чѣмъ-нибудь высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкалитовку. *(Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ)*. Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ Санктпетербургѣ, въ Почтамтскую улицу, въ домѣ подъ нумеромъ девяносто седьмымъ, поворотя на дворъ въ третьемъ этажѣ, на право».

ОДНА ИЗЪ ДАМЪ. Какой репримантъ неожиданный!

ГОРОДНИЧІЙ. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу: вижу какія-то свинныя рыла, вмѣсто лицъ, а больше ничего.... Воротить, воротить его! *(Машетъ рукою)*.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ. Куда воротить! я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе.

ЖЕНА КОРОБКИНА. Вотъ ужъ точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія!

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. Однако жъ, чортъ возьми, господа! онъ у меня взялъ триста рублей въ займы.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. У меня тоже триста рублей.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ *(вздыхаетъ)*. Охъ! и у меня триста рублей.

БОБЧИНСКІЙ. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять-съ на ассигнаціи-съ, да-съ.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ *(въ недоумѣніи разставляетъ руки)*. Какъ же это, господа? какъ это въ самомъ дѣлѣ мы тамъ оплошали?

ГОРОДНИЧІЙ *(бьетъ себя по плечу)*. Какъ я — нѣтъ, какъ я, старый дуракъ! выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!... Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обокрасть, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!... Что губернаторовъ! *(Махнувъ рукой)* нечего и говорить про губернаторовъ....

АННА АНДРЕЕВНА. Но это не можетъ быть, Антоша: онъ обручился съ Машенькой!...

ГОРОДНИЧІЙ *(въ сердцахъ)*. Обручился! кукишъ съ масломъ— вотъ тебѣ и обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученьемъ!... *(Въ изумленіи)*. Вотъ смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака старому подлецу! *(Грозитъ самому себѣ кулакомъ)*. Эхъ ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! Вонъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаетъ колокольчикомъ! Разнесетъ по всему свѣту исторію! мало того, что пойдешь въ посмѣшище— найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? надъ собою смѣетесь!... Эхъ вы!... *(стучитъ со злости ногами объ полъ)*. Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, щелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку, туда ему! *(суетъ кулакомъ и бьетъ каблукомъ въ полъ)*.

Послѣ нѣкотораго молчанія.

До сихъ поръ не могу придти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну, что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было!

Вотъ просто ни на полмизинца не было похожаго — и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ *(разставивъ руки)*. Ужъ какъ это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туманъ какой-то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. Да кто выпустилъ, — вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! *(Показываетъ на Бобчинскаго и Добчинскаго)*.

БОБЧИНСКІЙ. Ей, ей, не я! и не думалъ...

ДОБЧИНСКІЙ. Я ничего, совсѣмъ ничего....

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. Конечно вы!

ЛУКА ЛУКИЧЪ. Разумѣется. Прибѣжали какъ сумасшедшіе изъ трактира: «Пріѣхалъ, пріѣхалъ, и денегъ не платитъ».... Нашли важную птицу!

ГОРОДНИЧІЙ. Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами.

ГОРОДНИЧІЙ. Только рыскасте по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя, сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

ЛУКА ЛУКИЧЪ. Колпаки!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. Сморчки короткобрюхіе! *(Всѣ обступаютъ ихъ)*.

БОБЧИНСКІЙ. Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

ДОБЧИНСКІЙ. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того....

БОБЧИНСКІЙ. А вотъ и нѣтъ; первые-то были вы.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢ ЖЕ И ЖАНДАРМЪ.

ЖАНДАРМЪ. Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостинницѣ. *(Произнесенныя слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ. Звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣніи)*.

Гоголь.

Примѣч. — Слова *Дудышкина:* «Мы, Русскіе, имѣемъ одну только комедію, которая вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ искусства: это «Ревизоръ» Гоголя. Разскажемъ вкратцѣ ея содержаніе».

«Ревизоръ» Гоголя есть цѣлый міръ, развившійся изъ одной идеи, міръ

оконченный, котораго всѣ части составляютъ одно органическое цѣлое. Этотъ міръ городничаго, жены его и дочери, Добчинскихъ и Бобчинскихъ, Земляники, Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ взволновался однимъ событіемъ, чрезвычайно важнымъ для плутовъ и мошенниковъ — пріѣздомъ ревизора. Этотъ пріѣздъ было то страшное событіе, котораго они боялись, которое безпрестанно рисовало имъ ихъ настроенное страхомъ воображеніе: до того времени они покойно жили въ своемъ городѣ, брали взятки и хоронили концы въ воду. Жизнь ихъ была однообразна и безъизвѣстна; городничій Сквозникъ-Дмухановскій бралъ взятки съ самоварниковъ и архибестій; Тяпкинъ-Ляпкинъ ловилъ рыбу въ мутной водѣ своего суда; Добчинскіе и Бобчинскіе бѣгали изъ одного дома въ другой, переносили вѣсти, сплетничали и угощали себя за свои труды на счетъ слушавшихъ ихъ болтовню. Жена городничаго и дочь его кокетничали съ уѣздными франтами съ усиками и безъ усовъ. Земляника жилъ на счетъ богоугодныхъ заведеній. Всѣ они жили кривымъ путемъ и всѣ боялись одного суда; у нихъ жизнь раздѣлилась на двѣ половины: въ одной предъ ними являлось обиліе благъ земныхъ и плутовство, а въ другой господствовалъ страхъ наказанія. Этотъ-то страхъ наказанія явился наконецъ въ лицѣ ревизора. Всѣ засуетились и въ головѣ ихъ Сквозникъ-Дмухановскій, какъ начало и конецъ этой уродливой жизни. Онъ преимущественно боится суда, а съ нимъ вмѣстѣ боится и его паства, дѣйствующая по началамъ, усвоеннымъ городничимъ. Но они лица второстепенныя, дополняющія только тѣ ужасы и бѣдствія, которые могутъ постигнуть преступнаго городничаго; они увеличивали его отвѣтственность, потому что мошенничали подъ его крыломъ. И такъ, пріѣздъ ревизора всколыхалъ весь этотъ маленькій міръ. Бобчинскій и Добчинскій приносятъ вѣсть о ревизорѣ... Городничій въ отчаяніи, потому что велѣлъ высѣчь невинную унтеръ-офицерскую жену, потому—что на улицахъ грязь, потому—что у него нѣтъ новой шпаги, а купцы не догадались подарить ему новую, хотя и видѣли, что старая шпага никуда не годится; потому—что квартальный не по чину беретъ, потому—что другой квартальный уѣхалъ разбирать случившуюся драку и воротился пьянъ. Добчинскаго, которому хочется разсказать еще что-нибудь о ревизорѣ, подмываютъ другія желанія, онъ проситъ городничаго позволить ему посмотрѣть въ щелочку на ревизора, когда къ нему войдетъ городничій: «такъ, знаете, изъ дверей только увидѣть, какъ тамъ онъ... больше сущность и поступки его, а я ничего.» Въ это же время, устарѣлая уѣздная кокетка торопится распросить мужа о томъ, съ усами ли ревизоръ и съ какими усами; ей это очень интересно: она думала еще кокетничать съ молодымъ человѣкомъ изъ Петербурга, потому-что тогда она будетъ гордо обходиться съ уѣздными франтами и даже презирать ихъ; она въ то же время начинаетъ ревновать и бранить дочь, которая слишкомъ долго занялась туалетомъ... Однимъ словомъ, цѣлый городъ высказалъ и то, что онъ ощутилъ при словѣ «ревизоръ», и то, чѣмъ онъ былъ прежде, какъ онъ жилъ. Этотъ волшебный пріѣздъ освѣтилъ всю прошедшую его жизнь и его настоящее ощущеніе. Каждый начинаетъ дѣйствовать по своему, гонимый страхомъ ревизорскаго имени, но каждый составляетъ только часть одной общей картины, воплотившей въ себѣ идею автора. Каждый составляетъ отдѣльное, художественно-выработанное лицо, но вмѣстѣ съ этимъ каждый есть только часть одного стройнаго цѣлаго, одной идеи, воплощенной творчествомъ въ живые образы. Хлестаковъ, догадавшись, что его принимаютъ за ревизора, подгулялъ отъ удовольствія и начинаетъ нести всякій вздоръ о себѣ; въ его и безъ того глупой головѣ все закружилось отъ неожиданныхъ обстоя-

тельствъ, отъ внезапнаго перехода отъ голода и почти тюрьмы къ сытному обѣду, вину, полному почету; онъ самъ уже не знаетъ, что съ нимъ дѣлается; въ головѣ у него двоится и Смирдинъ съ Брамбеусомъ, и «Библіотека» съ «Сумбекою;» онъ несетъ дичь и даже самъ не можетъ понять, что говоритъ.., Между тѣмъ, каждое его слово наводитъ ужасъ на жителей уѣзднаго городка; личность Хлестакова все больше и больше растетъ въ ихъ глазахъ. Наконецъ, Хлестакова задобриваютъ; онъ дѣлается любезенъ съ людьми, которые опасались его гнѣва. У людей этихъ снова возникаетъ жизнь, надежды; городничій воображаетъ себя уже въ Петербургѣ, воображаетъ дочь свою за мужемъ за такимъ человѣкомъ «что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадить, и все, что хочетъ». Городничій уже велитъ кричать о своемъ счастіи всему городу: «валять въ колокола, коли торжество, такъ торжество, чортъ возьми». Его завѣтныя мечты начинаютъ возникать передъ нами; онѣ были подавлены скромною жизнью уѣзднаго городка; но вотъ теперь выплываютъ изъ глубины его души во всемъ величіи; городничій воображаетъ себя генераломъ... Какъ вы думаете, зачѣмъ городничій хочетъ быть генераломъ? «Потому что, случится поѣдешь куда-нибудь, фельдъегери и ад ютанты поскачутъ впередъ: лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается, всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе; а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ, стой городничій. Ха, ха, ха! Вотъ что канальство заманчиво»!

«Городничій въ экстазѣ. Все, что роилось у него въ душѣ, все высказано отъ избытка счастія. Какъ чувство страха въ началѣ пьесы открыло одну часть души его и показало въ ней бездну сора, такъ чувство самодовольствія подняло не мало дряни изъ этой грубой природы. Но погодите! городничій еще не весь: онъ былъ низокъ отъ страха, былъ гнусенъ отъ счастья и гордости, посмотрите на него еще разъ: онъ узнаетъ, что его обманули что Хлестаковъ не ревизоръ, что все это были пустяки. Посмотрите въ третій разъ эту натуру, обиженную тѣмъ, что ее обманули, бѣснующуюся отъ досады. Городничій проведенъ, — городничій, который «тридцать лѣтъ жилъ на службѣ, котораго ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣть на уду, трехъ губернаторовъ обманулъ»! Во время этого бѣсованія городничаго и недоумѣнія окружающихъ его, является жандармъ съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора; герои комедіи окаменѣли отъ ужаса, и пьеса кончена — кончена, потому что вмѣстила въ себѣ полный, замкнутый міръ страстей, истекшихъ изъ основной идеи комедіи.

«Вотъ пьеса, въ которой есть единство, которая составляетъ цѣлое, въ которой герои прожили моментъ своей жизни, освѣтившій всю глубину души ихъ. Послѣ этой комедіи вы ихъ знаете». (Отеч. Зап. 1847, № 9. Отд. V стр. 34—36).

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ.

Лица.

Самсонъ Силычъ Большовъ, купецъ.
Аграфена Кондратьевна, его жена.
Олимпіада Самсоновна, (Липочка), ихъ дочь.
Лазарь Елизарычъ Подхалюзинъ, прикащикъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Гостиная въ домѣ Большова).

ЛИПОЧКА *(сидитъ у окна съ книгой)*. Какое пріятное занятіе эти танцы! Вѣдь ужъ какъ хорошо! Что можетъ быть восхитительнѣе? Пріѣдешь въ собраніе, али къ кому на свадьбу, сидишь, натурально, вся въ цвѣтахъ, разодѣта, какъ игрушка, али картинка журнальная, — вдругъ подлетаетъ кавалеръ: «удостойте счастія, сударыня»! Ну, видишь: если человѣкъ съ понятіемъ, али армейской какой — возьмешь, да и прищуришься, отвѣчаешь: «извольте, съ удовольствіемъ»! Ахъ! *(съ жаромъ)* оча-ро-ва-тельно! это, просто, уму непостижимо! *(Вздыхаетъ)* Больше всего не люблю я танцевать съ студентами да съ приказными. То ли дѣло отличаться съ военными! Ахъ, прелесть! восхищеніе! И усы, и эполеты, и мундиръ, а у иныхъ даже шпоры съ колокольчиками. Одно убійственно, что сабли нѣтъ! И для чего они ее отвязываютъ? Странно, ей Богу! Сами не понимаютъ, какъ блеснуть очаровательнѣе! Вѣдь посмотрѣли бы на шпоры, какъ онѣ звенятъ, особливо, если уланъ али полковникъ какой разрисовываетъ — чудо! Любоваться мило-дорого! Ну, а прицѣпи-ко онъ еще саблю: просто, ничего не увидишь любопытнѣе; одного грома лучше музыки наслушаешься. Ужъ какое же есть сравненіе: военный или штатскій? Военный — ужъ это сейчасъ видно: и ловкость и все; а штатскій-что? Такъ, какой-то неодушевленный! *(Молчаніе)*. Удивляюсь, отчего это многія дамы, поджавши ножки, сидятъ? Формально нѣтъ никакой трудности выучиться! Вотъ, ужъ я на что совѣстилась учителя, а въ двадцать уроковъ все рѣшительно поняла! Отчего это не учиться танцовать! Это одно только суевѣріе! Вотъ, маменька, бывало, сердится, что учителъ все за колѣнки хватаетъ. Все это отъ необразованія! Что за важность! Онъ танцмейстеръ, а не кто-нибудь другой. *(Задумывается)*. Воображаю я себѣ: вдругъ за меня посватается военный, вдругъ у насъ

парадный сговоръ: горятъ вездѣ свѣчки, ходятъ офиціанты въ бѣлыхъ перчаткахъ; я, натурально, въ тюлевомъ, либо въ газовомъ платьѣ, тутъ вдругъ заиграютъ вальсъ. А ну, какъ я передъ нимъ сконфужусь! Ахъ, стамъ какой! Куда тогда дѣваться-то? Что онъ подумаетъ? Вотъ, скажетъ, дура необразованная! Да нѣтъ, какъ это можно! Однако, я вотъ полтора года не танцовала! Попробую-ка теперь на досугѣ. *(Дурно вальсируя).* Разъ.... два.... три.... разъ.... два.... три.... *(Аграфена Кондратьевна входитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛИПОЧКА И АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Такъ, такъ, безстыдница! Какъ будто сердце чувствовало: ни свѣтъ, ни заря, не поѣмши хлѣба Божьяго, да ужъ и за пляску тотчасъ!

ЛИПОЧКА. Какъ, маменька, я и чай пила, и вотрушку скушала. Посмотрите, хорошо? Разъ.... два.... три.... разъ.... два....

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА *(преслѣдуя ее).* Такъ что жъ, что ты скушала? Нужно мнѣ очень смотрѣть, какъ ты грѣховодничаешь!... Говорю тебѣ, не вертись!...

ЛИПОЧКА. Что за грѣхъ такой! Нынче всѣ этимъ развлекаются. Разъ.... два....

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Лучше объ столъ лбомъ стучи, да ногами не озарничай! *(Бѣгаетъ за ней).* Да что жъ ты, съ чего же ты взяла не слушаться!

ЛИПОЧКА. Какъ не слушаться, кто вамъ сказалъ! Не мѣшайте, дайте кончить, какъ надобно! Разъ.... два.... три....

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Долго ль же мнѣ бѣгать-то за тобой на старости лѣтъ! Ухъ, замучила, варварка! Слышишь, перестань Отцу пожалуюсь!

ЛИПОЧКА. Сейчасъ, сейчасъ, маменька! Послѣдній кружокъ! Васъ на то и Богъ создалъ, чтобъ жаловаться. Сами-то вы для меня не очень значительны! Разъ.... два....

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Какъ! ты еще пляшешь, да еще ругаешься! Сію минуту брось! Тебѣ жъ будетъ хуже: поймаю за юбку, весь хвостъ оторву.

ЛИПОЧКА. Ну, да! рвите на здоровье! Вамъ же зашивать придется! Вотъ и будетъ! *(Садится).* Фу.... фу.... какъ упаточилась, — словно возъ везла! Ухъ! дайте, маменька, платочка, потъ обтереть.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Постой, ужъ я сама оботру!

Ишь, уморилась! А вѣдь и то сказать, будто неволили. Коли ужъ метари не почитаешь, такъ стѣнъ-то бы посовѣстилась! Отецъ, голубчикъ, черезъ великую силу ноги двигаетъ, а ты тутъ скачешь, какъ юла какая!

ЛИПОЧКА. Подите вы съ своими совѣтами! Что же мнѣ дѣлать, по вашему! Самой, что ли, хворать прикажете? Вотъ, другой манеръ, кабы я была докторша! ахъ, какія вы, маменька, ей-Богу! Право, мнѣ иногда краснѣть приходится отъ вашихъ словъ.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Каково дѣтище-то ненаглядное! Прошу подумать, какъ она мать-то честитъ! Ахъ, ты болтушка безтолковая! Да развѣ можно такими словами поносить родителей? Да неужто я затѣмъ на свѣтъ тебя родила, учила да берегла пуще соломенки?

ЛИПОЧКА. Не вы учили — посторонніе; полноте, пожалуйста; вы и сами-то, признаться сказать, ничему не воспитаны. Ну, что жъ? Родили вы — я была тогда что? ребенокъ, дитя безъ понятія, не смыслила обращенія. А выросла, да посмотрѣла на свѣтскій тонъ, такъ и вижу, что я гораздо другихъ образованнѣе. Что жъ мнѣ, потакать вашимъ глупостямъ! Какже! Есть оказія.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Уймись! эй, уймись, безстыдница! Выведешь ты меня изъ терпѣнія! прямо къ отцу пойду, такъ въ ноги и брякнусь! житья, скажу, нѣтъ отъ дочери, Самсонушко!

ЛИПОЧКА. Да, вамъ житья нѣтъ, воображаю! А мнѣ есть отъ васъ житье! Зачѣмъ вы отказали жениху? Чѣмъ не безподобная партія? Чѣмъ не кавидонъ? Что вы нашли въ немъ легковѣрнаго?

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. А то и легковѣрнаго, что зубоскалъ! Пріѣхалъ, ломался, ломался, вертѣлся, вертѣлся. Эка невидаль!

ЛИПОЧКА. Да, много вы знаете! Извѣстно, онъ благородный человѣкъ, такъ и дѣйствуетъ по деликатному. Въ ихнемъ кругу всегда такъ дѣлаютъ. Да какъ еще вы смѣете порочить такихъ людей, которыхъ вы и понятія не знаете? Онъ, вѣдь, не купчишка какой-нибудь *(Шепчетъ въ сторону)* Душка, милашка!

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Да, хорошъ душка! Скажите пожалуйста! Жалко, что не отдали тебя за шута гороховаго. Вѣдь, ишь ты, блажь-то какая въ тебѣ; вѣдь это ты на зло матери подъ носъ себѣ шепчешь.

ЛИПОЧКА. Видимый резонъ, что вы не хотите моего счастія. Вамъ съ тятенькой только кляузы строить да тиранничать.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Ну, какъ ты хочешь, такъ и думай. Господь тебѣ судья! А никто такъ не заботится о своемъ дѣтищѣ, какъ материнская утроба! Ты вотъ тутъ хохришься, да разныя глупости выколупываешь, а мы съ отцомъ-то и денно и

нощно заботимся, какъ бы тебѣ хорошаго человѣка найдти, да пристроить тебя поскорѣе.

ЛИПОЧКА. Да, легко вамъ разговаривать, а позвольте спросить, каково мнѣ-то?

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Развѣ мнѣ тебя не жаль, ты думаешь! Да что дѣлать-то! Вѣдь нельзя же тебѣ вдругъ жениха найдти: скоро-то только кошки мышей ловятъ.

ЛИПОЧКА. Что мнѣ до вашихъ кошекъ! Мнѣ мужа надобно! Что это такое! Стрямъ встрѣчаться съ знакомыми: въ цѣлой Москвѣ не могли выбрать жениха — все другимъ да другимъ. Кого не задѣнетъ за живое: всѣ подруги съ мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вотъ одинъ, такъ и тому отказали. Слышите, найдите мнѣ жениха, безпремѣнно найдите!... Впередъ вамъ говорю! А то для васъ же будетъ хуже: нарочно, вамъ на зло, по секрету заведу обожателя, съ гусаромъ убѣгу, да и обвѣнчаемся потихоньку.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Что, что безпутная! Кто вбилъ въ тебя такія скверности? Владыко милосердый! не могу съ духомъ собраться!.. Ну, нечего дѣлать! Видно, придется отца позвать.

ЛИПОЧКА. Только и ладитъ, что отца, да отца; бойки вы при немъ разговаривать-то, а попробуйте-ка сами!

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Такъ что же, я дура по твоему, что ли? Какія у тебя тамъ гусары, безстыжій твой носъ! Тьфу ты, дьявольское навожденіе! Али ты думаешь, что я не властна надъ тобой приказывать? Говори, безстыжіе твои глаза, съ чего у тебя взглядъ-то такой завистливый? Что ты прытче матери хочешь быть? У меня, вѣдь, не долго: я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! А!.... Ахъ, матушки вы мои! Посконный сарафанъ сошью, да вотъ на голову тебѣ и надѣну!

ЛИПОЧКА. Какже! Позволю я надъ собою командовать! Вотъ еще новости!

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Молчи, молчи, таранта егоровна! Уступи верхъ матери! Словечко пикнешь, такъ языкъ ниже пятокъ пришью. Вотъ послалъ Господь утѣшеніе! Мальчишка ты, и на умѣ-то у тебя все не женское! Готова, чай, вотъ на лошадь посолдатски вскочить!

ЛИПОЧКА. Вы, я воображаю, приплетете всѣхъ буточниковъ. Ужъ молчали бы лучше, коли не такъ воспитаны. Все я не хороша, а сами-то вы каковы послѣ этого! Что, вамъ угодно спровадить меня на тотъ свѣтъ прежде времени? извести своими капризами? *(Плачетъ)*. Что жъ, пожалуй, я ужъ и такъ, какъ муха какая, кашляю! *(Плачетъ)*.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА *(стоитъ и смотритъ на нее)*. Ну, полно, полно! *(Липочка плачетъ громче и потомъ рыдаетъ)*.

Ну, полно ты, полно! Говорятъ тебѣ, перестань! Ну, я виновата, перестань только, я виновата *(Липочка плачетъ)*. Липочка! Липа! Ну, будетъ! Ну, перестань! *(Сквозь слезы.)* Ну, не сердись ты на меня.... *(плачетъ)* бабу глупую.... неученую.... *(Плачутъ обѣ вмѣстѣ)*. Ну, прости ты меня.... сережки куплю.

ЛИПОЧКА *(плача)*. На что мнѣ сережки ваши, у меня и такъ полонъ туалетъ. А вы купите браслеты съ изумрудами.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!

ЛИПОЧКА *(сквозь слезы)*. Тогда и перестану, какъ замужъ выду *(плачетъ)*.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Выдешь, выдешь, голубчикъ ты мой! Ну, поцѣлуй меня! *(Цѣлуются)*. Ну, Христосъ съ тобой! Ну, дай я тебѣ слезки оботру! *(Обтираетъ)*. Вотъ, нынче хотѣла Устинья Наумовна придти, мы и потолкуемъ.

ЛИПОЧКА *(голосомъ еще неуспокоившимся)*. Ахъ, кабы она поскорѣй пришла!

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ X.

ПОДХАЛЮЗИНЪ И БОЛЬШОВЪ.

БОЛЬШОВЪ. Стряпчій былъ?

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Былъ-съ.

БОЛЬШОВЪ. Говорилъ ты съ нимъ?

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Да что, Самсонъ Силычъ, развѣ онъ чувствуетъ? Извѣстно, чернильная душа-съ! Одно ладитъ — объявиться несостоятельнымъ.

БОЛЬШОВЪ. Что жъ, объявиться, такъ объявиться—одинъ конецъ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Ахъ, Самсонъ Силычъ, что это вы изволите говорить!

БОЛЬШОВЪ. Что жъ, деньги заплатить? Да съ чего же ты это взялъ? да я лучше все огнемъ сожгу, а ужъ имъ ни копѣйки не дамъ. Перевози товаръ, продавай векселя; пусть тащутъ, воруютъ, кто хочетъ, а ужъ я имъ не плательщикъ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Помилуйте, Самсонъ Силычъ, заведеніе у насъ было превосходное, и теперь должно все въ разстройство придти.

БОЛЬШОВЪ. А тебѣ что за дѣло? Не твое было. Ты старайся только,—отъ меня забытъ не будешь.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Не нуждаюсь я ни въ чемъ послѣ вашего благодѣянія. И напрасно вы такой сюжетъ обо мнѣ имѣете. Я те-

перича готовъ всю душу за васъ отдать, а не то что бы какой фальшъ сдѣлать. Вы подвигаетесь къ старости, Аграфена Кондратьевна дама изнѣженная, Алимпіяда Самсоновна барышня образованная, и въ такихъ годахъ; надобно и объ ней заботливость приложить-съ. А теперь такія обстоятельства—мало ли что можетъ произойти изъ всего этого.

БОЛЬШОВЪ. А что такое произойдти можетъ? Я одинъ въ ловѣтѣ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Что объ васъ-то толковать! Вы, Самсонъ Силычь, отжили свой вѣкъ, слава Богу, пожили; а Алимпіяда-то Самсоновна, извѣстное дѣло, барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ. Я вамъ, Самсонъ Силычь, по совѣсти говорю, то есть, какъ это все по моимъ чувствамъ: если я теперича стараюсь для васъ, и всѣ мои усердія, можно сказать, не жалѣя пота-крови, прилагаю—такъ это больше потому самому, что жаль мнѣ вашего семейства.

БОЛЬШОВЪ. Полно, такъ ли?

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Позвольте-съ! Ну, положимъ, что все это благополучно кончится-съ, хорошо-съ; останется у васъ чѣмъ пристроить Алимпіяду Самсоновну; ну, объ этомъ и толковать нечего-съ; были бы деньги, а женихи найдутся-съ. Ну, а грѣхъ какой, сохрани Господи! какъ придерутся, да начнутъ по судамъ таскать, да на все семейсто этакая мораль пойдетъ, а еще, пожалуй, и имѣніе-то все отнимутъ: должны будутъ онѣ-съ голодъ и холодъ терпѣть, и безъ всякаго призрѣнія, какъ птенцы какіе беззащитные. Да это сохрани Господи! Это что жъ будетъ тогда? *(Плачетъ).*

БОЛЬШОВЪ. Да объ чемъ же ты плачешь-то?

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Конечно, Самсонъ Силычь, я это къ примѣру говорю—въ добрый часъ молвить, въ худой промолчать, отъ слова не станется; а вѣдь врагъ то силенъ—горами шатаетъ.

БОЛЬШОВЪ. Что жъ дѣлать-то, братецъ, ужъ, знать, такая воля Божія, противъ ея не пойдешь.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Это точно, Самсонъ Силычь! А все таки, по моему глупому разумѣнію, пристроить бы до поры до времени Алимпіяду Самсоновну за хорошаго человѣка; такъ ужъ тогда будетъ она по крайности, какъ за каменной стѣной-съ. Да, главное, чтобы была душа у человѣка, такъ онъ будетъ чувствовать. А то вонъ, что сватался за Алимпіяду Самсоновну, благородный-то, и оглобли назадъ поворотилъ.

БОЛЬШОВЪ. Какъ назадъ? Да съ чего это ты выдумалъ?

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Я, Самсонъ Силычь, не выдумалъ—вы спросите Устинью Наумовну. Должно быть, кто-нибудь прослышалъ, кто его знаетъ.

БОЛЬШОВЪ. А ну его! По моимъ дѣламъ теперь не такого нужно.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Вы, Самсонъ Силычь, возьмите въ разсужденіе. Я посторонній человѣкъ, не родной, — а для вашего благополучія ни дня, ни ночи себѣ покою не знаю, да и сердце-то у меня все изныло; а за него отдаютъ барышню, можно сказать, красоту неописанную, да и денегъ еще даютъ-съ; а онъ ломается, да важничаетъ, — ну есть ли въ немъ душа, послѣ этого всего?

БОЛЬШОВЪ. Ну, а не хочетъ, такъ и не надо, не заплачемъ!

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Нѣтъ, вы Самсонъ Силычь, разсудите объ этомъ: есть ли душа у человѣка? Я вотъ посторонній человѣкъ, да не могу же безъ слезъ видѣть всего этого. Поймите вы это, Самсонъ Силычь! Другой бы и вниманія не взялъ такъ убиваться изъ-за чужаго дѣла-съ; а вѣдь меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я ужъ васъ не оставлю; потому не могу — сердце у меня не такое.

БОЛЬШОВЪ. Да какъ же тебѣ оставить-то меня: вѣдь только и надежды-то теперь, что ты. Самъ я старъ, дѣла подошли тѣсныя. Погоди; можетъ, еще такое дѣло сдѣлаемъ, что ты и не ожидаешь.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Да не могу же я этого сдѣлать, Самсонъ Силычь. Поймите вы изъ этого; не такой я со всѣмъ человѣкъ! Другому, Самсонъ Силычь, конечно это все равно-съ, ему хоть трава не расти, а ужъ я не могу-съ; сами изволите видѣть-съ, хлопочу я, али нѣтъ-съ. Какъ чортъ какой убиваюсь я теперича изъ за вашего дѣла-съ; потому что не такой-съ я человѣкъ. Жалѣючи васъ это дѣлается, и не столько васъ, сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Кондратьева дама изнѣженная, Алимпіяда Самсоновна барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ-съ...

БОЛЬШОВЪ. Неужто и въ свѣтѣ нѣтъ?

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Ужъ конечно другой такой подобной красоты невозможно найдти на всемъ свѣтѣ.

БОЛЬШОВЪ. Влюбленъ ты что ли въ Алимпіяду Самсоновну? Такъ говори прямо!

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Вы, Самсонъ Силычь, можетъ, шутить изволите.

БОЛЬШОВЪ. Что за шутка! Я тебя безъ шутокъ спрашиваю.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Помилуйте, Самсонъ Силычь, смѣю-ли я это подумать-съ.

БОЛЬШОВЪ. А что жъ бы такое не смѣть-то? Что она княжна, что ли какая?

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Хотя и не княжна; да какъ бымши вы моимъ благодѣтелемъ и вмѣсто отца роднаго..... Да нѣтъ, Самсонъ Си-

лычъ, помилуйте, какъ же это можно-съ, неужли же я этого не чувствую!

большовъ. Такъ ты, стало быть, ее не любишь?

подхалюзинъ. Какъ же не любить-съ, помилуйте, кажется, больше всего на свѣтѣ.

большовъ. Такъ ты бы такъ и говорилъ, что люблю, молъ, больше всего на свѣтѣ.

подхалюзинъ. Да какъ же не любить-съ. Сами извольте разсудить: день думаю, ночь думаю.... то бишь, извѣстное дѣло, Алимпіяда Самсоновна барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ.... Да нѣтъ, этого нельзя-съ. Гдѣ же намъ-съ!

большовъ. Да чего же нельзя-то, дура-голова?

подхалюзинъ. Какъ же можно? Какъ знамши я васъ, какъ отца роднаго, и Алимпіяду Самсоновну-съ, и опять знамши себя, что я такое значу, — гдѣ же мнѣ-съ съ суконнымъ-то рыломъ-съ?

большовъ. Ничего, не суконное. Рыло какъ рыло. Былъ бы умъ въ головѣ,—а тебѣ ума-то не занимать стать, этимъ добромъ Богъ наградилъ. Такъ что же, Лазарь, посватать тебѣ, Алимпіяду-то Самсоновну, а? Красавицу-то неописанную?

подхалюзинъ. Да помилуйте, смѣю ли я? Алимпіяда-то Самсоновна, можетъ быть, на меня и глядѣть-то не захотятъ-съ!

большовъ. Важное дѣло! Не плясать же мнѣ по ея дудочкѣ на старости лѣтъ. За кого велю, за того и пойдетъ. Мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю. — Ты со мной-то толкуй.

подхалюзинъ. Не смѣю я объ этомъ съ вами говорить-съ. Не хочу подлецомъ быть противъ васъ.

большовъ. Экой ты, братецъ, глупый! Какбы я тебя не любилъ, нешто бы я такъ съ тобой разговаривалъ? Понимаешь ли ты, что я могу тебя на всю жизнь счастливымъ сдѣлать! Всю жизнь могу тебѣ даровать.

подхалюзинъ. А нешто я васъ не люблю, Самсонъ Силычъ, больше отца роднаго? Да накажи меня Богъ!...

большовъ. Ну, а дочь любишь?

подхалюзинъ. Изнылъ весь-съ! Вся душа-то у меня перевернулась давно-съ!

большовъ. Ну, а коли душа перевернулась, такъ мы тебя поправимъ. Владѣй Ѳаддей нашей Маланьей.

подхалюзинъ. Тятенька, за что жалуете? Не стою я этого, не стою! И физіономія у меня совсѣмъ не такая.

большовъ. Ну ее, физіономію! А вотъ я на тебя все имѣніе переведу; такъ послѣ кредиторы и пожалѣютъ, что по двадцати пяти копѣекъ не взяли.

подхалюзинъ. Еще какъ пожалѣютъ-то-съ!

БОЛЬШОВЪ. Ну, ты ступай теперь въ городъ, а ужотко заходи къ невѣстѣ; мы надъ пими шутку подшутимъ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Слушаю, тятенька-съ!

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ III.

(Гостинная въ домѣ Большова).

ЯВЛЕНІЕ II.

БОЛЬШОВЪ, АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА И ЛИПОЧКА.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнѣе, не зацѣпи. Посмотри-ка, Самсонъ Силычь, полюбуйся, сударь ты мой, какъ я дочку-то вырядила! Фу ты, прочь поди! Что твой розанъ піоновый! *(Къ ней).* Ахъ ты моя ангелика-царевна! *(Къ нему).* Что, Самсонъ Силычь, правда что ли? Только бы ей въ каретѣ ѣздить шестерней.

БОЛЬШОВЪ. Проѣдетъ и парочкой, — не великаго полета помѣщица!

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Ужъ извѣстно, не енеральская, а все, какъ есть, красавица!... Да приголубь ребенка-то, что, какъ медвѣдь, бурчишь.

БОЛЬШОВЪ. А какъ мнѣ еще приголубливать-то? Ручки что ль лизать, въ ножки клапяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднѣе.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Да ты что видалъ-то? Такъ что-нибудь. А вѣдь это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человѣкъ.

БОЛЬШОВЪ. Что жъ, что дочь? Слава Богу, — обута, одѣта, накормлена, — чего ей еще хочется?

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Чего хочется! Да ты, Самсонъ Силычь, очумѣлъ, что ли? Накормлена! Мало ли что, накормлена! — По христіанскому закону всякаго накормить слѣдствуетъ; и чужихъ призираютъ, не токма что своихъ, — а вѣдь это и въ люди сказать грѣхъ: какъ ни на есть, родная дѣтища!

БОЛЬШОВЪ. Знаемъ, что родная, — до чего жъ ей еще надо? Что ты мнѣ притчи эти растолковываешь? Не въ рамку же ее вдѣлать! Понимаемъ, что отецъ.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Да коли ужъ ты, батюшка, отецъ, такъ не будь свекоромъ! Пора кажется, въ чувство придти: разставаться скоро приходится, а ты и добраго слова не вымолвишь; долженъ бы на пользу посовѣтовать что-нибудь такое житейское. Нѣтъ въ тебѣ никакого обычаю родительскаго.

БОЛЬШОВЪ. А нѣтъ, такъ что жъ за бѣда: стало быть, такъ Богъ создалъ.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Богъ создалъ! Да самъ-то ты что? Вѣдь и она, кажется, созданія божеская, али нѣтъ? Не животная какая нибудь, прости Господи!... Да спроси у нея что-нибудь!

БОЛЬШОВЪ. А что я за спросъ? Гусь свиньѣ не товарищъ: какъ хотите, такъ и дѣлайте.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Да на дѣлѣ-то ужъ не спросимъ, — ты покедова-то вотъ. Человѣкъ пріѣдетъ чужой-посторонній, все таки, какъ хочешь примѣрный, а мужчина — не женщина — въ первый-то разъ наѣдетъ, не видамши-то его.

БОЛЬШОВЪ. Сказано, что отстань!

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Отецъ ты этакой, а еще родной называешься! Ахъ ты, дитятко моя заброшенная, стоишь словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились отъ тебя, да и знать не хотятъ. Присядь, Липочка, присядь, душечка, ненаглядная моя сокровища! *(Усаживаетъ)*.

ЛИПОЧКА. Ахъ, оставьте, маменька! измяли совсѣмъ.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Ну, такъ я на тебя издалки посмотрю!

ЛИПОЧКА. Пожалуй смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одѣться порядочно: вы тотчасъ разчувствуетесь.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Такъ, такъ, дитятко! да какъ взгляну-то на тебя, такъ вѣдь это жалости подобно.

ЛИПОЧКА. Что жъ, надо вѣдь когда-нибудь.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Все таки жалко, дурочка: ростили, ростили, да и выростили — да, ни съ того-ни съ сего, въ чужіе люди отдаемъ, словно ты надоѣла намъ, да наскучила глупымъ малымъ ребячествомъ, своимъ кроткимъ поведеніемъ. Вотъ, выживаемъ тебя изъ дому, словно ворога изъ города, а тамъ схватимся, да спохватимся, да и негдѣ взять. Посудите, люди добрые, каково жить въ чужой-дальней сторонѣ, чужимъ кускомъ давиться, кулакомъ слезы утираючи! Да, помилуй Богъ, неровнюшка выйдется, не ровенъ дуракъ навяжется, аль дуракъ какой — дурацкій сынъ! *(Плачетъ)*.

ЛИПОЧКА. Вотъ вы вдругъ и расплакались! Право, какъ не стыдно, маменька! Что тамъ за дуракъ!

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА *(плача)*. Да ужъ это такъ говорится, — къ слову пришлось.

БОЛЬШОВЪ. А объ чемъ бы ты это, слышно, разрюмилась? Вотъ спросить тебя, такъ сама не знаешь.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Не знаю батюшка, охъ не знаю; такой стихъ нашелъ.

БОЛЬШОВЪ. То-то вотъ, сдуру. Слезы у васъ дешевы.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Охъ, дешевы, батюшка, дешевы; и сама знаю, что дешевы, да что жъ дѣлать-то?

ЛИПОЧКА. Фи, маменька, какъ вы вдругъ! Полноте! Ну, вдругъ пріѣдетъ — что хорошаго!

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Перестану, дитятко, перестану; сейчасъ перестану!

ЯВЛЕНІЕ V.

ЛИПОЧКА и ПОДХАЛЮЗИНЪ. *(Молчаніе).*

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Алимпіяда Самсоновна-съ! Алимпіяда Самсоновна! Но, кажется, вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-съ! Позвольте вашу ручку поцѣловать.

ЛИПОЧКА. Вы дуракъ; необразованный!

ПОДХАЛЮЗИНЪ. За что вы, Алимпіяда Самсоновна, обижать изволите-съ!

ЛИПОЧКА. Я вамъ одинъ разъ навсегда скажу, что не пойду я за васъ, не пойду.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Это какъ вамъ будетъ угодно-съ! Насильно милъ не будешь. Только я вамъ вотъ что доложу-съ....

ЛИПОЧКА. Я васъ слушать не хочу, отстаньте отъ меня! Какъ бы вы были учтивый кавалеръ: вы видите, что я ни за какія сокровища не хочу за васъ идти — вы бы должны отказаться.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Вотъ вы, Алимпіяда Самсоновна изволите говорить—отказаться. Только если я откажусь, что потомъ будетъ-съ?

ЛИПОЧКА. А то и будетъ, что я выйду за благороднаго.

ПОДХАЛЮЗИНЪ.. За благороднаго-съ! Благородный-то безъ приданаго не возьметъ.

ЛИПОЧКА. Какъ безъ приданаго? Что вы городите-то! Посмотрите-ка, какое у меня приданое-то — въ носъ бросится.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Тряпки-то-съ! Благородный тряпокъ-то не возьметъ. Благородному деньги нужны-съ.

ЛИПОЧКА. Что жъ! Тятенька и денегъ дастъ!

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Хорошо, какъ дастъ-съ! А какъ дать-то нечего? Вы дѣлъ-то тятенькиныхъ не знаете, а я ихъ очень хорошо знаю: тятенька-то вашъ банкрутъ-съ!

ЛИПОЧКА. Какъ банкрутъ? А домъ-то, а лавки?

ПОДХАЛЮЗИНЪ. А домъ-то и лавки мои-съ!

ЛИПОЧКА. Ваши?! Подите вы! Что, вы меня дурачить хотите? глупѣе себя нашли?

ПОДХАЛЮЗИНЪ. А вотъ у насъ законные документы есть! *(Вынимаетъ).*

ЛИПОЧКА. Такъ вы купили у тятеньки?

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Купилъ-съ!

ЛИПОЧКА. Гдѣ же вы денегъ взяли?

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Денегъ! У насъ, слава Богу, денегъ-то побольше, чѣмъ у какого благороднаго.

ЛИПОЧКА. Что жъ это такое со мной дѣлаютъ? Воспитывали, воспитывали, потомъ и обанкрутились! *(Молчаніе).*

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Ну, положимъ, Алимпіяда Самсоновна, что вы выйдете и за благороднаго, — да что жъ въ этомъ будетъ толку-съ? Только одна слава, что барыня, а пріятности никакой нѣтъ-съ. Вы извольте разсудить-съ: барыни-то часто сами на рынокъ пѣшкомъ ходятъ-съ. А если и выѣдутъ-то куда, такъ только слава, что четверня-то, а хуже одной-съ купеческой-то. Ей Богу, хуже-съ! Одѣваются тоже не больно пышно-съ. А если за меня-то вы, Алимпіяда Самсоновна выйдете-съ, — такъ первое слово: вы и дома-то будете въ шелковыхъ платьяхъ ходить-съ, а въ гости, али въ театръ-съ, окромя бархатныхъ и надѣвать не станемъ. Въ разсужденіи шляпокъ или салоповъ — не будемъ смотрѣть на разныя дворянскія приличія, а надѣнемъ какую чуднѣй! *(Молчаніе).* Если вы на счетъ физіономіи сумнѣваетесь, такъ это, какъ вамъ будетъ угодно-съ: мы также и фракъ надѣнемъ, да бороду обрѣемъ, либо такъ подстрижемъ, по модѣ-съ, это для насъ все одно-съ.

ЛИПОЧКА. Да! Вы всѣ передъ свадьбой такъ говорите, а тамъ и обманете.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Съ мѣста не сойдти, Алимпіяда Самсоновна! Анаѳемой хочу быть, коли лгу! Да это что-съ, Алимпіяда Самсоновна! Нешто мы въ этакомъ домѣ будемъ жить? Въ Каретномъ ряду купимъ-съ, распишемъ какъ: на потолкахъ это райскихъ птицъ нарисуемъ-съ, сиреновъ, капидоновъ разныхъ — поглядѣть только, будутъ деньги давать.

ЛИПОЧКА. Нынче ужъ капидоновъ-то не рисуютъ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Ну, такъ мы пукетами пустимъ. *(Молчаніе).* Было бы только съ вашей стороны согласіе, а то мнѣ въ жизни ничего не надобно. *(Молчаніе).* Какъ я несчастливъ въ своей жизни, что не могу никакихъ комплементовъ говорить.

ЛИПОЧКА. Для чего вы, Лазарь Елизарычь, по-французски не говорите?

ПОДХАЛЮЗИНЪ. А для того, что намъ не для чего. *(Молчаніе).* Осчастливьте, Алимпіяда Самсоновна, окажите этакое благоволеніе-съ. *(Молчаніе).* Прикажите на колѣни стать.

ЛИПОЧКА. Станьте! *(Подхалюзинъ становится).* Вотъ у васъ какая жилетка скверная!

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Эту я Тишкѣ подарю-съ, а себѣ на Кузнецкомъ мосту закажу, только не погубите! *(Молчаніе).* Что же, Алимпіяда Самсоновна-съ?

ЛИПОЧКА. Дайте подумать.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Да объ чемъ же думать-съ?

ЛИПОЧКА. Какъ же можно не думать?

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Да вы не думамши.

ЛИПОЧКА. Знаете что, Лазарь Елизарычь!

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Что прикажете-съ?

ЛИПОЧКА. Увезите меня потихоньку.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Да за чѣмъ же потихоньку-съ, когда такъ тятенька съ маменькой согласны?

ЛИПОЧКА. Да такъ дѣлаютъ. Ну, а коли не хотите увезти, — такъ ужъ, пожалуй, и такъ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Алимпіяда Самсоновна! Позвольте ручку поцѣловать. *(Цѣлуетъ, потомъ вскакиваетъ и подбѣгаетъ къ двери).* Тятенька-съ!...

ЛИПОЧКА. Лазарь Елизарычь, Лазарь Елизарычь! Подите сюда.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Что вамъ угодно-съ?

ЛИПОЧКА. Ахъ, еслибы вы знали, Лазарь Елизарычь, какое мнѣ житье здѣсь! У маменьки семь пятницъ на недѣлѣ, тятенька, какъ не пьянъ, такъ молчитъ, а какъ пьянъ, такъ прибьетъ, того и гляди. Каково это терпѣть образованной барышнѣ! Вотъ какъ бы я вышла за благороднаго, такъ я бы и уѣхала изъ дому и забыла бы обо всемъ этомъ. А теперь все опять пойдетъ по старому.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Нѣтъ-съ, Алимпіяда Самсоновна, не будетъ этого! Мы, Алимпіяда Самсоновна, какъ только сыграемъ свадьбу, такъ перейдемъ въ свой домъ-съ. А ужъ мы имъ командовать не дадимъ-съ. Нѣтъ, ужъ теперь кончено-съ! Будетъ съ нихъ — почудили на своемъ вѣку, теперь намъ пора!

ЛИПОЧКА. Такъ смотрите же, Лазарь Елизарычь, мы будемъ жить сами по себѣ, а они сами по себѣ. Мы заведемъ все по модѣ, а они какъ хотятъ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Ужъ это какъ и водится-съ.

ЛИПОЧКА. Ну, теперь зовите тятеньку. *(Встаетъ и охорашивается передъ зеркаломъ).*

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Тятенька-съ! тятенька-съ! маменька-съ!

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ IV.

БОЛЬШОВЪ, АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА, АЛИМПІАДА САМСОНОВНА И ПОДХАЛЮЗИНЪ.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Гдѣ онъ? гдѣ онъ? Родные вы мои, голубчики вы мои! *(Цѣлуются).*

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Тятенька, здравствуйте, паше почтеніе!

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Голубчикъ ты мой, Самсонъ Силычь, золотой ты мой! Оставилъ ты меня сиротой на старости лѣтъ!

БОЛЬШОВЪ. Полно, жена, перестань!

ЛИПОЧКА. Что это вы, маменька, точно по покойникѣ плачете! Не Богъ знаетъ, что случилось.

БОЛЬШОВЪ. Оно точно, дочка, не Богъ знаетъ что, а все таки отецъ твой въ ямѣ сидитъ.

ЛИПОЧКА. Что жъ такое!

БОЛЬШОВЪ. Да каково сидѣть-то! Каково по улицѣ-то идти съ солдатомъ! Охъ, дочка! Вѣдь меня сорокъ лѣтъ въ городѣ-то всѣ знаютъ, сорокъ лѣтъ всѣ въ поясъ кланялись, а теперь мальчишки пальцами показываютъ.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. И лица-то на тебѣ нѣтъ, голубчикъ мой! Словно ты съ того свѣта выходецъ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Э, тятенька, Богъ милостивъ! Все перемелется — мука будетъ. Что же, тятенька, кредиторы-то говорятъ?

БОЛЬШОВЪ. Да что: на сдѣлку согласны. Что, говорятъ, тянуть-то, еще возмешь-ли, нѣтъ-ли, а ты что-нибудь чистыми дай, да и Богъ съ тобой.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Отчего же не дать-съ? Надать дать-съ! А много ли, тятенька, просятъ?

БОЛЬШОВЪ. Просятъ-то двадцать пять копѣекъ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Это, тятенька, много-съ!

БОЛЬШОВЪ. И самъ, братъ, знаю, что много, да что жъ дѣлать-то? Меньше не берутъ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Какъ бы десять копѣекъ, такъ бы ладно-съ. Семь съ половиною на удовлетореніе, а двѣ съ половиною на конкурсные расходы.

БОЛЬШОВЪ. Я такъ-то говорилъ, да и слышать не хотятъ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Зазнались больно! А не хотятъ они восемь копѣекъ въ пять лѣтъ.

БОЛЬШОВЪ. Что жъ, Лазарь, придется и двадцать пять дать, вѣдь мы сами прежде такъ предлагали.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Да какъ же, тятенька-съ! Вѣдь вы тогда сами изволили говорить-съ, больше десяти копѣекъ не давать-съ. Вы сами разсудите: по двадцати пяти копѣекъ денегъ много. Вамъ, тятенька, закусить чего не угодно ли-съ? Маменька! прикажите водочки подать, да велите самоварчикъ поставить, ужъ и мы для компаніи выпьемъ-съ. — А двадцать пять копѣекъ много-съ!

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Сейчасъ, батюшка, сейчасъ! *(Уходитъ).*

БОЛЬШОВЪ. Да что ты мнѣ толкуешь-то: я и самъ знаю, что много, да какъ же быть-то. Потомятъ года полтора въ ямѣ-то, да каждую недѣлю будутъ съ солдатомъ по улицамъ водить, а еще, того гляди, въ острогъ перемѣстятъ: такъ радъ будешь и полтину дать. Отъ одного срама-то не знаешь куда спрятаться. *(Аграф. Кондр. съ водкой; Тишка вноситъ закуску и уходитъ).*

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Голубчикъ ты мой! Кушай, батюшка, кушай! Чай тебя тамъ голодомъ изморили!

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Кушайте, тятенька! Не взыщите, чѣмъ Богъ послалъ!

БОЛЬШОВЪ. Спасибо, Лазарь, спасибо! *(Пьетъ).* Пей-ка самъ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. За ваше здоровье! *(Пьетъ).* Маменька! не угодно ли-съ? Сдѣлайте одолженіе!

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. А, батюшки, до того ли мнѣ теперь! Божеское попущеніе! Ахъ, ты, Господи Боже мой! Ахъ ты, голубчикъ мой!

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Э, маменька, Богъ милостивъ, какъ-нибудь отдѣлаемся! Не вдругъ-съ.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Дай-то Господи! А то ужъ и я-то, на него глядя, вся измаялась.

БОЛЬШОВЪ. Ну, какъ-же, Лазарь?

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Десять копѣечекъ, извольте, дамъ-съ.

БОЛЬШОВЪ. А пятнадцать-то гдѣ же я возьму? Не изъ рогожи-жъ мнѣ ихъ шить.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Я, тятенька-съ, не могу-съ! Видитъ Богъ, не могу-съ!

БОЛЬШОВЪ. Что ты, Лазарь, что ты! Да куда-жъ ты деньги-то дѣлъ?

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Да вы извольте разсудить: я вотъ торговлей завожусь, домишко отдѣлалъ. Да выкушайте чего-нибудь, тятенька! Вотъ хоть мадерцы что ли-съ! Маменька, поподчуйте тятеньку.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Кушай, батюшка, Самсонъ Силычь! Кушай! Я тебѣ, батюшка, пуншикъ налью!

БОЛЬШОВЪ. Выручайте, дѣтушки, выручайте!

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Вотъ вы, тятенька, изволите говорить, куда я деньги дѣлъ? — Какъ же-съ? Разсудите сами-съ: торговать начинаемъ, извѣстное дѣло, безъ капитала нельзя-съ, взяться не чѣмъ; вотъ домикъ купилъ, заведеньице всякое домашнее завели, лошадокъ, то, другое. Сами изволите разсудить! Объ дѣтяхъ подумать надо.

ЛИПОЧКА. Что жъ, тятенька, нельзя же намъ самимъ не-причемъ остаться. Вѣдь мы не мѣщане какіе-нибудь.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Вы, тятенька, изволите разсудить: нынче безъ капитала нельзя-съ, безъ капиталу-то не много наторгуешь.

ЛИПОЧКА. Я у васъ, тятенька, до двадцати лѣтъ жила—свѣту не видала. Что же мнѣ прикажете отдать вамъ деньги, а самой опять въ ситцевыхъ платьяхъ ходить?

БОЛЬШОВЪ. Что вы! Опомнитесь! Вѣдь я у васъ не милостыню прошу, а свое же добро. Люди ли вы? Лазарь! да ты вспомни-ка, вѣдь я тебѣ все отдалъ, все до чиста; вотъ что себѣ оставилъ, видишь! Вѣдь я тебя мальчишкой въ домъ взялъ, безчувственный человѣкъ! Поилъ, кормилъ вмѣсто отца роднаго, въ люди вывелъ. А видѣлъ ли я отъ тебя благодарность какую? Видѣлъ ли? Вспомни то, Лазарь, сколько разъ я замѣчалъ, что ты на руку не чистъ! Что жъ? Я вѣдь не прогналъ тебя, не ославилъ на весь городъ. Я тебя сдѣлалъ главнымъ прикащикомъ, тебѣ я все свое состояніе отдалъ, да тебѣ же, Лазарь, я отдалъ и дочь-то своими руками. А не случись со мною этого попущенія, ты бы на нее и глядѣть-то не смѣлъ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Помилуйте, тятенька, я все это очень хорошо чувствую-съ!

БОЛЬШОВЪ. Чувствуешь ты! Ты бы долженъ все отдать, какъ я, въ одной рубашкѣ остаться, только бы своего благодѣтеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мнѣ; ты заплати за меня только, что теперь слѣдуетъ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Отчего бы не заплатить-съ, да просятъ цѣну, которую совсѣмъ несообразную.

БОЛЬШОВЪ. Да развѣ я прошу! Я изъ за каждой вашей копѣйки просилъ, просилъ, въ ноги кланялся, да что же мнѣ дѣлать, когда не хотятъ уступить ничего?

ЛИПОЧКА. Мы, тятенька, сказали вамъ, что больше десяти копѣекъ дать не можемъ.

БОЛЬШОВЪ. Ужъ ты скажи, дочка, ступай, молъ, ты, старый, въ яму! Да, въ яму! Въ острогъ его, стараго дурака! И за дѣло: не гонись за большимъ, будь доволенъ тѣмъ, что есть. А за большимъ погонишься, и послѣднее отнимутъ, оберутъ тебя до-чиста,

и придется тебѣ бѣжать на Каменный мостъ, да бросаться въ Москву рѣку. Да и оттедова тебя за языкъ вытянутъ, да въ острогъ посадятъ. *(Всѣ молчатъ. Большовъ пьетъ).* А вы подумайте, каково мнѣ теперь въ яму-то идти! Что-жъ мнѣ зажмуриться, что ли? Мнѣ Ильинка-то теперь за сто верстъ покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинкѣ-то идти? Это все равно, что грѣшную душу дьяволы, прости Господи, по мытарствамъ тащатъ. А тамъ мимо Иверской: какъ мнѣ взглянуть-то на Нее, на Матушку? Знаешь, Лазарь: Іуда, вѣдь онъ тоже Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ.... А что ему за это было?... Вѣдь я злостный, умышленный.... Вѣдь меня въ Сибирь сошлютъ. Господи! Коли такъ не дадите денегъ, дайте Христа ради! *(Плачетъ).*

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Что вы, что вы, тятенька? Полноте! Богъ милостивъ! Что это вы? Поправимъ какъ-нибудь. Все въ нашихъ рукахъ.

БОЛЬШОВЪ. Денегъ надо, Лазарь, денегъ! Больше нечѣмъ поправить. Либо денегъ, либо въ Сибирь. Лазарь, вспомни: вѣдь мы вмѣстѣ деньги-то и товаръ прятали, вѣдь намъ одинъ конецъ обоимъ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. И денегъ дадимъ-съ, только бы отвязались! Я, такъ и быть, еще пять копѣечекъ прибавлю.

БОЛЬШОВЪ. Эки года! Есть ли въ васъ христіанство? Двадцать пять копѣекъ надо, Лазарь!

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Нѣтъ, это, тятенька, много; ей Богу, много!

БОЛЬШОВЪ. Змѣи вы подколодныя! *(Опускается головой на столъ).*

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Варваръ ты, варваръ! Разбойникъ ты этакой! Нѣтъ тебѣ моего благословенія! Изсохнешь вѣдь и съ деньгами-то; изсохнешь, не доживъ вѣку. Разбойникъ ты этакой, разбойникъ!

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Полноте, маменька, Бога-то гнѣвить! Что это вы клянете насъ, не разобравши дѣла-то! Вы видите, тятенька захмѣлѣлъ маленько, а вы ужъ, и на-поди!

ЛИПОЧКА. Ужъ вы, маменька, молчали бы лучше! А то вы рады проклясть въ преисподнюю.

БОЛЬШОВЪ *(встаетъ)*. Ну, прощайте, дѣти!

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Что вы, тятенька, посидите! Надобно же какъ нибудь дѣло-то кончить!

БОЛЬШОВЪ. Да что кончать-то? Ужъ я вижу, что дѣло кончено. Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ! Ты ужъ не плати за меня ничего: пусть что хотятъ, то и дѣлаютъ. Прощайте, пора мнѣ!

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Прощайте, тятенька! Богъ милостивъ—какъ-нибудь обойдется!

БОЛЬШОВЪ. Прощай, жена!

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Прощай, батюшка, Самсонъ Силычь! Когда къ вамъ въ яму-то пущаютъ?

БОЛЬШОВЪ. Не знаю!

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Ну, такъ я навѣдаюсь: а то умрешь тутъ, не видавши-то тебя.

БОЛЬШОВЪ. Прощай, дочка! Прощайте, Алимпіяда Самсоновна! Ну, вотъ вы теперь будете богаты! заживете по-барски. По гуляньямъ это, по баламъ — дьявола тѣшить! А не забудьте вы, Алимпіяда Самсоновна, что есть клѣтки съ желѣзными рѣшетками, сидятъ тамъ бѣдные-заключенные. Не забудьте насъ, бѣдныхъ-заключенныхъ. *(Уходитъ съ Аграфеной Кондратьевной).*

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Эхъ, Алимпіяда Самсоновна-съ! Не ловко-съ! Жаль тятеньку, ей Богу жаль-съ! Нешто поѣхать самому поторговаться съ кредиторами? Аль не надо-съ? Онъ-то самъ лучше ихъ разжалобитъ. А? Аль ѣхать? Поѣду-съ! Тишка!

ЛИПОЧКА. Какъ хотите, такъ и дѣлайте — ваше дѣло. *(Уходитъ).*

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Тишка! *(Входитъ)* Подай сюртукъ, котораго хуже нѣтъ. *(Тишка уходитъ).* А то подумаютъ: богатъ должно быть! въ тѣ поры и не сговоришь.

Островскій [1]).

---

[1]) Современный писатель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Происхожденіе драматической поэзіи. *К. О. Миллера* 1
Древне-Греческій театръ 12
Библіографическій указатель 13

ТРАГЕДІЯ.

Что такое трагическое? *Бѣлинскаго* 14
» » *Чернышевскаго* 15
Значеніе хора въ Греческой трагедіи. *Арбузова* 25

Эсхилъ.

Біографія Эсхила 29
Характеръ его трагедій . . . . . —
Библіографическій указатель 30
Прикованный Прометей. *Павловой* и *Илецкаго* 31
Объясненіе трагедіи. *Арбузова* 43
Смыслъ миѳа о Прометеѣ. *Бѣлинскаго* 47
Темы для учениковъ 48
Персы. *Ордынскаго* 49
Объясненіе трагедіи. *Его же* 64

Софоклъ.

Біографія Софокла 68
Характеръ его трагедій 69
Библіографическій указатель 70
Антигона. *Водовозова* и *Мартынова* 71
Объясненіе трагедіи. *Шестакова* 99
» » *Ореста Миллера* . . . . . —
Эдипъ Царь. *Шестакова* 101
Объясненіе трагедіи. *Кудрявцева* 125
Эдипъ въ Колонѣ. *Водовозова* 139
«Эдипъ» *Дюси* и *Озерова*. *Гарусова* 232
Темы для учениковъ 237

Еврипидъ.

Біографія Еврипида. *Тихоновича* 238
Характеръ его трагедіи. *Орбинскаго* 239
» » *Погребова* 245
Библіографическій указатель . . . . . —
Медея. *Тихоновича* 246
Объясненіе трагедіи. *Его же* 257
Гекуба. 261
Темы для учениковъ 266

Шекспиръ. Стр.

Біографія Шекспира 260
Изчисленіе его трагедій и комедій 263
Характеръ его трагедій. *Гервинуса* 269
» » *Карлейля* . . . . . —
» » *Карамзина*. 270
.... Мнѣніе *Фридриха Великаго* и *Вольтера* 271
Библіографическій указатель . . . . . —
Гамлетъ. *Загуляева, Кронеберга* и *Вронченки* 273
Характеристика Гамлета. *Гервинуса* 315
» » *Гизо* 328
Король Лиръ. *Дружинина* 332
Характеристика Лира. *Его же.* 347
» » *Гизо* 353
«Король Лиръ» и «Эдипъ въ Колонѣ». *Гарусова* 356

Шиллеръ.

Орлеанская Дѣва. *Жуковскаго* 359
Примѣч.—*Галахова* 367

Гёте.

Фаустъ. *Струговщикова* и *Веневитинова* 367
Примѣч.—*Галахова.* 376
Библіографическій указатель 377

Пушкинъ.

Борисъ Годуновъ 378

КОМЕДІЯ.

Теорія комическаго. *Шевырева* 389

Аристофанъ.

Біографія Аристофана 399
Характеръ его комедій . . . . . —
Библіографическій указатель 400
Облака. *Муравьева-Апостола* . . . . . —
Примѣч.—*Стасюлевича* 427

Фонвизинъ.

Недоросль 432
Примѣч.—*Дудышкина* 456
» *Кн. Вяземскаго* 458
» *Галахова* 461

Грибоѣдовъ.

Горе отъ ума 463
Примѣч.—*Гоголя* 504

Гоголь.

Ревизоръ 507
Примѣч.—*Дудышкина* 519

Островскій.

Свои люди сочтемся 522

OUK N42683